Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2025 – № 1 (40)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = **Verhnevolzhski philological bulletin :** научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. № 1 (40). 251 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-1-40. EDN ZTGLDY
2025, № 1 (40). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **А. С. Бокарев,** доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Т. А. Александрова,** кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, советник ректората по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу,** доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Авторы статей, 2025

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2025. № 1 (40). 251 pages. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-1-40. EDN ZTGLDY

2025, № 1 (40). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. S. Bokarev**, doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova,** Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, rector's advisor for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu,** doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration number:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2025
© Authors of the articles, 2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 (40) – 2025

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Болдырева Е. М. Актуализация архетипических значений образа быка в авторских мифах русских поэтов ____ 8

Мельник В. И. Религиозная основа протестных настроений в поэзии Н. А. Некрасова ____ 22

Бокарев А. С. Циклизация как форма рецепции советского дискурса в проекте Егора Летова «Враг народа» ____ 31

Колышева Е. Ю. История создания главы «Сон Никанора Ивановича» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» ____ 38

Дубаков Л. В. Буддийская оптика в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» ____ 51

Медиакоммуникации и журналистика

Корнадут К. Д. «Хроника текущих событий» в контексте отечественной журналистики 1960–1980-х гг. ____ 59

Чэнь Чжэ Функция официальных СМИ в кризисных коммуникациях (на материале школьного инцидента в г. Чэнду КНР) ____ 67

Русский язык

Шаповалова Т. Е. Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами ____ 77

Малинская Т. В. Реализация сочетания «в моменте» в Национальном корпусе русского языка ____ 85

Саминская Ю. Ю. Система причастий в русском языке: основные тенденции развития ____ 95

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лукин О. В. Лексикографические и грамматические труды Франца Гёльтергофа в контексте лингвистики XVIII века ____ 102

Доронина И. М. Телевизионные титры как текст-вербализатор категории вежливости ____ 112

Нурутдинова А. Р. Универсальные и специфичные лингвокультурологические особенности в паремиологических единицах в разноструктурных языках ____ 124

Ступина Е. С. Содержание термина «код» в гуманитарных исследованиях ____ 133

Ковалев Б. В. Лингвостилистическая классификация романов Марио Варгаса Льосы методом Delta Берроуза 141

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г. Влияние феминизации на национальную языковую политику Франции 150

Погорецкая О. А. Смысловая функция лингвокультурем в переводе (на материале итальянского политического дискурса) 162

Анисимов В. Е. Лингвокультурная локализация кинопостера (на материале французского языка) 175

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Погребняк Н. В. Контраст как средство конструирования образа политика в британских СМИ 189

Метелькова К. В. Неологизмы-зоонимы в современном немецком языке: лексикографический, словообразовательный и дискурсивный аспекты 201

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Новиков М. В. Партийно-государственное руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества в 1934–1945 гг. 210

Ли Юйхань Паратекст в межкультурном диалоге (на материале перевода романа Цао Сюэ-цинь «Сон в красном тереме») 224

Юргенева А. Л. Фотография в интернет-пространстве как новая форма карикатуры 234

Караваева Е. М. Деконструкция стереотипов образов азиатских женщин в американской культуре 245

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 1 (40) – 2025

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Boldyreva E. M. Actualizing archetypal meanings of the bull image in the russian poets' auteur myths __ 9

Melnik V. I. Religious bases for protest attitudes in N. A. Nekrasov's poetry ____ 22

Bokarev A. S. Cyclization as a form of soviet discourse reception in Yegor Letov's project «Enemy of the People» ____ 31

Kolysheva E. Yu. Background of the chapter The Dream of Nikanor Ivanovich in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita ____ 38

Dubakov L. V. Buddhist optics in Natalia Ilishkina's novel Ulan Dalai ____ 51

Media communication and journalism

Kornadut K. D. Chronicle of current events in the context of russian journalism in the 1960s-1980s ___ 59

Chen Zhe Official media functions in crisis communications (the case of the school accident in Chengdu, PRC) ____ 67

Russian language

Shapovalova T. E. Axiological semantics of statements with temporal substantive constructions ____ 77

Malinskaya T. V. Realization of the phrase «в моменте» in the National corpus of the russian language ____ 85

Saminskaya Yu. Yu. The system of participles in the russian language: the main evolution trends ____ 95

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Lukin O. V. Lexicographic and grammatical works by Franz Hölterhof in the context of the XVIII century linguistics ____ 102

Doronina I. M. Television credits as a text-verbalizer of the politeness category ____ 112

Nurutdinova A. P. Universal and specific linguocultural characteristics in paroemiological units in heterostructural languages ____ 124

Stupina E. C. The meaning of the term «code» in humanitarian studies ____ 133

Kovalev B. V. Lingvostylistic classification of Mario Vargas Llosa's novels by Burrows' Delta method ____ 141

Languages of foreign countries (romance languages)

Skuratov I. V., Epifantseva N. G. Feminization influence on the national language policy in France 150

Pogoretskaya O. A. The semantic function of linguoculturemes in translation (based on italian political discourse) 162

Anisimov V. E. Linguocultural localization of film posters (based on the french language) 175

Languages of foreign countries (germanic languages)

Pogrebnyak N. V. Contrast as a means of constructing the image of a politician in british mass media 189

Metelkova K. V. Zoonym neologisms in modern german: lexicographic, word-formation and discursive aspects 201

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Novikov M. V. Party and state leadership in the development of soviet-chinese cultural cooperation in 1934–1945 210

Li Yuhan Paratext in intercultural dialogue (based on the translated novel «Dream of the Red Chamber» by Cao Xue-qin) 224

Yurgeneva A. L. Photography in the Internet space as a new form of caricature 234

Karavaeva E. M. Deconstruction of asian women's stereotypes in american culture 245

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-8
EDN: UMPFSP

Актуализация архетипических значений образа быка в авторских мифах русских поэтов

Елена Михайловна Болдырева
Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР
e71mih@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262

Аннотация. В статье содержится анализ символического потенциала образа быка в произведениях китайских и русских поэтов разных эпох. На примере поэтических текстов Н. Львова, А. Толстого, К. Бальмонта, С. Кирсанова, Н. Асеева, И. Эренбурга, Е. Евтушенко, А. Ладинского, О. Мандельштама, М. Кузмина, И. Бродского, Б. Ахмадулиной, Н. Заболоцкого демонстрируется, как бык в русской поэзии утрачивает свой статус эмпирического образа и становится метафорой человеческой души, символом, воплощающим различные культурно-исторические явления, мифологические и фольклорные архетипы и являющимся важным компонентом индивидуально-авторских мифов, встроенным в сложную систему автореминисценций и вовлеченным в беспрерывную интертекстуальную игру. В статье рассматривается образ быка в соотнесении с темой корриды в русской поэзии, где бык становится подлинным трагическим героем и в безнадежно-горьком осознании своей жизни, изломанной людьми, насильственно вырвавшими его из естественного природного мира, лишившими его кровной связи с органически близкой средой, и в героико-романтической ипостаси, олицетворяя собой трагическую судьбу личности, героически противостоящей страшному миру и гибнущей в этой неравной схватке. Особое внимание уделяется религиозно-мифологической ипостаси образа быка в русской поэзии и включению образа быка в сложный символический контекст авторского мира, рассматривается солнечная символика быка, модели включения образа в религиозно-мифологические координаты и в сложную систему интертекстуальных перекличек, а также различные варианты авторской символики образа (символическое воплощение величественных природных сил, приобщения к Вселенной, волшебной призмы памяти, воскрешающей личное и универсальное прошлое и др.). В статье делается вывод, что бык в различных мифологических и художественных системах предстает как сложный амбивалентный образ, совмещающий в себе несочетаемые качества, символизируя одновременно жизнь и смерть, лунное и солнечное начала, мужскую и женскую сущности, могущество и покорность, агрессивность и сентиментальность, обреченность и величие бессмертия.

Ключевые слова: культурный символ; мифопоэтика; образ быка; архетип; русская лирика; китайская лирика; солярная символика; лирический герой; мотив памяти; автореминисценция; мотив корриды

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Актуализация архетипических значений образа быка в авторских мифах русских поэтов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 8–21. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-8. https://elibrary.ru/UMPFSP

© Болдырева Е. М., 2025

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Actualizing archetypal meanings of the bull image in the russian poets' auteur myths

Elena M. Boldyreva
Doctor of of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng str. 2, PRC
e71mih@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262

Abstract. The article analyzes symbolic potential of the bull image in the works of Chinese and Russian poets of different epochs. Based on the poetic texts by N. Lvov, A. Tolstoy, K. Balmont, S. Kirsanov, N. Aseev, I. Erenburg, E. Yevtushenko, A. Ladinsky, O. Mandelstam, M. Kuzmin, I. Brodsky, B. Akhmadulina, and N. Zabolotsky, the author demonstrates how the bull loses its status as an empirical image in Russian poetry and becomes a metaphor for the human soul, a symbol embodying various cultural and historical phenomena, mythological and folklore archetypes as well as being a significant component of individual auteur myths, integrated into a complex system of auto-reminiscences and involved in a constant intertextual game. The article considers the image of the bull in correlation with the theme of bullfighting in Russian poetry, where the bull becomes a true tragic hero and in the hopelessly bitter realization of its life, broken by people who forced it out of the natural world, depriving the bull of its blood relations with its native environment, and in the heroic-romantic hypostasis, symbolizing the tragic fate of an individual hero who confronts the terrible world and perishes in this unfair battle. Particular attention is paid to the religious and mythological hypostasis of the bull image in Russian poetry and the integration of the bull image into the complex symbolic context of the author's world. The author studies the solar symbolism of the bull, the models of integrating the image into religious and mythological coordinates and into the complex system of intertextual parallels, as well as various variants of the author's symbolism in the bull image (symbolic embodiment of majestic natural forces, belonging to the universe, a magic prism of memory that resurrects the personal and universal past, etc.). The article concludes that the bull in different mythological and art systems appears as a complex ambivalent image, combining incongruent qualities, symbolizing life and death at the same time, lunar and solar principles, male and female nature, power and submission, aggressiveness and sentimentality, doom and greatness of immortality.

Key words: cultural symbol; mythopoetics; the bull image; archetype; russian poetry; chinese poetry; solar symbolism; lyrical hero; motif of memory; auto-reminiscence; motif of bullfighting

The article has been written as part of the work of the Center for Russian-Speaking Countries Studies at the Southwest University, the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M. Actualizing archetypal meanings of the bull image in the russian poets' auteur myths. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):8–21. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-8. https://elibrary.ru/UMPFSP

Введение

Бык является семиотическим кодом практически во всех мировых культурах, выступая как один из важнейших зооморфных архетипов, позволяющих исследовать как закономерности исторического и культурного развития, так и уникальную специфику индивидуально-авторских художественных миров. Во второй части нашего исследования мы продолжаем рассматривать культурную символику образа быка в русской и китайской поэзии. В первой части работы [Болдырева, 2025] мы отметили, что символический потенциал образа быка в русской и китайской культуре поистине неисчерпаем (не случайна частая апелляция российских и китайских ученых к исследованию метафорических значений образов животных в русском и китайском языке и символики быка в пословицах, фразеологизмах, в традиционных верованиях, фольклоре и в целом в разных культурных парадигмах [莫娇, 2013; 乌日玛特, 2017; **安娜**, 2017; 张莹, 2024; **晏琳**, 2018; 张秋韵, 2021; **李洪武**, 2007; Лызлов, 2018; Чжоу, 2021; Кучукова, Берберова, 2021; Бурнаков, 2019; Альбедиль, 2009; Абросимова, 2010; Майногашева, 1982; Старостина 2022 и др.]), и рассмотрели образ быка в китайской поэзии на материале произведений таких поэтов разных эпох, как Ду Фу, Мэй Яочэнь, Гао Ци, Лу Юй, Ван Аньши, Ли Ган, Чэнь Цзуцзе, Бо

Цзюйи, Юань Мэй, Лю Цзунъюань, Чжан Цзи, Лэй Чжэнь, Гу Шаоминь, Бо Цзюйи, Юань Чэнфу, Лу Гуймэн. В китайском поэтическом дискурсе не акцентируются сакральные качества быка и его сложные символические смыслы, бык предстает как эмпирический образ с конкретными физическими характеристиками, основные лирические сюжеты связаны с изображением быка в его непосредственной сельскохозяйственной функции быка-труженика, быка пашущего, образ которого сопряжен с различными мотивными комплексами: мотив безнадёжной бесконечности труда, мотив несвободы и безропотной покорности быка, мотивы усталости, измученности, обессиленности, мотивы снега, ветра и холода, мотив тесной и неразрывной связи китайского крестьянина со своим верным другом и преданным помощником, который разделяет его судьбу и становится надежным гарантом стабильности и душевной гармонии, воплощая традиционные символические смыслы китайской культуры. В русской поэзии, в отличие от китайской, образ быка всегда является символическим, и даже если в поэтическом тексте перед нами предстает, казалось бы, реальный бык, эта конкретность и реалистичность сразу же утрачивается и развоплощается, а бык становится авторской метафорой, аккумулирующей в себе множество символических значений, как социокультурных и религиозно-мифологических, так и окказиональных индивидуально авторских. В данном исследовании на примере поэтических текстов Н. Львова, А. Толстого, К. Бальмонта, С. Кирсанова, Н. Асеева, И. Эренбурга, Е. Евтушенко, А. Ладинского, О. Мандельштама, М. Кузмина, И. Бродского, Б. Ахмадулиной, Н. Заболоцкого мы рассмотрим другие тенденции «бычьего» дискурса русской поэзии, акцентировав внимание на различных вариантах индивидуально-авторской символики быка в стихотворениях русских поэтов.

«В его глазах, больших и диких, была глубокая тоска»: бык и тема корриды в русской поэзии

Для китайской культуры традиционная испанская коррида – явление далекое и культурно чуждое. Конечно, существует такое понятие, как «китайская коррида», или гуаньню – это борьба с быками, которая берет начало со времен династии Юань и появляется в Цзясине как одно из традиционных развлечений народа хуэй. Правила гуаню не столь кровожадны, как в испанской корриде, заканчивающейся убийством быка, китайские борцы с быком за три минуты должны опрокинуть быка на землю, причем без использования какого-либо оружия, голыми руками, и гуаню заканчивается, когда бык повален на землю. Само собой разумеется, что данная традиция не получила отражения в китайской литературе, в отличие от литературы русской, которая просто не могла пройти мимо темы корриды. Феномен корриды неразрывно связан с фигурой быка, который в греческой мифологии являлся олицетворением верховного бога Зевса, и в основе испанской корриды лежит древний ритуал тавромахии, когда человек, сражаясь с быком, как бы сражается с божественными высшими силами, которые приняли облик быка. В русской поэзии XX века, начиная с 1920-х годов, активно разрабатывается тема корриды, но русская поэзия сочувствует не блистательному тореро, а быку. В стихотворении Николая Асеева «Бык» традиционное поэтическое описание корриды смещает акценты: подлинным героем оказывается не «первая Испании эспада», а бык. Тореро позиционируется как «вертлявый пикадор», бык же представлен как воплощение дикой, необузданной силы: «Ворочая тяжёлыми белками кровавых глаз», «он землю рвет, он бьёт песок, которым затушит жар». Рефрен «Иди ко мне, багровая Гренада, иди сюда!», «Иди сюда, багряная Гренада, взвивай свой плащ!» [Асеев, 1963, с. 268–270] отсылает к написанному годом ранее стихотворению М. Светлова «Гренада» и его революционно-романтическому колориту, не имеющего, заметим, ничего общего ни с реальной Гренадой-государством в карибском регионе, ни с гражданской войной в Испании, которая произойдет позже, когда Испания погрузится в лихолетье 1936–1939 годов и когда «Гренада» станет любимой песней воевавших на стороне народного фронта Испании интернациональных бригад. Бык, рвущий землю и бросающийся на блеск ножа, предстает в стихотворении Асеева в героическом ореоле революционной романтики, подобно герою-революционеру в огне гражданской войны, он обречен умереть, и этой смерти с нетерпением ждет толпа в амфитеатре, но эта изначальная обреченность переживается быком как единственно возможный, сладостно-смертельный жизненный путь, он готов «в рукоплесканьях молний, вздохнув – упасть»: «Ведь жить и значит: петь, любить и злиться и рвать в клочки, пока глядят оливковые лица, горят зрачки!» [Асеев, 1963, с. 268–270]. Бык в стихотворе-

нии Асеева уподобляется даже Пушкину: «Ведь так и жил, и шел, и падал Пушкин» [Асеев, 1963, с. 271], олицетворяя собой трагическую судьбу личности, героически противостоящей страшному миру и гибнущей в этой неравной схватке.

В стихотворении Семена Кирсанова «Бой быков» с самого начала задается диссонансная рифма с форсированным использованием взрывных согласных (бой – бок – бык), отсылающей нас к стихотворению В. Маяковского (которому, кстати, и посвящено это стихотворение) «Хорошее отношение к лошадям» (гриб – грабь – гроб – груб). На фоне легко порхающего по арене тореро, взмахивающего голубым плащом под восторженные крики толпы и летящие розы, бык тоже оказывается поистине трагическим героем. Фокализация в описании корридного боя беспрерывно меняется, настолько же стремительно, насколько меняется картина корриды. Экзальтированные крики толпы, ревущей в предвкушении феерически кровавого зрелища, сменяются «придушенным бычачьим плачем», который не слышит толпа, дважды лирическое повествование включено в кругозор наррации быка, когда рефреном звучит его внутренний монолог: «Он томился, стеная: – Мм-му!.. Я бы шею отдал ярму» [Строфы века, 1999, с. 449–450]. Бык в своих повторяющихся кратких монологах, предваряемых бессмысленно-безнадежным «мууууу», горько сетует на то, что лишен привычного органического контекста существования и насильственно помещен в чуждую его природе и сущности искусственную ситуацию корриды. Трагедия быка в том, что он утрачивает свое предназначение и вместо своих тысячелетиями устоявшихся функций («рыть поля и таскать пуды»), он, по сути, превращается в клоуна, лицедея, инструмент для удовлетворения потребности в зрелищах пошлой толпы. Легкость порхающего по арене тореадора контрастирует с тяжестью грузно ворочающегося быка. Моделируя отношение толпы к животному, Кирсанов, как и Маяковский, использует грубую просторечную уничижительную лексику (лошадь грохнулась, бычье хайло, куда вонзается бандерилья). Упавшая на Кузнецком лошадь Маяковского и упавший на корридной арене бык с горлом, пронзенным бандерильей, лошадиные слезы «за каплей каплища» и «придушенный бычачий плач» создают пронзительное ощущение безнадежной звериной тоски.

Трогательно-нежное отношение лирического героя Маяковского к лошади дает ей силы встать, обретя надежду на то, что «стоило жить и работать стоило», почувствовать себя юным жеребенком, бык Кирсанова периодически оказывается в фокусе восприятия сочувствующего и сострадающего сознания, но сознания имперсонального, он не получает эксплицитно выраженной поддержки, и в предсмертном тоскливом мычании он обречен на духовную и телесную энтропию: жизненная энергия вытекает из его тела вместе с «черным током» красной крови, и он опустошен настолько, что даже не находит слюны, чтобы плюнуть в лицо торжествующему противнику.

Такие же чувства – осознание своей судьбы, изломанной людьми, насильственно вырвавшими его из естественного природного мира, лишившими его кровной связи с органически близкой средой и изменившими его подлинную сущность («Трава, прости мне, что стал я другим, что меня от тебя отделили»), испытывает корридный бык в поэме Е. Евтушенко «Коррида». Из добрейшего теленка, «звездолобо глядящего на мир», он становится «громадой из шерсти и злобы» [Евтушенко, 1973, с. 23]. На первый взгляд, Евтушенко воспроизводит в своей поэме инвариантную модель сформировавшегося в русской поэзии корридного сюжета, следуя основным семантическим константам: описание жадной до развлечений толпы зрителей, которые, расталкивая друг друга локтями, бегут на «свежей крови запашок, убийства запах», страдающего быка, в которого одна за другой вонзаются бандерильи, совета бывшего тореро посвятить бой красотке с горящими глазами. Но все же в поэме Евтушенко есть как минимум три смысловых акцента, до него не встречающихся в русском корридном дискурсе. Во-первых, коррида представлена через множество сменяющих друг друга точек зрения, субъектами лирического повествования становятся толпа зрителей, сам бык, бандерильи, вонзающиеся в быка и разжигающие в нем злобное звериное начало, продавцы на корриде, продающие у кровавого песка «конфетки, бутербродики» и «холодное пивко», тореро и старый тореро, лошадь тореро, песок на корридной арене, прикрывающий кровавые следы преступления, метёлки-грабельки, разравнивающие кровавый песок, кровь, которая «в кожу быков изнутри колотила», и, наконец, испанский поэт, призывающий закончить этот вечный «спектакль-самосуд» с «бессмысленными жертвами», «не замазывать кровь, а учить по учебнику крови». В этот нарративный корридный калейдоскоп включены, бес-

прерывно сменяя друг друга, как реальные участники корридного спектакля, так и образные атрибуты кровавого действия, но все они сходятся в одном, общем, безжалостном фокусе: коррида – это коллективное преступление, убийство, субъектом которого является каждый (кроме быка, разумеется) и каждый вносит свою кровавую лепту в этот процесс, попирающий все нравственные законы.

Во-вторых, поэма Евтушенко – это, пожалуй, единственное произведение в «корридном тексте», где представлена не только трагедия быка, но и семантически изоморфная ей трагедия самого тореро, который постоянно слышит горькие слова матери, живущей «в одиноком крестьянском домишке, заросшем полынью и мятою» [Евтушенко, 1973, с. 51], мать упрекает сына в том, что он предал «свой плуг», поля, свою органическую подлинную сущность крестьянина, предал свое прошлое, свое детство, свои корни: «Ты убийца тех быков, что лизали нетвёрдое темя твоё безволосое…» [Евтушенко, 1973, с. 51]. Отравленный «ядом арены» тореро осознает, что совершаемые им убийства «по обязанности» не отмолятся никакой молитвой, кровь навсегда останется на его руках, а его поединок с быком – это не феерическое представление, а смертельный бой с врагом, мстящим ему «за братьев, которые мною заколоты». Не случайно эта же мысль включена в кругозор наррации быка, который горько-иронически замечает по поводу тореро: «Он бык, такой же, как я, но признать это, дурень, боится…» [Евтушенко, 1973, с. 51].

Наконец, в поэме Евтушенко коррида как конкретный исторический и социальный феномен превращается в глобальную картину вселенского, веками повторяющегося убийства, пространственно-временные рамки исчезают, «и полозья российских саней по севильской арене скрежещут! тело Пушкина тайно с всемирной корриды везут» [Евтушенко, 1973, с. 75]. На песке «всемирной корриды» проступает и кровь убитого фашистами Лорки, и кровь гражданской войны, соскобленная с асфальта Мадрида, образ быка встраивается в пантеон трагически погибших героев, и поэма завершается пламенным страстным призывом прекратить эти «многоточия крови» («Но довольно бессмысленных жертв! Но довольно коррид!» [Евтушенко, 1973, с. 84]).

Еще одна версия корриды представлена в стихотворении И. Эренбурга «Бой быков», где звучит тот же мотив глубокой и безнадежной тоски, что и у Кирсанова (в глазах быка «была глубокая тоска», «дрожали дротики обиды») и за боем быков в предвкушении сильных впечатлений наблюдает такая же толпа («зевак восторженные крики»). В отличие от быка Кирсанова, точно формулирующего причины своей трагедии – не пахать, не сеять, а ублажать жадную до кровавых зрелищ публику, бык Эренбурга лишен этого знания и понимания («Не понимал – кто окровавил Пустынь горячие пески, Не знал игры высоких правил И для чего растут быки» [Эренбург, 1964, с. 390]), он не понимает, чего от него хотят и куда гонят, но и это беспомощное незнание равно как и горькое осознание создают одинакового накала трагическую атмосферу. Эренбург развивает мотив предопределенности и абсолютной запрограммированности судьбы корридного быка, его короткий путь по прямой корридной арены – это всегда путь в смерть («бег напрямик томит меня» [Эренбург, 1964, с. 390]), и это мучает лирического героя, лишая его душевного спокойствия. В образе быка сопряжены два образных ряда, закрепляющие, с одной стороны, мотив дикости и необузданности быка («свирепость», «в его глазах больших и диких»), а с другой – мотив величия обреченного на смерть («я не забуду поступь бычью» [Эренбург, 1964, с. 390]). Не случайно в финале стихотворения Эренбург метафорически определяет позицию лирического героя в отношении корридной судьбы грозного животного: «сухой и каменный день» первого и одновременно последнего боя оказывается озарен «свирепостью, солнцем и величьем» быка, физически загнанного, униженного и уничтоженного, но экзистенциально – сохранившего в культурной памяти и свою неукротимую свирепую энергию, и свою величественную поступь, овеянную торжественным колоритом древних мифов и преданий, и свою «солнечную» сущность, породившую в мировой культуре устойчивую образную символическую парадигму «бык – солнце» (более подробно это будет рассмотрено нами в одном из следующих параграфов).

Таким образом, корридный текст русской поэзии XX века воспроизводит устойчивую ролевую модель: тореадор оказывается легкомысленно порхающим по арене вертлявым пикадором, амфитеатр – жаждущей хлеба и зрелищ, лишенной сострадания и сочувствия толпой, восторженно кричащей тореадору «Слава герою», а подлинным трагическим героем становится именно бык – и в своей героико-романтической

ипостаси, и в безнадежно-горьком осознании своей изломанной судьбы, и в покорной обреченности и страдании.

«Солнце-бык»: религиозно-мифологическая и символическая ипостась образа быка в русской поэзии

Самую большую часть в русском корпусе стихотворений о быках занимают поэтические тексты, где бык, окончательно утрачивая свой реальный эмпирический статус, становится многомерным культурным символом. И в этом смысле можно выделить три основные тенденции: бык как герой различных мифологических сюжетов (прежде всего античных), бык как воплощение символических смыслов различных мифологических систем и, наконец, бык как компонент индивидуально-авторского мифа, рассматриваемый в общем контексте творчества поэта, встроенный в сложную систему автореминисценций и вовлеченный в беспрерывную интертекстуальную игру.

Самый простой вариант этой тенденции – многочисленные поэтические иллюстрации различных мифологических сюжетов, связанных с быком, из которых наиболее частый – сюжет о похищении Европы Зевсом-Юпитером. Так, в оде Николая Львова «Похищение Европы» соединяются две поэтические тенденции, присущие творчеству Львова, в котором проявились многообразные литературные направления: от раннего сентиментализма и классицизма до раннего романтизма и апелляция к традициям Возрождения и античности (анакреонтика). С одной стороны, сам жанр оды обуславливает торжественно-возвышенное описание шествия быка-Юпитера, несущего на спине «жену сидонску», «сей бык» разделяет копытами волны, величественно и свободно «преходит океан», переплывает пучину, и на этом пути нет никаких границ и преград. В одической перспективе текст являет собой гимн во славу великого Юпитера, которому все подвластно («Но то Юпитер сам!» [Львов, 1994, с. 137]), перед которым расступаются воды океана, в отличие от других быков из стада, которым не по силам свершить подобное величественное чудо. Но, с другой стороны, это стихотворение является переводом Львова из Анакреона, где поэт использует особую переводческую стратегию, представляя первый в российской словесности опыт комментированного издания произведений греческой анакреонтики [Милюгина 2011, с. 172–189], поясняя в своих послетекстовых комментариях встречающиеся в переводе мифологемы и другие античные реалии, чтобы облегчить читателю понимание текста и способствовать его включению в особый мир античной культуры, в комментарии к данной оде Львов рассказывает, как Анакреон объясняет молодому человеку значение этой картины, указывает на более подробное ее описание в шестой книги «Превращений» Овидия, размышляет об умении древних людей ценить и видеть «красоты простой истины»: «Анакреон как живописец по одежде в женщине видит жену сидонскую, как стихотворец – важность быка, по действию его называет божественною, и, наконец, как Теогон, решит, что бык сей есть действительно Юпитер» [Львов, 1994, с. 138].

Другие акценты поставлены в стихотворении с тем же названием Антонина Ладинского. На первый взгляд, оно является очередной поэтической иллюстрацией мифа о похищении Европы, которую увлекает бык «в пределы печального моря», трубя о своей легкой победе. Но это лишь поверхностная трактовка, ориентированная на аллюзии из греческой мифологии. Стихотворение входит в цикл «Похищение Европы» (1932), открывая его и предваряя последующие исторические картины, представляющие собой уже миф о современной писателю Европе, о «болезни Европы», «закате Европы», не случайно в этой связи упоминание об ущербности Европы: «Европа, ты зябким и сирым // Летишь голубком, но куда?» [Ладинский, 2008, с. 62], которое отсылает к известной книге Освальда Шпенглера «Закат Европы», вышедшей в свет в 1918 году (1 том) и в 1922 году (2 том), не случайно в начале второй строфы упоминается «большой закат», на фоне которого Европа-корабль уходит в океан. Европа обречена на умирание, и ее сопоставление с летящим неизвестно куда зябким голубком вызывает ассоциацию с душой умершего человека, которая, согласно христианским представлениям, отлетает в виде такого же голубка в иной, высший мир, поскольку мир Европы как континента призрачный и непрочный, вынужденный расплачиваться за «воркованье», музыку» и «туман», то есть за расслабленное сознание и волю, за духовную и умственную неопределенность. В третьей, заключительной строфе, где возникают образы ломающей руки от горя Европы (одновременно и героини античной мифологии, и континента, переживающего свой закат) и ставшего полноправным и важным субъектом лирического повествования быка, который увлекает гибну-

щую цивилизацию не в бескрайние дали необъятного океана, а «в пределы печального моря». Показательно, что в итоговом стихотворении начального цикла Ладинского Европа уже не ломает руки от горя, а обвивает своими прелестными руками быка за шею, что символизирует окончательную духовную капитуляцию и Европы-девушки, и европейской цивилизации. Что касается символики образа быка, то вряд ли он воплощает у Ладинского свои традиционные мифологические значения жизненной силы, мудрости и божественной власти. Интересная интерпретация образа Быка представлена в исследовании Ф. Федорова, который отмечает, что «функция Быка у Ладинского подобна функции западногерманского Водана в романе Генриха Белля «Бильярд в половине десятого». «Причастие буйвола» (знак Водана – голова буйвола) – причастие насилию. Героиня романа говорит: «Поверь, мой дорогой, все они приняли „причастие буйвола»; каждый из них глуп как пень, глух как тетерев, а с виду так же безобиден, как тот сумасшедший – последнее воплощение буйвола» [Федоров, 2013, с. 145]. Во всяком случае в контексте стихотворного цикла Ладинского бык становится символом невероятной по силе брутальной энергии, мощи и насилия и знаменует собой завершение того пути, по которому пошла европейская цивилизация.

Как нами уже отмечалось ранее, во многих мифологических системах бык оказывается неразрывно связан с образами солнца, луны и в целом с небесной стихией. В произведениях древнего искусства бык зачастую был символически представлен в виде рогов, между которыми располагался диск солнца. Древнеегипетский бог плодородия Апис изображался в виде быка, который несет в своих рогах солнце. Связь быка с небесной символикой проявляется в том, что он является образным атрибутом богов – повелителей небесных природных стихий: и у восточных славян, ассоциировавших быка с богом грозы, и, например, у хеттов, древней индоевропейской народности, у которых бог грозы Тейшеба часто восседает на быке. В шумерской мифологии с Небесным быком сражается Гильгамеш, а бог луны изображается как Бык с синей бородой. Древние вавилоняне называли богом солнца («теленком Уту») своего главного бога Мардука, изображая его как крылатого быка. Многие легенды античной мифологии свидетельствуют о связи с быком бога солнца Гелиоса: в критского быка влюбляется его дочь Пасифая, ставшая матерью Минотавра, во многих античных мифах упоминаются «быки солнца», или «быки Гелиоса», которые паслись на острове Тринация. В космогонических представлениях древних земледельцев Бык-Солнце считался хозяином неба, и от него зависела смена времен года. Подобная глубоко укоренившаяся в различных мифологических системах солярная символика быка не могла не найти отражения в литературе (как, например, в стихотворении Алексея Толстого «Пастух» «огневой бык» на золотой цепи, ревущий высоко в небе однозначно ассоциируется с образом солнца), однако в творчестве русских поэтов солнечная символика быка, априорно подразумевающаяся как архетипическая константа, постоянно выводится авторами в пространство собственного мифомира и приобретает индивидуально-авторские коннотации.

Одним из самых «солнечных» поэтов, в творчестве которого неоднократно встречаются идентификации солнце – бык, безусловно можно считать Константина Бальмонта. Образ быка встречается во многих стихотворениях Бальмонта, и эта апелляция к образу быка, а точнее, быка-солнца, детерминирована у Бальмонта разными причинами. Прежде всего, это особая, неоромантическая, стихийная природа его художественного сознания: его неудержимо влекут природные стихии, и из четырех основных стихий (огонь, вода, воздух, земля) бык так или иначе связан с каждой. В стихотворении «Заговор к Духу Земли», заклиная и стремясь задобрить и призвать на помощи дух земли, лирический герой восклицает: «Дух Земли, ты с виду Бык» [Бальмонт, 2010, с. 233], веруя, что этот дух-бык универсальная движущая сила мироздания («Бык, кем движется весь мир»), способная своей магической силой и одновременно бычьей мощью и энергией навалиться на «ворога» и задавить его. В стихотворении «Небесный бык» бык одновременно воплощает в себе и стихию воздуха («небесный бык», «лазурь высоты»), и стихию воды («вечная река», «влажные нивы»), и, безусловно, стихию огня, поскольку бык уподобляется золотому солнцу и является главным участником мистерии, связанной с грозой, громом, молнией («На золотых рогах Небесного быка», «громный огонь», «Он гулко возопил, И прокатился гром» [Бальмонт, 2010, с. 298]). Заметим, что не стоит задаваться вопросом, почему бык становится для Бальмонта воплощением то Духа Земли, то солнца, поскольку в работе с поэтическим материалом Бальмонт постоянно демон-

стрирует «ветреность», лирическое непостоянство, стремление прикоснуться ко всему, глубоко не погрузившись ни во что, спеть гимны всем богам, приобщиться к разным культурным пластам, смешивая многообразные лирические впечатления в беспрерывный лирический коктейль. Семантическая связка бык – Солнце объясняется и важнейшей ролью данного символа в поэтическом космосе Бальмонта. В контексте его поэтической мифологии Солнце – это символ яркого, интенсивного жизненного начала, способность «быть как Солнце» как критерий ценности личности – это способность приобщиться к неудержимому солнечному потоку дионисийской энергии, не случайно в стихотворении столь часты словесные формулы с семантикой неукротимой силы и бешеной страсти («возликовал, стеня», «гулко возопил», «омут сил», «и в празднике огня до каждой есть прыжок» и др.), в которой в неразрывное единство соединены и солнечная, и «бычья» сущностные характеристики. Наконец, образ солнца-быка у Бальмонта может быть проинтерпретирован как одна из ипостасей его лирического героя, предстающего перед читателями как «сын Солнца», стихийный гений, огнепоклонник, неистовый и страстный любовник, Дон-Жуан, претендующий на всеохватность и всеядность и одновременно культивирующий мгновенность, мимолетность и лирическое непостоянство – как в освоении мира, так и в стихии всепоглощающей любовной страсти: небесный бык Бальмонта не привык любить «без громного огня», он в восторженно-экстатическом упоении под раскаты грома погружается в «омут сил» и готов к бесчисленным проявлениям неукротимой страсти («Три сотни для быка // Коров стоят вокруг. // И в празднике огня До каждой есть прыжок, // И каждая, стеня, // Любовный знает срок» [Бальмонт, 2010, с. 298]), остро ощущая сладостный разрыв «от острия любви». Таким образом, «солнце-бык» Бальмонта в контексте творчества поэта оказывается подчинен единой смысловой концепции полноты бытия, блаженства погружения в разнообразные жизненные стихии, он связан множеством интертекстуальных сцеплений с другими произведениями «солнечного текста» его поэзии – это и очередное воплощение его огненного девиза «Будем как Солнце», и идеальный синтез всех стихий мироздания, и одна из множества персонификаций лирического героя с его космизмом индивидуалистических дерзаний.

Еще одно стихотворение, где появляется солнце-бык, – это произведение Михаила Кузмина «Как матадоры красным глаз щекочут…» [Кузмин, 1996, с. 218]. Образный строй стихотворения Кузмина представлен большим количеством бычьей метафорики: красная листва рощ, трепещущих на ветру, сравнивается с красной тряпкой матадора, щекочущей глаза реального быка на корриде, лучи солнца, падающие в синий пруд, – с рогами быка, а весна – с порой яренья. Солнце-бык Кузьмина в аспекте универсальной общемифологической символики – это всевышний бог, высоко вознесшийся над суетным земным человеческим миром, его не интересуют мелкие бытовые дела людей, и, медленно передвигаясь по небу, он с безразличием взирает на землю. Но бык Кузмина – это синтетический, поливалентный образ, он одновременно и тусклое уставшее осеннее солнце, которое только весной вновь наполнится неукротимой жизненной энергией, и бык в его разных ипостасях и жизненных проявлениях: и корридный бык, уставший смотреть на красное полотнище, и теленок-сосунок на зеленой лужайке, и бык, охваченный возбуждением весенней поры любви и неудержимой стихией весеннего яренья. Кроме того, солнце-бык Кузмина вбирает в себя и отсветы других текстов поэта, становясь своего рода комплексом автореминисценций. Мотив корриды, имплицитно возникающей в связи с уподоблением трепещущей на ветру красной листвы осенних рощ с красным кумачом, которым матадор щекочет глаз быка, маркируют такую особенность поэтики Кузмина, как страсть читать мир сквозь призму разнообразных культурных традиций, игровое отношение к разнообразным культурным пластам в его многочисленных стилизациях, воссоздающих то атмосферу пасторальной галантности XVIII века, то лирику трубадуров, то дух дендизма. Стихотворение написано Кузминым в 1916 году и образ «осенних глаз» солнца-быка явно отсылает читателя к опубликованной четырьмя годами раньше книге «Осенние озера», художественная концепция которой заключается в том, что время имеет циклический характер и все важные события человеческой жизни (любовь, встречи, расставания) неразрывно «привязаны» к состоянию природы и особенно к времени года, то есть соотнесены с различными календарными и суточными циклами: подобно тому, как лирический субъект первого цикла книги «Осенние озера» поочередно оказывается в различных календарных координатах, преимущественно осенних и зимних, солнце-бык Кузмина проходит ту же календарно-

циклическую траекторию – от осенней усталости, через зимнее безразличие к радостному весеннему пробуждению.

Еще одна «версия» включения образа быка в сложный символический контекст авторского мира – мифа представлена в стихотворении Беллы Ахмадулиной «Быки», которое является переводом текста грузинского поэта Симона Чиковани. Отправной точкой поэтической рефлексии и важнейшим образом, неоднократно актуализируемым в стихотворении, становятся для поэта рога быков, медленно бредущих по осеннему лугу: «Что за рога украсили быка!», «о, их рога меня с ума свели», «добрые рога», «светлые рога» [Ахмадулина, 1997, с. 348]. Безусловно, в этом образе имплицитно, по умолчанию, содержатся все традиционные общекультурные символические значения. Рога в качестве общекультурного архетипа рассматривались и в работах К. Г. Юнга как фаллический символ и воплощение мужского начала, а полые рога как воплощение начала женственного [Юнг, 2011, с. 93], и в трудах Э. Кассирера и Х.-Г. Гадамера, утверждавших, что рога означают душевную силу и божественное, сверхъестественное начало. С древнейших времен рога символизируют плодородие и являются атрибутом дающего жизнь солнца, представая как солярный символ, порождающий смысловое единство рога и солнечного луча, и это сцепление проявлялось в многочисленных образах рогатых богов в различных мифологических системах. В стихотворении Ахмадулиной рога быков, конечно же, связаны с данным устойчивым архетипическим комплексом: они символизируют и плодородие (быки одурманены запахом урожая, пахнет «чем-то осенним, праздничным и сытым»), и солнечный свет (быки озарены красным светом вечернего заката), но более значимым оказывается другая, индивидуально-авторская символика рогов, становящихся магическим кристаллом памяти, воскрешающим далекое прошлое, как личное, так и универсальное прошлое того мира, который столь ценен для лирического героя. Он смотрит «сквозь эти добрые рога», и взгляд через эту волшебную призму позволяет лирическому герою войти в пространство памяти, мотив которой манифестируется форсированным использованием словесных формул с семантикой памяти («виноградник юности моей», «опять», «вижу то, что видывал когда-то», «мне помнится», «давно ли это было» [Ахмадулина, 1997, с. 348]). Быки предстают сначала как нечто неопределенное, они маркированы в первой строфе местоимением «что-то» и уподобляются облакам. «Я видел что-то чистое, рябое» – это одновременно и характеристика специфического окраса быков, и ассоциация с перистыми облаками, и, как показывает дальнейшее лирическое повествование, это свойство поэтической памяти – чистота и свет воскрешаемых в сознании лирического героя картин своей молодости, дискретность и прерывистость сменяющих друг друга кадров прошлого, не только личного, но и универсального, памяти места, памяти пространства: «О женщина, ведущая быка, сестра моя! Давно ли это было?» [Ахмадулина, 1997, с. 348]. Не случайно в эссе «Прекратим эти речи на миг», посвященном Симону Чиковани, Ахмадулина замечала, что поэт привлекал к себе «любовь пространства», растворяясь в нем [Ахмадулина, 1979, с.445]. Образ быков у Ахмадулиной в этом стихотворении неразрывно связан и с грузинской темой ее творчества, и соединен интертекстуальными перекличками с ее эссе, где упоминаются и пламенеющие быки, и таинственная невеста: «Мир… сверкал и сиял перед ним небывалостью причуд и расцветок. Опасно пламенели оранжевые быки, … Не говоря уже о бледной чьей-то невесте, которая… предстала перед ним, … таинственная и ослепительная» [Ахмадулина, 1979, с. 445]. Лирическое повествование разворачивается одновременно в двух планах – реальном (воспоминание героя, встретившегося с быками в своей юности) и символическом, волшебном мире памяти и творчества. Красные быки – это и быки, озаренные красным светом заката, и компонент сияющего многоцветного мира поэзии Чиковани. «Угрюмо напряженные белки» быков, смотрящих «добро, мне не угрожая» характеризуют и реальную ситуацию осенней усталости быков, накопившейся после сбора урожая, и аккумулируют в себе веками устоявшиеся символические качества животного: бык-пахарь, бык-труженик и бык-друг человека, дарящий ему тепло и добро, и связаны с одной из магистральных мотивных линий «грузинской темы» творчества Ахмадулиной: Грузия – это мир светлой радости и спасительного добра, это изобильный мир, который несет в себе духовное освобождение, где душа воскресает и обретает свет (об этом Ахмадулина неоднократно упоминала в своих эссе и в предисловиях к грузинским циклам стихотворений). «Виноградник юности моей» вызывает в памяти чистую «виноградовую сладость» «Снов о Грузии», сияющие, словно две свечи, рога бы-

ков отсылают к сквозному в поэзии Ахмадулиной образу свечи, которая всегда связана с мотивом добра и светлой «нежной» памяти, как, например, в стихотворении «Свеча»: «И Пушкин ласково глядит, и ночь прошла, и гаснут свечи, и нежный вкус родимой речи так чисто губы холодит» [Ахмадулина, 1997, с. 141]. И возникающие в финальной строфе мотивы тепла, света, тишины, которыми лирический герой просит его «одарить» неразрывно связаны с доминирующей эмоциональной партитурой «грузинского текста» творчества Ахмадулиной. В эссе «Воспоминание о Грузии» Ахмадулина описывает те чувства, которые охватили ее, когда она слушала грузинскую песню во время сбора винограда: «в ней была доброта, много любви, немного печали, нежная благодарность земле, воспоминание и надежда, а также все остальное, что может быть нужно человеку в такую счастливую и лунную ночь» [Ахмадулина, 1979, с. 440], и эта автореминисценция как молитва звучит в последнем аккорде стихотворения: «Пусть светлые рога быков твоих, как месяцы, восходят надо мною» [Ахмадулина, 1997, с. 349].

Еще один пример включения образа быка не только в существующие религиозно-мифологические координаты, но и в сложную систему интертекстуальных перекличек – стихотворение Осипа Мандельштама, которое является своего рода эпиграфом к его циклу «Армения»: «Как бык шестикрылый и грозный, здесь людям является труд // И, кровью набухнув венозной, // Предзимние розы цветут» [Мандельштам, 1994, с. 35]. С одной стороны, бык Мандельштама воплощает в себе традиционную символику тяжелого труда, черной, приземленной работы как преодоления трудных и «грозных» препятствий ради хлеба насущного. Но, с другой стороны, этот труд уподобляется у Мандельштама крылатому быку, и не просто крылатому, а шестикрылому. Упоминаний о крылатых быках не так много в мировой культуре, известны, например, ассирийские статуи крылатых быков или урартские бронзовые фигурки двукрылых быков. В комментариях к циклу «Армения» Г. Кубатьян отмечал, что Мандельштам, вероятно, мог увидеть в Армении, в селе Арени, в церкви святой Богородицы, барельеф крылатого быка, который являлся эмблемой Матфея, одного из четырех евангелистов [Кубатьян, 2005, с 148]. Что касается шестикрылого быка, то этот образ можно обнаружить лишь в одном из стихов Откровения Иоанна Богослова, когда в четвертой главе упоминаются четверо животных вокруг престола, каждое из которых имело «по шести крыл» и второе животное было «подобно тельцу». Грозный шестикрылый бык в этом четверостишии есть символ не черной приземленной работы, а труда особого, возвышенного и одухотворенного, осененного дыханьем Божьим, и только такой труд способен породить подлинную красоту: «Труд является людям исполинским и грозным, как бык, однако же шестикрылым, как серафим, и венчается красотою цветущих роз» [Кубатьян, 2005, с 150].

Заметим, что это вводное четверостишие намечает те образы и мотивы, которые будут дальше развертываться в цикле «Армения» и которые приобретают в творчестве Мандельштама статус интертекстуальных рефренов: это и розы, набухающие венозной кровью, и образ набухающих, вздувшихся от неимоверного напряжения вен (мотивный контрапункт розы и вздувшейся вены, возникает, например, в стихотворении «Летние стансы», отработанная венозная кровь – в стихотворении «Полночь в Москве…», «предзимние розы» встречались в различных редакциях «Соломинки» в виде «декабрьских роз» с голубой кровью или умирающих «заиндевелых роз»). В последующем тексте цикла «Армения» появится и «роза Гафиза», и плечи «мужицких бычачьих церквей», вновь соединяющие непосильный приземленный земной труд с высшим божественным началом. Таким образом, образ шестикрылого грозного быка у Мандельштама и в армянском дискурсе его творчества, и в целом в его поэтической мифологии символизирует идею о том, что тяжелый труд, если он осенен божественным духом, – это путь к выстраданной красоте, которая обретет вечность и нетленность в «прекрасном и яростном мире».

Образ быка как своего рода контрапункт основных мотивных линий и семантических тенденций в творчестве поэта неоднократно встречается и в лирике Николая Заболоцкого. Здесь в образе быка смыкаются две линии, две ведущие темы творчества Заболоцкого в целом – природа и искусство. В стихотворении «Прогулка» «Бык, беседуя с природой, удаляется в луга. Над прекрасными глазами светят белые рога» [Заболоцкий, 1983, с. 85]. Бык выступает здесь как одно из символических воплощений величественных природных сил, «беседуя» с природой и удаляясь от суетного человеческого мира, он как бы знаменует приобщение к Вселенной, торжественная картина шествия быка, орнаментированная лек-

сическими формулами возвышенной стилистики, предстает перед нами как гимн величию и безграничности природного мира. Безусловно, все упоминания о быке как одном их важнейших природных объектов нужно рассматривать в контексте натурфилософской концепции Заболоцкого, согласно которой после смерти человека произойдет метаморфоза его человеческой материи, его материальная оболочка превратится в другие формы материи, и он станет одной из составляющих природного мира, неважно, дерево это, вода или животное. В стихотворении «Метаморфозы» образ быка оказывается связан еще с одной магистральной темой лирики Заболоцкого, его особой концепцией искусства, когда через все стихотворение проходит серия уподоблений природных объектов и феноменов творчества: «Как всё меняется! Что раньше было птицей, Теперь лежит написанной страницей; Мысль некогда была простым цветком; Поэма шествовала медленным быком; А то, что было мною, то, быть может, Опять растёт и мир растений множит» [Заболоцкий, 1983, с. 123]. Эти уподобления сквозной нитью проходят и через другие стихотворения Заболоцкого, например, в стихотворении «Бетховен»: «В рогах быка опять запела лира, // Пастушьей флейтой стала кость орла...» [Заболоцкий, 1983, с. 198], а в стихотворении «Предостережение» образ быка появляется в контексте размышлений о недопустимости формального подхода к творческому процессу, сущность которого – вербализация тайных сущностей, содержащихся во всех природных явлениях: «Тревожный сон коров и беглый разум птиц // Пусть смотрят из твоих диковинных страниц, // Деревья пусть поют и страшным разговором // Пугает бык людей, тот самый бык, в котором // Заключено безмолвие миров» [Заболоцкий, 1983, с. 107]. «Предостережение» не раз называлось критиками своего рода парафразом лермонтовского «Пророка», но, в отличие от Лермонтова, у которого цель пророка – служение Богу и выполнение его воли, то бытие и творчества поэта у Заболоцкого состоит в том, чтобы не навязывать природе свои условия и правила, а, напротив, выполнять «волю» «низшей твари», следуя «особой науке домостроительства мира» [Кекова, Измайлов, 2017, с. 138].

Заключение

«Метафорический бык носится по вашей душе, сокрушая все на своем пути, именно потому, что вы не готовы отдаться реальности. Вы не хотите выпустить быка на свободу. Вы презираете те позы, которые время повелевает нам принять. И именно в этом причина вашей трагедии» [Пелевин, 2016, с. 51]. Сопровождая на протяжении многих столетий всю нашу цивилизацию, бык в поэтических текстах проходит путь эволюции от конкретного эмпирического образа (что в большей степени наблюдается в поэзии китайской, где «бык пашущий» актуализирует значимые для национального менталитета качества и смыслы), до метафоры человеческой души и универсального символического образа, воплощающего различные и культурно-исторические явления, и мифологические и фольклорные архетипы, и индивидуально-авторские мифомиры. Бык является важным компонентом в различных мифологических и художественных системах и предстает как сложный амбивалентный образ, совмещающий в себе несочетаемые качества, он символизирует одновременно жизнь и смерть, является воплощением и лунного, и солнечного начала, соединяет в себе и мужскую и женскую сущности, он одновременно покорный и могущественный, жалкий и величественный, злой и добрый, агрессивный и сентиментальный, он знаменует, с одной стороны обреченность и жертвенность, а с другой – бессмертие и вечную жизнь. Многие помнят эпиграф к научно-фантастическому роману Ивана Ефремова «Час Быка», представляющий собой цитату из китайско-русского словаря епископа Иннокентия 1909 года: «Ди пхи юй чхоу – Земля рождена в час Быка (иначе Демона, два часа ночи)» [Ефремов, 1991, с. 5]. В древние времена часом быка считали время с 1 до 3 ночи – глухое, томительное время, самый темный час в сутках перед самым рассветом, когда над землей властвуют темные силы смерти. В метафорическом смысле час Быка – это пик катастрофичности, предел концентрации зла, это и критические моменты истории, и непроглядный мрак человеческой души. Вряд ли можно утверждать, что в китайской и русской поэзии образ быка связан с демоническим началом зла и смерти, хотя темная, яростная, свирепая, грозная ипостась быка в русской лирике явлена неоднократно: грозно ревущие быки с «могучими выями» Н. Рубцова, добрейший теленок Е. Евтушенко, ставший «громадой из шерсти и злобы» на всемирной корридной арене убийств и преступлений, «бык шестикрылый и грозный» О. Мандельштама, «сумрачный» небесный бык К. Бальмонта «в заоблачной крови», пугающий людей бык Н. Заболоцкого, в «котором заключено без-

молвие миров», ворочающий тяжелыми белками кровавых глаз и свирепо рвущий землю бык Н. Асеева, строгий бык В. Шефнера, предрекающий человеку «дело злое», когда он будет «съеден навсегда огнем или землею», бык-Юпитер А. Ладинского, увлекающий Европу «в пределы печального моря» и знаменующий гибель европейской цивилизации. Эта «свирепая тоска» часа Быка соотносится в поэтических текстах с многочисленными его страдающими и даже трагическими ипостасями: «придушенный бычачий плач» корридного быка С. Кирсанова, холодеющие от ветра и снега быки Мэй Яочэня, больной бык Ли Гана, измученный тяжелой работой бык Бо Цзюйи, молчаливый и преданный бык Чэнь Цзуцзе с носом, запертым железным кольцом. Но час Быка – это тоска перед рассветом, и чем темнее и страшнее, тем ближе спасительный рассвет: солнце-бык М. Кузмина с усталыми осенними глазами вновь будет разбужен к радостной поре весеннего яренья, обреченный на смерть бык И. Эренбурга предстанет как символ «солнца и величья», золоторогий небесный бык К. Бальмонта «возрадуется» и «возликует», красные быки Б. Ахмадулиной с добрыми и светлыми рогами станут для лирического героя проводниками в волшебный мир памяти, а маленькие дети в стихотворениях Юань Мэя, Лэй Чжэня, Лу Юя и Чжана Цзи будут безмятежно сидеть на спинах многочисленных быков, символизирующих надежность, доверие, защиту от жизненных невзгод, душевный комфорт и растворение в идиллическом природном мире.

Библиографический список

1. Абросимова Д. Д. К семантике образа быка в русской и карельской традициях // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 260–266.

2. Альбедиль М. Ф. Бык: символика образа в традиционной индийской культуре // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-западной и Центральной Азии: : сборник научных статей / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург : Кунсткамера: МАЭ РАН, 2009. С. 29–47.

3. Асеев Н. Н. Собрание сочинений: В 5 т. Москва : Изд-во худож. лит., 1963–1964. 5 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1910–1927. Т. 1. 1963. 455 с. Николай Асеев «Бык» (1927 г.) С. 268–271.

4. Ахмадулина Б. Сны о Грузии. Тбилиси : Мерани, 1979. С. 445–448.

5. Ахмадулина Б. А. Сочинения в трёх томах. Том 1. Москва : ПАN, КОРОНА-ПРИНТ, 1997. С. 348–349.

6. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 3: Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 8–10; Белый зодчий. Москва : Книжный Клуб Книговек, 2010. 528 с.

7. Болдырева Е. М. Культурная символика образа быка в русской и китайской поэзии // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 235–248.

8. Бурнаков В. А. Бык как воплощение демонического начала в традиционных верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века). Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 15–33.

9. Гамбарова А. Г. Концепт «корова» («бык)» как архетип в древних письменных текстах // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3 (23) С. 113–119.

10. Дубовцев А. К. «К проблеме жанра «Абиссинских песен» Н. С. Гумилева» // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 158–171.

11. Евтушенко Е. Поэт в России – больше, чем поэт: Четыре поэмы. Москва : Сов. Россия, 1973. 335 с.

12. Ефремов И. А. Час Быка : научно-фантастический роман. Москва : Правда, 1991. 461 с.

13. Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений: В 3-х т. Москва : Худож. лит., 1983. Т. 1. Столбцы и поэмы 1926–1933; Стихотворения 1932–1958; Стихотворения разных лет; Проза // предисловие Н. Степанова; примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина. 1983. 655 с.

14. Кекова С. В., Измайлов Р. Р. От «битвы слов» к «живой основе смысла»: творчество Н. Заболоцкого // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. Т. 2. 1935–1964. С. 111–162.

15. Кубатьян Г. И. От слова до слова. Комментарий к циклу О. Мандельштама «Армения» // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 146–182.

16. Кузмин М. Стихотворения. Санкт-Петербург : Гуманитар. агентство «Акад. Проект», 1996. 832 с.

17. Кучукова З. А., Берберова Л. Б. Актуализация архетипических значений «быка» в мировой культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 4. С. 1070–1074.

18. Ладинский А. Собрание стихотворений / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. Москва : Викмо-М / Русский путь, 2008. С. 62–65.

19. Лызлов А. И. Концепт «бык» в паремиях английского и русского языка (в отражении литературы). Преподаватель XXI век. 2018. (4-2). С. 364–376.

20. Львов Н. А. Стихотворение Анакреона Тийского. Книга II. Ода XXXV, Похищение Европы // Львов Н. А. Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена : Бёлау-Ферлаг; Санкт-Петербург : Пушкинский Дом; Рус. христиан. гум. ин-т; Изд-во «Акрополь», 1994. С. 137–138.

21. Майногашева В. Е. Некоторые сюжеты сивого (синего) и черного быков в фольклоре саяно-

алтайских тюркоязычных народов // Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982. С. 137–148.

22. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырёх томах. Том третий. Стихи и проза. 1930–1937. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1994. 528 с.

23. Милюгина Е. Г. Поэтические переводы Н. А. Львова в контексте «Спора о древних и новых»: эстетика погружения в прошлое и диалога с древними // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии : сб. науч. ст. : к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 172–189.

24. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. Москва : АСТ. 2016. 414 с.

25. Старостина А. Б. Золотой бык в раннесредневековой китайской прозе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 32–47.

26. Строфы века: Антология русской поэзии / сост. Евг. Евтушенко. Москва : «Полифакт. Итоги века», 1999. С. 449–450.

27. Федоров Ф. Антонин Ладинский: «Стихи о Европе» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. №45. С.130-146.

28. Чжоу Ян. Русские устойчивые сравнения с компонентами корова, бык, вол и буйвол на фоне китайского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 172–180.

29. Эренбург И. Г. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. Москва : Художественная литература, 1964. 536 с.

30. Юнг К. Г. Красная книга. Москва : Клуб Касталия, 2011. 260 с.

31. 乌日玛特. **俄**汉谚语中的动物形象与民族心理[D].**内蒙古大学**, 2017.

32. **安娜**. **含生肖**动物的汉俄成语对比分析[D].**浙江大学**, 2017.

33. 张秋韵.《**山海**经》中的动物形象探析[J].**湖北**职业技术学院学报, 2021, 24(02):60–64.

34. 张莹.**中俄文化中的**动物形象对比[J].**今古文**创, 2024, (13):128–130.

35. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

36. **李洪武**.《**西游**记》中牛魔王形象的文化解析[J].东疆学刊, 2007 (02):69–74.

37. **莫**娇. 现代汉语动物隐喻研究[D].东北师范大学, 2013.

Reference list

1. Abrosimova D. D. K semantike obraza byka v russkoj i karel'skoj tradicijah = Towards the semantics of the bull image in Russian and Karelian traditions // «Kalevala» v kontekste regional'noj i mirovoj kul'tury: Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 160-letiju polnogo izdanija «Kalevaly». Petrozavodsk, 2010. S. 260–266.

2. Al'bedil' M. F. Byk: simvolika obraza v tradicionnoj indijskoj kul'ture = The bull: symbolism of the image in traditional Indian culture // Aziatskij bestiarij: Obrazy zhivotnyh v tradicijah Juzhnoj, Jugo-zapadnoj i Central'noj Azii: : sbornik nauchnyh statej / Muzej antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg : Kunstkamera: MAJe RAN, 2009. S. 29–47.

3. Aseev N. N. Sobranie sochinenij: V 5 t. = Collected works: In 5 vols. Moskva : Izd-vo hudozh. lit., 1963–1964. 5 t. T. 1: Stihotvorenija i pojemy. 1910–1927. T. 1. 1963. 455 s. Nikolaj Aseev «Byk» (1927 g.) S. 268–271.

4. Ahmadulina B. Sny o Gruzii = Dreams of Georgia. Tbilisi : Merani, 1979. S. 445–448.

5. Ahmadulina B. A. Sochinenija v trjoh tomah. Tom 1 = Works in three volumes. Volume 1. Moskva : PAN, KORONA-PRINT, 1997. S. 348–349.

6. Bal'mont K. D. Sobranie sochinenij : V 7 t. T. 3: Polnoe sobranie stihov 1909–1914: Kn. 8–10; Belyj zodchij = Collected works : In 7 vol. Vol. 3: Complete collection of poems 1909-1914: Books 8-10; White architect. Moskva : Knizhnyj Klub Knirovek, 2010. 528 s.

7. Boldyreva E. M. Kul'turnaja simvolika obraza byka v russkoj i kitajskoj pojezii = Cultural symbolism of the image of a bull in Russian and old poetry // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2025. № 1 (142). S. 235–248.

8. Burnakov V. A. Byk kak voploshhenie demonicheskogo nachala v tradicionnyh verovanijah i fol'klore hakasov (konec XIX – seredina XX veka) = The bull as an embodiment of demonic nature in traditional beliefs and folklore of Khakasses (late XIX – mid XX century) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. 2019. № 33. S. 15–33.

9. Gambarova A. G. Koncept «korova» («byk)» kak arhetip v drevnih pis'mennyh tekstah = The concept «cow» («bull») as an archetype in ancient written texts // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. № 3 (23) S. 113–119.

10. Dubovcev A. K. «K probleme zhanra „Abissinskih pesen» N. S. Gumileva» = To the genre problem in N. S. Gumilev's Abyssinian Songs // Letnjaja shkola po russkoj literature. 2015. T. 11. № 2. S. 158–171.

11. Evtushenko E. Pojet v Rossii – bol'she, chem pojet: Chetyre pojemy = A poet in Russia is more than a poet: Four poems. Moskva : Sov. Rossija, 1973. 335 s.

12. Efremov I. A. Chas Byka = The Bull Hour : nauchno-fantasticheskij roman. Moskva : Pravda, 1991. 461 s.

13. Zabolockij N. A. Sobranie sochinenij: V 3-h t. = Collected works: In 3 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1983. T. 1. Stolbcy i pojemy 1926–1933; Stihotvorenija 1932–1958; Stihotvorenija raznyh let; Proza // predislovie N. Stepanova; primech. E. Zabolockoj, L. Shubina. 1983. 655 s.

14. Kekova S. V., Izmajlov R. R. Ot «bitvy slov» k «zhivoj osnove smysla»: tvorchestvo N. Zabolockogo = From the «battle of words» to the «living basis of meaning»: N. Zabolotsky's creative work // Sud'by russkoj duhovnoj tradicii v otechestvennoj literature i iskusstve

HH – nachala HHI veka. 1917–2017: v 3 t. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2017. T. 2. 1935–1964. S. 111–162.

15. Kubat'jan G. I. Ot slova do slova. Kommentarij k ciklu O. Mandel'shtama «Armenija» = From word to word. Commentary on O. Mandelstam's cycle «Armenia» // Voprosy literatury. 2005. № 5. C. 146–182.

16. Kuzmin M. Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Gumanitar. agentstvo «Akad. Proekt», 1996. 832 s.

17. Kuchukova Z. A., Berberova L. B. Aktualizacija arhetipicheskih znachenij «byka» v mirovoj kul'ture = Actualizing the archetypal meanings of the «bull» in world culture // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. № 4. S. 1070–1074.

18. Ladinskij A. Sobranie stihotvorenij = Collected poems / sost., predisl. i primech. O. A. Korosteleva. Moskva : Vikmo-M / Russkij put', 2008. S. 62–65.

19. Lyzlov A. I. Koncept «byk» v paremijah anglijskogo i russkogo jazyka (v otrazhenii literatury) = The concept «bull» in English and Russian proverbs (as reflected in literature) // Prepodavatel' HHI vek. 2018. (4-2). S. 364–376.

20. L'vov N. A. Stihotvorenie Anakreona Tijskogo. Kniga II. Oda XXXV, Pohishhenie Evropy = A poem by Anacreon of Thyia. Book II. Ode XXXV, The Abduction of Europe // L'vov N. A. Izbrannye sochinenija. Kjol'n; Vejmar; Vena : Bjolau-Ferlag; Sankt-Peterburg : Pushkinskij Dom; Rus. hristian. gum. in-t; Izd-vo «Akropol'», 1994. S. 137–138.

21. Majnogasheva V. E. Nekotorye sjuzhety sivogo (sinego) i chernogo bykov v fol'klore cajano-altajskih tjurkojazychnyh narodov = Some plots of grey (blue) and black bulls in the folklore of Sayano-Altaic Turkic-speaking peoples // Altajskij fol'klor i literatura. Gorno-Altajsk, 1982. S. 137–148.

22. Mandel'shtam O. Sobranie sochinenij v chetyrjoh tomah. Tom tretij. Stihi i proza. 1930–1937 = Collected works in four volumes. Volume three. Poems and prose. 1930–1937. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1994. 528 s.

23. Miljugina E. G. Pojeticheskie perevody N. A. L'vova v kontekste «Spora o drevnih i novyh»: jestetika pogruzhenija v proshloe i dialoga s drevnimi = N. A. Lvov's poetic translations in the context of the «Dispute about the Ancients and the New»: the aesthetics of immersion in the past and dialog with the ancients // Romantizm vs realizm: paradigmy hudozhestvennosti, avtorskie strategii : sb. nauch. st. : k 100-letiju so dnja rozhdenija prof. I. A. Dergacheva. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2011. S. 172–189.

24. Pelevin V. O. Chapaev i Pustota = Chapaev and the Void. Moskva : AST. 2016. 414 s.

25. Starostina A. B. Zolotoj byk v rannesrednevekovoj kitajskoj proze = The Golden bull in early medieval Chinese prose // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2022. № 3. C. 32–47.

26. Strofy veka: Antologija russkoj pojezii = Strophes of the century: Anthology of Russian poetry / sost. Evg. Evtushenko. Moskva : «Polifakt. Itogi veka», 1999. S. 449–450.

27. Fedorov F. Antonin Ladinskij: «Stihi o Evrope» = Antonin Ladinsky: «Poems about Europe» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. №45. S.130-146.

28. Chzhou Jan. Russkie ustojchivye sravnenija s komponentami korova, byk, vol i bujvol na fone kitajskogo jazyka = Russian conventional comparisons with the components cow, bull, ox and buffalo against the background of the Chinese language // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 2. S. 172–180.

29. Jerenburg I. G. Sobranie sochinenij v 9 tomah. Tom 3 = Collected works in 9 volumes. Volume 3. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1964. 536 s.

30. Jung K. G. Krasnaja kniga = The Red Book. Moskva : Klub Kastalija, 2011. 260 s.

31. 乌日玛特. **俄**汉谚语中的动物形象与民族心理[D].**内蒙古大学**, 2017.

32. **安娜**. **含生肖**动物的汉俄成语对比分析[D].**浙江大学**, 2017.

33. 张秋韵.《**山海**经》中的动物形象探析[J].**湖北**职业技术学院学报, 2021, 24(02):60–64.

34. 张莹.**中俄文化中的**动物形象对比[J].**今古文**创, 2024, (13):128–130.

35. **晏琳**. 汉英十二生肖动物隐喻对比及对外汉语教学[D].华中师范大学, 2018.

36. **李洪武**.《**西游**记》中牛魔王形象的文化解析[J].东疆学刊, 2007 (02):69–74.

37. **莫**娇. 现代汉语动物隐喻研究[D].东北师范大学, 2013.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-22
EDN: VHDEVT

Религиозная основа протестных настроений в поэзии Н. А. Некрасова

Владимир Иванович Мельник
Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Московский государственный университет дизайна и технологий. 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9684-8943

Аннотация. Статья посвящена проблеме истоков некрасовских протестных настроений. До сих пор Некрасова безоговорочно зачисляют в число «революционных» поэтов. Исследователей мало смущает то, что в поэзии Некрасова нет прямых призывов к революции. Колоритное описание народной нищеты и бесправия, жестокого угнетения народа со стороны помещиков – все это якобы свидетельствует о разжигании Некрасовым революционных настроений. Дружеские отношения с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым также считаются безусловным свидетельством революционности поэта. На самом деле в изучении вопроса десятилетиями допускались явные натяжки. Часто цитата из стихотворения Некрасова с описанием жестокой расправы помещика над крестьянином и т. п. оканчивалась однозначным выводом об очевидном призыве к революции. Отношения Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым также нуждаются в более глубоком и объективном исследовании. Следует определиться с понятиями «революционности» и «протестности» Некрасова, глубже вникнуть в систему его миропонимания. К сожалению, более ста лет изучают лишь «половину» Некрасова, не принимая во внимание доминирующую сердцевину его мировоззрения – его религиозность. Именно поэтому изучение Некрасова в настоящий момент переживает кризисное состояние. В публикациях господствует мелкотемье и повторы уже известного. В настоящей статье ставится вопрос о том, мог ли Некрасов, будучи глубоко религиозной личностью, легко усваивать революционные уроки Чернышевского. Ни при каких условиях, при всей своей склонности к протестным настроениям, Некрасов не мог проигнорировать евангельский и церковный призывы к смирению и терпению как основы спасения души. В статье показано, как Некрасов, изображая различные виды протеста, пытается приблизить евангельские установки к реалиям крепостнической России XIX в., как он, защищая интересы народа, опирается на различные евангельские заповеди, которые – в их соотнесенности – призывают действовать, сообразуясь с обстоятельствами, а не с раз и навсегда утвержденной единой нормой. Собственно, церковь так и действует, призывая убивать врагов на войне. Некрасов имел мужество выразить свое понимание в одном из важнейших вопросов: возможен ли ответ на социальное насилие – и на какое. В статье подробно рассмотрена система «художественных аргументов» Некрасова.

Ключевые слова: Некрасов; Чернышевский; долготерпение народа; утрата Божьего образа; протест; революция; Божий Суд; Евангелие

Для цитирования: Мельник В. И. Религиозная основа протестных настроений в поэзии Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 22–30. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-22. https://elibrary.ru/VHDEVT

Original article

Religious bases for protest attitudes in N. A. Nekrasov's poetry

Vladimir I. Melnik
Doctor of of philological sciences, professor at the department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya str. 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

Abstract. The article focuses on the origins of Nekrasov's protest attitudes. Until now, Nekrasov has been unconditionally named among the «revolutionary» poets. Researchers are little concerned about the fact that Nekrasov's poetry does not contain direct appeals to revolution. His vivid description of the people's poverty and lack of rights, cruel oppression of the people by the landlords – all this allegedly testifies to Nekrasov's stirring up revolutionary

© Мельник В. И., 2025

moods. Friendly relations with N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov are also considered to be a definite evidence of the poet's revolutionary nature. In fact, in studying the issue, there have obviously been decades of unjustified assumptions. A quote from Nekrasov's poem describing violent punishment of a peasant by the landlord, and other such cases, often led to an unequivocal conclusion about the obvious call for revolution. Nekrasov's relations with Chernyshevsky and Dobrolyubov also need deeper and more objective studying. It is necessary to clarify the concepts of Nekrasov's «revolutionary spirit» and «protest attitude», and to deeper understand his worldview Unfortunately, for more than a hundred years only «half» of Nekrasov has been studied ignoring the dominant core of his worldview – his religiosity. That is why the study of Nekrasov is currently in crisis. The publications are dominated by shallowness and repetition of what is already known. This article raises the question of whether Nekrasov, being a deeply religious person, could easily adopt Chernyshevsky's revolutionary lessons. Under no circumstances could Nekrasov, for all his propensity to protest moods, ignore the evangelical and ecclesiastical call to humility and patience as the basis for the salvation of the soul. The article shows how Nekrasov, depicting various types of protest, tries to bring the Gospel attitudes closer to the serfdom realities of the 19th century Russia; how he defends the people's interests by relying on various Gospel precepts, which – in their correlation – call to act in accordance with the circumstances, not with the approved common norm. Actually, the church acts in this way, calling for killing enemies in war. Nekrasov had the courage to express his understanding of one of the most important questions: whether a response is possible to social violence – and to what kind. This article examines Nekrasov's system of «artistic arguments» in detail.

Key words: Nekrasov; Chernyshevsky; the long-suffering of the people; the loss of God's image; protest; revolution; God's Judgment; the gospel

For citation: Melnik V. I. Religious bases for protest attitudes in N. A. Nekrasov's poetry. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):22–30. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-22. https://elibrary.ru/VHDEVT

Вводная часть

В советский период Н. А. Некрасова представляли как поэта, воспевающего революционный бунт, предтечу революции [Елагин, 1949; Козьмин, 1949 и др.]. В самом деле, на его стихах воспитывались поколения революционеров. Однако парадокс состоит в том, что в поэзии Некрасова мы не найдем ни одной строчки прямых призывов к революции. Объясняется это прежде всего тем, что он по цензурным условиям не мог позволить себе рассуждать о необходимости революционных преобразований [Евгеньев-Максимов, 1939]. Характерно признание А. Еголина: «Революционная лирика Михайлова и Добролюбова нередко звучала выразительно и энергично, и все же некрасовские „Размышления у парадного подъезда" имели в революционных кругах, даже и позднейших лет, еще больший отклик, хотя и не заключали в себе непосредственно революционной темы» [Еголин, 1949, с. XII]. Еще важнее другое, о чем мало пишут: его поэзия воспитывала не только революционеров, она была любима всеми сословиями русского общества, всеми здоровыми силами его. В своей речи на похоронах Некрасова профессор Петербургского университета священник М. И. Горчаков сказал: «В песнях покойного изливались страдальческие думы и чувства не одного какого-нибудь человека, не одного какого-нибудь класса народа, состояния или общества, а страдание и горе всего нашего общества, думы и чувства всех и каждого из нас, беду и горе испытавших» [Горчаков, 1878, с. 144–145].

Некрасовская поэзия воздействовала на умы и сердца особо острым изображением страданий народа и искренней любовью к нему. Он был поэтом страдания и сострадания.

Истоки сострадания: детство

Истоки упомянутой восприимчивости Некрасова кроются, прежде всего, в детстве поэта, в тех картинах «дантовского ада», которые поразили его воображение и оставили незаживающую рану в его душе. Из стихотворения «На Волге» мы узнаем, что мальчик ужаснулся, глядя на бурлаков, тянущих лямку. Он пишет:

И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне.
…….
Я был испуган, оглушен.
……..
Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был –
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 89–91].

Маленький Некрасов дает себе клятву борьбы с несправедливостью, строит недетские замыслы:

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей – детей,
Какие клятвы я давал –
Пускай умрет в душе моей [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 91].

Но, может быть, еще тяжелее воспринимал Некрасов увиденное в собственном доме. В поэме «Несчастные» он вспоминает шумную атмосферу «содома, тревоги и трепета»:

Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленым волчонком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит – и ни шагу.
«Упрямство надо наказать –
Поди сюда!» – Волчонок тягу...
Ату его!»
Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен –
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен [Некрасов, 1981–2000, т. 4, с. 30].

Мать, Елена Андреевна, воспитывала в нем именно восприимчивое сердце, она, судя по некрасовским стихам, пыталась привнести евангелие в обыденную жизнь, подавала пример жертвенности, гуманности. Ф. М. Достоевский вспоминал рассказ Некрасова о родном доме: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери… одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 111–112].

В доме отца он впервые увидел и осмыслил ужас «человековладения». Жестокое обращение отца с крепостными, его безнравственное поведение глубоко поразили будущего поэта. Г. В. Красильников пишет об отце поэта, Алексее Сергеевиче: уголовные дела Ярославского Госархива подтверждают «его вспыльчивый характер, склонность к физическим расправам по отношению к своим крепостным крестьянам. Некоторых из них он пытался сдать в качестве наказания в рекруты. Все это приводило их к попыткам суицида и членовредительства» [Красильников, 2024, с. 85]. Поражают, как и в стихах Некрасова, подробности проявляемой жестокости. Отец поэта расправился с больной женщиной, не сумевшей выйти на работу, тем, что «начал бить по голове и, сбив с ног, топтать ногами», после чего она потеряла сознание [Красильников, 2024, с. 86]. После избиения привязанного крестьянина, Алексей Сергеевич «бил его рукою по лицу и сшибши с ног ударил каблуком бывшего на нем сапога». К утру крестьянин перерезал себе горло. Следует предположить, что материалы уголовного дела, составляемые в суде, по понятным причинам не вполне передают накал жестокости и подробности расправы. Зато это сделал Некрасов в своих стихах, где он постоянно возвращается к описанию чрезмерной жестокости, с одной стороны, и едва переносимых страданий – с другой. Ф. М. Достоевский справедливо сказал, что у Некрасова «было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незакрывавшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли…» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 112].

О терпении народа

М. М. Дунаев пишет: «Некрасов воспринимал терпение как помеху народному счастью» [Дунаев, 1997, с. 174]. В самом деле, у Некрасова время от времени вырывается вздох о невероятном терпении русского народа. В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» звучат слова, которые могут быть истолкованы как недовольство долготерпением народа:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил? [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 49].

О долготерпении он говорит и в стихотворении «Умру я скоро…»:

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!

И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет [Некрасов, 1981–2000, т. 3, с. 41].

Правда, в обоих случаях нет ни слова о революции. Автор скорее говорит о пробуждении народа, причем духовном. Разумеется, Бог ведет народ не к революции, а к духовному пробуждению, и поэт готов способствовать этому, «бросить хоть единый луч сознанья», имея в виду прежде всего просвещение народа. В стихотворении «Сеятелям» он пишет:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ… [Некрасов, 1981–2000, т. 3, с. 180].

О просвещении сказано и в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»: «Эх! эх! Придет ли времечко… Когда мужик не Блюхера И не милорда глупого – Белинского и Гоголя С базара понесет?».

Некрасов акцентирует вопрос о духовном пробуждении народа и далеко не всегда трактует народное терпение как отрицательное качество, ибо терпение – одна из главных христианских добродетелей. Тем не менее, он часто упрекает народ за долготерпение, считая его оборотной стороной греха помещиков – жестокости. И жестокость помещиков, и безгласное терпение крестьян приводят к тому, что оба утрачивают человеческий облик и перестают различать добро и зло. В уже упоминавшемся стихотворении «На Волге» поэт пишет о «покорности без конца», покорности, переходящей из поколения в поколение бурлаков:

Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел? [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 92].

Можно привести и массу других примеров, где Некрасов высказывает упрек «безгласности» и бесконечному терпению русского человека.

Чернышевский

Не находя прямых призывов к революции в стихах Некрасова, исследователи, объявлявшие о революционности Некрасова, искали косвенных подтверждений революционной позиции поэта – прежде всего в близости Некрасова и Н. Г. Чернышевского. Одним из первых, кто начал искать серьезную аргументацию в пользу революционности Некрасова, был В. Евгеньев-Максимов. В своей работе «Н. А. Некрасов и его современники» он пытался обнаружить следы влияния революционной идеологии Н. Г. Чернышевского на Некрасова [Евгеньев-Максимов, 1930]. Еще Ф. М. Достоевский, хотя и не приводил твердых доказательств, считал, что Чернышевский все-таки влиял на Некрасова, хотя и не всецело: «Из известных влияний он не выходил во всю жизнь, да и не имел сил выйти. Но у него была своя, своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, – это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу» [Достоевский , 1972–1988, т. 26, с. 118].

Стихотворение «Поэт и гражданин» отражает реальную атмосферу разговоров, происходящих между редактором «Современника» и его талантливым молодым сотрудником. Чернышевский пытался говорить Некрасову о политике, но тот оставался прежде всего поэтом и не испытывал особого интереса к революционной идеологии, о чем сам Чернышевский вспоминал уже после кончины Некрасова: «Те сведения, которые мог бы получать от меня Некрасов, были непригодны для поэзии. А он был поэт, и мила ему была только поэтическая часть его литературной деятельности. То, что нужно было знать ему, как поэту, он знал до знакомства со мною, отчасти не хуже, отчасти лучше меня. Ни мои статьи, ни мои разговоры не только не имели влияния на его мнение о ходе крестьянского дела, но и не помнились ему… Я не имел ровно никакого влияния на его образ мыслей» [Чернышевский, 1939–1953, т. 1, с. 746]. Некрасов был человеком конкретного дела, – и в тот момент, когда Чернышевский размышлял о коренных, революционных изменениях в обществе, Некрасов создавал у себя на родине приходское училище для крестьянских детей [Летопись, 2007, т. 2, с. 242], делал выступления в пользу бедных студентов [Летопись, 2007, т. 2, с. 252] и пр. Современные исследователи склонны к более объективной оценке «влияния» Чернышевского на Некрасова. В свое время и Н. Н. Скатов сказал, что «Ленин… явно приписал Некрасову» полную симпатию Чернышевскому [Скатов, 2004, с. 226]. Ему вторит М. С. Макеев: «… считать, что у Некрасова с его сотрудниками было полное сов-

падение взглядов, не приходится» [Макеев, 2017, с. 283]. Более того, М. С. Макеев отмечает: «… он не разделял уверенности Чернышевского и Добролюбова в том, что революция или восстание являются единственно возможным способом преобразования России…» [Макеев, 2017, с. 285]. Восприятие крестьянской реформы 1861 г. у Некрасова тоже было иным, чем у Чернышевского, ибо он, по выражению Ю. В. Лебедева, даже «питал монархические иллюзии» [Лебедев, 2020, с. 20].

Некрасов мыслил иначе, чем Чернышевский, гораздо шире представлял себе проблемы народа. Прекрасно понимал, что революция не решает всех проблем народа, а может быть, и усугубляет их, не изменяя самого человека и сложившихся традиций. Поэтому он скорее говорил о «безгласности» («На Волге»), чем о бездействии, и постоянно напоминал сильным мира сего о Христе.

В рассуждениях о протестных настроениях Некрасова совершенно не учитывается важнейший фактор, влиявший на него: его глубокая, еще в «Мечтах и звуках» выразившаяся религиозность [Мельник, 2001; Мельник, 2007 и др.]. Он попросту не мог так же, как атеист Чернышевский, подходить к вопросу о революции, насилии, бунте. Не мог просто перешагнуть через евангелие и проповедь смирения. Можно сказать, что он находился между революционными призывами Чернышевского и евангелием. Поэтому вопрос о протесте решался для него в мучительном поиске, а ответ, в любом случае, не должен был противоречить евангельскому учению Христа. Вся поэзия Некрасова иллюстрирует, как непросто проходил он «между сциллой и харибдой».

Евангельские истоки протеста

Некрасов, конечно, помнил заповеди смирения: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду…» (Мф. 5: 38–40). Означает ли эта заповедь Христа полную и безоговорочную покорность тем, кто, как пан Глуховский, признается: «Мучу, пытаю и вешаю, А поглядел бы, как сплю!». Для Некрасова это был большой и мучительный вопрос, так как Церковь однозначно призывала к смирению и терпению. Однако в самом евангелии поэт не мог не видеть, что этой однозначности нет. Призывая подставить другую щеку, Христос имеет в виду не безусловную покорность, а, напротив, духовную победу над обидчиком путем смирения, победу «божеского» над «человеческим» (Мк. 8:33), восстановление утраченного образа Божьего в обоих: в обидчике и обидимом. Подставляя вторую щеку, человек не принимает отношений мира сего («око за око»), а предлагает другие, братские (во Христе) отношения.

Во всех притчах Христа в центре стоит напоминание о небесных законах жизни, гораздо более важных, чем законы земные. И эти небесные законы не всегда требуют покорности: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Некрасов, конечно, помнил, что Христос показал ревность о Боге тем, что, войдя в храм, перевернул столы торговцев и изгнал их бичом из храма, то есть применил силу: «И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин. 2:15). «И говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21:13).

Некрасов считал, что Русь должна быть «храмом» («домом молитвы»), где господствуют отношения братства. И питал ненависть к тем, кто делает этот «храм» «вертепом разбойников». Ситуация духовного соблазнения слабых («малых сих») также прописана в евангелии, причем Христос говорит о жестокой расправе, а не о покорности обидчикам-соблазнителям: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6).

Утрата образа Божьего в палаче и жертве: общий грех

Во всех перечисленных притчах (и других) Христос действует во имя Царствия Небесного, во имя духовного закона, но никак не вопросов богатства, бедности, социальной вражды. В одном месте на просьбу справедливо разделить наследство братьев он говорит: «… разве Я поставлен у вас судить и делить между вами ваше добро?» (Лк. 12:14). Даже насилие Христос употребляет, ревнуя о Царствии Небесном, о духовном состоянии людей. «Меч», который Он принес на землю, он готов употребить для духовной брани: «Я пришел разделить человека с

отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10:35). Некрасов так же, изображая чрезмерную жестокость, с одной стороны, и отупляющую полную покорность – с другой, показывает, как центральный момент, не социальную вражду, а нарушение духовного закона, утрату Божьего образа в человеке и тем самым утрату смысла жизни – как в палаче, так и в обидимом, который веками «безгласен» и не может заступиться за Божье начало в себе, ведя полуживотное существование. Эта проблематика была очень близка Достоевскому, который после смерти поэта написал: «… в эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни!» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 111]. В первой публикации стихотворения «На Волге» Некрасов писал именно о вытеснении Божьего начала и приобретенной привычке быть полузверем:

Где поколения людей
Живут бессмысленней зверей… [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 368].

Все творчество Некрасова изображает чрезмерность жестокости и страдания, оно показывает, что в России евангельский закон не просто подменен земным, но – до утраты человеческого образа как в «человековладельцах», так и в их «собственности».

Таким образом, Некрасов во главу угла ставит душу человека, а не одно лишь его земное благополучие. Духовной гибелью жертвы становятся как попытки сопротивляться злу, «бунтовать», так и полная «безгласность», привычка к тому «скотскому состоянию», которую навязывают жертве сильные мира сего. В этой безвыходной парадигме и бьется мысль Некрасова, проверяющего себя евангелием. В этой же парадигме существуют и его герои.

В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» вельможа не принял крестьян, они взывают лишь к Божьему Суду. Оканчивается это пьянством в кабаке:

Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой... [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 49].

Но самый большой грех здесь – утрата веры в справедливость на земле, уныние и отчаяние, в которое впадают ходоки (а за ними и те, кто их послал с просьбой о справедливости). О грехе уныния, отчаяния преп. Серафим Саровский говорил: «Нет хуже греха…и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния!» [Чичагов, 1903, ч. 1, с. 212]. Еще больший грех лежит на вельможе. Те, кого поэт называл «палачами-помещиками», были для него нарушителями евангельского закона, «соблазнителями», о которых говорит свт. Василий Великий: «Соблазняет, кто преступает закон словом или делом и другого вводит в беззаконие…» [Василий Великий, 2008–2009, т. 2, с. 223].

В «Размышлениях у парадного подъезда» поэт показывает, что «князья мира сего» утратили христианскую совесть, не боятся Бога:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках… [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 48].

Однако «громы небесные» неизбежны, даже если они не страшат спящую совесть. И «громы» – это не революция, а Страшный Суд.

У Некрасова и палач, и жертва оказываются повязанными грехом. Отсутствие возмущения не спасает от греха, поскольку безгласность крестьян питает необузданность поведения вельможи.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо?» показан уродливый протест «примерного холопа» Якова, который все-таки не совсем безгласен. Этот по-своему богобоязненный человек боится выйти за рамки евангельских заповедей и без разума, абсолютно буквально выполняет слова Христа: «… не противься злому». После кровной обиды, нанесенной барином, холоп решается на ненасильственный протест:

Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!».
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 198].

Грех барина, выславшего в рекруты племянника Якова только потому, что ему понравилась невеста молодого человека, потянул за собою еще более ужасный грех духовного саморазрушения – самоубийства. Виновны оба: один в сластолюбии, жестокости и несправедливости, другой – в «холопстве». Хотя самоубийство Якова было и уродливым преодолением безгласности, тем не менее возымело воздействие: ему удалось пробудить совесть и страх Божий в барине:

Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до Судного дня! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 199].

В «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» описывается нередкий случай пользования негласным «правом первой ночи»: «… как женится мужик, Веди к нему жену; проспит с ней перву ночку…» [Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 125]. И снова – вопиющий грех помещика приводит к не менее тяжкому греху: один из крестьян возмущается и убивает барина. Как сдержать гнев и протест в подобной ситуации? Не превосходит ли ситуация меру терпения, указанную в евангелии как идеал христианского поведения? Достоевский, который долгое время критиковал Некрасова за его протестные настроения, в своем последнем романе «Братья Карамазовы» также был вынужден считаться с понятием зла, превышающего меру человеческого сердца. Инок Алеша Карамазов на вопрос Ивана, расстрелять ли генерала, затравившего псами пятилетнего мальчика на глазах матери, отвечает: «расстрелять» [Достоевский, 1972–1988, т. 14, с. 221].

Показывая различные варианты протеста, Некрасов обращается и к фольклору, к известной легенде о разбойнике Кудеяре в поэме «Кому на Руси жить хорошо?». Описывая столкновение инока Питирима с паном Глуховским, Некрасов так значимо прописывает все детали, что становится понятно, что он как христианин мучительно решал для себя вопрос: как согласовать между собой два евангельских посыла – с одной стороны, «подставь и другую щеку», а с другой – «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). Можно сказать, что в этом сюжете он разрабатывает свое «богословие протеста», снова опираясь на понятие чрезмерности, то есть нарушения «евангельской меры» человеческого ожесточения.

Разбойник Кудеяр, став иноком Питиримом, получил откровение: для прощения он должен срезать тем же ножом, которым убивал, вековой дуб. Питирим принимается за работу, которой не видно конца. В это время мимо проезжает пан Глуховский, который цинично смеется над ним:

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 209].

Дальше происходит невероятное: инок, понимая, что цепь жестоких расправ продолжится и в будущем, убивает злодея. Некрасов выстраивает логический парадокс: убийство страшного грешника освободило бывшего разбойника, уже принесшего покаяние и ставшего иноком, от греха убийства многих неповинных жертв. В свое время М. М. Дунаев сделал интересное предположение: инок убивает злодея, точно зная, что губит свою душу в вечности, то есть он готов отдать даже не жизнь, а свое вечное спасение – за других. Это высшая жертва за «други своя», поэтому Господь прощает Питирима.

Следует обратить внимание, что Некрасов подчеркивает чудесный и промыслительный характер происходящего. Не сам Питирим убивает пана Глуховского. По Некрасову, он лишь орудие в руках Божиих, ибо речь идет о чуде:

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 209].

Обратим внимание на глаголы. Сначала Питирим – пассивная фигура, объект приложения сил: не он сотворил чудо, а ним оно «сталося», то есть сделалось; не он вызвал в себе гнев, но «ощутил» его. И лишь после этого чуда вселения в него некоего духа он становится субъектом, а не объектом действия: «бросился»,

«вонзил». Падение дуба, предсказанное ему в откровении, было благословлено Богом:

Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал:
……..
«…Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево –
Цепи греха упадут». [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 208].

Итак, все случилось «не без Божьего Промысла» [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 208]. Поэт признает нравственную законность противления как заступничеству за слабых, как самопожертвование. Причем в таком заступничестве у Некрасова всегда присутствует признак святости. Не случайно он делает убийцей пана Глуховского инока, да еще получившего откровение свыше. Даже не примыкая к революционным идеям Чернышевского и Добролюбова, Некрасов пишет о них как о святых, ибо они руководствуются желанием заступления за народ, готовы пожертвовать свою жизнь «за други своя». Некрасов ценил их не за призыв к революции, а за то, что они смелее других говорили в пользу народа, проявляя личное мужество, готовность пострадать. Их подвигу, как известно, он посвятил стихи: «Памяти Добролюбова» и «Пророк». К обоим стихотворениям, написанным по житийным канонам, можно было бы поставить в качестве эпиграфа слова из евангелия: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

Заключение

Таким образом, многие произведения Некрасова показывают, что вопрос о противлении злу поэт осмысливал с разных сторон, но прежде всего – с точки зрения евангельских заповедей, которые он боялся нарушить превратным толкованием. Главная из них, которую Некрасов для себя выделил и на которую опирался при изображении своих героев, – это заповедь заступничества «за малых сих», а также заповедь, прославляющая тех, кто готов положить душу свою за своих ближних.

Думается, что сверяться с евангельскими заветами, изображая драматизм социальных противоречий, было непросто. Официальная Церковь не пыталась соотносить евангельские заповеди друг с другом, выдвигая на первый план лишь одну заповедь о терпении, хотя и благословляла убийство на войне врагов родины. Вероятно, поэт испытывал большой душевный дискомфорт, решаясь на нарушение официальной позиции Церкви. Но им руководила горячая любовь к «малым сим», сочувствие к их страданиям, – и в этом он находил внутреннее оправдание. К нему вполне применимы заключительные слова книги философа В. Ильина о сопротивлении злу: «… не страшна смерть тому, кто идет на нее из любви к Божьему делу, и не страшно временное отступление от праведности тому, кто не выходит из любви к Богу, и не страшен суд слепых и холодных тому, кто сам судит себя лучом Божиим и сам первый знает, где он отступил от «гуманности» из любви к божественному. Не человеку судить человека за такую любовь и за такое служение, не человеку, а Богу. А перед Ним – верный носитель меча предстанет «в день суда» с тем «дерзновением» (1 Иоанна IV. 17), которое дается истинною любовью» [Ильин, 1993–1999, т. 5, с. 220]. Это же всегда чувствовал Достоевский, который сказал: «… любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было, что искупить...» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 126].

Библиографический список

1. Свт. Василий Великий. Творения. В 2 т. Москва : Сибирская благозвонница, 2008–2009.

2. [Горчаков М. И.] Один из бывших на похоронах. Письмо к издателю (Речь о. Горчакова) // На память о Николае Алексеевиче Некрасове. Санкт-Петербург : В тип. Ф. С. Сущинского, 1878. С. 143–147.

3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : В 30 т. Ленинград : Наука, 1972–1988.

4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5 ч. Ч. III. Москва : Христианская литература, 1997. 576 с.

5. Евгеньев–Максимов В. Е. Некрасов и его современники. Москва : Федерация, 1930. 336 с.

6. Евгеньев–Максимов В. Е. Н. А. Некрасов в борьбе с цензурой // Творчество Некрасова. Труды Московского института истории, философии и литературы. Москва, 1939. Т. III. С. 35–57.

7. Еголин А. Идеалы Некрасова // Лит. наследство. Т. 49–50. Москва : АН СССР, 1949. С. XIII–XXX.

8. Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Москва : Русская книга, 1993–1999.

9. Козьмин Б. Великий поэт революции // Лит. наследство. Т. 49–50. Москва : АН СССР, 1949. С. XXXI–LXIV.

10. Красильников Г. В. «И только он один, кто всех собой давил…»: А. С. Некрасов, отец поэта, в материалах уголовных дел Государственного архива Яро-

славской области // Карабихские научные чтения: материалы научно–практической конференции (Ярославль–Карабиха, 4–5 июля 2024 г.). Ярославль : ООО «Академия 76», 2024. С. 85–90.

11. Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе XIX – начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27.

12. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. В 3 т. Санкт-Петербург : Наука, 2006–2 009.

13. Макеев Михаил. Николай Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.

14. Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. Москва : Изд-во «Даръ». 2007. 112 с.

15. Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 59–65.

16. [Миллер О.] Публичные лекции Ореста Миллера. Санкт-Петербург, 1874. 192 с.

17. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.

18. Скатов Николай. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 2004. 428 с.

19. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Москва : Гослитиздат, 1939–1953.

20. Чичагов Л. М. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Ч. 1–2. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1903.

Reference list

1. Svt. Vasilij Velikij. Tvorenija = Creative works. V 2 t. Moskva : Sibirskaja blagozvonnica, 2008–2009.

2. [Gorchakov M. I.] Odin iz byvshih na pohoronah. Pis'mo k izdatelju (Rech' o. Gorchakova) = One of those who were at the funeral. Letter to the publisher (Speech by Fr. Gorchakov) // Na pamjat' o Nikolae Alekseeviche Nekrasove. Sankt-Peterburg : V tip. F. S. Sushhinskogo, 1878. S. 143–147.

3. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij : V 30 t. = Collected works: in 30 volumes. Leningrad : Nauka, 1972–1988.

4. Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaja literatura = Orthodoxy and Russian literature. V 5 ch. Ch. III. Moskva : Hristianskaja literatura, 1997. 576 s.

5. Evgen'ev–Maksimov V. E. Nekrasov i ego sovremenniki = Nekrasov and his contemporaries. Moskva : Federacija, 1930. 336 s.

6. Evgen'ev–Maksimov V. E. H. A. Nekrasov v bor'be s cenzuroj = H. A. Nekrasov fighting censorship // Tvorchestvo Nekrasova. Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. Moskva, 1939. T. III. S. 35–57.

7. Egolin A. Idealy Nekrasova = Nekrasov's ideals // Lit. nasledstvo. T. 49–50. Moskva : AN SSSR, 1949. S. XIII–XXX.

8. Il'in I. A. Sobr. soch. V 10 t. = Collected works: in 10 vols. Moskva : Russkaja kniga, 1993–1999.

9. Koz'min B. Velikij pojet revoljucii = The great poet of the revolution // Lit. nasledstvo. T. 49–50. Moskva : AN SSSR, 1949. S. XXXI–LXIV.

10. Krasil'nikov G. V. «I tol'ko on odin, kto vseh soboj davil…»: A. S. Nekrasov, otec pojeta, v materialah ugolovnyh del Gosudarstvennogo arhiva Jaroslavskoj oblasti = «And only he alone, who suppressed everyone himself...»: A. S. Nekrasov, the poet's father, in the criminal cases files from the State Archive of the Yaroslavl region // Karabihskie nauchnye chtenija: materialy nauchno–prakticheskoj konferencii (Jaroslavl'–Karabiha, 4–5 ijulja 2024 g.). Jaroslavl' : OOO «Akademija 76», 2024. S. 85–90.

11. Lebedev Ju. V. Ideal narodnoj monarhii v russkoj literature XIX – nachala XX vv. = The ideal of people's monarchy in Russian literature of the XIX – early XX centuries // Dva veka russkoj klassiki. 2020. T. 2. № 2. S. 8–27.

12. Letopis' zhizni i tvorchestva N. A. Nekrasova = Chronicle of N. A. Nekrasov's life and work. V 3 t. Sankt-Peterburg : Nauka, 2006–2 009.

13. Makeev Mihail. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.

14. Mel'nik V. I. Pojezija N. A. Nekrasova v svete hristianskogo ideala = N. A. Nekrasov's poetry in the light of the Christian ideal. Moskva : Izd–vo «Dar#». 2007. 112 s.

15. Mel'nik V. I. Tipologija zhitijnyh sjuzhetov u N. A. Nekrasova (k postanovke voprosa) = Typology of hagiographic plots in N. A. Nekrasov (towards raising the question) // Nekrasovskij sbornik. T. HIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 59–65.

16. [Miller O.] Publichnye lekcii Oresta Millera = Orest Miller's public lectures. Sankt-Peterburg, 1874. 192 s.

17. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete collection of works and letters. V 15 t. Leningrad : Nauka, 1981–2000.

18. Skatov Nikolaj. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 2004. 428 s.

19. Chernyshevskij N. G. Poln. sobr. soch. V 15 t. = Complete collection of works in 15 vols. Moskva : Goslitizdat, 1939–1953.

20. Chichagov L. M. Letopis' Serafimo-Diveevskogo monastyrja = Chronicle of the Seraphim-Diveyevo Monastery. Ch. 1–2. Izd. 2–e. Sankt-Peterburg, 1903.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 23.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-31
EDN: VLFVOW

Циклизация как форма рецепции советского дискурса в проекте Егора Летова «Враг народа»

Алексей Сергеевич Бокарев
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
asbokarev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8771-6065

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению циклообразующих связей альбома Егора Летова «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!», созданного в рамках сольного проекта «Враг народа». Доказывается, что целостность «Делай с нами...» определяется заголовочным комплексом, включающим название как собственно альбома, так и проекта, пространственно-временным континуумом, основанным на единстве ментального события, композицией, регламентирующей порядок песен, а также изотопией – повторением слов, входящих в одно лексико-семантическое поле. Будучи органичной для автора формой рецепции советского дискурса, циклизация позволяет избежать однозначности оценок, обусловливая субъектную структуру, при которой позиции «говорящего» в каждой песне не только не совпадают, но и принципиально не сводятся к авторскому видению. Понятая таким образом нестабильность субъекта сближается с концептуалистским «незалипанием», предполагающим двойственное отношение носителя речи к своему «я» и немотивированный переход из одной дискурсивной системы в другую. В отличие от «незалипания» она ограничивается пребыванием «говорящего» внутри единственного, в частности советского, дискурса, взаимодействие с которым, однако, выстраивается как набор одинаково релевантных «сценариев» (решительное сопротивление государственной системе, отказ от борьбы, синонимичный уходу из жизни, бездействие при резком неприятии сложившегося порядка). Делается вывод, что подобный тип субъектности может быть реализован только в структуре цикла и возникает в результате контекстуальной соположенности составляющих его песен.

Ключевые слова: Е. Летов; «Враг народа»; «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!»; песня; циклизация; циклообразующие связи; советский дискурс; рецепция

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, https://rscf.ru/project/23-28-00995/

Для цитирования: Бокарев А. С. Циклизация как форма рецепции советского дискурса в проекте Егора Летова «Враг народа» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 31–37. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-31. https://elibrary.ru/VLFVOW

Original article

Cyclization as a form of soviet discourse reception in Yegor Letov's project «Enemy of the people»

Alexei S. Bokarev
Doctor of of philological sciences, associate professor, professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str.,108/1
asbokarev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8771-6065

Abstract. The article considers the cycle-forming links in Yegor Letov's album «Do with us, do as we do, do better than us!» created within the framework of the solo project «Enemy of the People». The author proves that the integrity of «Do with us...» is determined by the title complex, which includes the name of both the album and the project, the space-time continuum based on the unity of the mental event, the structure that regulates the order of the songs, and isotopy – the repetition of words belonging to the same lexical-semantic field. Being the author's natural form of the Soviet discourse perception, cyclization helps to avoid unambiguous evaluation determining the subjective structure in which the attitude of the «speaker» in each song does not coincide with, but is fundamentally different from the author's viewpoint. The instability of the subject understood in this way converges with the conceptualist «non-stickiness» that

© Бокарев А. С., 2025

presupposes a dual relation of the speaker to his or her self and an unmotivated transition from one discursive system to another. Unlike «non-sticking», it is about the «speaker's» staying within a single, particularly soviet, discourse, the interaction with which is constructed as a set of equally relevant «scenarios» (resolute resistance to the state system, refusal to fight, synonymous with withdrawal from life, inaction in the face of strong rejection of the established order). The author concludes that this type of subjectivity can be realized only in the cycle's structure and arises as a result of the contextual juxtaposition of its constituent songs.

Key words: E. Letov; «Enemy of the people»; «Do with us, do as we do, do better than us!»; song; cyclization; cycle-forming links; soviet discourse; reception

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, https://rscf.ru/project/23-28-00995/

For citation: Bokarev A. S. Cyclization as a form of soviet discourse reception in Yegor Letov's project «Enemy of the people». *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):31–37. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-31. https://elibrary.ru/VLFVOW

Циклообразование в современной песенной лирике

Лирический цикл, получивший широкое распространение сначала в символистской, а затем и в постсимволистской лирике, осмысляется исследователями как группа объединенных самим автором произведений, образующих особый тип контекста, где отношения между отдельным стихотворением и художественным целым уподобляются отношениям элемента и системы [Дарвин, 2008, с. 292–293; см. также: Сапогов, 1987; Фоменко, 1984; Фоменко, 1992; Фоменко, 2006; Бройтман, 2003; Дарвин, 1983; Дарвин, 2018]. Обязательными атрибутами цикла выступают авторское заглавие, относительная устойчивость состава, а также контекстуальные связи, обеспечивающие единство формально завершенных и семантически автономных текстов. Закономерно, что результатом исследовательских усилий как раз и оказывается установление этих связей, формирующих «вторичную целостность» цикла, возникающую на основе «первичной целостности» составляющих его произведений [Дарвин, 2008, с. 292–293]. Отсюда тезис, согласно которому циклизация является «едва ли не самой эффективной формой проявления авторской активности» в лирике: если субъект высказывается в отдельном стихотворении, то автор (по М. М. Бахтину, «облеченный в молчание») организует «контекст осмысления этого высказывания» [Тюпа, 2003, с. 61–62].

В зависимости от материала контекстуальные (циклообразующие) связи лирического цикла могут заметно разниться: мотивно-образный комплекс, топосы и архетипы, символика цвета, полиметрия, фоника – вот их далеко не полный сводный перечень [Гавриков, 2021, с. 139]. Представляется, однако, что в большинстве случаев такой перечень может быть ограничен «базовым набором» из четырех позиций, включающим заглавие, пространственно-временной континуум (хронотоп), композицию и изотопию, подробно описанные И. В. Фоменко. Согласно ученому, заглавие апеллирует к значимым для понимания цикла внетекстовым рядам (историческим и бытовым реалиям, биографии автора и т. д.) и, относясь сразу ко всем стихотворениям, формулирует их общую тему и / или выражает пафос [Фоменко, 1984, с. 26–36]. Пространственно-временной континуум опирается прежде всего на единство события, которым обусловлена соотнесенность стихотворений, но допускает и его вариации, а также со- и противопоставление с другими событиями [Фоменко, 1992, с. 54]. Композиция, в свою очередь, трактуется как порядок следования произведений, а основной ее доминантой оказывается контраст, позволяющий автору «воссоздать особенности своего мировосприятия, обнажая его основу – внутренние противоречия» [Фоменко, 1984, с. 37–45]. Наконец, изотопия трактуется как повтор слова или группы слов, входящих в одно лексико-семантическое поле и номинирующих сквозные, «скрепляющие» цикл мотивы [Фоменко, 1984, с. 56].

По мнению Ю. В. Доманского, названные циклообразующие связи присущи не только традиционной печатной, но и современной песенной лирике (прежде всего рок-поэзии). Основной формой ее бытования, наряду с концертом, является альбом – концептуальное синтетическое образование циклического типа, ограниченное по времени звучания и включающее, помимо собственно песен, визуальную обложку с размещенными на ней графическими или фотоиллюстрациями [Доманский, 2010, с. 77]. Специфическими для песенной культуры способами смыслопорождения выступают «дециклизация» – «расщепление» собранных циклов (в том числе альбомов), и «метациклизация» – объединение самостоятельных циклов в структуре более масштабного текстового ансамбля [Гавриков, 2021, с. 151–152]. Мышление альбомами и подвижность их компонентного со-

става в высшей степени характерны и для лидера «Гражданской обороны» Егора Летова, чем и определяется цель настоящей статьи – рассмотреть в ракурсе циклизации, являющейся, согласно нашей гипотезе, оптимальной для автора формой рецепции советского дискурса, альбом «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!», созданный в рамках сольного проекта «Враг народа».

Поэтика циклизации в альбоме «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» проекта «Враг народа»

Тема «Е. Летов и политическое» (или уже – «Летов и советская власть») не раз становилась предметом внимания как в специальных исследованиях, так и в высказываниях близких автору людей. В частности, А. М. Вафин, подчеркивая идеологическую амбивалентность последнего, указывает, с одной стороны, на возможность соотнесения летовского творчества с самыми разными мировоззренческими системами (от анархизма до национализма), а с другой стороны – на его принципиальную внесистемность [Вафин]. Сходным образом рассуждает и вдова поэта Н. Чумакова: «Его <Летова. – А. Б.> политические взгляды менялись много раз на протяжении жизни. Сначала „ГО” <«Гражданская оборона». – А. Б.> была антисоветской группой, потом просоветской, красно-коричневой, во времена „Русского прорыва” и запрещенной сейчас НБП. А потом ему вообще все это стало неинтересно. В последнее время он был над схваткой, его интересовали более глобальные вещи, борьба на другом уровне, как он сам говорил» [цит. по: Клоос, 2020, с. 125]. Иными словами, именно внесистсемностью Летова мотивирована его резко антисоветская позиция, отчетливо выраженная в альбомах «Гражданской обороны» конца 1980-х гг. («Все идет по плану», «Так закалялась сталь», «Боевой стимул» и т. д.), и резко противоположная ей – в середине 1990-х, декларацией которой стала песня «Родина». Последовательно антисоветским является и интересующий нас альбом «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!», записанный в 1988 г., – однако отрефлексированные в нем «сценарии» взаимоотношений с авторитетным дискурсом крайне трудно свести к общему знаменателю.

Заглавие альбома, состоящего из четырех композиций («Поперек», «Самоотвод», «70 лет Октября», «Человек – это звучит гордо»), соотносится прежде всего с первой песней, где соответствующая фраза повторяется восемь раз в русскоязычном варианте и еще четырежды – в немецкоязычном. Имея прецедентный характер, она отсылает к ежемесячной детской передаче «Mach mit, Mach's nach, Mach's besser», выходившей с 1964 г. сначала на телевидении ГДР, одной из ведущих стран соцлагеря, а затем и в СССР, где она транслировалась вплоть до начала 1990-х гг. Содержанием передачи были не только спортивные состязания, но и конкурсы на знание правил дорожного движения [*«Mach mit, mach's nach, mach's besser»: DDR-Sportlehrer Adi*], что в сознании Летова связывалось, по-видимому, с такими ключевыми постулатами советской системы, как соревновательность (см. сталинский лозунг «Пятилетку – в четыре года!», а также знаменитое стахановское движение) и жесткая регламентированность поведения во всех сферах (отрефлексированная в стихотворении Я. Дягилевой «Как жить», вошедшем в альбом «Гражданской обороны» «Тоталитаризм»). По сути дела, заглавная формула представляет собой перформативный жест – воззвание к действию, нацеленному, как может показаться, на укрепление благосостояния государства – и в этом ключе должны прочитываться любые изображенные в цикле события. Однако заглавие проекта в целом – «Враг народа» – серьезно корректирует исходные смыслы этой формулы, вступая с ними в явное противоречие.

Показательно, что в рецепции именно оно оказывается первичным: по традиции, имя исполнителя или название коллектива приводится в верхнем сегменте обложки альбома, тогда как заглавие – в нижнем (так оформлено и посмертное издание «Делай с нами...» – его единственный отдельный релиз). Это тем более важно, что под «вывеской» «Враг народа» другие альбомы не выпускались, поэтому фактически оно выступает вторым заглавием цикла, подвергая инверсии семантическое наполнение первого. Как известно, «врагами народа» в Древнем Риме именовались лица, находящиеся вне закона и подлежащие ликвидации (лат. Hostis populi Romani), а в большевистской риторике – противники нового режима, которых также предписывалось уничтожать [*Краткий курс истории. Враг народа*]. Соответственно, каждая вошедшая в альбом песня интерпретируется как высказывание подобного «врага», а заглавный императив – как призыв к подрывной деятельности, направленной против режима. Оба заглавия, «поддержанные» в одной из песен указанием на юбилей революции и перечислением совестких вождей, недвусмысленно очерчивают хронотоп, в котором разворачивается главное событие цикла – ментальный акт, результирующий осознанное самопозиционирование субъекта относительно государства.

В композиции альбома последовательно реализованы три «сценария» такого самопозиционирования: решительное сопротивление системе («Поперек»), отказ от борьбы, синонимичный уходу из жизни («Самоотвод»), и бездействие при резком неприятии сложившегося порядка («70 лет октября»). Последняя песня («Человек – это звучит гордо») выступает событийным итогом всего цикла, составляющие которого, таким образом, складываются в подобие единого сюжета (или, точнее, метасюжета). Так, в «Поперек» дискредитируются (и подменяются своей противоположностью) базовые представления советского государства о человеке, согласно которым он должен быть не столько личностью, сколько функцией – «шестеренкой», беспрекословно подчиняться приказам и сгинуть в «армейской мясорубке», наконец, «изгонять» любые проявления персональности, чтобы «слиться» с удобным для манипулирования «безликим окруженьем» [Враг народа: *Делай с нами...*, «Поперек»; песенные тексты и далее цитируются по фонограммам: в квадратных скобках указывается название проекта (коллектива), через двоеточие курсивом – наименование альбома, по которому приводится песня, после запятой в кавычках – ее заглавие. – А. Б.]. Следующая же песня, «Самоотвод», семантически контрастна первой: центральное событие – самоубийство В. В. Маяковского, под конец жизни размежевавшегося с большевиками, – хоть и не ставится в прямую зависимость от его взаимоотношений с властью, но акцентирует личный выбор человека – уклонение от участия в делах общества, которому он чужд по убеждениям (именно так трактует поступок поэта, в частности, Д. П. Святополк-Мирский [Святополк-Мирский, 1975, с. 47]). Отметим, что подобному прочтению созвучна и тематически близкая песня «Харакири», где речь идет о смерти выдающихся рок-музыкантов – и где их суицид рассматривается как единственная альтернатива сопротивлению («всего два выхода для честных ребят / схватить автомат и убивать всех подряд / или покончить с собой собой собой собой собой собой / если всерьез воспринимать этот мир» [Гражданская оборона: *Тошнота*, «Харакири»]).

Третий сценарий, реализованный в песне «70 лет Октября», соединяет черты предыдущих двух и представляется наиболее компромиссным. Лирический субъект здесь отказывается от любых радикальных форм противостояния режиму, будь то борьба с ним или демонстративный уход из жизни, однако по-прежнему не разделяет его ценностей, которые резко расходятся с его собственными. В результате сложившийся порядок предстает как раз и навсегда готовый, не способный к саморазвитию: «безопасным» может быть только «движение на месте», «научные наблюдения» оказываются «очевидными», а «прогресс» сводится к попранию «святынь», главной из которых является свобода. Показателен в этом свете зачин последней, итожащей цикл песни «Человек – это звучит гордо», где вполне по-концептуалистски «выворачивается наизнанку» «школьная» цитата из «На дне» М. Горького. «Так или иначе» в композиционно маркированной позиции («так или иначе повсеместный контроль <...> так или иначе характерный конец» [Враг народа: *Делай с нами...*, «70 лет Октября»]) указывает на безальтернативность происходящего, едва ли соотносимого с оценочным компонентом знаменитого сатинского монолога, составляющего контекст заглавной формулы: «Человек – вот правда! <...> Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно!» [Горький, 1985, с. 153]. Впрочем, горьковская цитата в структуре летовского текста явно амбивалентна: только на человека и может быть возложена ответственность за тоталитарное жизнестроение.

Композиция цикла поддерживается изотопией, охватывающей каждую из четырех песен и позволяющей выявить между ними не только синтагматические, но и парадигматические связи. «Прошивающие» альбом слова и группы слов, принадлежащих одному лексико-семантическому полю, удобно представить в виде следующей таблицы [Враг народа: *Делай с нами...*].

Таблица 1

Изотопия в альбоме «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» проекта «Враг народа»

Песня	**Лексико-семантическое поле**			
	Субъектность	**Борьба**	**Предзаданность**	**Механизм**
Поперек	будь всегда самим собой	не давай себя сжевать; навреди как можно больше; сопротивляйся до конца; отвечай сопротивленьем	не вейся шестеренкой; в проигранной войне сопротивляйся до конца; шагай на красный свет и нарушай правопорядок /	не вейся шестеренкой в механизме государства / в армейской мясорубке <...>

			законам и запретам поступай наперекор; по линованной бумаге... пиши напоперек	
Самоотвод	маяковский	под нейтральным небом (знаком, снегом, страхом, флагом)	—	жал курок; покатилось колесо; дуло
70 лет Октября	притворились такими же как все	полные овраги побежденных навылет	кафельным покрытием стелется земля; безопасность движения на месте; очевидность научных наблюдений; непогрешимость государственной машины	непогрешимость государственной машины
Человек – это звучит гордо	человек; афганцы	накрылся белым флагом очередной герой; снаряды пролетают над кукушкиным гнездом; в их <афганцев. – А. Б.> мышцах наливается военный коммунизм	так или иначе повсеместный контроль / так или иначе полный ассортимент / так или иначе гарантийный ремонт / так или иначе характерный конец	гарантийный ремонт; под натиском железа; снаряды пролетают; примеры... эпохи молотка

Согласно таблице, наиболее частотными в «Делай с нами...» являются слова, входящие в лексико-семантические поля «субъектность», «борьба», «предзаданность» и «механизм». При этом связи между ними могут быть установлены как по горизонтали (в границах одной песни), так и по вертикали (в границах цикла). Прежде всего, интерпретационно значимой оказывается взаимообусловленность каждой из выделенных сфер в рамках отдельного текста. Степенью субъектности мотивируется готовность героя вступать в борьбу и, соответственно, мера регламентированности его жизни, способствующая бесперебойной работе государственного «механизма» или препятствующая ей. Так, в песне «Поперек» субъект, отстаивающий свою индивидуальность, вступает в открытую конфронтацию с режимом, подрывая узаконенные поведенческие стандарты и тем самым – функционирование «армейской мясорубки». В песне «Самоотвод» сходная позиция героя, для экспликации которого отнюдь не случайно использовано собственное имя, приводит к осознанному самоустранению, но такое волеизъявление также не укладывается в «регламент» и, следовательно, вредит государству. Поэтому упомянутые здесь детали механизма уже не являются метафорическими атрибутами системы, а приобретают специфически авторские значения: курок, анаграмматически соотнесенный у Летова с окурком, символизирует окончание жизни, а колесо и дуло благодаря своей геометрической форме ассоциируются с нулем – образным знаком небытия. Ту же причинно-следственную логику можно усмотреть и в последующих песнях, где она инверсируется, но не утрачивает объяснительной силы: редукция субъектности чревата поражением в борьбе, несвободой, а значит, и «непогрешимостью государственной машины».

Вертикальные связи цикла реализуются в системе семантических «перевертышей», также включающей слова, принадлежащие одному лексико-семантическому полю. Речь идет не только о достаточно очевидных случаях актуализации / дезактуализации субъектности (см. первый столбец таблицы), но и о куда более тонких примерах взаимопревращения противоположностей. Показательно, в частности, что призыв навредить «сторонникам порядка» (см. второй столбец) оборачивается «оврагами» побежденных протестующих, а «нейтральный флаг», сигнализирующий о неучастии в борьбе, – «белым флагом», прикрывающим труп «очередного героя». Когда движение «на красный свет» (см. третий столбец) сменяется движением на месте», закономерным итогом, вопреки ожиданиям, становится не «безопасность», а «характерный конец». И если отказ быть «шестеренкой» (см. четвертый столбец) неизбежно приводит к «гарантийному ремонту» государственного «механизма», то его отлаженная работа никак не мешает свободному движению колеса, отделенного от своей оси (о символических коннотациях этого образа уже шла речь выше). Описанные процессы свидетельствуют, что, согласно Летову, любое сопротивление тоталитарной власти обречено на поражение, но только оно и делает человека «самим собой» – пусть за свою идентичность он вынужден расплачиваться смертью. В этой максиме, как представляется, и заключена авторская позиция, выходящая за пределы кругозора лирического субъекта в

любой из проанализированных песен.

Концептуализация советского дискурса

Изложенные наблюдения позволяют рассматривать альбом «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» как концептуальное единство, опирающееся на циклообразующие связи (заглавие, пространственно-временной континуум, композицию и изотопию), а циклизацию – как предельно органичную для автора форму рецепции советского дискурса, позволяющую избежать однозначности оценок и готовности художественных решений. Отсюда проблема субъектной организации альбома: не вдаваясь подробно в ее специфику, укажем на нетождественность позиций «говорящего» в каждой песне и на принципиальную несводимость этих позиций к авторскому видению. В адекватных летовской поэтике терминах данную особенность можно определить как нестабильность субъекта, которая сближается с концептуалистским «незалипанием», хотя и не тождественна ему. Если «незалипание» предполагает «двойственное отношение к своему «Я», своему месту в мире, своему занятию» и интерпретируется как внешне не мотивированный переход из одной дискурсивной системы в другую [Словарь терминов..., 1999, с. 62–63, 192; см. также: Корчагин, 2018], то нестабильность летовского субъекта в «Делай с нами...» основывается на его пребывании в границах только одного дискурса, взаимодействие с которым, однако, выстраивается как набор сменяющих друг друга «сценариев», ни один из которых не является приоритетным. Закономерно, что подобный тип субъектности может быть реализован только в структуре цикла и возникает в результате контекстуальной соположенности составляющих его песенных композиций. Соответственно, понимаемая таким образом нестабильность – величина переменная, и анализ одних и тех же песен в составе других текстовых ансамблей способен привести к совершенно иным результатам, с которыми как раз и связана перспектива исследования – рассмотрение материала «Врага народа» в контексте других альбомов, призванное открыть прежде не доступные наблюдению грани рецепции Е. Летовым советского дискурса.

Библиографический список

1. Бройтман С. Н. Кумулятивный и циклический принципы в цикле стихов («Стихи к Блоку» М. Цветаевой, 1916 г.) // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 220–232.

2. Вафин А. Егор Летов и политическое, или об идеологических миксерах // ГрОб-Хроники. URL: https://grob-hroniki.org/article/2014/art_2014-xx-xxd.html (дата обращения: 12.11.2024).

3. Враг народа. Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас! URL: https://www.youtube.com/watch?v=L-WmhO8OhiE (дата обращения: 12.11.2024).

4. Гавриков В. А. Песенная поэзия vs печатная поэзия. Москва : Директ-Медиа, 2021. 388 с.

5. Горький М. На дне // Горький М. Пьесы. Москва : Правда, 1985. С. 93–158.

6. Гражданская оборона. Тошнота. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bRX3d_Xvjkg (дата обращения: 12.11.2024).

7. Дарвин М. Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст. Москва : РГГУ, 2018. 288 с.

8. Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учебное пособие. Кемерово : КемГУ, 1983. 104 с.

9. Дарвин М. Н. Цикл // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 292–293.

10. Доманский Ю. В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. Москва : Intrada – Издательство Кулагиной, 2010. 232 с.

11. Клоос Э. В. Образ Советского Союза в раннем творчестве Егора Летова (второй половины 1980-х гг.) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. № 20. С. 124–130.

12. Корчагин К. Смерть мерцающего субъекта: Егор Летов, Виктор Іванів, тотальность и концептуальное искусство // Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении. 2-е изд., испр. Москва; Калуга; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. С. 197–209.

13. Краткий курс истории. Враг народа // ИСТОРИЯ РФ. Главный исторический портал страны. URL: https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-vragh-naroda (дата обращения: 12.11.2024).

14. Сапогов В. А. Цикл // Литературный энциклопедический словарь. Москва : Сов. энциклопедия, 1987. С. 492–493.

15. Святополк-Мирский Д. Две смерти: 1837–1930 // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. Paris : Mouton & Co., Publishers, The Hague, 1975. С. 35–48.

16. Словарь терминов московской концептуальной школы. Москва : Ad marginem, 1999. 221, [2] с.

17. Тюпа В. И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл. Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 50–63.

18. Фоменко И. В. Лирический цикл. Становление жанра. Поэтика. Тверь : Твер. гос. ун-т., 1992. 123,[1] с.

19. Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла : учебное пособие. Калинин : КГУ, 1984. 79 с.

20. Фоменко И. В. Практическая поэтика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2006. 192 с.

21. «Mach mit, mach's nach, mach's besser»: DDR-Sportlehrer Adi // Mitteldeutscher Rundfunk. URL: https://www.mdr.de/geschichte/ddr/politik-

gesellschaft/sport/adi-machs-mit-machs-nach-sport-kindersendungkinderfernsehen-100.html (дата обращения: 12.11.2024).

Reference list

1. Brojtman S. N. Kumuljativnyj i ciklicheskij principy v cikle stihov («Stihi k Bloku» M. Cvetaevoj, 1916 g.) = Cumulative and cyclic principles in a cycle of poems («Poems to Blok» by M. Tsvetaeva, 1916) // Evropejskij liricheskij cikl. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 nojabrja 2001 g. Moskva : Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 220–232.

2. Vafin A. Egor Letov i politicheskoe, ili ob ideologicheskih mikserah = Egor Letov and the political, or about ideological mixers // GrOb-Hroniki. URL: https://grob-hroniki.org/article/2014/art_2014-xx-xxd.html (data obrashhenija: 12.11.2024).

3. Vrag naroda. Delaj s nami, delaj kak my, delaj luchshe nas! = Enemy of the people. Do with us, do like us, do better than us! URL: https://www.youtube.com/watch?v=L-WmhO8OhiE (data obrashhenija: 12.11.2024).

4. Gavrikov V. A. Pesennaja pojezija vs pechatnaja pojezija = Song poems vs printed poems. Moskva : Direkt-Media, 2021. 388 s.

5. Gor'kij M. Na dne = At the Bottom // Gor'kij M. P'esy. Moskva : Pravda, 1985. S. 93–158.

6. Grazhdanskaja oborona. Toshnota = Civil Defense. Nausea. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bRX3d_Xvjkg (data obrashhenija: 12.11.2024).

7. Darvin M. N. Pojeticheskij mir liricheskogo cikla: Avtor i tekst = The poetic world of the lyrical cycle: Author and text. Moskva : RGGU, 2018. 288 s.

8. Darvin M. N. Problema cikla v izuchenii liriki = The problem of the cycle in the study of lyrics : uchebnoe posobie. Kemerovo : KemGU, 1983. 104 s.

9. Darvin M. N. Cikl = The cycle // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 292–293.

10. Domanskij Ju. V. Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst = Russian rock poetry: text and context. Moskva : Intrada – Izdatel'stvo Kulaginoj, 2010. 232 s.

11. Kloos Je. V. Obraz Sovetskogo Sojuza v rannem tvorchestve Egora Letova (vtoroj poloviny 1980-h gg.) = The image of the Soviet Union in Yegor Letov's early works (second half of the 1980s) // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. 2020. № 20. S. 124–130.

12. Korchagin K. Smert' mercajushhego sub#ekta: Egor Letov, Viktor Ivaniv, total'nost' i konceptual'noe iskusstvo = The Death of the Shimmering Subject: Yegor Letov, Viktor Ivaniv, totality and conceptual art // Letovskij seminar: Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshhenii. 2-e izd., ispr. Moskva; Kaluga; Venecija : Bull Terrier Records, 2018. S. 197–209.

13. Kratkij kurs istorii. Vrag naroda = A brief history course. Enemy of the people // ISTORIJa RF. Glavnyj istoricheskij portal strany. URL: https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-vragh-naroda (data obrashhenija: 12.11.2024).

14. Sapogov V. A. Cikl = he cycle // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1987. S. 492–493.

15. Svjatopolk-Mirskij D. Dve smerti: 1837–1930 = Two deaths: 1837-1930 // Jakobson R., Svjatopolk-Mirskij D. Smert' Vladimira Majakovskogo. Paris : Mouton & Co., Publishers, The Hague, 1975. S. 35–48.

16. Slovar' terminov moskovskoj konceptual'noj shkoly = Dictionary of terms by the Moscow Conceptual School. Moskva : Ad marginem, 1999. 221, [2] s.

17. Tjupa V. I. Gradacija tekstovyh ansamblej = Grading textual ensembles // Evropejskij liricheskij cikl. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 15–17 nojabrja 2001 g. Moskva : Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 50–63.

18. Fomenko I. V. Liricheskij cikl. Stanovlenie zhanra. Pojetika = Lyrical cycle. Formation of the genre. Poetics. Tver' : Tver. gos. un-t., 1992. 123,[1] s.

19. Fomenko I. V. O pojetike liricheskogo cikla = On the lyrical cycle poetics : uchebnoe posobie. Kalinin : KGU, 1984. 79 s.

20. Fomenko I. V. Prakticheskaja pojetika = Practical poetics : ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2006. 192 s.

21. «Mach mit, mach's nach, mach's besser»: DDR-Sportlehrer Adi // Mitteldeutscher Rundfunk. URL: https://www.mdr.de/geschichte/ddr/politik-gesellschaft/sport/adi-machs-mit-machs-nach-sport-kindersendungkinderfernsehen-100.html (data obrashhenija: 12.11.2024).

Статья поступила в редакцию 21.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 21.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 821.161.1.09’’1917/1991’’
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-38
EDN: YUCPKF

История создания главы «Сон Никанора Ивановича» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Елена Юрьевна Колышева
Кандидат филологических наук, доцент департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. 129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 3
elenakolysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3653-8561

Аннотация. Глава «Сон Никанора Ивановича» представляет собой важнейший фрагмент полотна, на котором М. А. Булгаков достоверно изобразил современную ему эпоху в романе «Мастер и Маргарита», благодаря использованию онейрического пространства и образа театра. Не случайно именно эта глава пострадала от работы цензуры более всего при первой публикации романа в журнале «Москва» в ноябре 1966 г. и январе 1967 г. наряду с главой о злоключениях директора театра Варьете Степы Лиходеева, а именно ее началом о таинственных исчезновениях в «нехорошей квартире». В связи с этим история создания главы о заключении председателя жилищного товарищества привлекла особое внимание в булгаковедении. Так, Л. К. Паршиным было установлено, что на создание рассматриваемой главы оказал воздействие рассказ Н. Н. Лямина, близкого друга Булгакова, о своем содержании под стражей. В процессе нашего исследования всего корпуса черновиков романа «Мастер и Маргарита» и материалов следственных дел мы увидели, что замысел главы оформился задолго до ареста Н. Н. Лямина. Но серия эпизодов сна, построенных как череда концертных номеров в театральном пространстве, была создана писателем именно на основе тех знаний, которые он получил благодаря рассказу Н. Н. Лямина. Сопоставление черновиков романа «Мастер и Маргарита» и биографии Мольера, над которой Булгаков работал параллельно в 1932–1933 г., привело нас к выводу о влиянии романа о Мольере на создание театрального пространства в главе «Сон Никанора Ивановича» с целью изображения эпохи арестов. Таким образом, обращение к истории текста позволило нам установить процесс становления замысла писателя.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Мастер и Маргарита»; история текста; текстологический анализ; сон Никанора Ивановича; Н. Н. Лямин; «Жизнь господина де Мольера»; подтекст; онейрическое пространство

Для цитирования: Колышева Е. Ю. История создания главы «Сон Никанора Ивановича» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 38–50. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-38. https://elibrary.ru/YUCPKF

Original article

Background of the chapter The Dream of Nikanor Ivanovich in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita

Elena Yu. Kolysheva
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of methodology of teaching social sciences and humanities, Institute of humanities, Moscow city pedagogical university. 129226, Moscow, 2nd Selskhokhoditelny proezd, 4, bld. 3.
elenakolysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3653-8561

Abstract. The chapter The Dream of Nikanor Ivanovich is the most important fragment of the canvas, on which M. A. Bulgakov reliably depicted the modern era in his novel The Master and Margarita, thanks to the use of oneiric space and the image of the theater. It is no coincidence that it was this chapter that suffered the most from the censorship during the first publication of the novel in the magazine Moscow in November 1966 and January 1967, along with a chapter on the misadventures of the Variety Theater director Stepa Likhodeev, specifically its beginning about mysterious disappearances in the «bad flat». In this regard, the history of writing the chapter on the imprisonment of the housing cooperative chairman has attracted particular attention in Bulgakov studies. Thus, L. K. Parshin showed

© Колышева Е. Ю., 2025

that while writing the chapter, Bulgakov was influenced by the story of N. N. Lyamin, Bulgakov's close friend, about his being held in custody. While studying the whole corpus of drafts for the novel The Master and Margarita and the materials on case investigations, the author saw that the idea of the chapter had been formed long before N. N. Lyamin's arrest. But the series of dream episodes, constructed as a succession of concert numbers in a theatrical space, was created by the writer precisely on the basis of the knowledge he had gained through N. N. Lyamin's story. Comparing the drafts of the novel The Master and Margarita and Molière's biography, which Bulgakov worked on in parallel in 1932-1933, the author made a conclusion about the influence of the novel about Molière on the creation of the theatrical space in the chapter Nikanor Ivanovich's Dream in order to depict the age of arrests. Thus, addressing the history of the text helps to establish how the writer's intention was formed.

Key words: M. A. Bulgakov; The Master and Margarita; history of the text; textual analysis; the Dream of Nikanor Ivanovich; N. N. Lyamin; Biography of Moliere; implication; oneiric space

For citation: Kolysheva E. Yu. Background of the chapter The Dream of Nikanor Ivanovich in M. A. Bulgakov's novel The Master and Margarita. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):38–50. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-38. https://elibrary.ru/YUCPKF

Введение

В булгаковедении существует несколько точек зрения на историю создания главы «Сон Никанора Ивановича» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Л. К. Паршин связывает ее с арестом Николая Николаевича Лямина, близкого друга Булгакова. Исследователь основывается на воспоминаниях Натальи Абрамовны Ушаковой, супруги Н. Н. Лямина, утверждавшей, что рассказы последнего повлияли на создание Булгаковым главы о содержании Никанора Ивановича Босого под стражей. Л. К. Паршин, записавший эти воспоминания, сопоставил их с фрагментами романа Булгакова, убедительно продемонстрировав их очевидную взаимосвязь [Паршин, 1991, с. 166–170].

Г. А. Лесскис сравнивает главу о заключении Босого с книгой Лиона Фейхтвангера «Москва 1937»: «Книга эта была в библиотеке Булгакова, и известно негативное его отношение к ней [на основе дневника Е. С. Булгаковой. – *Е. К.*]. Однако идея и первые варианты этой главы (1933 г.) возникли задолго до появления книги Фейхтвангера, что, впрочем, не исключает ее влияния на дальнейшую работу над текстом» [Лесскис, 2007, с. 379].

И. З. Белобровцева и С. К. Кульюс в эпизодах сна Никанора Ивановича Босого видят «отголоски процессов 1930-х гг. (<…> „шахтинское дело” (1928), процессы троцкистов, или „рабочей оппозиции” (1928–1929), Промпартии (1930), Трудовой крестьянской партии (1931) и процессы, связанные с изъятием церковных ценностей)» [Белобровцева, 2006, с. 268]. Исследователи справедливо полагают, что «сон Никанора Босого» – свидетельство глубокого понимания писателем всего, что происходило в советской России в 1930-е гг. В многочисленных деталях сна сквозит проекция на методы работы „компетентных органов”, концентрируются все стороны жизни арестованного и применяемый по отношению к нему аппарат принуждения» [Белобровцева, 2006, с. 267–268]. Исследователи выделяют в эпизодах сна «спровоцированные и невольные „признания” участников», «тонко расставленные ловушки», «использование стукачей, добровольно помогающих следствию (поведение любовницы Дунчиля)» [Белобровцева, 2006, с. 268]. С. К. Кульюс отмечает, что «сон Босого концентрирует все стороны жизни арестованного и применяемый по отношению к нему аппарат принуждения» [Кульюс, 2019, с. 888]: «дознание», «воздействие на психику», поведение конферансье, то есть следователя, который «оказывается и великолепным психологом, умело манипулирующим „зрительным залом”» [Кульюс, 2019, с. 889–890].

О. Е. Этингоф убедительно демонстрирует, что на создание театрального представления в главе 15 мог повлиять владикавказский опыт Булгакова периода весны и лета 1920 г., когда он исполнял обязанности заведующего театральной секцией подотдела искусств Терского нарообраза и «мог по долгу службы не только знать (то есть слышать от очевидцев) о тюремном театре, но и сам принимать участие в его организации <…>)» [Этингоф, 2017, с. 198]. Исследователь приводит документы Терского областного ревкома о создании тюремного театра и сопоставляет их с обстоятельствами сна Никанора Ивановича из романа Булгакова [Этингоф, 2017, с. 196–199].

В центре нашего исследования главы «Сон Никанора Ивановича» на основе текстологического анализа всего корпуса черновиков романа и его основного текста находился процесс становления онейрического пространства [Колышева, 2013], а также его подтекста [Колышева, 2020].

Методы исследования

В данной статье впервые предпринята попытка исследовать влияние биографии близкого друга

Булгакова Н. Н. Лямина, а также параллельной работы Булгакова над романом «Жизнь господина де Мольера» на создание эпизодов сна Никанора Ивановича Босого в романе «Мастер и Маргарита» на основе биографического метода и текстологического анализа обозначенных произведений, что позволяет приблизиться к пониманию авторского замысла.

Мы опираемся на установленные нами систему редакций романа «Мастер и Маргарита» и его основной текст, максимально отражающий последнюю творческую волю писателя: первая (1928–1930), вторая (1932–1936), третья (1936), четвертая (1937), пятая (последняя рукописная, 1937–1938), шестая (окончательная, 1938–1940) [Булгаков, 2014а; Булгаков, 2014б].

Впервые в научный оборот вводятся фрагменты черновиков романа о Мольере, реконструкция главы о председателе жилищного товарищества первой редакции романа «Мастер и Маргарита», а также материалы следственных дел Н. Н. Лямина.

Текст черновиков двух романов передается методом динамической транскрипции, что позволит сделать зримым процесс писательской работы над произведением и увидеть становление авторского замысла. Для этого используются графические условные обозначения: 1) текст, вычеркнутый писателем, – [*текст*], 2) вставка в процессе письма – **текст**, 3) более поздняя вставка – {**текст**}, 4) вычеркнутая вставка второго слоя – {***текст***}, 5) конъектура – <*текст*>, 6) достоверность передаваемого авторского текста – <sic>, 7) завершение страницы и переход к следующей обозначены двумя прямыми вертикальными чертами ‖.

При цитировании текста черновиков, а также следственных дел сохраняются авторская орфография и пунктуация.

Результаты исследования

Никанор Иванович Босой и Н. Н. Лямин

Л. К. Паршин установил, что на создание сна Босого повлиял рассказ Н. Н. Лямина о своем аресте. Исследователь приводит воспоминания Н. А. Ушаковой, супруги Н. Н. Лямина: «Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича – Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две» [Паршин, 1991, с. 167]. Воспоминания Н. А. Ушаковой являются документальным свидетельством влияния рассказа Лямина на создание сна Босого в романе «Мастер и Маргарита»: «Потом у нас сделали обыск, но у нас, конечно, ничего не было, и они унесли две дешевые побрякушки со стекляшками вместо камней, и Николая Николаевича выпустили. И вот, он Булгакову обо всем этом подробно рассказывал, и тот написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово» [Паршин, 1991, с. 170]. Л. К. Паршин сопоставляет воспоминания Н. А. Ушаковой и свидетельства «старого работника военной разведки» Л. Хургеса об особенностях содержания под стражей «подозрительных» в период изъятия ценностей в СССР в 1930-е г. с эпизодами сна Никанора Ивановича [Паршин, 1991, с. 166–170], тем самым текстуально подтверждая и демонстрируя взаимосвязь между первым арестом Лямина и романом Булгакова.

Следственное дело рассматриваемого периода не сохранилось. Как нам объяснили в ЦА ФСБ России, в таких случаях, когда задержанный заключался под стражу на небольшой срок и отпускался на свободу, дела не хранились. Но история первого ареста Н. Н. Лямина сохранилась в других его следственных делах и может дополнить как страницы его биографии, так и наши представления о ее взаимосвязи с романом Булгакова.

Второй раз Н. Н. Лямин был арестован 2 апреля 1936 г. и заключен под стражу в Бутырский изолятор НКВД. В следственном деле этого периода сведения об аресте 1931 г. содержатся в следующих документах.

1) «Повестка на заседание Особого Совещания при НКВД СССР по делам Секретно-политического отдела УГБ»: «ЛЯМИН Николай Николаевич, 1892 г. рожд., б/парт., происходит из семьи купца миллионера. До революции имел капитал 200.000 руб., конфискованный соввластью, в 1931 г. арестовывался органами б. ОГПУ как валютчик, у него было изъято валюты на 2000 руб., работал внештатным сотрудником библиотеки академии архитектуры, женат, жена дочь б. фабриканта Прохорова» [здесь и далее во фрагментах следственных дел подчеркивание в тексте выполнено рукой следователя. – *Е. К.*] [Следственное дело… , ф. 10035, оп. 1, дело П-43249, л. 3а].

2) «Анкета арестованного». По вопросу об «имущественном положении в момент ареста» «до 1917 года» сообщается: «Дед на воспитании которого я был – был крупным миллионером, отчим мой Горнштейн на воспитании у которого я находился был членом московской Судебной палаты – действ. статским советником. Я имел ка-

питал 200 000 р.» [Следственное дело… , ф. 10035, оп. 1, дело П-43249, л. 4]. На вопрос «Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение» был дан ответ: «В 1931 г. я вызывался в НКВД и <*был освобожден*> после добровольной сдачи золота и <*валюты*> на сумму около 2000 р.» [Следственное дело… , ф. 10035, оп. 1, дело П-43249, л. 4 об.].

3) Протокол допроса от 2 апреля 1936 г. По вопросу «Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)» «после революции» сообщаются сведения: «в 1931 г. был арестован как валютодержатель. Просидев 2–3 недели – был освобожден после сдачи ценностей – валюты и бриллиантов – на сумму около 2000 р. золотом» [Следственное дело… , ф. 10035, оп. 1, дело П-43249, л. 7 об.].

После освобождения из Ухтопечерского лагеря НКВД в январе 1939 г. Н. Н. Лямин поселился в Калуге. Здесь он был «арестован 27/VI 1941 г.», как сообщается в «анкете заключенного» [Дело по обвинению… , П-12761, л. 7 об.]. Приведем фрагмент протокола допроса от 28 июня 1941 г., где Н. Н. Лямин сообщает сведения о своем заключении в 1931 г.

«Ответ: Мой дед Иван Артемович ЛЯМИН был очень богатым промышленником, купцом-миллионером. У деда были 3 сына, каждый получил наследство, но т. к. мой отец умер вперед деда, то фактически наследство получил я, ценными бумагами на сумму в 100.000 руб. Этот капитал давал мне возможность получать проценты.

Вопрос: Следовательно, вы относились к группе рантье, которое как известно, занималось стрижкой купонов?

Ответ: Да, это совершенно правильно, я принадлежал к группе рантье, я получал проценты с вложенного капитала. На эти деньги я получил высшее образование, окончил в 1915 г. Московский государственный университет, изучал иностранные языки на дому, из которых хорошо знаю немецкий, французский, прилично английский и могу перево-||дить со словарем итальянский, испанский языки. После окончания МГУ я поступил работать вплоть до настоящего времени по моей научной специальности.

Вопрос: Кто был ваш отчим?

Ответ: Мой отчим Исидор Ермолаевич ГОРНШТЕЙН был членом Московской судебной палаты, личный дворянин, действительный статский советник.

Вопрос: Арестовывались ли вы еще, кроме 1936 г. в утвердительном случае скажите за что, где и когда?

Ответ: В 1931 г. в гор. Москве я был арестован как валюто-держатель, просидев 2 недели, был освобожден после сдачи ценностей – бриллиантов и рублей <sic> на 300 золотой валютой. Всего на 4000 рублей.

Вопрос: Почему вы скрыли от следствия ваш арест в 1931 г. при заполнении анкеты 27 июня 1941 г.? И почему об этом вы не указываете ни в своей автобиографии, ни в других документах?

Ответ: Скрыл я этот факт потому, что не считал арестом, т. к. при моем освобождении следователь на мой вопрос ответил, что я не арестовывался, а задерживался для сдачи валюты. Мне тогда не предъявляли никакого обвинения и я не был судим. ||» [Дело по обвинению… , П-12761, л. 29–30].

Таким образом, Н. Н. Лямин как «валютодержатель» заключался под стражу в 1931 г. На данный момент создана первая редакция романа «Мастер и Маргарита» (1928–1930), в которую уже входит глава о председателе жилищного товарищества – Никодиме Гавриловиче Поротом. В этот период глава была схожа с сюжетом о Гарасе Педулаеве, будущем Степе Лиходееве: подгулявший накануне герой просыпается в своей постели и не может вспомнить, что с ним произошло накануне.

Первая тетрадь этого периода была сильно повреждена Булгаковым – бóльшая часть листов вырвана, оборвана, вырезана. Постараемся восстановить ход событий в главе о председателе по сохранившимся фрагментам текста.

«Председатель жи<*лищного товари*>щества дома № 2» «<*ува*>жаемый всеми Ни<*кодим Гаврилович Поро*>тый проснулся» «поздновато, око<*ло*>» «на большой дву<*спальной кровати,*> принадлежавш<*ей генералу*> Скопуневу.

Никодим Га<*врилович свесил*> ноги с кровати» и смотрел на амура и портрет Карла Маркса [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 97].

После перепалки с женой Марьей, которая жалуется, что надо заплатить молочнице и «масла взять» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 98–98 об.], «Никодим Гаврилович» сунул руку «<*под*> подушку, где всегда хранил засаленный кожан<*ый бумажник*>» и обнаружил в нем «пятьдесят» червонцев, хотя накануне «положил под подуш<*ку*> [*трешниц*<*у*>]» «**два целковых, пятиалтынный** и ключ от ворот» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 99–99 об.]. Далее Поротый допрашивает жену, не положила ли она «что ни-

бу<*дь*>» «в бумажник» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 100]. Жена, «поглядывая на него, <*получил*>а три рубля и ушла». Как только «<*д*>верь за нею стукнула», «<*Никодим Гаври*>лович вновь ухватился» за бумажник и «вновь обрел там пять<*десят червонцев*>». Никодим Гаврилович задается вопросом, «<*не ограби*>л ли я кого нибудь?!». Председатель пытается вспомнить, что произошло накануне. «Припомнилась зана<*весочка*>, [<*по*>] у занавесочки дв<*ое.*>»] Припоминаются «две бу<*тылки пшен*>ичной, селедочка», «<*неск*>олько штук соленых <*огурцов н*>а тарелке» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 100 об.]. Никодим Гаврилович припоминает, что с ним были «секретарь домкома Король-||ков, председатель <*управления*> Петров» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 100 об.–101]. «Вот так стоял я,» вспоминал «<*Поро*>тый, а вот так Коро<*льков*>», «стоял возле фис-гармони». «Ну-с. Корольков говори<*т*>» «2.65, а закуска моя. Нет это Петро<*в*>» сказал. «Одним словом я вынима<*л*>» бумажник. «<*Король*>ков идет в кооператив». «Я говорю занавесочку пр», «чтоб какой нибудь треп» не вышел, «возвращается Королько<*в*>», приносит «бутылки пшеничной» – «два 35 копеек, как» – «кладу в бумажник…» [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 101]. Никодим Гаврилович пугается того, уж не Королькова ли и Петрова он ограбил, но тут же успокаивает себя, что это невозможно: «Их не ограбишь,» – «<*сво*>лочь – Королькова!». После этого «фантастические картины <*начинают*> грезиться председателю», как он среди «больших домов в Москве» – «крадучись» с пистолетом с криком «<*Коше*>лек или жизнь» грабит в подворотне нэпмана [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 101 об.]. Глава не дописана, для ее финала оставлены страницы [Булгаков, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1, л. 102 об. – 103 об.].

«Окончание г<*лавы*>» о Никодиме Гавриловиче Поротом написано во второй тетради черновиков первой редакции романа. Председатель проводит собрание, на котором происходит голосование по поводу освободившейся квартиры – «кто за то, чтобы» «отдать рабочим» или сдать «<*н*>епману», чтобы была возможность заплатить за отопление дома. Появляется Воланд:

«– ответил ферзь, – что
это, не узнаете
<*Во*>ланд» [Булгаков, 2014а, с. 98].

Председатель перед «собой увидел бумагу». «Поротый, пыхтя, вз<*ял*>», «<*прочи*->тал всю до конца», убедился, что бумага нотариально засвидетельствована. Председатель вызывает Королькова и Петрова и узнает, что накануне он сдал квартиру Леонарду Воланду:

«Вызванные секрет <*Король*->
ков и член ревизи<*и*> <*ска*->
зали Поротому, чт<*о*>
что вчера же по
гражданин Ле<*онард*>
артист, снабже <*реко*->
мендациями от
связи с заграниц<*ей*>
снял» [Булгаков, 2014а, с. 98]

Завершается глава тем, что председатель сам отправляется в отделение:

«– Заявляй, Гаврилыч, лучше сам в уголовное, – серьезно сказал Петров, – тебе смягчение выйдет.

Топоча ногами, все тронулись и Поротый шел, плача, утирая слезы кулаками».

В первой редакции еще нет главы о содержании героя под стражей, но есть глава, сюжетом которой является допрос председателя, то есть первая часть будущей главы «Сон Никанора Ивановича». «Глава XII. „**Разговор по душам.**“» [Булгаков, 2014а, с. 34] написана в первой тетради черновиков первой редакции, сохранилась полностью и представляет собой эпизод допроса председателя.

В этом эпизоде в окончательном тексте романа для обозначения пространства тюрьмы используются эвфемистические замены (дважды словосочетание «другое место» и один раз указательное местоимение «там»). Образ следователя обозначается не через существительное (имя собственное или нарицательное), а через глаголы в форме 3 лица множественного числа: «вступили в разговор», «спросили» (три раза), «повысили голос». О том, что допрос ведет все-таки один следователь, говорит деепричастие «прищуриваясь», обозначающее дополнительное действие одного человека, а также эвфемистическая замена имени «за столом» [Булгаков, 2014б, с. 650–651]. Так, в окончательном тексте романа образ следователя оказывается лишенным лица. В первой же редакции для обозначения образа следователя используются существительные: «человек» («– Это ваша подпись? – спросил[*и*] человек у Поротого <…>») и «следователь» («**Следователь рассмеялся и головой покачал.**»), в том числе в качестве обращения («– Вы, т. следователь **понимайте**, – вдруг сказал проникновенно Поротый, – **что** я за то только и страдаю, что бес подкинул мне деньги <…>»). Кроме того, в речи следователя используются личное местоимение («Вы меня время заставляете зря терять»; «– Штукарь вы, Поротый.

Да вы прочтите, что подписываете. **Так ли я записал ваши показания?**») и определенно-личные предложения («– Предупреждаю вас, гражданин Поротый, что разговаривая таким нелепым образом вы сильно ухудшаете ваше положение»), что создает образ живого человека [Булгаков, 2014а, с. 34–36].

В первой редакции, по сути, дается только допрос, но при этом есть четкое указание на длительность пребывания председателя в заключении: «Впрочем вряд ли **в** отвечавш[*ий*]**ем** можно было признать председателя. Сидел **скуластый** исхудавший, [*жалкий*] **совсем другой** человек и **жиденькие** волосы до того перепутались и слиплись у него на голове, что казались кудрявыми» [Булгаков, 2014а, с. 34]. Смысл изменений, произошедших с героем, станет ясен, если мы обратимся к уже рассмотренной нами главе, посвященной председателю жилищного товарищества, а именно к его портрету: «Сидит Поротый» – «Он толст» [Булгаков, 2014а, с. 96].

Таким образом, мы не можем утверждать, что глава о пребывании председателя в заключении вошла в роман под влиянием рассказа Н. Н. Лямина Булгакову о своем содержании под стражей в 1931 г., так как этот фрагмент сюжета был создан и даже выделен в отдельную главу уже в первой редакции романа, то есть задолго до ареста Н. Н. Лямина. Но эпизоды сна, построенные как череда концертных номеров в театральном пространстве, были созданы именно под воздействием этой страницы биографии Н. Н. Лямина, так как впервые появились во второй редакции романа «Мастер и Маргарита» (1932–1936).

В период работы над второй редакцией романа Булгаков пишет два варианта главы, включающей в себя эпизоды сна Босого.

Первый вариант главы Булгаков пишет «ночью на 1-е сентября 1933» (помета писателя) и пробует для нее целых три варианта названия: «Глава 8. [*Московские ночи*.] {***Необыкновенные приключения Босого***} {**Замок чудес.**}» [Булгаков, 2014а, с. 201]. Окончательным на данном этапе работы названием становится, как видим, «Замок чудес». Эта глава была завершена до 6 октября 1933 г. – этим числом датируется «Разметка глав романа» («6.X.1933» – помета писателя [Булгаков, 2014а, с. 211]), которую Булгаков составляет после глав, написанных в этой тетради. Данная «разметка» демонстрирует, что Булгаков выделил фрагмент сюжета о пребывании Никанора Ивановича под стражей в отдельную главу: «5) [*И*] Арест Босого. **День 23.VI** <..> 8) Босой в тюрьме. **23.VI Вечер[.]{,} ночь**» [Булгаков, 2014а, с. 211].

До нас дошло только начало первого варианта главы – 32 листа срезаны под корень. На сохранившихся корешках виден текст, написанный фиолетовыми чернилами. На этих листах продолжалась авторская нумерация страниц. То есть глава в этот период была написана полностью.

Страницы с текстом этой главы были уничтожены в связи с арестом Н. Р. Эрдмана. 12 октября 1933 г. Е. С. Булгакова делает в дневнике следующую запись: «Утром звонок Оли [О. С. Бокшанской. – *Е. К.*]: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился. <…> Ночью М. А. сжег часть своего романа» [Дневник… , 1990, с. 41].

Сохранившийся фрагмент содержит описание пути Босого к месту лишения свободы, напрямую тюрьмой здесь не называемого [Колышева, 2020].

Мы можем предположить, что глава включала в себя эпизоды театрального представления, ведущий которого предлагает зрителям, в том числе Босому, сдать валюту. Предположение это основывается на том, что второй вариант главы, дошедший до нас полностью, строится именно таким образом. Напомним, глава в первом варианте была написана полностью – на 33 листах.

Второй вариант главы был написан в период создания вариантов некоторых глав и создания новых. Не ранее 30 октября 1934 г. – не позднее 21 июня 1935 г. (крайние даты помет писателя) Булгаков пишет «главу 16. [*Замок чудес*] {***Что видел во сне Босой.***} {**Что снилось Босому.**}» [Булгаков, 2014а, с. 339]. Правка названия главы выполнена не в процессе письма, а позднее и относится к 21 июня 1935 г.: «21. VI 35 г. в грозу». На данный момент глава завершается эпизодом, когда Курицын соглашается сдать валюту и свою тетку. Глава не дописана – обрывается на слове «Соседи», для ее продолжения оставлены чистые листы (л. 80–86) [Булгаков, 2014а, с. 347]. Замысел главы на данный момент оформился не полностью, о чем свидетельствует правка, которую Булгаков делает в процессе письма, пытаясь определить границы онейрического пространства: «Далее сны Босого потекли [*беспрепятственно*] [*непрерывно*] с перерывами» [Булгаков, 2014а, с. 347]. Об этом же говорит и «Окончание сна Босого», написанное не ранее 6 июля 1936 г. Этим числом датируется работа Булгакова над новым вариантом главы «Последний полет», предшествующей в тетради «Окончанию сна Босого» [Булгаков, 2014а, с. 355].

В «окончании сна» Босой видит отца Аркадия Элладова, который проповедует «о том, что нет власти не от Бога» и призывает сдать валюту [Булгаков, 2014а, с. 358].

Во втором варианте главы, включающей в себя эпизоды сна Босого, Булгаков изображает героя, находящегося под стражей и проходящего все связанные с этим процедуры, в том числе допрос, и использует для этого подтекст, который создает с помощью следующих средств:

1) перевод героя в онейрическое пространство («А далее все сложилось так, что Никанор Иванович впал в полное изумление и пребывал в нем до тех пор, пока не сообразил, что видит сон») [Булгаков, 2014а, с. 340];

2) театральный характер онейрического пространства («Затем Никанор Иванович очутился в большом зале и сразу убедился, что это театральный зал»), которое включает в себя атрибуты театра («Под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, на стенах – кенкеты, была сцена, перед ней суфлерская будка, на сцене большое кресло малинового бархата, столик с колокольчиком и черный бархатный задний занавес») и тюрьмы («Удивило Никанора Ивановича то, что все это безумно пахло карболовой кислотой»; «Тут смутно запомнил Никанор Иванович, что все зрители были мужеского пола, все с бородами и с усами, отчего казались несколько старше своих лет») [Булгаков, 2014а, с. 341];

3) использование глагола «сидеть» («Кроме того, поразился Никанор Иванович тем обстоятельством, что зрители, а их было по первому взгляду человек полтораста, сидели не на стульях, а просто на полу[.] [*Д*]довольно тесно»; «– Сидите? – спросил молодой человек <…>») [Булгаков, 2014а, с. 341].

Детали сна Никанора Ивановича Босого, связанные с атрибутами и процедурами тюремного пространства, демонстрируют осведомленность Булгакова в данном вопросе и могли войти в роман, благодаря рассказу Н. Н. Лямина о своем заключении в 1931 г. Не случаен здесь также образ тетки – напомним, на момент ареста Н. Н. Лямина под стражей уже находилась тетка его первой супруги А. С. Ляминой, происходившей из семьи Прохоровых [Паршин, 1991, с. 167]. Возможно, фамилия тетки *Пороховникова*, появившаяся во второй редакции романа [Булгаков, 2014а, с. 346], выбрана по созвучию с фамилией «бывших фабрикантов».

Рассматриваемый вариант главы Л. К. Паршин считает третьим: «И все же эта тема так волновала Булгакова, что в законченной в 1936 году 3-й редакции «Мастера и Маргариты» [система редакций М. О. Чудаковой. – *Е. К.*] под № 16 появляется новый вариант главы, называющийся «Что снилось Босому»» [Паршин, 1991, с. 170]. Исследователь полагает, что в истории текста романа был еще один вариант данной главы: «В начале 1934 года история с Босым и Лубянкой находит продолжение на страницах 555–588 после главы 20-й, но и этот текст вырван и уничтожен (вероятно, в связи с арестом О. Мандельштама, жившего по соседству)» [Паршин, 1991, с. 170]. Ошибка обусловлена тем, что исследователь неверно истолковал строки из статьи М. О. Чудаковой «Творческая история романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»»: «<…> страницы 555–588 исписаны, но вырваны; удается различить, что речь идет о Воланде, о квартире № 50 и лестнице, мелькают имена Босого (в связи с Лубянкой), Коровьева, Степы» [Чудакова, 1976, с. 237]. Здесь речь идет о будущей главе «Конец квартиры № 50», в которой следствие посещает клинику профессора Стравинского и допрашивает пострадавших свидетелей, в том числе Босого. Досадная ошибка перешла в комментарии И. З. Белобровцевой и С. К. Кульюс к роману «Мастер и Маргарита»: «Новое уничтожение страниц с изложением сна председателя домкома последовало, видимо, в связи с арестом О. Мандельштама» [Белобровцева, 2006, с. 264]. А также повторилась в работе С. К. Кульюс, где исследователь цитирует Л. К. Паршина по поводу уничтожения второго варианта главы [Кульюс, 2019, с. 888].

В следующий раз Булгаков обращается к главе о конце квартиры № 50 при работе над пятой (последней рукописной) редакцией романа (1937–1938). И в пятой, и в шестой (окончательной) редакциях романа эпизода допроса Босого нет, есть только упоминание о нем (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление пятой и шестой редакций романа «Мастер и Маргарита» (допрос Босого)

Пятая редакция	Шестая редакция
«Он [следователь. – *Е. К.*] тотчас обратил внимание на Босого Никанора Ивановича, попросил историю его болезни и второй помощник его просле-‖довал к Никанору Ивановичу» [Булгаков, 2014а, с. 798].	«Таким образом, были обнаружены Никанор Иванович Босой и несчастный конферансье, которому отрывали голову. Ими, впрочем, занимались мало» [Булгаков, 2014б, с. 469].

Рассмотрим более подробно, какой текст был в рукописи романа на вырванных 17 листах (с. 555–588 авторской пагинации), из-за которых в булга-

коведении появилась ошибка о трех вариантах главы с эпизодами сна Босого, написанных в рамках работы писателя над второй редакцией романа (1932–1936). На этих листах были две главы – 21 и 22, от которых сохранились корешки разной величины, поэтому представим краткий комментарий к ним.

Верхняя часть л. 28 (с. 555 авторской пагинации) оборвана практически под корень, но видна подчеркнутая заглавная буква, то есть здесь было название главы 21. В данной главе, возможно, было описание следствия по делу о квартире № 50. На с. 561–562 фигурирует номер квартиры № 50; с. 565–566 – допрос Босого; на с. 568 название Лубян<*ка*> со знаком переноса, поэтому возможно другое падежное окончание; на с. 569 имя *Степан*, вторая часть названия – *Холла*; на с. 570, наоборот, первая часть – *Мюзик*, слово «театра», фамилия <*Ли*>*ходеев*; на с. 571 имена *Берли*<*оз*>, *Воланд*; на с. 572 дважды фигурирует слово «доклад» [Булгаков, 2014а, с. 262].

На л. 37 (с. 573) обозначения главы 22 не видно. Сохранилась часть названия главы – «Гор» (скорее всего, «Горит»), название зачеркнуто, после названия главы оставлена строчка перед текстом главы. Содержание главы – захват квартиры № 50 [Булгаков, 2014а, с. 262]. Далее приведем сохранившиеся фрагменты текста на с. 573 (л. 37) и с. 577 (л. 39) полностью [Булгаков, 2014а, с. 262–263].

[*Гор*<*ит*>]

В нача
закрыта<*я*>
№ 10 по <*Садовой улице*>
асфальто
радостно
вый же
походкой <*про-*>
ходя ми<*мо*>
беззвучн <*моло-*>
дой челове<*к*> <*бе-*>
лом лиц<*е*>
веки.
За пер<*вым*>
осталь<*ные*>
век – тр
форме
летни
френче<*й*>

Черный
право в
в гости<*ную*>
откину
у окна
револь
Четвер
котом.
на вошед<*ших*>
– Починя<*ю*> <*не ша-*>
лю, ни<*кого*>
Воцарил<*а/ось*>
недолго.
– Как н
весело
А другой <*муж-*>
чина[,]
то ме
– Ну, д
луйт
Тут
ны и ||

На с. 578 фигурирует слово «<*п*>римус». На с. 579 (л. 40) – 588 текст написан рукою Е. С. Булгаковой, у нее почерк более крупный, чем у Булгакова, поэтому на страницах, вырванных практически под корень, остались только фрагменты букв [Булгаков, 2014а, с. 262].

Таким образом, на вырванных страницах 555–588 были написаны две главы, которые на следующем этапе работы Булгакова над этим материалом – в пятой редакции – были объединены в одну главу, получившей название «Стрельба к квартире». В шестой (окончательной) редакции глава была названа «Конец квартиры № 50».

Текст данных глав действительно мог быть уничтожен в связи с арестом и высылкой О. Э. Мандельштама из Москвы в 1934 г. [Нерлер, 2010], т. к. были созданы не ранее 8 января и не позднее 25 января 1934 г. (крайние пометы писателя: «8. I 34 Утро» [Булгаков, 2014а, с. 261], «Утро 25 I 34» [Булгаков, 2014а, с. 265]), но с главой, представляющей эпизоды сна Никанора Ивановича, он не связан.

Никанор Иванович Босой и Мольер

Параллельно с созданием второй редакции романа в 1932–1933 г. Булгаков работал над биографией Мольера для издания в серии «Жизнь замечательных людей».

Булгаковым было создано две редакции романа о Мольере:

1) в первой редакции роман носил название «Биография Мольера» (название написано на обложке тетради черновиков и материалов к роману) [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 4], затем «Мольер. Жизнеописание» (названия написаны на обложках четырех тетрадей) (1932) [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 5–8];

2) во второй редакции роман получил название «Мольер» (на титульном листе экземпляра машинописи с авторской правкой) (1933) [Булгаков, ф. 562, к. 4, ед. хр. 1].

На наш взгляд, параллельная работа над романом о Мольере оказала влияние на особенности изображения эпохи в романе «Мастер и Маргарита», в частности в эпизодах сна Никанора Ивановича Босого.

В письме к брату А. С. Нюренбергу Е. С. Булгакова пишет: «Он так досконально изучил мольеровское время, что мог бы о каждом, даже и проходном персонаже, рассказать всю биографию его» (13 февраля 1961) [Булгакова, ф. 562, к. 33, ед. хр. 19, л. 1 об.]. Стремясь достоверно изобразить эпоху Мольера, Булгаков через нее изобразил и свою эпоху, для которой диалог «художник и власть» не утратил своей актуальности. А. С. Симонян полагает: «Это не историческая хроника, а художественное произведение, где если и возникает перекличка с нашими днями, то это происходит как бы невольно и нигде не в ущерб духу эпохи и стилю повествования» [Симонян, 2017, с. 484]. Между тем эпоха, современная Булгакову, проявляется между строк на всем протяжении романа. Это увидел и редактор серии «Жизнь замечательных людей» А. Н. Тихонов, написавший Булгакову в письме, что в его романе «довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность» (из письма Булгакова П. С. Попову от 13 апреля 1933 г.) [Булгаков, 1990б, с. 487]. Такая же характеристика была дана впоследствии и связанной с романом о Мольере пьесе «Кабала святош» после выхода спектакля «Мольер» в МХАТ (напомним, что пьеса была переименована Булгаковым под давлением театра). П. М. Керженцев писал: «Он хочет вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV» [Булгаков, 1994, с. 574–575].

Так, например, связь с эпохой Булгакова прослеживается в эпизодах, повествующих об аресте и заключении министра финансов Фуке.

Изменения в этих эпизодах во второй редакции демонстрируют осведомленность автора в том, как могут происходить сцены задержания. Булгаков вводит жест «его тронули за локоть», передающийся с помощью односоставного неопределенно-личного предложения, сказуемое которого выражено глаголом в форме 3 лица мн. ч. (табл. 2) – именно такой способ Булгаков использует для создания образов представителей власти в своих произведениях. Ср. в романе «Мастер и Маргарита»: «– Через четверть часа после того, как она покинула меня, ко мне в окна постучали…» [Булгаков, 2014б, с. 643].

Таблица 2

Сопоставление первой и второй редакций романа «Жизнь господина де Мольера» (эпизоды ареста Фуке, первый блок правок)

Первая редакция	Вторая редакция
«Когда совет кончился и Фукэ выходил на улицу, перед ним появился капитан мушкетеров. – Вы арестованы, – сказал капитан» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 7, л. 52 об.].	«Когда совет кончился[,] [правка простым карандашом. – *Е. К.*] и усталый Фуке выходил на улицу, его [*вежливо*] [правка фиолетовыми чернилами. – *Е. К.*] тронули за локоть. Министр вздрогнул и оглянулся. Перед ним появился капитан мушкетеров» [Булгаков, ф. 562, к. 4, ед. хр. 1, л. 115].

Вводя информацию о смелом поступке Мольера, упомянувшего в печати имя опального Пеллисона, друга арестованного министра Фуке, Булгаков в первой редакции использует словосочетание «нужно сказать», имеющее значение «добавить», «обратить внимание», акцент делается непосредственно на поступке драматурга, автор констатирует факт. Во второй же редакции акцент смещается с поступка на его уникальность в тех жизненных обстоятельствах, в которых оказывается герой: благодаря использованию словосочетания «уверенно можно сказать», автор дает оценочное суждение поступку своего героя на основе собственного опыта, наблюдений (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление первой и второй редакций романа «Жизнь господина де Мольера» (эпизоды ареста Фуке, второй блок правок)

Первая редакция	Вторая редакция
«Нужно сказать к чести моего героя, что в предисловии к «Несносным» выпущенным после гибели Фукэ, он не побоялся упомянуть, что ‖ стихи пролога принадлежат г. Пеллиссону. То есть опальному и загнанному человеку» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 7, л. 53–53 об.].	«Уверенно можно сказать, что величайшего труда стоило бы найти второго человека, который упомянул бы в печати имя друга Фуке – Пеллисона, после того, как Фуке был схвачен [*королем*]» [Булгаков, ф. 562, к. 4, ед. хр. 1, л. 116]. *Правка фиолетовыми чернилами.*

Третий блок правок в повествовании о судьбе Фуке связан с мотивом суда. В первой редакции, благодаря использованию глагола «рассудит», акцент поставлен на разрешении причины, ставшей камнем преткновения во взаимоотношениях короля и его министра. Во второй редакции в период правки машинописного текста Булгаков заменяет этот глагол на «будет судить», тем самым перенеся акцент на то, что каждый в равной степени будет судим перед лицом Бога (табл. 4).

Таблица 4

Сопоставление первой и второй редакций романа «Жизнь господина де Мольера» (эпизоды ареста Фуке, третий блок правок)

Первая редакция	Вторая редакция
«Николай Фукэ ушел из тюрьмы в иные места, где [*его*] без сомнения рассудит иной судья и мстительного короля и нечестного министра и того, который в аллее, чтобы погубить человека, подбросил фальшивое письмо к королевской любовнице» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 7, л. 53].	«Фуке не дождался королевской милости и ушел из тюрьмы туда, где, как он, несомненно, надеялся, иной судья [*рассудит*] {**будет судить**} и его, нечестного министра, и мстительного короля, а[,] в особенности[,] того неизвестного, который бросил письмо на песок» [Булгаков, ф. 562, к. 4, ед. хр. 1, л. 116]. *Правка Е.С. Булгаковой фиолетовыми чернилами.*

Вторая составляющая правки в этом фрагменте связана с образом предателя – он обозначен с помощью описательной эвфемистической замены, включающей в себя местоимение «того» и придаточное определительное предложение. Если в первой редакции в контексте грядущего суда предатель занимает равную позицию наряду с королем и министром, то во второй редакции он выдвигается на первый план, благодаря добавлению слова «в особенности» – предателя ждет самое страшное наказание.

Изображение ареста в романе о Мольере оказывается связанным с образом Никанора Ивановича Босого в романе «Мастер и Маргарита», через который Булгаков с помощью подтекста создает полотно современной ему эпохи репрессий.

Напомним, окончательным названием главы о заключении Никанора Ивановича в сентябре 1933 г., как мы показали выше, становится «Замок чудес».

В истории Франции в качестве места заключения аристократии использовался Венсенский замок. В романе Булгакова о Мольере эта реалия отображена. В повествовании об аресте Фуке в качестве ее наименования используются словосочетание «Венсенская тюрьма» и слово «тюрьма». В первой же редакции использовалось словосочетание «тюремный замок»: «Удалось достать поручительство и вытянуть бедного человека из тюремного замка» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 6, л. 51 об.]; «после того как мушкетеры, сняв шпагу с Фукэ, повезли его в тюремный замок» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 7, л. 53].

Возможно, что использование театрального пространства как средства создания подтекста для изображения тюремного заключения героя, также связано с романом о Мольере. Примечательно, что уже в первой редакции здесь фигурирует история о Бурбонском зале, который выполнял функции театрального зала, но в период Фронды использовался как место заключения: «Внутри дворца находился громадный театральный зал[, *имеющий*] обширное прошлое» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 6, л. 75]; «Но затем балетная и театральная жизнь прервалась потому что началась Фронда и в зале сидели государственные преступники, обвиняемые в оскорблении величества» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 6, л. 75 об.]. Впервые на эту взаимосвязь обратили внимание О. Б. Кушлина и Ю. М. Смирнов: «<…> сцена в театре, куда попадает Никанор Иванович Босой, проявляется через описание театрального зала дворца Малый Бурбон в «Жизни господина де Мольера»» [Поэтика романа… , 1887, с. 6].

В целом роману о Мольере присуще изображение действия власти как театрального, например, при организации ареста министра Фуке (табл. 5).

Таблица 5

Сопоставление первой и второй редакций романа «Жизнь господина де Мольера» (театральность действий власти)

Первая редакция	Вторая редакция
«В то время, как Мольер улучшал свою пьесу, в парке Во разыгралась другая далеко не веселая пьеса» [Булгаков, ф. 562, к. 3, ед. хр. 7, л. 51 об.].	«А тем временем, пока драматург улучшал свою пьесу, в парках Во начиналась другая пьеса, но не комедия, а драма» [Булгаков, ф. 562, к. 4, ед. хр. 1, л. 115].

Собрав министров Франции 10 марта 1661 г. после смерти кардинала Мазарини Людовик XIV объявил о своем самостоятельном правлении государством, добавив: «Театр меняет декорации»: «Последние слова Людовика XIV наглядно демонстрируют, насколько в век барокко театр, его законы и терминология тесно переплелись с политической жизнью. Король говорил с министрами и государственными секретарями, словно режиссер со своей труппой перед постановкой новой пьесы» [Сидоренко, 2019, с. 144–146].

Театральность была присуща и эпохе Булгакова – следственные дела демонстрируют сценарии и спектакли арестов и допросов, суды и собрания нередко проходили в помещении театра.

Заключение

Таким образом, замысел о пребывании председателя жилищного товарищества в заключении оформился в период работы Булгакова над первой редакцией романа «Мастер и Маргарита» (1928–1929), когда эпизод допроса составил содержание отдельной главы, поэтому не может быть связан с

рассказом Н. Н. Лямина о своем заключении в 1931 г.

Эпизоды же сна, построенные как череда концертных номеров в театральном пространстве, потребовавшие от писателя определенных знаний, были созданы именно под воздействием этой страницы биографии Н. Н. Лямина, т. к. впервые появились во второй редакции романа (1932–1936).

Параллельная работа Булгакова над романом о Мольере (1932–1933) оказала воздействие на особенности изображения эпохи арестов в романе «Мастер и Маргарита». Эпизоды, повествующие о «тюремном замке» в первой редакции романа о Мольере (1932), оказываются связанными с главой «Замок чудес» романа «Мастер и Маргарита» в его второй редакции (1933), в дальнейшем получившей название «Сон Никанора Ивановича». Повествование об использовании Бурбонского зала для тюремного заключения фрондеров в романе о Мольере повлияло на возведение театрального пространства как средства создания подтекста в изображении эпохи репрессий в эпизодах сна председателя жилищного товарищества.

Библиографический список

1. Белобровцева И. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. Белобровцева, С. Кульюс. Таллинн : Издательство «Арго», 2006. 420 с.

2. Булгаков М. А. «Биография Мольера» – материалы к роману «Жизнь господина де Мольера». [1932] Автограф. 34 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 4.

3. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь I» – материалы к роману и главы 1 и 2 первоначальной редакции. 1932. Москва. Автограф. 70 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5.

4. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь II» – материалы к роману и продолжение первоначальной редакции (гл. [3]–11). 1932. Москва. Автограф и рукою Л.Е. Белозерской. 188 с. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6.

5. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] гл. 11–30 первоначальной редакции романа [1932] Автограф; частично рукою Л.Е. Белозерской и Е.С. Булгаковой. 92 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7.

6. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Де-Мольер. Жизнеописание. Тетрадь IV» – материалы к роману. 1932. Автограф и рукою Е.С. Булгаковой. 55 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 8.

7. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер» – роман. Вторая редакция. [1933] Машинопись с авторской правкой и подписью-автографом. 202 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1.

8. Булгаков М. А. [«Мастер и Маргарита»] «Сын…», «<Гастроль…>», «<П[одкова иностранца?]>», «<Черный маг>» – роман (с вариантами названия). Первая редакция (главы 1 – начало 15-й). 1928(?) – начало 1929. Автограф карандашом и чернилами. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. 180 лл.

9. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. В 2 томах. Том 1 / сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева. Москва : Пашков дом, 2014а. 840 с.

10. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. В 2 томах. Том 2 / сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева. Москва : Пашков дом, 2014б. 816 с.

11. Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов / Театральное наследие. Санкт-Петербург : Искусство – СПБ, 1994. 671 с.

12. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 4: Пьесы; Жизнь господина де Мольера; Записки покойника / редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; сост. А. Нинов; подгот. текстов и коммент. Е. Кухты и др. Москва : Худож. лит., 1990а. 686 с.

13. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 5: Мастер и Маргарита; Письма / редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; подгот. текстов Л. Яновской, В. Гудковой, Е. Земской; коммент. Г. Лесскиса, В. Гудковой, Е. Земской. Москва : Худож. лит., 1990б. 734 с.

14. Булгакова Е. С. Письма к Нюренбергу, Александру Сергеевичу. 1961–1963. Москва. Машинописные отпуски. 14 п. 15 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 33. Ед. хр. 19.

15. Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; вступ. ст. Л. Яновской. Москва : Изд-во «Кн. палата», 1990. 400 с.

16. Колышева Е. Ю. Онейрическое пространство в истории текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Восток-Запад: типология пространства в русской литературе и фольклоре : сборник научных статей по итогам Пятой Междунар. науч. конф. (заоч.). Волгоград, 19 нояб. 2012 г. / ред. кол.: Ван Вэнцянь, А.Х. Гольденберг, Н.Е. Рябцева [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тропкина; пер. на кит. яз. Ван Вэнцянь, У Хань. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 166–172.

17. Колышева Е. Ю. Становление подтекста в изображении эпохи в истории текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: коллективная монография / сост. и отв. ред. О.В. Богданова. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2020. С. 249–270.

18. Кульюс С. К. Михаил Булгаков: поэтика сновидений // М. А. Булгаков: pro et contra. Антология / сост. О.В. Богданова. Санкт-Петербург : РХГА, 2019. С. 871–892.

19. Лесскис Г. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» / Г. Лесскис,

К. Атарова. Москва : ОАО Издательство «Радуга», 2007. 520 с.

20. Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. Москва : Петровский парк, 2010. 224 с.

21. Паршин Л. К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. Москва : Кн. Палата, 1991. 207 с.

22. Дело по обвинению Лямина Николая Николаевича и Невского Александра Сергеевича по ст. 58 п. 10 ч. II и 58 п. 11 УК РСФСР. Начато 27 июня 1941 г. Окончено 23 августа 1941 г. В 2 томах. Том 1. Управление ФСБ по Калужской области. П-12761.

23. Поэтика романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Методическая разработка к спецсеминару / составители О. Б. Кушлина, Ю. М. Смирнов. Душанбе : Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина, 1987. 40 с.

24. Сидоренко М. А. Король танцует: Политический театр королевской власти Франции при Людовике XIV. Санкт-Петербург : Наука, 2019. 281 с.

25. Симонян А. С. «Мольер» В. Зотова и «Жизнь господина де Мольера» М. Булгакова: рецепция сюжета // М. А. Булгаков. Русская и национальная литературы: Материалы международной научно-практической конференции. Ереван : «Антарес», 2017. С. 480–485.

26. Следственное дело по обвинению Николая Николаевича Лямина. ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Дело П-43249.

27. Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 218–253.

28. Этингоф О. Е. Иерусалим, Владикавказ и Москва в биографии и творчестве М. А. Булгакова. 2-е изд. Москва : Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.

Reference list

1. Belobrovceva I. Roman M. Bulgakova «Master i Margarita». Kommentarij = M. Bulgakov's novel The Master and Margarita. Commentary / I. Belobrovceva, S. Kul'jus. Tallinn : Izdatel'stvo «Argo», 2006. 420 s.

2. Bulgakov M. A. «Biografija Mol'era» – materialy k romanu «Zhizn' gospodina de Mol'era» = «Biography of Molière» – materials for the novel ‘The Life of Mr. de Molière’. [1932] Avtograf. 34 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 4.

3. Bulgakov M. A. [«Zhizn' gospodina de Mol'era»] «Mol'er. Zhizneopisanie. Tetrad' I» – materialy k romanu i glavy 1 i 2 pervonachal'noj redakcii = [«The Life of Mr. de Molière»] «Molière. Biographies. Notebook I» – materials for the novel and chapters 1 and 2 of the original edition. 1932. Moskva. Avtograf. 70 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 5.

4. Bulgakov M. A. [«Zhizn' gospodina de Mol'era»] «Mol'er. Zhizneopisanie. Tetrad' II» – materialy k romanu i prodolzhenie pervonachal'noj redakcii (gl. [3]–11) = [«The Life of Mr. de Molière»] «Molière. Biographies. Notebook I» – materials for the novel and continuation of the original version (ch. [3]-11). 1932. Moskva. Avtograf i rukoju L.E. Belozerskoj. 188 s. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 6.

5. Bulgakov M. A. [«Zhizn' gospodina de Mol'era»] gl. 11–30 pervonachal'noj redakcii romana = [«The Life of Mr. de Molière»] ch. 11-30 of the original version of the novel. [1932] Avtograf; chastichno rukoju L.E. Belozerskoj i E.S. Bulgakovoj. 92 l. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 7.

6. Bulgakov M. A. [«Zhizn' gospodina de Mol'era»] «De-Mol'er. Zhizneopisanie. Tetrad' IV» – materialy k romanu = [«The Life of Mr. de Molière»] «Molière. Biographies. Notebook I» – materials for the novel. 1932. Avtograf i rukoju E.S. Bulgakovoj. 55 l. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 8.

7. Bulgakov M. A. [«Zhizn' gospodina de Mol'era»] «Mol'er» – roman. Vtoraja redakcija = [«The Life of Mr. de Molière»] «Molière» the novel. Second edition. [1933] Mashinopis' s avtorskoj pravkoj i podpis'ju-avtografom. 202 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 4. Ed. hr. 1.

8. Bulgakov M. A. [«Master i Margarita»] «Syn…», «<Gastrol'…>», «<P[odkova inostranca?]>», «<Chernyj mag>» – roman (s variantami nazvanija). = [«The Master and Margarita»] «Son...», «<Tour...><«, «<H[orseshoe of a foreigner?]><«, «<Black Magician><« – novel (with title variants). Pervaja redakcija (glavy 1 – nachalo 15-j). 1928(?) – nachalo 1929. Avtograf karandashom i chernilami. NIOR RGB. F. 562. K. 6. Ed. hr. 1. 180 ll.

9. Bulgakov M. A. Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoj tekst. V 2 tomah. Tom 1 = The Master and Margarita. A complete collection of the novel's drafts. The main text. In 2 volumes. Volume 1 / sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., komment. E. Ju. Kolysheva. Moskva : Pashkov dom, 2014a. 840 s.

10. Bulgakov M. A. Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoj tekst. V 2 tomah. Tom 2 = The Master and Margarita. A complete collection of the novel's drafts. The main text. In 2 volumes. Volume 2 / sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., komment. E. Ju. Kolysheva. Moskva : Pashkov dom, 2014b. 816 s.

11. Bulgakov M. A. P'esy 1930-h godov = Plays of 1930s / Teatral'noe nasledie. Sankt-Peterburg : Iskusstvo – SPB, 1994. 671 s.

12. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij. V 5 tomah. Tom 4: P'esy; Zhizn' gospodina de Mol'era; Zapiski pokojnika = Collected Works. In 5 volumes. Volume 4: Plays; Life of Mr. de Moliere; Notes of a Dead Man / redkol.: G. Goc, A. Karaganov, V. Lakshin i dr.; sost. A. Ninov; podgot. tekstov i komment. E. Kuhty i dr. Moskva : Hudozh. lit., 1990a. 686 s.

13. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij. V 5 tomah. Tom 5: Master i Margarita; Pis'ma = Collected Works. In 5 volumes. Volume 5: The Master and Margarita; Letters / redkol.: G. Goc, A. Karaganov, V. Lakshin i dr.; podgot. tekstov L. Janovskoj, V. Gudkovoj, E. Zemskoj; komment. G. Lesskisa, V. Gudkovoj, E. Zemskoj. Moskva : Hudozh. lit., 1990b. 734 s.

14. Bulgakova E. S. Pis'ma k Njurenbergu, Aleksandru Sergeevichu. 1961–1963. = Letters to Nurenberg, Alexander Sergeevich. 1961-1963. Moskva. Mashinopisnye otpuski. 14 p. 15 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 33. Ed. hr. 19.

15. Dnevnik Eleny Bulgakovoj = Elena Bulgakova's diary / Gos. b-ka SSSR im. V. I. Lenina; sost., tekstol. podgot. i komment. V. Loseva i L. Janovskoj; vstup. st. L. Janovskoj. Moskva : Izd-vo «Kn. palata», 1990. 400 s.

16. Kolysheva E. Ju. Onejricheskoe prostranstvo v istorii teksta romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita» = Oneiric space in the history of M.A. Bulgakov's text of the novel «The Master and Margarita» // Vostok-Zapad: tipologija prostranstva v russkoj literature i fol'klore : sbornik nauchnyh statej po itogam Pjatoj Mezhdunar. nauch. konf. (zaoch.). Volgograd, 19 nojab. 2012 g. / red. kol.: Van Vjencjan', A.X. Gol'denberg, N.E. Rjabceva [i dr.]; otv. red. N.E. Tropkina; per. na kit. jaz. Van Vjencjan', U Xan'. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. S. 166–172.

17. Kolysheva E. Ju. Stanovlenie podteksta v izobrazhenii jepohi v istorii teksta romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita» = Formation of subtext in depicting the epoch in the history of the text in M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: dialog s sovremennost'ju: kollektivnaja monografija / sost. i otv. red. O.V. Bogdanova. Sankt-Peterburg : Izd-vo RHGA, 2020. S. 249–270.

18. Kul'jus S. K. Mihail Bulgakov: pojetika snovidenij = Mikhail Bulgakov: poetics of dreams // M. A. Bulgakov: pro et contra. Antologija / sost. O.V. Bogdanova. Sankt-Peterburg : RHGA, 2019. S. 871–892.

19. Lesskis G. Putevoditel' po romanu Mihaila Bulgakova «Master i Margarita» = A guide to Mikhail Bulgakov's novel The Master and Margarita / G. Lesskis, K. Atarova. Moskva : OAO Izdatel'stvo «Raduga», 2007. 520 s.

20. Nerler P. Slovo i «Delo» Osipa Mandel'shtama: Kniga donosov, doprosov i obvinitel'nyh zakljuchenij = The Word and the «Case» of Osip Mandelstam: A Book of denunciations, interrogations, and indictments. Moskva : Petrovskij park, 2010. 224 s.

21. Parshin L. K. Chertovshhina v Amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mihaila Bulgakova. = Devilry in the American embassy in Moscow, or Michael Bulgakov's 13 mysteries. Moskva : Kn. Palata, 1991. 207 s.

22. Delo po obvineniju Ljamina Nikolaja Nikolaevicha i Nevskogo Aleksandra Sergeevicha po st. 58 p. 10 ch. II i 58 p. 11 UK RSFSR = The case on the charges against Lyamin Nikolai Nikolaevich and Nevsky Alexander Sergeevich under Art. 58 p. 10 part II and 58 p. 11 of the Criminal Code of the RSFSR. Nachato 27 ijunja 1941 g. Okoncheno 23 avgusta 1941 g. V 2 tomah. Tom 1. Upravlenie FSB po Kaluzhskoj oblasti. P-12761.

23. Pojetika romana Mihaila Bulgakova «Master i Margarita» = Poetics of Mikhail Bulgakov's novel The Master and Margarita: metodicheskaja razrabotka k specseminaru / sostaviteli O. B. Kushlina, Ju. M. Smirnov. Dushanbe : Tadzhikskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Lenina, 1987. 40 s.

24. Sidorenko M. A. Korol' tancuet: Politicheskij teatr korolevskoj vlasti Francii pri Ljudovike XIV = The King Dances: The political theater of royalty in France under Louis XIV. Sankt-Peterburg : Nauka, 2019. 281 s.

25. Simonjan A. S. «Mol'er» V. Zotova i «Zhizn' gospodina de Mol'era» M. Bulgakova: recepcija sjuzheta = «Moliere» by V. Zotov and 'The Life of Mr. de Moliere' by M. Bulgakov: reception of the plot // M. A. Bulgakov. Russkaja i nacional'naja literatury: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Erevan : «Antares», 2017. S. 480–485.

26. Sledstvennoe delo po obvineniju Nikolaja Nikolaevicha Ljamina = Investigation case on the charges against Nikolai Nikolayevich Lyamin. GA RF. F. 10035. Op. 1. Delo P-43249.

27. Chudakova M. Tvorcheskaja istorija romana M. Bulgakova «Master i Margarita» = The creative history of M. Bulgakov's novel The Master and Margarita // Voprosy literatury. 1976. № 1. S. 218–253.

28. Jetingof O. E. Ierusalim, Vladikavkaz i Moskva v biografii i tvorchestve M. A. Bulgakova = Jerusalem, Vladikavkaz and Moscow in M.A. Bulgakov's biography and work. 2-e izd. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2017. 448 s.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 82-312.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-51
EDN: WIDSDM

Буддийская оптика в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай»

Леонид Викторович Дубаков
Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ. 518172, Китай, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
dubakov_leonid@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Аннотация. Представленная статья написана в рамках исследования, посвящённого «буддийскому тексту» современной русской литературы, и анализирует роман Н. Ю. Илишкиной «Улан Далай», который содержит большое количество буддийских образов, мотивов и смыслов. Буддийская оптика героев книги определяет их облик и именование, особенности восприятия ими предметного мира и мира природы, понимание характера человеческих отношений. Буддизм, пропущенный сквозь призму сознаний главных героев «Улан Далая», обусловливает также особенности пространственно-временной организации произведения, основанной на противопоставлении обычной и трансцендентной реальности. Буддизм в романе даёт героям возможность менять точку зрения. Менять не только в смысле трансформации восприятия ими советской действительности, но и как место, где оказывается наблюдатель: буддийская вера позволяет им устремляться к мистической стране, обращая к ней свои мысли и оставляя земную реальность. Буддизм у Натальи Илишкиной предлагает ответ на вопрос о причинах и следствиях произошедшего с калмыками и другими народами Советского Союза на рубеже веков и в первой половине XX века. Кроме того, он позволяет преодолеть трагическую историю конкретной семьи и большой страны. Роман «Улан Далай», согласно авторскому определению являясь степной сагой (или семейной хроникой), также может быть назван романом религиозным, поскольку репрезентует систему буддийских этических, философских и метафизических взглядов (в их калмыцком изводе), оказывающихся в экзистенциальной оппозиции к системе взглядов коммунистического учения (в его советской реализации).

Ключевые слова: Н. Ю. Илишкина; «Улан Далай»; буддизм; буддийский текст; буддийская оптика; калмыки; сага; коммунизм

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийская оптика в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 51–58. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-51. https://elibrary.ru/WIDSDM

Original article

Buddhist optics in Natalia Ilishkina's novel Ulan Dalai

Leonid V. Dubakov
Candidate of philological sciences, associate professor, faculty of philology, MSU-PPI University. 518172, China, Shenzhen, Lungang district, Dayunxincheng, Guojidasyueyuan st., 1
dubakov_leonid@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Abstract. The article is written as part of a study on the «Buddhist text» in modern russian literature, and analyzes N. Yu. Ilishkina's novel Ulan Dalai, which contains a large number of Buddhist images, motifs and meanings. The Buddhist optics of the book's characters determines their appearance and names, their specific perception of the object world and the natural world, and their understanding the nature of human relations. Buddhism, seen through the prism of the main characters' minds in Ulan Dalai, also determines the specific features of the spatial and temporal organization of the work, based on the contrast between ordinary and transcendent reality. Buddhism in the novel gives the characters the opportunity to change their point of view not only in the sense of transforming their perception of Soviet reality, but also as a place where the observers end up: their Buddhist faith allows them to strive for a mystical land, focusing their thoughts on it and leaving earthly reality behind Natalia Ilishkina's Buddhism offers an answer to the question about the causes and consequences of what happened to the Kalmyks and other peoples of the Soviet Union at the turn of the century and in the first half of the 20th century. It also helps to overcome the tragic history of a particular family and a large country. According to the author, the novel Ulan Dalai, being a steppe saga (or family

© Дубаков Л. В., 2025

chronicle), can also be called a religious novel, as it represents the system of Buddhist ethical, philosophical and metaphysical views (in their Kalmyk version), which are in existential opposition to the system of communist views (in its Soviet implementation).

Key words: N. Yu. Ilishkina; Ulan Dalai; Buddhism; Buddhist text; Buddhist optics; Kalmyks; saga; communism

For citation: Dubakov L. V. Buddhist optics in Natalia Ilishkina's novel Ulan Dalai. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):51–58. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-51. https://elibrary.ru/WIDSDM

Введение: буддийский текст

Буддизм в русской литературе существует около двух веков. Буддийское влияние обнаруживается, в частности, в прозе классиков позапрошлого века Л. Н. Толстого и И. А. Бунина, буддизм широко представлен в поэзии рубежа XIX и XX веков. Особенно активно буддизм осваивается русской литературой с начала её современного этапа – от конца 1980-х годов. Новейшая отечественная словесность тоже предлагает множество разнообразных вариантов рецепции буддийских мотивов. В последние годы этим вопросом занимается и литературоведение. Так, среди учёных, исследующих буддизм в русской литературе, можно назвать Р. Ф. Бекметова [Бекметов, 2019], Т. В. Бернюкевич [Бернюкевич, 2010], Г. А. Сорокину [Сорокина, 2005; 2016], М. С. Уланова [Уланов, 2010].

Анализ буддийских образов, мотивов и смыслов романа Н. Ю. Илишкиной «Улан Далай» (2023) в представленной статье производится в рамках исследования, посвящённого «буддийскому тексту» современной литературы, восходящему к концепции «петербургского текста», которая была разработана В. Н. Топоровым [Топоров, 1995], а затем перенесена литературоведами и исследователями культуры из культурно-урбанистической сферы в сферу религиозную [Бекметов, 2019].

Место романа в корпусе текстов о депортации калмыков

В комментарии к интервью, которое дала проекту «Книжная полка» автор романа «Улан Далай», интервьюер Екатерина Петрова, размышляя о литературных корнях произведения, пишет следующее: «…это смесь „Тихого Дона”, „Поднятой целины”, „Они сражались за Родину” и „Архипелага ГУЛАГа” с точки зрения буддиста-кочевника» [Петрова, 2023]. Разного рода отсылки к иным текстам, относящимся к большой советской литературе и к литературе современной, в романе «Улан Далай» действительно можно обнаружить, однако нам представляется, что применительно к этой книге важнее оказывается замечание журналистки именно про точку зрения буддиста. И сама писательница говорила, что во многом для неё это, так или иначе, семейная история, основанная на воспоминаниях свёкра [Рождение…, 2023] и вычитанная троюродным братом мужа, буддийским священником [Мягков, 2023].

Отдельно можно отметить, что роман Натальи Илишкиной, конечно, не первое произведение на тему сталинских репрессий в отношении малых народов. Так, начиная со второй половины XX века складывается корпус художественной литературы, посвящённой депортации калмыков [Манджиев, 2005; Отарова, 2006]. Некоторые из этих произведений содержат схожие сюжетные повороты и ключевые топосы, которые можно увидеть и в «Улан Далае». Их схожесть обусловлена одинаковой судьбой практически всех представителей калмыцкого народа в 40-е годы.

Так, например, в рассказе А. Б. Бадмаева «Голубоглазая каторжанка» (1994), как и в романе А. С. Григорьева «Судьба калмыка», вышедшем в свет в 2011 году, один из важнейших эпизодов происходит в поезде. Калмыки массово под конвоем перемещаются в вагонах в Сибирь, умирая в них от тяжёлых условий, и в фокусе внимания авторов оказывается смерть детей, горе и помешательство их родителей [Бадмаев, 1994]. То же в романе «Улан Далай», где по пути в ссылку умирает малолетняя внучка Баатра – Роза. В повести А. Г. Балакаева «Три рисунка» (1962) под поездом гибнет высланный с мамой в Сибирь мальчик Боря Гаряев [Балакаев, 1997], в «Улан Далае» поезд становится причиной смерти младшего сына Баатра – Дордже. Поезд является здесь символом железной безжалостной государственности, способной походя раздавить живого человека.

Роман «Судьба калмыка» вообще видится одним из произведений, которые, как кажется, однозначно и прямо повлияли на роман Натальи Илишкиной. Калмыки отправлены в Сибирь, но волею судеб, так или иначе, не лишены связи с традицией и религией. Дордже «куда бы ни шел, что бы ни делал, всё молитвы бормочет» [Илишкина, 2023], именно он должен был провести ри-

туалы по умершей Розе. У Анатолия Григорьева в вагоне калмыков оказывается монах-гелюнг, читающий «монотонные молитвы», он провожает в последний путь умершую девочку («полилась его заунывная молитва, просящая всевышнего принять в своё лоно новых пришельцев, покинувших сей мир») [Григорьев, 2021]. Возле него стоит деревянная фигурка Будды, и гелюнгу кажется, что она говорит с ним в такт со стуком колёс поезда: «– Я слышу! Я вижу! Терпите, терпите!» [Григорьев, 2021]. У Натальи Илишкиной это сквозной приём: главы «Улан Далая» открываются звукоподражательными словами или повторяющимися сочетаниями слов. Так, пролог начинается со слов «Улан-далай, улан-далай, улан-далай…» [Илишкина, 2023], созвучных ударам колёс о стыки рельс: слова, являющиеся названием книги, теряют у неё смысловую сторону, но усиливают звучащую, они становятся звуками – выразителями судьбы калмыцкого народа.

Интересно, что в повести В. О. Пелевина «Жёлтая стрела» (1993) в ироническом псевдонаучном тексте «Тотальная антропология» писатель в стуке поездных колёс слышит в том числе слова, прямо или каламбурно связанные с идеей просветления, с чем-то трансцендентным: «… вот как стучат колеса в разных странах мира: <…> В Тибете – „дзог-чен”. В Монголии – „улан-далай”. <…> В Японии – „додеска-дзен”. <…> В Южном Китае – „дэ-и-чань-чань”» [Пелевин, 1993]. Как видно, появляется здесь и пропущенное через религиозную оптику словосочетание «улан далай».

Проговаривается у Анатолия Григорьева также идея, ставшая основополагающей для романа Натальи Илишкиной, о том, что жизнь, традиция «опрокинула всемогущую империю, обещавшую вечную идею коммунизма. Того самого, которого так многие и не увидели, кроме тех идолов, придумавших этот мираж» [Григорьев, 2021]. Калмыки, их государственность, их буддизм сохранились, красная же псевдорелигия в её жестокой реализации осталась в прошлом.

В целом нужно сказать, что Наталья Илишкина, разумеется, написала оригинальный роман, но своими корнями и смыслами он уходит, в том числе, в предшествующую ему литературу о депортации калмыков, созданную русскими и калмыцкими писателями в предшествующие годы.

Методы исследования

При написании работы были использованы метод мотивного анализа и метод литературной герменевтики. Кроме того, анализ романа производился на основе религиозно-аксиологического подхода.

Буддийские мотивы романа

Роман «Улан Далай» содержит значительное число буддийских мотивов («страницы, посвящённые тибетскому буддизму – традиционной религии калмыков, – это как роман внутри романа» [Матвеева, 2023, с. 11]). Так, например, в этом же интервью Наталья Илишкина обращает внимание на принцип именования главных героев – братьев Чолункиных: их имена «буддийского происхождения. <…> Очир и Дордже – означают „скипетр” как оружие и „алмаз” как носитель вероучения. Задача Чагдара, каким бы сложным его образ ни был, – собирать „скипетр” и „алмаз”, держать их вместе» [Петрова, 2023].

При этом интересно, что все три имени имеют один и тот же корень: в их основе лежит тибетское понятие «дордже» или санскритское «ваджра», символизирующее просветление. Братья связаны, в том числе, своей религиозной, буддийской судьбой, играя не только разные роли в семье, но и находясь на разных этапах духовного продвижения к просветлению. Младший брат Дордже – блаженный с малых лет, послушник в хуруле (храме), молитвенник, творящий чудеса при жизни и после смерти. Чагдар – средний брат, стремящийся к спасению и сохранению семьи и в сердечном приступе увидевший облачные очертания Бумбы – калмыцкой Шамбалы, страны бессмертных. Старший Очир – несмиренный воитель, гордый и мятущийся, оказавшийся перед смертью под землёй, в угольной шахте, но которому открывается путь на небо.

Но через призму буддизма воспринимают реальность не только три брата, но и их отец Баатр и сын Чагдара – Иосиф, ставший Александром, то есть фактически все поколения Чолункиных – от предков до потомков, – несмотря на то, что внутри себя они сделали разный идеологический выбор и что вокруг активно отстраивается советская жизнь. Сквозь буддийские образы Чолункины смотрят на новую предметную реальность. Особняк в Москве напоминает Чагдару «многоярусный хурул с пристроенным к правому боку добротным купеческим пятистенком» [Илишкина, 2023]. Увидев красноармейцев в буденовках, он вспомнил «шишак Будды» и «уши у будено-

вок точно длинные мочки Будды» [Илишкина, 2023].

Буддийские мотивы находят отражение в портретах героев: перед дракой с гнилозубым «Лицо дяди Очира было зеленым, как у богини Тары» [Илишкина, 2023], Чагдар был «худ, как скрученный свиток, что хранился в мешке дяди Дордже» [Илишкина, 2023] (речь идёт о танкхе, священном буддийском изображении). Герои «Улан Далая» для их детей оказываются похожи на бурханов, а сами бурханы изображаются в романе приближенными к человеку, почти очеловеченными. Зелёная Тара, богиня сострадания, напоминает Баатру цыганку: у неё «Лицо и фигура, как у цыганки, которую Баатр видел на ярмарке» [Илишкина, 2023]. Перед женитьбой Баатр смотрит на богов и, боясь за красоту своей невесты, сравнивает её с Зеленой Тарой: «У самой-то Тары вон какой нос! Грудь у нее, конечно, слишком велика – некрасиво, но можно всегда камзолом придавить, не будет так торчать» [Илишкина, 2023]. Позже также будет воспринимать Зелёную Тару его внук: «Саньке еще в детстве хотелось дотронуться до ее пышных грудей, да боялся, что кто-нибудь увидит» [Илишкина, 2023]. В восходящем к индийской культуре образе этой богини сдержанным детям-калмыкам трудно разглядеть символизм высокой женственности.

Буддизм в романе воспринимается калмыками как их домашняя религия, связанная с телом, с предметами домашнего быта. Балдыр-хурул «угловатый как сундук» [Илишкина, 2023]. Он же позже ткётся из пара и пыли – «яркий, как хорошее топлёное масло» [Илишкина, 2023]. Ранее он же, горящий, развёрнуто сравнивается с человеческим телом: вначале его «дощатая обшивка» отвалилась как одежда, затем «пылало бревенчатое мясо», «потом от храма остался только скелет-остов», после, «в самой сердцевине» [Илишкина, 2023] хурула, загорелся Будда.

Буддийские мотивы можно увидеть и в пейзажах романа. Например, в мае «Небо – как бирюза на священном барабане-кюрде» [Илишкина, 2023], вращающемся молитвенном барабане с мантрами внутри.

Буддизм объясняет в романе причины происходящего с калмыками. По мысли Баатра Чолункина, они оставили своих бурханов (богов), позволили разрушить хурул, потому и оказались в изгнании. И буддизм даёт калмыкам цель: избыть индивидуальную, родовую, общенародную дурную карму, а после смерти оказаться в Бумбе. Дордже много молится, опасаясь, что не успеет «родовую карму исправить» [Илишкина, 2023]. Очир во время Первой мировой войны должен будет сечь своих, на что отец замечает ему, что это плохая карма. Чагдар убивает пса, охранявшего Джа-ламу, и долго помнит об утяжелении своей кармы. Александр получает наставление от деда: «Чем дальше от власти, тем лучше для кармы» [Илишкина, 2023].

Буддизм в романе – это Учение, противоположное доктрине, которой оправдывается советская власть, обращающаяся к завоевательной и репрессивной практике [Кешфидинов, 2024, с. 221]. Так, идея о смене господствующих социальных классов, озвученная в «Интернационале», вызывает у Чагдара ассоциацию с сансарой, вечным круговоротом иллюзорной реальности: ««…кто был ничем, тот станет всем… А потом опять ничем» [Илишкина, 2023]. В финале по сути комического диалога между Чагдаром, служащим в Ленинградском буддийском храме, и водителем, увидевшим в Колесе Учения и священных ланях мишень и олених (подобно критику Л. Рыжкову, интерпретировавшему свастику на полу буддийского храма в романе как фашистский символ [Рыжков, 2023]), этот последний заключает, что буддизм – вредное учение, ведь как можно «жить во благо всех живых существ» [Илишкина, 2023], если среди них есть злые. Буддизм же – это Учение сострадания и прекращения зла, в частности – прекращения мести. Баатр наставляет Александра: «Если встаешь на путь мести, приготовь две могилы: для врага и для себя» [Илишкина, 2023].

Сопоставление буддизма и советской реальности производится в романе также в пассаже, в котором рассказывается о пробуждении монаха Гьяцо. На колонне Истины страдания Ленинградского буддийского храма установлен репродуктор, из которого доносится трансляция мероприятий, посвящённых годовщине Октябрьской революции, и эта трансляция (по-пелевински) перебивает слова и поступки героев. На трибуну Мавзолея поднимаются Сталин и другие, а Чагдар с колокольчиком лезет вверх к свитку, на котором изображён «победитель смерти» бог Ямантака. Победа советских вождей над смертью являет свою мнимость перед трансцендентной реальностью. Слова Ворошилова о победах и достижениях звучат абсурдно на фоне оживающего монаха, севшего в глубокий затвор на многие годы. Гьяцо с трудом открывает глаза на страдательный мир, а из репродуктора слышится

о гордом взгляде советского колхозника. Монах произносит слово «Оммм», напоминающее о божественном, а снаружи несётся славословие ложному богу Сталину.

Буддизм оказывается в романе истинным учением о спасении в противоположность учению коммунистическому, приводящему людей к разделению на классы и ограничивающему жизнь земным бытием. Чагдар уверовал в коммунизм так, что даже во время покаянной молитвы он задумывается о коммунистическом идеале, помня о его высоких устремлениях: «Пробуждение существ – это и есть коммунизм? Когда от каждого по способностям, каждому по потребностям?» [Илишкина, 2023]. Однако в реальной жизни, как и любой другой враг советской власти, например, «Джа-лама не перерожденец, а вырожденец, каким нет места в завтрашнем коммунистическом мире» [Илишкина, 2023]. Чагдару кажется, что «Ни Христос, ни Будда не оставили людям учения, как сделать жизнь в этом мире лучше. Все обещания – только после смерти. А коммунисты знают, как устроить рай на земле» [Илишкина, 2023]. На это Очир замечает брату, что они «Пока только тащат в ад» [Илишкина, 2023]. По ходу сюжета «Улан Далая» очарованность коммунизмом и сомнения в буддизме уходят от Чагдара.

Буддизм являет ему многочисленные чудеса. Разрушенный до основания хурул отбрасывает полную тень сквозь дорожную пыль, и «ложилась она не с западной, а с восточной стороны, что противоречило всем естественным законам» [Илишкина, 2023]. Завхоз Ленинградского буддийского храма пытается сорвать священное изображение Ямантаки, одного из гневных защитников буддизма, и его «Щека и лысина» оказываются «расцарапаны, будто кто когтями полоснул…» [Илишкина, 2023]. Дордже обуздывает голодных духов, что, по его ощущению, одерживают душевнобольных. Монах Гьяцо после продолжительной медитации реализует тело света: «Контур тела Гьяцо стал вдруг резко сжиматься: раз – шар, два – точка, три – черная прозрачная пустота…» [Илишкина, 2023]. Чагдар, вынужденный исполнять роль Будды, непроизвольно (под «Арию индийского гостя» Н. А. Римского-Корсакова) погружается в состояние глубокой медитации и, как ему чувствуется, взлетает: «Чагдару показалось, что он висит в воздухе, не расплетая при этом ног, и это ощущение бестелесности дарило безотчетную радость» [Илишкина, 2023].

Советская реальность в «Улан Далае» предлагает людям свои чудеса, свою псевдорелигию. После революции калмыки «в храмах вместо Будды портрет Ленина помещают» [Илишкина, 2023]. В «ликвидационной кибитке» Чагдара «вместо свитков с бурханами висят портреты Ленина и Троцкого» [Илишкина, 2023]. Он думает, что «Сталин действует точно, как богиня Тенгри. Сначала расправился с недругами, а теперь уничтожает своих. Ведь есть и мужская ипостась этой Окон Тенгри – бог смерти Яма, он же Эрлик-хан, властелин ада» [Илишкина, 2023]. Богиня Окон Тенгри – это калмыцкая версия буддийской богини Палден Лхамо, гневного божества, защитницы Учения. Метро – это не просто вариант городского транспорта, но «волшебный подземный мир, где в считанные минуты можно перенестись в другое место», это «большевистское торжество над идеей ада, которым пугали грешников все религии. Смотрите, как красив и светел подземный мир» [Илишкина, 2023]. Но эти чудеса гибельны для человека – если не в физическом смысле, то в духовном.

Буддизм позволяет роду Чолункиных сохраниться, в отличие от многих других, ослепивших себя верой в безусловную оправданность насилия. Очир, убивший насильника своей жены, и Чагдар, рубивший казаков в Гражданскую и отправлявший «кулаков» в Сибирь, уходят из жизни не в гармонии с собой и с миром, но их судьбы, посмертное заступничество Дордже и Баатра, что умер «как защитник семейной кармы» [Илишкина, 2023], спасли Александра, и Владимира, и Надю, и Валю. И так или иначе позволил сохраниться и всем калмыкам, что вернулись в Сальские степи и отстроили заново свои храмы. Сохраниться им помогло и умение оставлять прошлое позади, преодолевать разрывы [Сорин, 2023]. Неслучайно в финале Александр (Чагдарович) взваливает себе на плечо обгорелый косяк с именами своих близких и идёт вперёд не оглядываясь.

Буддизм в пиковые точки их жизни позволяет им изменить точку зрения – от общего плана к виду сверху, от земной реальности к небесной. Так, например, когда Дордже оказывается раздавлен вагонами, его отец Баатр «словно вышел из тела», «вырос до неба и взирал сверху на лежащего маленькой точкой своего последыша» и «на тысячезубые жемчужные горы», «за которыми находится божественная Бумба…» [Илишкина, 2023]. Чагдар в смерти с крыльца видит гору, Баатр идёт умирать на курган и замирает на

безымянном холмике. Пространство в «Улан Далае» организовано одновременно и по горизонтали, и по вертикали. По горизонтали герои стремятся на Родину и к воссоединению семьи, где бы ни находились. По вертикали – помнят о возможности попадания в ад и прозревают реальность чудесной Бумбы-Шамбалы.

Время идёт линейно – от 1884 года до 1957-го, – но при этом Баатр помнит свою семью до седьмого колена, а в эпилоге его внук Александр, приехав на джипе, пользуется кнопочным мобильным телефоном и говорит, что найденный на пепелище родного дома дверной косяк с именами его брата и сестёр он покажет внукам. То есть время романа растянуто в точно не установимые семейное прошлое и будущее: семья и мир бытовой предметности [Сироткнина, 2024, с. 412] выступают как внеисторическая незыблемость. С другой стороны, время в «Улан Далае» вслед за переходом героев в смерть-посмертие в Бумбе становится вечностью или вовсе перестаёт быть.

Заключение

В заглавие романа вынесено словосочетание «Улан Далай». Екатерина Петрова истолковывает его как красный океан, что «в мифологии калмыков – <…> один из символов ада» [Петрова, 2023]. Действительно, можно сказать, что «степная сага» или семейная хроника Натальи Илишкиной посвящена многочисленным страданиям калмыков, которые метафорически можно представить в калмыцко-буддийских образах горячих и холодных адов, восходящих к «Абхидхармакоше» Васубандху. Люди мучимы жаром степи, холодом тайги, шулмусами, или демонами, в роли которых выступают охранники, Эрлик-ханом, повелителем ада, которого напоминает Сталин, переживанием собственных прошлых и настоящих деяний.

Но красный океан – это также образ коммунистической идеи, разлившейся по широкому пространству Евразии (одно из значений слова «улан» в калмыцком языке «связано с революцией 1917 года и коммунистическим движением» [Куканова, Омакаева, 2011, с. 47]), идеи, которую разделили многие калмыки и которая разделила многих калмыков. Красный океан – это коммунистическое учение, в идеале имеющее свои достоинства, но в реальной практике способное исказить духовные пути человека.

Коммунизму в его суровом сталинском исполнении в «Улан Далае» противопоставлен буддизм как традиционная калмыцкая вера. Его этические заветы и метафизические основы сопоставляются с советской действительностью и спокойно одерживают над ней победу. Буддийская оптика сохраняется во всех поколениях семьи Чолункиных и по-своему окрашивает предметный мир романа, портреты персонажей, пейзажи.

Буддизм в «Улан Далае», в отличие от земного коммунистического учения, по-настоящему побеждает смерть, демонстрируя существование вертикального хронотопа (подземное пространство – земля – небесный и занебесный мир, в который можно попасть, например, переплыв «красный океан» [Матвеева, 2023, с. 11] Шартыг из эпоса «Джангар» (третья версия истолкования названия романа)) и линейного времени (времени семьи как объединяющей и взаимодополняющей людей силы [Соловьёва, 2023, с. 71] в прошлом и будущем и времени, что движется от условности своего бытия к своему отсутствию).

Наконец, «красный океан» – это возможный образ-символ калмыцкой степи с её тысячелетиями цветущими в том числе красными тюльпанами, земли, что позвала и вернула калмыков домой, несмотря на то, что выжившие в ссылке осели и постепенно обжились на новых местах. Можно сказать, что «Улан Далай» – это роман о возвращении жизни на круги своя, о выживании и сохранении народа, культуры, семьи, религии как главных, опорных традиционных ценностей.

Библиографический список

1. Бадмаев А. Б. Голубоглазая каторжанка: рассказ. Элиста : АПП «Джангар», 1994. 31 с.

2. Балакаев А. Г. Три рисунка: маленькая повесть // пер. с калм. Александра Исбаха. Элиста : АПП «Джангар», 1997. 53 с.

3. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830-60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций. Казань, 2019. 411 с.

4. Бернюкевич Т. В. Буддийские идеи в культуре России конца XIX – первой половины XX века. Чита, 2010. 48 с.

5. «Где родина, там наша песня и воля»: тема Великой Отечественной войны и депортации калмыцкого народа в калмыцкой и русской литературе: межвузовский сборник статей / ответств. ред. Р. М. Ханинова; М-во образования и науки Российской Федерации, Калмыцкий государственный университет. Элиста : Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2015. 173 с.

6. Григорьев А. С. Судьба калмыка. URL: https://www.litres.ru/book/anatoliy-grigorev-31095461/sudba-kalmyka-65950897/ (дата обращения: 04.06.2024).

7. Илишкина Н. Ю. Улан Далай. URL: https://flibusta.su/book/175169-ulan-dalay/?ysclid=lwy8o6hzcm51400970 (дата обращения: 04.06.2024).

8. Кешфидинов Ш. Да наступит вечность // Знамя. 2024. № 1. С. 220–221.

9. Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. №1–2 (65). Ч. 2. С. 44–49.

10. Манджиев Н. Ц. Калмыцкая проза о депортации: концепция человека. Майкоп, 2005. 23 с.

11. Матвеева А. Красный океан // Литературная газета. 2023. 30 августа-5 сентября (№ 34). С. 11.

12. Мягков А. Леонид Юзефович: «Голый человек – это не предмет литературы». Леонид Юзефович и Наталья Илишкина рассказали о своих новых романах: «Поход на Бар-Хото» и «Улан Далай». URL: https://godliteratury.ru/articles/2023/12/01/leonid-iuzefovich-golyj-chelovek-eto-ne-predmet-literatury (дата обращения: 04.06.2024).

13. Отарова М. Б. Художественное осмысление проблемы депортации: (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии). Нальчик, 2006. 18 с.

14. Пелевин В. О. Жёлтая стрела // Новый мир. 1993. № 7. С. 96–121. URL: https://magazines.gorky.media/library/viktor-pelevin-zheltaya-strela-povest (дата обращения: 04.06.2024).

15. Петрова Е. Наталья Илишкина – о кругах ада калмыцкого народа в семейной саге «Улан Далай». URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/296543-natalya-ilishkina-o-krugah-ada-kalmyckogo-naroda-v-romane-ulan-dalay?ysclid=lwxn2y5569637911294 (дата обращения: 04.06.2024).

16. «Рождение книги»: Наталья Илишкина о новом романе «Улан Далай». Интервью писательницы издательству АСТ. URL: https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-natalya-ilishkina-o-novom-romane-ulan-dalay/ (дата обращения: 04.06.2024).

17. Рыжков Л. Замазывающая свастику: Наталья Илишкина и её степная сага. URL: https://alterlit.ru/post/58087/?ysclid=lxxasl72ie645226882 (дата обращения: 04.06.2024).

18. Сироткина Т. А. Традиции духовной культуры калмыков в романе Натальи Илишкиной «Улан Далай» // XI Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: от прошлого к будущему»: Сборник материалов международной научной конференции, 2024 года. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2024. С. 412–413.

19. Соловьёва Т. Пустые поезда, странные соседи и ложные узнавания // Юность. 2023. № 10 (813). С. 68–76.

20. Сорин Б. А. Пока мы не увязли в борьбе // Новая газета Европа. 27 августа 2023. URL: https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2023/08/27/poka-my-ne-uviazli-v-borbe.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

21. Сорокина Г. А. Буддизм в европейской культуре первой трети XX века. Москва, 2005. 24 с.

22. Сорокина Г. А. Идеи буддизма в литературе русского зарубежья. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2016. 231 с.

23. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

24. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2010. 54 с.

Reference list

1. Badmaev A. B. Goluboglazaja katorzhanka = A blue-eyed convict: rasskaz. Jelista : APP «Dzhangar», 1994. 31 s.

2. Balakaev A. G. Tri risunka = Three pictures: malen'kaja povest' // per. s kalm. Aleksandra Isbaha. Jelista : APP «Dzhangar», 1997. 53 s.

3. Bekmetov R. F. Russkaja literatura 1830-60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskih i daosskih) tradicij = Russian literature of the 1830s-60s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions. Kazan', 2019. 411 s.

4. Bernjukevich T. V. Buddijskie idei v kul'ture Rossii konca XIX – pervoj poloviny XX veka = Buddhist ideas in Russian culture of the late XIX – first half of the XX century. Chita, 2010. 48 s.

5. «Gde rodina, tam nasha pesnja i volja»: tema Velikoj Otechestvennoj vojny i deportacii kalmyckogo naroda v kalmyckoj i russkoj literature = «Where the Motherland is, there is our song and will»: the theme of the Great Patriotic War and Kalmyk people's deportation in Kalmyk and Russian literature : mezhvuzovskij sbornik statej / otvetstv. red. R. M. Haninova; M-vo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Kalmyckij gosudarstvennyj universitet. Jelista : Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B. B. Gorodovikova, 2015. 173 s.

6. Grigor'ev A. S. Sud'ba kalmyka = The Kalmyk's fate. URL: https://www.litres.ru/book/anatoliy-grigorev-31095461/sudba-kalmyka-65950897/ (data obrashhenija: 04.06.2024).

7. Ilishkina N. Ju. Ulan Dalaj = Ulan Dalai. URL: https://flibusta.su/book/175169-ulan-dalay/?ysclid=lwy8o6hzcm51400970 (data obrashhenija: 04.06.2024).

8. Keshfidinov Sh. Da nastupit vechnost' = Let eternity come // Znamja. 2024. № 1. S. 220–221.

9. Kukanova V. V., Omakaeva Je. U. Frazeologicheskie i onimicheskie edinicy s komponentom-cvetooboznacheniem ulan v kalmyckom jazyke v svete lingvokognitivnogo podhoda = Phraseological and onymic units with the component of color denoting Ulan in the Kalmyk language in terms of linguocognitive approach //

Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2011. №1–2 (65). Ch. 2. S. 44–49.

10. Mandzhiev N. C. Kalmyckaja proza o deportacii: koncepcija cheloveka = Kalmyk prose about deportation: the concept of man. Majkop, 2005. 23 s.

11. Matveeva A. Krasnyj okean = The Red Ocean // Literaturnaja gazeta. 2023. 30 avgusta-5 sentjabrja (№ 34). S. 11.

12. Mjagkov A. Leonid Juzefovich: «Golyj chelovek – jeto ne predmet literatury». Leonid Juzefovich i Natal'ja Ilishkina rasskazali o svoih novyh romanah: «Pohod na Bar-Hoto» i «Ulan Dalaj» = Leonid Yuzefovich: «A naked man is not a subject of literature». Leonid Yuzefovich and Natalya Ilishkina spoke about their new novels: «Hiking to Bar-Khoto» and «Ulan Dalai». URL: https://godliteratury.ru/articles/2023/12/01/leonid-iuzefovich-golyj-chelovek-eto-ne-predmet-literatury (data obrashhenija: 04.06.2024).

13. Otarova M. B. Hudozhestvennoe osmyslenie problemy deportacii: (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii) = Artistic comprehension of the deportation problem: (based on the literature of the North Caucasian and Kalmykia peoples). Nal'chik, 2006. 18 s.

14. Pelevin V. O. Zhjoltaja strela = The yellow arrow // Novyj mir. 1993. № 7. S. 96–121. URL: https://magazines.gorky.media/library/viktor-pelevin-zheltaya-strela-povest (data obrashhenija: 04.06.2024).

15. Petrova E. Natal'ja Ilishkina – o krugah ada kalmyckogo naroda v semejnoj sage «Ulan Dalaj» = Natalia Ilishkina – about the hell circles of the Kalmyk people in the family saga «Ulan Dalai». URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/296543-natalya-ilishkina-o-krugah-ada-kalmyckogo-naroda-v-romane-ulan-dalay?ysclid=lwxn2y5569637911294 (data obrashhenija: 04.06.2024).

16. «Rozhdenie knigi»: Natal'ja Ilishkina o novom romane «Ulan Dalaj». Interv'ju pisatel'nicy izdatel'stvu AST = «The birth of a book»: Natalia Ilishkina about her new novel 'Ulan Dalai'. Interview with the writer to the publishing house AST. URL: https://ast.ru/news/rozhdenie-knigi-natalya-ilishkina-o-novom-romane-ulan-dalay/ (data obrashhenija: 04.06.2024).

17. Ryzhkov L. Zamazyvajushhaja svastiku: Natal'ja Ilishkina i ejo stepnaja saga = Smearing the swastika: Natalia Ilishkina and her steppe saga. URL: https://alterlit.ru/post/58087/?ysclid=lxxasl72ie645226882 (data obrashhenija: 04.06.2024).

18. Sirotkina T. A. Tradicii duhovnoj kul'tury kalmykov v romane Natal'i Ilishkinoj «Ulan Dalaj» = Traditions of Kalmyk spiritual culture in the novel «Ulan Dalai» by Natalia Ilishkina // XI Lazarevskie chtenija «Liki tradicionnoj kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: ot proshlogo k budushhemu»: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 2024 goda. Cheljabinsk : Cheljabinskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2024. S. 412–413.

19. Solov'jova T. Pustye poezda, strannye sosedi i lozhnye uznavanija = Empty trains, strange neighbors, and false recognitions // Junost'. 2023. № 10 (813). S. 68–76.

20. Sorin B. A. Poka my ne uvjazli v bor'be = Before we get caught up in the fight // Novaja gazeta Evropa. 27 avgusta 2023. URL: https://storage.googleapis.com/novayagazeta-eu/pdf/2023/08/27/poka-my-ne-uviazli-v-borbe.pdf (data obrashhenija: 04.06.2024).

21. Sorokina G. A. Buddizm v evropejskoj kul'ture pervoj treti XX veka. = Buddhism in European culture of the first third of the 20th century. Moskva, 2005. 24 s.

22. Sorokina G. A. Idei buddizma v literature russkogo zarubezh'ja = Buddhism ideas in the literature of the Russians abroad. Moskva : Izd-vo «Jekon-Inform», 2016. 231 s.

23. Toporov V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» = Petersburg and the «Petersburg text of Russian literature» // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe. Moskva : Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. S. 259–367.

24. Ulanov M. S. Buddizm v sociokul'turnom prostranstve Rossii (social'no-filosofskij analiz) = Buddhism in the socio-cultural space of Russia (socio-philosophical analysis). Rostov-na-Donu, 2010. 54 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 18.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-59
EDN: WPZMJN

«Хроника текущих событий» в контексте отечественной журналистики 1960–1980-х гг.

Карина Дмитриевна Корнадут
Аспирант факультета журналистики, Российский государственный гуманитарный университет. 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
kkornadut-97@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-5847-9859

Аннотация. Один из лидеров правозащитного движения в Советском Союзе академик А. Д. Сахаров называл «Хронику текущих событий» главным достижением советских правозащитников. Как известно, их деятельность была направлена на широкий спектр общественных проблем – от защиты национальных меньшинств до помощи политзаключенным. Но именно «Хроника» объединила все, чем занимались правозащитники, и стала важным источником информации как для современников, принимавших участие в движении, так и для исследователей.

«Хроника текущих событий», первое неофициальное издание, целиком посвященное нарушениям прав человека, рассмотрено в данной статье с точки зрения уникальности. Бюллетень, публиковавшийся в течение пятнадцати лет, в 1968–1983 годах, сопоставляется с предшественником – подпольным журналом Р. А. Медведева «Политический дневник», который в отличие от классического литературного самиздата освещал новости политики, экономики и публиковал партийные документы, недоступные читателям официальной прессы. Сходство этих неофициальных сборников заключается в общественно-политической направленности, но их история и цели составителей абсолютно разные – изучение «Хроники» на контрасте с «Политическим дневником» дополнит анализ правозащитного бюллетеня. В данной работе рассмотрены предпосылки и история создания «Хроники», этапы существования которой неотделимы от периодов развития правозащитного движения, изучен стиль публикаций и их отличие от статей о правозащитниках в официальной прессе. Кроме того, в статье содержится информация о способе распространения выпусков, влиянии сборника на развитие правозащитного движения в СССР и реакции властей на факт существования этого бюллетеня.

Ключевые слова: «Хроника текущих событий»; «Политический дневник»; правозащитное движение в Советском Союзе; самиздат; Н. Е. Горбаневская; Р. А. Медведев; подпольные издания; советская цензура

Для цитирования: Корнадут К. Д. «Хроника текущих событий» в контексте отечественной журналистики 1960–1980-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 59–66. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-59. https://elibrary.ru/WPZMJN

Media communication and journalism

Original article

Chronicle of current events in the context of russian journalism in the 1960s–1980s

Karina D. Kornadut
Postgraduate student at the faculty of journalism, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6
kkornadut-97@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-5847-9859

Abstract. Academician A. D. Sakharov, one of the leaders of the human rights movement in the Soviet Union, called the Chronicle of current events the main achievement of soviet human rights activists. Their activities are known to have focused on a wide range of public issues, from protecting national minorities to helping political prisoners. But it was the Chronicle that brought together everything human rights activists were doing and became an important source of information both for contemporaries who took part in the movement and for researchers. Chronicle of current events,

© Корнадут К. Д., 2025

the first unofficial publication devoted entirely to human rights violations, is examined in this article from the aspect of its uniqueness. The bulletin, published for fifteen years, from 1968-1983, is compared with its predecessor, R.A. Medvedev's underground journal Political diary, which, unlike the classic literary samizdat, covered political and economic news and published party documents unavailable to readers of the official press. The similarity of these unofficial collections lies in their social-political content, but their history and the aims of their authors are completely different – studying the Chronicle in contrast to the Political diary will complement the analysis of the human rights bulletin. This paper also considers the background and history of the Chronicle, which is inseparable from the development of the human rights movement. The author studies the style of publications and their difference from articles about human rights defenders in the official press. The article also contains some information about the method of distributing the issues, the influence of the bulletin on the development of the human rights movement in the USSR, and the reaction of the authorities to the bulletin.

Key words: Chronicle of current events; Political diary; human rights movement in the Soviet Union; samizdat; N. E. Gorbanevskaya; M. A. Medvedev; underground publications; soviet censorship

For citation: Kornadut K. D. Chronicle of current events in the context of russian journalism in the 1960s–1980s. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):59–66. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-59. https://elibrary.ru/WPZMJN

Предпосылки создания «Хроники текущих событий»

Появление в 1968 году самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий» можно считать закономерным. С момента прихода к власти Л. И. Брежнева произошло несколько событий, спровоцировавших появление в Советском Союзе правозащитного движения, и вскоре – его главного рупора. Это арест писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, осужденных за публикацию за границей собственных произведений, критикующих советскую власть; демонстрация на Пушкинской площади, организованная в их защиту и ставшая первым за время существования СССР выступлением под правозащитными лозунгами [Алексеева, 2012].Кроме того, это принятая в сентябре 1966 года уголовная статья о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», которую деятели науки и культуры восприняли как попытку реабилитации И. В. Сталина и провели подписантскую кампанию против тенденции возрождения его метода управления страной [Алексеева, 2012]. И, наконец, дело над молодыми самиздатчиками 1968 года, названное «процессом четырех», – с материала о нем и начинается первый выпуск «Хроники текущих событий» [Процесс Галанскова, Гинзбурга … , 1968]. Перечисленные явления не только способствовали объединению людей со схожими взглядами, но и указали на необходимость создания неподцензурного издания, которое будет сообщать о нарушении прав советских граждан. «Хроника текущих событий» стала самиздатом общественно-политического содержания, к появлению которого привела консолидация правозащитного движения в 1968 году. Издание начало выходить, когда людям, несогласным с действиями властей, стало ясно, что через неофициальную печать можно отстаивать не только творческую, но и гражданскую свободу [Даниэль, 2005].

Стилистические особенности «Хроники» и официальной прессы

Редакторы «Хроники» стремились к активному и широкому распространению информации о положении прав человека в СССР. До 1973 года выпуски выходили регулярно, раз в два месяца, а их объем постепенно увеличивался. Составители бюллетеня старались избегать пропаганды, свойственной официальной прессе, а многие современники называли «Хронику» изданием, которое строго придерживается фактов и воздерживается от оценок. Некоторые исследователи утверждают, что действительность в материалах «Хроники» отражена не только «честно», но и объективно [Алексеева, 2012].

Стремление составителей бюллетеня к фактологичности подтверждает работа по анализу лексики, используемой в «Хронике», который провели Г. В. Кузовкин и А. А. Кирзюк. Согласно исследованию, редакторы тщательно перепроверяли факты, а если их достоверность оказывалась под вопросом, использовали в сообщениях слова «говорят» и «по непроверенным слухам» [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Составительница первых девяти выпусков Н. Е. Горбаневская использовала уточнения довольно часто: в № 2 – четыре «говорят», в № 8 – три «по непроверенным слухам». По мнению Кузовкина, наличие оговорок может означать отказ авторов от ответственности [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Но учитывая, что после ареста Горбаневской и смены редактора таких упоминаний стало гораздо меньше, их ис-

пользование указывает скорее на особенность ее личного стиля, а также на стремление авторов к точности передачи информации и сложности достижения этой цели в самом начале работы над «Хроникой текущих событий».

Проверка сообщений осуществлялась с большим трудом: по воспоминаниям историка А. Ю. Даниэля, информация об одних и тех же событиях часто поступала из разных источников [Даниэль, 2017]. Как правило, ими были обычные люди, ставшие свидетелями или жертвами правонарушений. Некоторые сведения попадали к составителям через сарафанное радио – поскольку их трудно проверить, наряду с «говорят» редакторам приходилось использовать слова «толки», «сплетни», «слух», «слухи». В результате подсчета в выпусках за 1968–1981 гг. было выявлено восемьдесят два таких упоминания. Но, несмотря на эту цифру, называть слухи стилистической особенностью «Хроники», подобно утверждениям официальной советской прессы, не стоит [Крамола. Инакомыслие в СССР…, 2005]. Следуя нравственным убеждениям, участники бюллетеня старались использовать только проверенную информацию – для этого они сверяли данные из разных источников и, если после проверки обнаруживались расхождения, детали, не подтвержденные другими источниками, в «Хронику» не включались. Иногда информантам приходилось перепроверять факты через знакомых – особенно это касалось случаев, когда новости поступали из других городов [Даниэль, 2017].

Составители действительно стремились избегать пропаганды: в большинстве выпусков сообщения переданы в информационном стиле, без использования манипулятивных приемов. Но в некоторых материалах присутствуют оценочные суждения: так, в первом выпуске «Хроники» Горбаневская пишет об обращении «К мировой общественности» Л. И. Богораз и П. М. Литвинова в защиту фигурантов «процесса четырех». Редактор называет это дело «позорным» и таким образом делится собственным отношением к процессу над самиздатчиками. Таким образом, можно сделать вывод, что не все статьи бюллетеня безоценочны – не только герои материалов, но и его редакторы являлись участниками правозащитного движения, поэтому назвать бюллетень объективным невозможно. При этом важно отметить, что подобных примеров использования эмоциональных заявлений в «Хронике» немного, в отличие, например, от статей в «Правде», «Известиях» и других официальных изданиях. Участники незаконных демонстраций или распространители самиздата нередко попадали на страницы официальной советской прессы. В первую очередь это касалось тех правозащитников, которые произвели общественный резонанс. Так, «процесс четырех», состоявшийся в 1968 году над самиздатчиками А. И. Гинзбургом, Ю. Т. Галансковым, А. А. Добровольским и В. И. Лашковой, активно освещался в печати. Вероятно, причиной послужила огласка предстоящего суда в западных СМИ, после которой советское руководство заговорило о деле открыто и приступило к дискредитации «антисоветчиков». Такое предположение высказал составитель сборника документов по делу о процессе П. М. Литвинов [Процесс четырех. Сборник … , 1971]. Автор одной из статей в «Комсомольской правде» Ф. Е. Овчаренко использует множество приемов для дискредитации фигурантов дела. Намек на получение ими денег из-за границы содержится в предложении: *Сориентировались они вполне «профессионально» – на мир доллара и провокаций [Овчаренко, 1968]*.

Используя высказывания *«оплевывание исподтишка своей страны», «торговля достоинством советского человека»*, журналист обращается к человеческим ценностям и таким образом внушает читателю, что самиздатчики готовы продать Родину при любой возможности. Кроме того, автор статьи использует эмоционально окрашенную лексику и иронизирует над фигурантами дела: «*В ход пущен полный набор надрывных воплей о свободе, которой мы с вами, читатели, оказывается, лишены» [Овчаренко, 1968]*.

И без того активная дискредитация инакомыслящих в прессе была усилена в январе 1969 года, после выхода постановления ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио и телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Документ был принят после введения советских войск в Чехословакию в августе 1968 года и в ответ на неоднозначную реакцию части советских граждан на подавление Пражской весны. Самым ярким протестом несогласных стала Демонстрация семерых на Красной площади, в которой в том числе приняла участие создательница «Хроники» Горбаневская [Белошапка, 2009].

На историю бюллетеня оказала влияние не только репрессивная политика государства, но и

его первые читатели. Первоначально задуманное Горбаневской название «Год прав человека в Советском Союзе» не прижилось, несмотря на свою актуальность: 1968 год был объявлен Организацией Объединенных Наций годом прав человека. Но читатели обратили внимание на фразу, напечатанную ниже, которая скорее обозначала жанр бюллетеня – «Хроника текущих событий» [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Поскольку аудитория приняла за название именно ее, можно предположить, что в те годы существовал запрос на издание, которое не будет похоже на однотипные официальные газеты и журналы.

«Политический дневник» как предшественник «Хроники»

«Хроника» действительно обладала признаками, нехарактерными для предыдущих подпольных изданий. В некотором роде ее предшественником можно назвать журнал Р. А. Медведева «Политический дневник», в котором содержались статьи, не соответствующие правилам советской цензуры. Сборник выходил в 1964–1971 годах и изначально не имел заглавия: между собой автор, участники и читатели называли его «месяцы», а на обложке печаталась только дата выпуска [Медведев, 1982]. Интересно, что цепляющее название «Политический дневник» появилось уже после закрытия журнала, во время переиздания на Западе нескольких выпусков. Сборник обрел новую жизнь в августе 1971 года, когда разошелся в виде тамиздата за границей. На него обратили внимание не только американские журналисты и читатели, но и советологи, для которых Political Diary стал уникальным источником сведений о жизни «либеральных марксистов» [Martin, 2019]. Медведев, как и Горбаневская, готовил выпуски единолично, используя информацию, поступавшую от знакомых. Среди информантов журнала были и члены партии, которые, подобно Медведеву, пытались предотвратить возрождение сталинизма, но оставались искренними сторонниками марксизма. В «Политическом дневнике» публиковались сообщения о митингах, политических процессах, новинках самиздата, а также секретные партийные документы, связанные с советским прошлым, однако правозащитным этот журнал не считался. Информационная составляющая дополнялась художественной: Медведев также перепечатывал запрещенные литературные произведения, в первую очередь поэтические [Кузовкин, Кирзюк, 2016].

«Политический дневник» выпускался ежемесячно, тогда как «Хроника» за первый год вышла всего пять раз. Поддерживать такую периодичность Медведеву помогал надежный информатор – работник журнала «Коммунист» Е. П. Фролов. Именно он, как выяснилось позже, в течение двух лет перепечатывал для «дневника» документы партии, которые находились в закрытом доступе [Алексеева, 2012]. Другими «корреспондентами» Медведева, равно как и читателями бюллетеня, были его знакомые – по словам автора, аудитория состояла из сорока-пятидесяти человек. В книге «Как создавался „Политический дневник”» Медведев объяснил, что сужал возможности политического влияния журнала сознательно. Журнал был малотиражным (от пяти до двенадцати экземпляров), анонимным и почти не распространялся: читать новый выпуск товарищи приходили либо домой к автору, либо к другим людям, у которых хранился самиздат. Эта мера, принятая из соображения безопасности, помогла сохранить и развить журнал, однако единоличное создание выпусков и нехватка средств на печать «дневника» вынудили Медведева прекратить издание спустя семь лет [Медведев, 1982]. Это один из немногих случаев в Советском Союзе, когда выпуск самиздата был прекращен по желанию самого редактора, а не под давлением власти.

Анализируя «Хронику текущих событий», важно сравнить ее с предшественником. По мнению самого Медведева, главное отличие его издания от «Хроники» заключается в том, что «Политический дневник» не был предназначен для широкого распространения, тогда как «Хроника» постоянно расширяла круг читателей путем свободного создания копий [Медведев, 1982]. Издания также стоит сравнить с точки зрения эксклюзивности материалов. В бюллетене Медведева часто публиковались не только авторские статьи, но и тексты, ходившие в самиздате ранее; в течение месяца редактор и его друзья собирали наиболее интересные публикации из литературных и общественно-политических журналов, газет, после чего Медведев перепечатывал их в «Дневнике». В свою очередь, «Хроника текущих событий» целиком состояла из информации, переданной составителю корреспондентом: тексты, написанные на основе этих сведений, нельзя было прочитать в официальном советском издании. В заключение стоит отметить, что предшественник «Хроники» не является в прямом смысле информационным изданием: многие материалы

«Политического дневника» анализируют первые годы советской истории, а репортажи о смещении Н. С. Хрущева в первом выпуске – скорее исключение, посокльку подобные свежие материалы появлялись редко.

Развитие «Хроники текущих событий»

По мнению исследователя диссидентского движения А. Ю. Даниэля, первой и единственной «газетой самиздата» является именно «Хроника текущих событий» [Даниэль, 2005]. Формат, задуманный Горбаневской, оказался настолько подходящим для правозащитной деятельности, что его оценили в том числе лидеры национальных и религиозных правозащитных движений. Согласно классификации диссидентки и исследовательницы Л. М. Алексеевой, всего в истории правозащитного движения было четыре направления: гражданское, национальное, религиозное и культурное. «Хроника текущих событий» стала образцом для «Украинского вестника», «Хроники Литовской Католической Церкви», «Бюллетеня Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов» и созданного в конце 70-х «Бюллетеня комиссии по расследованию случаев злоупотребления психиатрией». Несмотря на то, что эти самиздатские журналы появились позже, чем «Хроника текущих событий», впоследствии они стали ее дополнительными источниками информации [Алексеева, 2012]. Кроме самиздата информацию в «Хронику» поставляли люди. «Редакция» не находилась в подполье, но, как и Медведев в «Политическом дневнике», Горбаневская решила не публиковать на выпусках адрес в целях безопасности. В конце пятого номера сообщалось, что, несмотря на завершение года прав человека, «Хроника» будет выходить и в 1969 году. Ее создательница предложила сообщать новости таким образом: *«…каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет тому, у кого он взял «Хронику» и т.д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача»* [Год прав человека … , 1968].

Так «Хроника» создала уникальный механизм поставки информации. Но, несмотря на то, что новая схема передачи сведений в редакцию помогла сократить количество возможных арестов составителей и распространителей «Хроники», а также конфискаций выпусков, предотвратить их полностью не удалось. После выхода в 1970 году семнадцатого выпуска бюллетеня органы государственной безопасности по-настоящему обеспокоились издательской деятельностью правозащитников. Председатель КГБ Ю.В. Андропов сообщил в записке Центральному Комитету партии об изменении повестки самиздата: *«…Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам <…> идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера»* [Цит. по: Русина, 2001, с. 285].

В записке упомянута и «Хроника», которая подтолкнула советологов к выводу, что в СССР существует и развивается движение за гражданские права [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Содержание записки Андропова указывает на высокий авторитет «Хроники текущих событий» за границей, где она распространялась в форме тамиздата. По этой причине советская власть начала более пристально следить за деятельностью людей, тем или иным образом связанных с бюллетенем.

Кризис подпольного издания и правозащиты

Вскоре до правозащитников стали доходить слухи, что в конце 1971 года ЦК КПСС принял постановление о прекращении деятельности «Хроники текущих событий» и всего самиздата, а также его утечки на Запад [Алексеева, 2012]. Начались многочисленные обыски и допросы по делу «Хроники» №24 в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Вильнюсе. Несмотря на аресты распространителей самиздата, в октябре 1972 года с полуторамесячным опозданием вышел 27-й выпуск бюллетеня [Алексеева, 2012].

Одним из арестованных по статье «Антисоветская агитация и пропаганда» в 1972 году оказался активный лидер правозащитного движения П. И. Якир. За арестом последовала новая записка председателя КГБ, обращенная к ЦК партии: на этот раз Андропов назвал «Хронику» печатным органом «так называемого демократического движения», а Якира с единомышленниками – создателями корреспондентской сети в разных уголках страны [Даниэль, 2017]. Данный документ и принятое партией постановление свидетельствуют о том, что за четыре года существования «Хроники» и сам бюллетень, и правозащитное движение в целом стали представлять

угрозу. 1973–1974 гг. оказались кризисными для правозащитников.

Власти не ошиблись с выбором жертвы – Якир действительно был одним из главных деятелей движения, до ареста именно в его в московской квартире собирались единомышленники. В заключении он и участник Инициативной группы по правам человека В. А. Красин стали сотрудничать со следствием. Вместе они дали показания против двухсот человек. Якира и Красина обвиняли в составлении, подписании, размножении, хранении и распространении документов политического содержания, а также листовок, писем-протестов и выпусков «Хроники». Кроме того, заключенных обвиняли в передаче этих материалов на Запад, а также в получении антисоветской литературы и финансовых средств от «Народно-трудового союза» [Суд над Петром Якиром … , 1973].

С каждым новым выпуском «Хроники» следствие арестовывало очередных правозащитников и увеличивало срок заключения Якира и Красина [Алексеева, 2012]. По этой причине выпуски стали печататься реже: так в 1973 г. вышло только два номера «Хроники», и это при том, что раньше ежегодно выходило от пяти до шести выпусков. В 1974 г. вышло сразу три номера о событиях 1973 года: № 28, 29, 30. Они были переданы журналистам участниками Инициативной группы по правам человека Т. М. Великановой, С. А. Ковалевым и Т. С. Ходорович во время пресс-конференции. Правозащитники взяли ответственность за распространение «Хроники» и сообщили, что у издания есть представитель за границей – П. М. Литвинов [Алексеева, 2012]. Пресс-конференция стала неожиданностью для КГБ, поскольку сотрудники ведомства были уверены, что «Хроника» уничтожена.

«Хроника» и ее последователи после кризиса

В 1970-е годы бюллетень постепенно перестал быть оперативным новостным изданием. Скорость выпусков снизилась из-за увеличения количества информации и появления новых рубрик: «Преследования верующих», «Преследования крымских татар», «Репрессии на Украине», «Право на выезд». Тематическое расширение «Хроники» можно объяснить тем, что официальная пресса не сообщала о подобных социальных проблемах. В свою очередь, появление таких разделов требовало более тщательной проверки информации, и это сказывалось на оперативности выпусков. Чтобы компенсировать нехватку сведений, правозащитники создали «Бюллетень В», который выходил два-три раза в месяц; такой скорости удалось добиться за счет менее детальной проверки информации [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Бюллетень выходил в нескольких экземплярах и широко не распространялся, поскольку в первую очередь его читали правозащитники, собиравшие информацию о нарушениях прав человека. В создании самиздата принимали участие С. А. Ковалев (в суде он сообщил, что является создателем «Бюллетеня В») и С. И. Григорьянц, который занимался редактированием издания и был осужден за это на семь лет лагерей и три года ссылки. В мае 1983 г. из-за угрозы ареста создателей издания выпуск «Бюллетеня В» был прекращен [Алексеева, 2012].

После преодоления кризиса правозащитного движения в редакцию «Хроники» стали поступать сведения из других регионов. С этого момента издание выходило без перерывов, несмотря на периодические обыски у составителей. Так, во время обыска в квартире Л. Д. Вуля в феврале 1981 г. был изъят макет выпуска № 59. Составители решили не восстанавливать его и перейти к созданию следующего [Медведев, 1982]. Несмотря на давление КГБ, 31 декабря 1981 г. вышел самый большой выпуск за всю историю «Хроники» – № 63. Его объем составил двести две страницы [Кузовкин, Кирзюк, 2016]. Этому способствовал организационный рост движения и укрепление связей с различными формами правозащиты. После ареста в ноябре 1983 г. последнего редактора, Ю. А. Шихановича, издание «Хроники» прекратилось и больше не возобновлялось, а последний выпуск бюллетеня не попал ни в самиздат, ни за границу [Кузовкин, Кирзюк, 2016].

Специфику «Хроники текущих событий» обусловливают несколько факторов. Учитывая многочисленные ограничения и цензуру, редакторы, выпускавшие бюллетень после Горбаневской, смогли сохранить стиль и принципы издания, среди которых: следование фактам, тщательная проверка поступающих сведений, минимальное использование оценочных суждений. Вопреки расхожему мнению исследователей-современников «Хроники» о ее объективности, материалы нельзя назвать таковыми, поскольку среди редакторов были участники правозащитного движения, и их мнение могло быть предвзятым. Но важно подчеркнуть, что в издании публиковались новости, прежде всего направленные на аудиторию «Хроники», следившую за повест-

кой, – редакторы не ставили целью влиять на взгляды граждан, согласных с текущей политикой. «Хроника» выделялась среди других самиздатских сборников, публиковавших новостные сообщения, и за счет наличия собственного корреспондентского механизма передачи информации по цепочке. На протяжении пятнадцати лет составителям «Хроники» удавалось сохранять и развивать бюллетень, в то время как далеко не все подпольные издания в СССР существовали так долго. В результате именно «Хроника текущих событий» стал одним из главных источников исследований правозащитного движения в Советском Союзе.

Библиографический список

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период. Москва : Моск. Хельсинк. группа, 2012. 384 с.

2. Белошапка Н. В. Государственное управление культурой в СССР: механизм, методы, политика // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 2. С. 87–103.

3. [Б.а.] Год прав человека продолжается // Хроника текущих событий. 1968. Вып. 5. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (дата обращения: 04.11.2022).

4. [Б.а.] Процесс Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой // Хроника текущих событий. 1968. Вып. 1. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (дата обращения: 04.11.2022).

5. [Б.а.] Суд над Петром Якиром и Виктором Красиным // Хроника текущих событий. 1973. Вып. 30. URL: https://hts.memo.ru/ (дата обращения: 28.10.2023).

6. Даниэль А. Ю. Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е гг. В 3 томах. Т. 1 / под общ. ред. В. В. Игрунова. Москва : Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 17–33.

7. Даниэль А. Ю. Человек против СССР. Хроника текущих событий: видеолекция // Arzamas. 2017. URL: http://arzamas.academy/courses/40/4 (дата обращения: 04.11.2022).

8. Даниэль А. Ю. «Я чувствовал себя рыбой, которую назначают ихтиологом» // Arzamas. URL: https://arzamas.academy/materials/1215 (дата обращения: 04.11.2022).

9. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. / под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. Москва : Материк, 2005. 432 с.

10. Кузовкин Г. В., Кирзюк А. А. «Людская молвь…» в «Хронике текущих событий»: к созданию справочника слухов послесталинской эпохи // Acta samizdatica / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, и др. Москва : Государственная публичная историческая библиотека России, 2016. Вып. 3. С. 44–56.

11. Мартин Б., Кузовкин Г. Феномен братьев Медведевых и Самиздат // Элементы большой науки. 2021. № 2. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/435732/Fenomen_bratev_Medvedevykh_i_Samizdat (дата обращения: 02.11.2022).

12. Медведев Р. А. Как создавался «Политический дневник» // СССР: внутренние противоречия. 1982.

13. Овчаренко Ф. Е. В лакеях // Комсомольская Правда. 1968. 18 января.

14. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой / сост. П. Литвинов. Амстердам : Фонд имени Герцена, 1971. 634 с.

15. [Редакция сайта «Хроника текущих событий»] // Хроника текущих событий. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (дата обращения: 04.11.2022).

16. Русина Ю. А. Журналы самиздата 1960–1970-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2001. № 1. С. 279–295.

17. Русина Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 204 с.

18. Русина Ю. А. «Хроника текущих событий» – самое большое достижение правозащитников. К истории советской подпольной периодики 1960–1980 годов // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 120–129.

19. [Содержание выпуска «Хроники текущих событий»] // Хроника текущих событий. 1978. Вып. 51. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (дата обращения: 04.11.2022).

20. Суд над Петром Якиром и Виктором Красиным // Хроника текущих событий. 1973. Вып. 30. URL: http://hts.memo.ru/ (дата обращения: 04.11.2022).

21. Barbara M Martin. Roy Medvedev's Political Diary: An Experiment in Free Socialist Press // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2019. № 4. С. 601–626.

Reference list

1. Alekseeva L. M. Istorija inakomyslija v SSSR: novejshij period = History of dissidence in the USSR: the newest period. Moskva : Mosk. Hel'sink. gruppa, 2012. 384 s.

2. Beloshapka N. V. Gosudarstvennoe upravlenie kul'turoj v SSSR: mehanizm, metody, politika = State management of culture in the USSR: mechanism, methods, policy // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2009. № 2. S. 87–103.

3. [B.a.] God prav cheloveka prodolzhaetsja = The year of human rights continues // Hronika tekushhih sobytij. 1968. Vyp. 5. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (data obrashhenija: 04.11.2022).

4. [B.a.] Process Galanskova, Ginzburga, Dobrovol'skogo i Lashkovoj = The trial of Galanskova, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova // Hronika tekushhih sobytij. 1968. Vyp. 1. URL:

http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (data obrashhenija: 04.11.2022).

5. [B.a.] Sud nad Petrom Jakirom i Viktorom Krasinym = The Trial of Pyotr Yakir and Viktor Krasin // Hronika tekushhih sobytiĭ. 1973. Vyp. 30. URL: https://hts.memo.ru/ (data obrashhenija: 28.10.2023).

6. Danijel' A. Ju. Istoki i smysl sovetskogo samizdata = The origins and meaning of Soviet samizdat // Antologija samizdata. Nepodcenzurnaja literatura v SSSR. 1950-e – 1980-e gg. V 3 tomah. T. 1 / pod obshh. red. V. V. Igrunova. Moskva : Mezhdunarodnyj institut gumanitarno-politicheskih issledovanij, 2005. S. 17–33.

7. Danijel' A. Ju. Chelovek protiv SSSR. Hronika tekushhih sobytij: videolekcija = Man against the USSR. Chronicle of current events: video lecture // Arzamas. 2017. URL: http://arzamas.academy/courses/40/4 (data obrashhenija: 04.11.2022).

8. Danijel' A. Ju. «Ja chuvstvoval sebja ryboj, kotoruju naznachajut ihtiologom» = «I felt like a fish being appointed an ichthyologist» // Arzamas. URL: https://arzamas.academy/materials/1215 (data obrashhenija: 04.11.2022).

9. Kramola. Inakomyslie v SSSR pri Hrushheve i Brezhneve 1953–1982 gg. = Sedition. Dissidence in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953-1982. / pod red. V. A. Kozlova, S. V. Mironenko. Moskva : Materik, 2005. 432 s.

10. Kuzovkin G. V., Kirzjuk A. A. «Ljudskaja molv'…» v «Hronike tekushhih sobytij»: k sozdaniju spravochnika sluhov poslestalinskoj jepohi = «People's talk...» in the «Chronicle of Current Events»: towards creating a handbook of rumors in the post-Stalin era // Acta samizdatica / sost. E. N. Strukova, B. I. Belenkin, i dr. Moskva : Gosudarstvennaja publichnaja istoricheskaja biblioteka Rossii, 2016. Vyp. 3. S. 44–56.

11. Martin B., Kuzovkin G. Fenomen brat'ev Medvedevyh i Samizdat = The Phenomenon of the Medvedev brothers and samizdat // Jelementy bol'shoj nauki. 2021. № 2. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/435732/Fenomen_bratev_Medvedevykh_i_Samizdat (data obrashhenija: 02.11.2022).

12. Medvedev R. A. Kak sozdavalsja «Politicheskij dnevnik» = How the Political Diary was created // SSSR: vnutrennie protivorechija. 1982.

13. Ovcharenko F. E. V lakejah = As a footman // Komsomol'skaja Pravda. 1968. 18 janvarja.

14. Process chetyreh. Sbornik materialov po delu Galanskova, Ginzburga, Dobrovol'skogo i Lashkovoj = The Process of the Four. Collection of materials on the case of Galanskova, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova / sost. P. Litvinov. Amsterdam : Fond imeni Gercena, 1971. 634 s.

15. [Redakcija sajta «Hronika tekushhih sobytij»] = [Editorial Board of the website «Chronicle of Current Events»] // Hronika tekushhih sobytij. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (data obrashhenija: 04.11.2022).

16. Rusina Ju. A. Zhurnaly samizdata 1960–1970-h gg. = Samizdat magazines in the 1960s-1970s. // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. 2001. № 1. S. 279–295.

17. Rusina Ju. A. Samizdat v SSSR: teksty i sud'by = Samizdat in the USSR: texts and fates. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2019. 204 s.

18. Rusina Ju. A. «Hronika tekushhih sobytij» – samoe bol'shoe dostizhenie pravozashhitnikov. K istorii sovetskoj podpol'noj periodiki 1960–1980 godov = «Chronicle of Current Events» is the greatest achievement of human rights activists. To the history of Soviet underground periodicals in 1960-1980 // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 27. S. 120–129.

19. [Soderzhanie vypuska «Hroniki tekushhih sobytij»] = [Contents of the issue «Chronicles of Current Events»] // Hronika tekushhih sobytij. 1978. Vyp. 51. URL: http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (data obrashhenija: 04.11.2022).

20. Sud nad Petrom Jakirom i Viktorom Krasinym = The Trial of Pyotr Yakir and Viktor Krasin // Hronika tekushhih sobytiĭ. 1973. Vyp. 30. URL: http://hts.memo.ru/ (data obrashhenija: 04.11.2022).

21. Barbara M Martin. Roy Medvedev's Political Diary: An Experiment in Free Socialist Press // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2019. № 4. S. 601–626.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 20.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-67
EDN: KVNHEU

Функция официальных СМИ в кризисных коммуникациях (на материале школьного инцидента в г. Чэнду КНР)

Чэнь Чжэ
Аспирант направления «Медиакоммуникации и журналистика», Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет. 199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26
zhe.chen@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-2176-7650

Аннотация. В статье анализируются коммуникационные стратегии китайского правительства в связи с трагическим инцидентом, произошедшим в средней школе №49 в Чэнду (КНР). Изначально смерть подростка была обусловлена его собственными психологическими проблемами, и он покончил с собой, прыгнув с крыши. Однако в начале инцидента местные власти не смогли выстроить эффективную кризисную коммуникацию, что привело к медленной реакции на трагедию и возникновению социальной паники. Инцидент быстро медиатизировался в социальных сетях, где начала распространяться информация, что причиной трагедии стали не только психологические проблемы, но и школьные издевательства и иное агрессивное поведение со стороны сверстников. Это вызвало широкий общественный резонанс и недоверие к действиям местных властей, что в свою очередь привело к росту социального недовольства. Восстановление отношений власти и общества стало возможным только после того, как центральные СМИ начали освещать инцидент, применив адекватные коммуникационные стратегии, что помогло восстановить общественное доверие. Исследование опирается на ситуационную теорию кризисов, в которой подчеркивается важность оперативной и открытой реакции руководящих структур в кризисных ситуациях по принципу 24-х часов. Эмпирическую базу составили 1696 постов на платформе weibo (крупнейшая китайская социальная сеть), касающихся общественной реакции на инцидент за период с 11 по 13 мая 2021 года. Контент-анализ позволил выявить стратегии коммуникации на разных этапах кризиса и выработать рекомендации для улучшения кризисного управления в будущем.

Ключевые слова: кризис; кризисная коммуникация; власть; общественное мнение; ситуационная теория кризисов; коммуникационные стратегии; социальные сети

Для цитирования: Чэнь Чжэ Функция официальных СМИ в кризисных коммуникациях (на материале школьного инцидента в г. Чэнду КНР) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 67–76. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-67. https://elibrary.ru/KVNHEU

Original article

Official media functions in crisis communications (the case of the school accident in Chengdu, PRC)

Chen Zhe
Postgraduate student in media communications and journalism, Higher school of journalism and mass communications, St. Petersburg state university. 199004, St. Petersburg, 1st line V.O., 26
zhe.chen@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-2176-7650

Abstract. The author of the article analyzes communication strategies of the chinese government in connection with the tragic accident that took place in secondary school No. 49 in Chengdu (PRC). The girl's death was initially attributed to her own psychological problems, and she committed suicide by jumping from the roof. However, local authorities failed to build effective crisis communication from the beginning, which resulted in a slow reaction to the tragedy and created social panic. The case was quickly picked up by social media, spreading the information that the cause of the tragedy was not only psychological problems, but also school bullying and other aggressive behavior on the part of the girl's peers This caused widespread public reaction and distrust in the actions of the local authorities, which in turn led to the growth of social discontent. Rebuilding relations between the authorities and the public became possible only after the central media started to cover the incident using adequate communication strategies, which

© Чэнь Чжэ, 2025

helped to restore the public trust. The study is based on the crisis situation theory, which emphasizes the importance of prompt and open response of the authorities in crisis situations, following the 24-hour principle. The empirical database consisted of 1,696 posts on weibo (China's largest social network) regarding public reactions to the event between May 11 and May 13, 2021. The content analysis identifies communication strategies at different stages of the crisis and provides recommendations for improving crisis management in the future.

Key words: crisis; crisis communication; authorities; public opinion; crisis situation theory; communication strategies; social networks

For citation: Chen Zhe Official media functions in crisis communications (the case of the school accident in Chengdu, PRC). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):67–76. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-67. https://elibrary.ru/KVNHEU

Введение

Исследователями отмечается, что коммуникация между органами государственной власти и СМИ определяет имидж власти, партии и формирует общественное мнение [Вен Чжэньцзе, 2017, с. 7]. «Журналисты невольно выполняют функции имиджмейкеров, особенно в государственных, муниципальных, ведомственных и партийных СМИ» [Новичихина, Самойленко, 2020, с. 93]. В связи с этим проникновение социальных медиа в ежедневные коммуникативные практики общества формируют параллельную повестку дня, что ставит понятие медиатизации кризисных ситуаций в социальных сетях в фокус междисциплинарных исследований. Для получения актуальной информации люди используют разнообразные источники. Но достоверность этой информации сложно проверить, а общественность легко ввести в заблуждение, вызывая путаницу в общественном мышлении и отклонения в ценностях [Лю Синь, 2024, с. 2]. Наиболее значимым ожидаемо оказался интернет. Он же является и основным каналом получения людьми слухов [Емельянов, 2023]. При возникновении кризисных событий медиатизированный инцидент вовлекает в воронку информационного цунами все большее количество акторов, что способно вывести локальный инцидент в федеральную повестку «снизу» [Быкова, 2020, с. 27]. Ранее внезапные инциденты на местах были ограничены географическим пространством, и вызванные ими обсуждения и внимание обычно носили кратковременный локальный характер. Однако в эпоху всеобщих медиа местные новости и происшествия могут быстро распространяться через интернет-каналы, привлекая значительное общественное внимание за короткий срок. Понимание динамики сетевого общественного мнения в новых медиа, анализ механизмов его формирования и закономерностей эволюции имеют важное значение для правильного восприятия и реагирования на общественное мнение со стороны государственных структур, а также важно для повышения их способности к управлению интернетом [Юй Сяобин, 2021, с. 54].

В данном исследовании для анализа кризисной ситуации выбран резонансный информационный повод: трагический инцидент с гибелью школьника, произошедший в г. Чэнду в Китае. Инцидент вызвал сильное социальное возмущение, которым воспользовались сетевые нетизены для гиперболизации причин инцидента и критики власти, в то время как пресс-службы местных органов государственной власти упустили риски развития кризисных коммуникаций. Анализ коммуникационных стратегий, предпринятых органами государственной власти с помощью подключившхся в процессе медиатизации центральных СМИ, позволил выявить базовые тренды по управлению общественным мнением в социальных сетях Китая и обобщить ключевые факторы, которые приводят к распространению негативного общественного мнения в цифровой среде.

На основе анализа в управлении кризисами правительства в эпоху социальных сетей необходимо не только повышать скорость и точность публикации информации, но и оптимизировать взаимодействие с механизмами социальных платформ. Следует использовать регулирование, отслеживание источников информации и повышение авторитетности каналов для оптимизации путей распространения, сокращая негативную информацию и эмоционально заряженные настроения в обществе. Одновременно необходимо усилить управление общественным мнением в сфере пользовательского контента, создать здоровую среду для публичных дискуссий и предотвратить превращение социальных сетей в канал распространения негативных настроений во время кризисных событий.

Теоретическая рамка исследования

Ситуативная теория кризиса Т. Кумбса [Coombs, 2007, с. 51] является важной основой в исследовании кризисной коммуникации, которая

может обеспечить эффективное стратегическое руководство [Гавра, 2021, с. 45]. Т. Кумбс делит кризисы по степени ответственности компании в возникновении кризиса и выделяет три кризисных кластера: кластер жертв; случайный кластер; преднамеренный кластер. Цель ситуационного анализа – определить тип кризиса, проанализировать общественное восприятие кризиса и оценить масштаб последствий, чтобы применить соответствующую коммуникационную стратегию для его урегулирования [Чэнь Цзинчао, 2017, с. 189]. Ситуативная теория кризиса утверждает, что различные типы кризисов в конкретных ситуациях определяют коммуникационную стратегию субъекта, чтобы минимизировать негативное воздействие кризиса на имидж и не разрушить общественное доверие [Ли Цзяи, 2022, с. 105]. В форс-мажорных обстоятельствах, в которые вписывается анализируемый в статье инцидент, «фокус на жертву» ограничивает репутационный ущерб и снижает негативное влияние [Каминская, 2023, с. 76]. Кризисная коммуникационная стратегия «фокус на жертву» означает, что субъект также является жертвой кризиса.

В случае кризиса типа «жертва» следует занять позицию сочувствия и помощи, подчеркивая, что субъект коммуникации работает для решения проблемы вместе с общественностью [Мягков, 2022, с. 189]. В случае непреднамеренного кризиса следует быстро прояснить факты, признать ошибки и открыто демонстрировать готовность решить проблему. В ситуации преднамеренного кризиса взять на себя ответственность и обозначить виновных, чтобы восстановить доверие общества [У Симэн, Гао Линь, 2018, с. 151]. Прозрачность и открытость позиции органов власти, омниканальность и интерактивность при предоставлении информации снижает количество слухов и домыслов и стабилизирует общественные настроения [Тан Кейи, 2022, с. 36].

Эмпирическая база исследования

9 мая 2021 г. в 18:40 ученик упал с крыши здания средней школы № 49 г. Чэнду на западе Китая [Sohu, 2021]. Школьная администрация оперативно вызвала скорую помощь, однако спасти школьника не удалось. Кризисная коммуникация начала развиваться снизу по эмоциональному треку по трем стадиям: *гнев* (выражение злости, обиды и непринятия*) торг* (попытка найти виновных, продумывание плана действий для наказания), *принятие* (адаптация к новым обстоятельствам). Родители погибшего, не в силах сразу принять случившееся, начали выражать сомнения в социальных сетях по поводу действий школы и местных властей. Так, по данным альтметрик Weibo жизненный цикл инцидента в медиапространстве составил 86 часов, средняя скорость распространения составляла 52 поста в час, пиковая скорость – 1730 постов в час. Медиаиндекс события оказался выше, чем у 94 % других социальных инцидентов [Колобова, 2024, с. 102]. 76 центральных СМИ тоже освещали данный инцидент, их вовлеченность составила 7,2 %, что выше, чем у 35 % прочих освещаемых социальных инцидентов за год [Жен Цзусинь, 2023, с. 57].

Описание инцидента

9 мая 2021 г. около 18:40 16-летний ученик средней школы № 49 г. Чэнду провинции Сычуань сорвался с крыши здания школы. По прибытии медицинская бригада скорой помощи констатировала отсутствие признаков жизни. 10 мая 2021 г. в 6:35 мать погибшего написала на платформе Weibo о том, что «*школа отказала всем родителям в информации*», «*нам не позволили просмотреть записи с камер видеонаблюдения*», «*в школе просили всех учеников молчать»* и др. [Weibo, 2021]. Этот пост вызвал широкий резонанс среди пользователей, сформировался фокус общественного недоверия мерам, предпринятым администрацией школы и местными руководителями в сфере образования и полиции по причине замалчивания или игнорирования причин инцидента [Чжан Фань, 2022, с. 125].

10 мая во второй половине дня средняя школа № 49 г. Чэнду опубликовала официальное заявление на своей странице в Weibo, в котором сообщалось, что школа создала рабочую группу для сотрудничества с расследованием и прилагает все усилия для урегулирования последствий инцидента [People daily, 2021].

11 мая 2021 г. в 3:54 официальный аккаунт Управления образования района Чэнхуа г. Чэнду в социальной сети Weibo опубликовал официальное сообщение об инциденте, в котором было заявлено, что состава преступления в нем не обнаружено. Вечером 11 мая официальная страница районного управления полиции Чэнхуа на Weibo выпустила официальный отчёт, в котором так же сообщалось, что на основе осмотра места происшествия, опроса свидетелей, проверки записей с камер видеонаблюдения и вскрытия тела установлено, что ученик погиб в результате

несчастного случая и оснований для возбуждения уголовного дела нет [Yangtse, 2023]. Местные власти уже уведомили семью, и семья не возражает против данного официального заключения.

13 мая местные СМИ детально восстановили обстоятельства падения. В тот же день тело было кремировано с согласия родителей погибшего, которые подписали соответствующие документы.

Анализ материала

Как показал проведенный контент-анализ медиаматериалов в социальных сетях, реагирование местных органов власти на инцидент прошло в три этапа:

1. Период зарождения коммуникационного кризиса. Появляются неподтвержденные новости и бесконтрольно высказываются мнения общественности в социальных сетях, расширяется воронка медиатизации инцидента [Чжун Цзяньцинь, 2022, с. 3]. На платформе Weibo размещаются фрагментарные скриншоты инцидента, целостной картины инцидента нет. На первом этапе общественное обсуждение инцидента в течение 8 часов (с 18:40 10 мая, когда был опубликован первый Weibo, до 3:00 11 мая) достигло своего пика: 786 постов в час. По качеству комментариев на публикацию об инциденте комментаторы разделились по трем типам: наблюдатели, спекулянты и эксперты [Ли Цзяи, 2022, с. 105] (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Типы комментаторов

Тип комментатора	**Наблюдатель**	**Спекулянт**	**Эксперты**
Базовый нарратив	Ждем официального заявления	Должно быть что-то подозрительное!	Расследование требует времени

Нетизены-наблюдатели были сосредоточены на выражении сочувствия [Ян Цзиншуан, 2021, с. 63] семье погибшего, поддерживали позицию матери погибшего, которую та выразила в посте на Weibo, ставили под сомнение действия администрации школы, требовали четкого и полного ответа от соответствующих ведомств: *«Кто сможет сказать нам правду? Дать этому объяснение!»* [Weibo, 2021]. Нетизены-спекулянты использовали инцидент для критики администрации района и правительственных ведомств: *«Это напоминает мне о „Молчаливой истине" – всегда должен быть кто-то, кто пожертвует собой, чтобы разогнать мрак и позволить истине выйти на свет, чтобы слуги власти понесли заслуженное наказание»* [Weibo, 2021]; *«Нам нужна правда, а не сказать нам, что семьи ученика удовлетворены!»* [Пэн Пай, 2021]. Данные комментарии вызвали новую волну сетевых дебатов. Эксперты в области права придерживались рациональной позиции, ожидали профессионального юридического заключения: *«Я верю в закон»* [Пэн Пай новости, 2021] и выражали соболезнования матери погибшего. На данном этапе общественность в основном занимает выжидательную позицию, возлагая большие надежды на авторитетный ответ официальных властей.

2. Период нарастания коммуникационного кризиса. В этот период наблюдался разрыв между ожиданиями общественности от соответствующих департаментов и полученными ответами, общественное мнение переросло в открытую критику действий местных департаментов образования, департамента общественной безопасности и других государственных институтов. В последующие часы включились центральные СМИ: Синхуа [Сина новости, 2021] и Соху новости [Соху новости, 2021]. Являясь субъектами, не вовлеченными в инцидент, СМИ взяли инициативу по разрешению коммуникационного кризиса в свои руки: стали основным каналом, по которому общественность получала информацию о ходе официального расследования, призывали в комментариях *выражать мнение рационально и спокойно искать правду* [Сюн Пин, 2019] и обещали дать ответ на следующий общественный запрос: *«Я надеюсь, что правительство обратит внимание и проверит эту школу»* [Пост незитена, 2021].

Центральные СМИ Жэньминь Жибао и Синхуа и Центральное телевидение Китая в ходе проведенного мониторинга общественного мнения по поводу инцидента собрали и обобщили ряд вопросов, на которые комментаторы ожидали получить исчерпывающий ответ от государственных департаментов г. Чэнду*: «На основании содержания уведомления остаётся много вопросов без ответа. Например, правда ли, что семье погибшего ученика ранее отказали в просмотре записей с камер наблюдения? И действительно ли отсутствуют записи с этих камер? Кроме того, почему семья погибшего узнала о случившемся только спустя два часа после трагедии? Также вызывает сомнение, что именно образовательный департамент, а не органы правопорядка, сообщил о причинах трагедии, которые якобы связаны с личными пробле-*

мами ученика» [Пост Центрального телевидения, 2021].

3. Когда соответствующие ведомства для снятия общественного возмущения начали углубленное расследование дела с публикацией результатов, начался третий цикл коммуникационного кризиса с пиковой скоростью передачи 1121 пост в час. Утром 13 мая, после того как газеты People's Daily и Синьхуа опубликовали последние результаты расследования, общественное мнение постепенно смещается в сторону анализа причин трагедии: *«Главный урок этого происшествия в том, что школа и родители должны уделять внимание не только успеваемости, но и психологическому развитию детей, чтобы предотвратить подобные трагедии в будущем»* [Пост незитена, 2021]; *«Пусть ушедший покоится с миром, пусть родные найдут утешение, и давайте проявим больше сострадания к матери погибшего. Кроме того, надеемся, что все мы сможем извлечь урок из этого и сделаем так, чтобы подобных трагедий, как та, что произошла с Линем, стало меньше»* [Пост незитена, 2021].

Таким образом, общественность приняла результаты опубликованного расследования, что противодействовало дальнейшему бесконтрольному распространению слухов. На центральном телевидении было уделено пристальное внимание психологическим проблемам лиц, вовлеченных в инцидент, подчеркнуты недостатки в действиях соответствующих ведомств, отмечена информационная неполнота и неподобающий ситуации тон первого официального сообщения, подчеркнута необходимость адекватного реагирования администрации школы и департаментов образования на общественные запросы: *«Только своевременные меры реагирования могут устранить слухи»* [People daily, 2021]. 13 мая газета «People's Daily» так прокомментировала инцидент: *«Нам нужна правда, не можем позволить эмоциям заменить рациональность»* [People daily, 2021]. Гуйчжоуская радиовещательная телестанция в программе «Нулевая точка: комментарии» также подчеркнула: *«Наибольшая ответственность лежит на соответствующих органах. Необходимо ускорить темпы открытого и прозрачного раскрытия информации, сделать это как можно быстрее»* [Гуйчжоуская радиовещательная телестанция «Нулевая точка: комментарии», 2021].

Результаты анализа

Согласно теории ситуативного кризиса, этот инцидент попадает под типологию форс-мажорного, случайного кризиса, который требует быстрого прояснения ситуации и открытой коммуникации с общественностью с «фокусом на жертву».

Первой причиной кризиса стала бесконтрольно распространяемая эмоциональная реакция со стороны родителей учеников школы в социальной сети Weibo (стадия гнева). Общественный резонанс запустил процесс медиатизации, вовлек дополнительных медиаакторов (нетизенов), которые воспользовались инцидентом для критики органов государственной власти (стадия торга).

Вторая причина связана с задержкой официальной исчерпывающей информации со стороны местной администрации. Руководители администрации города и дирекции школы не придерживались принципа оперативного обнародования фактов на начальном этапе и затянули с публикацией подробностей инцидента, что привело к коммуникационному кризису. Местные власти в этот период применили коммуникационную стратегию игнорирования и замалчивания: родителям не разрешили войти в школу, а учеников предупредили, что им запрещено комментировать инцидент в социальных сетях. Местные органы власти не ответили на эмоциональные вопросы родителей, ограничившись информацией об исключении возбуждения уголовного дела, что явно не соответствовало их ожиданиям. Только после публикации подробного отчета центральными официальными СМИ 13 мая общественное мнение было удовлетворено (стадия принятия).

Кроме того, анализ показывает, что в условиях внезапных общественных инцидентов местные власти не обладают системным прогнозированием динамики общественного мнения в социальных сетях, что приводит к неспособности предвидеть развитие сетевой дискуссии и упущению ключевого окна для коммуникации. На ранней стадии кризиса социальные сети выступают не только в качестве основного канала распространения информациии, но и как важная платформа для выражения общественных эмоций. Отсутствие у местных властей эффективного механизма мониторинга и реагирования на общественное мнение привело к быстрому разрастанию негативных настроений, их распространению на национальном уровне и, как следствие, снижению доверия к органам государ-

ственной власти.

В отличие от этого, вмешательство центральных СМИ на среднем завершающем этапе инцидента показало, что точечное распространение официальной информации и системная медийная стратегия могут эффективно направлять общественное мнение, способствуя постепенному принятию официальной версии событий и восстановлению общественного доверия. Таким образом, местные органы власти должны укреплять свои возможности по кризисному управлению в социальных сетях, формировать механизмы быстрого реагирования и перенимать эффективные PR-стратегии центральных СМИ, чтобы в будущем избежать эскалации общественного недовольства в аналогичных ситуациях.

Заключение

В силу отсутствия опыта работы с общественным мнением в кризисных коммуникациях у местных правительственных департаментов обсуждение инцидента вышло из-под контроля, и в онлайн-среде сформировалось низовое негативное общественное мнение: сомнения в причинах инцидента были усилены, действия администрации школы и органов власти подвергнуты сомнению. Волны общественного возмущения прошли три пика активности. Только благодаря исчерпывающему отчету центральных СМИ, не являющихся заинтересованными акторами инцидента, общественность успокоилась. Это видно по изменениям общественного мнения в социальных сетях до и после инцидента. Официальные аккаунты центральных медиа People's Daily, Xinhua News Agency, CCTV.com и Guangming Newspaper, будучи рупором правительства и независимыми от возможных последствий инцидента структурами, своевременно отслеживали и получали официально подтвержденные сообщения, проводили мониторинг общественного мнения и контролировали настроения в социальных сетях на среднем и завершающем этапе инцидента. Анализ показывает, что именно федеральные СМИ являются эффективным инструментом управления общественным мнением и в цифровую эпоху.

На основе проведенного анализа инцидента нами сформулированы рекомендации по кризисному реагированию для органов власти в ситуации форс-мажора, приведшего к жертвам:

1. Пресс-службам органов государственной власти необходимо придерживаться принципа 24 часов, чтобы первыми дать адекватную интерпретацию инцидента с опорой на факты.

2. Принимать во внимание, что сетевые нетизены воспользуются информационным вакуумом и в своих комментариях будут пренебрегать рациональным подходом и фактчекингом, акцентируя внимание общественности на эмоциях и инсинуациях.

3. При ответе на общественный запрос в социальных сетях уделять внимание полноте и точности передаваемой информации, демонстрировать уверенность. Необходимо сосредоточиваться на фокусе общественного мнения, не игнорировать запросы, избегать самобичевания.

4. В условиях цифровой эпохи органы власти должны внедрять современные технологии мониторинга общественного мнения в социальных сетях и оперативного реагирования на кризисные ситуации. Автоматизированные системы анализа данных и искусственный интеллект могут помочь в выявлении зарождающихся новостей. Это позволит минимизировать риск неконтролируемого распространения дезинформации, манипулятивных интерпретаций и усиления общественного недовольства.

5. Важно выстраивать систему долгосрочного взаимодействия с центральными СМИ и авторитетными онлайн-платформами, чтобы в кризисных ситуациях задействовать их ресурсы для распространения проверенной информации. Сотрудничество с ведущими медиа и независимыми экспертами повысит доверие общества к официальным источникам и поможет избежать потенциально вредоносных интерпретаций.

6. Органы государственной власти должны уделять особое внимание обучению и подготовке специалистов по кризисным коммуникациям. Регулярные тренинги, моделирование кризисных ситуаций и разработка алгоритмов реагирования помогут повысить эффективность взаимодействия с общественностью и снизить вероятность возникновения информационного хаоса в критические моменты.

Библиографический список

1. Быкова Е. В. Грета Тунберг как медиатизированный феномен. В сборнике: Медиалингвистика // Материалы IV международной научной конференции. 2020. С. 27–31.

2. Бюро общественной безопасности Чэнхуа. URL: https://www.sohu.com/a/465849414_120702 (дата обращения: 11.05.2021).

3. Вен Чжэньцзе, Жон Джунхао. Взаимосвязь между государственными связями с общественностью и СМИ и кризисным управлением. 2017. С. 33.

4. Восстановить случай, когда Чэнду № 49 ученик средней школы разбился насмерть. URL: http://society.people.com.cn/n1/2021/0513/c1008-32101511.html. (дата обращения: 13.05.2021).

5. Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 3–24. DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324.

6. Гуйчжоуская радиовещательная телестанция «Нулевая точка: комментарии». URL: https://weibo.com/2676828957/4636387392880711 (дата обращения: 13.05.2021)

7. Емельянов И. В., Савицкая Ю. П. Место и роль слухов в сознании современной молодёжи // Социология. 2023. № 3. С. 49–58.

8. Ерохина О. В. Инфокоммуникационные технологии для управления общественным мнением // Власть. 2021. № 4. С. 49–54.

9. Инцидент в средней школе Чэнду № 49: игра в мозговой штурм и этику репортажа после правды. URL: https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404636519112769695 (дата обращения: 11.05.2021).

10. Жен Цзусинь. Исследование взаимоотношений пользователей Интернета в социальных сетях с точки зрения кризисной коммуникации на примере «Инцидента в средней школе 49 в Чэнду». 2023. С 57.

11. Каминская Т. Л, Васильева. Е. А. Антикризисные медиакоммуникации брендов в период политико-экономической нестабильности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2. С. 75–86.

12. Колобова С. В., Малыгина Л. Е. Трансформация жанра устного рассказа военного корреспондента в современном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 50–59.

13. Комментарий People's Daily о происшествии со смертельным падением ученика в Чэнду. Электронный ресурс // URL: http://sc.people.com.cn/n2/2021/0513/c379471-34723586.html (дата обращения: 13.05.2021)

14. Ли Цзяи, Ци Вэй. Исследование роли правительственного руководства в общественном мнении о чрезвычайных ситуациях в Интернете в эпоху новых медиа – на примере инцидента в средней школе Чэнду № 49 // Журнал Пекинского института электронной науки и техники. 2022. № 2. С. 102–111.

15. Ли Юньфан. Общественное мнение в Чэнду 49 подчеркивает функцию СМИ по «облегчению жалоб» // Молодой репортер. 2021. № 11. С. 110.

16. Лю Синь. Исследование проблем общественного мнения в Интернете о безопасности кампусов в начальных и средних школах на фоне We-Media – на примере инцидента ученика в средней школе № 49 в Чэнду. 2024. С. 53.

17. Мягков А. А. Теория ситуационной кризисной коммуникации в управлении организацией. Организационно-экономические и инновационно-технологически е проблемы модернизации экономики России. 2022. С. 189–193.

18. «Наблюдение за СМИ» // Какую «риторику» используют компании перед лицом кризиса, чтобы сохранить свой имидж? URL: https://www.yangtse.com/zncontent/3216957.html (дата обращения: 12.09.2023).

19. Новичихина М. Е., Самойленко Н. С. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2(21). С. 92–99.

20. Пост Weibo. URL: https://weibo.com/5336735136/4635658465839623 (дата обращения: 11.05.2021)

21. Пост Weibo. URL: https://weibo.com/7287750933/4635657689372363 (дата обращения: 11.05.2021)

22. Пост незитена // URL: https://weibo.com/2130559683/4638148086464966 (18.05.2021)

23. Пост незитена. URL: https://weibo.com/6241757545/4637811838554050 (дата обращения: 17.05.2021)

24. Пост незитена. URL: https://weibo.com/6452795314/4635624948111112 (дата обращения: 11.05.2021)

25. Пост Центрального телевидения // URL: https://weibo.com/2656274875/4635717114006993 (дата обращения: 11.05.2021).

26. Пэн Пай новости. Полицейский отчет «Ученик средней школы Chengdu № 49 упал насмерть». URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_12632690 (дата обращения: 11.05.2021).

27. Пэн Пай новости. Пользователь сети сдался полиции по обвинению в фабрикации слухов об «ученике, который упал и умер в средней школе № 49 Чэнду». URL: https://m.thepaper.cn/kuaibao_detail.jsp?contid=12657858&from=kuaibao (дата обращения: 11.05.2021).

28. Пэн Пай новости. Чэнду № 49 ученик средней школы упали насмерть. Как психологические проблемы влияют на наших детей. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_12656568 (дата обращения: 11.05.2021).

29. Сина новости. Чэнду № 49 ученик средней школы упали насмерть: меньше теорий заговора, больше здравого смысла и рационального сомнения в правде. URL: https://sc.sina.cn/edu/scedu/2021-05-13/jyikmxzfmm2224506.d.html?from=qudao (дата обращения: 11.05.2021).

30. Соху новости. Что делают СМИ через 48 часов после инцидента в № 49 средней школе Чэнду? URL:https://www.sohu.com/a/465857289_120084547. (дата обращения: 11.05.2021).

31. Сюн Пин. Исследование провала и исправления «онлайн-реагирования на общественное мнение» в условиях чрезвычайных ситуаций. URL:https://xc.rednet.cn/content/2019/08/28/5897071.html (дата обращения: 28.08.2019).

32. Тан Кейи. Исследование шаблонного распространения и управления онлайн-слухами в чрезвычайных ситуациях на примере смерти учащихся средней школы № 49 Чэнду. 2022. С. 1–72.

33. У Симэн, Гао Линь. Исследование дилемм и путей построения корпоративных сетевых связей с общественностью // Форум менеджмента. 2018, № 12. С. 151.

34. Чжан Фань. Анализ стратегий борьбы с общественным мнением в Интернете в эпоху новых средств массовой информации – на примере школьного инцидента в г. Чэнду // Сегодняшние СМИ. 2022. № 5. С. 124–127.

35. Чжун Цзяньцинь. Раскрытие информации о крупных кризисных событиях в здравоохранении с точки зрения коммуникации риска – случай новой коронной пневмонии // Коммуникация новости. 2022. № 22. С. 36–37.

36. Чэнь Цзинчао, У Цянь. Исследование эффективности «кризисных» коммуникационных стратегий в социальных сетях // Журналистика и коммуникационные исследования. Выпуск 12. 2017. С. 62–78.

37. Юй Сяобин, Ван Вэньи. Распространение и реагирование на инциденты, связанные с общественным мнением на низовом уровне, на примере «Инцидента ученика средней школы № 9 в Чэнду» // Медиа исследования.2021. № 5. С. 54–55.

38. Ян Цзиншуан. Исследование стратегий реагирования местных властей на онлайн-общественное мнение – В качестве примера можно привести. Ученик средней школы. № 49 Чэнду, разбившийся насмерть» // Исследование СМИ. 2021. № 21. С. 62–65.

39. Coombs T. Ongoing crisis communication. Planning, managing and responding. Thousand Oaks : Sage Publications. 2007. P. 304.

Reference list

1. Bykova E. V. Greta Tunberg kak mediatizirovannyj fenomen = Greta Thunberg as a mediatized phenomenon // Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2020. S. 27–31.

2. Bjuro obshhestvennoj bezopasnosti Chjenhua = Chenghua Public Security Bureau. URL: https://www.sohu.com/a/465849414_120702 (data obrashhenija: 11.05.2021).

3. Ven Chzhjen'cze, Zhon Dzhunhao. Vzaimosvjaz' mezhdu gosudarstvennymi svjazjami s obshhestvennost'ju i SMI i krizisnym upravleniem = The relationship between government relations with the public and media and crisis management. 2017. S. 33.

4. Vosstanovit' sluchaj, kogda Chjendu № 49 uchenik srednej shkoly razbilsja nasmert' = Reconstruct the case of Chengdu No. 49 middle school student crashed to death. URL: http://society.people.com.cn/n1/2021/0513/c1008-32101511.html. (data obrashhenija: 13.05.2021).

5. Gavra D. P., Bykova E. V. Mediatizirovannaja mobilizacija protesta v social'nyh setjah: algoritmy postroenija rechevyh strategij = Mediatized protest mobilization in social networks: algorithms of speech strategy construction // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika. 2021. № 2. S. 3–24. DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324.

6. Gujchzhouskaja radioveshhatel'naja telestancija «Nulevaja tochka: kommentarii» = Guizhou broadcasting radio station Zero Point: Commentary. URL: https://weibo.com/2676828957/4636387392880711 (data obrashhenija: 13.05.2021)

7. Emel'janov I. V., Savickaja Ju. P. Mesto i rol' sluhov v soznanii sovremennoj molodjozhi = Place and role of rumors in the minds of modern youth // Sociologija. 2023. № 3. S. 49–58.

8. Erohina O. V. Infokommunikacionnye tehnologii dlja upravlenija obshhestvennym mneniem = Infocommunication technologies for public opinion management // Vlast'. 2021. № 4. S. 49–54.

9. Zhen Czusin'. Issledovanie vzaimootnoshenij pol'zovatelej interneta v social'nyh setjah s tochki zrenija krizisnoj kommunikacii na primere «Incidenta v srednej shkole 49 v Chjendu» = A study of Internet users' relationships in social media from the point of view of crisis communication based on the case study of «Incident in Chengdu High School 49». 2023. S 57.

10. Incident v srednej shkole Chjendu № 49: igra v mozgovoj shturm i jetiku reportazha posle pravdy = Chengdu middle school #49 incident: a game of brainstorming and ethics of reporting after the truth. URL: https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=230940463651911 2769695 (data obrashhenija: 11.05.2021).

11. Kaminskaja T. L, Vasil'eva. E. A. Antikrizisnye mediakommunikacii brendov v period politiko-jekonomicheskoj nestabil'nosti = Anti-crisis media communications between brands in the period of political and economic instability // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2023. № 2. S. 75–86.

12. Kolobova S. V., Malygina L. E. Transformacija zhanra ustnogo rasskaza voennogo korrespondenta v sovremennom mediadiskurse = Genre transformation of the war correspondent's oral story in modern media discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2024. № 2 (37). S. 50–59.

13. Kommentarij People's Daily o proisshestvii so smertel'nym padeniem uchenika v Chjendu = Commentary in People's Daily on the fatal accident of a student's fall in Chengdu. URL: http://sc.people.com.cn/n2/2021/0513/c379471-34723586.html (data obrashhenija: 13.05.2021)

14. Li Czjai, Ci Vjej. Issledovanie roli pravitel'stvennogo rukovodstva v obshhestvennom mnenii o chrezvychajnyh situacijah v internete v jepohu novyh media – na primere incidenta v srednej shkole Chjendu № 49 = Examining the role of government leadership in public opin-

ion on online emergency situations in the new media era – a case study of the accident in Chengdu middle school No. 49 // Zhurnal Pekinskogo instituta jelektronnoj nauki i tehniki. 2022. № 2. S. 102–111.

15. Li Jun'fan. Obshhestvennoe mnenie v Chjendu 49 podcherkivaet funkciju SMI po «oblegcheniju zhalob» = Public opinion in Chengdu 49 emphasizes the function of the media to «relieve complaints» // Molodoj reporter. 2021. № 11. S. 110.

16. Lju Sin'. Issledovanie problem obshhestvennogo mnenija v internete o bezopasnosti kampusov v nachal'nyh i srednih shkolah na fone We-Media – na primere incidenta uchenika v srednej shkole № 49 v Chjendu = Studying public opinion problems on the Internet about campus safety in elementary and middle schools against the background of We-Media – based on the case of a student's accident in Chengdu middle school No. 49. 2024. S. 53.

17. Mjagkov A. A. Teorija situacionnoj krizisnoj kommunikacii v upravlenii organizaciej. Organizacionno-jekonomicheskie i innovacionno-tehnologicheski e problemy modernizacii jekonomiki Rossii = Theory of situational crisis communication in organization management. Organizational-economic and innovation-technological problems in modernizing the Russian economy. 2022. S. 189–193.

18. «Nabljudenie za SMI» = «Watching the media» // Kakuju «ritoriku» ispol'zujut kompanii pered licom krizisa, chtoby sohranit' svoj imidzh? URL: https://www.yangtse.com/zncontent/3216957.html (data obrashhenija: 12.09.2023).

19. Novichihina M. E., Samojlenko N. S. Novye media i novye funkcii mediateksta: k voprosu o transformacii sovremennoj zhurnalistiki = New media and new functions of the media text: towards the transformation of modern journalism // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2(21). S. 92–99.

20. Post Weibo. URL: https://weibo.com/5336735136/4635658465839623 (data obrashhenija: 11.05.2021)

21. Post Weibo. URL: https://weibo.com/7287750933/4635657689372363 (data obrashhenija: 11.05.2021)

22. Post nezitena = Neziten post // URL: https://weibo.com/2130559683/4638148086464966 (18.05.2021)

23. Post nezitena. = Neziten post. URL: https://weibo.com/6241757545/4637811838554050 (data obrashhenija: 17.05.2021)

24. Post nezitena. = Neziten post. URL: https://weibo.com/6452795314/4635624948111112 (data obrashhenija: 11.05.2021)

25. Post Central'nogo televidenija = The central television post // URL: https://weibo.com/2656274875/4635717114006993 (data obrashhenija: 11.05.2021).

26. Pjen Paj. Novosti. Policejskij otchet «Uchenik srednej shkoly Chengdu № 49 upal nasmert'» = News. Police report «Chengdu No. 49 middle school student fell to his death». URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_12632690 (data obrashhenija: 11.05.2021).

27. Pjen Paj. Novosti. Pol'zovatel' seti sdalsja policii po obvineniju v fabrikacii sluhov ob «uchenike, kotoryj upal i umer v srednej shkole № 49 Chjendu» = News. An online user has surrendered to police on charges of fabricating rumors about «a student who fell and died at Chengdu No. 49 Middle School». URL: https://m.thepaper.cn/kuaibao_detail.jsp?contid=12657858&from=kuaibao (data obrashhenija: 11.05.2021).

28. Pjen Paj. Novosti. Chjendu № 49 uchenik srednej shkoly upali nasmert'. Kak psihologicheskie problemy vlijajut na nashih detej. = News. Chengdu No. 49 middle school student fell to his death. How psychological problems affect our children. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_12656568 (data obrashhenija: 11.05.2021).

29. Sina. Novosti. Chjendu № 49 uchenik srednej shkoly upali nasmert': men'she teorij zagovora, bol'she zdravogo smysla i racional'nogo somnenija v pravde = News. Chengdu No. 49 middle school student fell to his death: fewer conspiracy theories, more common sense and rational doubt about the truth. URL: https://sc.sina.cn/edu/scedu/2021-05-13/jyikmxzfmm2224506.d.html?from=qudao (data obrashhenija: 11.05.2021).

30. Sohu. Novosti. Chto delajut SMI cherez 48 chasov posle incidenta v № 49 srednej shkole Chjendu? = News. What are the media doing 48 hours after the accident at No. 49 Chengdu middle school? URL:https://www.sohu.com/a/465857289_120084547 (data obrashhenija: 11.05.2021).

31. Sjun Pin. Issledovanie provala i ispravlenija «onlajn-reagirovanija na obshhestvennoe mnenie» v uslovijah chrezvychajnyh situacij = A study of the failure and remediation of «online public opinion response» in emergency situations. URL:https://xc.rednet.cn/content/2019/08/28/5897071.html (data obrashhenija: 28.08.2019).

32. Tan Keji. Issledovanie shablonnogo rasprostranenija i upravlenija onlajn-sluhami v chrezvychajnyh situacijah na primere smerti uchashhihsja srednej shkoly № 49 Chjendu = Studying the pattern propagation and management of online rumors in emergencies based on the case of students' deaths in Chengdu middle school No. 49. 2022. S. 1–72.

33. U Simjen, Gao Lin'. Issledovanie dilemm i putej postroenija korporativnyh setevyh svjazej s obshhestvennost'ju = Examining the dilemmas and ways to build corporate public relations networks // Forum menedzhmenta. 2018, № 12. S. 151.

34. Chzhan Fan'. Analiz strategij bor'by s obshhestvennym mneniem v internete v jepohu novyh sredstv massovoj informacii – na primere shkol'nogo incidenta v g. Chjendu = Analyzing strategies for challenging public opinion on the Internet in the times of new media – the case of the Chengdu school accident // Segod-

njashnie SMI. 2022. № 5. S. 124–127.

35. Chzhun Czjan'cin'. Raskrytie informacii o krupnyh krizisnyh sobytijah v zdravoohranenii s tochki zrenija kommunikacii riska – sluchaj novoj koronnoj pnevmonii = Disclosing major health crisis events from a risk communication perspective – the case of new crown pneumonia // Kommunikacija novosti. 2022. № 22. S. 36–37.

36. Chjen' Czinchao, U Cjan'. Issledovanie jeffektivnosti «krizisnyh» kommunikacionnyh strategij v social'nyh setjah = Research on the effectiveness of «crisis» communication strategies in social networks // Zhurnalistika i kommunikacionnye issledovanija. Vypusk 12. 2017. S. 62–78.

37. Juj Sjaobin, Van Vjen'i. Rasprostranenie i reagirovanie na incidenty, svjazannye s obshhestvennym mneniem na nizovom urovne, na primere «Incidenta uchenika srednej shkoly № 9 v Chjendu» = Sharing and responding to incidents involving public opinion at the grassroots level, using the case study of the «Incident with a student from Chengdu middle school No. 9» // Media issledovanija.2021. № 5. S. 54–55.

38. Jan Czinshuan. Issledovanie strategij reagirovanija mestnyh vlastej na onlajn-obshhestvennoe mnenie – V kachestve primera mozhno privesti. Uchenik srednej shkoly. № 49 Chjendu, razbivshijsja nasmert'» A study of local government response strategies to public opinion online – It can be used as an example. A middle school student from the middle school. No. 49 Chengdu, who crashed to death.» // Issledovanie SMI. 2021. № 21. S. 62–65.

39. Coombs T. Ongoing crisis communication. Planning, managing and responding. Thousand Oaks : Sage Publications. 2007. R. 304.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 23.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Русский язык

Научная статья
УДК 81’42:81’367:811.111
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-77
EDN: LFBOQW

Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами

Татьяна Егоровна Шаповалова
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, строение 2
tshapovalova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3060-4089

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе аксиологической составляющей в семантике высказываний с темпоральными субстантивными оборотами, структурированными временной синтаксемой с предлогом после, извлечённых методом сплошной нацеленной выборки из текстов повестей А. И. Куприна.

С применением структурно-семантического и компонентного анализа, а также общенаучных методов наблюдения, квалификации и систематизации выявлена особая аксиологическая значимость темпоральных субстантивных оборотов как языковых средств выражения оценочных реакций субъекта на временную корреляцию событий. Применён метод дистрибутивного анализа текстового материала повестей А. И. Куприна. Для описания аксиологической семантики высказывания с темпоральными субстантивными оборотами применяется путь анализа, предложенный Т. В. Маркеловой, учитывающий когнитивное, коммуникативное, эмоциональное его содержание.

В работе проанализированы высказывания с темпоральными субстантивными оборотами, построенными в соответствии с коммуникативным заданием по семантической модели «предмет и его признак». Доказано, что использование таких высказываний повышает ценностную и оценочную составляющую художественного текста А. И. Куприна.

Теоретическая и практическая значимость работы основывается на анализе и обобщении теоретических положений и практических данных, полученных в ходе лингвистического анализа высказываний с темпоральными субстантивными оборотами. Определены характеристики распространителей единиц измерения времени, приближающие оценку к полюсу хорошо или к полюсу плохо либо сохраняющие нейтральную оценочность. Теоретически обоснован и практически апробирован путь анализа исследовательской проблемы: от установления степени важности использования темпоральных субстантивных оборотов к выявлению и описанию конкретных коммуникативно-прагматических функций данных языковых элементов в текстах повестей А. И. Куприна.

Ключевые слова: категория синтаксического времени; отношения разновременности; отношения следования; оценка; синтаксема с относительным временным значением; темпоральный субстантивный оборот; ценность

Для цитирования: Шаповалова Т. Е. Аксиологическая семантика высказываний с темпоральными субстантивными оборотами // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 77–84. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-77. https://elibrary.ru/LFBOQW

Russian language

Original article

Axiological semantics of statements with temporal substantive constructions

Tatiana E. Shapovalova
Doctor of of philological sciences, professor, head of the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 105005, Moscow, Radio str, 10A, building 2
tshapovalova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3060-4089

© Шаповалова Т. Е., 2025

Abstract. The aim of the article is to analyze the axiological component in the semantics of statements with temporal substantive expressions structured by the temporal syntaxeme with the preposition после (after), selected by the method of continuous targeted sampling from A. I. Kuprin's stories. Using structural-semantic and component analysis, as well as general scientific observation, qualification and systematization methods, the author shows special axiological significance of temporal substantive constructions as linguistic means of expressing the subject's evaluative reactions to the temporal correlation of events. A. I. Kuprin's stories are analysed using the method of distributive analysis. To describe the axiological semantics of a statement with temporal substantive constructions, the author uses the analysis proposed by T. V. Markelova, which takes into account its cognitive, communicative and emotional content. The paper analyzes the statements with temporal substantive expressions constructed in line with the communicative task according to the semantic model «subject and its attribute». The use of such statements is proved to increase the value and evaluation component of A. I. Kuprin's literary text. Theoretical and practical significance of the work is based on the analysis and generalization of theoretical positions and practical data obtained in the course of linguistic analysis of statements with temporal substantive constructions. The article defines the characteristics of time units extensions, which bring the evaluation closer to the good or bad pole or preserve neutral evaluation. Theoretically substantiated and practically tested is the way of analyzing the research problem: from establishing the degree of importance of temporal substantive constructions to identifying and describing the specific communicative and pragmatic functions of these linguistic elements in A. I. Kuprin's stories.

Key words: category of syntactic tense; time difference; relations of succession; evaluation; syntaxeme with relative temporal meaning; temporal substantive construction; value

For citation: Shapovalova T. E. Axiological semantics of statements with temporal substantive constructions. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):77–84. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-77. https://elibrary.ru/LFBOQW

Введение

Целью настоящей статьи является исследование аксиологической составляющей в семантике высказываний с темпоральными субстантивными оборотами, структурированными временной синтаксемой [Золотова, 2001, с. 4] с предлогом *после:* ***После пяти часов*** *стали съезжаться гости* (Гранатовый браслет). Речевой материал извлечён методом сплошной нацеленной выборки из повестей А. И. Куприна [Куприн, 1976].

Тексты повестей А. И. Куприна динамичны, взволнованны, пропитаны драматизмом, трогательны, волшебны, печальны. Предъявляя читателю рассказ о жизни героя, его непростой, трудной судьбе, писатель всегда наделяет повествование художественно ценностной информацией, ведёт речь о борьбе человека со своими страстями, используя при этом коммуникативно мотивированные языковые знаки. Для создания динамичного, компрессированного текста, передавая не только временную корреляцию событий, но и яркую позитивную или негативную эмоционально-экспрессивную реакцию на них героев Куприн использует высказывания с темпоральными субстантивными оборотами.

Объективно-субъективная категория синтаксического времени для «оптимального варианта своей речевой организации» [Валгина, 2003, с. 5] находит презентацию в любом тексте с помощью изосемических и неизосемических средств [Шаповалова, 2020].

Синтаксема с относительным временным значением квалифицируется нами как неизосемическое средство выражения категории синтаксического времени, например: ***После словесности*** *люди занимались на дворе приготовительными к стрельбе упражнениями* (Поединок). Конечно, семантика таких синтаксем зависит, прежде всего, от значения производного предлога и его синтаксического потенциала. Предлогу *после* присуще значение следования в общем виде, когда презентируется временная последовательность одного события по отношению к другому: «употребляется при указании на событие, явление, действие, которые непосредственно следуют во времени за названным действием, состоянием» [Словарь структурных слов русского языка, 1997, с. 275]. Способный управлять формой родительного падежа имени существительного, предлог *после* создаёт синтаксему с собственной семантикой. В лексическом значении существительного, на базе которого создаётся такая синтаксема [Шаповалова, 2021, с. 59–64], отсутствует сема времени, однако при помещении её в предложение с временными отношениями происходит переосмысление лексической семантики синтаксической словоформы, и она становится метафорической единицей измерения времени [Лекант, 2016], наполняется событийными и оценочными смыслами и оттенками значений, служит семантическому осложнению простого предложения.

Синтаксему с относительным временным значением мы отличаем от темпорального субстантивного оборота, которым признаётся синтаксическая конструкция, организованная именем существительным с зависимыми компонентами: *Старая Мануйлиха стала* ***после моего выздоровления*** *так несносно брюзглива, встречала меня с такой откровенной злобой и, покамест я сидел в хате, с таким шумным ожесточением двигала горшками в печке, что мы с Олесей предпочитали сходиться каждый вечер в лесу…*(Олеся); *Когда я в первый раз вижу море* ***после большого времени****, оно меня и волнует, и радует, и поражает* (Гранатовый браслет); *И надо тебе сказать правду:* ***после нескольких слов моей странной незнакомки*** *я почувствовал себя со стыдом весьма маленьким, весьма обыденным и весьма пошленьким человечком* (Колесо времени). Лексическое и грамматическое значение предлога, вещественные значения сочетающихся знаменательных слов в их взаимодействии создают значение субстантивного оборота, способного выступить языковым знаком ценностной и оценочной семантики высказывания, зафиксировать положение высказывания не только на временной оси, но и на так называемой оценочной шкале, активно смещая его к полюсам *хорошо* или *плохо*, сохраняя нейтральную оценочность или выражая значение своевременности / несвоевременности.

Семантическая модель «предмет и его признак»

Темпоральный субстантивный оборот строится в соответствии с коммуникативным заданием по семантической модели «предмет и его признак» и представляет собой словосочетание, в котором репрезентируются атрибутивные либо атрибутивно-объектные семантико-синтаксические отношения, являющиеся «внутренней формой» такого словосочетания. «Внешняя форма» субстантивного оборота отличается грамматической организованностью и представлена подчинительной связью полного согласования или слабого управления зависимого компонента со стержневым, главным [Шаповалова, 2020]. Используя в позиции единиц измерения времени имена существительные разных лексико-грамматических разрядов, и атрибутивный распространитель, выраженный качественным или относительным прилагательным [Лагузова, 2024], падежной формой имени существительного, темпоральный субстантивный оборот служит описанию оценочно-признакового фрагмента функционально-семантического поля оценки [Маркелова, Петрушина, 2019, с. 84] и презентации аксиологически и художественно значимого содержания высказывания: *Я знаю давно, что эти надоедливые, какие-то многостворчатые составные выдвижные сны снятся* ***после больших душевных потрясений*** *или накануне их* (Колесо времени); ***После вчерашнего дождя и шторма*** *был ясный солнечный день, тихий и тёплый, и вся Марсель казалась заново вымытой* (Колесо времени); ***После истории девицы Лимы*** *следовала новая повесть: «Княгиня Вера и влюблённый телеграфист»* (Гранатовый браслет). «Под ценностью имеется в виду понятие, относящееся к сфере должного, а под оценкой – проявление ценностного отношения субъекта речи» [Сигал, 2019, с. 236].

По словам Е. М. Вольф, «Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т. п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф, 2002, с. 5]. Для описания аксиологической семантики высказывания с темпоральными субстантивными оборотами применим путь анализа, предложенный Т. В. Маркеловой [Маркелова, 2024], учитывающий несколько элементов смысла: когнитивное, коммуникативное, эмоциональное его содержание.

Хорошо / плохо / нейтрально на шкале оценки

Положительно-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘хорошо’, коммуникативного – ‘одобрение’, эмоционального – ‘приятно’: ***После сегодняшних утренних важных и гордых мыслей*** *он чувствовал себя теперь маленьким, жалким, бледным школьником, каким-то нелюбимым, робким и заброшенным мальчуганом, и этот переход был постыден* (Поединок). Лексика, относящаяся к зоне положительного в системе языка, способствует экспликации полюса ***хорошо*** на шкале оценки с помощью темпорального субстантивного оборота: сегодняшних – ‘относящийся к текущему дню’ [СТС, 2004, с. 731]; утренних – ‘происходящий утром, по утрам’ [СТС, 2004, с. 882]; важных – ‘имеющий особенно большое значение, существенный’ [СТС, 2004, с. 63]; гордых – ‘возвышенный, высокий’ [СТС, 2004, с. 136]. «Ценности, реально объективированные в языке, носят принципиально имплицитный характер, они не

даны нам в непосредственном наблюдении» [Радбиль, 2020, с. 168]. *Остальные цветы* ***после своей роскошной любви и чрезмерного обильного летнего материнства*** *тихо осыпали на землю бесчисленные семена будущей жизни* (Гранатовый браслет). «В значение прилагательного входит имплицитная оценка» [Девятова, 2024, с. 44]. Лексическая семантика атрибутивных элементов формирует положительно-оценочное значение темпорального субстантивного оборота: своей – ‘исходящий от самого себя’ [СТС, 2004, с. 727]; роскошной – ‘яркий’ [СТС, 2004, с. 707]; чрезмерного – ‘превосходящий меру, слишком большой по силе, степени проявления’ [СТС, 2004, с. 63]; обильного – ‘имеющийся в большом количестве, в изобилии’ [СТС, 2004, с. 425]; летнего – ‘относящийся к лету – самому тёплому времени года’ [СТС, 2004, с. 317]. В результате высказывание наполняется семантикой своевременности, которую можно отнести к положительно-оценочному значению темпорального субстантивного оборота.

Отрицательно-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘плохо’, коммуникативного – ‘неодобрение’, эмоционального – ‘неприятно’: *В ней господствовал тот печальный, грязный беспорядок, который всегда остаётся* ***после поспешного выезда*** (Олеся). Анализ семного состава темпорального субстантивного оборота выявляет семантику несвоевременности, относящуюся к отрицательно-оценочному значению: поспешный – ‘сделанный, исполненный наспех, небрежно’ [СТС, 2004, с. 584]. *Ну, к чему эти объяснения,* ***после внезапного и фамилиарного знакомства****?* (Колесо времени): внезапного – ‘непредвиденный, наступивший вдруг, неожиданно’ [СТС, 2004, с. 83]; фамильярного – ‘излишне непринуждённый, бесцеремонный, неуместно развязный’ [СТС, 2004, с. 887].

Благодаря наличию в высказывании темпорального субстантивного оборота возможно обнаружить «пресуппозитивную, коннотативную или импликационную часть, потому что только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь» [Радбиль, 2020, с. 169]: *Неужели вы думаете, что мой муж был так великодушен* ***после вашей драки****, что удержался от удовольствия рассказать мне, откуда вы приехали тогда в собрание?* (Поединок); *И, как это всегда с ним бывало в последнее время* ***после крупных огорчений****, он увидел себя во сне мальчиком* (Поединок); крупный – ‘важный, существенный, серьёзный’ [СТС, 2004, с. 303].

Для квалификации отрицательно-оценочного значения важно учитывать синтагматический характер связи всех компонентов высказывания на смысловом и грамматическом уровнях, с учётом порядка слов в предложении: *Жест* ***после долгой паузы*** *выйдет ненатуральным… станет ещё стыднее и неловче…»* (Колесо времени); *Потом Шульгович вдруг замолчал; послышался чей-то дрожащий, умоляющий голос, и вдруг,* ***после мгновенной паузы****, Ромашов явственно, до последнего оттенка, услышал слова, произнесённые со страшным выражением высокомерия, негодования и презрения: – Что вы мне очки втираете?* (Поединок); *Где-то на углу молодого человека задержал городовой, и* ***только после длинного и бурного объяснения*** *Николаю удалось доказать, что он товарищ прокурора, а не ночной грабитель* (Гранатовый браслет). В таком случае семантика атрибутивного компонента темпорального субстантивного оборота оказывается не столь существенной: долгой – ‘продолжающийся в течение значительного времени; длительный’ [СТС, 2004, с. 168]; мгновенной – ‘быстро проходящий, кратковременный’ [СТС, 2004, с. 339]; длинного – ‘продолжительный, долгий по времени’ [СТС, 2004, с. 164]; бурного – ‘протекающий с необычайной интенсивностью’ [СТС, 2004, с. 60] по сравнению со значением примарных (*станет ещё стыднее и неловче…*; *ночной грабитель*) и секундарных (*произнесённые со страшным выражением высокомерия, негодования и презрения*) предикативных признаков.

Наши наблюдения подтверждают мнение К. Я. Сигала о том, что «аксиологическая функция ориентирована на синтаксис, так как субъект речи нуждается в осуществлении оценочной предикации, в развёртке ценностных суждений, в выражении иерархии ценностей, в маркировании одинаковости оценок либо перехода от негативной оценки к позитивной (и наоборот)» [Сигал, 2019, с. 236].

Нейтрально-оценочное значение складывается из когнитивного содержания ‘нормально’, коммуникативного – ‘безразлично’, эмоционального – ‘удовлетворительно’: ***После ночного перехода*** *шли мы в атаку* (Поединок); ночного – ‘происходящий, совершающийся ночью’ [СТС, 2004, с. 419]. *Теперь, по уходе простых верующих и* ***после небольшого отдыха****, надлежало совершиться второй части великого тайнодей-*

ствия (Суламифь); ***После небольшого молчания*** *он возгласил: – Оплачемте Озириса, бога Атуму, великого Ун-Нофер-Онуфрия, бога Она!* (Суламифь); небольшого – ‘непродолжительный по времени’ [СТС, 2004, с. 397]. *У меня… **после лиманного режима**… аппетит, как у выпускного… прапорщика* (Гранатовый браслет); лиманного – ‘относящийся к лиману – поросшему водной растительностью заливу моря’ [СТС, 2004, с. 319]. ***После ружейных приёмов*** *по разделениям шли приёмы без разделений, потом повороты, вздваивание рядов, примыкание и размыкание и другие разные построения* (Поединок); ружейных – ‘относящийся к ручному огнестрельному оружию с длинным стволом’ [СТС, 2004, с. 709]. При этом организующим темпоральный субстантивный оборот существительным может быть не только девербатив, но и конкретное имя: *Прежде и Соломон посещал храм Изиды в дни великих празднеств и приносил жертвы богине и даже принял титул её верховного жреца, второго **после египетского фараона*** (Суламифь); египетского – ‘относящийся к Египту’ [СТС, 2004, с. 182]. Отвлечённые, образованные от глагола или конкретные имена существительные в составе темпорального оборота вместе с зависимыми от них распространителями имплицитно выражают нейтральное оценочное значение.

Атрибутивный распространитель может быть представлен прономинальным: *На другой день **после этого свидания** пришёлся как раз праздник св. Троицы, выпавший в этом году на день великомученика Тимофея, когда, по народным сказаниям, бывают знамения перед неурожаем* (Олеся); *И когда **после его смерти** они пошли и сделали, как он завещал, то нашли, что верхнее отделение было наполнено доверху золотыми монетами, между тем как в среднем лежали только простые кости, а в нижнем куски дерева* (Суламифь) или атрибутивно-порядковым компонентом: *И несчастный подпоручик, фендрик, как говорит Володя, вроде вас, да еще вдобавок обиженный, а не обидчик, получает **после третьего выстрела** страшную рану в живот и к вечеру умирает в мучениях* (Поединок), а также падежной формой имени существительного: *– Это звезда Сопдит, – ответил царь. – Это священная звезда. Ассирийские маги говорят нам, что души всех людей живут на ней **после смерти тела*** (Суламифь); *Всю нежную дружбу и любовь он **после смерти князя** перенес на его дочерей* (Гранатовый браслет); *И это, заметьте, на самых первых порах, **сейчас же после разрешения поединков*** (Поединок). И в них оценочная семантика высказывания выявляется с учётом когнитивного, коммуникативного и эмоционального его содержания. В отдельных контекстах темпоральное наречие *сейчас* в сочетании с частицей *же* акцентирует значение ‘сразу же, немедленно’, оценивая близкое временное следование событий.

А. И. Куприн при выражении временных отношений использует и более сложные образования, в которых есть разные по форме распространители: *Она без конца готова была слушать меня, когда я говорил ей о всевозможных родах ловли, – о всех опасностях неверного рыбачьего промысла, о героических преданиях, о морских легендах и суевериях, даже о нелепых шумных кутежах **после богатого улова белуги*** (Колесо времени); *Марии следовало бы родиться: или в золотой век человечества, или **через несколько столетий после нашей автомобильной, кровавой, торопливой и болтливой эпохи*** (Колесо времени). Темпоральный субстантивный оборот *после богатого улова белуги* представляет собой сложное словосочетание, в котором один главный его компонент подчиняет себе два зависимых, используя семантическую модель «предмет и его признак»: *после богатого улова*; *после улова белуги*, за которым скрывается коммуникативное задание высказывания: передать смысл ‘улов белуги был богатым’. *Через несколько столетий после нашей автомобильной, кровавой, торопливой и болтливой эпохи* представляет собой детерминантную группу, состоящую из двух самостоятельных темпоральных субстантивных оборотов. Количественно-именное сочетание *через несколько столетий* благодаря предлогу *через* называет временной интервал от известного момента, названного темпоральным субстантивным оборотом с предлогом *после*. Стремление автора перечислить более подробно и исчерпывающе разные признаки предмета в широком смысле слова (*эпохи*) предопределяют потенциальную предикативность конструкции. Такая презентация семантики разновременности значительно усиливает смысловую составляющую текста, повышает его образность и оценочную мотивированность сообщаемого со стороны автора высказывания. Оценку подобного рода можно квалифицировать как модусную [Девятова, 2024, с. 42–50], сформированную интерпретацией того или иного факта А. И. Куприным.

Обособленные темпоральные субстантивные обороты

В текстах повестей «Колесо времени» и «Суламифь» смысловое и интонационное осложнение простого предложения, содержащего темпоральный субстантивный оборот, может актуализироваться писателем, подчёркивающим наличие сжатого дополнительного высказывания, с помощью экспрессивного обособления [Фурашов, 1993; Сафронова, 2024] и выступать как особое изобразительное средство в том числе в целях оценочной детализации: *Помню ещё одно утро,* ***после долгой, блаженной ночи****…* (Колесо времени); *И когда теперь,* ***после слов первосвященника****, вспомнил он это, то сердце его сжалось от печали и страха. Ничего не ответив первосвященнику, он пошел дальше, в залу судилища* (Суламифь). В соответствии с выполняемым коммуникативным заданием уточнения смыслового содержания высказывания темпоральные субстантивные обороты теряют прочную синтаксическую связь с определяемым словом, что является грамматической, или синтаксической, предпосылкой их обособления: *Погляди, он красен, как кровь, как вечерняя заря, как распустившийся цвет граната, как густое вино из виноградников энгедских, как твои губы, моя Суламифь, как твои губы утром,* ***после ночи любви*** (Суламифь). Обособление темпоральных субстантивных оборотов, являющихся детерминирующими второстепенными членами предложения, вызвано, по нашему мнению, и тем, что они оказываются не в привычной синтаксической позиции абсолютного начала предложения, а размещаются между главными членами двусоставного предложения и их распространителями: *А на рассвете, в косых золотых лучах утреннего солнца, она,* ***после бессонной ночи****, вдруг так похорошела, так порозовела и посвежела, ну вот как будто бы она в это утро каталась на коньках и пришла домой, вся благоухающая снегом и здоровьем* (Колесо времени). Обособленные темпоральные обороты повышают информационную, оценочную и эмоционально-экспрессивную содержательность предложения [Абрамова, Степаненко, 2019, с. 16–19]. Они выразительно передают значение разновременности событий, акцентируя внимание читателя на темпоральной отнесённости ситуаций.

Заключение

Особая аксиологическая значимость темпоральных субстантивных оборотов как языковых средств выражения оценочного содержания детерминирована их коммуникативной ёмкостью, их способностью отразить очень значимый фрагмент языковой концептуальной / категориальной и индивидуальной картины мира писателя. Категориальный статус анализируемых временных конструкций детерминирован лексической и грамматической семантикой предлогов, лексем, относящихся к именным частям речи, их падежных форм и выявляется через особенности их синтаксического функционирования. С помощью темпоральных субстантивных оборотов – их можно назвать предикативным компонентом – корректируется грамматическое значение предложения в аспекте синтаксического времени. В результате возникает семантико-грамматическая модификация предложения путём усложнения предикативной единицы.

Интерпретационный потенциал позитивной или негативной оценки темпоральных субстантивных оборотов для прочтения авторской интенции связан с пониманием смыслов организующего оборот субстантива, которые проявляются в его контекстуальных – парадигматических и синтагматических – связях.

Библиографический список

1. Абрамова Е. А., Степаненко А. И. Функции обособленного оборота в художественной речи (на материале поэзии XIX–XX вв.) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвященной 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир : Транзит-ИКС, 2019. С. 16–23.

2. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. Москва : Логос, 2003. 280 с.

3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : URSS, 2002. 278 с.

4. Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Язык современной публицистики: ценности и оценки : коллективная монография / под ред. В. В. Леденёвой. Москва : Государственный университет просвещения, 2024. 192 с.

5. Девятова Н. М. О синонимичных единицах и основаниях их различения: любопытный и интересный и характер проявления их оценки // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 42–50.

6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. Москва : Наука, 2001. 439 с.

7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 2006. 544 с.

8. Куприн А. И. Повести. Колесо времени. Москва : Художественная литература, 1976. 350 с.

9. Лагузова Е. Н. Описательные глагольно-именные обороты в православных изданиях// Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.

10. Лекант П. А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: сборник трудов Международной научной конференции. Москва : ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–47.

11. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка : монография. Москва : Институт современного искусства, 2019. 232 с.

12. Маркелова Т. В. Рациональное и эмоциональное в контексте лингвоаксиологии // Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.

13. Милованова М. С. Формы отражения актуальных ценностей в современном дискурсе // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2019 года), посвящённой 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир : Транзит-ИКС, 2019. С. 274–279.

14. Радбиль Т. Б. Пути и способы выявления ценностно значимой информации в естественном языке //Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.С. 168–174.

15. Сафронова Н. А. Роль лексических показателей темпоральности и субъективной модальности в организации предложений с обособленными конструкциями// Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 18 ноября 2024 г.) / отв. ред. Е. Н. Орехова. Москва : Государственный университет просвещения, 2024.

16. Сигал К. Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2019. № 4.С. 236–240.

17. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. Москва : Лазурь, 1997. 420 с.

18. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Москва : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с. (В тексте – СТС).

19. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. Москва : Прометей, 1993. С. 204–216.

20. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания : монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2020.

21. Шаповалова Т. Е. После острога: пропозитивные модели в тексте повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. No 3. С. 59–64.

Reference list

1. Abramova E. A., Stepanenko A. I. Funkcii obosoblennogo oborota v hudozhestvennoj rechi (na materiale pojezii XIX–XX vv.) = Functions of an unattached phrase in literary speech (based on the poetry of XIX-XX cc.) // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 24–26 sentjabrja 2019 goda), posvjashhennoj 90-letiju prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiju pedagogicheskogo obrazovanija vo Vladimirskoj oblasti. Vladimir : Tranzit-IKS, 2019. S. 16–23.

2. Valgina N. S. Teorija teksta = Theory of text : uchebnoe posobie. Moskva : Logos, 2003. 280 s.

3. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moskva : URSS, 2002. 278 s.

4. Gerasimenko N. A., Ledenjova V. V., Shapovalova T. E. Jazyk sovremennoj publicistiki: cennosti i ocenki = The language of contemporary journalism: values and evaluations : kollektivnaja monografija / pod red. V. V. Ledenjovoj. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024. 192 s.

5. Devjatova N. M. O sinonimichnyh edinicah i osnovanijah ih razlichenija: ljubopytnyj i interesnyj i harakter projavlenija ih ocenki = On synonymous units and the grounds for their distinguishing: curious and interesting and the nature of their evaluation manifestation // Otechestvennaja filologija. 2024. № 4. S. 42–50.

6. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo jazyka = Syntax dictionary: a repertoire of elementary units in the Russian language. Moskva : Nauka, 2001. 439 s.

7. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the Russian language. Moskva, 2006. 544 s.

8. Kuprin A. I. Povesti. Koleso vremeni = Stories. The Wheel of Time. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1976. 350 s.

9. Laguzova E. N. Opisatel'nye glagol'no-imennye oboroty v pravoslavnyh izdanijah = Descriptive verb-noun phrases in Orthodox Christian publications // Lekantovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / otv. red. E. N. Orehova. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024.

10. Lekant P. A. Metaforicheskoe pole imjon vremeni v sovremennom russkom jazyke = Metaphorical field of time names in modern Russian // Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke – 2016: sbornik trudov

Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : IIU MGOU, 2016. S. 42–47.

11. Markelova T. V., Petrushina M. V. Ocenochnye vyskazyvanija v kommunikativnom prostranstve russkogo jazyka = Evaluative statements in the communicative space of the Russian language : monografija. Moskva : Institut sovremennogo iskusstva, 2019. 232 s.

12. Markelova T. V. Racional'noe i jemocional'noe v kontekste lingvoaksiologii = The rational and emotional in the context of linguistic axiology // Lekantovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / otv. red. E. N. Orehova. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024.

13. Milovanova M. S. Formy otrazhenija aktual'nyh cennostej v sovremennom diskurse = The forms of reflecting important values in modern discourse // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Vladimir, 24–26 sentjabrja 2019 goda), posvjashhjonnoj 90-letiju prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiju pedagogicheskogo obrazovanija vo Vladimirskoj oblasti. Vladimir : Tranzit-IKS, 2019. S. 274–279.

14. Radbil' T. B. Puti i sposoby vyjavlenija cennostno znachimoj informacii v estestvennom jazyke = Ways and means of identifying value relevant information in natural language // Sovremennaja rossijskaja aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik statej. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020.S. 168–174.

15. Safronova N. A. Rol' leksicheskih pokazatelej temporal'nosti i sub#ektivnoj modal'nosti v organizacii predlozhenij s obosoblennymi konstrukcijami = The role of lexical indicators of temporality and subjective modality in the structure of sentences with unattached phrases // Lekantovskie chtenija – 2024: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 18 nojabrja 2024 g.) / otv. red. E. N. Orehova. Moskva : Gosudarstvennyj universitet prosveshhenija, 2024.

16. Sigal K. Ja. Aksiologija i sintaksis = Axiology and sintax // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Filologija. 2019. № 4.S. 236–240.

17. Slovar' strukturnyh slov russkogo jazyka = Dictionary of Structural Words in the Russian Language / V. V. Morkovkin, N. M. Luckaja, G. F. Bogacheva i dr. Moskva : Lazur', 1997. 420 s.

18. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language / gl. red. S. A. Kuznecov. Moskva : Riderz Dajdzhest, 2004. 960 s. (V tekste – STS).

19. Furashov V. I. Polupredikativnost' kak semanticheskoe svojstvo obosoblennyh chlenov predlozhenija = Semi-predicativity as a semantic quality of unattached sentence members // Mnogoaspektnost' sintaksicheskih edinic. Moskva : Prometej, 1993. S. 204–216.

20. Shapovalova T. E. Temporal'naja semantika pojeticheskogo vyskazyvanija = Temporal semantics of poetic utterance : monografija. Moskva : IIU MGOU, 2020.

21. Shapovalova T. E. Posle ostroga: propozitivnye modeli v tekste povesti F. M. Dostoevskogo «Zapiski iz Mjortvogo doma» = After the prison: propositional models in F. M. Dostoevsky's story Notes from the Dead House // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. No 3. S. 59–64.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 24.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-85
EDN: NGAUCO

Реализация сочетания *в моменте* в Национальном корпусе русского языка

Татьяна Владимировна Малинская
Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, строение 2
htgytdf@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3370-1770

Аннотация. В статье анализируется сочетание *в моменте*, его частеречная принадлежность и функционирование в предложении на материале Национального корпуса русского языка. Цель исследования – выявить и доказать многофункциональность сочетания *в моменте*. Для более объективного анализа представлены дефиниции лексемы *момент* из трёх толковых словарей русского языка.

Используется метод сплошной нацеленной выборки языкового материала, а также методы наблюдения, обобщения и интерпретации. Выполнен структурно-семантический анализ единиц с сочетанием *в моменте*.

В результате проведённого исследования доказано, что сочетание *в моменте* может быть не только предложно-падежной словоформой существительного, но и наречием, которое маркировано профессиональной сферой употребления. Анализ продемонстрировал, что предложно-падежная словоформа существительного репрезентируется в предложении в качестве темпорально-локальной синтаксемы, в составе субстантивного оборота или является именной частью составного именного сказуемого бисубстантивного предложения. Обследованный материал НКРЯ показал, что наиболее частотно *в моменте* употребляется в качестве субстантивного оборота с несколькими распространителями, что подкрепляется данными, представленными в виде графика. Синкретизм значений опирается на семантику лексемы *момент*, наличие полисемичного непроизводного предлога *в*, семантику атрибутивных распространителей. Перечисленные компоненты в совокупности актуализируют пространственно-временной континуум.

Актуальность исследования обусловлена тем, что использование предложно-падежной словоформы *в моменте* отражает современные тенденции языка: антропоцентрический подход, оценочность высказываний, аналитизм форм сказуемого.

Теоретическая значимость работы заключается в объективной аргументации доказательств частеречной принадлежности сочетания *в моменте*.

Практическая значимость состоит в том, что по предложенной в исследовании модели можно анализировать структуру, семантику и функционирование различных предложно-падежных словоформ как репрезентанта развития современного русского языка.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение; градуальность; полифункциональные слова; пространственно-временной континуум; синкретизм значений; темпорально-локальная синтаксема; темпоральный субстантивный оборот

Для цитирования: Малинская Т. В. Реализация сочетания «в моменте» в Национальном корпусе русского языка // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 85–94. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-85. https://elibrary.ru/NGAUCO

Original article

Realization of the phrase «в моменте» in the National corpus of the russian language

Tatiana V. Malinskaya
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of modern russian language named after prof. P. A. Lecant, State university of education. 105005, Moscow, Radio str, 10A, building 2.
htgytdf@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-3370-1770

Abstract. The article analyzes the phrase в моменте (in the moment), the part of speech it belongs to and its functioning in the sentence based on the material of the Russian National Corpus. The aim of the study is to identify and

© Малинская Т. В., 2025

prove the multifunctionality of the phrase in the moment. For a more objective analysis, the author uses definitions of the lexeme момент (moment) from three explanatory dictionaries of the Russian language.

The method used is continuous targeted sampling of linguistic material, as well as observation, generalization and interpretation methods. Structural and semantic analysis of units with the word combination в моменте is done.

As a result of the research, it has been proved that the phrase «в моменте» can be not only a preposition-and-case noun word-form, but also an adverb, which is usually used in the professional sphere. The analysis demonstrated that the preposition-and-case noun word-form is represented in the sentence as a temporal-local syntaxeme, a part of a substantive construction, or is a nominal part of a compound nominal predicate of a bisubstantive sentence. The surveyed NCRL material has shown that the most frequent use of в моменте is as a substantive construction with several extensions, which is supported by the data presented in the form of a graph. The syncretism of meanings relies on the semantics of the lexeme момент, on the polysemic non-derivative preposition в, and on the semantics of attributive extensions. These components together actualize the space-time continuum.

The relevance of the study is due to the fact that the use of the preposition-and-case word-form в моменте reflects modern language trends: anthropocentric approach, evaluation of statements, analytism of predicate forms.

The theoretical significance of the paper lies in the objective reasoning of the evidence for the part of speech the phrase в моменте belongs to.

The practical relevance lies in the fact that the model proposed in the study can be used to analyze the structure, semantics and functioning of various preposition-and-case word forms as a representative of the current development of the russian language.

Key words: bisubstantive sentence; gradality; polyfunctional words; space-time continuum; syncretism of meanings; temporal-local syntaxeme; temporal substantive construction

For citation: Malinskaya T. V. Realization of the phrase «в моменте» in the National corpus of the russian language. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):85–94. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-85. https://elibrary.ru/NGAUCO

Введение

Представляется актуальным анализ сочетания *в моменте* с позиции семантики, структуры и функционирования в предложении. Сравним значение лексемы ***момент*** в трёх толковых словарях.

1. Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой: «момент моме́нт -а, м. 1. Очень короткий промежуток времени; миг, мгновение. 2. Отдельный промежуток времени, определённый период в развитии чего-л. 3. Отдельная сторона какого-л. явления или обстоятельство, сопутствующее условие. 4. спец. Определенная величина, мера в механике. 5. в знач. нареч. моментом. прост. Очень быстро, тотчас, в (один) момент очень быстро, тотчас» [Евгеньева, 1999].

2. Толковый словарь В. Д. Дмитриева: «1. Моментом называют очень короткий промежуток времени. = миг, мгновение 2. Моментом называют точку во времени, когда что-то происходит. = миг, мгновение 3. Моментом называют определённый период времени, в течение которого что-либо происходит. Текущий момент. 4. Когда вы говорите о некотором моменте в каком-либо явлении, событии и т. п., вы имеете в виду определённую сторону этого явления или события. 5. Если вы воспользовались моментом, значит, вы выбрали подходящее время, чтобы сделать что-либо с максимальной выгодой. 6. Если вы делаете что-либо моментом или в один момент, значит, вы делаете это очень быстро. 7. Если что-либо может произойти в любой момент, значит, это может случиться в любое время. 8. Если что-либо происходит в данный момент, значит, это происходит сейчас, в настоящее время» [Дмитриев, 2003].

3. Толковый словарь С. А. Кузнецова: «момент моме́нт -а; м. [лат. momentum] 1. Очень короткий промежуток времени; миг, мгновенье. 2. чего. Время начала осуществления какого-л. действия, процесса. 3. чего или с опр. Отдельный промежуток времени, определенный период развития чего-л. 4. Обстоятельство, отдельная сторона какого-л. явления. 5. Физ. Определённая механическая величина, мера. Моментом, в зн. нареч. Разг. Очень быстро, мигом. Моментальный (см.). В (один) момент, в зн. нареч. Очень быстро. В момент появиться где-л., среагировать на что-л. В каждый момент; в любой момент, в зн. нареч. В любое время, всегда. В данный момент; на данный момент, в зн. нареч. Сейчас» [Кузнецов, 2004].

Е. С. Яковлева отмечает, что сверхкратность в семантике исследуемого слова «как бы сгущает и уплотняет само время, повышая ценность каждой его ‘частицы’. Как следствие, в сферу описания этих слов попадают значимые для говорящего, раритетные события» [Яковлева, 1994, с. 106]. Лингвист доказывает, что в русской языковой

картине мира момент «является неким условным обозначением времени <...>, поэтому момент свободен от ассоциаций с какими-либо ‘сроками’ <...> время наступления события никак не фиксировано [Яковлева, 1994, с. 107].

Значение лексемы ***момент*** в словарных статьях представляется схожим, но не в одном из них не зафиксирована такая единица, как ***в моменте***. Национальный корпус русского языка актуализирует 212 примеров исследуемой единицы.

Темпоральная синтаксема

Темпоральная синтаксема (термин Г. А. Золотовой), являясь минимальной единицей синтаксиса, основывается на употреблении предложно-падежной словоформы, но в случае с лексемой ***момент*** в состав конструкций входят местоимения «как обязательный, конституирующий член синтаксемы, так как без распространителя лексема приобретает новое семантическое прочтение и грамматические признаки, наблюдается процесс адвербиализации» [Малинская, 2024, с. 172]. Синтаксема содержит непроизводный предлог *в*, указывающий на совпадение с актуализируемым моментом, «при этом обозначается период времени, в больший или меньший отрезок которого имеет место событие или явление» [Шаповалова, 2021, с. 61].

В НКРЯ представлен только один пример, в котором синтаксема *в моменте* употреблена без распространителя. *Потому как не видела важности* ***в моменте****, а в Юлькиной заливной рыбе были кости* (Глушкова). Анализируемая синтаксема синкретична, так как совмещает в себе значение темпоральности и локальности, следовательно, является относительной. Синтаксема в первую очередь реализует абстрактное значение места, следовательно, лексическое значение «имени времени» (П. А. Лекант) *момент* не является основополагающим. Данный пример ярко доказывает, что синтаксема не равна лексеме по своему значению и функционированию.

Примеры синтаксем с предложно-падежной формой *в моменте* содержат местоимения, выступающие атрибутивами. Совокупность пространственно-временного континуума отражается в одной синткретичной синтаксеме. Время и пространство тесно взаимосвязаны. В. Г. Гак отмечает, что если субъект не меняет местоположения, но изменения зафиксированы, то «фраза получает временное прочтение» [Гак, 1997, с. 125]; если субъект в движении и есть изменения пространства, то в предложении отражается синкретический характер; если нет движения субъекта, а также нет смены местоположения, то выражаются пространственные отношения [Гак, 1997, с. 125].

Вот здесь-то, ***в этом моменте****, милостивые государи и находится ключ к разрешению загадки* (Муравьёв). Синтаксема в предложении является обособленным уточняющим обстоятельством места, что на передний план «выдвигает» значение локальности. Атрибутивным распространителем выступает указательное местоимение.

Центр – всюду; ***в каждом моменте****– жизненное средоточие органической полноты* (Устрялов). Синтаксема *в каждом моменте* содержит определительное местоимение *каждый* со значением «один из ряда подобных, взятый подряд, без выбора, без пропусков; всякий, любой» [Кузнецов, 2004], которое привносит семантику повторяемости пространственно-временного континуума, а также самого явления. На наш взгляд, конструкция является локально-темпоральным детерминантом в односоставной номинативной части сложного бессоюзного предложения. Отметим, что значение места превалирует над временем, следовательно, наименование конструкции локально-темпоральное. В синкретичных синтаксемах может доминировать значение времени – такие единицы являются темпорально-локальными.

Всё дело ***в том моменте****, когда человек в последнем средоточии своей жизни протягивает руки навстречу ангелу* (Тэффи). Синкретичная синтаксема *в том моменте* в главной части сложноподчинённого предложения является контактным словосочетанием для присубстантивно-атрибутивной придаточной части; роль союзного средства выполняет местоимённое наречие *когда*.

В суфлёрской будке я всегда трепетал во время прохождения ужина: актёры ***в таком моменте*** *слишком увлекались игрой и переставали обращать внимание на суфлёра, затягивая сцену до того момента, когда уже на столе ничего не оставалось* (Макаренко). *Непоследовательность позиций прокурора в этом вопросе сказывается и* ***в другом моменте*** (Брауде). Примеры доказывают локальный характер синтаксемы, но внутреннее значение слова содержит сему времени, что отражается и на самой синтаксеме. Можно утверждать, что в одной конструк-

ции репрезентируется пространственно-временной континуум.

Как показал анализ, синтаксемы с предложно-падежной словоформой *в моменте* синкретичны: совмещают в себе значение времени и пространства. Абстрактная локативность превалирует над темпоральным прочтением синтаксемы. Происходит наслоение восприятия места и времени происходящих событий.

Темпоральный субстантивный оборот

Темпоральный субстантивный оборот понимается как синтаксическая конструкция, которая представляет собой сочетание имени существительного и зависимого элемента-распространителя. Семантика субстантивного оборота включает в себя компонент времени, который опирается на лексическое значение предлога, вещественное значение «сочетающихся знаменательных слов, реализуется в их взаимодействии, а грамматическое значение предлога дополняет семантику управляемой им падежной формы существительного» [Шаповалова, 2020, с. 39]. Темпоральные субстантивные обороты со словоформой *в моменте* можно разделить на две группы: в первую входят примеры с одним атрибутивным распространителем, во вторую – с несколькими распространителями, что отражается на структуре и семантике конструкции, а значит, и на самом высказывании.

1. ***Темпоральный субстантивный оборот с одним распространителем***

Атрибутивный распространитель, входящий в состав субстантивного оборота,выражает субъективную оценку времени и места событий, следовательно, и оценку самого события. Например: *Юдик и я застываем* ***в страшном моменте****, ожидая, когда животное пробудится и увидит под носом врага* (Носилов). *А так как* ***в стоячем моменте*** *неизвестно, где заключается начало и где наступает конец, то я сначала скажу заключительное слово, а потом вступительное* (Маяковский). *По существу Эллиот, конечно, прав: суть дела* ***в классовом моменте****, через который английская буржуазия не может перешагнуть даже ради спасения империи* (Майский).… *для меня интересны в пьесе интуиция и откровение моей же души* ***в творческом моменте****, которым мы все обязаны прозорливости и нежной музыкальности лирического я Бальмонта* (Анненский).*Момент объективной истины окончательно потонул* ***в моменте субъективном****, в «классовой» точке зрения и классовой психологии* (Бердяев). Субстантивный оборот *в моменте субъективном* содержит инверсию, которая акцентирует внимание на важном для автора оценочном атрибутиве локативно-темпорального компонента. Темпоральные конструкции с инверсией репрезентируют примерное указание на время, например: *Возвратясь домой* ***часу в десятом****, я разделся и лёг в постель, но долго не мог заснуть* (Панаев). Прямой порядок слов *в десятом часу* содержит конкретное указание на время протекания действия. Инверсивный порядок слов *часу в десятом* указывает на оценку героя предположительных временных отношений, информация носит характер приблизительности, неточности.

Обследованный материал показал, что субстантивный оборот с одним атрибутивным распространителем вносит субъективную оценку локально-темпоральной единицы.

2. ***Темпоральный субстантивный оборот с несколькими распространителями***

Наряду с синкретизмом словоформы *в моменте*, исследуемые конструкции имеют относительное прочтение, так как в их состав входят компоненты, не содержащие семы времени.

В указанном критическом моменте нашей допетровской «смуты»*, в его общем психологическом содержании чувствуется что-то современное, слишком современное...*(Струве). Темпорально-локальный субстантивный оборот является детерминантом, в состав которого входят морфологизованные и неморфологизованные определения. Полупредикативная единица преобразуется в двучленную дополнительную предикацию. Предложение можно интерпретировать так: *В его общем психологическом содержании чувствуется что-то современное, слишком современное,* ***когда указывается критический момент нашей допетровской«смуты»****.*

Почему обычно ясно, а как надо исправлять ***в реальном моменте действительности*** (Нестерова). Темпоральный субстантивный оборот имеет относительное прочтение, так как в него входит несогласованное неморфологизованное определение *действительности* со значением «то, что существует на самом деле, реальное существование чего-л.; реальность» [Кузнецов, 2004], которое привносит в темпоральную конструкцию сему локативности.

Пусть на миг, но нас охватит настолько необыкновенная для нас идея, что мы застынем ***в динамическом моменте её созерцания*** (Голубович). Субстантивный оборот актуализирует

синкретизм локальности и темпоральности, проявление спаянности пространственно-временного континуума. Сравните: *И* ***в этом моменте десубъективации*** *открывается опыт времени, который самым примитивным фильмом достижим с большей лёгкостью, нежели самым изощрённым романом* (Аронсон).*Но потом уходит и злоба, душа окончательно промерзает, остаётся лишь равнодушное существование* ***в данном моменте бытия****, без всякой памяти о прошлом* (Сухих).*Он был изображён* ***в последнем моменте взлёта****.* (Грин). В анализируемых конструкциях лексема *момент* находится в интерпозиции по отношению к согласованному и несогласованному определениям и организует цельность субстантивного оборота. Несогласованные неморфологизованные определения эксплицитно указывают на событие, явление, с которым темпоральная конструкция совпадает в точке отсчёта.

Она просто вдруг в ошеломлении почувствовала, что этот момент остановился. И ***в этом остановившемся моменте*** *появилась стая птиц, молча пролетела над ней и сделала резкий поворот, все вдруг – сотня скворцов. Они вернулись, все как один, и снова повернули над ней, чтобы улететь, и снова вернулись, и снова улетели, и снова вернулись, и так продолжалось до тех пор, пока сам момент не улетел прочь, пока Нора не поняла, что она всё ещё жива, что она сидит на камне, что глаза её сощурены под солнцем, что она на поверхности Земли, над культурными «стратами», что покрывают Кор-Бейт, дом её древних предков* (Аксёнов). Расширенный контекст позволяет утверждать, что темпоральный субстантивный оборот содержит метафоризацию времени. Застывший момент характеризует субъективное восприятие хронометрического времени человеком. Остановка движения времени противопоставлена динамике событий – полёту стаи птиц, которое воспринимается как нарушение статичности эмоций человека, оторванности от реального мира. Героиня возвращается из мира небытия, где время остановилось, в тварный мир с его поступательным движением времени.

Многогранность и многоаспектность локально-темпорального субстантивного оборота обусловлены его семантикой, структурой и функционированием.

Основной компонент составного именного сказуемого

П. А. Лекант отмечал продуктивность процесса образования неспециализированных форм именной части сказуемого с обобщённым значением состояния. Этот процесс наиболее ярко отражён в разговорной речи, а также в газетных текстах, «где утверждение устойчивых сочетаний идёт от переносного употребления свободных предложно-падежных форм через их стандартизацию, через штамп» [Лекант, 2017, с. 111].

И это я-то – я ведь даже когда с женщинами был в глубоком интиме, ***не умел быть в моменте****, умудрялся быть ещё где-то* (Слаповский). Составное именное сказуемое с сочетанием *в моменте*, осложнённое модальным компонентом с семантикой возможности действия, актуализирует значение присутствия ‘здесь и сейчас’, проживание события без отрыва от настоящего, то есть точка отсчёта приобретает длительность, временную протяжённость. Можно предположить, что устойчивая предложно-падежная форма относится к «фразеологическому типу со значением состояния, закрепившемуся в предикативной функции» [Лекант, 2017, с. 111].

И вот когда я ***была в моменте моего грешного мысленного совокупления, почти инцеста,*** *случилось то, что случилось* (Щербакова). Именным компонентом является «свободное сочетание существительных в предложном падеже с предлогом *в*» [Лекант, 2017, с. 110]. Представлена материально выраженная специализированная связка *быть* в прошедшем времени с констатирующим значением обладания признаком.

Интересны примеры употребления неспециализированной связки *находиться* в сочетании с именами существительными в предложном падеже с непроизводным предлогом *в*, «обозначающими состояние (положение)» [Лекант, 2017, с. 95]. Д. В. Руднев отмечал, что «копулятивная функция глагола ‘находиться’ распространяется только на именные предикаты со значением состояния» [Руднев, 2011, с. 187]. Репрезентируются отношения связочного употребления при именных предикатах со значением состояния и использования в предикатах со значением локативности. Лингвист акцентирует внимание на том, что в связи с увеличением количества абстрактных существительных в русском языке данная предложно-падежная словоформа, эксплицирующая значение состояния, становится наиболее продуктивной предикативной предложно-падежной словоформой, «несмотря на

это, её грамматикализации не произошло, и до сих пор сохраняется её связь с локативным значением» [Руднев, 2011, с. 187]. Примеры доказывают данную точку зрения. Ср.: *Вера, как бы выразились психиатры,* ***находилась в аффектированном моменте непреодолимого намерения****, вызванного физиологическими требованиями организма* (Шелгунов); *Он только подводит итог своему предыдущему мышлению и в настоящее время* ***находится в моменте собственной проверки*** (Шелгунов); *При настоящем положении дел во Франции, слово (отныне мы будем употреблять это выражение) именно* ***находится во втором моменте своего пути к полному освобождению*** (Салтыков-Щедрин).

П. А. Лекант доказывал, что возрастание количества неспециализированных форм именной части сказуемого связано с тенденцией увеличения употребления предложно-падежных словоформ, а также с расширением их семантического потенциала. К усилению функции связки в структуре составного именного сказуемого приводит «неспособность неспециализированных форм выражать грамматическое отношение к связке и подчинение подлежащему» [Лекант, 2017, с. 112].

В сленге отражается использование единицы *в моменте* как актуализатора антропоцентризма. Современный взгляд молодого поколения на своё место в мире и предназначение отличается эгоцентризмом, а не коллективизмом. Устойчивость и воспроизводимость приобретает фраза *жить в моменте* со значением получать удовольствие от жизни здесь и сейчас, не думая о прошлом или будущем, заниматься самопознанием и самоидентификацией. Особенно популярны такие конструкции в разговорной речи, а также в аккаунтах блогеров.

Я не играю в догонялки, я не мечтаю о себе придуманном, я ***живу в моменте*** (Слаповский). Герой воспринимает себя таким, какой он есть, что репрезентируется устойчивой фразой *живу в моменте*.

Н. А. Герасименко относит подобные примеры к бисубстантивным предложениям как типу двусоставных неглагольных предложений, «предикативное ядро которых организовано двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки» [Герасименко, 2012, с. 10]. Имя существительное, выполняющее функцию подлежащего, актуализирует закреплённую за этой позицией форму именительного падежа, а имя существительное, входящее в состав сказуемого, может отражать любую падежную и предложно-падежную форму, способную выполнять функцию предиката. Учёный отмечает, что наличие связки в неглагольном сказуемом репрезентирует «обобщённое значение обладание признаком» [Герасименко, 2022, с. 44]. Акцентируется внимание на наличии оценки в бисубстантивных предложениях, выраженной эксплицитно или имплицитно. Семантика характеризации, отмеченная в бисубстантивных предложениях, ложится в основу репрезентации оценочных значений в качестве добавочных по отношению к основному характеризующему значению, «или основных, если в существительном-предикате оценочное значение является основным номинативным» [Герасименко, Степанчиков, 2019, с. 92].

Как показал анализ, использование *в моменте* как части сказуемого отражает современную тенденцию в сленге, так как антропоцентрический подход углубляется, поиск ощущений и самопознания выходит на передний план.

Обстоятельство, выраженное наречием

Можно отметить адвербиальную предложно-падежную словоформу, отражающую функционально-семантическую разновидность лексикализованных словоформ [Сергеева, 2017, с. 8]. В. В. Виноградов писал о том, что «разные именные формы, вступившие на путь адвербиализации, находятся на разных этапах этого пути» [Виноградов, 1972]. Г. Н. Сергеева акцентирует внимание на двух группах адвербиальных сочетаний, различающихся «степенью спаянности компонентов» [Сергеева, 2017, с. 11]: I – ближе к существительным, II – ближе к наречиям.

Лексема *в моменте* относится к первой группе лексикализованных адвербиальных сочетаний, которые близки к существительным, репрезентируют большую степень грамматической расчленённости. Г. Н. Сергеева выделяет такие аспекты:

1) существительные в сочетании и вне его употребляются в сходном лексическом значении;

2) существительные относятся к активному словарному запасу, не ограничены стилистически, отличаются широкой употребительностью;

3) предложно-падежные сочетания этой группы сохраняют парадигму склонения, а также способность образовывать адвербиальные сочетания с другими предлогами;

4) возможна конкретизация значения путём добавления атрибутива [Сергеева, 2017, с. 18–20].

В публицистических текстах газетного типа в разделе экономики продуктивно используются наречия *в моменте*. Они являются показателями профессиональной деятельности и входят в периферийную лексику как профессионализмы.

В четверг 14 мая в начале торговой сессии на Московской бирже стоимость бивалютной корзины ***в моменте*** *поднималась на 1,5 рубля по отношению к уровню закрытия предыдущего торгового дня* («Эксперт», 2015). *Днём во вторник* ***в моменте*** *индекс РТС проседал до 578 пунктов* («Эксперт», 2015). Анализируемая лексема в предложении выполняет функцию обстоятельства времени и указывает на синтаксическую зависимость от сказуемого.

Однако СК получили возможность ***в моменте*** *сосредоточить все свои усилия не на выживании, а на стимулировании спроса, повышении качества услуг и развитии своего бизнеса* («Эксперт», 2015). Профессиональная сфера использования подобных единиц обусловила само их значение, так как котировки на бирже меняются молниеносно, следовательно, уместно употребить лексему, обозначающую короткий временной отрезок.

Т. Е. Шаповалова отмечает, что «темпоральное наречие выступает лексико-грамматическим маркёром категории синтаксического времени» [Шаповалова, 2023, с. 50]. Выделяется семантика локализованности / нелокализованности действия во времени. Локализованность конкретного единичногодействия во времени может соотносится с прошедшим, настоящим или будущим временным планом. Нелокализованность события во времени отмечается при использовании темпоральных наречий, обозначающихкратность действий, которые не соотнесены с временной шкалой.

Можно предположить, что наречие *в моменте* является нелокализованным во времени, но всегда указывает на стремительность протекания действия, отмеченного в предикате, но не закреплённого с конкретной позицией на временной шкале. Сравним: *Акции Газпрома* ***стоят в моменте*** *158 руб.* (Форум: RTS Standard в Финаме (2010-2011)).*В четверг 14 мая в начале торговой сессии на Московской бирже стоимость бивалютной корзины* ***в моменте поднималась*** *на 1,5 рубля по отношению к уровню закрытия предыдущего торгового дня* («Эксперт», 2015). *По мнению руководителя ИАЦ «Альпари» Александра Разуваева, рубль* ***в моменте просядет*** *ещё на 10–15 %, если Банк России не решит поддержать его своими интервенциями*(«Ведомости», 03.23.2021). Темпоральное наречие не локализует действие на временной шкале, но указывает на актуальность информации на определённый текущий для события момент.

Ф. И. Панков актуализирует понятие полифункциональных слов [Панков, 2009, с. 38]. Наречия и слова других частей речи функционируют в высказываниях, «которые в зависимости от интонации и смысловых связей предложений в контексте могут иметь разные значения» [Панков, 2009, с. 38]. Лингвист выделяет следующие средства для реализации значений полифункциональных слов: лексические, интонационные, контекстуальные и синтаксические. *Борис Фохт как попутчик – в одном; а Флоренский – попутчик в другом; так казалось мне; но пути их, скрещаясь с моим* ***лишь в моменте,*** *– уже расходились: в последующем; все моменты прямой линии жизни теперь были мне скрещеньями, противоборствами, тактиками согласования, а не простыми «да» иль «нет»…*(Андрей Белый, 1930). Можно интерпретировать анализируемую единицу двумя способами: как существительное со значением места, чему способствует толкование *в последующем* с опущенным словом *момент*; как наречие со значением действия, происходящего здесь и сейчас. Ф. И. Панков отмечал, что наиболее ярко различия между лексико-семантическими вариантами полифункциональных слов «выявляются в высказываниях с единым лексико-грамматическим составом» [Панков, 2009, с. 39]. Выделительно-ограничительная частица *лишь* акцентирует внимание на однократности времени действия, неповторимости момента. С помощью частицы временной промежуток и событие, заключённое в нём, становится наиболее ценным и важным для героя. С. М. Колесникова отмечает градуальную функцию частицы *лишь*, которая усиливает значение того слова, с которым употребляется. «Вступая в градационные отношения, частицы-операторы вносят дополнительные оттенки в значения других слов, придают особую окраску» [Колесникова, 2012, с. 71].

Работа показала, что выделение лексикализованных единиц не решается однозначно и носит дискуссионный характер. Отличие в семантике, отсутствие распространителей, маркированное употребление в контексте, на наш взгляд, позво-

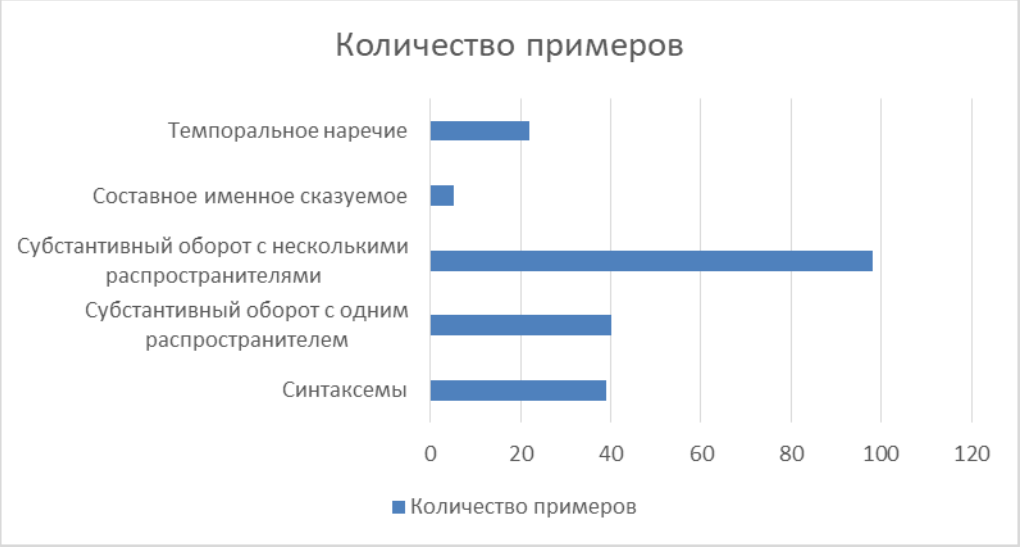
ляет отделить темпоральное наречие*в моменте* от предложно-падежной словоформы существительного.

Заключение

Обследованный материал НКРЯ (отражённый ниже на рисунке 1) показал, что наиболее частотны в своём употреблении субстантивные обороты с несколькими распространителями, но их прочтение неоднозначно, так как в большинстве своём реализуется синкретизм значений темпоральности и локальности. Несколько распространителей вносят более конкретную субъективную оценку как пространственно-временного континуума, так и собственно события, наполняющего его.

В НКРЯ отмечается увеличение использования в современной экономической сфере наречий *в моменте*, которые постепенно входят в ядро лексики.

Составное именное сказуемое с лексемой *в моменте* отражает современный антропоцентрический подход. Подобных примеров в НКРЯ зафиксировано немного, так как они остаются широко употребительными в сленге, отражены в интернет-форумах, в виртуальном общении, в различных психологических практиках. Количество составных именных сказуемых, в которых вещественный компонент выражен предложно-падежной формой существительного в предложном падеже с непроизводным предлогом *в*, имеет тенденцию к пополнению (*я в моменте, в тренде, в ресурсе, в потоке* и т. д.), что связано с самоощущением и самоопределением человека в мире.



Библиографический список

1. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов. Изд. 2-е. Москва : Высшая школа, 1972. 613 с. URL: https://studfile.net/preview/1621458/page:101/ (дата обращения: 10.12.2024)

2. Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. Москва : Издательство «Индрик», 1997. С. 122–131.

3. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография. Москва : Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.

4. Герасименко Н. А., Степанчиков М. А. Оценка в газетном тексте: об одной форме выражения оценочных значений // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 91–95.

5. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. Москва : Астрель и др., 2003. 989 с. URL: https://gufo.me/dict/dmitriev/момент (дата обращения: 12.12.2024).

6. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: https://gufo.me/dict/mas/момент (дата обращения: 16.12.2024).

7. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. Москва : Наука, 2001. 439 с.

8. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке : монография. Москва : Прометей, 2012. 294 с.

9. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. Москва : Норинт, 2004. 960 с. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/момент (дата обращения: 10.12.2024)

10. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. Москва : ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.

11. Малинская Т. В. Темпоральные конструкции с лексемой момент в произведениях И. А. Бунина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д-ра филол. н., профессора Войловой К. А. / отв. ред. О. В. Шаталова. Москва : ООО «Постатор», 2024. С. 171–175.

12. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 25.11.2024)

13. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Москва, 2009. 44 с.

14. Руднев Д. В. Из истории связочного употребления глаголов «находиться» и «найтись» // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2011. Вып. 2. С. 186–194.

15. Сергеева Г. Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка / отв. ред. А. А. Анисова. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 296 с.

16. Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста : коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. Москва : ООО «Постатор», 2022. 244 с.

17. Шаповалова Т. Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55.

18. Шаповалова Т. Е. После острога: пропозитивные модели в тексте повести Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 59–64.

19. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания : монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2020.

20. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). Москва : Гнозис, 1994. 343 с.

Reference list

1. Vinogradov V. V. Russkij jazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language: (Grammatical doctrine of the word) : uchebnoe posobie dlja studentov filologicheskih special'nostej universitetov. Izd. 2-e. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. 613 s. URL: https://studfile.net/preview/1621458/page:101/ (data obrashhenija: 10.12.2024)

2. Gak V. G. Prostranstvo vremeni = The space of time // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk i vremja / otv. red. N. D. Arutjunova, T. E. Janko. Moskva : Izdatel'stvo «Indrik», 1997. S. 122–131.

3. Gerasimenko N. A. Bisubstantivnye predlozhenija v russkom jazyke: struktura, semantika, funkcionirovanie = Bisubstantive sentences in Russian: structure, semantics, functioning : monografija. Moskva : Izd-vo MGOU, 2012. 292 s.

4. Gerasimenko N. A., Stepanchikov M. A. Ocenka v gazetnom tekste: ob odnoj forme vyrazhenija ocenochnyh znachenij = Evaluation in newspaper text: on one form of expressing evaluative meanings // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 3. S. 91–95.

5. Dmitriev D. V. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. = Explanatory dictionary of the Russian language. Moskva : Astrel' i dr., 2003. 989 s. URL: https://gufo.me/dict/dmitriev/moment (data obrashhenija: 12.12.2024).

6. Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij. 4-e izd., ster. Moskva : Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. URL: https://gufo.me/dict/mas/moment (data obrashhenija: 16.12.2024).

7. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo jazyka = Syntax dictionary: a range of elementary units of the Russian language. Moskva : Nauka, 2001. 439 s.

8. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': sistemnye svjazi i otnoshenija v russkom jazyke = Gradiality: systemic links and relations in the Russian language : monografija. Moskva : Prometej, 2012. 294 s.

9. Kuznecov S. A. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moskva : Norint, 2004. 960 s. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/moment (data obrashhenija: 10.12.2024)

10. Lekant P. A. Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom jazyke. = Types and forms of the predicate in modern Russian. Moskva : IIU MGOU, 2017. 132 s.

11. Malinskaja T. V. Temporal'nye konstrukcii s leksemoj moment v proizvedenijah I. A. Bunina = Temporal constructions with the lexeme moment in I. A. Bunin's works // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati d-ra filol. n., professora Vojlovoj K. A. / otv. red. O. V. Shatalova. Moskva : OOO «Postator», 2024. S. 171–175.

12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian language. URL: http://www.ruscorpora.ru (data obrashhenija: 25.11.2024)

13. Pankov F. I. Funkcional'no-kommunikativnaja grammatika russkogo narechija = Functional-communicative grammar of the Russian adverb. Moskva, 2009. 44 s.

14. Rudnev D. V. Iz istorii svjazochnogo upotreblenija glagolov «nahodit'sja» i «najtis'» = From the history of the conjunctive use of the verbs «nahodit'sja» and

«najtis'» // Vestnik SPbGU. Serija 9. 2011. Vyp. 2. S. 186–194.

15. Sergeeva G. N. Leksikalizovannye slovoformy: dinamika jazykovogo razvitija: izbrannye raboty: k 60-letiju kafedry russkogo jazyka = Lexicalized word forms: dynamics of linguistic development: selected works: to the 60th anniversary of the Russian language department / otv. red. A. A. Anisova. Vladivostok : Dal'nevost. federal. un-t, 2017. 296 s.

16. Sintaksicheskie sredstva kak jekspressivnyj resurs teksta = Syntactic means as an expressive text resource : kollektivnaja monografija / otv. red. T. E. Shapovalova. Moskva : OOO «Postator», 2022. 244s.

17. Shapovalova T. E. Leksiko-grammaticheskie markjory kategorii sintaksicheskogo vremeni v komedii A. N. Ostrovskogo «Svoi ljudi – sochtjomsja» = Lexical and grammatical markers of the syntactic time category in A. N. Ostrovsky's comedy It's a Family Affair-We'll Settle It Ourselves // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2023. № 2. S. 43–55.

18. Shapovalova T. E. Posle ostroga: propozitivnye modeli v tekste povesti F.M. Dostoevskogo «Zapiski iz Mjortvogo doma» = After the prison: propositional models in F.M. Dostoevsky's novel Notes from the Dead House // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. № 3. S. 59–64.

19. Shapovalova T. E. Temporal'naja semantika pojeticheskogo vyskazyvanija = Temporal semantics of poetic utterance : monografija. Moskva : IIU MGOU, 2020.

20. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira: (Modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) = The fragments of the Russian linguistic worldview: (Models of space, time and perception). Moskva : Gnozis, 1994. 343 s.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 811.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-95
EDN: ODHFJX

Система причастий в русском языке: основные тенденции развития

Юлия Юрьевна Саминская
Аспирант института русского языка и культуры, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1
saminskaya@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0009-0707-9763

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать систему причастий в динамике (с древнерусского периода по настоящее время), выявить причины, обусловливающие нестабильность и изменчивость этой специфической формы глагола. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена необходимостью выявления основных тенденций развития причастий с применением теории грамматикализации, позволяющей выявить закономерности формирования грамматических систем разных языков. В ходе исследования были использованы методы наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный. В результате проведенного исследования установлено, что существенные преобразования в системе причастий в процессе исторического развития обусловлены их двойственной природой. Выявлены и описаны процессы грамматикализации и лексикализации, произошедшие в системе причастий за период с древнерусского языка по настоящее время: 1) образование из именных действительных причастий деепричастий, специализирующихся на функции полупредикативности и употребляющихся в односубъектных конструкциях с основным предикатом-сказуемым; 2) замена разветвленной претеритальной временной системы одной формой прошедшего времени – бывшим причастием с суффиксом лъ; 3) утрата грамматических форм перфекта и плюсквамперфекта и выражение перфектной семантики за счет лексического значения личных и причастных форм и контекста; 4) приобретение краткими страдательными причастиями СВ с суффиксами -н/-т грамматической функции пассива в залоговой оппозиции с активом, выраженным личными формами СВ. Установлено, что в современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов, о чем свидетельствуют следующие явления: процесс их массовой адъективации, функционирование причастий будущего времени, способность выражения причастиями ирреальной модальности и преодоления ими парадигматических ограничений в определенных условиях контекста.

Ключевые слова: причастие; грамматикализация; лексикализации; перфект; адъективация; причастия будущего времени; категория залога; ирреальная модальность

Для цитирования: Саминская Ю. Ю. Система причастий в русском языке: основные тенденции развития // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 95–101. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-95. https://elibrary.ru/ODHFJX

Original article

The system of participles in the russian language: the main evolution trends

Yulia Yu. Saminskaya
Postgraduate student at the institute of russian language and culture, Lomonosov Moscow state university.
117218, Moscow, Krzhizhanovsky str., 24/35, bld. 1
saminskaya@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0009-0707-9763

Abstract. The aim of the article is to analyze the system of participles in dynamics from the Old Russian period to the present day, and to define the reasons for instability and variability of this specific form of the verb. The relevance of the research stems from the need to understand the main trends in the participle development through the theory of grammaticalization, which makes it possible to reveal the laws of forming grammatical systems in different languages. The study uses the methods of observation, description, classification, as well as structural and quantitative methods. The results of the research show that significant transformations in the system of participles throughout their historical development are caused by their dual nature. The author describes the processes of grammaticalization and lexicalization that have taken place in the system of participles from Old Russian to the present day: 1) nominative

© Саминская Ю. Ю,, 2025

active participles form adverbial participles, functioning as a semi predicative and used in a single subject constructions with the main predicate; 2) single past form, i.e. former participle with the suffix -лъ', replaces a complex preterit tense system; 3) perfect and plusquamperfect forms and expression of perfect semantics are lost due to the lexical meaning of personal and participle forms and context; 4) short passive perfective participles with -н/-т suffixes acquire passive form in voice opposition to active, expressed by perfective personal forms. The following phenomena indicate that in the modern Russian language participles remain an unstable class of words: the process of their mass adjectivization, functioning of future tense participles, the ability to express unreal modality, overcoming paradigmatic restrictions in certain contextual conditions.

Key words: participles; grammaticalization; lexicalization; perfect; adjectivization; future tense participles; the voice category; unreal modality

For citation: Saminskaya Yu. Yu. The system of participles in the russian language: the main evolution trends. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):95–101. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-95. https://elibrary.ru/ODHFJX

Введение

Причастие в русском языке – динамично развивающаяся форма глагола, с которой связаны разнообразные процессы грамматикализации, лексикализации, конверсии, преодоления парадигматических ограничений. Эти активные процессы обусловлены, очевидно, двойственной природой причастия, сочетающей глагольные и адъективные признаки.

Причастия обозначают процесс, совмещенный с семантикой признаковости, имеют глагольные и адъективные грамматические категории. В современном русском языке имеются полные и краткие причастия, несколько различающиеся набором грамматических категорий и синтаксическими функциями. Краткие причастия в отличие от полных очень предикативны, функция определения возможна для них только в случае употребления их в составе обособленного определения. Следует уточнить, что в современном русском языке краткие формы возможны не у всех разрядов причастий, например, их нет у действительных причастий настоящего и прошедшего времени. В древнерусском языке ситуация была иная, однако в дальнейшем краткие (именные, нечленные) формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени преобразовались в деепричастия. При адъективации эти причастия могут употребляться в краткой форме: *«– Нет, брат, ты этого не говори: Базаров умен и* ***знающ*** (И. Тургенев); *Реформы были столь* ***впечатляющи*** *и успешны, что не оставляли надежды на революционную агитацию народовольцев* (В. Лебедев)» [Морфология современного русского языка, 2013, с. 474]. Возможны, но редко употребляются краткие формы у страдательных причастий настоящего времени. До середины XIX в. они были более частотны, что подтверждается и данными Национального корпуса русского языка. В современном русском языке немногие глаголы несовершенного вида (НСВ) образуют краткие формы страдательных причастий настоящего времени, употребляющиеся в качестве компонента аналитических форм страдательного залога: «*А вот я был* ***ненавидим, ненавидим*** *хорошенькой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти* (А. Чехов); *В это ощущение входило и то, что она нравится,* ***любима****, из-за нее мучаются* Грифонов)» [Морфология современного русского языка, 2013, с. 474].

Только страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида (СВ) регулярно образуют краткие формы: *доставленный – доставлен, запечатанный – запечатан, очерченный – очерчен* и т. п. Следует учитывать, однако, что краткие формы от этих причастий подверглись грамматикализации, выступая членом залоговой оппозиции с личными формами глагола (*Писатель* ***написал*** *новый роман – Роман* ***написан*** *писателем, Садовник* ***вскопал*** *грядки – Грядки* ***вскопаны*** *садовником*). Тем самым краткие причастия, выступающие знаменательным компонентом личных аналитических форм пассива, не совсем равноценны полным причастиям, являющимся в полной мере адъективными репрезентантами глагольного признака.

Не существует однозначного мнения относительно характера категории времени в атрибутивных причастиях – абсолютное или относительное время? На наш взгляд, причастия, будучи второй глагольной формой, всегда имеют относительное время наряду с абсолютным, так как соотносятся не только с моментом речи, но и со временем совершения действия основного предиката.

Итак, система причастий представлена четырьмя основными разрядами, различающимися по времени и залогу. Важно также учитывать, что действительные причастия возможны и от всех возвратных глаголов: *читающийся, читавшийся*.

Причастия очень легко адъективируются – переходят в систему прилагательных, причем разные разряды причастий подвержены этому процессу в разной степени. Легче всего переходят в прилагательные страдательные причастия СВ, очевидно, вследствие их результативности, способствующей актуализации в них семантики признаковости, а не процессности.

Причастия привлекали внимание ученых в синхронном и диахроническом аспектах [Буланин, 1986; Замятина, 2009; Колочкова, 2011; Годизова, Каркузаева, 2021; Кунавин, 2022 и др.]. Двойственная природа причастий позволяет поразному интерпретировать их частеречный статус [например, Буланин, 1986; Кунавина, 2016 и др.].

Для того, чтобы понять процессы, происходящие в причастиях, основные тенденции их развития, необходимо, очевидно, обратиться к их истории. Целью данной статьи является анализ системы причастий в динамике (с древнерусского периода по настоящее время), выявление причин нестабильности и изменчивости этой особой формы глагола.

Материал и методы исследования

В ходе исследования были использованы традиционные лингвистические методы: наблюдения, описания, классификации, структурный, количественный.

В качестве языкового материала, позволяющего делать заключения о частотности тех или иных процессов в системе причастий на разных хронологических срезах, привлекались данные Национального корпуса русского языка.

Результаты исследования

В древнерусском языке, кроме традиционных разрядов причастий, имелись еще причастия на *лъ*, основным назначением которых было служить компонентом аналитических временных форм (перфекта, плюсквамперфекта, будущего времени) и сослагательного наклонения глагола. Степень употребительности действительных и страдательных причастий, а также полных (членных) и кратких (нечленных) форм существенно различалась: действительные причастия употреблялись в десятки раз чаще страдательных, а краткие причастия – в десятки раз чаще полных. Причастие отличалось большей степенью предикативности, о чем свидетельствует, например, тот факт, что они соединялись с основным глагольным сказуемым при помощи сочинительных союзов и сохраняли тесную связь с подлежащим. Лишь во второй половине XVII века наметилась тенденция к устранению союза между деепричастием (бывшим причастием) и глаголом, а окончательная утрата его произошла в XVIII веке [Кунавин, 2022].

Очевидно, этот изначальный уклон в сторону предикативности обусловил процессы грамматикализации в системе причастий: возникновение из именных действительных причастий на *-въ* деепричастий, специализирующихся на полупредикативной функции, и стремление причастий на *-лъ* к функции основного предиката, заполнение ими ниши претерита взамен разрушенной бывшей разветвленной системы прошедших времен, включавшей аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект. Первый процесс – образование деепричастий из причастий – обусловлен стремлением именных действительных причастий к употреблению исключительно в односубъектных конструкциях, что способствовало утрате ими форм словоизменения, то есть согласование с подлежащим у этих причастий становилось избыточным, так как они относились к тому же подлежащему, что и глагольное сказуемое [Кунавин, 2022].

Второй процесс был связан с развитием грамматической категории вида, в связи с чем отпала необходимость в аористе и имперфекте, различия между которыми проявлялись именно в характере протекания действия во времени (аорист обозначал прошедшее действие как конкретный факт, а имперфект – прошедшее длительное действие в процессе протекания). Утрату составных форм прошедшего времени с двойственной семантикой (перфекта и плюсквамперфекта) можно объяснить их лексикализацией – процессом, происходящим наряду с грамматикализацией. В результате лексикализации перфектные формы утратились в качестве грамматических, хотя сама двойственная временная семантика осталась и стала выражаться лексически и контекстуально: для СВ перфектное значение возможно при благоприятном лексическом значении (результатом действия является состояние, продолжающее существовать в более позднем временном плане, например, *он* ***покраснел*** – покраснел в прошлом, сейчас он красный), а для НСВ актуальность последствий прошедшего действия в большей степени обусловлена контекстом и ситуацией (такое значение часто называют «перфектом опыта», например, «*Он много* ***видел****, образован*»). Следует подчеркнуть, что в современном русском языке перфект представляет собой довольно сложное явление, с которым связано много неоднозначно решаемых вопросов.

Например, что имеется в виду под актуальностью последствий произошедшего уже действия для плана настоящего? Ю. С. Маслов понимает эту актуальность довольно широко – это некие «последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, новое „положение дел”» [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 195].

Грамматический статус перфекта оценивается неоднозначно. В сфере перфекта различают языковые средства, относимые к эксплицитной и имплицитной перфектности. Первая, называемая «шахматовским перфектом», связана именно с краткими страдательными причастиями на *-н/-т*, а в говорах – с предикативными деепричастиями на *-ши/-вши* [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197]. А. А. Шахматов рассматривал предикативные причастия именно как грамматическую форму перфекта [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197]. Такого же мнения придерживался Л. Л. Буланин: «Мы подходим к перфекту как к одному из времен глагола, занимающему определенное место в временной системе русского языка» [Буланин, 1986, с. 45]. Причем он отмечал, что перфект в прямой речи наиболее специфичен, так как незаменим никакой другой формой пассива: «(188) – *Товарищи, пожалуйста, проверьте,* ***выключены*** *ли у вас* [***выключили*** *ли* ***вы***] *те электроприборы, которыми вы в данное время не пользуетесь* (обычное обращение по телевидению поздно вечером); (189) – *Игра* ***остановлена*** [***остановили***]» [Буланин, 1986, с. 47]. Признавая, что перфект в прямой речи легко можно заменить претеритом с суффиксом *-л*, Л. Л. Буланин вместе с тем подчеркивал, что для претерита перфектное значение – это частное временное значение, возникающее в контексте, в то время как перфектное значение перфекта – это основное грамматическое значение, не зависящее от контекста [Буланин, 1986, с. 51].

Ю. С. Маслов не разделял этого мнения, указывая на ущербность «шахматовского» перфекта, проявляющуюся в залоговых, видовых, временных особенностях, а также в лексических ограничениях на образование этой формы [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 197–198]. Вместе с тем он признавал, что «…в сфере предиката специализированным средством выражения обеих разновидностей перфектного значения (акционального и статального – С. Ю.) (не совмещающим этого значения с другими) является «шахматовский перфект» в его чистом виде, т.е. без добавления каких-либо форм глагола *быть*. Очевидно, именно «шахматовский перфект» следует считать центром соответствующего ФСП (функционально-семантического поля – С. Ю.) в русском литературном языке» [Теория функциональной грамматики, 2017, с. 201]. Таким образом, вопрос о существовании перфекта как грамматической формы в современном русском языке оценивается неоднозначно. Как бы ни интерпретировались краткие страдательные причастия с суффиксами *-н* и *-т* в современном русском языке, именно они продолжают играть наиболее значительную роль в выражении значения перфекта. Их лексическое значение также способствует актуализации перфектной семантики: как правило, это действия, которые завершаются определенным состоянием, причем действие относится к плану прошедшего, а состояние – к плану настоящего. Например: «(194) *Становиха побледнела. – Пойдемте, – сказала она тихо, ломая руки. – Он у меня в бане* ***спрятан*** [я спрятала]…(Чехов. Шведская спичка)» [Буланин, 1986, с. 48]. «(224) *Вошел адъютант Панфилова. – Лошади* ***оседланы*** [оседлали], *товарищ генерал* (Бек)» [Буланин, 1986, с. 50].

Центральное положение причастий в ФСП перфектности вполне закономерно, учитывая их результативность, а также то, что именно они (хотя и другой их разряд) выступали в составе древнерусского перфекта и плюсквамперфекта.

Утрата перфекта в качестве грамматической формы не является характерной особенностью исключительно русского языка. В. А. Плунгян отмечает эволюционную (или диахроническую) нестабильность перфекта, считая ее наиболее яркой и универсальной чертой перфекта в разных языках; он предлагает также характерную модель его развития «от результатива к перфекту и далее к (перфективному или нейтральному) претериту, сохраняющему и результативные употребления» [Плунгян, 2016, с. 23]. Очевидно, такая нестабильность обусловлена двойственной временной семантикой перфекта, что предполагает некоторую неопределенность на уровне контекстуальной прагматики – колебания между действием и состоянием, вызванным этим действием.

Процессы грамматикализации и лексикализации в процессе формирования грамматических систем разных языков привлекают в настоящее время широкое внимание ученых, поскольку позволяют объяснить закономерности взаимодействия лексики и грамматики, направления эволюции грамматических систем [Майсак, 2005; Князев, 2007; Всеволодова, 2018; Новоспасская, Авагян, 2021; Годизова, Габисова, 2024 и др.].

Итак, как видно из вышеизложенного, с периода древнерусского языка по настоящее время с системой причастий произошли значительные изменения. И в современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов: они в большой степени подвержены адъективации, то есть утрате глагольных грамматических категорий, вследствие чего семантика процессности и глагольные грамматические категории перестают быть актуальными в них [Буланин, 1986]. Эта утрата глагольности в них может происходить в большей или меньшей степени. Например, Л. Л. Буланин приводит контексты употребления причастий, подробно анализируя степень проявления в них глагольных грамматических категорий вида, времени (относительного), залога: «(112) *Я упомянул только об одном смотре,* ***проведенном*** *в округе наркомом С. К. Тимошенко* (Жуков). (122) «*Попрошу, Ваше превосходительство, переслать вот этот пакет, после моей смерти, морскому министру!» – указал глазами адмирал на большой* ***запечатанный*** *пакет, лежавший на столике около кровати* (Станюкович. Грозный адмирал). (127) *... С генуэзской крепости едва различишь кажущийся неподвижным темный корпус парохода, длинный хвост серого тающего дымка и две мачты, стройно* ***наклоненные*** *назад* (Куприн). (128) *.... В двери,* ***рассеченной*** *пополам беспощадным пробором и линией золотых пуговиц кителя, стоял мичман Гудков* (Соболев)» [Буланин, 1986, с. 30, 31, 33, 34].

При оценке процесса адъективации мы не учитываем случаи, когда трансформируется лексическое значение причастий, то есть развиваются метафорические значения. Такие типы функционирования следует относить к безусловным прилагательным, подвергшимся семантическому сдвигу и вследствие этого приобретшим грамматические особенности прилагательных (формы степеней сравнения, краткие формы), утратившим соотносительность с другими глагольными формами: «*У него* ***уставший*** *вид при невозможности: ?У него* ***устал*** *вид»* [Морфология современного русского языка, 2013, с. 484].

Причастия лишены категории наклонения, но способны к выражению ирреальной модальности в контексте подобно другой неличной форме глагола – инфинитиву [Шелякин, 1989; Козинцева, 2002; Сай, 2015]. Это касается действительных причастий настоящего времени, которые в тексте могут приобретать семантику модальности, близкую к значению сослагательного наклонения или будущего времени, – действие желаемое или ожидаемое, например: «*Ждали смелых конструктивных решений,* ***пресекающих*** *(= которые* ***пресекали бы, будут пресекать****) рост инфляции, Сегодня уже очевидно, что между бизнесом и обществом нужен надежный посредник,* ***определяющий*** *(= который* ***определял бы, будет определять****) правила игры и* ***контролирующий*** *(= который* ***контролировал бы, будет контролировать****) их соблюдение*» [Шелякин, 1989, с. 227; Козинцева, 2002, с. 103]. В художественном и публицистическом стилях действительные причастия прошедшего времени могут употребляться с частицей *бы*.

Следует заметить, что в древнерусском языке модальность основного глагольного сказуемого распространялась на амодальное причастие, что было обусловлено тесной связью личной и причастной форм, например: «*…и* ***въставъ****, прииди семо*» (И *встань, приди* сюда – С. Ю.). В условных предложениях ирреальное наклонение главного сказуемого также распространялось на амодальное причастие, так как действия причастий являлись необходимым условием действий глагола. Подобная причастная конструкция допускала трансформацию в условное придаточное предложение. Ср.: «*…и азъ****, пришед****, взялъ бых свое с лихвою*» (И я, если *бы пришел, взял бы* свое с лихвою – С. Ю.).

В последнее время все более активно обсуждается вопрос о причастиях будущего времени, способных заполнить недостающую нишу в соответствии с временной парадигмой личных форм глагола. Некоторые исследователи полагают, что причастия будущего времени в XXI веке становятся все более употребительными и со временем могут стать нормативными [Гловинская, 2010; Эпштейн, 2007]. Восполнение лакун в системе формообразования является одним из направлений грамматикализации.

Однако следует отметить, что причастия будущего времени – это не реалия сегодняшнего дня, они были довольно употребительны и в XVIII–XIX веках. Утверждая, что их частотность значительно выросла, следует провести анализ их функционирования в разных стилях: в художественной литературе, по подсчетам, произведенным нами на основании данных Национального корпуса русского языка, значительного их роста не прослеживается; в большей степени они употребляются в публицистике, но не существенно [Годизова, Каркузаева, 2021]. И хотя мы не исключаем, что под давлением системы языка причастия будущего времени могут со временем стать нормой, все же тот факт, что причастия обозначают действие как уже данное в его носи-

теле является серьезным препятствием в этом процессе.

Заключение

Таким образом, диахронический анализ причастий позволил установить следующие процессы грамматикализации и лексикализации, произошедшие в их системе: образование из именных действительных причастий деепричастий, специализирующихся на функции полупредикативности и употребляющихся в односубъектных конструкциях с основным предикатом-сказуемым; замена разветвленной претеритальной временной системы одной формой прошедшего времени, представленной причастием с суффиксом *лъ*; утрата грамматических форм перфекта и плюсквамперфекта и выражение перфектной семантики причастными и личными формами глагола СВ и НСВ, из которых первостепенную роль играют краткие страдательные причастия с суффиксами *-н/-т* вследствие своей специфической семантики: «значение результата действия, наличествующего в настоящем» [Буланин, 1986, с. 47]; приобретение краткими страдательными причастиями СВ с суффиксами *-н/-т* грамматической функции пассива в залоговой оппозиции с активом, выраженным личными формами СВ.

В современном русском языке причастия остаются нестабильным классом слов, о чем свидетельствуют процессы их массовой адъективации, случаи функционирования причастий будущего времени, способность выражения причастиями ирреальной модальности и преодоления ими парадигматических ограничений в определенных условиях контекста.

Столь значительные преобразования системы причастий в процессе исторического развития и их нестабильность в современном русском языке можно объяснить двойственной природой причастий, включающей глагольные и адъективные признаки, их балансированием между глаголом и прилагательным.

Библиографический список

1. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. 86 с.

2. Всеволодова М. В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категории грамматикализации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 194–228.

3. Гловинская М. Я. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: система – норма – узус. Москва : Языки славянских культур, 2010. С. 171–199.

4. Годизова З. И., Каркузаева Д. В. Динамика развития причастия как особой гибридной формы глагола // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 3. С. 137–142.

5. Годизова З. И., Габисова Д. В. Процессы грамматикализации и лексикализации в системе русского глагола // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 2. С. 5–16.

6. Замятина И. В. Причастие как двуприродная грамматическая форма participle as a du o-natural grammar form // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 3. С. 26–30.

7. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. Москва : Языки славянских культур, 2007. 704 с.

8. Козинцева Н. А. Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Основные вопросы русской аспектологии. Санкт-Петербург : Наука, 2002. С. 99–113.

9. Колочкова О. В. Грамматическая неоднородность адъективированных причастий в современном русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. №1. С. 116–120.

10. Кунавин Б. В. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 6. С. 76–87.

11. Кунавина И. И. Грамматический статус причастия в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 2. С. 68–73.

12. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва : Языки славянских культур, 2005. 480 с.

13. Морфология современного русского языка. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2013. 639 с.

14. Национальный корпус русского языка. URL: http://www. ruscorpora.ru (дата обращения: 10.08.2024, 15.08.2024).

15. Новоспасская Н. В., Авагян А. А. Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 89–104.

16. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва : РГГУ, 2011. 672 с.

17. Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 2. С. 7–36.

18. Сай С. С. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // Acta Lingustica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. №1. С. 341–368.

19. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Москва : Editorial URSS, Ленанд, 2017. 352 с.

20. Шелякин М. А. Глагол // Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский

язык: теоретический курс: словообразование, морфология. Москва : Русский язык, 1989. 261 с.

21. Эпштейн М. Н. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы Международной научной конференции. Москва : Ин-т русского языка РАН, 2007. С. 259–266.

Reference list

1. Bulanin L. L. Kategorija zaloga v sovremennom russkom jazyke = The category of voice in the modern Russian language. Leningrad : Izd-vo LGU, 1986. 86 s.

2. Vsevolodova M. V. Nekotorye problemy sovremennoj russkoj grammatiki i kategorii grammatikalizacii = Certain problems in modern Russian grammar and the category of grammaticalization // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. 2018. № 5. S. 194–228.

3. Glovinskaja M. Ja. Potencial'nye glagol'nye formy = Potential verb forms // Sovremennyj russkij jazyk: sistema – norma – uzus. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 171–199.

4. Godizova Z. I., Karkuzaeva D. V. Dinamika razvitija prichastija kak osoboj gibridnoj formy glagola = Dynamics of the evolution of the participle as a special hybrid form of the verb // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2021. T. 27. № 3. S. 137–142.

5. Godizova Z. I., Gabisova D. V. Processy grammatikalizacii i leksikalizacii v sisteme russkogo glagola = Grammaticalization and lexicalization processes in the Russian verb system // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2024. T. 22. № 2. S. 5–16.

6. Zamjatina I. V. Prichastie kak dvuprirodnaja grammaticheskaja forma participle as a du o-natural grammar form = Participle as a duo-natural grammatical form // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2009. № 3. S. 26–30.

7. Knjazev Ju. P. Grammaticheskaja semantika: Russkij jazyk v tipologicheskoj perspektive = Grammar semantics: The Russian language in typological perspective. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 704 s.

8. Kozinceva N. A. Konstrukcii s prichastnymi oborotami kak sredstvo vyrazhenija taksisa = Constructions with participial phrases as a means of expressing taxis // Osnovnye voprosy russkoj aspektologii. Sankt-Peterburg : Nauka, 2002. C. 99–113.

9. Kolochkova O. V. Grammaticheskaja neodnorodnost' ad#ektivirovannyh prichastij v sovremennom russkom jazyke = Grammatical heterogeneity of adjectival participles in the modern Russian language // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2011. №1. S. 116–120.

10. Kunavin B. V. Prichastnaja klauza v istorii russkogo jazyka = Participle clause in the history of the Russian language // Vestnik VolGU. Serija 2: Jazykoznanie. 2022. T. 21. № 6. S. 76–87.

11. Kunavina I. I. Grammaticheskij status prichastija v sovremennom russkom jazyke = Grammatical status of the participle in the modern Russian language // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2016. № 2. S. 68–73.

12. Majsak T. A. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii = Typology of grammaticalization of constructions with motion verbs and position verbs. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. 480 s.

13. Morfologija sovremennogo russkogo jazyka = Morphology of the modern Russian language. Sankt-Peterburg : SPbGU, 2013. 639 s.

14. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: http://www. ruscorpora.ru (data obrashhenija: 10.08.2024, 15.08.2024).

15. Novospasskaja N. V., Avagjan A. A. Odnonapravlennost' grammatikalizacii v sovremennoj lingvistike = Unidirectional grammaticalization in modern linguistics // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka, semiotika, semantika. 2021. T. 12. № 1. S. 89–104.

16. Plungjan V. A. Vvedenie v grammaticheskuju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira = Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moskva : RGGU, 2011. 672 s.

17. Plungjan V. A. K tipologii perfekta v jazykah mira: predislovie = Towards typology of the perfect tense in the world languages: a preface // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij. 2016. T. 12. № 2. S. 7–36.

18. Saj S. S. Nefinitnye formy soslagatel'nogo naklonenija v russkom jazyke = Non-finite forms of the subjunctive mood in the Russian language // Acta Lingustica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij. 2015. T. 11. №1. S. 341–368.

19. Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis = Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis. Moskva : Editorial URSS, Lenand, 2017. 352 s.

20. Sheljakin M. A. Glagol = The verb // Lopatin V. V., Miloslavskij I. G., Sheljakin M. A. Sovremennyj russkij jazyk: teoreticheskij kurs: slovoobrazovanie, morfologija. Moskva : Russkij jazyk, 1989. 261 c.

21. Jepshtejn M. N. Est' li budushhee u prichastij budushhego vremeni? = Do participles of the future tense have a future? // Lingvistika i pojetika v nachale tret'ego tysjacheletija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : In-t russkogo jazyka RAN, 2007. S. 259–266.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 19.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81-11
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-102
EDN: AFFOWI

Лексикографические и грамматические труды Франца Гёльтергофа в контексте лингвистики XVIII века

Олег Владимирович Лукин
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Аннотация. Статья посвящена лексикографическим и грамматическим работам пастора Франца Гёльтергофа, который с 1763 до 1780 года преподавал немецкий язык в Императорском Московском университете. Этнический немец, он связал бóльшую часть своей долгой жизни с Российской империей и служил ей – как на пасторском поприще, так и на преподавательском и научном. Несмотря на то, что преподавательская деятельность занимала относительно небольшой – около двадцати лет – период его жизни, именно в это время были созданы произведения, столь важные для истории отечественной науки о языке.

Автора статьи интересуют прежде всего словари и немецкая грамматика Ф. Гёльтергофа, которые увидели свет в бытность их автора лектором, а впоследствии экстраординарным профессором Московского университета. Эти работы, появившиеся из насущных потребностей преподавания немецкого языка в средней и высшей школе, открыли новую страницу в становлении лексикографии и грамматики немецкого языка в России. В статье доказывается, что эти труды фактически стали первыми самостоятельными авторскими работами в области лексикографии и грамматики немецкого языка в нашей стране, написанными, разумеется, не без влияния предшественников, но не являвшимися компиляциями или переводами на русский язык ранее существовавших немецких словарей и грамматик.

Новизна настоящей статьи заключается в определении роли Ф. Гёльтергофа в развитии отечественного языкознания XVIII столетия на фоне лексикографических и грамматических работ его предшественников. Актуальность работы обусловлена интересом современных языковедов к развитию истории этой науки и необходимостью заполнения существующих лакун – как фактологического, так и интепретационного характера.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; Франц Гёльтергоф (нем. Franz Hölterhof; 4.03.1711 – 11.12.1805); грамматика немецкого языка; лексикография; Россия; XVIII в.

Для цитирования: Лукин О. В. Лексикографические и грамматические труды Франца Гёльтергофа в контексте лингвистики XVIII века // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 102–111. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-102. https://elibrary.ru/AFFOWI

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Lexicographic and grammatical works by Franz Hölterhof in the context of the XVIII century linguistics

Oleg V. Lukin
Doctor of of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str.,108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

© Лукин О. В., 2025

Abstract. The article deals with lexicographical and grammatical works of Pastor Franz Hölterhof, who taught German at the Imperial Moscow University from 1763 to 1780. An ethnic German, he spent most of his long life in the Russian Empire and served it, both as a pastor and as a teacher and scholar. Despite the fact that teaching activity occupied a relatively short – about twenty years – period of his life, it was during this time that the works so important for the history of the national linguistics were created.

The author of the article is primarily interested in Hölterhof's dictionaries and German grammar, which were published when their author was a lecturer and later a Professor extraordinarius at Moscow University. These works, which appeared due to the urgent needs of teaching German in secondary and higher schools, opened a new page in the development of German lexicography and grammar in Russia. The article shows that these works were actually the first original auteur works in the field of German lexicography and grammar in our country, written, of course, not without the influence of the predecessors, but they were not compilations or translations into Russian of earlier German dictionaries and grammars.

The novelty of this article lies in defining the role of F. Hölterhof in the development of Russian linguistics of the XVIII century against the background of lexicographic and grammatical works of his predecessors. The relevance of the work is due to the interest of contemporary linguists in further studies of the history of this science and the need to fill the existing lacunas, both factual and interpretative.

Key words: narrative linguistic historiography; Franz Hölterhof (4.03.1711 – 11.12.1805); grammar of the german language; lexicography; Russia; XVIII century

For citation: Lukin O. V. Lexicographic and grammatical works by Franz Hölterhof in the context of the XVIII century linguistics. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):102–111. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-102. https://elibrary.ru/AFFOWI

Введение

XVIII век – один из важнейших этапов как в развитии науки о языке, так и в истории нашей страны. Языкознание переживало период накопления фактологических знаний, изучения значительного количества современных, а не только «классических» языков. Петровские реформы в России, бурное развитие промышленности и науки, основание Императорской Академии наук и Императорского Московского университета поставили Российскую империю в научном плане в один ряд со странами Западной Европы. Усиление взаимодействия с этими странами, особенно Германией и Францией, стало причиной настоятельной потребности империи в образованных людях, владевших несколькими языками.

Полилингвизм как феномен российского общества, особенно его высших слоев, стимулировался государственной властью в течение всего столетия – от Петра I до Екатерины II. Потребность в специалистах, владеющих новыми европейскими языками и способных передавать свои знания российским *недорослям*, была настолько велика, что преподавателями немецкого языка нередко становились люди без специального высшего образования, а иногда и без образования вообще.

На этом фоне немецкий пастор с университетским образованием, к тому же владеющий русским языком, становился тем специалистом, которого жаждали пригласить на работу и гимназии, и университеты Российской империи, хотя его биографию не во всём можно было бы назвать безупречной.

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографической литературы;
3. анализ лингвистических работ самого Ф. Гёльтергофа и его предшественников;
4. анализ и интерпретация публикаций о трудах Ф. Гёльтергофа и его предшественников.

Результаты исследования

Краткие биографические сведения

Франц Гёльтергоф (нем. Franz Hölterhof, 4.03.1711 – 11.12.1805) родился в городе Леннепе (нем. Lennep) (в настоящее время – это часть городской агломерации Ремшайд (нем. Remscheid) в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия) (биографические сведения приводим по: [Геннади, 1876], [Евгений, 1876], [Половцов, 1914], [Шевырёв, 1855а], [Gadebusch, 1777], [Cröger, 1853, S. 161, 348–350, 353–354], [Recke, Napiersky, 1829]). Гимназическое образование юноша получил в соседнем Зёсте (нем. Soest).

В 1731 году он поступает на богословский факультет университета г. Галле, по окончании которого едет в Ревель (ныне Таллинн) работать

домашним учителем. Пригласивший его туда суперинтендант острова Эзель (нем. Oesel, ныне Сааремаа) Э. Гутслефф (1700 – 1749) сыграл самую неоднозначную роль в судьбе молодого богослова. В 1737 году Ф. Гёльтергоф стал пастором в Аренсбурге (ныне г. Курессаар), получил место дьякона и стал директором школы. Пасторское служение он продолжал до 1747 года, когда за связь с гернгутерами был арестован и на 12 лет заключен в Петропавловскую крепость.

В 1759 году он был выпущен из крепости и сослан в Казань, где вначале давал частные уроки немецкого языка, а затем получил должность учителя во вновь открытой гимназии. Именно в ней заканчивал свою учебу юный Г. Р. Державин, с которым его учителя немецкого языка судьба свела еще один раз уже в столице империи.

Спустя еще три года Ф. Гёльтергоф был освобожден из ссылки и по приглашению куратора Императорского Московского университета В. Е. Адодурова (1709–1780) стал лектором, а затем экстраординарным профессором немецкого языка на философском факультете. С 1765 до 1780 года из типографии университета регулярно выходили языковедческие работы преподавателя и ученого, сыгравшие важную роль в развитии лексикографии и грамматики в России.

После отставки из университета в 1780 году Ф. Гёльтергоф поселился в гернгутерской колонии в Сарепте, где совмещал обязанности пастора и преподавателя русского языка. 11 декабря 1805 года ученый скончался в возрасте 94 лет.

Словарь Э. Вейсманна и словари Ф. Гёльтергофа

Начав в 1763 году преподавать немецкий язык в Императорском Московском университете, Ф. Гёльтергоф столкнулся с известной для всякого творчески работающего преподавателя проблемой – отсутствием удовлетворявших его учебных пособий, особенно грамматик немецкого языка и русско-немецких и немецко-русских словарей.

Говоря о настоятельной потребности российского общества в переводных немецко-русских словарях, нельзя не привести следующий весьма яркий пример. В 1731 году был опубликован «Немецко-латинский и русский лексикон» [Вейсманн, 1731], напечатанный в России спустя 14 лет после смерти его автора Э. Вейсманна (нем. Ehrenreich Weismann; 15.07.1641 – 23.02.1717) в типографии Императорской академии наук. По сути дела, это была адаптация его немецко-латинского и латинско-немецкого словаря [Weismann, 1673], вышедшего в первый раз в 1673 году в Штуттгарте и выдержавшего впоследствии еще одиннадцать переизданий (с 1685 по 1775 гг. под названием «*Lexicon bipartitum Latino-Germanicum et Germanico-Latinum*»), что несомненно свидетельствовало об успехе этой книги. Потребность российского общества в немецко-русском словаре привела к тому, что лексикон Э. Вейсманна был переведен на русский язык силами переводчиков Академии наук И. И. Ильинского, И. П. Сатарова и И. С. Горлицкого, так что бывший двуязычный немецко-латинский словарь стал трехъязычным немецко-латинско-русским. Словарь был издан весьма солидным для того времени тиражом в две с половиной тысячи экземпляров, но весьма скоро стал библиографической редкостью [Макеева, 1974, с. 115].

Немецко-русский словарь «Немецкой Целлариус, или полезной лексикон, из котораго без великаго труда, и наискоряе нужнейших немецкаго языка слов научиться можно» [Гёльтергоф, 1765] стал первым научным трудом Ф. Гёльтергофа, опубликованным спустя всего два года после начала его работы в университете. Само название уже так или иначе говорит о его дидактической направленности, ср.: «Необходимость, которая в рассуждении недостатка в немецких лексиконах находится, принудила нас к изданию сего Целляриева Лексикона, дабы чрез то как учащим, так и учащимся удобнейший к трудам подать способ» [Гёльтергоф, 1765, с. 1].

Как известно, *Целлариус* – это не что иное, как фамилия профессора университета г. Галле, который закончил сам Ф. Гёльтергоф, К. М. Келлера (нем. Christoph Martin Keller; 22.11.1638 – 04.06.1707), называвшего себя на латинский манер Христофором Целларием (лат. Christophorus Cellarius) и известного своим лексиконом, организованным по словарным семьям и ставшим весьма значительным учебным пособием в XVIII веке [Koch, 2002, s. 239]. Вполне естественно, что словарь Ф. Гёльтергофа был построен по тому же принципу. Кстати, в 1810 году в Москве вышел «Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом» [Целларий, 1810], что лишний раз свидетельствует об интересе российского общества к такого рода словарям.

Для появления подобных словарей, особенно переводных, было немало причин. Во-первых, XVIII век в России не без основания называют

периодом быстрого и решительного развёртывания словарных работ [Усачева, 2011, с. 41]. Во-вторых, основанный в 1755 году Императорский Московский университет, преподавателем которого на протяжении многих лет был Ф. Гёльтергоф, сам по себе не мог не стать важным центром словарного дела. И, наконец, сама Императорская академия наук, основанная в 1724 году, прикладывала большие усилия для выпуска словарей, особенно современных западноевропейских языков. Например, в XVIII веке было выпущено более 20 немецких и более 15 французских словарей [Усачева, 2011, с. 43].

Два года спустя для удобства использования Немецкого Целлариуса был издан «Реестр российских слов из краткаго немецкаго Целляриева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный» [Гёльтергоф, 1767].

Спустя еще два года был опубликован французско-русский *Целлариус*, построенный по уже известному принципу [Гёльтергоф, 1769]. А еще через два года – русско-немецкий словарь «Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон» [Гёльтергоф, 1771]. Очень важно, что последние страницы этого издания (с. 635–656) занимала краткая грамматика русского языка «*Kurzgefaßte russische Grammatica*», написанная на немецком языке.

Совершенно естественно, что целевой аудиторией «Немецкого Целлариуса» были русские учащиеся, тогда как «Российского Целлариуса» – немецкоязычные граждане Российской империи, овладевавшие языком титульной нации своей новой родины. Любопытно заметить, что среди подписавшихся на этот словарь были не только пасторы, аптекари, переводчики, военные и обычные граждане с немецкими фамилиями, но и купцы, чиновники, дворяне и граждане с русскими фамилиями и, что весьма показательно, учебные заведения (Костромская семинария, Троицкая семинария) [Гёльтергоф, 1771]. Интересно, что среди российских граждан, подписавшихся на 50 (!) экземпляров словаря, значится Павел Демидов, известный как основатель Ярославского высших наук училища, чье имя носит ныне Ярославский государственный университет.

«Российской Целлариус» сыграл важную роль в развитии российской лексикографии. Он был одним из первых словопроизводных словарей и стал «... настольной книгой для составителей «Словаря Академии Российской», они постоянно обращались к нему как к авторитетному справочнику по вопросам словопроизводства» [Козырев, Черняк, 2015, с. 18]. Назначение «Российского Целлариуса» оказалось «... гораздо шире, чем справочная литературе типа «разговорных книг», служащих для обучения разговорным методом» [Дюбо, 2023, с. 121].

Известное своим полилингвизмом российское общество XVIII века поставило ученого еще перед одним вызовом – создать многоязычный словарь, в котором были бы представлены как русский и наиболее востребованные европейские языки (немецкий и французский), так и не потерявшая своего значения в ученых кругах латынь. В 1776 году вышел в свет сравнительно небольшой (всего 96 страниц) словарь под названием «Сокращенной четыреязычной словарь: А имянно на немецком, латинском, французском и российском языках» [Гёльтергоф, 1776].

Последним лексикографическим произведением Ф. Гёльтергофа, напечатанным сравнительно незадолго до его отставки из университета, стал двухтомный словарь на трех языках «Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом» [Гёльтергоф, 1778а; Гёльтергоф, 1778б]. Оба словаря уже не содержат в своем названии слова *Целлариус* и являются соответственно немецко-латинско-французско-русским и русско-немецко-латинским словарями, построенными в алфавитном порядке.

Значение словарей Ф. Гёльтергофа для Российской империи XVIII столетия трудно переоценить. В первую очередь, они стали столь необходимыми учебными пособиями для преподавания немецкого языка как в самом Императорском Московском университете, так и других учебных заведениях России, светских и духовных. Во-вторых, они сняли острейшую потребность в словарях в российском обществе, ориентированном в своем развитии на западные страны и культуры. И, кроме того, для жителей самих этих стран «… они являлись отражением духовной культуры русского народа и показателем языковой самобытности Российской Империи, выполняя, таким образом, миссию распространителей языка далекой страны среди немецкоязычного населения» [Ершова, 2012, с. 58].

Грамматика Ф. Гёльтергофа и ее предшественницы

Потребностями преподавания немецкого языка в Императорском Московском университете было продиктовано и издание Ф. Гёльтергофом в 1770 году одной из самых успешных грамматик немецкого языка в России в XVIII веке: «Немец-

кая грамматика, в которой не токмо все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, в пользу российскаго юношества издана учителем немецкаго языка, в Московском Императорском университете господином Гельтергофом» [Гёльтергоф, 1770]. На протяжении 59 лет эта работа выдержала десять изданий (со второго по девятое соответственно 1770, 1775, 1784, 1791, 1804, 1807, 1814, 1817 гг.), последнее, десятое, вышло в 1829 году [Гёльтергоф, 1829]. При этом шесть из них вышли при жизни автора в разных издательствах и разного объема, что несомненно говорит о стремлении автора довести свое детище до совершенства.

Как свидетельствует немецкая исследовательница К. Кох, количество разнообразных пособий по изучению немецкого языка увеличивалось в течение XVIII века, достигнув своего максимума к его концу, причем грамматик немецкого языка было очень мало: в период с 1700 по 1724 гг. было издано две грамматики, с 1725 по 1749 гг. – всего одна, с 1750 по 1774 гг. – три, в последнюю четверть века – уже семь грамматик [Koch, 2002, с. 269].

Так, в 1713 году в Берлине увидела свет небольшая по объему, всего 120 страниц, «Немецкая грамматика, собранная из различных авторов» (нем. *Die deutsche Grammatica, aus unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht und der in Deutschland studirenden russischen Nation zum besten in einem Compendio herausgegeben von Charmyntes*) [Frisch, 1713]. Появившаяся небольшим тиражом и предназначенная для учившихся там русских студентов, эта грамматика сравнительно редко упоминается в исследовательской литературе.

К. Кох убедительно доказала, что *Charmyntes* (Шарминт или Кармint) – это не фамилия автора или составителя, а псевдоним, впрочем, даже не зафиксированный ни в одном из списков псевдонимов авторов XVIII века. Составителем этой грамматики, по мнению исследовательницы, мог быть известный в Берлине преподаватель, работавший с российскими учащимися. В качестве такового она называет И. Л. Фриша (нем. Johann Leonhard Frisch; 19.03.1666 – 21.03.1743), работавшего в гимназии у Серого Монастыря (нем. zum Grauen Kloster) и с 1705 года обучавшего немецкому языку детей высшей российской знати [Koch, 2002, S. 218–219].

В 1730 году в типографии Академии Наук была опубликована немецкая грамматика М. Шванвица [Шванвиц, 1730]. Ее полное название «Немецкая грамматика из разных авторов собрана и россииской юности в пользу издана от учителя немецкаго языка при Санкт Петербургскои гимназии» определенно свидетельствует о ее компиляционном характере и лингводидактической направленности. Эта грамматика, общий объем которой более чем в три раза превосходил объем ее предшественницы (413 страниц), издавалась шесть раз (1730, 1734, 1745, 1762, 1791, 1802 гг.), став одним из популярнейших учебных пособий в России в XVIII веке [Филиппов, 2019, с. 334–335].

Ее составитель М. Шванвиц (нем. Martin Schwanwitz; ум. 25.10.1740) приехал в Санкт-Петербург в 1718 году и работал переводчиком, преподавателем, а впоследствии ректором гимназии при Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Следует отметить, что он не имел высшего образования: его востребованность в Российской империи как человека, знающего и способного преподавать немецкий язык, привела к интереснейшему парадоксу: он «... являл собой классический пример ученого-автодидакта. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что он был, прежде всего, практиком – чиновником, переводчиком, преподавателем, корректором. Его теоретические воззрения формировались в процессе работы. Этим, возможно, и объясняется популярность его грамматики в XVIII в. Шванвиц был близок к учащимся, он не только знал действительный уровень их знаний, умений и навыков, но и хорошо представлял условия быта академических студентов и кадетов Шляхетского корпуса» [Карева, Пивоваров, 2020, с. 483].

Сравнение грамматики М. Шванвица с грамматикой Шарминта (И. Л. Фриша) вполне естественно свидетельствует о сходстве их структуры и терминологии [Карева, Пивоваров, 2019а, с. 21–24], что, в свою очередь, было обусловлено общностью источников, лежавших в их основе. По сути дела, оба пособия, преследовавшие практические цели обучения российских учащихся немецкому языку, были пересказом и адаптацией существовавших к тому времени практических грамматик немецкого языка.

В 1760 году в Санкт-Петербурге была опубликована «Немецкая грамматика: Сочиненная в пользу и употребление благороднаго юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе», составленная профессором этого учебного заведения, выпускником Лейпцигского университета И. М. Гречем (нем. Johann Ernst Gretsch;

13.10.1709 – 18.09.1760) [Греч, 1760]. Эта книга, представлявшая собой переработку грамматики немецкого языка знаменитого немецкого языковеда, известного как нормализатора немецкого языка И. К. Готшеда (нем. Johann Christoph Gottsched; 2.02.1700 – 12.02.1766) «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst»*, начиная со второго издания выходила уже под названием «Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для ползы и употребления российскаго благороднаго юношества напечатанная» [Греч, 1769]. На русский язык эта грамматика была переведена Е. С. Харламовым (29.07.1734 – 22.12.1785), писателем и переводчиком, выпускником, а впоследствии – преподавателем и директором типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

Следующей предшественницей грамматики Ф. Гёльтергофа была выпущенная в 1762 году в недавно открытом Императорском Московском университете «Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов, в пользу российскаго юношества, переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Императорского Московскаго университета немецкой синтаксической класс» [Агентов, 1762]. Об её авторе, М. И. Агентове, сведения, к сожалению, весьма немногочисленны и противоречивы (см., например [Половцов, 1896, с. 56]). Годом его рождения называется обычно 1740, годом смерти – 1769 или после 1780 года. Выпускник Московского университета, он около двух лет *совершенствовался в немецком языке* в Кёнигсбергском университете и по возвращении оттуда в возрасте 22 лет (!) составил вышеназванную грамматику, которая впоследствии выдержала еще два переиздания – в 1779 и 1789 гг. Разумеется, ожидать от вчерашнего студента какого бы то ни было самостоятельного труда не стоило, так что эта грамматика была нечем иным, как в значительной степени повторением – практически слово в слово – уже существовавших грамматик М. Шванвица и И. М. Греча [Koch, 2002, s. 238].

Впрочем, роль самого И. К. Готшеда и его грамматики немецкого языка в истории отечественной лингвистики может объясняться не только авторитетом этого крупного ученого, но и некоторыми обстоятельствами иного характера: именно по его рекомендации 21 июля 1757 года лектором немецкого языка в Московском университете стал его ученик И. Г. Рейхель (нем. Johann Gottfried Reichel; 02.02.1727 – 25.10.1778) [Шевырёв, 1855в, с. 340–348]. Другим лектором немецкого языка стал университетский приятель первого Х. Г. Кельнер (нем. Christian Gottlieb Köllner; 1729 – 25.02.1760) [Шевырёв, 1855б, с. 403–404].

Грамматика Ф. Гёльтергофа, в отличие грамматик И. Л. Фриша, М. Шванвица, И. М. Греча и М. И. Агентова, имела ряд особенностей, которые называют современные отечественные исследователи: во-первых, это целый ряд «... метатекстовых включений, помогающих читателю в освоении сложного содержания» [Филиппов, 2019, с. 335], во-вторых, попытка «... использовать ... складывающуюся русскую грамматическую терминологию, используемую М. В. Ломоносовым и А. А. Барсовым» [Дюбо, 2023, с. 122]. Тем не менее, нельзя не отметить близость, если не сказать, сходство этих пяти грамматик как по форме, так и по содержанию.

Интересной особенностью этой грамматики, непосредственно связанной с ее практическим назначением, является наличие вопросов к каждому из параграфов этой работы (с обязательным указанием этого параграфа). Кроме того, в каждом из ее разделов мы находим значительное количество грамматических таблиц с парадигмами склонения и спряжения. В конце каждого теоретического раздела автором предлагаются практические упражнения со значительным количеством языковых форм, предназначенные для тренировки усвоения материала. Примеры нередко представляют собой связные тексты. Приложение к грамматике содержит примеры текстов на немецком языке (проза, поэзия, письма) [Гёльтергоф, 1784, с. 275–360].

Заключение

Как можно убедиться, Франц Гёльтергоф сыграл весьма интересную роль в становлении лексикографии и грамматики немецкого языка в Российской империи в XVIII веке. Будучи преподавателем немецкого языка сначала в гимназии, а затем в университете, он отчетливо понимал необходимость донесения лексикографического и грамматического материала немецкого языка до *российского юношества*, изучающего этот язык. Имея в своем распоряжении немногие, не удовлетворявшие его по разным показателям труды своих предшественников, он предпринял важный шаг в создании собственных работ, сыгравших в дальнейшем важную роль в развитии отечественной лингвистики.

Описание грамматического строя немецкого

языка, особенно его морфологии и синтаксиса, и создание значительного количества переводных дву- и многоязычных словарей, адресованных как российским гражданам, так и немцам, делающим первые шаги на новой родине, и в самом широком смысле – всему полилингвальному российскому обществу, явились крупным достижением Ф. Гёльтергофа. Эти труды отражали насущные потребности Российской империи XVIII века и стали предметом дальнейшего совершенствования в отечественном языкознании уже XIX столетия.

Библиографический список

1. Агентов М. И. Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов, в пользу российскаго юношества, переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Имп. Московскаго университета немецкой синтаксической класс. Москва: Унив. тип., чрез факт[ора] Гоиера, 1762. [8], 196, [2] с.

2. [Вейсман Э.] Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатию издан; [Перевели на русский язык И.И. Ильинский, И.П. Сатаров и И.С. Горлицкий]. St. Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 с.

3. Гёльтергоф Ф. Немецкая грамматика, в которой не токмо все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, / В пользу российскаго юношества издана учителем немецкаго языка, в Московском императорском университете. [Москва]: Печатан при Императорском Московском университете, 1770. 276 с.

4. Гёльтергоф Ф. Немецкая грамматика, в которой не токмо все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, / В пользу российскаго юношества издана учителем немецкаго языка, в Московском Императорском Университете. Третее издание, с пополнением многих полезных примеров, из лучших Немецких авторов. В Москве, 1784. [6], 360 с.

5. Гёльтергоф Ф. Немецкая грамматика, в которой не токмо все части речи, или произведение слов, но и синтаксис, или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены: В пользу рос. юношества изд. б. учителем нем. яз. в Моск. имп. ун-те, г. Голтергофом. 10-е изд., с доп. многих полез. примеров из лучших нем. авт. Санкт-Петербург: типография И. Глазунова, 1829. [2], 591 с.

6. Гёльтергоф Ф. Немецкой Целлариус, или Полезной лексикон,: = Полезной лексикон Из котораго без великаго труда, и наискоряе нужнейших немецкаго языка слов научиться можно. [Москва]: Печатан при Императорском Московском университете, 1765. [4], 368 с.

7. Гёльтергоф Ф. Реестр российских слов из краткаго немецкаго Целляриева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный. [Москва]: Печатан при Императорском Московском университете, 1767. 136 с.

8. Гёльтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон = Этимологической российской лексикон купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологиею, / Изданный м[агистром] Франциском Гелтергофом, немецкаго языка лектором в Имп. Московском университете. [Москва]: Печатан при Императорском Московском университете, 1771. [16], 656 с.

9. Гёльтергоф Ф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / изд. Франциском Гелтергофом, профессором публ. экстр. в Имп. Моск. ун-те. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1778. Ч. 1. 1778а. [8], 338 с.

10. Гёльтергоф Ф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / изд. Франциском Гелтергофом, профессором публ. экстр. в Имп. Моск. ун-те. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1778. Ч. 2. 1778б. [2], 339–942, [1] с.

11. Гёльтергоф Ф. Сокращенной четыреязычной словарь: А имянно на немецком, латинском, французском и российском языках: В пользу юношества этимологическаго класса: С предисловием о кратком, легком и приятном способе учения, / Сочинил м[агистр] Франциск Гелтергов немецкаго языка лектор. [Москва]: При Имп. Моск. ун-те, [1776]. 96, [1] с.

12. Гёльтергоф Ф. Французской Целлариус, или Полезной лексикон, Из котораго без великаго труда и наискоряе нужнейшим французскаго языка словам научиться можно : С приложением реестра по алфавиту российских слов = Полезной лексикон. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1769. [10] с., 5–668 стб., [159] с.

13. Геннади Г. Н. Гёльтергоф, Франц (Hölterhof) // Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 г. / Сост. Григорий Геннади. Т. 1: А – Е. Берлин: В типографии Розенталя и Комп., 1876. С. 203.

14. Греч И. М. Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для ползы и употребления российскаго благороднаго юношества напечатанная. Вторым тиснением. В Санктпетербурге: при Морском шляхетном кадетском корпусе, 1769. [2], 421, [1] с.

15. Греч И. М. Немецкая грамматика: Сочиненная в пользу и употребление благороднаго юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. [Санктпетербург] : Печ. в тип. онагож Корпуса, 1760. [2], 394 с.

16. Дюбо Б. А. Лингводидактическая деятельность Ф. Гельтергофа и особенности обучения языку гернгутеров // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. XX: «Германистика: контуры, доминанты, перспективы» («Germanistik im Fokus»). Нижний Новгород: Нижегородский государственный

лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2023. С. 115–133.

17. Евгений (Болховитинов Е. А.) Гелтергоф (Франциск) // Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич) Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Сочинение митрополита Евгения; Издание Москвитянина. Москва: В университетской типографии, 1845. Т. 2. С. 110–111.

18. Ершова Е. О. Лексикографические работы Ф. Гелтергофа и Э. Вейсманна в распространении русского языка за пределами России // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. Т. 1. С. 58–61.

19. Карева Н. В., Пивоваров Е. Г «Немецкая грамматика» М. Шванвица (1730): исторический контекст, предшествующая традиция, современная рецепция // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 479–508.

20. Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. Первая в России грамматика немецкого языка: история создания и источники // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019а. Т. 18, № 4. С. 18–28.

21. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с. [Серия «Герценовская антология»]

22. Макеева В. Н. Адъюнкт Академии наук В. Е. Адодуров // Вестник АН СССР «Вестник РАН». 1974. № 1. С. 110–117.

23. Половцов А. В. Агентов, Михаил Иванович // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко / Т. 1. Аарон – император Александр II. 1896. С. 56.

24. Половцов А. В. Гельтергоф, Франц (Hölterhof) // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко / Т. 4. Гааг – Гербель. 1914. С. 383–384.

25. Филиппов К. А. Метатекстовые особенности немецких грамматик в России XVIII века // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 1 (817). 2019. С. 328–341.

26. Целларий К. Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом = Краткой латинской лексикон. Москва: В Синодальной типографии, 1810. [2], 480, 186, [2] с.

27. Шванвиц М. Немецкая грамматика / из разных авторов собрана и россиискои юности в пользу издана от учителя немецкаго языка при Санкт Петербургскои гимназии. [Санкт-Петербург]: напечатана в типографии Академии наук, 1730. [2], 413, [1] с.

28. Шевырёв С. П. Гельтергоф, Франциск // Шевырёв С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. В 2-х ч. 1855а. Ч. I. С. 191–192.

29. Шевырёв С. П. Келлнер, Христиан Готтлиб // Шевырёв С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. В 2-х ч. 1855б. Ч. I. С. 403–404.

30. Шевырёв С. П. Рейхель, Иоганн Готфрид // Шевырёв С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. В 2-х ч. 1855в. Ч. 2. С. 340–348.

31. Gadebusch F. K. Franz Hölterhof // Gadebusch F. K. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung von Friederich Konrad Gadebusch, Justizbürgermeister der kaiserlichen Stadt Dörpat. 1. Th. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1777. S. 84–85.

32. Cröger E. W. Geschichte der erneuerten Brüderkirche. Band 2: Erste Periode. 1722–1760. Die ältere Gemeinzeit bis zu dem Heimgang des Grafen von Zinzendorf. 2. Abteilung 1722–1760: Die Zeit weiterer Ausbreitung und Ausbildung der evangelischen Brüdergemeinden, als der erneuerten Brüderkirche oder Brüder-Unität 1741–1760. Gnadau: im Verlag der Buchhandlung der evangelischen Brüder-Unität bei H. L. Menz / Leipzig: in den Brüdergemeinen und bei E. Kummer, 1853. VIII, 408 S.

33. [Frisch J. L.] Die deutsche Grammatica, aus unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht und der in Deutschland studirenden russischen Nation zum besten in einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. [Berlin] : [s. n.], 1713. 120 S.

34. Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2002. XVIII, 456 S.

35. Recke J. F., Napiersky K. E. Hölterhof (Franz) // Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 2: G–K. Mitau: bey Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1829. S. 315–316.

36. Weissmann E. Latino-Germanicum Lexicon in quo Latinitatis Prisca et Pura, hoc est Vocabulorum I. Genuinae Origines ; II Propria et Tropica significatio ; III. Classico-Phraseologica applicatio ; IV. Realis in Proverbiis et Sententiis usus EX Probatissimis Lexicographis et Aureo Chiliadum opere Erasmi: iussu superiorum Würtembergicis exterisque Scholis in commodum, Methodo ad docendum perspicua, explicatur. Stuttgart: Gedruckt und verlegt durch

Johann Weyrich Rößlin, 1673. [12] Bl., 1178 S., [91] Bl.

Reference list

1. Agentov M. I. Kratkaja nemeckaja grammatika, sobrannaja iz raznyh avtorov, v pol'zu rossijskago junoshestva, perevodchikom Mihajlom Agentovym, obuchajushhim v Gimnazii Imp. Moskovskago universiteta nemeckoj sintaksicheskoj klass. Moskva : Univ. tip., chrez fakt[ora] Goiera, 1762. 196 s.

2. [Vejsman Je.] Nemecko-latinskij i russkij leksikon: Kupno s pervymi nachalami ruskago jazyka k obshhej pol'ze / pri Imp. Akademii nauk pechatiju izdan; [Pereveli na russkij jazyk I.I. Il'inskij, I.P. Satarov i I.S. Gorlickij]. St. Petersburg : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 s.

3. Gjol'tergof F. Nemeckaja grammatika, v kotoroj ne tokmo vse chasti rechi ili proizvedenie slov, no i sintaksis ili sochinenie slov, oba nadlezhashhimi primerami ob#jasneny / V pol'zu rossijskago junoshestva izdana uchitelem nemeckago jazyka, v Moskovskom imperatorskom universitete. [Moskva]: Pechatan pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1770. 276 s.

4. Gjol'tergof F. Nemeckaja grammatika, v kotoroj ne tokmo vse chasti rechi ili proizvedenie slov, no i sintaksis ili sochinenie slov, oba nadlezhashhimi primerami ob#jasneny / V pol'zu rossijskago junoshestva izdana uchitelem nemeckago jazyka, v Moskovskom Imperatorskom Universitete. Tretee izdanie, s popolneniem mnogih poleznyh primerov, iz luchshih Nemeckih avtorov. V Moskve, 1784. [6], 360 s.

5. Gjol'tergof F. Nemeckaja grammatika, v kotoroj ne tokmo vse chasti rechi, ili proizvedenie slov, no i sintaksis, ili sochinenie slov, oba nadlezhashhimi primerami ob#jasneny / V pol'zu ros. junoshestva izd. b. uchitelem nem. jaz. v Mosk. imp. un-te, g. Goltergofom. 10-e izd., s dop. mnogih polez. primerov iz luchshih nem. avt. Sankt-Peterburg : tipografija I. Glazunova, 1829. [2], 591 s.

6. Gjol'tergof F. Nemeckoj Cellarius, ili Poleznoj leksikon,: = Poleznoj leksikon Iz kotorago bez velikago truda, i naiskorjae nuzhnejshih nemeckago jazyka slov nauchit'sja mozhno. [Moskva] : Pechatan pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1765. [4], 368 s.

7. Gjol'tergof F. Reestr rossijskih slov iz kratkago nemeckago Celljarieva leksikona vybrannyj i po alfavitu raspolozhennyj. [Moskva] : Pechatan pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1767. 136 s.

8. Gjol'tergof F. Rossijskoj Cellarius, ili Jetimologicheskoj rossijskoj leksikon = Jetimologicheskoj rossijskoj leksikon kupno s pribavleniem inostrannyh v rossijskom jazyke vo upotreblenie prinjatyh slov, takozh s sokrashhennoju rossijskoju jetimologieju / Izdannyj m[agistrom] Franciskom Geltergofom, nemeckago jazyka lektorom v Imp. Moskovskom universitete. [Moskva] : Pechatan pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1771. [16], 656 c.

9. Gjol'tergof F. Rossijskij leksikon po alfavitu s nemeckim i latinskim perevodom = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / izd. Franciskom Geltergofom, professorom publ. jekstr. v Imp. Mosk. un-te. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1778. Ch. 1. 1778a. [8], 338 s.

10. Gjol'tergof F. Rossijskij leksikon po alfavitu s nemeckim i latinskim perevodom = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / izd. Franciskom Geltergofom, professorom publ. jekstr. v Imp. Mosk. un-te. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1778. Ch. 2. 1778b. [2], 339–942, [1] s.

11. Gjol'tergof F. Sokrashhennoj chetyrejazychnoj slovar': A imjanno na nemeckom, latinskom, francuzskom i rossijskom jazykah: V pol'zu junoshestva jetimologicheskago klassa: S predisloviem o kratkom, legkom i prijatnom sposobe uchenija / Sochinil m[agistr] Francisk Geltergov nemeckago jazyka lektor. [Moskva] : Pri Imp. Mosk. un-te, [1776]. 96, [1] s.

12. Gjol'tergof F. Francuzskoj Cellarius, ili Poleznoj leksikon, Iz kotorago bez velikago truda i naiskorjae nuzhnejshim francuzskago jazyka slovam nauchit'sja mozhno : S prilozheniem reestra po alfavitu rossijskih slov = Poleznoj leksikon. [Moskva] : Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1769. [10] s., 5–668 stb., [159] s.

13. Gennadi G. N. Gjol'tergof, Franc (Hölterhof) // Gennadi G. N. Spravochnyj slovar' o russkih pisateljah i uchenyh, umershih v XVIII i XIX stoletijah i Spisok russkih knig s 1725 po 1825 g. / sost. Grigorij Gennadi. T. 1: A – E. Berlin : V tipografii Rozentalja i Komp., 1876. S. 203.

14. Grech I. M. Gotshedova nemeckaja grammatika, vnov' ispravlennaja, i dlja polzy i upotreblenija rossijskago blagorodnago junoshestva napechatannaja. Vtorym tisneniem. V Sanktpeterburge: pri Morskom shljahetnom kadetskom korpuse, 1769. [2], 421, [1] s.

15. Grech I. M. Nemeckaja grammatika: Sochinennaja v pol'zu i upotreblenie blagorodnago junoshestva pri Suhoputnom shljahetnom kadetskom korpuse. [Sanktpeterburg] : Pech. v tip. onagozh Korpusa, 1760. [2], 394 c.

16. Djubo B. A. Lingvodidakticheskaja dejatel'nost' F. Gel'tergofa i osobennosti obuchenija jazyku gernguterov // Russkaja germanistika: Ezhegodnik Rossiĭskogo sojuza germanistov. Vyp. XX: «Germanistika: kontury, dominanty, perspektivy» («Germanistik im Fokus»). Nizhniĭ Novgorod: Nizhegorodskiĭ gosudarstvennyĭ lingvisticheskiĭ universitet im. N. A. Dobroljubova, 2023. S. 115–133.

17. Evgenij (Bolhovitinov E. A.) Geltergof (Francisk) // Evgenij (Bolhovitinov Evfimij Alekseevich) Slovar' russkih svetskih pisatelej, sootechestvennikov i chuzhestrancev, pisavshih v Rossii / Sochinenie mitropolita Evgenija; Izdanie Moskvitjanina. Moskva: V universitetskoj tipografii, 1845. T. 2. S. 110–111.

18. Ershova E. O. Leksikograficheskie raboty F. Geltergofa i Je. Vejsmanna v rasprostranenii russkogo jazyka za predelami Rossii = Lexicographic works of F. Hölterhof and E. Weismann in promoting the Russian language outside Russia // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3. T. 1. S. 58–61.

19. Kareva N. V., Pivovarov E. G «Nemeckaja grammatika» M. Shvanvica (1730): istoricheskij kontekst, predshestvujushhaja tradicija, sovremennaja recepcija = «German Grammar» by M. Schwanwitz (1730): historical con-

text, prior tradition, modern reception // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 479–508.

20. Kareva N. V., Pivovarov E. G. Pervaja v Rossii grammatika nemeckogo jazyka: istorija sozdanija i istochniki = The First Russian grammar of the German language: history of creation and sources // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2019a. T. 18, № 4. S. 18–28.

21. Kozyrev V. A., Chernjak V. D. Leksikografija russkogo jazyka: vek nyneshnij i vek minuvshij = Lexicography of the Russian language: the present century and the past century : monografija. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2015. 631 s. [Serija «Gercenovskaja antologija»]

22. Makeeva V. N. Ad#junkt Akademii nauk V. E. Adodurov = Adjunct at the Academy of Sciences V.E. Adodurov // Vestnik AN SSSR «Vestnik RAN». 1974. № 1. S. 110–117.

23. Polovcov A. V. Agentov, Mihail Ivanovich = Agentov, Mikhail Ivanovich // Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovcova. Moskva : Tipografija G. Lissnera i D. Sovko / T. 1. Aaron – imperator Aleksandr II. 1896. S. 56.

24. Polovcov A. V. Gel'tergof, Franc (Hölterhof) = Hölterhof, Franz // Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovcova. Moskva : Tipografija G. Lissnera i D. Sovko / T. 4. Gaag – Gerbel'. 1914. S. 383–384.

25. Filippov K. A. Metatekstovye osobennosti nemeckih grammatik v Rossii XVIII veka = Metatextual characteristics of German grammars in XVIII century Russia // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 1 (817). 2019. S. 328–341.

26. Cellarij K. Hristofora Cellarija Kratkoj latinskoj leksikon c rossijskim i nemeckim perevodom = Kratkoj latinskoj leksikon. Moskva : V Sinodal'noj tipografii, 1810. [2], 480, 186, [2] s.

27. Shvanvic M. Nemeckaja grammatika = German grammar / iz raznyh avtorov sobrana i rossiiskoi junosti v pol'zu izdana ot uchitelja nemeckago jazyka pri Sankt Peterburgskoi gimnazii. [Sankt-Peterburg]: napechatana v tipografii Akademii nauk, 1730. [2], 413, [1] s.

28. Shevyrjov S. P. Gel'tergof, Francisk = Hölterhof, Francis // Shevyrjov S. P. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imperatorskogo Moskovskogo universiteta, za istekajushhee stoletie, so dnja uchrezhdenija janvarja 12-go 1755 g., po den' Stoletnego Jubileja janvarja 12-go 1855 g., sostavlennyj trudami professorov i prepodavatelej, zanimavshih kafedry v 1854 g., i raspolozhennyj po azbuchnomu porjadku. V 2-h ch. 1855a. Ch. I. S. 191–192.

29. Shevyrjov S. P. Kellner, Hristian Gottlib = Kellner, Christian Gottlieb // Shevyrjov S. P. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imperatorskogo Moskovskogo universiteta, za istekajushhee stoletie, so dnja uchrezhdenija janvarja 12-go 1755 g., po den' Stoletnego Jubileja janvarja 12-go 1855 g., sostavlennyj trudami professorov i prepodavatelej, zanimavshih kafedry v 1854 g., i raspolozhennyj po azbuchnomu porjadku. V 2-h ch. 1855b. Ch. I. S. 403–404.

30. Shevyrjov S. P. Rejhel', Iogann Gotfrid = Reichel, Johannes Gottfried // Shevyrjov S. P. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imperatorskogo Moskovskogo universiteta, za istekajushhee stoletie, so dnja uchrezhdenija janvarja 12-go 1755 g., po den' Stoletnego Jubileja janvarja 12-go 1855 g., sostavlennyj trudami professorov i prepodavatelej, zanimavshih kafedry v 1854 g., i raspolozhennyj po azbuchnomu porjadku. V 2-h ch. 1855v. Ch. 2. S. 340–348.

31. Gadebusch F. K. Franz Hölterhof // Gadebusch F. K. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung von Friederich Konrad Gadebusch, Justizbürgermeister der kaiserlichen Stadt Dörpat. 1. Th. Riga : bey Johann Friedrich Hartknoch, 1777. S. 84–85.

32. Cröger E. W. Geschichte der erneuerten Brüderkirche. Band 2: Erste Periode. 1722–1760. Die ältere Gemeinzeit bis zu dem Heimgang des Grafen von Zinzendorf. 2. Abteilung 1722–1760: Die Zeit weiterer Ausbreitung und Ausbildung der evangelischen Brüdergemeinden, als der erneuerten Brüderkirche oder Brüder-Unität 1741–1760. Gnadau: im Verlag der Buchhandlung der evangelischen Brüder-Unität bei H. L. Menz. Leipzig : in den Brüdergemeinen und bei E. Kummer, 1853. VIII, 408 S.

33. [Frisch J. L.] Die deutsche Grammatica, aus unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht und der in Deutschland studirenden russischen Nation zum besten in einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. [Berlin] : [s. n.], 1713. 120 S.

34. Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2002. XVIII, 456 S.

35. Recke J. F., Napiersky K. E. Hölterhof (Franz) // Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 2: G–K. Mitau : bey Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1829. S. 315–316.

36. Weissmann E. Latino-Germanicum Lexicon in quo Latinitatis Prisca et Pura, hoc est Vocabulorum I. Genuinae Origines ; II Propria et Tropica significatio ; III. Classico-Phraseologica applicatio ; IV. Realis in Proverbiis et Sententiis usus EX Probatissimis Lexicographis et Aureo Chiliadum opere Erasmi: iussu superiorum Würtembergicis exterisque Scholis in commodum, Methodo ad docendum perspicua, explicatur. Stuttgart : Gedruckt und verlegt durch Johann Weyrich Rößlin, 1673. [12] Bl., 1178 S., [91] Bl.

Статья поступила в редакцию 22.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 22.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 81`23
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-112
EDN: AJOJJR

Телевизионные титры как текст-вербализатор категории вежливости

Ирина Михайловна Доронина
Кандидат филологических наук, старший преподаватель института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, института лингвистического и педагогического образования, Московский институт электронной техники. 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1
doronina.im@gmail.com, http:orcid.org/0009-0004-7326-8064

Аннотация. В работе исследуются телевизионные титры как элемент вербализации вежливости в медиапространстве. Отмечается, что в контексте российской практики отсутствуют единые требования к оформлению титров, что часто приводит к разночтениям и критике со стороны специалистов-работников телевидения. В 2021 году автором был проведен ряд глубинных интервью, в ходе которых поднимался вопрос о целесообразности распространенной практики ускорения конечных титров, что может восприниматься как неуважение к авторам и зрителям, стремящимся получить больше информации о программе. Мнения экспертов варьируются от поддержки тенденции замедлять показ титров, которая была представлена в отклоненном на данный момент российском законопроекте «о титрах», до сомнений в ее целесообразности.

В статье представлены рекомендации по созданию титров от компании BBC, где строгие указания подчеркивают их важность как знака благодарности создателям видеоконтента.

Сравнение с зарубежной практикой показывает, что западные медиасистемы более вежливо относятся к титрам, рассматривая их как часть вербального выражения признательности. Концепция титров как элемента коммуникативной этики становится центральной в анализе, подчеркивая необходимость учитывать интересы как создателей видеопродукта, так и зрителей.

В завершение статьи внимание акцентируется на необходимости выработки норм и правил в области создания титров в Российской Федерации для улучшения понимания их значимости адресатом и адресантом. Автор предлагает рассматривать титры как способ выражения вежливости и подчеркивает ценность человеческого труда в создании видеоконтента.

Ключевые слова: телевизионные титры; видеоконтент; субтитры; конечные титры; категория вежливости; благодарности; закон о титрах

Для цитирования: Доронина И. М. Телевизионные титры как текст-вербализатор категории вежливости // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 112–123. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-112. https://elibrary.ru/AJOJJR

Original article

Television credits as a text-verbalizer of the politeness category

Irina M. Doronina
Candidate of philological sciences, senior lecturer at the institute of high-tech law, social sciences and humanities, institute of linguistic and pedagogical education, Moscow institute of electronic technology. 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina sq., 1
doronina.im@gmail.com, http:orcid.org/0009-0004-7326-8064

Abstract. The paper examines television credits as an element of verbalizing politeness in media space. It is noted that in the context of russian practice there are no unified requirements for the design of credits, which often leads to misunderstandings and criticism on the part of television professionals. In 2021, the author conducted a series of in-depth interviews, during which the question arose regarding the justification of the common practice to speed up the end credits, which may be regarded as a lack of respect for the authors and viewers who wish to learn more about the program. Experts' opinions range from support for the tendency to slow down the credits, which was presented in the Russian draft law «on credits» that has been rejected so far, to doubts about its expediency. The article presents recommendations from the BBC on how to design credits, where strict instructions emphasize their importance as a sign

© Доронина И. М., 2025

of appreciation to video content creators. A comparison with foreign practice shows that Western media systems treat credits more respectfully, considering them as part of a verbal expression of gratitude. The concept of credits as an element of communicative ethics becomes central to the analysis, emphasizing the need to take into account the interests of both the video product creators and the audience. At the end of the article, the author focuses on the need to develop certain norms and rules in the field of creating credits in the Russian Federation in order to improve the understanding of their significance by the addresser and the addressee. The author suggests considering credits as a way of expressing respect and emphasizing the value of human labor in creating video content.

Key words: TV credits; video content; subtitles; end credits; category of politeness; gratitude; the law on credits

For citation: Doronina I. M. Television credits as a text-verbalizer of the politeness category. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):112–123. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-112. https://elibrary.ru/AJOJJR

Введение

Ряд ученых считает, что вербализация вежливости напрямую связана с речевым этикетом [Соколова, 2021], который «определяется <…> как инструмент для реализации продуктивного межличностного общения в соответствии с этическими нормами общества с учетом той или иной ситуации общения» [Власян, 2010, с. 6]. Вербализация вежливости может проявляться не только в речевом (фонетическом) аспекте, но и в письменном тексте: в нашем случае – в тексте на экране, в котором может быть заключена не только информация о создателях видеоконтента, но и отдельные виды благодарностей:

1. Финансирующим организациям (фонды, спонсоры, государственные учреждения и др.);
2. Специальным гостям, консультантам;
3. Владельцам съемочных площадок;
4. Семьям и друзьям (часто благодарят близких людей за поддержку в процессе работы над фильмом);
5. Производителям важного для создания контента оборудования;
6. Волонтерам и др.

На данный момент единых норм постановки титров в программу / фильм (любой видеоконтент) в Российской Федерации нет, а есть лишь рекомендации, которые редко соблюдаются [Рекомендации по оформлению…, 2021; ПТЭ-2002, 2022]. Например, отклоненный на данный момент законопроект «о титрах» [Жданов…], который предлагал пересмотреть практику ускоренных титров в эфире (проявить уважение к адресатам, которые хотят успеть их прочитать, и к авторам – создателям видеоконтента) вызвал немало негативных реакций [Законопроект № 1024918-7…].

Методы исследования

В связи с неясной нормативной базой для постановки титров в 2021 году мы вынесли этот вопрос на обсуждение с привлеченными экспертами – практиками телевидения [Доронина, 2022, с. 176–196].

В интервью были заданы вопросы, насколько необходимо ускорять конечные титры и не является ли это неуважением к авторам и тем зрителям, которые хотят узнать больше о программе (фильме) после ее (его) просмотра. Есть ли возможность реанимировать законопроект «о титрах», учитывая современное состояние индустрии?

Результаты исследования

Эксперты разделились во мнениях относительно ускоренных титров, при этом основной недостаток, как правило, заключался в невежливом отношении к создателям контента и зрителям, которые хотят узнать информацию о сценаристах, студиях анимации, музыкальном сопровождении и др. Это мнение поддерживает известная российская актриса Мария Авдеева (имя изменено по просьбе продюсера). Она отметила, что *титры должны отображаться с комфортным для восприятия хронометражем, так как зрители часто не понимают, что началась новая программа* из-за слишком быстрого прокручивания телевизионного текстового блока.

Режиссер Александр Замыслов считает, что *ускорение титров является вынужденной мерой*, поскольку «финальные титры никто не смотрит».

Телевизионный продюсер Елена Степанищева полагает, что *законопроект «о титрах» имел больше негативную направленность*, нежели позитивную: значительная часть телевизионного контента финансируется рекламодателями, а собственные средства компании, как правило, ограничены. Е. Степанищева подчеркивает, что *сохранение рекламного места за счет ускорения титров не только позволяет создавать больше интересного контента, но и открывает возможность создавать больше рабочих мест* для тех, кто в титрах упоминается.

Кастинг-директор Елена Шмакова считает ненужным показ полных версий титровых блоков,

предлагая *создать специальный ресурс для размещения информации из титров*, который, впрочем, также будет интересен лишь для профессионалов.

Сергей Коршунов, режиссер, указывает на то, что *принятие законопроекта «о титрах» не уменьшило бы количество рекламы* – она просто чаще бы появлялась во время телепередач. Он также считает, что *увеличение времени показа титров отвлечет зрителей от основного эффекта фильма (передачи)*, так как частые рекламные блоки не способствуют вовлечению в контент.

Анализ поисковых запросов по теме «законопроект о титрах» показывает, что российские зрители не готовы воспринимать текстовую информацию на экране в той мере, как это предполагается авторами [Доронина, 2025]. На наш взгляд, законопроект «о титрах» не будет повторно инициирован до тех пор, пока не будет разработана соответствующая нормативная база, обязывающая создателей видеоконтента указывать в титрах те или иные должностные позиции, а также время, которое нужно выделять для их чтения.

Сравнение с зарубежными источниками показывает, что западные медиакомпании уделяют больше внимания созданию титров и выражению благодарности участникам производства. Например, на одном из американских сайтов подчеркивается, что телевизионные титры представляют собой в первую очередь благодарность всем причастным к созданию программы [USLegal / airSlate Legal Forms, Inc....], информативность этих блоков вторична.

Старейшая телевизионная компания BBC имеет даже ряд внутренних руководств по созданию титров, и политика компании рекомендует соблюдать баланс между отражением творческого вклада создателей и желанием избежать негатива со стороны зрителей из-за длительного показа титров. Внутренние документы BBC содержат, например, такие указания:

– Высота букв должна составлять не менее 40 пикселей;

– Горизонтальные скроллеры разрешены только для спортивных и развлекательных шоу в прямом эфире;

– Конечные титры должны быть выровнены по центру и, по возможности, содержать визуально интересную графику или живое действие без нарушения целостности программы.

В то же время руководство BBC допускает сокращение времени показа конечных титров в пользу рекламы, однако это не освобождает редакторов от ответственности за размещаемую информацию в титрах, которая должна быть «достаточной».

Постановка текста в видеоконтент осуществляется согласно официальным внутренним документам компании.

Приведем выдержки из этого документа (Таблицы 1, 2 представлены на оригинальном языке; перевод таблиц на русский язык представлен в работе [Доронина, 2022, с. 171–176]).

Opening and Closing Credits

Opening Credits: This section provides information on what categories may be used in Opening Credits.

Note that opening credits may not credit the commissioning channel (e. g. «BBC ONE presents...»).

Programme-makers may choose from the following list of credits only.

Note: Words in round brackets are optional; words in square brackets and sub-headings should not appear on screen.

Таблица 1

Opening Credits

Opening Credits	**Credits that can be used**
Title	[programme title]
[and selection from the following, where appropriate]	
Performers	(Cast) [main characters only] Starring [main characters only] Commentary by / Commentator Introduced by Presented by / Presenter Narrated by / Narrator
Writers, creators, formats etc.	Adapted by Based on an original idea by Based on the book by By Devised by / Deviser Dramatised by Format devised by From an idea by Screenplay by Series created by / Series creator Series devised by / Series deviser Written by / Writer
Production / Editorial	Producer / Produced by Director / Directed by
[Only credits for performers may appear also in closing credits]	

Closing Credits: This section provides information on what categories may be used in Closing Credits. Programme-makers may choose from the following list of credits only.

Note: Words in round brackets are optional; words in square brackets and sub-headings should not appear on screen.

Таблица 2

Closing Credits

Performers	(Cast) Cast/ Performers (in order of appearance) Commentary by / Commentator Guest(s) / Panellist(s) / Participant(s) Introduced by Presented by / Presenter Narrated by / Narrator Reconstruction Cast (for drama documentaries – only if the drama recon is substantive and speaking)	
Advice / Consultants	Adviser(s) / Programme Adviser(s) Consultant(s) / Programme or Series Consultant(s) [subject] Adviser(s) / Consultant(s) [e. g.] Historical Adviser(s) / Medical Consultant(s) Technical Adviser(s)	
Combined credits	Adapted and Directed by Devised and Produced by Directed and Edited by Narrated and Produced by Produced and Directed by Written and Directed by Written and Narrated by Written and Produced by	
Crafts Please refer to the Choice of Credits in the Credits A – Z PDF	Animation	Animation (sequences) [if significant in programme]
	Camera	Aerial Photography Camera Operator Camera(s) Camera Supervisor Clapper Loader Director of Photography [for major productions] Film Camera Focus Puller Grip Location Camera(s) Photography Steadicam Operator Studio Camera(s)
	Costume	Costume Design / Designer Costumes Dresser Wardrobe
	Design	Art Director Assistant Art Director (only in major productions) Design / Production Design(er) Designed by / Designer Production Buyer Properties / Props Buyer Properties / Property Master Set Designers
	Design (Theatrical productions only)	Stage Designer Stage Director Stage Lighting Stage Production
	Floor & Studio Management	Assistant Floor Manager Floor Manager(s) Stage Manager
	Graphics & Still Photography	Graphic Design / Designer / Graphics Opening Titles Stills Photography or Stills Photographer [only if stills included in the programme] Rostrum Camera
	Lighting	Best Boy Lighting Lighting Director Lighting Gaffer / Gaffer Television lighting [when there is also a stage lighting credit]
	Make-up	Make-up (Hair) Make-up Artist Make-up Design
	Outside Broadcasting	Outside Broadcast / OB Cameras Outside Broadcast / OB Lighting Outside Broadcast / OB Sound
	Post Production	[Film & Video] Assistant Film Editor (only in major productions) Film Editor / Editing On-line Editor / Editing Off-line Editor / Editing Picture Editor / Editing Telecine Video Editor / Editing Colourist [Sound] Assistant Editor

		Mixer [General] Post Production Co-ordinator
	Sound	Boom Operator Film Sound Location Sound Sound Effects Sound Recordist Sound Supervisor Studio Sound Television Sound [when an SB with radio]
	Special effects	Special Effects
	Vision mixing and visual effects	Video Effects Vision Mixer Visual Effects
Editorial and Production	Editorial	Assistant Editor (for major productions) Deputy Editor Edited by / Editor Script Editor Script Supervisor Series Editor Story Editor Television Presentation by
	Production	Assistant director ([including] 1st, 2nd, 3rd) [for major productions] Assistant Producer Associate Producer Casting Casting (Director) [for major productions] Co-producer Continuity Directed by / Director Executive Producer (for BBC) Location Manager Outside Broadcast / OB Director Produced by / Producer / Production Production Accountant Production Associate Production Coordinator Production Executive [For major productions at BBC's discretion] Production Manager Production Secretary Production Team Programme Associate Series Producer Studio Director Unit Manager
Engineering	Communications Electrician(s) Engineering Engineering Coordinator Engineering Manager Resources Coordination / Coordinator Technical Coordinator Transmission Manager Video Supervisor	
Facilities	BBC Resources Voting (system) [Name of supplier or name of individual, not both]	
Producers may only credit facilities, such as post-production houses, if this represents an outstanding creative contribution. Such credits may include the name(s) of the individuals(s) or the name of the organisation, but not both. Credits cannot be given in exchange or waived or a reduced fee, or for any other benefit or advantage. The supply of basic facilities, e. g. studios does not merit a credit.		
Journalism	Correspondent Journalist Reporter	
Locations	Filmed at / in [e. g. name of property, town]	
[If a producer judges that it would be of interest to the audience to know the name of a location used in a programme, and it is not apparent within the programme itself., it may be identified in end credits. Such references cannot be given in exchange for a waived or a reduced facility fee, or for any other benefit or advantage. Where a location is given, the name must appear in the same style as the rest of the credit sequence. Location owners' names, logos or house colours cannot be used.]		
Music and dance	Choral Director / Direction Choreography Chorus Master / Mistress Composer Conductor(s) / Conducted by Incidental music (by) / (composed by) Leader Libretto Music Adviser Music Arranged by / Music Arranger Music by Music Composed by / Music Composer Music(al) Associate Musical Director Orchestrations (by) Original Music (composed by) Score Reader Songs composed and performed by Sung by Title music [name] Title music (composed) by Title song performed by / sung by Music and lyrics Vocal arrangements(s)	

Sources of programme material	Archives [followed by list of sources] BBC Information and Archives With thanks to The BBC wishes to thank [for major productions]
Research	Question Setter Research / Researcher [subject] Research / Researcher (s) [e. g.] contestant research, celebrity research, film research, historical research, picture research
Specialisms	Armorer Cartoonist Stunts Stunt Arranger Stunt Coordinator Translation (by)
Websites	Normally the website should be quoted as bbc.co.uk/sitename (where «sitename» is the relevant programme or category site e. g. bbc.co.uk/eastenders) however BBC THREE and CBBC programmes have special requirements See Credit Guidance for information
With thanks Please refer to the Credits A – Z PDF	With thanks to The BBC wishes to thank [for major productions]
Writers, creators, formats etc.	Adapted by Based on an original idea by Based on the book by By Devised by / deviser Dramatised by Format devised by From an idea by Screenplay by Series created by / series creator Series devised by / series deviser Written by / writer
[not if already in opening credits]	

Присутствие такого масштабного перечня наименований профессий создателей видеоконтента и сопутствующей информации в титрах зарубежные исследователи мотивируют тем, что титры – это простой способ дать телезрителю ответы на главные вопросы о картине: Как? Почему? Где? Кто? Когда? Что? [G. Stanitzek]. Из титров можно узнать не только имена и фамилии участников съемочного процесса, но и название прозвучавшей музыки, место действия, причины выбора локаций, указания для отдельных групп лиц, например, с ОВЗ (в некоторых передачах приводятся и такие данные).

При внимательном изучении перечня профессий в Таблицах 1 и 2 можно заметить тенденцию: очередность профессий идет по степени вовлеченности в проект. И в начальных, и в конечных титрах первым указывается актерский состав, затем – комментаторы (если они есть), далее – название компании, дирекция, режиссерская группа и т. д. В конце, как правило, выражаются благодарности («The BBC wishes to thank…») и делаются специальные пометки [Доронина, 2022].

На наш взгляд, такая информация может качественно расширить кругозор зрителя, притом, как правило, вся информация в титрах верифицирована. Из данных Таблицы 2 следует, что в титры нельзя попасть за деньги или исключить из них какой-то пункт за деньги.

Большинство европейских и американских режиссеров поддерживают значение таких экстралингвистических факторов. Однако нередки случаи, когда для сохранения драматического начала видеоматериалов создатели настаивают на том, чтобы начальные титры были перенесены внутрь фильма (программы), или вообще ограничиваются конечными титрами.

Примером может быть фильм «Звездные войны» («StarWars», реж. Дж. Лукас, 1977), который впоследствии был выпущен под названием «Звездные войны. Эпизод IV: Новая надежда».

Режиссер «Звездных войн» Джордж Лукас в 1977 году, пойдя против Гильдии режиссеров, отказался от начальных титров (оставив лишь логотипы компаний «LUCASFILM» и «Century 21») и использовал вместо них отложенный лид – историю, отраженную на экране креолизованным текстом, начиная со статичного «A long time ago in a galaxy far far away…» (Давным-давно, в далекой-далекой галактике...) и заканчивая текстом, уходящим вдаль: «It is a period of civil war. Rebel spaceships, striking from a hidden base, have won their first victory against the evil Galactic Empire...» (Это период гражданской войны. Космические корабли повстанцев, нанесшие удар со скрытой базы, одержали свою первую победу над злой Галактической империей…).

Интересно, что изначально Лукас хотел в «Звездных войнах» экранизировать историю Флэша Гордона – героя комиксов 1930-х гг., фанатом которого режиссер считал себя с детства. «Несмотря на поддержку своего друга, режиссера Фрэнсиса Форда Копполы (уже прославившегося двумя „Крестными отцами”), Лукасу не удалось выкупить права на персонажа. Не оставляя надежды приблизиться к успеху культового персонажа, Лукас принялся изучать, что же

вдохновляло авторов „Флэша Гордона", и нашел истоки „Флэша Гордона" в „марсианском" цикле книг Эдгара Берроуза, создателя Тарзана. В свою очередь на Берроуза оказал влияние роман „Лейтенант Гулливар Джонс", написанный Эдвином Арнольдом в 1905 году и ставший одним из первых бестселлеров т. н. жанра планетарной фантастики» [«В далекой-далекой галактике»: что вдохновило Джорджа Лукаса на создание «Звездных войн»?]. В итоге в фильме «Звездные войны» Джордж Лукас все-таки позаимствовал кое-что у «Флэша Гордона»: один из знаковых атрибутов своей саги – «ползущие» титры (рисунок 1).

Рисунок 1. Лукас позаимствовал у «Флэша Гордона» (слева) один из знаковых атрибутов своей саги «Звездные войны» (справа) – «ползущие» титры

Прием такого оформления – без фамилии, но с «ползущими» «историческими» титрами – стал тенденцией, которую Лукас пытался сохранять во всех сериях «Звездных войн». Однако Гильдия режиссеров не поддержала это решение и оштрафовала Лукаса (и режиссера-постановщика Ирвина Кершнера) почти на 250 000 долларов [TIL George Lucas was fined $250,000…] за то, что он не представил в начальных титрах самого себя и главных создателей картины (считалось, что в этом режиссерском замысле проявилось неуважение к людям, которые хотели знать информацию о создателе фильма, и к самим создателям (в данном случае – неуважение Лукаса к Лукасу)). Итогом спора стало то, что Лукас заплатил все штрафы, но от идеи убрать начальные титры отказался, а вместе с тем отказался и от членства в Гильдии сценаристов, Гильдии режиссеров и Американской ассоциации кинематографистов (что в дальнейшем помешало ему принять участие в создании более поздних экранизациях «Звездных войн»).

Примеров разнообразных вариантов «ввода телезрителей в сюжет», кроме «отложенного» (как у Лукаса), много. Однако крупные производящие компании до сих пор чаще (из уважения к тем, кто создавал картину) все-таки оставляют начальные титры, ведь телевизионный контент является средством коммуникации, и он создан *людьми* для *людей*. Используя титры как способ вербализации вежливости, режиссеры могут принципиально рассказать о ценности *человека* – как по эту, так и по ту сторону экрана.

Как ранее отмечалось, количество создателей видеоматериалов может исчисляться сотнями, не считая тех, кто, например, по причине «серого» договора или неправильной номинации профессии в титры вообще не попал.

Координатор Высшей школы DFG (Немецкого научно-исследовательского сообщества) А. Зонс [Zons A. «Thank You for Reading the Credits» Anmerkungen zur filmischen Danksagung] с сожалением пишет о том, что многие создатели видеопродуктов часто остаются невидимыми только потому, что они не работают на камеру. При этом он отмечает, что если бы абсолютно всех участников съемочного процесса большого кино можно было перечислить по имени, то титры заняли бы больше места, чем сам фильм. Но ведь и создание титров – достаточно сложный процесс, отмечает он, и если к нему грамотно подойти, то будет видно, что чем больше людей вовлечено в фильм, тем легче адресату вникнуть в детали. Зонс подчеркивает, что титры часто используются как способ вербализации вежливости: они могут быть неинтересны обычным зрителям, но важны для создателей видеоконтента, так как могут означать, например, открывающиеся перспективы дальнейшего сотрудничества для производителей видеоконтента.

Критика практического применения продолжительных по времени конечных титров нередко обосновывается тем, что эта часть эфира не является кинематографической, она просто «портит» особую «кинематографическую среду» (как начальные титры для «Звездных войн», в трактовке Лукаса). Но, по мнению Зонса, эта проблема легко решается, в частности грамотным подбором шрифта, чтобы «огромная масса имен не заставила фильм потеряться».

Немецкий литературовед Г. Стэнициг отмечает, что немецкая теория кино достаточно долго характеризовалась отвращением к титрам. «Названия фильмов рассматривались как несовершенная кинематографическая форма», – говорил он. Такое неприятие, по его мнению, было связано с особенностями академического менталитета. Фильмы воспринимались лишь как аналоговый носитель, «распространяющий характер своего предшественника, фотографии, на движущиеся изображения. Но эта концепция должна быть пересмотрена в контексте новой эры СМИ <…>. Фильм следует понимать как смешанную

среду, а письмо – как одну из его обычных форм выражения» [Stanitzek, 2006, s. 88]. Ученый проводит интересную аналогию между кинематографическими титрами и литературными аннотациями. Стэницигпишет, что в то время, когда в книге можно в любой момент прочитать всю необходимую информацию об авторе, редакторе и авторских правах, в видеоматериалах часто наблюдается лишь «скользящий переход к благодарственному упоминанию» [Stanitzek, 2006, s. 88]. В книге же благодарность может найти свое место в совершенно разных позициях. «Предисловие, сноска, послесловие, … даже посвящение может принять благодарственный характер» [Stanitzek, 2006, s. 89].

На телевизионных экранах к такой манере благодарить привыкли не все адресанты, но мы нашли пример в кинематографе, когда автор постарался угодить всем и сделал это с учетом природной способности человека воспринимать титры в качестве вербального элемента телевизионного поликодового текста [Доронина, 2018].

В начале фильма «Битва у Ла-Платы» («The Battle of the River Plate», реж. М. Пауэлл, Э. Прессбургер, 1956 г.), сразу после монументального вступления «The rang organization – a British film made at Pinewood studios, London, England» и логотипа производственной компании Майкла Пауэла и Эмерика Прессбургера, отдельным блоком идут титры: «There are hundreds of invisible people behind every film. Behind this one there are thousands. We would like to thank them collectively, for if we named them all, there would be no room for the film. But we would like to single out for especial thanks the following: The Board of admiralty, The royal New Zealand Navy, The Indian Navy, The Uruguayan Navy, the British Merchant Navy…» (За выпуском каждого фильма стоят сотни людей. За этим – стоят тысячи. Мы хотим поблагодарить их всех одновременно, потому что если называть каждого, то не останется места на сам фильм. Однако нам хотелось бы выразить особую благодарность Адмиралтейству, Королевскому Новозеландскому флоту, Флоту Индии, Флоту США, Флоту Уругвая, Британскому торговому флоту…). После этих титров на экране появляется название и представление главных героев, но титры с благодарностями продолжают идти фоновым планом – они читаемы, движутся с комфортной скоростью (рисунок 2).

Рисунок 2. Титры к фильму «The Battle of the River Plate», 1956 г.

Этот пример является одним из редких случаев, когда начальные титры идут более двух минут – в двух читабельных текстовых блоках, но при этом находятся в границах одного экрана. При желании «фоновые» титры могут быть легко прочитаны и интерпретированы. Вариативность, выбор для читающего текст с экрана дает право полагать, что данный прием не может восприниматься как отвлекающая информационная избыточность [Гавриш, 2024], а лишь показывает желание адресата подчеркнуть значение перечисленных пунктов.

Возможно, по причине того, что авторы видеоконтента не всегда готовы жертвовать рекламным временем, чтобы в доступной для чтения форме выразить благодарность тем, кто работал над созданием фильма (особенно в начальных титрах), в истории российского и советского кинематографа примеров такого титрования нам найти не удалось. Это мнение подтверждается и неоднозначным отношением российского телевизионного сообщества к отклоненному законопроекту «о титрах».

Между тем и в нашей стране, и во всем мире, чтобы привлечь интерес зрителей к тому, что написано в продолжительном по времени блоке конечных титров, адресанты часто прибегают к креолизованному тексту, оформленному различными приемами анимации, музыкой или кадрами, не вошедшими в фильм (бэкстейдж). Такие титры нередко являются объектом авторского права и настоящим шедевром анимации (большое коичество таких титров представлено на сайте «Art of the Title» [www.artofthetitle.com…].

«Розовая пантера» (1963);

«Чужой» (1979);

«Семь» (1997);

«Поймай меня, если сможешь» (2002);

«Оружейный барон» (2005);

«Хранители» (2009);

«007: Координаты Скайфолл» (2012) и др.

В дискуссиях, которые были инициированы осенью 2021 г., этот вопрос обсуждался с акцентом на том, что определенные приемы (интерактивные элементы, минимализм, кинетическая

типографика и др.) действительно могут задержать адресата у экрана во время показа конечных титров, но только в том случае, если они грамотно срежиссированы.

Шеф-редактор Елена Ковалёва напомнила, что прием, когда титры обыгрываются анимацией или кадрами со съемок, широко используют и зарубежные, и отечественные создатели видеоконтента, потому что бэкстейдж всегда привлекает зрителя. «Использование для бэкстейджа площадки титров удобно с точки зрения экономии времени и вполне гармонично в финале фильма / передачи», – говорит эксперт. Однако такой формат подачи титров теряет свою содержательную сторону: «Внимание зрителей всегда завоевывает «картинка», а не текст». Актриса Мария Авдеева поддерживает мнение, что практика введения бэкстейджа во время демонстрации титров привлекает зрителя. А вот Елена Шмакова относится к обыгрыванию конечных титров «спокойно», и в этом ее поддерживает Александр Замыслов, который, впрочем, говорит, что финальные титры, «вписанные в эстетику фильма, инкрустированные в видеоряд… гораздо лучше, чем просто титры на черном фоне, если мы не говорим о какой-то особой идее автора – создавать такие титры».

Исполнительный продюсер Елена Степанищева в контексте дискуссии обратила внимание на то, что уходить «с титров» в кинотеатре – невежливо (так же, как убегать из театра во время финального приглашения артистов на сцену для аплодисментов). «Просматривая титры, вы показываете уважение к команде. По этой причине часто в конце фильма ставят какой-то специальный кадр, бэкстейдж, чтобы удержать зрителя».

Сергей Коршунов уверен, что простого зрителя всегда привлекут финальные титры, если они интегрированы в какой-то мультфильм или оформлены очень качественной музыкой. «В этом случае даже фамилии человек читает. Сложно не остаться посмотреть титры, например, к „Розовой пантере", которые идут под знаменитую композицию Генри Манчини».

Привлечь внимание к тексту конечных телевизионных титров можно не только с помощью креолизованного текста или бэкстейджа. Знаменитый американский фильм «Горячие головы» («Hot Shots!», реж. J. Abrahams, 1991 г.) создавался как пародия на еще один популярный фильм – «Лучший стрелок» («Top Gun», реж. Anthony David «Tony» Scott, 1986 г.). В пародируемом фильме конечные титры имеют продолжительность более 4 минут и при этом начинаются на последнем кадре фильма. Транслируются титры с приемлемой для чтения скоростью под динамичный саундтрек «Mighty Wings» американской рок-группы «Cheap Trick». Мы подсчитали и зафиксировали, что в титрах этой картины указано 184 позиции участников (подсчет без указания имен), в числе которых – несколько блоков благодарностей (рисунок 3) и названий музыкальных треков, используемых в фильме.

Рисунок 3. Фрагмент конечных титров к фильму «Top Gun», 1986 г.

Авторы пародии на «Лучшего стрелка» («Горячие головы») поддержали жанр пародии в конечных титрах: прокрутка титров тоже начинается на финальном кадре. Однако после пяти первых блоков с именами авторов прокрутка уходит в черное поле, и в кадре появляется неожиданный для титров текст с рецептом начинки для пирожных. Использованием этих титров авторы добиваются того, что впоследствии зритель будет следить за всем текстом четырехминутного блока конечных титров, ожидая дополнительных неожиданных текстовых вставок. В титры к фильму «Горячие головы» вошли также рекомендации «О чем можно задуматься после просмотра фильма?» и подробный рецепт мягких булочек. В финальном кадре титров в этой пародийной картине оказалась надпись: «Если бы вы покинули кинотеатр, когда начались эти титры, вы бы сейчас были дома» (рисунок 4).

Рисунок 4. Фрагмент конечных титров к фильму «Hot Shots!», 1991 г.

Возможно, такими развлекательными вставками авторы комедии «Горячие головы» решили выразить благодарность зрителям за потраченное на просмотр титров время. Однако не всегда режиссерская задумка «развлечь» положительно оценивается зрителем.

Выводы

Вербализация вежливости напрямую связана с речевым этикетом и может проявляться как в устном, так и в письменном аспекте коммуникации, в том числе в телевизионных титрах. В России отсутствуют единые нормативные требования к оформлению титров, что приводит к разрозненной практике постановки титров: ускоренной прокрутке титров, удалению титров из видеоконтента – невежливому отношению к создателям видеоконтента и зрителям, желающим ознакомиться с информацией в титрах.

Анализ зарубежного опыта (на примере BBC) показал, что крупные медиакомпании подходят к вопросу создания титров более ответственно, уделяя внимание вербализации благодарности и вежливому отношению к участникам производства. Примеры из мирового кинематографа демонстрируют, что режиссеры используют титры как способ вербализации вежливости, стремясь отразить вклад всех участников создания видеоконтента.

Для привлечения внимания зрителей к информации в титрах практикуется использование креолизованного текста, анимации, бэкстейджа, минимализма, типографских приемов, что, однако, не всегда способствует сохранению содержательной стороны титров.

Несмотря на тенденцию к сокращению времени титров, ряд экспертов считает, что уважительное отношение к создателям видеоконтента должно проявляться в предоставлении возможностей для ознакомления с информацией в титрах.

Библиографический список

1. «Битва у Ла-Платы» («The Battle of the River Plate», реж. М. Пауэлл, Э. Прессбургер, 1956, Великобритания, Pinewood Studios).

2. «В далекой-далекой галактике»: что вдохновило Джорджа Лукаса на создание «Звездных войн»? / Русская служба «Голоса Америки» // Голос Америки. 04.05.2021. URL: https://www.golosameriki.com/a/star-wars-source-of-inspiration/5431359.html (дата обращения: 27.09.2021).

3. Власян Г. Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2010. № 3. С. 29–39.

4. Гавриш А. Д., Гуляева Е. В., Компанеева Л. Г. Характеристики современного научно-популярного дискурса // Филология: научные исследования. 2023. № 10. С. 37-49. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.44163

5. «Горячие головы» («Hot Shots!», реж. J. Abrahams, 1991, США, InterCom и FandangoNow).

6. Доронина И. М. Вербальные характеристики титров в современном телевизионном медиадискурсе. 2022. 196 с.

7. Доронина И. М. Тележурналистика. Вербальная коммуникация посредством титров : учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург : Лань, 2025. 168 с. ISBN 978-5-507-50003-1.

8. Доронина И. М. Титры как вербальный элемент поликодового телевизионного текста // Жизнь языка в культуре и социуме – 7 : материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 1–2 июня 2018 г.) / ответственный ред. Е. Ф. Тарасов. Москва : Издательство «Канцлер», 2018. С. 211–212.

9. Жданов А. Закон о титрах: и целой минуты много // Телеспутник. URL: https://telesputnik.ru/materials/content/news/zakon-o-titrakh-i-tseloy-minuty-mnogo/ (дата обращения: 11.06.2021).

10. Законопроект № 1024918-7 «О внесении изменения в Федеральный закон „О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» (в части установления особенностей показа фильмов)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024918-7 (дата обращения 18.09.2024)

11. «Звездные войны» («Star Wars», реж. Дж. Лукас, 1977, США, 20th Century Fox).

12. «Лучший стрелок» («Top Gun», реж. Anthony David «Tony» Scott, 1986, США, «Paramount Pictures» и «FandangoNow»).

13. ПТЭ-2002. Правила эксплуатации технических средств телевидения и радиовещания : [в 3 ч.]. Ч. 1: Телевидение : приняты и введены в действие Приказом Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций от 2002 г.: взамен ПТЭ-82 / разработаны Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт телевидения и радиовещания» (АО ВНИИТР) // База нормативных документов : сайт / АНО «Радиочастотный центр МО». URL: 169 http://rfcmd.ru/sphider/docs/tv/PTE-2002_part1_TV.htm (дата обращения: 14.02.2022).

14. Рекомендации по оформлению и переводу субтитров на русский язык // Энциклопедия переводчиков TED. 08.07.2021. URL: https://translations.ted.com/Рекомендации_по_оформлению_и_переводу_субтитр ов_на_русский_язык (дата обращения: 11.08.2021).

15. Соколова Н. Л. Вербальный акт вежливости: корреляция с речевым этикетом (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnyy-akt-vezhlivosti-korrelyatsiya-s-rechevym-etiketom-na-materiale-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 18.09.2024).

16. Art of the Title. Заглавие статьи. URL: www.artofthetitle.com (дата обращения: 20.12.2024).

17. Opening and closing credits // BBC Official site. Cop. 2021. URL: https://downloads.bbc.co.uk/commissioning/site/Opening_and_closing_Credits.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

18. Production and delivery. Credits and branding // BBC Official site. Cop. 2021. URL: https://www.bbc.co.uk/delivery/creditsbranding-trademarks (дата обращения: 15.08.2021).

19. Stanitzek G. Das Buch zum Vorspann. «The Title is a Shot» / A. Böhnke, R. Hüser, G. Stanitzek. Berlin : Vorwerk 8, 2006. 184 p.

20. Stanitzek G. Reading the Title Sequence (Vorspann, Générique) / G. Stanitzek, N. Aplevich // Cinema Journal. Baltimore : JHU Press, 2009. Vol. 48(4) P. 44–58. doi:10.1353/cj.0.0142.

21. Stanitzek G. Schrift im Film (Vorspann): Was ist das Problem? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2006. B. 36. S. 88–111. https://doi.org/10.1007/BF03379534.

22. USLegal / airSlate Legal Forms, Inc. Cop. 1997–2021. URL: https://uslegal.com (дата обращения: 15.08.2021)

23. Zons A. «Thank You for Reading the Credits» Anmerkungen zur filmischen Danksagung // Dank sagen: Politik, Semantik und Poetik der Verbindlichkeit / R. Bunia, A. Zons, N. Binczek, T. Dembeck. Paderborn : Wilhelm Fink, 2013. S. 171–184. https://doi.org/10.30965/9783846756690_015.

Reference list

1. «Bitva u La-Platy» = «The Battle of the River Plate» («The Battle of the River Plate», rezh. M. Paujell, Je. Pressburger, 1956, Velikobritanija, Pinewood Studios).

2. «V dalekoj-dalekoj galaktike»: chto vdohnovilo Dzhordzha Lukasa na sozdanie «Zvezdnyh vojn»? = «In a galaxy far, far away»: what inspired George Lucas to create Star Wars? / Russkaja sluzhba «Golosa Ameriki» // Golos Ameriki. 04.05.2021. URL: https://www.golosameriki.com/a/star-wars-source-of-inspiration/5431359.html (data obrashhenija: 27.09.2021).

3. Vlasjan G. R. Razlichnye podhody k opredeleniju lingvisticheskoj vezhlivosti = Different approaches to defining linguistic politeness // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3. S. 29–39.

4. Gavrish A. D., Guljaeva E. V., Kompaneeva L. G. Harakteristiki sovremennogo nauchno-populjarnogo diskursa = Characteristics of contemporary popular scientific discourse // Filologija: nauchnye issledovanija. 2023. № 10. S. 37-49. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.44163

5. «Gorjachie golovy» = «Hot Shots!» («Hot Shots!», rezh. J. Abrahams, 1991, SShA, InterCom i FandangoNow).

6. Doronina I. M. Verbal'nye harakteristiki titrov v sovremennom televizionnom mediadiskurse. = Verbal characteristics of credits in contemporary television media discourse. 2022. 196 s.

7. Doronina I. M. Telezhurnalistika. Verbal'naja kommunikacija posredstvom titrov : uchebnoe posobie dlja vuzov. = Television journalism. Verbal communication through credits : textbook for universities. Sankt-Peterburg : Lan', 2025. 168 s. ISBN 978-5-507-50003-1.

8. Doronina I. M. Titry kak verbal'nyj jelement polikodovogo televizionnogo teksta = Television journalism. Verbal communication through credits : textbook for universities // Zhizn' jazyka v kul'ture i sociume – 7 : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Moskva, 1–2 ijunja 2018 g.) / otvetstvennyj red. E. F. Tarasov. Moskva : Izdatel'stvo «Kancler», 2018. S. 211–212.

9. Zhdanov A. Zakon o titrah: i celoj minuty mnogo = The law of credits: and a full minute is plenty // Telesputnik. URL: 164 https://telesputnik.ru/materials/content/news/zakon-o-titrakh-i-tseloy-minuty-mnogo/ (data obrashhenija: 11.06.2021).

10. Zakonoproekt № 1024918-7 «O vnesenii izmenenija v Federal'nyj zakon „O gosudarstvennoj podderzhke kinematografii Rossijskoj Federacii» (v chasti ustanovlenija osobennostej pokaza fil'mov)». = Bill No. 1024918-7 «On introducing amendments to the Federal Law 'On State Support for the Cinematography of the Russian Federation' (as regards the regulations for showing films)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024918-7 (data obrashhenija 18.09.2024)

11. «Zvezdnye vojny» = «Star Wars» («Star Wars»), rezh. Dzh. Lukas, 1977, SShA, 20th Century Fox).

12. «Luchshij strelok» = «Top Gun» («Top Gun», rezh. Anthony David «Tony» Scott, 1986, SShA, «Paramount Pictures» i «FandangoNow»).

13. PTJe-2002. Pravila jekspluatacii tehnicheskih sredstv televidenija i radioveshhanija : [v 3 ch.]. Ch. 1: Televidenie : prinjaty i vvedeny v dejstvie Prikazom Ministerstva RF po delam pechati, teleradioveshhanija i sredstv massovyh kommunikacij ot 2002 g.: vzamen PTJe-82 = Rules for operating technical means of television and radio broadcasting : [in 3 parts]. P. 1: Television : adopted and put into effect by the Order of the Ministry of the Russian Federation for Press, TV and Radio Broadcasting and Mass Communications of 2002: replacing PTE-82 / razrabotany Otkrytym akcionernym obshhestvom «Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut televidenija i radioveshhanija» (AO VNIITR) // Baza normativnyh dokumentov : sajt / ANO «Radiochastotnyj centr MO». URL: 169 http://rfcmd.ru/sphider/docs/tv/PTE-2002_part1_TV.htm (data obrashhenija: 14.02.2022).

14. Rekomendacii po oformleniju i perevodu subtitrov na russkij jazyk = Recommendations on the design and translation of subtitles into Russian // Jenciklopedija perevodchikov TED. 08.07.2021. URL: https://translations.ted.com/Rekomendacii_po_oformleniju_i_perevodu_subtitr ov_na_russkij_jazyk (data obrashhenija: 11.08.2021).

15. Sokolova N. L. Verbal'nyj akt vezhlivosti: korreljacija s rechevym jetiketom (na materiale anglijskogo jazyka) = Verbal act of politeness: correlation with speech etiquette (in the English language) // Filologicheskie

nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnyy-akt-vezhlivosti-korrelyatsiya-s-rechevym-etiketom-na-materiale-angliyskogo-yazyka (data obrashhenija: 18.09.2024).

16. Art of the Title. Zaglavie stat'i. = The title of the article. URL: www.artofthetitle.com (data obrashhenija: 20.12.2024).

17. Opening and closing credits // BBC Official site. Cop. 2021. URL: https://downloads.bbc.co.uk/commissioning/site/Opening_and_closing_Credits.pdf (data obrashhenija: 15.08.2021).

18. Production and delivery. Credits and branding // BBC Official site. Cop. 2021. URL: https://www.bbc.co.uk/delivery/creditsbranding-trademarks (data obrashhenija: 15.08.2021).

19. Stanitzek G. Das Buch zum Vorspann. «The Title is a Shot» / A. Böhnke, R. Hüser, G. Stanitzek. Berlin : Vorwerk 8, 2006. 184 p.

20. Stanitzek G. Reading the Title Sequence (Vorspann, Générique) / G. Stanitzek, N. Aplevich // Cinema Journal. Baltimore : JHU Press, 2009. Vol. 48(4) P. 44–58. doi:10.1353/cj.0.0142.

21. Stanitzek G. Schrift im Film (Vorspann): Was ist das Problem? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2006. B. 36. S. 88–111. https://doi.org/10.1007/BF03379534.

22. USLegal / airSlate Legal Forms, Inc. Cop. 1997–2021. URL: https://uslegal.com (data obrashhenija: 15.08.2021)

23. Zons A. «Thank You for Reading the Credits» Anmerkungen zur filmischen Danksagung // Dank sagen: Politik, Semantik und Poetik der Verbindlichkeit / R. Bunia, A. Zons, N. Binczek, T. Dembeck. Paderborn : Wilhelm Fink, 2013. S. 171–184. https://doi.org/10.30965/9783846756690_015.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 24.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 801.52
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-124
EDN: BAUFZM

Универсальные и специфичные лингвокультурологические особенности в паремиологических единицах в разноструктурных языках

Аида Рустамовна Нурутдинова
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
kosta.rika.00.00@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5759-0820

Аннотация. Паремиологические единицы особенно распространены в сравнительно-сопоставительном изучении, поскольку позволяют структурировать на их основе знания и последующее формирование языковых картин мира разных народов. В то же время структурные модели самих пословичных единиц имеют существенные отличия, что объясняется особенностями самого языка и культуры. В статье подчеркивается важность рассмотрения паремиологических единиц для ментальной картины человека. В статье представлены межнациональные, а также культурно значимые и этнически обусловленные наслоения концептов в русской, английской и арабской этнокультурах. По мнению автора, сложно понять ряд явлений культуры без учета семантики, так как многообразные условия существования и национальная специфика приводят к тому, что условно совпадающие концепты в различных культурах символизируют несовпадающие явления. В основе символического значения может лежать архетип, и в данном случае лингвокультурно – национально – специфичным является отношение к сходному содержанию, кодируемому менталитетом. Цель работы заключается в выявлении универсальных и специфичных черт пословиц, основанных на лингвокультурологическом анализе трех разноструктурных языков; а также показано, как язык, отражающий жизненный опыт человека, используется для описания ментального концепта бытовых реалий. На протяжении всей своей истории арабский язык был диглоссным языком, и различают классический (одинаковый во всех странах) и диалектный (отличающийся от страны к стране), что также отражено в паремиологии, в которой существует два вида пословиц: одна – в классическом арабском, другая – в диалектном арабском со всем его разнообразием. Данное исследование основано на выборке, состоящей из значительного количества диалектных пословиц из различных арабских диалектов, что позволяет нам наметить основные характеристики этой категории пословиц. Для достижения цели предпринятого исследования использованы традиционные методы: описательный, лексикографический и сопоставительный лингвокультурологический метод.

Ключевые слова: когнитивная лингвокультурология; паремиология; русский; английский; арабский языки; языковая картина мира; лингвистический анализ; концептосфера

Для цитирования: Нурутдинова А. Р. Универсальные и специфичные лингвокультурологические особенности в паремиологических единицах в разноструктурных языках // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 124–132. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-124. https://elibrary.ru/BAUFZM

Original article

Universal and specific linguocultural characteristics in paroemiological units in heterostructural languages

Aida R. Nurutdinova
Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the department of contrastive linguistics, Kazan (Volga Region) federal university. 420008, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18
kosta.rika.00.00@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5759-0820

Abstract. Paroemiological units are especially common in comparative studies, as they allow to structure knowledge and subsequent formation of different peoples' linguistic worldviews on their basis. At the same time, the structural models of the proverbial units themselves have significant differences, which is explained by the specific features of the language and culture. The article emphasizes that studying paroemiological units is important for the mental picture of a

© Нурутдинова А. Р., 2025

person. The article presents cross-national as well as culturally significant and ethnically conditioned concept layering in Russian, English and Arabic ethnic cultures. According to the author, it is difficult to understand a number of cultural phenomena without taking semantics into account, diverse living conditions and national specificity lead to the fact that conventionally similar concepts in different cultures symbolize mismatched phenomena. The basis of symbolic meaning may be an archetype, and in this case linguoculturally – nationally – specifically will be a relation to a similar content encoded by mentality. The aim of the paper is to identify universal and specific features of proverbs based on linguocultural analysis of three heterostructural languages; and to show how language, reflecting human life experience, is used to describe the mental concept of everyday realities. Throughout its history, Arabic has been a diglossic language and a distinction is made between: classical (the same in all countries), and dialectal (differing from country to country), which is also reflected in paroemiology, where there are two types of proverbs, one in classical Arabic and the other in dialectal Arabic with all its diversity. This study is based on a sample group consisting of a significant number of dialectal proverbs from different Arabic dialects, which makes it possible to outline the main characteristics of this category of proverbs. To achieve the aim of this research the author used traditional methods: descriptive, lexicographic, and comparative linguocultural method.

Key words: cognitive linguoculturology; paroemiology; russian; english; arabic; linguistic worldview; linguistic analysis; concept sphere

For citation: Nurutdinova A. P. Universal and specific linguocultural characteristics in paroemiological units in heterostructural languages. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):124–132. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-124. https://elibrary.ru/BAUFZM

Введение

Паремии рассматриваются как национально-специфичные единицы языка, где особенно актуален лингвокультурологический аспект сопоставительных исследований прежде всего неродственных языков. Кодовые единицы лингвокультуры зафиксированы определенном образом в паремиологическом фонде языка и восстановлены в категориально-аксиологическом анализе на основе интерпретации данного типа языковых структур [Карпова, Карзенкова, Салех, 2023].

За языковым знаком скрывается культурное содержание со свойственными векторами и измерениями культуры. Так с помощью метафор различные культуры кодируют присущие им векторы и измерения. Декодированная метафора в качестве средства выражения культурной ментальности рассматривается как средство языковой трансформации бытия человека по подобию окружающей природы [Давыдова, Егорова, 2020]. Особенности метафорического переосмысления, ироническая позиция, уникальная манера выражения оценочных значений, своеобразие ритмической и фонематической структуры способствуют сохранению неизменной мифологии многих пословиц. Грамматически пословицы могут быть не поняты исходя из отдельных значений и их элементов, тем самым могут вызывать различные чувства, когда рассматриваются как отдельные слова [Quvvatova, 2024].

Паремии невозможно вывести из значений составляющих его слов, которые не всегда означают то, что выражено вербально. В процессе вербализации мировоззрения взаимодействует три компонента: действительность, сознание и язык. Вербализация паремиологических единиц опирается на опосредственную, условную связь с объективной реальностью, они могут осложняться языковыми, социальными, культурными и историческими фактами и содержать различные стилистические особенности в зависимости от исследуемого языка. Различия возникают в семантических системах разноструктурных языках, они отражают сложность объективного пространства, а также значимость отдельных ощущений для народа – носителя языка.

«Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешенными на него ярлыками… Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир, 1993, с. 259]. Именно лингвокультурологический подход, ключевым положением которого является онтологическая и феноменологическая взаимосвязь концептуальной и языковой картин мира, что понимается как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 1997, с.40], представленный знаниями, ассоциациями, переживаниями, выраженным словом.

Лингвистическая специфичность привела к тому, что у людей разные взгляды на мир и ментальная разница не позволяет народам дословно понимать друг друга. Культурные особенности языка проявляются в том, что реально и регулярно говорится на нем в соответствии с культурой ее носителей. К примеру, в культурах с насыщен-

ным контекстом восприятия (это народы Азии и арабского мира), где все окружающее пространство пронизано глубинным смыслом, относятся к «созерцательным», предпочитающим отражать языковыми средствами реально наблюдаемые объекты, явления и процессы, то есть в паремиологических единицах многое подразумевается, но не выражается [Магомедова, Аливалиева, 2023].

Языковые маркеры национального культурного сознания в контексте отдельной лингвокультуры имеют ценностный характер, обусловливающий их мировоззренческий и морально-нравственный ориентир для представителей данного этнокультурного сознания, включающий как когнитивный, так и регулятивный оценочный вектор анализа. В данной работе ставится задача выявить лексико-семантические и морфологические элементы, а также парадигматические и синтагматические отношения, а также показать, как данные отношения отражают значения и как они являются их когнитивной и онтологической лингвистической основой.

Материалы и методы исследования

Существуют глубокие различия между эквивалентными пословицами в сопоставляемых языках, главным образом, из-за религиозных, культурных и социальных факторов [Будильцева, Новикова, 2023]. Таким образом, необходим лингвокультурологический анализ, что позволит рассмотреть не только когнитивную, но и образную сторону русских, английских и арабских пословиц.

Некоторые распространенные пословицы на русском, арабском языке и их английские аналоги могут пролить свет на существенные социокультурные и национальные различия, и для выявления данных различий в разноструктурных языках и отражаемых ими культурных различий используется контрастивный подход [Зиновьева, Алешин, 2022]. В кросс-лингвистическом плане работа рассматривает структурные модели пословичных фрагментов с точки зрения их синтагматических совпадений. Пословичные структуры «лучше А, чем В», «как А, так В», «нет А без В», «если А, то В» находятся в центре внимания данного исследования, целью которого является всесторонний количественный и качественный анализ их проявлений.

Мы проанализировали 255 единиц пословиц, из которых 130 – русские, 68 – английские и 57 – арабские. Они собраны из 12 лексикографических источников методом сплошной выборки, основанной на тематической классификации, предполагающей противопоставление аутентичных и репрезентативных реакций представителей рассматриваемых культурных сообществ. Материалом послужили словари и справочники сопоставляемых языков. Среди первых и старейших книг арабских перемиологов, дошедших до нас, в исследовании использованы: Amṯāl al-ʿarab (аль-Муфа́ддаль ад-Дабби́); Kitāb al-Amṯāl (Абу́ Уба́йд аль-Ка́сим ибн Салла́м); at-tamṯīl wa- l-muḥāḍara (Абу Мансур ʿАбд аль-Малик ибн Мухаммед Халиби); Maǧmaʿ al-amṯāl (Аль-Майдани), которые являются самыми объемными собраниями пословиц на арабском языке [Taymūr Bāšā, 1986].

Результаты

Семантические отклонения в русских, английских и арабских паремиологических единицах способствуют передаче дидактических сообщений, содержащих информацию об образных особенностях восприятия окружающего мира [Chen, 2022]. Использование различных типов семантических отклонений максимизирует передачу культурной / житейской мудрости – «короткое предложение, которое люди часто цитируют, так как оно дает совет или рассказывает что-то о жизни» [Hashem, Muhi, 2021, с. 130-138] и облегчают выполнение дидактических функций пословиц.

Говоря о зарождении арабской паремиологии, следует признать, что в арабской культуре всегда придавалось большое значение смысловой литературе как результату опыта (по-арабски: amṯāl) и мудрости (по-арабски: ḥikam), накопленных пожилыми людьми и выраженных в пословицах [Ṣabrī ʿAbbās, 2012]. Появление языковой разновидности привело к большому разрыву между классическим арабским и диалектным: два языковых типа все больше отличались друг от друга в фонетике, морфосинтаксисе и лексике, пока не достигли уровня, который не позволял простым людям понимать классический арабский, и, следовательно, последний стал привилегией элиты (по-арабски ḫāṣṣa), в то время как простые люди (по-арабски ʿāmma) использовали диалект.

Арабское название пословицы – это лексический элемент (م مث) – عد مف (ال أمث)ع جم), который в основном означает *«паломничество истины».* [Al-Jarf, 1994] или «... пословица – вид литературы, характеризующийся краткостью выражения, удачным выбором смысла, точностью сравнения, качеством метонимии. Нет ни одного народа, который не имел бы пословиц этой категории, и

их преимущество в том, что они исходят буквально от всех слоев народа» [Amīn, 1953, с. 61].

По словам ʿĀbidīn «[...], поговорка не считается народной, если она не исходит от народных масс или не приемлема для них, потому что они считают ее истиной» [Ābidīn, 1956, с. 85]. Однако одним из аспектов, редко упоминаемых арабскими авторами, является использование диалекта, который, по нашему мнению, должен быть существенным элементом. Мы предлагаем следующее рабочее определение, которое, с одной стороны, учитывает тот факт, что текст должен быть диалектным, а с другой – добавляет некоторые особенности, наблюдаемые в различных сборниках: «Популярные арабские пословицы произносятся на разговорном арабском языке, то есть на диалекте, на котором говорят в каждой стране или регионе арабского мира, и отражают образ мышления, убеждения, обычаи и отличительные черты их создателей – простых людей в арабском мире».

Изучая общий, типологически универсальный аспект, присущий арабским пословицам и пословицам других народов, следует выделить два аспекта: во-первых, формальные параметры пословиц, рассматриваемых как языковые явления (относительно изоморфны друг другу; фигурируют в устной / письменной речи), и, во-вторых, логическое и ситуативное содержание высказываний (прямая / переносная).

В пословицах проявляется национальная специфика, отражающая опыт и наблюдения общества на протяжении всей его истории. Пословицы, как и любой другой жанр фольклора, служат хранилищем культурных знаний, отражающих пережитый опыт и столкновения в рамках коллективного сознания того или иного народа.

Но следует отметить, что это лишь внешнее, видимое проявление самобытности нации. Первостепенную важность имеет внутреннее, концептуальное измерение этой национальной специфики, касающееся семантики лексического концепта, естественно, в онтологическом аспекте (то есть в связи с практической функциональностью слова в человеческом дискурсе).

В русской лингвокультурной традиции пословицы связаны с преемственной житейской мудростью, которые являются образным выражением народного творчества [Хефни, 2020]. Как в русской языковой системе, так и у арабоязычных народов, пословицы имеют поэтическую ценность и обобщают мудрость и философию народа.

Русская и арабские паремиологические единицы основаны на религии (язычество, христианство или ислам) и среде обитания (бедуинов в пустыне, казаков в устьях рек и т. д.). Английские паремиологические единицы основаны на греческом и римском наследии, а также пуританстве с его расчетливостью, холодным подходом к решению любых вопросов [Hassanein, 2021]. Данные различия между культурами и, как следствие, языками, привели к специфичным различиям между паремиологическими единицами [Давыдова, Егорова, 2020].

Арабский мир с древних времен переживает ситуацию диглоссии, отражаясь во всех лингвистических и литературных проявлениях. Диглоссия арабского языка подразумевает использование двух регистров: классического арабского и диалектного арабского. О ситуации с диглоссией в арабском мире существует множество работ, среди которых статья Фергюсона, в которой он заявляет: «[...] это один из особых видов стандартизации, когда две разновидности языка существуют бок о бок в сообществе и каждая из них играет определенную роль» [Ferguson, 1959, с. 325]. С точки зрения паремиологии, стало то, что носителям арабских диалектов пришлось создать тип новых пословиц, которые были озвучены на различных диалектах арабского мира, наряду с корпусом пословиц на классическом арабском языке.

Этнические свойства слов в паремиологических единицах играют не последнюю роль, а именно, осуществляют связь с реалиями экстралингвистического мира, в котором живут носители той или иной лингвокультуры, в основе которой лежит универсальный прием антропоморфизации предметов и явлений неживой / живой природы. Концептуализация реальности в соответствии с принятыми в культуре векторами и измерениями воплощает чувство объятия и радушия, которое испытывают бедуины в пустыне, а не чувство враждебности или трудностей, которые часто ассоциируются с пустыней у тех, кто не знаком с этим регионом [Омри, 2022].

– حراء الص ان أحض ى ف [Hana Yafia, Mokrushina, Akhmatshina, 2018] буквально означает «на лоне пустыни», тогда как в английском можно было бы сказать «в центре пустыни» (in the middle of the desert), а на русском – «в сердце пустыни».

– اخ لص ال ذ ية و ب ات ف ي ال بري ة – букв. перевод: «достиг цели и заночевал в пустыне», но общий смысл: «Дело – прежде всего». В русском

и английском языках ей соответствует пословица, которая идентична по семантике: «кончил дело – гуляй смело», «делу время – потехе час», «work hard play hard», «work is done, time for fun».

– اخلص النية ونام في البرية – букв. перевод «искреннее намерение и сон в пустыне»;

– يحجج الجمل والبردعة ويروح بذنب ويجي بأربعة (لا يتوب عن الشر) – букв. перевод «Он спорит с верблюдом и верблюдицей, уходит с одним грехом, а приходит с четырьмя» (не раскаивается в зле).

Приведенные арабские пословицы охватывают множество этнографических сфер, начиная от орудий труда и заканчивая одеждой, и дают исчерпывающее описание географической среды, включая ландшафты, климат, флору и фауну. Они также служат хранилищами воспоминаний, отголосков исторических личностей, древнейших религиозных верований и одновременно дают подробное представление о современном общественном устройстве.

Лингвистический и этнокультурологический анализ картины мира в разноструктурных языках на основе тематико-идеографической систематизации паремий участвует в описании практически всех фрагментов мира. Для выделения социокультурных различий между рассматриваемыми разноструктурными языками можно выделить следующие пословицы:

– خمسة في عيون الحسد – букв. перевод: «пять в глазах завистника» [Makhsudova, Bakirova, 2024]. Пятерка в арабской лингвокультуре символизирует пять пальцев руки, а каждый палец символизирует один из стихов «аятов» из «Суры Аль Фалак» (из Священного Корана), сочетающий в себе ручной обряд, который, как считается, отгоняет зло и зависть [Chaika, Sharmanova, 2021]. Англичане используют выражение «touch the tree» буквально «прикоснуться к дереву», чтобы избежать невезения и отогнать зависть, тогда как в русской лингвокультуре – традиции борьба с завистниками, сглазом и прочими проявлениями негативных чувств выражается посылом к действию: «от серого глаза, от карего глаза, от синего глаза, от черного глаза (говорят, умывая со сглазу)».

Лингвокультурные аспекты языка играют значительную роль в переводе паремий, и считается, что попытки переноса лингвистического значения идиоматических и пословичных выражений с одного языка на другой приводят к искажению смысла [Hassanein, Mahzari, 2021]. Паремии, связанные с культурными терминами, как правило, опускаются при переводе из-за их чуждого характера или заменяются другими элементами [Altohami, Waheed, 2023], которые имеют примерно такое же значение в целевой культуре, если таковые имеются: هليغو رشلا نع دعبا. – букв. перевод: «держитесь подальше от зла и избегайте его»; هعطقا رسج رشلا نيبو كنيب ناك نا قبل ما يعديلك – букв. перевод: «Если между вами и злом есть мост, разрубите его, пока оно не изменило вас»; الجاري في الشر ندمان. – букв. перевод: «Тот, кто сталкивается со злом, сожалеет об этом»; من شاف الشر ودخل عليه يستاهل ما يجرى عليه – букв. перевод «кто видит зло и вступает в него, тот заслуживает того, что с ним делается»; كل واحد له شيطان – букв. перевод: «У каждого есть свой дьявол» [Al-Midani, Abul Fadl].

Язык как система поведения, обусловленная культурой: языковое поведение по аналогии с неязыковым поведением содержит культурно обусловленные признаки и неизбежно развивается под влиянием культуры. Язык как знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и ее социальный символ имеет физическую форму и идеальное значение, однако он соотносится не просто с объектами и процессами окружающего мира, а с явлениями культуры в социальной среде.

В каждом языке существуют связанные с культурой термины и выражения, которые представляют специфичные, а не общие черты, свойственные культуре носителей языка. Единым для различных культур является символическое кодирование ментальности на примере концепта «любовь», «труд», «добро», «зло»:

– مِثْلُ المَاء خَيْرٌ مِنَ المَاء дословно «как вода, но лучше воды»; «Без любви, как без солнца»; Love lives in cottages as well as in courts»;

– عبار العمل خير من عفران العطلة – букв. перевод: «пыль работы лучше, чем шафран безделья» [Al-Midani, Abul Fadl]. В русском языке соответствуют употребительные пословицы: «землю красит солнце, а человека труд», «дерево смотри в плодах, человека в делах»; в английском языке «Actions speak louder than words».

В арабской и русской лингвокультуре считается, что помощь может принести не только пользу, но и вред, и в первую очередь вред будет обращен на того, кто совершил хороший поступок: пословицы, предостерегающие и подчеркивающие, что добро может быть во вред:

– اتق شر من أحسنت إليه. – букв. перевод: «Бойся зла от тех, кому ты делаешь добро»;

– ا ع لمنا والـ شر جانا من ين؟خ ير م – букв. перевод «добру мы научились, а злу – откуда?»;

– خيراً تعمل شراً تلقى – букв. перевод: «добро делаешь, зло получаешь».

Но и в данном ключе происходит не только предостережение, но и эмоциональное воздействие – необходимо опасаться последствий того, что делает человек [Magomedova, Gasanova, 2022]: русский вариант «не делай добра, не получишь и зла»; английский вариант «he that seeks trouble, never misses». Универсальные истины могут рассматриваться с разных сторон, что зависит от менталитета. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей [Серебренникова, 2008]. Например, пословица *«поспешишь – людей насмешишь»* имеет аналог в английской лингвокультуре *«Haste makes waste»* (спешка – пустая трата времени) – подразумевает практический подход и является отражением факта, что, когда человек выполняет какую-либо работу поспешно, он может сделать это неправильно, и, таким образом, возможно, придется делать это заново, что приводит к пустой трате времени и усилий.

Арабские паремии демонстрируют преувеличение и могут пропагандировать зависимость или пассивность, чем предостерегать адресата от неблагоприятных последствий поспешности:

– إِنَّ الْجَوَادَ قَدْ يَعْثُر (породистый конь и тот иногда спотыкается) – ирония судьбы – человек часто терпит самую крупную неудачу именно в том, в чем хорошо разбирается;

– الخَطَأُ زَادُ العَجُول (ошибки – еда торопливого) – «ни удовольствия, ни пользы» – торопливое заглатывание пищи может стать причиной нарушения процесса пищеварения, так же как и суетливость и поспешность в делах.

Восприятие и образность, а также закодированные послания будут восприняты в языковой системе при условии наличия компетенций с инокультурным поведением и тонкими паттернами, общими для изучаемого языка. Паремии составляют и отражают культурную самобытность конкретного общества, и, несмотря на уникальность языков и глубокие различия между культурами, существуют пословицы, которые проливают свет на универсальные истины человеческой жизни,

Обсуждение

Сопоставительные исследования на материале разноструктурных языков, не пересекающихся связями, дают возможность выявить этнически обусловленные особенности, связанные с менталитетом этноса. Без учета семантики сложно понять ряд явлений культуры, как различные условия существования, исторические события, национальная специфика и закрепленность данных явлений в языке приводит к тому, что одинаковы (условно) пословицы в различных культурах символизируют несовпадающие явления, поэтому невозможно свести воедино исторически сложившиеся лингвокультурологические системы.

Сравнительный анализ пословиц показывает, что данные группы имеют сходные назидательные/поучительные характеристики, несмотря на различия в лексико-грамматической структуре и фразеологической образности, тем не менее, обе группы демонстрируют общее фразеологическое понимание. Лингвистическое мировосприятие можно определить как воплощение господствующего мироощущения в языковой форме и в языковых стереотипах.

Мировосприятие носителей арабской культуры с их безграничностью, нелинейностью и многоплановостью функционирует как средство выражения культурной ментальности и одна из форм концептуальной картины мира [Магомедова, Аливалиева, 2023].

Лексико-семантический лингвокультурологический анализ арабских пословиц, отражающий отношения к традициям и верованиям, эмоциям и переживаниям (жизнь, труд, дружба, брак, добро, зло, любовь) показал существенные расхождения в контекстах развития народов, которые обусловлены географическим положением, климатическими условиями, а также различиями в национальных характерах, темпераментах и менталитетах.

Возможные эквиваленты арабских пословиц были определены в русском и английском языках и обозначена их эмоционально-экспрессивная окраска. Следует отметить существенные различие в степени выражения эмоциональных, экспрессивных и оценочных значений.

Заключение

В представленных пословицах можно заметить схожие нравственные идеалы и устремления, что способствует глубокому взаимопонима-

нию и сближению между представителями этих народов. Соответственно, пословицы выступают в качестве как универсальных, так и уникальных ориентиров человеческой деятельности и характеризуются наличием многочисленных интернациональных тем и мотивов, опираясь как на восприятие окружающего мира, так и на особенности менталитета, религиозных убеждений и верований.

Под влиянием исторических и социальных событий менталитет арабов претерпел ряд трансформаций, и формируется лексика и семантика паремических конструкций, позволяющих выявить влияние истории и общества на менталитет. Национальный менталитет проявляется в самых разных формах, включая категорию морали, и может рассматриваться как одно из проявлений общей этнической картины мира. Национальный менталитет воплощается посредством иерархически выстроенной системы ценностей, общей для разных арабских народов. Рассматриваемая система лежит в основе образования паремических единиц как в литературных, так и в региональных формах арабского языка.

Цель настоящей статьи – дать обзор сложного вопроса, однако из-за обширности темы в ней невозможно охватить все аспекты. Тем не менее важно еще раз подчеркнуть, что жизненные сценарии, отраженные в пословицах, неразрывно вплетены в сложившуюся социальную структуру любого общества и формируются под ее влиянием. Пословицы пропитаны нюансами конкретного времени и места их происхождения, представляя собой богатый материал опыта и перспектив, которые повлияли на их формирование. Они служат хранилищем, носителем и средством передачи фундаментальных понятий, которые лежат в основе уникального восприятия и интерпретации окружающего мира, где они действуют, как зеркало, отражая коллективную психику и характер нации.

Значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в существующую этнопсихолингвистическую и лингвокультурологическую работу, посвященную пословицам и вербализации фоновых знаний, поскольку оно дополняет и развивает представления в этой области.

Библиографический список

1. Браташова Э. В. Отражение национального характера в пословицах и поговорках английского и русского языков // Вестник ЧелГУ. 2020. № 1(435). С. 29–38.

2. Будильцева М. Б., Новикова Н. С. Жизнь идиомы – определение актуального корпуса фразеологизмов: опыт экспериментального исследования // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 3. С. 931–945.

3. Давыдова К. В., Егорова О. Н. Декодирование семантического компонента пословиц и поговорок в межкультурном общении // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 2-1. С. 216–223.

4. Зиновьева Е. И., Алешин А. С. Пословицы о любви со сравнительной семантикой в русском и шведском языках в аспекте лингвокультурологии // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2022. № 2(115). С. 31–42.

5. Карпова Т. Б., Карзенкова Е. П., Салех М. Нумеративный код культур: лексика со значением числа в русских и арабских паремиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 62–71.

6. Магомедова П. А., Аливалиева Д. А. Духовные ценности / антиценности в религиозной и паремиологической картинах арабского и русского языков (на примере концепта «вера/неверие») // Филология: научные исследования. 2023. № 4. С. 29–32.

7. Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: происхождение, изучение и написание сборников по арабской литературе // Электронная наука. 2019. № 11(38). С. 8–22.

8. Омри А. Языковая репрезентация образов хозяина и хозяйки дома в арабских, французских и русских паремиях // МНКО. 2022, № 6(97). С. 487–490.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 1993. С. 259–265.

10. Серебренникова Е. Ф. Этносемиометрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Этносемиометрия ценностных смыслов: кол. монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008.

11. Хефни Х. А. Эмотивные зооморфизмы как средство отрицательного описания человека в русском и арабском языках // МНИЖ. 2020. № 9-2(99). С. 89–94.

12. Ābidīn ʿĀ. Al-amṯāl fī-n-naṯr al-ʿarabī al-qadīm maʿa muqāranatihā bi-naẓāʾirihā fī-l- ʾādāb as-sāmiyya. Cairo: maktabat miṣr, 1956.

13. Al-Ḥulw ʿA. M. (ed.). At-Tamṯīl wa-l-muḥāḍara li-Abī Manṣūr ʿAbd al-Malik b. Muḥammad b. Ismāʿīl aṯ-Ṯaʿālibī. Riyad: ad-Dār al-ʿarabiyya lil-l-kitāb, 1981.

14. Al-Jarf R. A Contrastive Analysis of English and Arabic Morphology, 1994.

15. Altohami W. M. «A Cross-Cultural Linguistic Analysis of the Gendered Representations of 'Wife' in Egyptian Arabic and American English Proverbs» // Cogent Arts & Humanities. 2023, 10(1). DOI: 10.1080/23311983.2023.2174481.

16. Amīn A. Qāmūs al-ʿādāt wa-t-taqālīd wa-t-taʿābīr al-miṣriyya. Cairo: Maṭabaʿat lažnat at-taʾlīf wa-t-taržama, 1953.

17. Chaika O., Sharmanova N. Paremic Cliches as a Spiritual Layer of Multicultural Communication: Cultivating Respective Values for Educators // International

Journal of Social Science and Human Research. 2021, 04(02). DOI: 10.47191/ijsshr/v4-i4-36

18. Chen X. Comparative features of Russian and Chinese paremiological texts in linguistic and cultural aspects // Litera. 2022, № 6. P. 217-226. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38093

19. Ferguson Ch. The Arabic Koine. Language. 1959, № 35. P. 616–630.

20. Hana Yafia Y. J., Mokrushina A. A., Akhmatshina E. K. Three manuscript copies of the collection of proverbs by al-maydānī from the institute of oriental manuscripts of the Russian academy of sciences, the oriental department of Gorky library, St. Petersburg state university, and the national library of Berlin // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. Vol. 10, № 2, 2018. P. 210–229.

21. Hashem Z. A., Muhi T. H. Semantic deviation in Arabic and English proverbs of love // International Journal of Linguistics, Literature and Culture. 2021, 7(3). P. 130–138. https://doi.org/10.21744/ijllc.v7n3.1486

22. Hassanein H. Oppositions in Arabic Proverbs: A Lexico Syntactic Perspective Gema // Online Journal of Language Studies. 2021, 21. P. 1-20. DOI: 10.17576/gema-2021-2104-01

23. Hassanein H., Mahzari M. A taxonomy of antonymy in Arabic: Egyptian and Saudi proverbs in comparison // Open Linguistics. 2021, 7(1). P. 200–222. https://doi.org/10.1515/opli-2021-0013

24. Makhsudova A., Bakirova B. Comparative and Contrastive Analysis of the Peculiarities of the National Character in English and Uzbek Proverbs // Pubmedia Jurnal Pendidikan Bahasa Inggris. 2024, 1(9). DOI: 10.47134/jpbi.v1i4.671.

25. Quvvatova M. H. A study of paremiological units in world linguistics // Экономика и социум. 2024, №1(116). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-study-of-paremiological-units-in-world-linguistics (дата обращения: 06.07.2024).

26. Ṣabrī ʿAbbās, F. «Al-ʿanāṣir al-muštraka li-l-amṯāl al-ʿāmiyya al-ʿarabiyya dirāsa muqārana fī al-ānṯrūbūlūžyā aṯ-ṯaqāfiyya». Mažallat al-Fatḥ. 2012, 50. P. 124–133.

27. Taymūr Bāšā, A. Al-Amṯāl al-ʿāmmiyya mašrūḥa wa murattaba ḥasaba al-ḥarf al-awwal mina al-maṯal maʿa kaššāf mawḍūʿī. El Cairo, 1986: markaz al-ahrām li-t-taržama wa-n-našr. Aṯ- Ṯaʿālibī, Abū Manṣūr ʿAbd al-Malik b. Muḥammad b. Ismāʿīl. at-tamṯīl wa-l-muḥāḍara.

28. كتاب مجمع الأمثال [الميداني، أبو الفضل] https://shamela.ws/book/12929/4009

Reference list

1. Bratashova Je. V. Otrazhenie nacional'nogo haraktera v poslovicah i pogovorkah anglijskogo i russkogo jazykov = Reflecting national character in English and Russian proverbs and sayings // Vestnik ChelGU. 2020. № 1(435). S. 29–38.

2. Budil'ceva M. B., Novikova N. S. Zhizn' idiomy – opredelenie aktual'nogo korpusa frazeologizmov: opyt jeksperimental'nogo issledovanija = The life of an idiom – defining a relevant corpus of phraseologisms: results of an experimental study // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2023. № 3. S. 931–945.

3. Davydova K. V., Egorova O. N. Dekodirovanie semanticheskogo komponenta poslovic i pogovorok v mezhkul'turnom obshhenii = Decoding the semantic component of proverbs and sayings in intercultural communication // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovanija. 2020. № 2-1. S. 216–223.

4. Zinov'eva E. I., Aleshin A. S. Poslovicy o ljubvi so sravnitel'noj semantikoj v russkom i shvedskom jazykah v aspekte lingvokul'turologii = Proverbs about love with comparative semantics in Russian and Swedish languages in terms of linguoculturology // Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. 2022. № 2(115). S. 31–42.

5. Karpova T. B., Karzenkova E. P., Saleh M. Numerativnyj kod kul'tur: leksika so znacheniem chisla v russkih i arabskih paremijah = Numerative code of cultures: lexicon with the meaning of number in Russian and Arabic paroemias // Gumanitarnye issledovanija. Istorija i filologija. 2023. № 11. S. 62–71.

6. Magomedova P. A., Alivalieva D. A. Duhovnye cennosti / anticennosti v religioznoj i paremiologicheskoj kartinah arabskogo i russkogo jazykov (na primere koncepta «vera/neverie») = Spiritual values/anti-values in religious and paroemiological pictures of Arabic and Russian (based on the example of the concept «faith/lack of faith») // Filologija: nauchnye issledovanija. 2023. № 4. S. 29–32. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409

7. Maksudov U. O. Arabskie poslovicy i pogovorki: proishozhdenie, izuchenie i napisanie sbornikov po arabskoj literature = Arabic proverbs and sayings: origins, study and writing anthologies in Arabic literature // Jelektronnaja nauka. 2019. № 11(38). S. 8–22.

8. Omri A. Jazykovaja reprezentacija obrazov hozjaina i hozjajki doma v arabskih, francuzskih i russkih paremijah = Linguistic representation of the host and hostess in Arabic, French and Russian paroemias // MNKO. 2022, № 6(97). S. 487–490.

9. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. = Selected works on linguistics and cultural studies. Moskva, 1993. S. 259–265.

10. Serebrennikova E. F. Jetnosemiometrija kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza = Ethnosemiometry as a way of linguistic axiological analysis // Jetnosemiometrija cennostnyh smyslov: kol. monografija. Irkutsk : IGLU, 2008.

11. Hefni H. A. Jemotivnye zoomorfizmy kak sredstvo otricatel'nogo opisanija cheloveka v russkom i arabskom jazykah = Emotive zoomorphisms as a means of negative description of man in Russian and Arabic languages // MNIZh. 2020. № 9-2(99). S. 89–94.

12. Ābidīn ʿĀ. Al-amṯāl fī-n-naṯr al-ʿarabī al-qadīm maʿa muqāranatihā bi-naẓāʾirihā fī-l- ʾādāb as-sāmiyya. Cairo: maktabat miṣr, 1956.

13. Al-Ḥulw ʿA. M. (ed.). At-Tamṯīl wa-l-muḥāḍara li-Abī Manṣūr ʿAbd al-Malik b. Muḥammad b. Ismāʿīl aṯ-Ṯaʿālibī. Riyad: ad-Dār al-ʿarabiyya lil-l-kitāb, 1981.

14. Al-Jarf R. A Contrastive Analysis of English and Arabic Morphology, 1994.

15. Altohami W. M. «A Cross-Cultural Linguistic Analysis of the Gendered Representations of 'Wife' in Egyptian Arabic and American English Proverbs» // Cogent Arts & Humanities. 2023, 10(1). DOI: 10.1080/23311983.2023.2174481.

16. Amīn A. Qāmūs al-ʿādāt wa-t-taqālīd wa-t-taʿābīr al-miṣriyya. Cairo: Maṭabaʿat lažnat at-taʾlīf wa-t-taržama, 1953.

17. Chaika O., Sharmanova N. Paremic Cliches as a Spiritual Layer of Multicultural Communication: Cultivating Respective Values for Educators // International Journal of Social Science and Human Research. 2021, 04(02). DOI: 10.47191/ijsshr/v4-i4-36

18. Chen X. Comparative features of Russian and Chinese paremiological texts in linguistic and cultural aspects // Litera. 2022, № 6. P. 217–226. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38093

19. Ferguson Ch. The Arabic Koine. Language. 1959, № 35. R. 616–630.

20. Hana Yafia Y. J., Mokrushina A. A., Akhmatshina E. K. Three manuscript copies of the collection of proverbs by al-maydānī from the institute of oriental manuscripts of the Russian academy of sciences, the oriental department of Gorky library, St. Petersburg state university, and the national library of Berlin // Vestnik SPbGU. Vostokovedenie. Afrikanistika. Vol. 10, № 2, 2018. P. 210–229.

21. Hashem Z. A., Muhi T. H. Semantic deviation in Arabic and English proverbs of love // International Journal of Linguistics, Literature and Culture. 2021, 7(3). P. 130–138. https://doi.org/10.21744/ijllc.v7n3.1486

22. Hassanein H. Oppositions in Arabic Proverbs: A Lexico Syntactic Perspective Gema // Online Journal of Language Studies. 2021, 21. P. 1–20. DOI: 10.17576/gema-2021-2104-01

23. Hassanein H., Mahzari M. A taxonomy of antonymy in Arabic: Egyptian and Saudi proverbs in comparison // Open Linguistics. 2021, 7(1). P. 200–222. https://doi.org/10.1515/opli-2021-0013

24. Makhsudova A., Bakirova B. Comparative and Contrastive Analysis of the Peculiarities of the National Character in English and Uzbek Proverbs // Pubmedia Jurnal Pendidikan Bahasa Inggris. 2024, 1(9). DOI: 10.47134/jpbi.v1i4.671.

25. Quvvatova M. H. A study of paremiological units in world linguistics // Jekonomika i socium. 2024, №1(116). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-study-of-paremiological-units-in-world-linguistics (data obrashhenija: 06.07.2024).

26. Ṣabrī ʿAbbās, F. «Al-ʿanāṣir al-muštraka li-l-amṯāl al-ʿāmiyya al-ʿarabiyya dirāsa muqārana fī al-ānṯrūbūlūžyā aṯ-ṯaqāfiyya». Mažallat al-Fatḥ. 2012, 50. P. 124–133.

27. Taymūr Bāšā, A. Al-Amṯāl al-ʿāmmiyya mašrūḥa wa murattaba ḥasaba al-ḥarf al-awwal mina al-maṯal maʿa kaššāf mawḍūʿī. El Cairo, 1986: markaz al-ahrām li-t-taržama wa-n-našr. Aṯ- Ṯaʿālibī, Abū Manṣūr ʿAbd al-Malik b. Muḥammad b. Ismāʿīl. at-tamṯīl wa-l-muḥāḍara.

28. [الفاضل أبو الأمثال مجمع كتاب الميداني، https://shamela.ws/book/12929/4009]

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 17.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 81`22
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-133
EDN: CBVOYF

Содержание термина «код» в гуманитарных исследованиях

Екатерина Сергеевна Ступина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а
stupina.ek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9978-9686

Аннотация. Полисемия термина *код* сформировала разнообразие подходов к трактовке смежных понятий и расширила границы реализации понятия *кода* в науке в целом. Настоящая работа предпринята с целью продемонстрировать, насколько термин *код* может быть актуальным в процессе анализа дискурсивных тактик. Основной задачей статьи является обращение к определениям *кода*, параметрам *кода* в разных научных произведениях. В гуманитарной среде термину *код* приписывается несколько трактовок, ибо этот термин используют и в семиотике, и в культурологии, и в философии, и психологии, и в лингвистике. Семиотика, анализируя знаковые системы, непосредственно изучает кодовые структуры. В философском освещении *код* необходим для сохранения установленных знаний в системе искусственно созданных символов. Кроме того, при анализе текстов мы учитываем наивное восприятие *кода*, а также употребление этого слова в современной речи. В современном обществе слово *код* часто употребляется в значении какого-то признака (знака), сигнализирующего о том, что существует некий обобщающий или специализирующий смысл. С точки зрения семиотики, комплекс установленных знаков, содержащих информацию, формирует *код*. В философском освещении *код* необходим для сохранения установленных знаний в системе искусственно созданных символов. В лингвистическом плане язык равен самостоятельному *коду* модели мира. Кодовая характеристика присуща языку на том основании, что используемые знаки языка представляют собой договоренность среди определенного круга людей, впоследствии являющихся носителями знаний о об этих знаках.

Ключевые слова: код; знак; семиотика; язык; философия; культура; система

Для цитирования: Ступина Е. С. Содержание термина «код» в гуманитарных исследованиях // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 133–140. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-133. https://elibrary.ru/CBVOYF

Original article

The meaning of the term «code» in humanitarian studies

Ekaterina S. Stupina
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian as a native and foreign language, Nizhny Novgorod state linguistic university. 603155, Nizhny Novgorod, Minin st., bld. 31a
stupina.ek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9978-9686

Abstract. The polysemy of the term «code» has formed a variety of approaches to interpreting related concepts and expanded the boundaries of the concept 'code' used in science in general. The aim of this paper is to demonstrate how the term 'code' can be relevant for the analysis of discursive tactics. The main objective of the article is to consider code definitions and code parameters in various scientific works. In the humanities, the term «code» has several interpretations, because this term is used in semiotics, cultural studies, philosophy, psychology, and linguistics. Semiotics studies code structures by analyzing sign systems. In philosophy, the code is necessary to preserve the conventional knowledge in the system of artificially created symbols. In addition, when analyzing the texts, the author takes into account the naive perception of code, as well as the use of the word code in modern speech. In modern society, the word code is often used in the meaning of some attribute (sign), signaling that there is a certain generalizing or specializing meaning. From the point of view of semiotics, a complex of conventional signs containing information forms a code. In terms of linguistics, language equals an independent code of the world model. The code characteristic

© Ступина Е. С., 2025

is inherent for a language on the grounds that the used language signs represent an agreement among a number of certain people who are subsequently the carriers of knowledge about those signs.

Key words: code; sign; semiotics; language; philosophy; culture; system

For citation: Stupina E. C. The meaning of the term «code» in humanitarian studies. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):133–140. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-133. https://elibrary.ru/CBVOYF

Введение

Использование понятия кода в разных научных исследованиях объясняется универсальностью кодового представления об устройстве мира. Однако изначально термин «код» сформировался в области технических знаний, теории информации. Например, азбука Морзе представляет собой вариант кода. Коды универсальной десятичной классификации (УДК) используются для систематизации произведений науки, периодики, литературы.

При это отметим, что данному термину свойственная многозначность. Подчеркнем, что код релевантно трактовать как «1) код данных, 2) кодовый набор и 3) набор элементов кода» [Степанова, 2012, с. 130]. Множественность значений всегда подчеркивает расширенный вариант использования термина. Подобное состояние терминосферы позволяет исследователям обращаться к смежным явлениям, обнаруживать типичные принципы действия тех или иных процессов. Вполне логично применять сходные методики изучения этих явлений. Так, изучение кодовых спецификаций программного обеспечения способствует упрощению в представления кода культуры, риторического кода, исторического кода.

Методы исследования

Теоретизированый характер работы позволяет применение описательного метода. Кроме того, для представления общих положений относительно понимания кода востребованными оказались методика сравнения и анализа словарных дефиниций, последующая методика интерпретаций. Методика обобщения обозначила принципиальные положения в вȉдении кода.

Результаты исследования

Обыденное, общечеловеческое понимание кода является универсальным, равно подходящим для разных направлений познания и деятельности. Это значение зафиксировано в толковых словарях: «Система условных знаков и сокращений, употребляемых для сообщений по телеграфу, радио, для сигнализации и т. п.» [БТС, 2000]. Иначе говоря, обыденное восприятия кода связано с системой условностей. По мере развития цивилизации этих условностей становится все больше. Человек пытается выявить системные связи между этими знаками, ввести общую договоренность по реализации этих знаков в реальных жизненных условиях, поскольку подобная процедура ускоряет процесс передачи информации. Ученые разных специализаций формируют дифференцированные по сложности «пути смыслообразования»: в одном случае требуется упростить путь восприятия закодированных данных, в других – важным будет найти сам принцип дешифрации кода (например, при попытках понять древние письмена) или создать уникальный кодовый формат, чтобы даже элементарные единицы кода не могли быть выявлены [Барт, 1989, с. 424]. Такие коды могут иметь разноуровневые принципы дешифровки.

В настоящем слово **код** встречается как эквивалент самого знака, сигнализирующего о том, что существует некий обобщающий или специализирующий смысл. Например, произведение «Код да Винчи», раскрывающее идею библейских легенд; телевизионная передача «Модный код», в рамках которой демонстрируются актуальные образы, новейшие модели одежды и т. д. В данном контексте слово **код** в сочетании с определением *модный* подчеркивает, что мир моды имеет свои коды, свою систему, эта система периодически обновляется. Показ определенной одежды – это элементы модного кода. Однако подобное обобщение не может считаться верным. Докажем эту мысль.

Ю. М. Лотман отмечает, что «термин **код** несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью» [Лотман, 1992, с. 14]. Эта мысль позволяет нам прийти к выводу, что модель кода прямо пропорциональна той сфере знаний, с которой она соотнесена. При написании разнообразных программных продуктов, создаваемых на основе кодовых систем счисления, требуется предусмотреть все модификации. Фиксация химической реакции в формульном виде унифицирована, поскольку любое изменение в формуле является отражением ошибки в

записи или принципиального изменения вещества. Культурные коды могут иметь множественные вариации, которые зависят от огромного количества факторов, связанных с жизнью человека, его мироощущением, мировосприятием. Само понятие культуры многоаспектно, поэтому и кодовые области бесконечно дифференцированы. Актуальная договоренность на определённом этапе развития человечества может быть не воспринята спустя несколько десятилетий, код одной культуры, вероятно, не будет полностью дешифрован другой культурой. Но при этом способность к созданию разных кодов в мире информационных войн заслуженно важный навык.

Очевидно, что в гуманитарной среде термину «код» приписывается несколько трактовок. Коды определяются как «системы архетипов коллективного бессознательного культуры, и как система осмысленных в культуре переживаний, и как система устойчивых художественных приемов и мнемотехник» [Гудова, 2022, с. 156]. Можно говорить о кодах определенного города, например, код Нижнего Новгорода. Представленные к празднованию восьмисотлетия города плакаты с изображением известных деятелей, проживавших в Нижнем Новгороде, с фотографиями узнаваемых архитектурных сооружений, с фрагментами картин, на которых запечатлены сцены основных вех истории Нижнего Новгорода, с иллюстрациями изобретений ученых, работавших в Нижнем Новгороде, являются воплощением кода города. Этот код адресован и жителям города, которые с интересом определяют знакомые компоненты (знаки) кода, и гостям города, которые открывают известные и малоизвестные факты о городе и тем самым дешифруют его код. Конечно, квалифицированное прочтение кода города нуждается в знаниях из разных областей, в умении выстраивать логические, мотивированные культурой связи между объектами культуры, историей, современным смысловым контекстом. М. Фуко отмечает, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко, 1994, с. 37]. Таким образом, эти знаки, маркирующие культурные коды нижегородцев, лежат в основе систем человеческих ценностей, важнейших национальных скреп горожан. Эти скрепы коррелируются с правилами поведения в обществе.

Рассмотрим другие положения научного видения кода.

В философском словаре **код** определяется как «сборник условных сокращённых обозначений и названий, применяемых главным образом для передачи информации, не подлежащей для сведения широкого круга лиц» [ФС, 2001]. Данное представление о коде иллюстрирует мысль о том, что код может быть вписан в некий круг лиц посвященных, то есть код – это искусственное образование, которое имеет свойство ограниченности. Код представляется не системой, а именно сборником обозначений. В таком случае код должен отличаться еще и коротким сроком существования: если носители знания о дешифрации кода исчезнут, то код перестанет существовать, ибо получить или передать информацию посредством данного кода будет невозможно. Система предполагает упорядоченность, благодаря которой можно определить принцип организации кода, создавать типовые знаки кода. Сборник – это простая совокупность элементов (знаков кода), возможно, не связанных друг с другом.

Большинство видят код как способ «перевода какой-либо информации, выраженной естественным языком, в последовательность условных символов, сигналов по определенным правилам» [ФС, 2001]. Считается, что все знания современного мира составляют бесконечные коды, а «кодирование определяет и содержание герменевтических процедур в пределах цивилизационного контура – в силу их языковой генерализации и символической доступности» [Поелуева, 2023, с. 502]. Жизненное пространство человека, организующего вокруг себя бесконечные коды, соотносимо с когнитивными, аффективными, ценностно-смысловыми критериями идентичности [Барсукова, 2024, с. 39]. Поэтому, с нашей точки зрения, вопросы понимания кода кажутся актуальными.

Мы указывали, что «этимологически слово **код** имеет родственную связь со словом, codex, означающем „книга”, соответственно, слово *кодекс* будет дериватом слову *код*. Можем предположить, что понятие книги метафорически отражает суть трактовки кода, поскольку книга является источником информации. Чтение и понимание книги – особый процесс. Прочитав книгу, мы получаем необходимые знания, которые можно передать кому-либо. Это могут быть сведения,

касающиеся разных областей жизни, но в книге эта информация определенным образом обработана и систематизирована с использованием условных знаков. Пересказ содержания книги одного лица другому будет иллюстрировать перевод этих знаков на естественный язык, то есть реализуется процесс декодирования. В концепции классического мировоззрения книга осмысливается как образец знаний, кладезь знаний, и смысловая связь между словами *книга* и *код* кажется очевидной. Традиционным также является использование определенной книги при создании шифра, кода» [Ступина, 2023, с. 116]. Кроме того, книги нередко используют для кодирования: материалом для шифрования могут служить номера страниц, количество строк, слов на этой странице и прочее. Художественная литература показывает подобные сюжетные повороты.

Соотношение понятий знак и код

Чаще всего различные коды являются предметом исследования в семиотике. В семиотике как науке о «знаковых системах в природе и обществе» распространенность термина *код* связана с областью изучения данной дисциплины [Степанов, 1971, с. 3]. Существует мнение, что коды представляют собой вторичную семиотическую структуру: «те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения прямых своих функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения» [Гудков, 2004, с. 39]. Подчеркнем, что постижение сущности кода другими сферами знаний мотивировано тем, как широко понимается знаковость.

Для уточнения представления о коде становится актуальным понимание знака как «материально-чувственного объекта, который символически, условно представляет и отсылает к обозначаемому предмету, явлению, действию и т. п., который им обозначается» [ЛС, 1975]. «Благодаря знакам сфера мышления находит свое воплощение в звуковом или графическом варианте, информационная база формируется в сознании людей, использующих определенную знаковую систему. Комплекс установленных знаков, содержащих информацию, формирует код. То есть знак материализует построенные в сознании образы, соотнося обозначаемое и обозначающее» [Ступина, 2023, с. 117]. У. Эко, рассматривая код с точки зрения взаимодействия обозначаемого и обозначающего, устанавливает, что «означаемое уместно определить как то, что благодаря коду вступает в семасиологические отношения с означающим» [Эко, 1998, с. 66].

Еще раз подчеркнем, что код не может быть равен знаку, поскольку сам знак устанавливает связь между означаемым и означающим.

Знак – это элемент кода. Мы писали, что «понятие кода шире понятия знака. Знак представляется в рамках данного подхода элементарной единицей коммуникации. Код воспринимается как более совершенное явление. Код имеет материальную реализацию в виде текста (в широком его понимании), порождающего множественность смыслов» [Ступина, 2023, с. 117]. Главный процесс при выявлении кода – это идентификация знаков, которые в системе формируют смысл. Известный французский философ Ролан Барт полагал, что улавливание возможных смыслов текста не является первостепенной, главное – это «вообразить… открытость процесса означивания» [Барт, 1989, с. 424]. Это значит, что смыслообразование бесконечно, замкнутость процесса установления смыслов текстового материала ведет к обесцениванию кода в его культурологической трактовке. В свою очередь, систематизируя знаки, мы создаем коды, способные к расширению структуры за счет пополнения знаками в связи с обретением новых знаний. Подобная незамкнутая система позволяет нам свободно коммуницировать, обновляя элементы кода в течение многих столетий. Обратим внимание, что взаимная обусловленность информационного ресурса и обнаруживаемого смысла онтологически важна для кода, «поскольку информация является либо непосредственно разрушительной, либо нейтрализующей смысл и значение. Потеря смысла напрямую обращена к растворяющему, сдерживающему действию информации» (*прим. – перев. Е.С.*). Следовательно, кодовые структуры по своей природе упорядочены.

Возвращаясь к потенциальной открытости кода, мы понимаем, что смысловое пространство текста культуры разнообразно и сопряжено с анализом составляющих знаков для выявления основного содержательного сегмента. Человек собирает, накапливая знания, преобразует их в релевантные для восприятия структуры, чтобы передать следующим поколениям новые знания в результате коммуникативного взаимодействия. Этот процесс не должен быть прерван, иначе цивилизация обнулит весь информационный ресурс.

Единичные коммуникативные акты образуют определенные системы, имеющие тематическую и целевую направленность. Благодаря сложившимся объединениям формируются типовые коммуникативные модели, которые используются при изучении различных процессов, например общественного характера. Это прежде всего касается исследования культур, ведения хозяйственной, экономической деятельности, организации языкового поля и много другого.

Обратим также внимание, что структуралистский подход к пониманию кода аккумулирует идею обеспечения с помощью кода как свода правил «коммуникативного функционирования любой знаковой, в том числе,… языковой, системы» [Ильин, 1983, с. 164]. Коммуникация как первичная функция языка реализуется благодаря кодовой составляющей. Коммуникативный механизм формирует образы в сознании актора и реципиента коммуникативного акта. У. Эко установил, что коммуникация возможна при условии, что «код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы», поскольку набор вероятностей сказанного представляет собой сущность информации, которая предоставляет возможность выбрать необходимый для коммуникантов сегмент знания [Эко, 1998, с. 56]. Это значит, что с помощью кода устанавливается перспектива налаживания коммуникативных связей, ориентированных не только на высказанное, но и на предполагаемое, внутренний смысл фразы.

Учитывая, что «в основе всякого коммуникативного акта лежит код» [Эко, 1998, с. 187], мы понимаем, что код представляет собой условное обозначение некой информации, которую нужно передать от одного коммуниканта к другому. Например, примитивным представлением о коде будет вариант звонка в дверь. Звонок сигнализирует о том, что кто-то пришел к вам. Таким образом, с помощью знака (звонка) устанавливается связь между посетителем и тем, кто находится в помещении. При этом мы не учитываем разнообразные возможности звуковых модуляций звонка (количество сигналов, характер интенсивности и длительности сигнала), ибо эти параметры представляют систему знаков, объединенных общими правилами. Сложившиеся комбинации знаков передают в упрощенном виде информацию. Однако если эти правила представляют хаотичный набор или об условности знака неизвестно одному их коммуникантов, значит, информация передана неверно, неточно, либо сообщение нужно считать низкоинформативным, поскольку «информация нуждается в упорядочении не из-за ее объема, но потому, что иначе ее передача неосуществима» [Эко, 1998, с. 56]. Следовательно, несистемное объединение знаков не обеспечивает удовлетворительную коммуникацию, поэтому не может быть релевантно коду.

Соотнесем процессы формирования системы кодовой организации с шумовой моделью коммуникации Клода Шеннона – Уоррена Уивера. Данная модель была актуальна в период повышенного интереса к телекоммуникационным технологиям [Ступина, 1998, с. 117]. Книга «Математическая теория коммуникации» иллюстрировала принцип простого линейного сообщения между передатчиком и приемником по каналу связи через кодирующие и декодирующие устройства при учете шумовых помех [Shannon, Weaver, 1964].

Важным представляется, что «для системы характерно не только наличие связей и отношений между образующими ее элементами (определенная организованность), но и неразрывное единство со средой, во взаимоотношении с которой проявляет свою целостность» [ФС, 2001]. Таким образом, любой код, обладая упорядочивающей функцией, формирует системность образующих его знаков, что позволяет понять целостность кода, в противном случае смысл этого кода не будет определен. Энтропия знаков предполагает получение лишь хаотичной информации.

При этом мы отмечаем точку зрения У Эко, который определил, что «код вносит в физическую систему некий порядок, сокращая ее информационный потенциал» [Эко, 1998, с. 59]. Следовательно, код, создавая систему, упорядочивая информацию, обладает свойством направленного восприятия информации. В этом случае экономит время в процессе дешифровки знаний, заложенных в код.

Вербализация кода

Строго фиксированная кодом связь означающего с означаемым должна быть прямой и однозначной [Эко, 1998, с. 68]. С этой точки зрения справедливо рассмотреть соотношение означаемое и означающее в аспекте лингвистической науки. Так, означаемое и означающее связываются непосредственно благодаря языку, как установленному набору знаков. Следовательно,

язык идентичен коду, тогда язык следует определять как код.

Современные исследователи выдвигают мысль о том, что язык равен самостоятельному коду модели мира, а поскольку модель мира воплощена разнообразными кодовыми системами, то язык реализуется, как тумблер, переключатель с одной кодовой системы на другую [см. у Широковой, 2009, с. 28].

Однако осмысление языка более глубокое, характеристики и возможности языка отличны от кода, ибо идентифицирующая функция кода заключается в передаче определенной информации. По мнению Ю. М. Лотмана, язык «бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования» [Лотман, 1992, с. 14]. При этом кодовая характеристика для языка присуща на том основании, что используемые знаки языка представляют собой договоренность среди определенного круга людей, впоследствии являющихся носителями знаний об этих знаках. Гармоничное сочетание кодовых возможностей и возможностей сохранения и накопления знаний является отражением такой системы как язык. Эти знания группируются в различные тематические блоки. Таким образом, код позволяет основывать и упорядочивать ту часть жизненного опыта, которая образуется благодаря языковому фактору. Кроме того, образы, создаваемые с помощью знаков языка, представляют код. Когнитивная функция языка реализуется благодаря естественному осмыслению образов, воспроизводимых при дешифрации знаков – слов, и благодаря кодированию «обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире, в ом числе и об обществе, о человеке, о его теле и душе, о Боге» [Супрун, 1995, с. 17].

Как отмечали выше, язык является зеркалом жизни человека, его опыта. Ю. Д. Апресян подчеркивал, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира» [Апресян, 1974, с. 38–39].

Язык реализует множество потенций: он сохраняет, накапливает знания, обладает способностью передать историю народа – носителя данного языка.

Рассмотренные трактовки кода позволяют понять, как специфицирется код каждой сферой знаний. Согласимся, однако, что соотносить термин код с тематическими областями знаний следует при выявлении частных свойств кода. В лингвистическом понимании система кодов воспринимается как отражение естественного языка [Широкова, 2009, с. 53]. В таком случае мы можем предположить возможность реализации при учете коммуникативных условий разных номинативных единиц при назывании одного объекта. Например, в зависимости от субъективной оценки человека называют эмоциональным или истеричным. Превышенный порог демонстрации чувств будет зафиксирован в разных знаках языка – прилагательных *истеричный* или *эмоциональный*. Будут сформированы различающиеся коды, основанные на экспрессивном значении слов.

В нашем исследовании принципиально важным является тот факт, что синонимическое разнообразие номинации прямо пропорционально разнообразию образуемых в речи смыслов при употреблении определенных лексических единиц, а следовательно, и кодов. И ученому необходимо установить «пути смыслообразования» [Барт, 1989, с. 424].

В перспективе мы стремимся продемонстрировать, как при формировании кодовой информации учитывается фактор экспрессивности лексической единицы, то есть вербализованной идеи, и фактор внутреннего смысла, то есть подтекста. Именно осознание подтекста требует прочувственного понимания, в нашем случае декодирования, тех кодов, которые заложены в речи. Согласимся с идеологами метамодернизма в том, что структура чувства – это основа кода. Это говорит о том, что «специфическое свойство социального опыта…, исторически отличное от других специфических свойств и позволяющее получить представление о временном периоде или поколении» [Williams, Raymond, 1977, с. 131], феномен, «ощущаемый в самых деликатных и неосязаемых» сферах культуры [Williams, Raymond, 1965, с. 64], организует мировоззренческий базис всех цивилизационных процессов. Тогда получается, что «код формируется как модель, которая включает в себя систему объединенных знаний каждого поколения о картине мира и как элемент нематериальных проявлений культуры», и эти знания находят реализацию в речи [Жуковская, 2023, с. 30].

Заключение

Таким образом, мы, обращаясь к термину **код**, будем трактовать его как систематизированную совокупность знаний, используемых человеком в процессе постижения законов бытия и формиро-

вания личностных представлений об окружающей действительности.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (Синонимические средства языка). Москва : «Наука», 1974. 368 с.

2. Барсукова А. О., Ворошилова М. Б. Город храбрых бесов: становление гражданского кода городской идентичности Екатеринбурга // Управление культурой. 2024. №1 (9) С. 38–45.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 1989. 616 с.

4. [БТС]: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : «НОРИНТ», 2000. 1536 с.

5. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. 2004. № 26. С. 39–50.

6. Гудова М. Ю., Юань Мэнмэн Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. №4. С. 151–159.

7. Жуковская Л. Н., Костылев С. В., Морозова О. Ф. Культурный код как смысловое содержание социально-культурной деятельности: взаимосвязь и взаимовлияние // Культурный код. 2023. № 4. С. 25–36.

8. Ильин И. П. Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы / Семиотика. Коммуникация. Стиль. Москва, 1983.

9. [ЛС]: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., исправл. и доп. Москва : Наука, 1975. 721 с.

10. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.

11. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван Аккер: [пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова]. Москва : РИПОЛ классик, 2020. 496 с.

12. Поелуева Л. А., Индриков А. А., Индрикова А. А. Монументальные основания культурно-символического кода русской цивилизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №18-2. С. 500–502.

13. Степанов Ю. С. Семиотика / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва : Наука, 1971. 167 с.

14. Степанова Н. И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты // Идеи и идеалы. 2012. №1. С. 130–136.

15. Ступина Е. С. Риторические коды антонимов: дуальное восприятие мира // Освоение семантического пространства русского языка: сборник научных и научно-методических статей / отв. ред. Ж. В. Никонова, Н. В. Макшанцева. Нижний Новгород : НГЛУ, 2023. С. 116–122.

16. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковой явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.

17. [ФС]: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Республика, 2001. 719 с.

18. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. статья Н. С. Автономовой. Санкт-Петербург : A-cad, 1994. 407 с.

19. Широкова Е. Н. Спецификация терминов «Код» и «Темпоральный код» в лингвистике // Вестник ВятГУ. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikatsiya-terminov-kod-i-temporalnyy-kod-v-lingvistike (дата обращения: 18.04.2021).

20. Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. 432 с.

21. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris : Galilée, 1981. 235 p.

22. Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. THE UNIVERSITY OF ILLINOIS PRESS. Urbana, 1964.

23. Williams R. Marxism and Literature. Oxford : Oxford University Press, 1977.

24. Williams R. The Long Revolution. Harmondsworth: Penguin, 1965.

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Leksicheskaja semantika (Sinonimicheskie sredstva jazyka) = Lexical semantics (Synonymic language means). Moskva : «Nauka», 1974. 368 s.

2. Barsukova A. O., Voroshilova M. B. Gorod hrabryh besov: stanovlenie grazhdanskogo koda gorodskoj identichnosti Ekaterinburga = The city of brave devils: the formation of the civic code for Yekaterinburg's urban identity // Upravlenie kul'turoj. 2024. №1 (9) S. 38–45.

3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika = Selected works: Semiotics: Poetics / sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 1989. 616 s.

4. [BTS]: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big explanatory dictionary of the Russian language / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : «NORINT», 2000. 1536 s.

5. Gudkov D. B. Edinicy kodov kul'tury: problemy semantiki = Cultural code units: problems of semantics // Jazyk, soznanie, kommunikacija. 2004. № 26. S. 39–50.

6. Gudova M. Ju., Juan' Mjenmjen Koncept «kul'turnyj kod»: urovni znachenija = The concept «cultural code»: levels of meaning // Intellekt. Innovacii. Investicii. 2022. №4. S. 151–159.

7. Zhukovskaja L. N., Kostylev S. V., Morozova O. F. Kul'turnyj kod kak smyslovoe soderzhanie social'no-kul'turnoj dejatel'nosti: vzaimosvjaz' i vzaimovlijanie = Cultural code as the semantic content of socio-cultural activity: interrelation and mutual influence // Kul'turnyj kod. 2023. № 4. S. 25–36.

8. Il'in I. P. Teorija znaka Zh. Derridy i ee vozdejstvie na sovremennuju kritiku SShA i Zapadnoj Evropy = J. Derrida's sign theory and its impact on contemporary criticism in the USA and Western Europe / Semiotika. Kommunikacija. Stil'. Moskva, 1983.

9. [LS]: Kondakov N. I. Logicheskij slovar'-spravochnik = Logical dictionary-reference book. 2-e izd., ispravl. i dop. Moskva : Nauka, 1975. 721 s.

10. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and explosion. Moskva : Gnozis; Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1992. 272 s.

11. Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma = Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism / R. van Akker: [per. s angl. V. M. Lipki; vstupit. st. A. V. Pavlova]. Moskva : RIPOL klassik, 2020. 496 s.

12. Poelueva L. A., Indrikov A. A., Indrikova A. A. Monumental'nye osnovanija kul'turno-simvolicheskogo koda russkoj civilizacii = Monumental bases for the cultural-symbolic code of Russian civilization // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2023. №18-2. S. 500–502.

13. Stepanov Ju. S. Semiotika = Semiotics / AN SSSR. In-t jazykoznanija. Moskva : Nauka, 1971. 167 s.

14. Stepanova N. I. Kody kul'tury: semioticheskij i kul'turologicheskij aspekty = Culture codes: semiotic and culturological aspects // Idei i idealy. 2012. №1. S. 130–136.

15. Stupina E. S. Ritoricheskie kody antonimov: dual'noe vosprijatie mira // Osvoenie semanticheskogo prostranstva russkogo jazyka = Rhetorical codes of antonyms: dual perception of the world // Exploring the semantic space of the Russian language : sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskih statej / otv. red. Zh. V. Nikonova, N. V. Makshanceva. Nizhnij Novgorod : NGLU, 2023. S. 116–122.

16. Suprun A. E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoj javlenie = Textual reminiscences as a linguistic phenomenon // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 17–29.

17. [FS]: Filosofskij slovar' = Dictionary of Philosophy / pod red. I. T. Frolova. 7-e izd., pererab. i dop. Moskva : Respublika, 2001. 719 s.

18. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk = Words and things. Archaeology of the humanities / per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoj; vstup. stat'ja N. S. Avtonomovoj. Sankt-Peterburg : A-cad, 1994. 407 s.

19. Shirokova E. N. Specifikacija terminov «Kod» i «Temporal'nyj kod» v lingvistike = Specification of the terms «Code» and «Temporal Code» in linguistics // Vestnik VjatGU. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikatsiya-terminov-kod-i-temporalnyy-kod-v-lingvistike (data obrashhenija: 18.04.2021).

20. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura = The missing structure. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1998. 432 s.

21. Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris : Galilée, 1981. 235 p.

22. Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. THE UNIVERSITY OF ILLINOIS PRESS. Urbana, 1964.

23. Williams R. Marxism and Literature. Oxford : Oxford University Press, 1977.

24. Williams R. The Long Revolution. Harmondsworth: Penguin, 1965.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-141
EDN: CCPFBA

Лингвостилистическая классификация романов Марио Варгаса Льосы методом Delta Берроуза

Борис Вадимович Ковалев
Аспирант, ассистент кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
bvkovalev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1904-1844

Аннотация. В статье анализируется корпус романов нобелевского лауреата Марио Варгаса Льосы. В 2023 г. он опубликовал роман, который был официально объявлен самим автором как последний, в связи с чем актуализируется необходимость проведения комплексного стилеметрического анализа полного корпуса текстов. В качестве метода для лингвостилистической классификации романов была выбрана Delta Берроуза – как один из наиболее надежных и авторитетных стилеметрических инструментов на сегодняшний день; он основан на средней абсолютной разности между z-оценками определенного количества наиболее частотных слов в контрольном и атрибутируемом текстах. Метод был апробирован на материале большого количества языков и был использован для решения похожих задач, что позволяет избрать его и в рамках нашей работы. В ходе исследования выясняется, что корпус романов Варгаса Льосы делится на четыре устойчивые группы: ранние тотальные романы 1960-х гг.; пессимистические романы 1970–1980-х гг., а также документальные и эротические романы. Спорные случаи, связанные с романами «Посвящаю свое молчание» и «Похождения скверной девчонки», разрешаются при помощи метода опорных векторов и наивных байесовских классификаторов. Результаты экспериментов согласуются с историко-литературными данными. Подчеркивается стилистическая обособленность трех ранних романов «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе», выявленная при помощи метода Delta Берроуза, что совпадает с данными ряда литературоведческих классификаций, в частности, основанных на анализе жанровой природы текстов, воззрений Варгаса Льосы на философском и идеологическом уровнях.

Ключевые слова: Марио Варгас Льоса; латиноамериканская литература; перуанская литература; латиноамериканский бум; стилеметрия; Delta Берроуза; стилистика; SVM

Для цитирования: Ковалев Б. В. Лингвостилистическая классификация романов Марио Варгаса Льосы методом Delta Берроуза // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 141–149. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-141. https://elibrary.ru/CCPFBA

Original article

Lingvostylistic classification of Mario Vargas Llosa's novels by Burrows' Delta method

Boris V. Kovalev
Postgraduate student, assistant at the department of romance philology, St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9
bvkovalev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1904-1844

Abstract. The article analyzes a corpus of novels by the Nobel laureate Mario Vargas Llosa. In 2023, he published a novel he officially declared as his last one, which makes it necessary to conduct a comprehensive stylometric analysis of the complete corpus of his novels. Burrows' Delta was chosen for the classification as one of the most reliable and authoritative stylometric tools today. It can be defined as the mean of the absolute differences between the z-scores for a set of word-variables in a given text-group and the z-scores for the same set of word-variables in a target text. The method was tested on a large number of languages and it was successfully used to solve similar problems. The study reveals that the corpus of Vargas Llosa's novels is divided into four stable groups: early total novels of the 1960s; pessimistic novels of the 1970s and 1980s; history-based novels and erotic novels. The controversial cases related to the novels I Dedicate My Silence to You and The Adventures of a Bad Girl are resolved using the Support Vector Machine and Naive Bayes classifiers. The experimental results are consistent with historical and literary data. The author emphasizes stylistic distinctiveness of the three early total novels The Time of Hero, The Green House, and

© Ковалев Б. В., 2024

Conversation in the Cathedral, revealed using Burrows' Delta, which coincides with literary classifications, in particular, based on the analysis of the texts' genre nature and Vargas Llosa's views on the philosophical and ideological levels.

Key words: Mario Vargas Llosa; Latin American literature; Peruvian literature; Latin American boom; stylometry; Burrows' Delta; stylistics; SVM

For citation: Kovalev B. V. Lingvostylistic classification of Mario Vargas Llosa's novels by Burrows' Delta method. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):141–149. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-141. https://elibrary.ru/CCPFBA

Введение

В 2023 г. перуанский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (2010) Марио Варгас Льоса издал свой последний роман Le dedico mi silencio («Посвящаю свое молчание») и заявил о завершении литературной деятельности. В этой связи актуализируется необходимость изучения стиля полного собрания романов перуанского писателя и их классификации.

Нельзя сказать, что попытки классификации романов Варгаса Льосы не предпринимались прежде. Э. Кристал выделяет в творчестве Варгаса Льосы три этапа: социалистический этап (1960-е), неолиберальный (1970–1980-е) и политически-пессимистический (1990–2000-е) [Kristal, 2012]. Мотивировкой в данном случае выступает изменение политических взглядов писателя. С этим процессом неразрывно связано и участие Варгаса Льосы в политической жизни родной страны: в конце 1980-х гг. писатель предпринимает попытку баллотироваться в президенты Перу, но терпит крах. С поражением на выборах связан переход от второго этапа к третьему.

Б. Кастань Прадо осуществляет бинарную классификацию: романы «догматического этапа» («Город и псы», «Зеленый дом», «Разговор в Соборе») написаны в пору уверенности Варгаса Льосы, что средствами языка можно исчерпывающе описать действительность, а человек способен эту реальность познать; романы «скептического этапа» («Капитан Панталеон» и далее) написаны, когда писатель отходит от этой установки [Castany Prado, 2007]. М. Ф. Надъярных делит романы Варгаса Льосы на тотальные («Зеленый дом», «Разговор с Соборе», «Война конца света», «Говорун», «Праздник козла») и не тотальные (остальные) [Надъярных, 2010]. А. Больер придерживается иной концепции – классификация текстов осуществляется по географическому принципу: действие происходит в Перу (13 романов) или не в Перу (5) [Boller, 2020].

Обнаруживается ряд недостатков: все попытки классификации текстов были осуществлены до выхода последнего романа, чем обусловлена их априорная неполнота. Кроме того, большинство подходов базируется на критериях, никак не связанных со стилистическим, языковым аспектом творчества писателя. Однако своеобразие творческой манеры Варгаса Льосы состоит именно в использовании языка как ключевого инструмента для создания художественного мира [Корконосенко, 2004, с. 7].

В силу указанных выше причин в рамках настоящего исследования мы намерены проанализировать корпус романов Варгаса Льосы средствами, чья мощность позволит проанализировать объем текстов, изучение которого средствами традиционного лингвостилистического анализа затруднительно.

Романы Варгаса Льосы в контексте латиноамериканского бума

Э. Кристал и Б. Кастань Прадо выделяют романы 1960-х гг. (на разных основаниях) в отдельный, начальный, этап творчества Варгаса Льосы. В исторической перспективе это разделение представляет особый интерес. 1960-е гг. – период латиноамериканского «бума», уникального культурного явления, в ходе которого были написаны и опубликованы ключевые тексты Х. Кортасара, М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и других авторов.

Краткую и емкую характеристику процесса дают американские исследователи Р. Адорно и Р. Эчеваррия:

«В 1960-х годах … художественная проза соединилась с поэзией, вобрав в себя дискурсивные и повествовательные формы, характерные для литературы модернизма. Развитие этого процесса отнюдь не было внезапным, как можно было бы предположить, отталкиваясь от слова „бум", – процесс был постепенным: он начался ориентировочно на рубеже 1930–40-х гг., „ускорился" в 1950-е и достиг полного расцвета в 1960-е. С тех пор латиноамериканская художественная литература разделяла оригинальные черты современного западного романа, но отчасти это было связано с поздним усвоением практик, которые были рас-

пространены со времен Пруста, Кафки, Джойса и Фолкнера» [Adorno, Echevarría, 2017, с. 232].

Латиноамериканский бум – это прежде всего «взрыв» бестселлеров. Издательства (в первую очередь, аргентинское Sudamericana и барселонское Seix Barral) в начале 1960 гг. увеличили объемы продаж: появились тиражи более 5000 экземпляров, а сами издатели теперь располагали не 3 %, а 15 % прибыли. На это откликнулись читатели – и латиноамериканская литература обрела значительную популярность у читателей в Европе, США и СССР, став одним из последних на сегодняшний день процессов, чье влияние и значение для мировой культуры представляется общепризнанным. Для П. Санчеса бум – это время «почти абсолютного триумфа рыночной экономики на поле культурной битвы» [Sánchez, 2009, с. 213]. Латинская Америка, располагавшая динамически развивающейся, инаковой литературой, оказалась «фактором неоднородности» в мире [Ternicier, 2014, с. 191], и ее присутствие в литературном универсуме сумело дестабилизировать установленные порядки.

Для латиноамериканского бума также характерно осознание писателями континента своей общности. Важным фактором объединения становится Дом Америк – организация, созданная на Кубе в 1959 г. для поддержки и интегрирования культурных и социальных связей на континенте. Эта, несомненно, идеологически ангажированная организация оказала серьезное воздействие на единение интеллектуальной элиты Латинской Америки – пусть многие (как, например, Варгас Льоса) в конце 1960-х и разочаруются в социалистическом векторе развития. Издаются журналы, проводятся семинары и конгрессы. С 1960 г. Дом Америк вручает собственную литературную премию. Культурное сотрудничество на базе организации становится еще крепче на фоне блокады Кубы со стороны США.

Иная важная характеристика бума – языковая. По К. Фуэнтесу, существенным фактором, объединяющим писателей разных стран Латинской Америки, оказывается необходимость выработки нового языка, который позволил бы описать латиноамериканскую действительность при помощи ярких, свежих языковых приемов [Fuentes, 1969].

Границы бума как явления – вопрос крайне неопределенный. Если задаться целью расширить хронологические рамки, то начать отсчет можно от выхода сборника Х. Л. Борхеса «Алеф» (1949) или же от публикации «Сеньора Президента» (1946) и «Маисовых людей (1949) М. А. Астуриаса. Конец эпохи в таком случае может быть сопряжен как с выходом последнего романа венесуэльского писателя Мигеля Отеро Сильвы «И стал тот камень Христом» (1984), так и с присуждением Габриелю Гарсиа Маркесу Нобелевской премии по литературе (1982). Линией разграничения может также выступать 1983 год – время гибели Анхеля Рамы, одного из главных литературных критиков бума, внесшего огромный вклад в его теоретическое осмысление, плодотворно полемизировавшего, среди прочего, с Варгасом Льосой [Sánchez, 2009, с. 183–190].

Однако своего рода пик (как литературный, так и критический) латиноамериканского бума приходится на 1960-е гг. Именно в это десятилетие пишутся и публикуются наиболее заметные и влиятельные тексты самых разных латиноамериканских авторов: роман «Смерть Артемио Круса» К. Фуэнтеса (1962) и его же труд «Новый латиноамериканский роман» (1969), роман «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса (1967); появляется ряд поэтических сборников Х.Л. Борхеса: «Создатель» (1960), «Другой, тот же самый» (1964), «Хвала тьме» (1969); публикуются тексты Х. Кортасара: роман «Игра в классики» (1963) и такие сборники рассказов, как «Жизнь хронопов и фамов» (1962), «Каждый огонь – огонь» (1966) и др. В 1960-м г. выходит роман М. А. Астуриаса «Глаза погребенных», в 1961 г. публикуются его же повесть «Юный владетель сокровищ», в 1969-м – роман «Злой разбойник», а в 1967 г. М. А. Астуриас становится вторым после Г. Мистраль латиноамериканцем – лауреатом нобелевской премии по литературе.

Именно в это десятилетие Марио Варгас Льоса пишет три романа: «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе», который, как мы показывали выше, критики и филологи выносят в отдельный период творчества. Представляется полезным проверить эту умозрительную литературоведческую гипотезу при помощи точных методов и выяснить, являются ли три этих «тотальных романа» стилистически отличимыми от более поздних текстов Варгаса Льосы.

Метод исследования

Существует огромное количество методик, позволяющих проанализировать текст на количественном уровне с целью выявления своеобразия стиля того или иного автора. В Воронеже развивается маркемологическая школа, предполагающая анализ лексики с точки зрения частотности и длины слов [Кретов, Фаустов, 2017]. Она показала

эффективность на материале русскоязычной поэзии и прозы. Квантитативный анализ используется и в рамках Смоленской школы [Андреев, 2012; Андреев, Павлова, Романова, 2021]; также исследуется лексическая сочетаемость [Мухин, Мухин, 2019].

Однако несомненно, что в силу апробированности и многократно показанной надежности *state of the art* стилеметрии на нынешнем этапе – Delta Берроуза [Burrows, 2002]. Именно этот метод был выбран нами в рамках настоящего исследования.

Метод базируется на средней абсолютной разности между z-оценками определенного количества наиболее частотных слов в анализируемых текстах. Единицы корпуса сравниваются попарно; между ними вычисляется расстояние: чем оно меньше, тем более стилистически похожими являются тексты. При этом существенно, что значительная доля самой частотной лексики приходится на служебные слова – предлоги, союзы, местоимения и проч., – которые не связаны с тематикой текста. Вычисления проводятся следующим образом. Для каждого текста в анализируемом корпусе берется некоторое количество наиболее частотных слов, и далее сравниваются их частотности, представленные как меры z-scores, то есть стандартизированные оценки, показывающие разброс значений относительно средних. Z-score вычисляется по следующей формуле:

$$z\left(f_i(D_1)\right) = \frac{f_i(D_1) - \mu_i}{\sigma_i}, \quad \# \qquad (1)$$

где $fi(D_1)$ – частота слова в тексте D_1, μi – средняя частота слова по выборке, а σ_i – стандартное отклонение этой частоты. Соответственно, мера Delta представляет собой сумму взятых по модулю разниц между мерами z-scores у двух сравниваемых текстов, поделенную на количество слов:

$$\Delta_{Bur} = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} |z_i(D_1) - z_i(D_2)|, \ \# \qquad (2)$$

где n – общее количество слов, i – конкретное слово, а D_1 и D_2 – сравниваемые тексты.

Delta обрела статус одного из самых надежных инструментов, была апробирована на материале разнообразных языков: английского [Juola, 2015], латыни [Shumilin, Nikolaev, 2021], немецкого [Jannidis, Lauer, 2014], испанского [Hernández, Byszuk, 2023], древнегреческого [Алиева, 2022] и др. Delta с успехом применяется для решения задач атрибуции [Петров, Марусенко и др., 2019], периодизации и динамики стиля [Calvo Tello, 2019], при анализе переводов [Орехов, 2021] и при сравнительно-сопоставительных исследованиях текстов конкретного периода [Двинятин, Ковалев, 2024].

Конечно, Delta не может выступать самоценным аргументом для атрибуции текстов, однако метод показал себя как весьма эффективный для формирования атрибуционной гипотезы. Следует учитывать, что Delta Берроуза, как и всякий лингвостатистический инструмент, не обладает самостоятельной эвристической силой. Именно поэтому результаты подсчетов необходимо сопоставлять с литературоведческими данными. Однако ключевое отличие Delta от других цифровых инструментов заключается в том, что сформированные с ее помощью гипотезы часто подтверждаются [Juola, 2015]. Представляется, что наиболее перспективными направлениями для применения Delta являются исследования двух типов: 1) изучение динамики стиля (включающее в себя решение задачи периодизации творчества некоторого автора или анализ эволюции его стиля) и 2) сравнительное исследование текстов писателей, объединенных по принципу общности жанра или эпохи. При этом важно подчеркнуть, что в корпус должны входить тексты одного жанра. Наше исследование находится в русле первого поднаправления, в рамках традиции современной описательной стилеметрии.

Эффективность Delta может быть объяснена не только продуктивностью подсчета словоупотреблений, но и тем, что в них отражено. Среди информативных параметров часто выделяется такой показатель, как количество разного рода сложноподчиненных предложений. В испанском языке маркерами этого типа предложений могут служить специфические для этих языков союзы и союзные слова (que, porque, cuando, donde), которые учитывает Delta. Аналогично – с маркерами сложносочиненных предложений (y, pero) и вводных конструкций, спецификой глагольного управления (de, a, para, en) и пр., а относительная частотность личных местоимений указывает на

особенности текста в коммуникативной перспективе.

Опыты выполняются в программной среде R в рамках пакета Stylo [Eder, Rybicki et al., 2016]. Корпус был предварительно обработан, очищен от повторяющихся имен собственных, номинаций главных героев.

Результаты исследования

В 2023 г. мы уже предпринимали попытку первичных замеров романов при помощи метода Delta [Ковалев, 2023], однако опыты проводились еще до выхода последнего романа Le dedico mi silencio на непредобработанном корпусе, что обусловливает неизбежный предварительный характер тех экспериментов. Именно состав корпуса является ключевым фактором при подготовке стилеметрических экспериментов; было не раз продемонстрировано [Jannidis, Lauer, 2014; Skorinkin, Orekhov, 2023], что Delta показывает лишь отношение между текстами в рамках определенного набора произведений. Если он меняется, то меняются и отношения внутри него, что может привести к иной группировке текстов. Поэтому необходимо осуществить замеры на полном корпусе романов.

В корпус вошли девятнадцать романов Варгаса Льосы, а также тексты Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1965) и «Осень патриарха» (*El otoño de patriarca*, 1975), романы Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» (*La muerte de Artemio Cruz*, 1962) и «Terra nostra» (*Terra nostra*, 1975).

Серия опытов проводилась на частотном словаре объемом от 200 до 1000 наиболее частотных слов с шагом в 100 слов. Большинство из них показало идентичные результаты, как, например, на рисунке 1. Суммирование результатов на каждом частотном словаре представлено на дереве решений (рис. 2).

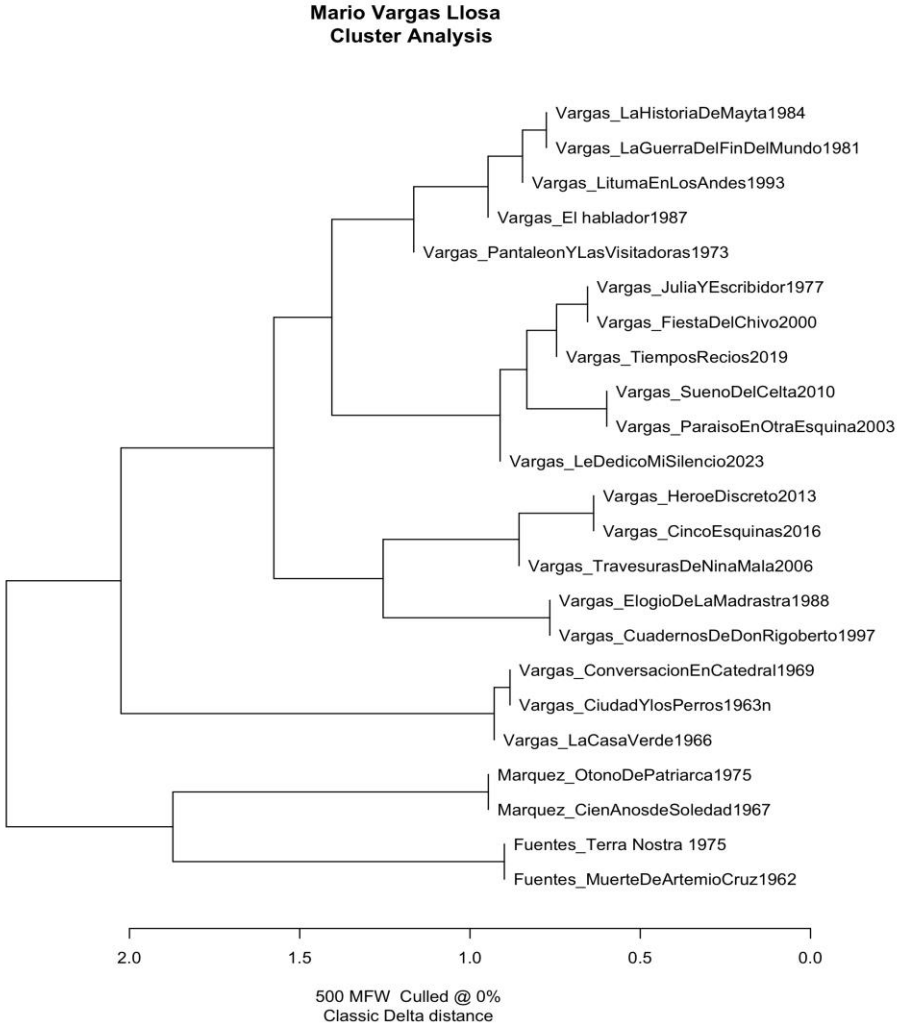


Рисунок 1. Иерархическая кластеризация романов Варгаса Льосы, Фуэнтеса и Гарсиа Маркеса. 500 наиболее частотных слов

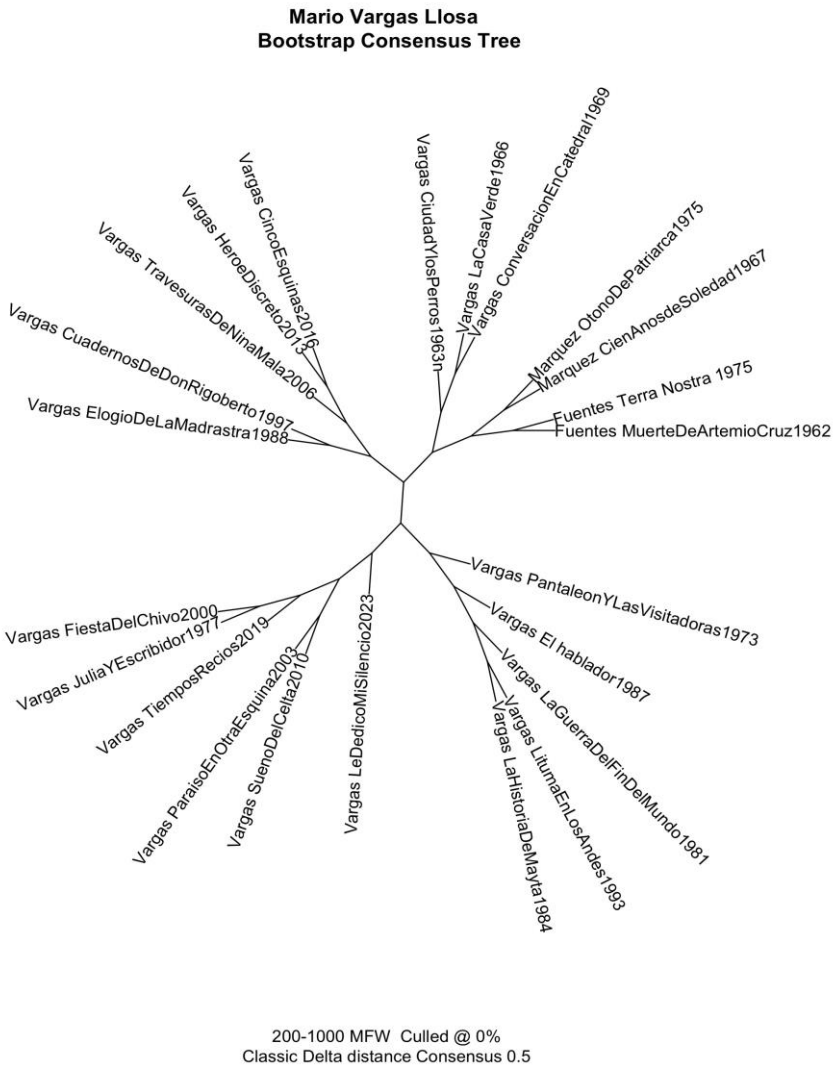


Рисунок 2. Расстояние Delta для романов Варгаса Льосы, Фуэнтеса и Гарсиа Маркеса. 200-1000 наиболее частотных слов

Тексты Фуэнтеса и Гарсиа Маркеса попарно располагаются на отдельных ветвях, тексты Варгаса Льосы оказываются разделены на 4 группы. Эти результаты не контринтуитивны и подтверждаются на историко-литературном и тематическом уровне.

Ветвь 1 (в правой верхней части рис. 1): классические тотальные романы 1960-х гг.: «Город и псы» (1963), «Зеленый дом» (1966) и «Разговор в Соборе» (1969).

Ветвь 2 (на рис. 2 в правом нижнем углу): пессимистические романы 1980-х: «Война конца света» (1981), «История Майты» (1984), «Говорун» (1987), «Литума в Андах» (1993) и примыкающий к ним текст «Капитан Панталеон и рота добрых услуг» (1973).

Ветвь 3 (на рис. 2 в левом нижнем углу): документальные романы (или романы, написанные на историческом или автобиографическом материале) «Тетушка Хулия и писака» (1977), «Праздник Козла» (2000), «Суровые времена» (2019), «Рай на другом углу» (2003) и «Сон кельта» (2010).

Ветвь 4 (левый верхний угол на рис. 2): легкие романы со значительным эротическим элементом: «Похвальное слово мачехе» (1988), «Тетради дона Ригоберто» (1997), «Похождения скверной девчонки» (2006), «Скромный герой» (2013) и «Пять углов» (2016).

Обособленность трех ранних романов соответствует точке зрения Кристала и Кастаня Прадо, а также представлению о том, что эти тексты являются каноническими «тотальными романами» [Novoa, 2020]. Эти романы, написанные во время «латиноамериканского бума», являются наиболее сложноорганизованными среди всех

текстов Варгаса Льосы и на уровне нарративных особенностей (сочетание и чередование сюжетных линий, точек зрения), и на уровне авторских установок: на этом этапе Варгас Льоса уверен, что языковыми средствами можно воссоздать реальность в рамках романа, а на втором этапе (начиная с 1970-х гг.), писатель разочаровывается в этой концепции: истории станут менее сложными и не такими всеобъемлющими; «Варгас Льоса будет стремиться подчеркнуть пределы языка» [Castany Prado, 2007, с. 19]. Это находит отражение на уровне стиля и подтверждается количественными данными: первый роман «пессимистического этапа» – хронологически четвертый роман Варгаса Льосы «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг».

Разделение на группы 3 и 4 отражает жанрово-тематическое раздвоение в творчестве Варгаса Льосы с конца 1970-х гг.: это либо тексты, в которых он осмысляет возможность фикционализации истории («Праздник Козла», «Сон кельта»), или биографии (квазиавтобиографическая «Тетушка Хулия и писака», «Рай на другом углу» о Флоре Тристан и Поле Гогене).

Схожими оказываются и «дилогии»: «Похвальное слово мачехе» и «Тетради дона Ригоберто», а также романы «Праздник Козла» и «Суровые времена». Последнее сближение тем примечательнее, что «Суровые времена» не являются прямым сиквелом «Праздником Козла», а даты выхода текстов разделяет почти двадцать лет.

Однако при замере на 200 наиболее частотных слов роман «Посвящаю свое молчание» присоединился к ветви с легкими романами. Такой статус может частично объясняться сложной жанровой природой текста, к романной основе добавляется элемент эссе. Кроме того, при замере на 300 наиболее частотных слов роман «Похождения скверной девчонки» присоединился к группе документальных текстов (чего не было при замерах на неполном корпусе). Для разрешения этой неоднозначности мы решили обратиться к двум классификаторам: методу опорных векторов (англ. Support Vector Machine) и наивному байесовскому классификатору (англ. Naive Bayes). Суть первого состоит в том, что алгоритм создает линию или гиперплоскость, которая оптимальным способом разделяет данные на классы. Векторы, которые расположены с одной «стороны» гиперплоскости, относятся к одному классу, а расположенные с другой – к другому. При этом чем больше оказывается расстояние между объектами разделяемых классов и разделяющей плоскостью, тем меньше средняя ошибка классификатора. Второй используемый нами классификатор основан на идее независимости признаков в заданных классах. Процедура классификации выполняется при помощи функции classify(). В тренировочный корпус помещаются тексты, четко атрибутированные группам 3 и 4, а в проверочный – спорные: «Посвящаю свое молчание», «Похождения скверной девчонки» и «Сон кельта» как сопоставительный. Замеры производились на частотном словаре от 200 до 1000 наиболее частотных слов (табл. 1).

Таблица 1

Классификация спорных текстов

Частотный словарь	SVM		Naive Bayes	
	Le dedico mi silencio	Travesuras de la niña mala	Le dedico mi silencio	Travesuras de la niña mala
200	4	4	3	4
300	3	4	3	4
400	3	4	3	4
500	3	4	3	4
600	3	4	3	4
700	3	4	3	4
800	3	4	3	4
900	3	4	3	4
1000	3	4	3	4

Роман «Посвящаю свое молчание» безоговорочно отнесен к документальным романам, а «Похождения скверной девчонки» – к легким текстам. «Сон Кельта» всякий раз относился к своей группе документальных текстов. Следовательно, при помощи надежных классификаторов мы разрешили эту неоднозначность и определили классы текстов, к которым следует отнести соответствующие романы.

Заключение

Таким образом, мы осуществили лингвостилистическую классификацию романов Варгаса Льосы методом Delta Берроуза: результаты подсчетов находят подтверждения на историко-литературном, тематическом и жанровом уровнях, а также частично совпадают с разделениями, сделанными литературоведами в предыдущие годы. Выявленная алгоритмом граница между ветвью тотальных романов и последующими текстами (1970-е гг. и далее) соотносится с разделением Б. Кастаня Прадо и Э. Кристала. Тем самым при помощи Delta Берроуза мы установили, что три ранних текста «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» являются стилистически обособленными романами от других

текстов Марио Варгаса Льосы и образуют своего рода «триптих» тотальных романов. Остальные же тексты образуют еще три класса, которые характеризуются устойчивой внутренней связью на разных уровнях: от тематики до распределения наиболее частотной лексики, что мы и продемонстрировали в рамках настоящего исследования. Дальнейшие перспективы могут быть связаны с уточнением лексического своеобразия каждого класса романов путем дополнительных экспериментов с использованием других алгоритмов, адекватных задаче детального описания специфики отдельных классов.

Библиографический список

1. Алиева О. В. Delta Берроуза для древнегреческих авторов: опыт применения // ΣΧΟΛΗ. 2022. № 2 (16). С. 693–705.

2. Андреев В. С. Моделирование индивидуального стиля американских поэтов-романтиков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 47–52.

3. Андреев В. С., Павлова Л. В., Романова И. В. Поэтика цвета «cattleya labiata» в лирике Владимира Набокова // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 214–224.

4. Двинятин Ф. Н., Ковалев Б. В. Романы Владимира Набокова в контексте русской межвоенной прозы: стилеметрический аспект // Новый филологический вестник. 2024. № 1 (68). С. 203–216.

5. Ковалев Б. В. Delta и «бум»: романы Марио Варгаса Льосы через призму стилеметрии // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 116–141.

6. Корконосенко К. С. «Вожаки» и «Щенки» Варгаса Льосы: истории о поражениях / Варгас Льоса М. Вожаки. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. С. 5–20.

7. Кретов А. А., Фаустов А. А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 16–31.

8. Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. Авторский тезаурус и сочетаемость слов: лексико-статистические модели индивидуального стиля // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 8–15.

9. Надъярных М. Ф. Жестокая человечность Марио Варгаса Льосы // Латинская Америка. 2010. № 12. С. 63–76.

10. Орехов Б. В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилеметрии // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 200–213.

11. Петров В. В., Марусенко М. А., Пиотровская К. Р., Маньяс И. Н., Мамаев Н. К. Об авторстве «писем Берии из заточения» // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 586–605.

12. Adorno R., Echevarría R. G. Breve historia de la literatura latinoamericana colonial y moderna. Madrid : Editorial Verbum, 2017. 290 p.

13. Boller A. Novela archivo y el Sueño del Celta de Mario Vargas Llosa // Chasqui. 2020. Vol. 49. № 2. P. 162–175.

14. Burrows J. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // Literary and Linguistic Computing. 2002. № 3. P. 267–287.

15. Calvo Tello J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels // Romanische Studien. 2019. № 6. P. 151–163.

16. Castany Prado B. Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa. // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. 2007. № 2. P. 19–27.

17. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis // R Journal. 2016. № 1(8). P. 107–121.

18. Fuentes C. La nueva novela latinoamericana. México: Editorial Joaquín Mortiz, 1969. 98 p.

19. Hernández-Lorenzo L., Byszuk J. Challenging Stylometry: The Authorship of the Baroque Play La Segunda Celestina // Digital Scholarship in the Humanities. 2023. № 38. P. 544–558

20. Jannidis F., Lauer G. Burrows's Delta and its use in German literary history // Distant readings: Topologies of German culture in the long nineteenth century / Ed. by M. Erlin, L. Tatlock. Rochester : Camden House, 2014. P. 29–54.

21. Juola P. The Rowling case: A proposed standard protocol for authorship attribution // Digital Scholarship in the Humanities. 2015. № 30. P. 100–113.

22. Novoa C.P. Desmontaje del artificio de la «novela total» en «Conversación en la Catedral» de Mario Vargas Llosa // Tonos digital. 2020. Vol. 38(1). P. 1–21.

23. Sánchez P. La emancipación engañosa. Una crónica transatlántica del boom (1963–1972). Alicante : Universidad de Alicante, 2009. 238 p.

24. Shumilin M. V., Nikolaev D. S. Identifying Latin Authors through Maximum-Likelyhood Dirichlet Inference: A Contribution to Model-Based Stylometry // Shagi/Steps. 2021, 7(1), 183–198.

25. Skorinkin D., Orekhov B. Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta // Digital Scholarship in the Humanities. 2023. Vol. 38. №. 3. P. 1246–1266.

26. Ternicier C. El boom latinoamericano y la movilidad de los polisistemas: una discusión a la propuesta de Pascale Casanova // Mitologías hoy: Revista de pensamiento, critica y estudios literarios latinoamericanos. 2014. № 9. P. 184–200.

27. The Cambridge Companion to Mario Vargas Llosa / Ed. by E. Kristal, J. King. Cambridge : Cambridge UP, 2012.

Reference list

1. Alieva O. V. Delta Berrouza dlja drevnegrecheskih avtorov: opyt primenenija = Burrows' Delta for ancient

Greek authors: an application case study // ΣΧΟΛΗ. 2022. № 2 (16). S. 693–705.

2. Andreev V. S. Modelirovanie individual'nogo stilja amerikanskih pojetov-romantikov = Modeling the individual style of American Romantic poets // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2012. № 10. S. 47–52.

3. Andreev V. S., Pavlova L. V., Romanova I. V. Pojetika cveta «cattleya labiata» v lirike Vladimira Nabokova = Poetics of the color «cattleya labiata» in Vladimir Nabokov's poetry // Novyj filologicheskij vestnik. 2021. № 3(58). S. 214–224.

4. Dvinjatin F. N., Kovalev B. V. Romany Vladimira Nabokova v kontekste russkoj mezhvoennoj prozy: stilemetricheskij aspekt = Vladimir Nabokov's novels in the context of Russian prose between the wars: stylometric aspect // Novyj filologicheskij vestnik. 2024. № 1 (68). S. 203–216.

5. Kovalev B. V. Delta i «bum»: romany Mario Vargasa L'osy cherez prizmu stilemetrii = Delta and «boom»: the novels by Mario Vargas Llosa through the prism of stylometry // Literatura dvuh Amerik. 2023. № 15. S. 116–141.

6. Korkonosenko K. S. «Vozhaki» i «Shhenki» Vargasa L'osy: istorii o porazhenijah = Vargas Llosa's «Leaders» and «Puppies»: stories of defeat / Vargas L'osa M. Vozhaki. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. S. 5–20.

7. Kretov A. A., Faustov A. A. Ponjatie markemy i predvaritel'nye itogi markemnogo analiza russkoj literatury = The concept of markeme and preliminary results of markemic analysis in Russian literature // Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2017. № 4. S. 16–31.

8. Muhin M. Ju., Muhin N. Ju. Avtorskij tezaurus i sochetaemost' slov: leksiko-statisticheskie modeli individual'nogo stilja = Author's thesaurus and word combinability: lexico-statistical models of individual style // Filologicheskij klass. 2019. № 4 (58). S. 8–15.

9. Nad#jarnyh M. F. Zhestokaja chelovechnost' Mario Vargasa L'osy = Mario Vargas Llosa's brutal humanity // Latinskaja Amerika. 2010. № 12. S. 63–76.

10. Orehov B. V. Tekst i perevod Vladimira Nabokova cherez prizmu stilemetrii = Vladimir Nabokov's text and translation through the prism of stylometric // Novyj filologicheskij vestnik. 2021. № 3(58). S. 200–213.

11. Petrov V. V., Marusenko M. A., Piotrovskaja K. R., Man'jas I. N., Mamaev N. K. Ob avtorstve «pisem Berii iz zatochenija» = On the authorship of «Beria's letters from captivity» // Vestnik SPbGU. Pravo. 2019. T. 10. № 3. S. 586–605.

12. Adorno R., Echevarría R. G. Breve historia de la literatura latinoamericana colonial y moderna. Madrid : Editorial Verbum, 2017. 290 p.

13. Boller A. Novela archivo y el Sueño del Celta de Mario Vargas Llosa // Chasqui. 2020. Vol. 49. № 2. R. 162–175.

14. Burrows J. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // Literary and Linguistic Computing. 2002. № 3. R. 267–287.

15. Calvo Tello J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels // Romanische Studien. 2019. № 6. P. 151–163.

16. Castany Prado B. Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa. // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. 2007. № 2. R. 19–27.

17. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis // R Journal. 2016. № 1(8). R. 107–121.

18. Fuentes C. La nueva novela latinoamericana. México: Editorial Joaquín Mortiz, 1969. 98 p.

19. Hernández-Lorenzo L., Byszuk J. Challenging Stylometry: The Authorship of the Baroque Play La Segunda Celestina // Digital Scholarship in the Humanities. 2023. № 38. R. 544–558

20. Jannidis F., Lauer G. Burrows's Delta and its use in German literary history // Distant readings: Topologies of German culture in the long nineteenth century / Ed. by M. Erlin, L. Tatlock. Rochester : Camden House, 2014. R. 29–54.

21. Juola P. The Rowling case: A proposed standard protocol for authorship attribution // Digital Scholarship in the Humanities. 2015. № 30. P. 100–113.

22. Novoa C.P. Desmontaje del artificio de la «novela total» en «Conversación en la Satedral» de Mario Vargas Llosa // Tonos digital. 2020. Vol. 38(1). R. 1–21.

23. Sánchez P. La emancipación engañosa. Una crónica transatlántica del boom (1963–1972). Alicante : Universidad de Alicante, 2009. 238 p.

24. Shumilin M. V., Nikolaev D. S. Identifying Latin Authors through Maximum-Likelyhood Dirichlet Inference: A Contribution to Model-Based Stylometry // Shagi/Steps. 2021, 7(1), 183–198.

25. Skorinkin D., Orekhov B. Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta // Digital Scholarship in the Humanities. 2023. Vol. 38. №. 3. R. 1246–1266.

26. Ternicier C. El boom latinoamericano y la movilidad de los polisistemas: una discusión a la propuesta de Pascale Casanova // Mitologías hoy: Revista de pensamiento, critica y estudios literarios latinoamericanos. 2014. № 9. P. 184–200.

27. The Cambridge Companion to Mario Vargas Llosa / Ed. by E. Kristal, J. King. Cambridge : Cambridge UP, 2012.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 23.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 801.804
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-150
EDN: EHPJKO

Влияние феминизации на национальную языковую политику Франции

Игорь Владимирович Скуратов[1]✉, Наталия Глебовна Епифанцева[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
[2]Доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
[1]iv.skuratov@guppros.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0578-4855
[2]nepifantseva @yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2231-0387

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении особенностей феминизации существительных на – al, – ant, – eur и их гендерных феминитивных параллелей с грамматической точки зрения и языкового узуса. Актуальность исследования продиктована научным интересом к явлению феминизации – сложнейшего и широко дискутируемого феномена в области французского и русского словообразования, отражающего языковые традиции и инновации в деривационном процессе. Языковая политика Франции отличается поддержкой на государственном уровне, традиционным уважением к достижениям французского языка, детальным рассмотрением и обсуждением лингвистических нововведений. В статье представлен анализ точек зрения на феминизацию ее сторонников и противников. Последние аргументируют свои действия в поддержку употребления традиционных, стабильных форм существительных женского рода доводами социолингвистического характера, подчеркивая особую роль и предназначение французского языка. Споры вокруг феминизации фактически ставят вопрос о том, кому принадлежит язык? Согласно мнению сторонников государственности, центром франкофонного сообщества – франкофонии – в Европе и в мире считается Франция и столица страны Париж. Следуя этой логике, французский язык принадлежит только гражданам Франции, а бельгийцы, люксембуржцы, квебекцы, швейцарцы и т. д. являются в некотором роде его арендаторами, что свидетельствует о чувстве языковой незащищенности граждан этих стран. Существует точка зрения, согласно которой прерогатива языковой политики не только национально-французская, но она принадлежит французской Академии. В этой связи логично задаться вопросом о реальном месте и роли французской Академии в современном франкоязычном обществе: кто сегодня определяет, какими должны быть стандарты французского языка? Каковы, например, нормативные грамматики и словари? С другой стороны, осведомлены ли академики лучше, чем эксперты Высшего совета по французскому языку – разработчики бельгийского руководства по феминизации? Еще один аргумент, выдвинутый критиками феминизации, напрямую связан с понятием «использования языка» – часто с большой буквы, как в «хорошем использовании» (Bon usage): «Мы должны позволить языковому узусу сделать это». Результаты изыскания представляют новизну, определяя соотношение традиционных форм и неологизмов в словарном составе языка.

Ключевые слова: языковая политика; феминизация; неологизмы; узус; деривация; франкофония
Для цитирования: Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г. Влияние феминизации на национальную языковую политику Франции // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 150–161. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-150. https://elibrary.ru/EHPJKO

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Feminization influence on the national language policy in France

Igor V. Skuratov[1]✉, Natalia G. Epifantseva[2]
[1]Doctor of of philological sciences, professor at the department of germanic and romance philology, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24.

© Скуратов И. В., Епифанцева Н. Г., 2025

[2]Doctor of of philological sciences, professor at the department of translation studies and cognitive linguistics, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24.
[1]iv.skuratov@guppros.ru✉, https:// orcid.org/0000-0003-0578-4855
[2]nepifantseva @yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2231-0387

Abstract. The aim of the article is to identify the specifics of noun feminization with suffixes – al, – ant, – eur and their gender feminine parallels from the grammatical point of view and linguistic usage. The relevance of the study is due to the scientific interest in the feminization phenomenon – a complex and widely discussed phenomenon in the field of French and Russian word formation, reflecting linguistic traditions and innovations in the derivational process. French language policy is characterized by the state support, traditional respect for the achievements of the French language, and detailed consideration and discussion of linguistic innovations. The article analyzes different points of view on feminization of its supporters and opponents. The latter support using traditional, stable forms of feminine nouns with sociolinguistic arguments, emphasizing the special role and mission of the French language. The controversy around feminization actually raises the question of who owns the language. According to the supporters of statehood, the center of the Francophone community – Francophonie – in Europe and in the world is considered to be France and its capital, Paris. Thus, following this logic, the French language belongs only to French citizens, while Belgians, Luxembourgers, Quebecers, Swiss, etc. are in a way its tenants. This fact indicates a sense of linguistic insecurity among the citizens of these countries. There is a view that the prerogative of language policy is not only nationally French, but it belongs to the French Academy. In this regard, it is logical to wonder about the real place and role of the French Academy in today's French-speaking society: who determines what should be the standards of the French language today? For example, what are normative grammars and vocabularies? On the other hand, are academics better informed than the experts from the Superior Council of the French Language, the authors of the Belgian manual on feminization? Another argument by critics of feminization is directly related to the notion «language usage» – often with a capital letter, as in «good usage» (Bon usage): «we should let language usage do this». The results of the survey show novelty, determining the ratio of traditional forms and neologisms in the language vocabulary.

Key words: language policy; feminization; neologisms; usage; derivation; francophonie

For citation: Skuratov I. V., Epifantseva N. G. Feminization influence on the national language policy in France. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):150–161. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-150. https://elibrary.ru/EHPJKO

Введение

Географически Франция в основном расположена в центре франкофонии, на европейском континенте, но решение вопросов, касающихся французского языка, его современного состояния и гендерной политики – это в значительной степени зависит от феномена репрезентации. Подобная ситуация не имеет аналогов в англоязычном мире, который не придает большого значения особенностям языкового узуса в Соединенном королевстве, где даже не существует единого английского языка, представленного «вариантами британского». Та же ситуация наблюдается в испаноязычных странах, например, в странах Латинской Америки, с индейским субстратом, которые не принимают Испанию в качестве ориентира. Аналогично в отношениях между португалоязычными территориями и Португалией, где под влиянием процесса глобализации происходит вытеснение португальского языка английским.

В представлении многих лингвистов Франкофония является иерархической структурой, и Франция, в частности Париж, который задает тон, находится в центре, а периферия должна им следовать, и в области гендера языковой политики также. Действительно, французский язык, национальный язык Французской республики (включая заморские департаменты и территории) и основной в романской группе индоевропейских языков, до настоящего времени распространен в мире и не утратил своего международного значения. Французский язык входит в число официальных рабочих языков ООН, в Евросоюзе на французском языке функционирует судопроизводство (решения Европейского суда принимаются на французском языке, что строго соответствует принципу интегрального мультилингвизма). Часть населения европейских стран (Бельгии, Люксембурга, Швейцарии) пользуется французским языком, жители Квебека в Канаде говорят на нем и отстаивают приоритет французского языка, многие государства Африки, особенно Тунис, Алжир, Марокко, после обретения независимости не отказались от французского языка, его преподают в школе, им пользуется образованная часть населения этих стран.

Французский язык провозглашен на законодательном уровне страны мощным определяющим фактором национального самосознания, посредником и проводником национального наследия. Президент Франции Валери Жискар д’Эстен под-

писал 31 декабря 1975 г. Закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого, а значит, и чужой культуры. Закрепление статуса французского языка как основного национального языка Франции датируется принятием Закона Тубона (La loi Toubon) от 4 августа 1994 г., утвердившего меры, направленные на усиление роли французского языка в мире. В современной Франции осуществляется эффективная языковая политика и соответствующая программа государственной поддержки французского языка как внутри страны, так и в формате франкофонии. Языковая политика понимается как система мероприятий и законодательных актов, реализуемая государственными и общественными институтами, которые ставят перед собой определенные языковые цели. Ведущая роль в культурно-языковой политике отводится Франкофонии. В середине прошлого века, после неудачной попытки создать Содружество бывших колониальных стран, проект Франкофонии долгие годы оставался без внимания к нему со стороны государства: в условиях биполярного мира Франция придерживалась политики балансирования между полюсами, демонстрируя «независимость» своего внешнего политического курса. Деятельность Франкофонии активизировалась после распада биполярной мировой системы в 1990-е гг. Создается Агентство по французскому образованию за границей, деятельность которого следует принципу определенной градации среди франкоязычных стран и регионов. Французы как реалисты признают за английским языком роль международного посредника и первого иностранного языка, изучаемого в рамках школьной программы. В связи с этим преференции Франкофонии, направленные на развитие французского языка и сохранение его международной значимости, имеют Заморские департаменты и Заморские территории Франции, затем страны, население которых говорит на французском языке, и, наконец, страны, где французский язык изучается как иностранный в средних и высших учебных заведениях.

Споры о том, «кому принадлежит французский язык?», фактически связаны с вопросом феминизации [Klinkenberg, 2001, 2006]. Мнение противников феминизации таково, что французский язык принадлежит только гражданам Франции, но не гражданам франкофонных европейских стран. Поэтому положение, согласно которому бельгийцы, люксембуржцы, квебекцы, швейцарцы... не владеют своим языком, являясь в некотором роде его арендаторами, как видно, свидетельствует о чувстве языковой незащищенности граждан этих стран.

Как можно интерпретировать ситуацию? Если речь идет о проявлении имперской политики, то прерогатива решения гендерного вопроса – это прерогатива гражданина Франции. Если возмущаются билингвы, то это свидетельствует об их чувстве языковой несправедливости. Итак, вопросы, связанные с гендерной политикой французского языка, рассматриваются двояко: эти вопросы являются прерогативой французов и только французов или же они касаются носителей французского языка за пределами Франции. Причем очевидно, что языковая политика касается только европейских стран и не затрагивает франкофонные государства других континентов (Америки, Азии, Африки и прочих территорий).

«Если жители Квебека, бельгийцы, швейцарцы начнут устанавливать языковые стандарты, каждый в своем «медвежьем углу», они поставят под угрозу единство языка» [Dister, 2009, p. 161–162]. Сторонники феминизации отвечают, что французский язык, как и любой другой, никогда не знал единства. Свидетельством тому – история и эволюция французского языка.

Французский язык, благодаря историко-экономическим условиям на территории бывшей римской провинции и духовному потенциалу франкофонов, населявших ее, прошел тысячелетний путь развития от периода народной латыни до языка общенациональной нормы. На всем протяжении эволюционного пути важная роль в становлении языковой нормы отводилась письменно-литературному языку [Катагощина, Васильева, 1997].

В XIV–XV вв. процесс формирования общефранцузского письменно-литературного языка заметно активизируется. Ведущую роль в этом процессе играет франсийский диалект, один из западной группы диалектов. На нем говорят жители Парижа, столицы королевского домена, ставшего политическим, экономическим и культурным центром Франции. В этот период расширяется сфера использования письменно-литературного языка от светской литературы до эпистолярного и делового языка [Катагощина, 2012]: создаются мистерии религиозного содержания («Mistère du vieux Testament», «Mistère de la Passion»), фарсы и соти комедийного жанра («La farce du meistre Pierre Pathelin»), нравоописательные романы (сборник «Cent nouvelles nouvelles»).

В период французского Ренессанса мемуарная литература представлена крупным писателем Фи-

липпом де Комин (1446–1511). Лирическая поэзия характеризуется двунаправленным развитием. С одной стороны – условная, придворная поэзия представлена поэзией Христины Пизанской (1364–1429), Карлом Орлеанским (1394–1465), с другой – поэзия, развивающаяся на живой народной основе, представленная в стихах гениального поэта той эпохи Франсуа Вийона (1431–1463).

В этот период французский язык используется в качестве делового в северных и восточных областях Франции, а также в судах Парижа. Наряду с документами на латинском языке акты королевской канцелярии составляются на французском языке. Заседания парламента, как высшей судебной инстанции того времени, проводятся на французском языке, хотя его решения фиксируются все еще на латинском. Парижский уголовный суд (Châtelet) полностью работает на французском языке. Таким образом, этот период в области официально-деловой переписки характеризуется двуязычием и преобладанием латинского языка, в то же время французский письменно-литературный язык активно проявляет себя его конкурентом. Сфера употребления французского языка расширяется за счет переводных текстов с латинского и с древнегреческого: перевод трудов Тита Ливия литератором П. Берсюиром, кстати, автором неологизмов, таких как interprète (m), orateur (m) для одушевленных существительных обоих полов, и разные слова для мужского и женского пола – héros / héroïne, mâle / femelle. Для расширения сферы применения французского письменно-литературного языка в этот период имелись определенные исторические предпосылки, поэтому он постепенно приобретает признаки, характерные для языка национального периода – многофункциональность и общераспространенность.

Следующий период становления французского письменно-литературного языка, охватывающий XVI–XVIII вв., ярко представлен правлением короля Франциска I, известного благодаря Ордонансу Вилер-Котре. Все официальные документы, деловая переписка, судопроизводство ведутся на французском языке. Этим самым был нанесен окончательный удар по латинскому языку и по диалектам. Кстати сказать, современный Президент Франции задался целью сравнить себя с этим королем. Словно желая встать в один ряд со своими предшественниками – покровителями искусств и науки (у Жоржа Помпиду был свой музей современного искусства, а у Франсуа Миттерана – библиотека его имени), Эммануэль Макрон объявил о создании Дворца Франкофонии в замке Вилер-Котре (Villers-Cotterês), в 70 км от Парижа. Плацдарм инновационных технологий по распространению французского языка в мире – таково пожелание президента. Проект тем более многозначительный, что именно в этой впоследствии заброшенной королевской резиденции в 1539 году Франциск Первый подписал указ об использовании французского языка в официальных документах (взамен латыни), что во французской историографии стало началом централизации страны и языковой унификации [Фокина, 2021].

В эту эпоху на французском языке издаются переводы древнегреческих авторов, целая литература по различным отраслям науки, создается французский колледж Collège de France. Последующие периоды характеризуются утверждением французского языка как государственного и его распространением в мире.

Пока французский язык остается живым и приспосабливается к изменениям в глобальном масштабе, всегда будут существовать его разновидности, отличающиеся в зависимости от региона, социального класса, эпохи, профессии и т.д. Можно также добавить, что рекомендации по феминитивам разных стран, предоставленные официальными органами, в значительной степени сходятся. Существуют некоторые различия, но их не много.

Однако можно ли согласиться с тем, что между франкоговорящими людьми больше не будет взаимопонимания, потому что одни выступают за использование названия профессии: un commis (служащий), а другие за une commise (служащая); потому что в одном регионе говорят un chef (шеф-повар), а в другом – une cheffe (шеф-повариха) [Корж, Скуратов, 2023, с. 166–173]. В результате, формируется синонимический ряд форм женского рода, например, une traiteur, une traiteuse, une traiteure – наименования сельскохозяйственной профессии «доярка». Заметим, что в русском языке гендерный аналог – форма мужского рода наименования этой профессии – «оператор машинного доения», также могла бы иметь феминитивное выражение: *«операторка» или *«операторша» и даже *«операторесса» машинного доения [Епифанцева, 2021]. В словаре современного русского языка зафиксированы феминизированные наименования профессий и средств производства, но такие «нововведения, как «партнерка», «философка», даже не приняты к рассмотрению [Национальный корпус русского языка…].

Приведенные примеры иллюстрируют хорошо известную тактику осуждения инициативы, которую используют противники реформы орфографии, аргументируя тем фактом, что дети, обученные новому правописанию, больше не смогут читать книги, напечатанные старым шрифтом! Закономерен вопрос, смогут ли они еще вообще читать?

Французская Академия и национальное гендерное лицо

Существует точка зрения, согласно которой прерогатива языковой политики не только национальная – французская, но она зарезервирована за французской Академией. Французская академия была создана в 1635 г. по инициативе А. Ришельё, её основная деятельность была сосредоточена на составлении толкового словаря и проводилась в духе «аристократического пуризма», очистки лексики литературного языка от «грязных слов», народных выражений, терминологии и т. п. В результате было подготовлено первое издание академического словаря, основы литературного «благородного стиля» (style noble). Только сорок мудрецов были компетентны давать заключения по языку: только они вправе принимать решения, на них возложена миссия заботиться о хорошей речи и защищать французский язык от всех проявлений варварства. Кстати, в наше время именно с этим подтекстом Морис Дрюон, бессменный секретарь Французской академии, обращается к своему бельгийскому коллеге из Королевской академии французского языка и литературы, критикуя бельгийскую практику феминизации [Druon, 1997].

Госпожа министр, Господин мышь

«Госпожа министр, господин мышь! Странные они, эти дамы! Во время выборов они вопят и визжат, что недостаточно представлены в общественной жизни, что за ними не зарезервировано достаточно мест в парламенте, что они жертвы несправедливой, дискредитировавшей себя политики; они обличают дискриминационный статус, который им навязали, одним словом, нет, потоком слов, они жалуются на свое неравенство с мужчинами. После этого, кто осмелится сказать, что они лишены логики?

Четыре члена правительства-женщины, и не меньше, решили называть себя «Madame la ministre» (госпожа *министерша). Вот такая новость! Наверное, они не знают или запамятовали проект документа о феминитивах названий титулов и должностей, который теперь ведет г-жа Руди. Проект был осмеян и приостановлен декретом Академии, подготовленным господами Жоржем Дюмезиль и Клодом Леви-Стросс [Déclaration de l'Académie française, 2008]. Подписи не вызывают сомнений. Наши собратья по науке напоминают нам, что во французском языке так называемый мужской род является немаркированной – нейтральной формой, тогда как феминизация термина, формируя категорию в классе слов, ведет в данном случае к сокращению объема понятия.

Вольному воля, пусть наши подруги из Квебека, с присущей им наивностью называют себя «auteure» (*авторками), «professeure» (*профессорками) и «écrivaine» (*писательшами); ясно, что у этих слов мало шансов для ассимиляции во Франции и франкофонном мире. Так же, как и власти Французского сообщества Бельгии, отвечающие за вопросы культуры, вольны были издать указ, из которого ясно, что женщина-тренер спортивной команды отныне будет называться «entraîneuse» (*тренершей), а женщина-сотрудник пожарной команды должна называться «pompière» (*пожарная). Узус – вот хозяин языка, которому нельзя навязать праздные фантазии.

Знак уважения

Когда женщины стали заниматься медициной, появилось слово «doctoresse» (*докторесса) и со временем исчезло. Сегодня женщины-медики хотят, чтобы их называли «доктор». То же самое с докторами наук в разных областях: фармакологии, права, филологии. Правда, в педагогике и лингвистике докторесс предостаточно. Нам могут возразить тем, что существуют в языке слова «des bouchères» (хозяйка мясной лавки), «des boulangères» (булочница). Это так, но потому что истоки этих слов существовали как «жена мясника» и «жена булочника».

«Institutrice», «directrice» представляют особый случай, укоренившийся с давних пор в языковом узусе, в котором нет «proviseuses» (*провизоршей), ни «Madame la Proviseure» (госпожи провизорша). Женщина-глава дипломатической миссии зовется «Madame l'Ambassadeur» (Госпожа Посол), как в свое время называлась Миссис Памела Гарриман. Наименование этой высокой должности не подлежит феминизации: «l'ambassadrice» – это жена посла. Уместно напомнить в этой связи о Жанне Совэ, которая отказалась от феминизации названия своей должности «Gouverneur-général» (генерал-губернатор).

Когда госпожа Розес возглавила Кассационный суд, она потребовала, чтобы ее называли не иначе как «Madame le Premier Président» (Госпожа Пер-

вый председатель). Также госпожа Жандро-Масалу называется Госпожой ректором Парижской академии, канцлером университетов, Госпожа Ромийи, госпожа Карер д'Анкос являются, к счастью, госпожами академиками. Эти дамы обладают лингвистическим чутьем.

Они склонны использовать генетически обусловленные названия, а именно живые формы, мужского или женского рода, которые, надо признаться, не имеют особого логического обоснования. Но таков узус с незапамятных времен. «la souris» (мышь), «la grenouille» (лягушка), «la cigogne» (цапля) – женского рода, и «la cigogne mâle» (цапля мужского биологического пола) остается в грамматической категории женского рода. И незачем было Лафонтену сочинять басню «Monsieur le souris» (Господин мышонок)...

Во французском языке человеческий род (genre humain) представлен формой мужского рода (du masculin), он выделен на фоне видового понятия (l'espèce homme). Наименования таких должностей, как министр и т.п., подчиняются тому же правилу и выделяются как почетные должности на фоне остальных. Так, пусть дама с министерским портфелем остается «Madame le ministre» (госпожой министром). В этой должности эти дамы имеют право на наше огромное уважение, более того, как женщины – на наше почтительное отношение к ним».

В этой связи, следовало бы задаться вопросом о реальном месте и роли французской Академии в современном франкоязычном обществе. Кто сегодня определяет, какими должны быть стандарты французского языка? Каковы, например, нормативные грамматики и словари? [Skouratov, 2021]. С другой стороны, обладают ли академики, избираемые не из числа экспертов в области языка, а, прежде всего, из числа литераторов, писателей, журналистов, историков, знаниями о языке, превосходящими знания лингвистов Квебекского управления французского языка, которые вносили и разрабатывали предложения по феминитивам в Квебеке?

Осведомлены ли академики лучше, чем эксперты Высшего совета по французскому языку – разработчики бельгийского руководства по феминизации? Обладают ли академики более тонким лингвистическим чутьем, чем лингвисты Национального института французского языка (INALF)? И, наконец, сколько людей из числа критиков феминизации имеют в своем распоряжении Словарь Академии? Разве они не предпочли бы ему более современное, более свежее справочное издание, отвечающее интересам современного общества?

Противники феминизации также отвергают власть государства в этой области: властям не следовало бы издавать законы, указы и циркуляры; другими словами, государству не следовало бы вмешиваться в языковые вопросы. Суть этого аргумента состоит в осуждении любой языковой политики, как, кстати, это сделала французская Академия в 1998 году в письме на имя Президента Республики, в котором подверглось критике обращение госпожи министра: «Невероятно, чтобы указы о назначении должностных лиц наделяли министров способностью по своему усмотрению изменять французскую грамматику и языковые обычаи».

Как во всех случаях глубокой озабоченности, нам (Академикам) приходится обращаться к власти общества. Когда-то Верховные суды, в которые Академия была ассоциирована, имели право потребовать исправления ошибок. Лишенные этого права, мы иногда пользуемся правом адресата. Так мы поступили в начале этого года, когда было выявлено, что члены французского правительства-женщины решили называть себя и подписывать официальные документы феминитивом – «la ministre» [Druon, 1997].

Государству не следует вмешиваться в языковую политику

Меры, принимаемые властью, касаются лишь очень небольшой части языкового узуса. Так, декрет, принятый в 1993 году франкоязычным сообществом Бельгии, распространяется только на циркуляры учреждений, находящихся под его опекой [Ульяницкая, 2022, с. 144–159]. Аналогичным образом, во Франции указы от 11 марта 1986 г. и 6 марта 1998 г. в основном адресованы органам государственного управления. То есть, в обоих случаях, речь идет о документах, исходящих от властных структур, которые рекомендуют использовать термины женского рода, в то время как феминитивы в частных документах никоим образом не затрагиваются.

Вопрос невмешательства государства в языковой процесс регулярно встает в спорах, связанных с широко разрекламированными реформами, такими как орфография или феминизация. Помимо этих очень заметных проявлений, государство фактически постоянно вмешивается в языковую ситуацию: при решении о том, что Европейский Союз отныне является официальным названием европейской наднациональной структуры; при

установлении евро как единой союзной валюты; при определении согласованного названия рыб; при маркировке продуктов с обозначением страны производителя; при определении рабочего языка (языков), используемого(ых) европарламентом и т. д.

Примером вмешательства государства в языковую политику может служить дискуссия по вопросу бельгийского образования, в частности включение переходного уровня (athénée) в среднюю школу, когда решается, какая степень будет указана в дипломах – степень бакалавра или магистра.

В действительности все государства проводят языковую политику. Иногда явно, волевым образом, а иногда скрытно, оставаясь безучастным, пуская процесс на самотек. Например, при составлении инструкций по эксплуатации импортной техники в одних странах действуют законодательные акты, предписывающие составление руководств по эксплуатации на языке потребителя, в других – государство не занимается этим вопросом, игнорирует предмет, считает его неважным для потребителя – это тоже языковая политика. А также государства, которые выпускают дипломы с пометкой «Бакалавр права» даже для студенток, проводят такую же языковую политику, как и те, которые в данном случае рекомендуют применение феминитива, подчеркивающего гендерную принадлежность.

Социолингвистический аспект феминитивов

Как уже говорилось, сторонники феминизации, и в первую очередь феминистские движения второго поколения, требуют использования феминитивов, считая их одним из факторов, влияющих на социальную значимость женщин, на требования гендерного равенства и т. д. Поэтому для них феминизация названий профессий – это, прежде всего, социальный и идеологический вопрос [Klinkenberg, 2006]. Противники, со своей стороны, используют лингвистическую основу, чтобы оправдать отказ от женских ярлыков. Но приходится констатировать, что под прикрытием лингвистических аргументов речь идет, по существу, об идеологии и консерватизме.

Престижные профессии

Одним из признаков того, что нежелание феминизации носит, прежде всего, идеологический характер, является тот факт, что до сих пор существуют профессии, которые считаются мужскими, а для женщин эти профессии отмечены ореолом престижности.

Так, например, la secrétaire (секретарша) – термин, который без проблем используется в женском роде, поскольку эту профессию в основном занимают женщины. Можно также сказать une secértaire qualifiée (квалифицированная секретарша), une secrétaire du service comptabilité (секретарша бухгалтерии) и т. д. Форма мужского рода может даже считаться неуместной по отношению к женщине. Но когда впервые в истории женщина занимает ответственную должность, как Элен Каррер д'Анкосс, назначенная на пост бессменного секретаря Французской академии, то она пожелала называться Мадам бессменный секретарь: «Идеология стала причиной удручающего лингвистического нововведения, феминизации наименований должностей и званий» [Carrère, 2008]. Дело в том, что она не простая секретарша, подчиненная начальнику! Также, в отношении других высоких должностей используется наименование мужского рода: le secrétaire de recherche, le secrétaire d'Etat (административный секретарь, государственный секретарь), хотя, правда, это происходит все реже и реже.

Приведенный пример с феминитивом «секретарша» наглядно показывает, что нефеминизация, то есть использование традиционной формы, обусловлена не морфологическими трудностями, стремлением избежать омонимов или категориальными характеристиками слов, но социальным фактором – уровнем престижности профессий.

Часто одни и те же люди протестуют против введения новых феминизированных наименований профессий, ссылаясь на фактор омонимии, то есть выступают за сохранение только формы мужского рода, например, le secrétaire d'Etat, забывая при этом, что форма женского рода la secrétaire однозначна, тогда как форма мужского рода многозначна: секретарь, секретер, птица-секретарь.

Аналогичным образом, многие женщины в академических кругах называют себя directeur de recherche (научными руководителями – директорами), сохраняя традиционную форму мужского рода. По их мнению, форма женского рода наименования должности la directrice d'école (директрисы школы) возможна потому, что la directrice d'école занимает более низкую ступень социальной лестницы. В этом вопросе уместно сравнение с русским языком: если «учитель» считается нейтральным наименованием профессии, феминизированное наименование «учительница» зафиксировано в словаре, «училка» относится к

жаргонизмам, то «учителка», наравне с другими неологизмами, появившимися на гендерной волне: «поэтка», «партнерка», «редакторка» и т. п. должны пройти проверку коммуникативной практикой, чтобы войти в лексический состав русского языка [Лукьянова, 2024].

По-прежнему часто сами женщины претендуют на сохранение формы мужского рода в наименовании традиционно мужской профессии, которую им удалось освоить. Чтобы быть равными мужчинам, эти женщины, занимающие престижные должности, считают, что они должны носить тот же титул, что и мужчины, без каких-либо морфологических различий [Корж, Скуратов, 2023].

Такое отношение самих женщин к феминитивам было отмечено в свое время лингвистом Ж. Гугенэймом: «женщины, достигшие этих новых должностей... отказались носить женские титулы и сохранили мужские титулы… Чтобы объяснить эту особенность, женщины утверждали, что на официальных документах, выданных им, значатся «доктор медицины», «хранитель музея» и т. д., следовательно, есть только мужские титулы. Мы считаем, что истинная причина менее формальна: занимая должности, которые до сих пор были для них запрещены, женщины справедливо или ошибочно опасались, что специально присвоенные женщинам титулы могут в ущерб им провести различие между ними и коллегами-мужчинами [Gougenheim, 2008].

Итак, когда должность престижна, ее следует обозначать формой мужского рода. Закономерен в этой связи вопрос: потеряют ли свой престиж из-за феминизации должность и женщина, которая ее занимает?

Женщины в политике

Если и существует прямой способ наблюдать связь между феминизацией и идеологией, то для этого следует рассмотреть практику, действующую в политических партиях. Для достижения этой цели в более раннем исследовании [Dister, Moreau, 2009] было установлено, как женщины-кандидаты выдвигались на европейских выборах в Бельгии и Франции в 1989 и 2004 годах.

Авторами было обработано около 5000 наименований, которые соответствуют 257 различным терминам. Основным преимуществом этого подхода можно считать то, что он позволяет очень прямо ответить на закономерный вопрос: являются ли языковые практики политически маркированными в строгом смысле этого слова? В частности, внимание было обращено на термины, которые обозначены как «ненасыщенные», то есть на единицы, для которых были обнаружены наименования профессий и должностей, оформленные только мужским родом, либо чередованием форм мужского рода / женского рода.

В результате корпусной обработки терминов авторам удалось продемонстрировать, что политические партии придерживаются так называемого дифференцированного языкового поведения. За некоторым исключением, процент феминитивов, используемых партиями, позволяет при четырех проведенных опросах расположить их по оси, которая довольно точно соответствует политической оси левых и правых, причем левые феминизируют больше, чем правые, и тем более, чем крайне правые.

Феминизация и пресса

Использование гендерных признаков отражается не только в избирательных списках, но и в политической принадлежности. Практика использования феминитивов в прессе также свидетельствует об идеологических вариантах и предпочтениях в отношении гендерного вопроса. Французские газеты, которые после декрета 1998 года используют на своих страницах феминитивы, получили множество писем от читателей, обвиняющих их в том, что они занимают левые политические позиции. И, наоборот, сторонники традиций языковой политики поддерживают правые и центристские партии.

Так, в течение двух недель после того, как в августе 2008 года Сара Пален была назначена коллегой Маккейна, она была названа: la gouverneure (губернаторшей), la gouverneuse (женщиной губернатором) и la gouverneur (губернатором, женщиной-губернатором), то есть с использованием женских ярлыков как средств феминизации. Сопоставительный лингвистический анализ соотношения традиционного наименования (то есть использования форм мужского рода) и феминитивов статусной должности «губернатора» показал: использование феминитивов в 93 % случаев журналистами газеты «Le Monde», также и журналистами газеты «Libération»; только в 23 % случаев в газете «Le Figaro», в которой, кроме того, использовано 38 % форм с детерминативами мужского рода (le gouverneur – губернатор) и 38 % наименований, неопределенных в лексико-грамматическом плане (Sarah Palin, Gouverneur d'Alaska – Сара Пален, губернатор Аляски), при этом эти наименования, не имеющие морфологических или синтаксических определений рода,

составляют всего 7 % в двух других ежедневных газетах [Klinkenberg, 2001].

Проблемы гендера широко обсуждаются на телевидении. Положительной чертой французского телевидения можно считать специальные передачи о новых книгах на основных ТВ каналах. На передачи, как правило, приглашаются авторы и обсуждаются не только художественная литература, но и публицистика и даже научные издания. Эти передачи не живут долго, но им на смену приходят новые. Самая известная среди них, на сегодня уже закрытая, называлась в свое время «Культурный бульон». Ведущий этой программы Бернар Пиво, один из культовых французских тележурналистов, известен и в нашей стране [Кронгауз, 2007]. Кроме всего прочего, Б. Пиво – один из организаторов французских диктантов популярного конкурса, финал которого проводился на телевидении. Диктанты по своему содержанию настолько сложны, что даже победители делают какое-то количество ошибок. Заметим, кстати, что самая образованная королева Франции предреволюционного периода Мария-Антуанетта, проводила подобные диктанты в кругу своих придворных. Известно, что диктанты, написанные королевой, демонстрировали удивительную степень грамотности по сравнению с другими участниками и содержали всего лишь не более 70 ошибок.

Несмотря на трудности французской орфографии и грамматики, французы трепетно относятся к своему языку. В изданной Б. Пиво книге в 2004 году «100 mots à sauver» (100 слов для спасения) автор пишет о том, что люди справедливо заняты спасением птиц, насекомых, растений и других живых созданий, находящихся под угрозой исчезновения. Но никому нет дела до исчезающих слов, хотя, казалось бы, слова родного языка должны быть нам ближе, чем никогда не виданное растение или экзотическое животное. Впрочем, существует лингвистическая экология, правда лингвисты заняты спасением более крупных объектов, чем слова – под угрозой исчезновения находятся целые языки. Известно, что ежегодно в мире исчезает около 25 языков!

Автор книги как профессиональный журналист решает лингвистическую задачу, выявления причины исчезновения из французского языка слова и его судьбы. Решение задачи оказывается возможным благодаря национальной языковой политике, поощряющей налаженную и безостановочную работу лексикографов по составлению французских словарей. Всемирно известные словари Larousse и Robert издают ежегодно, каждый из них, многотомный словарь, и соответственно, однотомные словари Petit Larousse и Petit Robert. Объем словаря более или менее фиксирован, поэтому они включают новые слова, появившиеся за год, и исключают устаревшие.

Например, исчезнувшее слово мужского рода le béjaune происходит от слова bec (клюв) и jaune (желтый), по смыслу и по структуре соответствует русскому «желторотый» (за исключением принадлежности к части речи и порядка следования компонентов). Интересно, что во французском языке существует слово le blanc-bec («белоклювик»), которое отличается от первого по значению, поскольку совмещает значение неопытности с коннотацией самоуверенности и высокомерия. Как жаргонное, слово распространено в армии, где, как известно, «молокососов» не слишком жалуют.

Еще один яркий пример переосмысления междометия saperlipopette, которое когда-то выражало богохульство, а сейчас стало поводом для каламбуров. Вот как выразился один из гостей передачи «Культурный бульон», правда, изменив синтаксическую структуру «ça me perd les popettes» – звучит очень похоже, но смысл такой же расплывчатый, как и в первоначальном междометии.

Другие примеры: форма мужского рода слова brunet (брюнет) зафиксирована как устаревшая, в то время как форма женского рода brunette (брюнетка) вполне жива и осталась в словаре. Русский язык бережно и корректно отнесся к заимствованиям из французского языка и сохранил обе формы, мужского и женского рода. Можно пожалеть об уходящем из употребления существительного мужского рода suivez-moi-jeune homme (буквально: следуйте за мной, молодой человек). Так назывались когда-то модные ленты на женских шляпках, раскачивающиеся сзади и как бы приглашающие следовать за молодой особой. Устарело также существительное женского рода nasarde, обозначающее щелчок по носу как в прямом, так и в переносном смысле.

Приведенные выше примеры демонстрируют лексикографические процессы, результатом которых является постоянство лексического состава языка. Оно достигается за счет двух противоположных тенденций. Исчезновение слов, не только терминологического, но и коммуникативного характера, с одной стороны, в одном направлении, а с другой – появление новых слов, отчасти соотнесенных с новыми технологиями производства, но большей частью зависящие от узуса.

Сторонники использования феминитивных форм приводят, в основном, аргументы социологического характера, касающиеся места женщины в обществе. Этот вопрос, актуальный в настоящее время, тесным образом связан с проблемой политической корректности. Общеизвестным примером может послужить наименование полицейского в английском языке: традиционное policeman, феминизированное policewoman и политкорректное policeperson.

В дореволюционной России поликорректность касалась только лишь лиц благородного сословия: барин / барыня, господин / госпожа служили формами обращения к представителям знати. В середине и, особенно, в конце XIX века появилось сословие разночинцев – представителей интеллигенции, специалистов с университетским образованием, подтвердивших свою профессиональную компетенцию безупречной службой на благо отечества. Обращение к лицам этого сословия требовало уважения, и в русской языковой практике появилось выражение «Ваше благородие». Закономерен вопрос об обращении к супруге чиновника подобного ранга. Казалось бы, следовало ввести феминитивную форму для лиц женского пола. Но указанное выше обращение было применимо к лицам обоего пола, подтверждением тому служат слова известной песни из кинофильма «Белое солнце пустыни»: Ваше благородие, госпожа Удача…

20-е годы прошлого столетия отмечены лингвистической революцией в русском языке в связи с отменой противопоставления между мужчиной и женщиной как членами новой социалистической формации. По примеру французских революционеров, которые ввели обращение «гражданин / гражданка» citoyen / citoyenne), в послереволюционной России это обращение становится нормой. Другим стандартизируемым обращением явилось слово мужского рода «товарищ», хотя русский язык располагает формой женского рода «товарка» как родовой аналог «товарищ». Только в результате языкового опыта, «узуса» в русском языке осталась форма мужского рода, а форма женского рода приобрела отрицательную коннотацию. «Товарищ» как приветствие единомышленников стало шаблонным обращением на всех уровнях социального общения.

В настоящее время русский язык не располагает единой коммуникативной формой: предлагались изначально формы с разделением мужского и женского рода «сударь / сударыня», «господин / госпожа», отдельные формы по возрастному принципу «барышня», кальки с французского и английского языков «сэр / леди», «юный джентельмен / юная леди». Ни одно из вышеуказанных обращений не прошло испытание временем и «узусом», не было принято носителями русского языка. Бытующее в наши дни обращение основано на разделении мужского и женского начала – «мужчина / женщина», свидетельствует о назревшей проблеме гендера в русском языке, решение которой предстоит будущему поколению русофонов.

На уровне современной цивилизации проблема гендера находит сторонников и противников феминизации языковых форм. Инициаторы радикальных мер прибегают к феминизации как лингвистическому аргументу для того, чтобы сказать, что в языке, в котором систематически отражаются сочетания мужское – мужское, женское – женское, ненормально (за пределами нормы) использовать мужской род для обозначения женщин. Помимо этого принципа, они не оправдывают свой выбор причинами, связанными с организацией языка. У противников феминизации – все наоборот. Они не касаются вопросов социологии.

Только узус покажет, какие феминитивные формы будут приняты, а какие отвергнуты

Еще один аргумент, выдвинутый критиками феминизации, касается понятия узуса, то есть правильного использования – часто «узус» пишется с большой буквы, как в «Bon usage» – «хорошем использовании»: «Мы должны позволить языковому узусу сделать это». Законы о всеобщем школьном образовании в начале двадцатого века также вызвали подобную реакцию: «Давайте оставим это на усмотрение родителей».

Помимо масштаба и серьезности поставленных задач, эти две ситуации имеют еще одно важное различие: независимо от того, принимаются ли решения в форме законов, декретов или циркуляров, законодательные тексты, касающиеся феминизации, не содержат никаких обязательств.

Если мы этого не соблюдаем, на нас не налагают никаких санкций. Другими словами, это всего лишь рекомендации: в этих условиях властные структуры, отвечающие за языковую политику, указывают, каков их выбор, к каким практикам относятся их предпочтения, при этом каждый остается свободным в своем собственном использовании. То, что такая позиция властных структур впоследствии повлияет на личностную практику, вполне возможно. Но изменения произойдут только в том случае, если решение, принятое вла-

стью, соответствует тому, чего хотят люди, явно или неявно, сознательно или бессознательно.

В данном случае сторонники феминизации наименований женских статусных профессий быстро добились несомненного успеха, и это явно указывает на то, что власти не ошиблись. Более того, на практике использование феминитивов иногда приобретало более радикальную форму, чем рекомендации. Так, в первом издании 1994 года в бельгийском «Руководстве по феминизации» упоминается в примечании возможность использования феминитивных форм на -eure, например, une ingénieure (женщина-инженер), отдавая при этом предпочтение формам мужского рода с детерминативами женского рода, например, une ingénieur industrielle (женщина-промышленный инженер). В 2005 году при подготовке второго издания авторы Руководства отметили успех, которым пользуются феминитивы в обществе, особенно в прессе, и включили формы на -eure в свой Список рекомендуемых феминитивных форм [Liste des signataires, 2019].

С другой стороны, придерживаются ли сторонники феминизации мнения, что необходимо подвергнуть «аутодафе» все грамматики, все словари? Нет, они согласны допустить, что эти книги иногда представляют некоторый интерес, часто отвечают соответствующим образом на их вопросы в области лингвистики. Сторонники нововведений также должны признать, что руководства по феминитивам позволяют пользователям, предпочитающим феминизировать, делать это в строгих, последовательных рамках, консультируясь со Списком цитирования в отношении форм женского рода, зафиксированных в повседневном употреблении, но еще не отраженных в справочных материалах.

Заключение

Рассмотрев аргументы сторонников и противников феминизации в рамках гендерной проблемы, можно сделать следующее заключение. Языковая политика Франции как центра франкофонии осуществляется по следующим направлениям: вопрос обсуждается в академических кругах под эгидой Французской академии; властными структурами на уровне министерств общего среднего и высшего образования; в средствах массовой информации (СМИ), на страницах печатных изданий и в электронной прессе.

В результате активных действий академических кругов, правительственных учреждений и журналистики продолжаются попытки внедрения феминитивов в сферу профессиональной коммуникации. Позиции противников феминизации по-прежнему остаются прочными.

Напрашивается закономерный вывод об оформлении существительных исследуемого класса мужским / женским родом: только узус может разрешить спор, как это было зафиксировано на протяжении всей истории французского языка.

Библиографический список

1. Катагощина Н. А., Васильева Н. М. Курс истории французского языка : учеб. для институтов и фак. иностр. яз. Москва : «Диана», 1997. 422 с.

2. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Москва : КомКнига, 2012. 112 с.

3. Корж В. И. Скуратов И. В. К проблеме суффиксального образования феминитивов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1. С. 166–173.

4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва : Языки славянских культур, 2007. С. 96–203.

5. Епифанцева Н. Г., Лиходкина И. А. Сравнительно-сопоставительный анализ категорий рода и числа во французском и итальянском языках в аспекте их влияния на адекватность перевода. Москва : Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. № 4. 2021. С. 166.

6. Лукьянова А. Авторка задела за живое // КП, 24.01.2024. С. 15. Москва. URL: http://www.kp.ru (дата обращения: 30.05.2020).

7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html (дата обращения: 30.05.2020).

8. Ульяницкая Л. А. Языковые контакты в бельгийском медиапространстве. // Дискурс. 2022. № 5. Т. 8. С. 144–159.

9. Фокина К. «Мы живем не в стране, а в языке» Как Франция поддерживает влияние в мире с помощью языковых связей // Культура. № 2. 2021. С. 17.

10. Carrère d'Encausse, H. Discours prononcé lors de séance publique annuelle du jeudi 5 décembre 2002. URL: http://www.académie–rançaise.fr/immortels /discours_spa/ carrere2002. html (consulté le 12 octobre 2008).

11. Déclaration de l'Académie française. URL: http://www.academie-francaise.fr/langue/questions.html#feminisation (consulté le 29 septembre 2008).

12. Dister A., Moreau M.-L. Féminiser? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres. Bruxelles, Editions Duculot, 2009, 207 p.

13. Druon M. Madame le Ministre, Monsieur la souris (Maurice Druon, secrétaire perpétuel de l'Académie française) // Le Figaro, 15 juillet 1997.

14. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. P., Presse de la cité, 2008. 418 p.

15. Klinkenberg J-M. La langue et le citoyen, Pour une autre politique de la langue française. Paris : Presses universitaires de France, 2001. 238 p.

16. Klinkenberg J-M. «Le linguiste entre science et idéologie, Le discours épilinguistique sur la féminisation comme trace d'un savoir dégradé». Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2006 Vol. 83 (2). P. 11–32.

17. Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe. 2019. URL :http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convetion-d-engagement-pour-une-communication (дата обращения: 30.05.2020).

18. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография: на франц.яз. 2 изд., доп. Москва : МГОУ, 2021. 154 с.

Reference list

1. Katagoshhina N. A., Vasil'eva N. M. Kurs istorii francuzskogo jazyka = A course of the French language history : ucheb. dlja institutov i fak. inostr. jaz. Moskva : «Diana», 1997. 422 s.

2. Katagoshhina N. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How are the words formed in the French language? Moskva : KomKniga, 2012. 112 s.

3. Korzh V. I. Skuratov I. V. K probleme suffiksal'nogo obrazovanija feminitivov v sovremennom francuzskom jazyke = Towards the problem of feminitives suffixal formation in the French language // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1. S. 166–173.

4. Krongauz M. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva = The Russian language on the verge of nervous breakdown. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 96–203.

5. Epifanceva N. G., Lihodkina I. A. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz kategorij roda i chisla vo francuzskom i ital'janskom jazykah v aspekte ih vlijanija na adekvatnost' perevoda = Comparative analysis of gender and number categories in French and Italian in terms of their influence on translation adequacy. Moskva : Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija Gumanitarnye nauki. № 4. 2021. S. 166.

6. Luk'janova A. Avtorka zadela za zhivoe = The authoress hit a nerve // KP, 24.01.2024. S. 15. Moskva. URL: http://www.kp.ru (data obrashhenija: 30.05.2020).

7. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = The National Corpus of the Russian Language URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html (data obrashhenija: 30.05.2020).

8. Ul'janickaja L. A. Jazykovye kontakty v bel'gijskom mediaprostranstve = Language contacts in Belgian media space // Diskurs. 2022. № 5. T. 8. S. 144–159.

9. Fokina K. «My zhivem ne v strane, a v jazyke» Kak Francija podderzhivaet vlijanie v mire s pomoshh'ju jazykovyh svjazej = «We don't live in the country, we live in the language» How France supports its influence in the world through language contacts // Kul'tura. № 2. 2021. S. 17.

10. Carrère d'Encausse, H. Discours prononcé lors de séance publique annuelle du jeudi 5 décembre 2002. URL: http://www.académie–rançaise.fr/immortels /discours_spa/ carrere2002. html (consulté le 12 octobre 2008).

11. Déclaration de l'Académie française. URL: http://www.academie-francaise.fr/langue/questions.html#feminisation (consulté le 29 septembre 2008).

12. Dister A., Moreau M.-L. Féminiser? Vraiment pas sorcier! La féminisation des noms de métiers, fonctions, grades et titres. Bruxelles, Editions Duculot, 2009, 207 p.

13. Druon M. Madame le Ministre, Monsieur la souris (Maurice Druon, secrétaire perpétuel de l'Académie française) // Le Figaro, 15 juillet 1997.

14. Gougenheim G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. P., Presse de la cité, 2008. 418 p.

15. Klinkenberg J-M. La langue et le citoyen, Pour une autre politique de la langue française. Paris : Presses universitaires de France, 2001. 238 p.

16. Klinkenberg J-M. «Le linguiste entre science et idéologie, Le discours épilinguistique sur la féminisation comme trace d'un savoir dégradé». Bulletin suisse de linguistique appliquée. 2006 Vol. 83 (2). R. 11–32.

17. Liste des signataires de la Convention d'engagement pour une communication publique sans stéréotype de sexe. 2019. URL :http://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/actualites/article/liste-des-signataires-de-la-convetion-d-engagement-pour-une-communication (data obrashhenija: 30.05.2020).

18. Skouratov I. V. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Tipologicheskaja harakteristika neologizmov v sovremennom francuzskom jazyke: monografija: na franc.jaz. 2 izd., dop. Moskva : MGOU, 2021. 154 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 18.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 811.131.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-162
EDN: EUQZEG

Смысловая функция лингвокультурем в переводе (на материале итальянского политического дискурса)

Ольга Андреевна Погорецкая
Кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, к. 438
o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru, https:// orcid.org/0000-0003-1216-5083

Аннотация. В процессе своей работы переводчик руководствуется, прежде всего, поиском структурных и смысловых соответствий между языками, стремясь к нейтрализации расхождений. Однако любой дискурс, а политический дискурс особенно, опирается на культурный фактор. В процессе политической коммуникации политик, журналист, аналитик часто обращается к общественно признанным архетипам, поскольку архетип устойчиво сохраняет в себе чувственные социально значимые коннотации. В силу широкого и беспрерывного культурно-исторического осмысления архетипы получают ключевой символический статус в жизни национального коллектива и становятся основанием (одним из оснований) национального культурного самосознания. В связи с этим количество расхождений между языками возрастает качественно и количественно. Культурно специфические номинации содержат этнокультурный компонент лексического значения слова, который отражает специфику национального восприятия определенных реалий, передают личное отношение говорящего к действительности через образность, оттенки значения, аллюзии. Перед переводчиком встает сложная задача: с одной стороны, лингвокультурема несет в себе дополнительное значение, которое необходимо передать, с другой – не всегда язык перевода обладает средствами для передачи лингвоспецифической информации. В непрофильных вузах зачастую отсутствует курс по лингвокультурологии, страноведению, в связи с чем недостаточность знаний о культуре (в широком понимании) страны изучаемого языка представляет собой серьезную проблему на занятиях по общественно-политическому переводу. В исследовании делается попытка классифицировать наиболее актуальные для современного итальянского политического дискурса лингвокультуремы для того, чтобы формировать у студентов – будущих переводчиков – лингвокультурологический понятийный аппарат.

Ключевые слова: лингвокультурема; архетип; профессионально ориентированный перевод; стилистическая конвергенция; переводческая синонимия; политический дискурс; итальянский язык

Для цитирования: Погорецкая О. А. Смысловая функция лингвокультурем в переводе (на материале итальянского политического дискурса) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 162–174. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-162. https://elibrary.ru/EUQZEG

Original article

The semantic function of linguoculturemes in translation (based on italian political discourse)

Olga A. Pogoretskaya
Candidate of philological sciences, associate professor, department of romance languages named after T. Z. Cherdantseva, Moscow state institute of international relations (university) at the MFA RF. 119454, Moscow, Vernadsky pr., 76, bld. 438
o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru, https:// orcid.org/0000-0003-1216-5083

Abstract. In the course of work, the translator is guided primarily by the search for structural and semantic correspondences between languages, seeking to neutralize divergences. However, any discourse, and political discourse in particular, relies on the cultural factor. In political communication, the politician, the journalist and the analyst often turn to socially recognized archetypes, because the archetype is stable in its sensuous socially significant connotations. Owing to the broad and uninterrupted cultural and historical comprehension, archetypes receive a key symbolic status in the life of the national community and become the basis (one of them) of the national cultural self-consciousness. In this

© Погорецкая О. А., 2025

regard, the number of differences between languages increases in quality and quantity. Cultural-specific nominations contain an ethnic and cultural component of the word's lexical meaning, which reflects the specific national understanding certain realities, and convey the speaker's personal attitude to reality through imagery, shades of meaning, and allusions. The translator faces a difficult task: on the one hand, a linguocultureme carries additional meaning that needs to be conveyed, on the other hand, the target language does not always have the means to convey specific linguistic information. Non-core universities often lack a course in linguocultural studies, country studies, and therefore the insufficient cultural knowledge (in a broad sense) of the target language country is a serious problem at social-political translation classes. The study attempts to categorize the linguoculturemes which are most relevant for contemporary italian political discourse in order to form a linguocultural conceptual apparatus for students, future translators.

Key words: linguocultureme; archetype; professionally oriented translation; stylistic convergence; translation synonymy; political discourse; Italian language

For citation: Pogoretskaya O. A. The semantic function of linguoculturemes in translation (based on italian political discourse). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):162–174. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-162. https://elibrary.ru/EUQZEG

Введение

Не вызывает сомнений тот факт, что для успешного перевода с языка-источника на язык перевода недостаточно передачи исключительно денотативного компонента. Любой вид дискурса – бытовой и некоторые виды институционального, прежде всего, политический дискурс – может содержать в себе экстралингвистическую информацию, для адекватной передачи которой при переводе требуются знания о культурно-историческом дискурсивном опыте носителей языка источника.

Различные социальные и культурные аспекты жизни опираются на концептуальные доминанты дискурса, находя при этом различные способы вербализации. Концептуальные основания дискурса раскрываются за счет *архетипов* (термин «архетип» предложил ученик и последователь З. Фрейда К. Юнг, который разрабатывал проблематику коллективного бессознательного (по И. Якоби) [Якоби, 1996] – культурно и / или социально значимых материальных объектов, исторических фактов, которые в силу широкого и беспрерывного культурно-исторического осмысления получают ключевой символический статус в жизни национального коллектива и становятся основанием (одним из оснований) национального культурного самосознания этого коллектива, определяющим его отношение к своей истории, к реальности своей социальной жизни и к перспективам последующего развития [Jung, 1959, с. 79–80].

В процессе политической коммуникации политик, журналист, аналитик часто обращается к общественно признанным архетипам, поскольку архетип «устойчиво сохраняет в себе чувственные социально значимые коннотации» [Погорецкая 2022а, с. 81].

Речевые знаки, которые включают в себя языковое значение наряду с внеязыковым культурным смыслом, часто называют *культуремами*.

Отметим, что терминология довольно широка: лингвокультурема (Л. Г. Веденина [Веденина, 1997], Ж. М. Арутюнова), культурема (В. Г. Гак [Гак, 1998], А. Вежбицка [Вежбицка, 1999]), логоэпистема (В. Г. Костомаров, Н. Д. Буровикова [Костомаров, Буравикова, 2000]) и др., однако в целом определения сводятся к следующему: культурема / лингвокультурема – это проекции действительности, присущей определенной культуре, в речевой знак, «комплексная межуровневая единица, форму которой составляет единство знака и языкового значения, а содержание – единство языкового значения и культурного смысла» [Вежбицка, 1999, с. 273].

Мы будем понимать такого рода единицы в широком смысле: культурема, или лингвокультурема, – это речевой знак, обладающий архетипическими свойствами.

Политический дискурс (и итальянский политический дискурс в частности) изобилует культуремами, культурными, историческими и социальными архетипами, поскольку через них происходит апелляция к высшим нравственным ценностям.

Выбор переводного эквивалента определяется тождеством смыслового развития мысли. Однако помимо структурных корреляций в процессе перевода раскрывается «*культурная реальность перевода».* Количество несоответствий в переводе с точки зрения структуры языков будет увеличиваться с подключением культурного фактора, представленного через такие коннотации, как стиль, социальная окраска, культурные аллюзии [Иванов, 2018, с. 65–66].

Стоит отметить, что проблема перевода куль-

турных реалий широко изучается (С. Влахов, С. Флорин [Влахов, Флорин, 1980], В. Г. Гак [Гак, 1998], О. С. Чеснокова [Чеснокова, 2018], А. Паршин [Паршин, 2007] и др.; теория культурных трансферов – C. Lombez, R. von Kulessa [Lombez, von Kulessa, 2007], и обязательность их изучения не ставится под сомнение.

В процессе перевода встает вопрос о вариативности перевода. Стремление к структурной эквивалентности в переводе сводится к минимуму на уровне соотнесения языков в масштабе культур, то есть там, где та или иная подлежащая переводу единица языка-источника осмысливается как культурный феномен с присущими ей коннотациями, окрасками и ассоциациями. «Увеличивается глубина переводческой трансформации, которая требует перестройки всей референциальной работы знака. Усиливается противостояние между смыслом и референцией. <…> Семантическое совпадение эквивалентов теряет релевантность и превращается в чистую случайность перевода» [Иванов, 2018, с. 67].

Возникают условия для переводческой синонимии, то есть: 1) можно проигнорировать культурно специфический элемент и выполнить перевод, подобрав максимально точный аналог денотативного компонента речевого знака; 2) можно попытаться сохранить культурему, стилистическую образность речевого знака в языке перевода. Разумеется, чтобы передать максимально полно (насколько это возможно) на язык перевода архетипические коннотации языка источника, в процессе перевода необходимо уделять время «экстралингвистике», учитывать культурные реалии и архетипические номинации, поскольку этнокультурный компонент лексического значения слова отражает специфику национального восприятия определенных реалий, фрагментов действительности и даже подлинных фундаментов народного сознания [Джаубаева, 2007, с. 33]. Но необходимо понимать, что не всегда есть возможность и целесообразность сохранить лингвокультурему в процессе перевода – в художественном переводе переводчик будет максимально стремиться к этому, поскольку именно образность зачастую является первостепенной, в то время как в специальном переводе сохранение образа не всегда является главной задачей. Выбранные эквиваленты скорее интерпретируют, чем идентифицируют культурно-маркированные элементы оригинального текста, являются скорее неким «смысловым компромиссом, опытом культурно-смысловой адаптации, чем прямой попыткой воспроизвести элемент чужой культуры с присущей ему семантикой и окраской» [Иванов, 2018, с. 71].

Американский лингвист французского происхождения М. Риффатер ввел термин «*стилистическая конвергенция*», под которым понимал скопление в одном месте нескольких стилистических приёмов. Он считал, что «писатель заботится о том, чтобы его сообщение было декодировано так, как он это задумал, чтобы не только содержание сообщения, но и его отношение к нему было передано читателю. Читатель не только должен понять содержание сообщения, но и разделить точку зрения писателя на то что важно и что неважно в этом сообщении» [Риффатер 1980, с. 72].

Конвергенция стилистических приемов выполняет, прежде всего, две функции: выдвигает что-то на первый план и придает дополнительную экспрессию передаваемому сообщению. Таким образом, на первый план выходит не сколько сама лингвистическая сущность стилистического приема, а то впечатление, которое возникает у читателя. Реципиент уже не может не обратить внимание на то, что за счет стилистического оформления выделяет автор.

В специальном переводе может возникнуть ситуация, когда передача образной стороны речевого знака затруднена или невозможна, возникает необходимость переводческой синонимии. Однако даже при опущении образной номинации переводчику необходимо понять, для чего автор использовал такое наименование [Каскова, Большакова, 2022]. В ходе недавнего визита в США премьер-министр Италии Дж. Мелони неоднократно упоминалась в прессе как «inquilino del Palazzo Chigi» – «житель дворца Киджи» (Киджи – официальная резиденция премьер-министра Италии). При переводе с итальянского на другие языки вряд ли кажется удачным сохранить дословный перевод, поскольку не все читатели знакомы с названиями итальянских правительственных учреждений. Но почему итальянские журналисты прибегают именно к такой, образной номинации? Очевидно, возникает определенная проекция образа в контекст: называние Дж. Мелони «жительницей дворца Киджи» возвышает политика, поднимает ее значимость в глазах читателей, она не просто занимает должность премьер-министра, но является лицом нации. Лингвокультурологическая номинация «inquilino del Palazzo Chigi» вносит дополнительную оценку, невербально проявляет себя в поведенческих формах речевой коммуникации.

Отсюда возникает вопрос о дидактическом аспекте. Подобные коннотации могут быть незнакомы студентам, в связи с чем результат их переводческой деятельности не будет достаточно полно отражать значение, заложенное в переводимом фрагменте текста. Однако в непрофильных вузах зачастую отсутствует курс по лингвокультурологии, страноведению, в связи с чем недостаточность знаний о культуре (в широком понимании) страны изучаемого языка представляет собой особенно серьезную проблему на занятиях по общественно-политическому переводу в таких учебных учреждениях.

Как следствие, встает вопрос о прагматической функции лингвокультуремы в процессе перевода. Мы считаем, что существует практическая необходимость регулярно знакомить студентов с культурной базой, понятной носителям языка, не только на занятиях по общему языку, но и на занятиях по профессионально ориентированному переводу, для формирования у студентов (будущих переводчиков) лингвокультурологического понятийного аппарата.

Методы исследования

Цель настоящей статьи – проанализировать италоязычный политический дискурс на предмет культурно специфических элементов для выявления культурем как единиц обучения на занятиях по профессионально ориентированному переводу. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

− проанализировать актуальную италоязычную прессу, официальные источники, заявления итальянских политиков;

− выделить культурно специфические элементы, наиболее часто встречающиеся в политическом дискурсе на итальянском языке;

− провести лингвопрагматический анализ выделенных культурем;

− классифицировать наиболее частотные культурно специфические элементы и попытаться создать типологию, которую можно было бы предложить студентам в качестве опорной точки на занятиях по переводу.

В ходе исследования были использованы следующие методы: общенаучные – описание, анализ, генерализация; лингвистические – метод сплошной выборки, дискурсивный анализ, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, лингвокультурологический комментарий.

Материалом послужили тексты авторитетных ежедневных печатных и онлайн-газет (la Repubblica, il Foglio, il Corriere della Sera, il Fatto Quotidiano), еженедельных изданий (il Panorama, L'Espresso, il Focus) и аналитических порталов (Formiche.net) за 2019–2023 гг. общим объемом 60000 знаков.

Результаты исследования

Ранее был отмечен потенциал культурно специфических элементов в рамках итальянского политического дискурса [Погорецкая, 2022б]. Прежде всего, такое внимание к культуремам в политическом дискурсе обосновано их способностью донести кратко и образно дополнительную информацию. Культуремы, или лингвокультуремы привлекательны, они «не требуют дополнительных комментариев со стороны продуцента текста, так как входят в когнитивную базу лингвокультурного общества» [Иванова, 2017, с. 26]. Более полное понимание фразы на итальянском языке позволяет понять общий смысл текста, оттенки значения, дополнительные коннотации, иронию, сарказм и так далее, адекватно перевести текст (при необходимости).

С другой стороны, культурно специфическая номинация обладает таким свойством как аксиологическая безапелляционность, то есть «подлежащее верификации с фактической точки зрения и, значит, потенциально оспариваемое подменяется бесспорным с культурно-нравственной точки зрения, для которого требование фактического (предметно-семантического) обоснования избыточно. <...> возникают масштабные по времени и дискурсивной протяженности стратегии политической манипуляции, цель которых – удержание политического доверия к себе (или недоверия к противнику)» [Погорецкая 2022б]. В связи с этим зачастую культурема используется политиками и журналистами не только как средство выражения мысли, но становится инструментом для манипулирования аудиторией, используется для подмены понятий, завуалирования, отвода или, наоборот, привлечения внимания к какому-либо факту или событию.

В связи с этим встает вопрос о выделении лингвокультуремы как единицы для обучения в процессе подготовки переводчиков-международников. При этом к лингвоспецифическим единицам можно относить речевые клише, формулы этикета, предметы быта, рекламные реалии, метафорические реалии, а также реалии афористического уровня [Кретов, Фененко, 2013, с. 8].

В рамках исследования предпринимается по-

пытка классификации лингвокультурем, наиболее часто встречающихся в италоязычном политическом дискурсе. При попытке систематизации возник ряд трудностей, прежде всего, это принадлежность лингвокультурем к разным языковым уровням (отдельное словесное обозначение, словосочетание или целое выражение), нестабильная частотность употребления (характерно активное употребление тех или иных единиц в контексте определенной тематической повестки).

Итак, наиболее часто встречающиеся в итальянском политическом дискурсе лингвокультуремы можно разделить на следующие тематические блоки.

1. Первая группа – уже прочно устоявшиеся в итальянском политическом дискурсе культуремы

1.1. Политонимы («Palazzi del potere») и их производные

Такие лингвокультуремы считаем обязательными к изучению с самого начала занятий по профпереводу. Наиболее иллюстративным примером считаем так называемые *политонимы***,** то есть «профессиональные и общественные объединения, специфические для политической сферы деятельности и системы государственного управления, то есть, например, названия органов государственной власти, органов управления, названия партий, политических движений и т. д.)» [Елизарьева, Быкова, Сигова 2023, с. 29]. Сюда можно отнести названия ключевых министерств или других государственных учреждений по названию зданий, в которых они расположены, так называемые «i palazzi del potere italiano» – «здания / дворцы итальянской власти»:

− **Palazzo Montecitorio** – «Палаццо Монтечиторио» – Палата депутатов Итальянской Республики (la Camera dei deputati della Repubblica);

− **Palazzo Madama –** «Палаццо Мадама» – Сенат (Il Senato della Repubblica);

− **Palazzo Chigi** – «Палаццо Киджи» – Правительство Итальянской Республики и председатель Совета министров (il Governo della Repubblica Italiana e il presidente del Consiglio dei ministri);

− **Palazzo della Farnesina** – «Палаццо делла Фарнезина» – Министерство Иностранных дел Итальянской Республики (il Ministero degli affari esteri e della cooperazione internazionale);

− **Palazzo Koch** – «Палаццо Кох» – Центральный Банк Италии (la Banca d'Italia);

− **Palazzo Viminale –** «Виминальский Дворец» – Министерство внутренних дел Итальянской Республики (il Ministero dell'interno);

− **Palazzo Quirinale** – «Квиринальский дворец» – официальная резиденция Президента Итальянской Республики (la residenza ufficiale del Presidente della Repubblica Italiana).

Как уже упоминалось выше, при переводе с итальянского языка не всегда представляется удачным оставить оценочно маркированный вариант перевода – название дворца, поскольку неподготовленной аудитории, в том числе самим студентам на начальном этапе освоения навыков двустороннего перевода не всегда может быть понятная такая номинация. Стоит расшифровать название, дать пояснение и указать, какое ведомство имеется в виду, то есть сделать выбор в пользу оценочно немаркированного переводческого синонима.

Приведем несколько примеров того, как принятые обозначения используются для описания внутренней политики Италии, и предложим вариант непрямого, оценочно немаркированного перевода:

- «Matteo Salvini lascia **il Viminale». /** «Маттео Ренци покидает **пост главы МВД»** (1);

- «Non ci sono più posti per i migranti, da Sud a Nord mancano le strutture ma manca soprattutto chi, con le cifre pro capite tagliate **da Matteo Salvini quando sedeva al Viminale**, si accolli l'onere di gestire l'accoglienza» (2). / «Для мигрантов больше нет места, по всей стране не хватает мест в центрах по приему беженцев, и особенно не хватает персонала, который **сократил Маттео Сальвини будучи министром внутренних дел**, не хватает людей, которые взвалили бы на себя это бремя по приему мигрантов»;

- «è così ovunque, paradossalmente più nelle Regioni del Nord che in quelle del Sud, visto che **il Viminale** si fa in quattro – nonostante le resistenze degli amministratori per distribuire chi sbarca nei porti siciliani o calabresi» (3). / «И так повсюду, как ни странно, больше в северных, чем в южных регионах, учитывая, что **сотрудники министерства внутренних дел** стараются изо всех сил распределить мигрантов, высадившихся на Сицилии или в Калабрии, несмотря на сопротивление органов местного самоуправления»;

- «#NOJusSoli: l'iniziativa di Fratelli d'Italia davanti al **Montecitorio»** (4). / «Нет «праву земли», инициатива партии «Братья Италии» **перед зданием Палаты депутатов»**;

- «Vivo da un mese **a Palazzo Madama**, costantemente al lavoro, non solo per garantire il funzionamento del Senato, ma anche per ascoltare, raccogliere e dare risposte tempestive ai bisogni che

provengono dai singoli territori» (5). / «Я являюсь **председателем Сената** уже целый месяц, я постоянно в рабочем режиме не только, чтобы гарантировать непрерывную работу Сената, а также чтобы слушать, собирать информацию и вовремя предоставлять решения тех задач, которые приходят с конкретных территорий»;

- «Le banche, in caso di movimenti sospetti, dovranno inviare la segnalazione **al Palazzo Koch»** (6). / «Все итальянские банки в случае подозрительной активности должны будут отправить извещение **Центральному Банку Италии**»;

- «lo «stallo» in cui versa il gabinetto Meloni non sembra essere compreso fino in fondo da **Palazzo Chigi** e dai ministri direttamente coinvolti» (7). / «Тупиковая ситуация, в которой оказался кабинет Мелони, кажется не до конца принимается **правительством** и некоторыми напрямую задействованными министрами»;

- «Niente dissenso su **Palazzo Chigi:** gli italiani chiedono un centrodestra unito e coeso, pretendono risposte efficaci da un governo solido e legittimato dal voto popolare» (8). / «Никакого разногласия по поводу **правительства**: итальянцы хотят единого, сплоченного правоцентристского блока, хотят слышать четкие ответы от крепкого и избранного народным голосованием правительства»;

- «Il presidente della Repubblica, Sergio Mattarella, nel colloquio avuto con la premier venerdì scorso ha insistito sulla necessità di non trascurare i rischi connessi ai ritardi nell'attuazione del Piano. **Il Quirinale** lo ha fatto con convinzione e nettezza» (9). / «Президент Итальянской Республики Серджио Маттарелла в ходе переговоров с премьер-министром в прошлую пятницу подчеркнул, как важно не оставлять без внимания риски, связанные с приведение в исполнение плана по восстановлению итальянской экономики. **Президент Республики** сделал это заявление убедительно и четко».

Подобные обозначения встречаются регулярно и при описании внешней политики:

- «Mattarella riceve **al Quirinale** Pompeo» (10). / «Президент Итальянской Республики Маттарелла принимает Помпео **в своей резиденции**»;

- «Il web ironizza su Di Maio: In un paese normale a uno con un curriculum del genere **non gli facevano neanche portare il caffè alla Farnesina»** (11)**.** / «В сети иронизируют по поводу Ди Майо: в нормальной стране человеку с таким резюме **не разрешили бы даже разносить кофе в МИДе»;**

- «Senza questi aiuti non ce la faremmo, – ha detto il ministro Di Maio **spiegando che la Farnesina** e tutti i diplomatici italiani nel mondo – dopo le mascherine, si stanno ora concentrando su medici e infermieri» (12). / «Министр Ди Майо заявил о том, «без этой помощи нам не справиться», поясняя, что **сотрудники МИДа Италии** и итальянские дипломаты по всему миру сейчас уделяют все свое внимание врачам и медработникам»;

- «Ora il mese-clou dovrebbe esser aprile. **Le interlocuzioni tra Palazzo Chigi e gli uffici dell'esecutivo europeo** vengono però descritte meno intense che in passato» (13). / «**Взаимодействие правительства Италии и правительств других европейских стран** сейчас кажется менее активным, чем в прошлом. Ключевые решения будут приняты в апреле».

Стоит отметить, что в ряде учебных пособий по переводу и языку профессии в том или ином виде зафиксированы и прокомментированы такие обозначения (сноски, пояснительные комментарии и т. д.), однако информация не всегда сопровождается достаточным количеством примеров современного употребления.

Интересно, что в современных италоязычных источниках все чаще встречаются производные от этих обозначений, то есть целесообразность их изучения повышается в связи с продуктивностью такой модели выражения мысли:

- «Nella sua visita a Kiev, **l'inquilina di Palazzo Chigi** ha tenuto una linea atlantista molto più decisa di quella riscontrata negli scorsi mesi a Parigi e Berlino» (14). / «В ходе визита в Киев **премьер-министр Италии** придерживалась атлантической линии гораздо более жестко, чем в предыдущие месяцы в ходе визитов в Париж и Берлин». Под номинацией «жительница Дворца Киджи» имеется в виду премьер-министр Италии Джорджа Мелони;

- «Giorgia Meloni, presidente del Consiglio, tra pochi giorni (giovedì 27 luglio) sarà a Washington, dopo essere stata invitata ufficialmente da Joe Biden, incontrando un presidente che sembra in grado di vincere la scommessa di **rimanere l'inquilino della Casa Bianca** ancora per qualche anno» (15). / «Джорджа Мелони, председатель Совета министров Италии, через несколько дней (в четверг 27 июля) будет в Вашингтоне по официальному приглашению Джо Байдена, где встретится с президентом, который, кажется, способен выиграть пари и остаться **хозяином / жителем Белого дома** еще на несколько лет».

Продуктивность такой модели номинации, когда название здания употребляется вместо назва-

ния учреждения в итальянском языке подтверждает тот факт, что так стали называть не только итальянские здания, но и важные административные и политические строения по всему миру. Например, Штаб-квартира ООН многократно появляется в италоязычной прессе под псевдонимом «Palazzo di Vetro» – «Стеклянный Дворец» (в русском языке такой аналог отсутствует). Приведем несколько примеров:

- «il ministro degli Esteri Sergei Lavrov è **un fuoriclasse del Palazzo di Vetro»** (16) / «Министр иностранных дел Сергей Лавров является в ООН игроком высшего класса»;

- «Roulette russa **al Palazzo di Vetro.** Il commento dell'amb. Stefanini» (17) – «Русская рулетка **в Штаб-квартире ООН**. Комментарий посла Стефанини».

Такая метафорическая номинация, не имеющая прямого аналога в русском языке, несет в себе эмоциональную окраску и используется интуитивно преднамеренно. Но в процессе перевода таких номинаций не всегда возможно перенести отдельные факты из языковой культуры языка-источника в культурную реальность языка перевода.

1.2. Лексические номинации, обозначающие политические реалии современной Италии:

1.2.1. Названия административных единиц, органов местного самоуправления и других реалий. Приведем несколько примеров:

– «A un anno **dalle Regionali**, in Piemonte lievitano le poltrone: ci saranno 8 consiglieri «supplenti». Il costo? Fino a 8,5 milioni» (18).

– «Dalla **prossima legislatura** (si voterà nel 2024) ci saranno **otto consiglieri supplenti**, pronti a entrare qualora un collega «titolare» dovesse diventare **assessore**, e poi due **sottosegretari** della **giunta»** (19).

Такие номинации не требуют пояснения от автора сообщения на языке-источнике, но в зависимости от адресата при переводе могут требовать экспликации, дополнительного комментария или пояснения, развернутого перевода. Например, «il capoluogo» – «столица региона», «областной центр», «административный центр» (перевести как «столица» было бы некорректно, поскольку русскоязычному читателю известная одна столица Италии, а количество «capoluogo» соответствует количеству административных регионов (20); либо возникает культурное заимствование в виде транскрипции или транслитерации, например, «la giunta» – исполнительный орган в Италии, перевод которого уже закрепился в русскоязычной традиции как «джунта».

1.2.2. Актуальные аббревиации.

Их можно разделить на две подгруппы:

- названия современных партий и политических движений: Pd (Partito Democratico), Iv (Italia Viva), M5S (Movimento Cinque Stelle), FdI (Fratelli d'Italia), FI (Forza Italia), Dc (Democrazia Cristiana), Udc (Unione dei Democratici Cristiani e Democratici di Centro):

– «Salario minimo, le opposizioni si preparano all'incontro con Meloni. E le rinfacceranno la legge presentata da **FdI** nel 2019» (20);

– «Quando il sindaco nomina un assessore tra i consiglieri, il consigliere viene sostituito. Se poi l'assessore se ne va a casa, non ha un **salvagente.** In regione se vengono tolte le deleghe, l'ex assessore **si riprende il seggio** da consigliere e il supplente perde il posto», sintetizza il segretario regionale **Pd Domenico Rossi** (21).

– «Per questa ragione **il M5s**, per voce dei consiglieri **Sarah Disabato, Ivano Martinetti** e **Sean Sacco,** parla di «nuove poltrone profumatamente **pagate dai contribuenti**» (22);

– «L'avvicinamento di **Iv alla destra è ormai un fatto»** (23);

– **«FI** senza Berlusconi scompare» (24);

– «Calenda: Crepe a destra sulle alleanze in Europa? Tanto Meloni li comanda tutti. Con **Pd** e **5S** si può collaborare» (25);

– «Respinto il ricorso di Cuffaro leader della **Nuova Dc**, lo scudo crociato resta **all'Udc»** (26);

- сокращения некоторых политических терминов, активно обсуждающихся участниками италоязычного политического дискурса: pdl (progetto della legge – законопроект), RdC (reddito di cittadinanza – безусловных базовый доход), Pnrr (Piano Nazionale della Ripresa e Resilienza – Национальный план развития и устойчивости), il pm (il pubblico ministero), il CSM (Consiglio Superiore della Magistratura);

- «Avvalendosi del diritto di mettere all'ordine del giorno un **pdl** di loro iniziativa, hanno esercitato questa opzione sulla loro proposta sul salario minimo» (27). / «пользуясь правом поставить на повестку дня **законопроект**, инициированный ими же, они использовали эту возможность, чтобы предложить минимальную заработную плату»;

- «Le semplificazioni del populismo fanno aggio sui ragionamenti seri e complessi; per cui diventa conveniente usare la forza dei numeri, come è avvenuto **con RdC**» (28). / «Популисты упрощают некоторые серьезные рассуждения, так становится

выгодным приводить статистические данные в свою пользу, как это случилось **с безусловным базовым доходом**»;

- ***«Dalla Roma-Pescara alla Lamezia-Catanzaro: le ferrovie che Salvini «taglia» dal Pnrr per dirottare i fondi al Nord» (29) / «От линии Рим-Пескара до Ламецья-Катанцаро: железнодорожные пути, которые Сальвини «вырезает» из Национального плана развития и устойчивости, чтобы перенаправить эти средства в северные регионы»;***

- «Spari contro la casa del giornalista Gervasutti, per **i pm** il mandante è l'ex senatore leghista Filippi» (30) / «Выстрелы в доме журналиста Джервазутти. **Согласно прокурорам,** заказчик – бывший сенатор от «Лиги» Филиппи»;

- «Negli ultimi giorni, inoltre, grazie al voto decisivo del vicepresidente in quota Lega Fabio Pinelli, **il Csm** ha scelto il nuovo procuratore di Firenze per subentrare a Giuseppe Creazzo» (31) / «В последнее время во много благодаря решительному голосу своего вице-председателя от «Лиги» Фабио Пинелли, **Высший Совет Магистратуры** избрал нового прокурора Флоренции на место Джузеппе Креаццо».

Эта группа лингвокультурем представляется наиболее понятной и эффективной в процессе обучения переводу, поскольку эти лингвокультуремы устойчивы в политическом дискурсе, не зависят от изменения политической повестки и зачастую имеют уже закрепившийся вариант / варианты перевода. В процессе обучения можно давать как уже готовые материалы для изучения и запоминания, так и предлагать обучающимся самостоятельно составить список лингвокультурем и их русскоязычных аналогов.

2. Вторая группа – относительно устоявшиеся в итальянском политическом дискурсе культуремы.

2.1. К относительно устойчивым культуремам можно отнести **политические штампы**, отдельные словесные обозначения и словосочетания, закрепившие за собой «политический» подтекст, например:

- «L'ex vicepresidente emiliana potrebbe **scendere in campo** come Bonaccini e Nardella. Oggi a Roma assemblea dei mille sarà ibrida: si potrà partecipare da remoto» (32). Автор статьи использует выражение «scendere in campo» – «выйти на поле», уже прочно вошедшее в итальянское политическое пространство после исторического видеообращение Сильвио Берлускони во время своей первой предвыборной кампании на пост премьера в значении «резко набрать популярность на политической арене». Возвращаясь к вопросу о переводческой синонимии, переводчик встает перед выбором: сохранить эту спортивную метафору, понятную человеку, знакомому с италоязычным политическим дискурсом, либо дать непрямой перевод, убрать образ политика как футбольного игрока, оставив в переводе лишь значение «резко набрать популярность среди избирателей»: «Бывший вице-председатель от региона Эмилия **могла выйти на поле / бы резко набрать популярность**, как это сделали Боначчини и Нарделла. Сегодняшнее заседание в Риме пройдет в смешанном формате: можно будет участвовать дистанционно».

Важно, что подобные отсылки трансформируются и приобретают новые речевые выражения:

– «Forze organizzate come +Europa, spezzoni di Forza Italia in libera uscita, l'area popolare a disagio nel nuovo Pd. **Pronto a (ri)discendere in campo** quando il sistema franerà: dopo le Europee, è la scommessa» (33). / «Такие политические силы, как партия +Европа, образовавшиеся после свободного выхода из партии «Вперед, Италия!» формирования, народные массы, которым не по себе от новой Демократической партии**. Готов (снова) выйти на поле,** когда система обвалится: после выборов в Европарламент, в этом и состоит спор».

Еще одним примером может послужить заимствованное из экономического дискурса сравнение – «**tra falchi e colombe».** Выражение «Falchi e colombe» пришло в итальянский политический дискурс из экономического жаргона, где «falco» («сокол», «ястреб») выступает за более жесткую финансовую политику (например, повышение процентной ставки), за более жесткие ограничительные меры, в то время как «colomba» («голубь») – за более гибкую финансовую политику (сохранить процентные ставки низкими).

– «Bce, riprende **il confronto tra falchi e colombe»** (34);

– «La «**colomba**» Kissinger vola a Pechino per incontrare il ministro sanzionato» (35);

– «banche centrali sotto accusa. Il servizio di copertina del numero di Affari e Finanza in edicola domani con Repubblica è dedicato alle critiche rivolte in particolare alla Bce. Dove da tempo va in onda **lo scontro tra falchi e colombe**, mentre crescono i timori per le ripercussioni sui mercati finanziari provocati dalla rincorsa dei tassi di interesse» (36).

Это сравнение стало использоваться в контек-

сте не только финансовой политики, но и для характеристики поведения отдельного политика или политической партии. Так, например, описывается идеологическое противостояние правоцентристской партии «Народ Свободы» (2007–2013), председателем которой являлся Сильвио Берлускони, и левоцентристских сил:

- «La guerra tra falchi e colombe è arrivata alla resa dei conti. <...> **La strategia delle colombe** secondo le indiscrezioni che circolano negli ambienti berlusconiani, **la strategia delle colombe** sarebbe quella di convincere il Cavaliere che la Santanché e **tutti i falchi in questo momento** non agiscono per il suo bene ma solo a per il proteggere i loro interessi» (37). Подобная образная номинация проникает через экономический дискурс и в другие языки, поэтому при переводе образ «ястреба и голубя» можно сохранить.

2.2. Метафорические парафразы, приобретающие политический подтекст в контексте: сама номинация не является политически значимой, однако в контексте добавляет дополнительные оттенки и отношение автора к обсуждаемой проблеме:

– «A questo riguardo, tuttavia, la premier dovrà gestire con cura una «**patata bollente»** ereditata dal governo Conte I e legata al rinnovo del memorandum d'intesa che lega l'Italia alla Cina attraverso la partecipazione nella Nuova Via della Seta» (38). / «Премьер-министру придется очень осторожно искать решение **«сложной проблемы»,** которая досталась ей от первого правительства Конте. Проблема касается обновления меморандума о намерениях, который связывает Италию с Китаем в отношении ее участия в Новом Шелковом Пути». Выражение **«patata bollente» – «горячая картошка» –** широко употребимо в значении «трудная ситуация, сложная и неприятная проблема», однако в контексте обсуждения дальнейших действий нового премьера Италии Дж. Мелони приобретает оттенок политического осуждения в адрес предыдущего премьер-министра Дж. Конте. Учитывая официальный регистр сообщения, стоит опустить образность и выразить негативное отношения автора описательно.

– «Ma si finisce sempre, **come nel gioco dell'oca,** al punto di partenza. Le semplificazioni del populismo fanno aggio sui ragionamenti seri e complessi; per cui diventa conveniente usare la forza dei numeri, come è avvenuto con reddito di cittadinanza» (39). Говоря о нашумевшем вопросе о безусловном базовом доходе, автор сообщения проводит параллель с настольной игрой «в гуся»: «Дело кончается там же, откуда начиналось**, прямо как в игре в гуся**». Суть игры в том, что игроки продвигаются по игровому полю, бросая кубики, победитель определяется исключительно удачей. Такая метафора четко отражает отношение автора к популистам.

– «è proprio quello che ha spinto a protestare in strada, un po' **come ai tempi di Occupy Pd**, i Giovani democratici di Ostia» (40). / «Именно это побудило молодых демократов Остии протестовать на улицах, **почти как во времена «Occupy Pd».** В италоязычном пространстве словосочетание «Occupy Wallstreet» – название движения «Захвати Уолл-стрит» – присутствует в информационном поле, «на слуху», поэтому парафраз «Захвати Уолл-стрит – Захвати Демократическую партию» работает.

3. Третья группа – образные номинации культурно специфических единиц.

К этой группе культурем, встречающихся в итальянском политическом дискурсе, можно отнести образную номинацию этноспецифических понятий, основанную на архетипах, принадлежащих конкретной культуре. Архетипическая лингвокультурная номинация в этом случае синтезирует в себе единство культуры, языка и сознания [Сабитова 2013, с. 6]. При этом речевое выражение может быть не однозначное, а объемное, может создавать развернутую метафору для того, чтобы образ укрепился в сознании реципиента как можно сильнее.

Можно выделить несколько источников подобных культурем:

3.1. Литература.

- «Ma la Rete, la Rete è una sirena più ammaliatrice **delle sirene di Ulisse**. Che, non a caso, lui, **l'eroe omerico**, per non farsi sedurre dal loro canto, irresistibile e letale, si salvò legandosi all'albero della nave, albero che in tutte le vere liberaldemocrazie corrisponde alle classiche istituzioni costituzionali, specie a quelle di garanzia» (41). / «Но Сеть… сеть является еще более чарующей, чем **сирены Улисса.** И неслучайно он – **гомеровский герой –** дабы не поддаться соблазну их песен, перед которыми невозможно устоять, но которые губительны, – спасся, привязав себя к мачте корабля, к мачте, которая во всех настоящих западных демократиях соответствует традиционным конституционно-правовым институтам, особенно тем, которые являются гарантами Конституции». Для итальянцев «Одиссея» Гомера является произведением, которое они изучают в школе, древнегреческая литература так или иначе

представлена в культурном поле, гораздо известнее широким массам, нежели чем у русскоязычного населения. Тем не менее, в данном примере автор поясняет губительный эффект воздействия пения сирен на мифического героя Одиссея. Автор сравнивает Сеть, СМИ с **«sirene di Ulisse»,** подчеркивая таким образом их способность «очаровать» реципиента и сбить с намеченного пути, как сирены сбивали моряков своим пением; оценочные предикаты «irresistibile e letale» делают сравнение более выразительным. В данном примере автор использует развернутую метафору: конституциональные институты сравниваются с мачтой корабля, которая должна спасать во время перипетий: как Одиссей привязывает себя к мачте, так и западные демократии должны руководствоваться конституционными принципами.

- «Enrico Letta si scervella per capire come smontarle – corrisponde, pari pari, il circolare delle correnti di rito romano, tanto impetuoso quanto nel suo insieme immobile, **come un girone dantesco»** (42). / «Энрико Летта ломает голову, пытаясь придумать, как их опровергнуть эти заявления. Это соответствует циркулярности течений римского обряда, столь же стремительных, сколь и неподвижных, как **круги Ада Данте».** Данте и его «Божественная комедия» – ключевое литературное произведение для носителей итальянской культуры, изучается подробно в школе (3 года), культурный фон насыщен отсылками к этому произведению, является памятником итальянского языка.

3.2. Кино: отсылки к фильмам, популярным в Италии, известным носителям итальянской культуры:

- «Certo, di questi articoli non si è parlato durante la campagna elettorale che ha rieletto Beppe Sala, perché si preferiva descrivere una Milano scintillante e alla moda. **Ma sotto il vestito non è vero che non c'è niente, come diceva un celebre film»** (43). / «Конечно, об этих вещах не говорили во время избирательной кампании, переизбравшей Беппе Сала, потому что люди предпочитали описывать блестящий и модный Милан. Но это неправда, что **под платьем ничего нет, как говорилось в известном фильме».** Автор ссылается на популярный в Италии фильм «Sotto il vestito niente» (1985, режиссер Карло Ванцина), показывающую неприглядную изнанку миланского мира моды. Так, автор сравнения дает понять, что с его точки зрения, предвыборная кампания была призвана отвлечь внимания от истинных намерений кандидата. Если читатель не знаком хотя бы поверхностно с этим фильмом, то вся глубина авторского сравнения становится ему недоступна.

Еще один пример из мира кино иллюстрирует противостояние Карло Календа и Маттео Ренци:

– «Il risultato è una convivenza **stile Casa Vianello**: «Io e Matteo non siamo amici, facciamo un percorso politico perché condividiamo alcune cose», ha chiarito di recente Calenda, «in politica non esistono gli amici» (44). / «... В результате получилось сожительство **в стиле Casa Vianello**: «Мы с Маттео не друзья, мы сотрудничаем, потому что разделяем некоторые вещи, – недавно пояснил Календа, – в политике нет друзей». «Casa Vianello» – популярнейший, самый длительный итальянский ситком (1988 – 2007) о повседневной жизни супружеской пары, которая постоянно переживает различные трагикомические ситуации. Идея – друг друга недолюбливают, но продолжают быть вместе.

Культуремы, относящиеся к данной группе, представляют собой довольно сложную переводческую задачу. С одной стороны, автор сообщения упоминает довольно известные произведения кино или литературы, ссылаясь на которые стремится вызвать у читателя определенные параллели и эмоции. Однако не каждый читатель может быть знаком или достаточно знаком с этими культурно специфическими номинациями, и в этом случае отсылка к ним при переводе теряет смысл.

4. Четвертая группа выделенных нами культурем – это примеры, иллюстрирующие самые свежие тренды в обществе, проникающие в мир и язык политики.

Например, влиятельные в современной Италии персоналии, не связанные напрямую с политикой. Лингвокультуремы, создаваемые на такой базе, безусловно являются самыми актуальными, отражающими то, чем живет страна сегодня, однако сложность их изучения и перевода обусловлена недолгосрочностью, иногда информационной мимолетностью и узконаправленностью. Одним из таких источников для таких лингвокультурем в рассматриваемый в рамках исследования период времени является чета Ферраньи-Федец. Приведем несколько примеров:

– «Phisikk du role – Fenomenologia del **Ferragnismo**» (45) / «Подходящая кандидатура – **феномен Ферраньизма**» – культурема образована от фамилии самого популярного в Италии блоггера и инфлюенсера Кьяры Ферраньи, которая задает тренды не только в сфере моды, но и влияет на формирование системы ценностей итальянской молодежи через своих подписчиков,

а также вступает в полемику с некоторыми политиками по поводу обсуждаемых в Италии законопроектов.

− «Ancora scintille **tra i politici e i Ferragnez.** Il tema di scontro è sempre lo stesso: il destino del ddl Zan, ma questa volta i protagonisti sono Matteo Renzi e Chiara Ferragni» (46) – в политическом дискурсе встречается бленд фамилии Ferragni и сценического псевдонима Fedez – «**i Ferragnez».**

− «Una volta, durante una trasmissione, spiegai alla sociologa di turno che il disagio causato da un'immigrazione non governata non lo si poteva sentire in via Manzoni, nel centro cittadino, ma lo si poteva osservare nei condomini delle periferie. **Ferragni&co.** se ne accorgono ora perché lambisce anche il loro ambiente» (47).

Отметим, что итальянский политический дискурс заимствует культурно специфические обозначения из других языков, руководствуясь актуальной повесткой:

− E sicuramente questo è uno dei motivi per cui Biden, da consumato politico qual è, al di là delle facili ironie sullo **«Sleepy Joe»,** dimostrando pragmatismo» (48).

Заключение

Лингвокультуремы неспроста так частотны в политическом дискурсе – они позволяют быстро и более объемно донести информацию, коннотации, отношение автора к передаваемому сообщению, являются емким и ярким инструментом воздействия на аудиторию.

Разумеется, в своей переводческой (учебной и в дальнейшем профессиональной) практике обучающийся будет постоянно сталкиваться с культуремами, различными архетипическими номинациями. Однако при попытке их перевода может возникнуть ряд трудностей. Во-первых, сам переводчик может быть незнаком с той или иной лингвокультуремой и, как следствие, будет лишен возможности ее перевести. Во-вторых, возникает вопрос о синонимии в переводе: с одной стороны, переводчику стоит стремиться сохранить образ для более полной передачи авторской (на языке-источнике) формы выражения, с другой – такой образ может не всегда быть понятен читателю – носителю другой языковой культуры, может не найти отклика в его фоновых знаниях и языковом опыте. Поэтому при подготовке будущих переводчиков необходимо учитывать эту специфику и регулярно знакомить студентов с наиболее частотными (базовыми) лингвокультуремами и обсуждать наиболее удачные варианты их перевода.

Для облегчения подачи лингвокультурем как единицы обучения на занятиях по профессионально ориентированному переводу в рамках исследования была предложена классификация таких единиц на материале италоязычного политического дискурса. Критерием для создания типологии стала частотность употребления культурно специфических единиц, наличие или отсутствие у них вариантов перевода, их образность и архетипический источник. В результате были выделены следующие группы:

1. ***Прочно устоявшиеся в итальянском политическом дискурсе культуремы.*** Сюда мы отнесли политонимы, лексические номинации, обозначающие политические реалии современной Италии, и аббревиации, наиболее актуальные для современного италоязычного дискурса. Считаем, что лингвокультуремы, входящие в эту группу, являются минимальной необходимой базой, которой должен обладать будущий переводчик, внедрение этих единиц рекомендуется с самого начала курса по профессионально ориентированному переводу.

2. Относительно устоявшиеся в итальянском политическом дискурсе культуремы – отдельные словесные обозначения, закрепившие за собой «политический» подтекст, и метафорические парафразы, лишенные как таковые политической составляющей, но приобретающие ее в контексте. Подобные лингвокультуремы представляют собой более сложные для изучения и перевода единицы, поскольку требуют от переводчика серьезной языковой подготовки и обширных экстралингвистических знаний.

3. Образные номинации культурно специфических единиц. Источниками таких лингвокультурем может стать кино или литература, для их перевода также требуется активное погружение в культурный фон Италии. Особую сложность для переводчика может представлять собой образность, которую зачастую сложно сохранить при переводе.

4. Культуремы, отражающие тренды в обществе, проникающие в мир политики – являются наименее устойчивыми и неожиданными, требуют от переводчика быть в курсе не только политической повестки, но и быть знакомым с тем, чем живет современное итальянское общество в целом.

Приведенная выше классификация может быть использована для решения проблемы подачи лингвоспецифической информации следующим образом: студентам можно предложить самостоя-

тельно найти примеры использования лингвокультурем, которые были использованы в качестве примера либо встретились в дидактических материалах в ходе занятия; самостоятельно или в команде подобрать новые для себя культуремы к каждой группе и предложить свой вариант перевода. Каждый пример стоит сопровождать подробным комментарием и дополнительными заданиями (найти фотографии административных зданий, составить список и краткое описание самых читаемых в школе литературных произведений и т. д.). Таким образом у будущих переводчиков будет формироваться понятийный аппарат, ориентированный на то, чтобы учитывать при переводе культурно специфическую информацию.

Библиографический список

1. Веденина Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. 1997. N 3. С. 72–110.

2. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 263–305.

3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Международные отношения, 1980. 343 с.

4. Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва : Языки русской культуры, 1998. 763 с.

5. Джаубаева Ф. И. Язык как зеркало народной культуры (на примере произведений Л.Н. Толстого) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 9 (47). С. 31–36.

6. Елизарьева М. А., Быкова Е. А., Сигова А. А. Правительственное заявление как жанр политического дискурса (на примере речей канцлеров ФРГ А. Меркель и О. Шольца) // Филологические науки в МГИМО. 2023. N 9(2). С. 21–31.

7. Иванов Н. В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе // Международные отношения, 2018. 151 с.

8. Иванова С. В. Культуроним в политическом дискурсе СМИ: инструмент гармонизации или отчуждения? // Материалы Международной научной конференции «Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия» (Екатеринбург, 16–21 октября 2017 г.) // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 26–33.

9. Каскова М. Е., Большакова Е. К. Итальянские СМИ как источник информации для понимания реалий политического «ландшафта» Италии // Ученые записки НОПРИЛ. 2022. № 4 (40). С. 140–153.

10. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. 2000. № 5. С. 3–6.

11. Кретов А. А., Фененко Н. А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. N 1. С. 7–13.

12. Паршин А. Теория и практика перевода. Москва, 2007. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/parshindoc.shtml (дата обращения: 12.12.2022)

13. Погорецкая О. А. Инвокация культурных ассоциатов в италоязычном медиапространстве как средство воздействия на аудиторию на примере правых и правоцентристских партий // Политическая лингвистика. 2022б. № 2 (92). С. 151–158.

14. Погорецкая О. А. Речевая манипуляция в медиапространстве итальянского политического дискурса. Москва, 2022а. 210 с.

15. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // НЗЛ. Вып. IX. Лингвостилистика. Москва, 1980. 431 с.

16. Сабитова З. К. Лингвокультурология. Москва : Флинта, 2013. 524 с.

17. Чеснокова О. С. Интерпретация художественного текста. Русско-испанский диалог : монография. Москва : Инфра-М, 2018. 174 с.

18. Якоби И. Психологическое учение К. Юнга // Юнг К. Г. Дух и жизнь. Москва : Практика, 1996. 560 с.

19. Jung C. G. The Archetypes and Collective Unconscious // Collected Works of C. Jung. Vol. 9. N.Y., 1959. 480 p.

20. Lombez C. et von Kulessa R. Textes réunis par C. Lombez et R. von Kulessa. Textes réunis par Aschenberg H. La traduction comme transfert culturel. A propos des textes sur la Shoah // De la traduction et des transferts culturels. Paris : L'Harmattan, 2007. 256 p.

Reference list

1. Vedenina L. G. Teorija mezhkul'turnoĭ kommunikacii i znachenie slova = Intercultural communication theory and word meaning // Inostrannye jazyki v shkole. 1997. N 3. S. 72–110.

2. Vezhbicka A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov = Semantic universals and language description / per. s angl. A. D. Shmeleva, pod red. T. V. Bulyginoj. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 263–305.

3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode = Untranslatable in translation / Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. 343 s.

4. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija = Linguistic transformations. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 763 s.

5. Dzhaubaeva F. I. Jazyk kak zerkalo narodnoĭ kul'tury (na primere proizvedeniĭ L.N. Tolstogo) = Language as a mirror of folk culture (on L.N. Tolstoy's works) // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2007. № 9 (47). S. 31–36.

6. Elizar'eva M. A., Bykova E. A., Sigova A. A. Pravitel'stvennoe zajavlenie kak zhanr politicheskogo diskursa (na primere rechej kanclerov FRG A. Merkel' i O. Shol'ca) = Government announcement as a genre of political discourse (based on the speeches of the FRG Chancellors A. Merkel and O. Scholz) // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2023. N 9(2). S. 21–31.

7. Ivanov N. V. Interpretacija v znakovoj ontologii

jazyka i v perevode = Interpretation in the sign ontology of language and in translation // Mezhdunarodnye otnoshenija, 2018. 151 s.

8. Ivanova S. V. Kul'turonim v politicheskom diskurse SMI: instrument garmonizacii ili otchuzhdenija? = Culturonym in political media discourse: a tool of harmonization or alienation? // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Odin pojas – odin put'. Lingvistika vzaimodejstvija» (Ekaterinburg, 16–21 oktjabrja 2017 g.) // Politicheskaja lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 26–33.

9. Kaskova M. E., Bol'shakova E. K. Ital'janskie SMI kak istochnik informacii dlja ponimanija realij politicheskogo «landshafta» Italii = Italian media as a source of information for understanding the realities of the Italian political «landscape» // Uchenye zapiski NOPRIL. 2022. № 4 (40). S. 140–153.

10. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Ob odnoĭ iz edinic opisanija teksta v aspekte dialoga kul'tur = On one unit of text description in the dialog of cultures // Inostrannye jazyki v shkole. 2000. № 5. S. 3–6.

11. Kretov A. A., Fenenko N. A. Lingvisticheskaja teorija realii = Linguistic theory of realia // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2013. N 1. S. 7–13.

12. Parshin A. Teorija i praktika perevoda = Theory and practice of translation. Moskva, 2007. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/parshindoc.shtml (data obrashhenija: 12.12.2022)

13. Pogoreckaja O. A. Invokacija kul'turnyh associatov v italojazychnom mediaprostranstve kak sredstvo vozdejstvija na auditoriju na primere pravyh i pravocentristskih partij = Invocation of cultural associations in Italian-language media space as a means of influencing the audience based on the example of right-wing and center-right parties // Politicheskaja lingvistika. 2022b. № 2 (92). S. 151–158.

14. Pogoreckaja O. A. Rechevaja manipuljacija v mediaprostranstve ital'janskogo politicheskogo diskursa. = Speech manipulation in the media space of Italian political discourse. Moskva, 2022a. 210 s.

15. Riffater M. Kriterii stilisticheskogo analiza = Criteria for stylistic analysis // NZL. Vyp. IX. Lingvostilistika. Moskva, 1980. 431 s.

16. Sabitova Z. K. Lingvokul'turologija = Linguoculturology Moskva : Flinta, 2013. 524 c.

17. Chesnokova O. S. Interpretacija hudozhestvennogo teksta. Russko-ispanskiĭ dialog = Literary text interpretation. Russian-Spanish dialogue: monografija. Moskva : Infra-M, 2018. 174 s.

18. Jakobi I. Psihologicheskoe uchenie K. Junga = C. Jung's psychological doctrine // Jung K. G. Duh i zhizn'. Moskva : Praktika, 1996. 560 s.

19. Jung C. G. The Archetypes and Collective Unconscious // Collected Works of C. Jung. Vol. 9. N.Y., 1959. 480 p.

20. Lombez C. et von Kulessa R. Textes réunis par C. Lombez et R. von Kulessa. Textes réunis par Aschenberg H. La traduction comme transfert culturel. A propos des textes sur la Shoah // De la traduction et des transferts culturels. Paris : L'Harmattan, 2007. 256 p.

Статья поступила в редакцию 21.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 21.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-175
EDN: ECSNXL

Лингвокультурная локализация кинопостера (на материале французского языка)

Владислав Евгеньевич Анисимов
Кандидат филологический наук, доцент кафедры французского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
anisimov.vladislav.95@mail.ru, https:// orcid.org/0000-0002-6006-3965

Аннотация. В статье изучена проблема локализации кинопостера в ином лингвокультурном пространстве на материале адаптации постеров французских кинофильмов в российском прокате. Процесс локализации малоформатных текстов кинодискурса, в том числе кинопостера, выполняющих рекламную функцию, предстает важной задачей переводчику и другим локализаторам, принимающим участие в продвижении кинофильма на экраны другой страны. Целью данного исследования является выявление особенностей локализации кинопостера как функционально-прагматической единицы кинотекста, реализующий свои функции на этапе знакомства потенциального зрителя с кинофильмом. Материалом исследования послужили 500 кинопостеров французских кинофильмов, вышедших в период с 1990 по 2024 год и локализованных в русскоязычном лингвокультурном пространстве. В качестве методов использовались методы контекстуального, лингвопрагматического и лингвокультурного анализа, метод лексико-семантического анализа лексики, описательно-аналитический метод, дискурс-анализ, метод сплошной выборки. Выявлены критерии адекватной локализации малоформатных текстов кинодискурса, согласно которым локализованный текст полностью или частично сохраняет свой аттрактивный, информационный и прагматический потенциал. При локализации кинопостера дополнительным критерием адекватной адаптации служит корректная передача его прагма-семантического компонента. Анализ локализации кинопостеров французских кинофильмов в российском прокате позволил выявить четыре типа локализации: сохранение (3 %), опущение (20 %), добавление прагмасемантического компонента (50 %), смешанный тип локализации (одновременное опущение и добавление прагмасемантического компонента – 27 %). Изменения в процессе локализации кинопостера преимущественно затрагивают его графическую часть. Была выявлена вторичная локализация кинопостера, заключающаяся в адаптации уже локализованного для кинотеатров прокатного постера для интернет-сервисов. Проведенное исследование позволяет утверждать, что локализация кинопостера является комплексным процессом адаптации поликодового текста в ином лингвокультурном пространстве с опорой на его аттрактивный, информационный и прагматический потенциал.

Ключевые слова: кинодискурс; французский кинодискурс; кинофильм; кинопостер; локализация; перевод; малоформатные тексты кинодискурса

Для цитирования: Анисимов В. Е. Анисимов В. Е. Лингвокультурная локализация кинопостера (на материале французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 175–188. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-175. https://elibrary.ru/ECSNXL

Original article

Linguocultural localization of film posters (based on the french language)

Vladislav E. Anisimov
Candidate of philological sciences, associate professor, department of the french language, Moscow state institute of international relations (university) at the MFA RF. 119454, Moscow, Vernadsky pr., 76
anisimov.vladislav.95@mail.ru, https:// orcid.org/0000-0002-6006-3965

Abstract. The article examines film posters localization in a different linguocultural space based on the french film posters adaptation in the russian box office. The localization of small-format texts in film discourse, including film posters that perform an advertising function, is an important task for translators and other localizers involved in promoting a film in another country. The aim of this study is to identify the specifics of the film posters localization as a functional and pragmatic unit of the film text, which implements its functions when a potential viewer gets an idea of

© Анисимов В. Е., 2025

the film. The study is based on 500 movie posters of french films released in the period from 1990 to 2024 and localized in the russian-speaking linguocultural space. The methods used in this study are: contextual, linguopragmatic and linguocultural analysis, lexical-semantic vocabulary analysis, descriptive-analytical method, discourse analysis, and continuous sampling method. The author defines the criteria for adequate localization of small-format texts in film discourse, according to which the localized text retains its attraction, informational and pragmatic potential fully or partially. When localizing a movie poster, an additional criterion for adequate adaptation is conveying its pragmatic-semantic component correctly. The analysis of french film posters localization in russian film distribution shows four types of localization: retaining (3 %), omitting (20 %), adding a pragmatic-semantic component (50 %), and a mixed type (omitting and adding a pragmatic-semantic component at the same time – 27 %). Changes in localizing the film poster mainly affect its graphic aspect. The author defines secondary film poster localization as the adaptation for Internet services the rental poster that has already been localized for cinemas. The research makes it possible to claim that localizing a film poster is a complex process of adapting a polycoded text in a different linguocultural space basing on its attractive, informational and pragmatic potential.

Key words: film discourse; french film discourse; film; film poster; localization; translation; small-format texts in film discourse

For citation: Anisimov V. E. Linguocultural localization of film posters (based on the french language). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):175–188. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-175. https://elibrary.ru/ECSNXL

Введение

Особое место в изучении кинодискурса отводится особенностям и способам локализации кинотекста и его отдельных элементов в ином лингвокультурном пространстве. Прогрессивное увеличение количества работ, посвященных изучению различных аспектов кинодискурса и его структурных элементов, позволяет судить о востребованности проведения исследований в данной области.

Одним из наиболее сложных этапов локализации кинопродукции становится аспект локализации малоформатных текстов кинодискурса, функционирующих на предпросмотровом этапе и осуществляющих, в первую очередь, рекламную и прагматическую функции по представлению кинофильма потенциальному зрителю и его последующее побуждение к просмотру кинофильма. К малоформатным текстам кинодискурса мы относим кинозаголовок, синопсис, слоган, постер и трейлер кинофильма, объединяемые нами в единый класс функционально-прагматических единиц кинотекста.

Целью данной работы является выявление особенностей локализации кинопостера как функционально-прагматической единицы кинотекста, реализующий свои функции на этапе знакомства потенциального зрителя с кинофильмом.

Достижению вышеуказанной цели способствовало решение следующих задач: уточнение роли постера в семиотическом пространстве кинодискурса и рекламной кампании кинофильма, анализ особенностей локализации малоформатных текстов кинодискурса, описание способов локализации постеров французских кинофильмов в русскоязычном лингвокультурном пространстве.

Актуальность данного исследования обусловлена непрекращающимся интересом ученых к анализу особенностей представления кинопродукции в ином лингвокультурном пространстве, а также последовательным описанием прагмасемантического компонента как единицы локализации кинопостера.

Научная новизна данного исследования видится в комплексном осмыслении феномена локализации кинопостера как поликодовой единицы кинодискурса и описании основных способов локализации прагмасемантического компонента кинопостера французских кинофильмов в российском прокате.

Практическая ценность данной работы заключается в возможности использования полученных данных в теории и практике перевода, в частности, киноперевода и перевода поликодовых текстов.

Методы исследования

Материалом исследования послужили 500 кинопостеров французских кинофильмов, вышедших в период с 1990 по 2024 год и локализованных в русскоязычном лингвокультурном пространстве. При отборе материала использовался метод сплошной выборки с интернет-сайтов Allociné.fr, Кинопоиск.ру, Кино-театр.ру, специализирующихся на представлении информации о вышедших в прокат кинопроизведениях.

В качестве методов использовались методы контекстуального, лингвопрагматического и лингвокультурного анализа, метод лексико-семантического анализа лексики, описательно-аналитический метод, дискурс-анализ, метод сплошной выборки.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод сплошной выборки применялся на этапе отбора материала исследования. Метод дискурс-анализа применялся для уточнения роли кинопостера в семиотическом пространстве кинодискурса. Методы лингвопрагматического и лингвокультурного анализа позволили провести сопоставление влияния прагмасемантического компонента исходных и локализованных кинопостера на потенциального зрителя. Метод лексико-семантического анализа лексики был использован в части описания визуальной составляющей исходных и локализованных кинопостеров. Описательно-аналитический метод применялся на этапе описания выявленных типов локализации кинопостера.

Результаты исследования

Роль постера в семиотическом пространстве кинодискурса

Кинопостер определяется нами как коммуникативная поликодовая функционально-прагматическая единица кинотекста информационно-рекламного содержания, функционирующая на предпросмотровом этапе и служащая для привлечения к просмотру кинофильма наибольшего числа представителей целевой аудитории [Анисимов, 2024а]. Основным реципиентом кинопостера является потенциальный зритель как представитель целевой аудитории. Поликодовость кинопостера обусловлена наличием в его составе графической (кинозаголовок, имена режиссера и других создателей кинофильма, имена и / или эмблемы компаний, участвовавших в создании и продвижении кинофильма на экраны страны, имена актеров, слоган кинофильма и др.) и иконической (кадр кинофильма, рисунок или коллаж) составляющих. Графическая составляющая кинопостера обладает более высокой информативностью для реципиента, в то время как иконическая составляющая передает дополнительную информацию аттрактивного характера, например, визуализирует внешний вид героев кинопроизведения, его жанр или иные прецедентные детали [Анисимов, 2024а]. В качестве основных функций кинопостера мы выделяем аттрактивную, рекламную, информационную и прагматическую.

В современном интернет-дискурсе также употребляется термин «тизер-постер», обозначающий постер кинофильма на предпрокатном этапе. Основным отличием тизер-постера является отсутствие какой-либо детальной информации о самом кинофильме, кроме его названия, и, в некоторых случаях, даты выхода. Тизер-постер также относится к рекламным элементам кинодискурса, направленным на анонсирование аудитории нового кинопродукта. Отметим, что тизер-постер может существенно отличаться от прокатных постеров кинофильма, что в основном связано с большей информативностью последних.

Относительно новым феноменом является моушен-постер (от англ. *motion* – движение), представляющий собой малоформатный видеофрагмент. Отличительными особенностями моушен-постера является его преимущественное функционирование в интернет-пространстве, а также принадлежность к полимодальным (согласно терминологии А. Г. Сонина, [Сонин, 2003]), а не поликодовым единицам кинодискурса.

В рамках семиотического пространства кинодискурса постеру кинофильма отводится роль рекламного элемента, с которым потенциальный зритель знакомится на предпросмотровом этапе знакомства с кинофильмом. Следовательно, при создании кинопостера наибольшее внимание уделяется его аттрактивному и прагматическому потенциалу: яркий, броский и запоминающийся кинопостер способен привлечь большее внимание потенциального реципиента. В свою очередь, более высокий информационный потенциал кинопостера, заключающийся в предоставлении потенциальному зрителю как можно большего количества информации на предпросмотровом этапе, также позволяет привлечь его к просмотру кинофильма. При этом чем больше важной для реципиента информации содержит кинопостер (имена знакомых потенциальному зрителю актеров, режиссера, представление актеров в узнаваемом зрителю формате в случае с многосерийными кинофильмами и др.), тем выше его информационный и прагматический потенциал, и тем выше вероятность привлечения потенциального зрителя к просмотру конкретного кинофильма.

Рассматривая взаимодействие кинопостера с другими функционально-прагматическими единицами кинотекста в рамках семиотического пространства кинодискурса, отметим два вида интертекстуальной связи, возникающих между кинопостером и другими малоформатными текстами, функционирующими в ходе рекламной кампании кинофильма. Прямая связь образуется между кинопостером, кинозаголовком и слоганом кинофильма, поскольку последние два элемента входят в графическую часть кинопостера. Косвенная связь характерна для кинопостера и синопсиса кинофильма в части представления потенциаль-

ному зрителю главных героев произведения, реже – упоминании режиссера кинофильма или общего элемента сюжета, выступающего в качестве прецедентной ситуации. При взаимодействии кинопостера с трейлером кинофильма могут возникать оба вида связи: прямая интертекстуальная связь характерна в случае, если в качестве иконической составляющей кинопостера выступает кадр из трейлера или общий для кинопостера и трейлера кинофильма кадр из кинофильма. Косвенная связь между данными малоформатными текстами кинодискурса возникает при отсутствия общего иконического элемента, но фигурировании одних и тех же действующих лиц в кинопостере и трейлере кинофильма: главных героев, прецедентных деталей и ситуации.

Таким образом, современный кинопостер представляет собой прагматически-ориентированную единицу кинотекста, направленную на представление потенциальному зрителю информации о кинопроизведении на предпросмотровом этапе.

Особенности локализации малоформатных текстов (МФТ) кинодискурса

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей локализации кинопостера, кратко остановимся на нашем понимании феномена локализации применительно к кинотексту, а также на отличительных чертах локализации малоформатных текстов кинодискурса.

На сегодняшний день локализация понимается исследователями как более комплексное явление, включающее в себя не только перевод, но и «адаптацию продукта к конкретной культуре через изменение такой информации, как например, звук, цвет, изображение» [Сухарева, Шурлин, 2013, с. 167]. В современной научной литературе, посвященной проблемам перевода, феномен локализации изучается в работах, посвященным адаптации видеоигр [Мугу, Бричева, Сасина, 2021; Коптелова, Руцкая, 2022; Алферов, Евсеев, 2023; Буряковская, 2024; Koscelníková, 2021; Mejías-Climent, 2021; Koçak, 2023], кинопродукции [Панкратова, 2019; Ткачева, 2019; Решетняк, Манахова, 2024; Chen, Li, Hou, Huang, 2023], рекламных текстов [Парасоцкая, 2017; Топоркова, 2022; Анисимов, Калинникова, 2022; Alotaibi, Tuhaitah, 2021]. Локализация рассматривается нами как отдельный вид трансформации исходного текста в новый текст с участием переводчика и других специалистов, участвующих в адаптации продукта. Новый текст обладает схожим с исходным текстом (ИТ) воздействием на реципиента [Анисимов, 2024б].

В рамках локализации происходит адаптация кинопроизведения и его основных частей к условиям иного социо- и лингвокультурного пространства с целью успешного продвижения кинофильма в прокате другой страны.

Поскольку основной задачей, выполняемой кинозаголовком, синопсисом, слоганом, постером и трейлером кинофильма, является привлечение к просмотру кинофильма как можно большего числа представителей целевой аудитории, их локализация в ином лингвокультурном пространстве представляет особую задачу для локализаторов. О коллективном авторстве кинотекста как одной из основных особенностей данного вида дискурса говорят Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова [Слышкин, Ефремова, 2004]. В случае с локализацией кинотекста в ином лингвокультурном пространстве, в том числе малоформатных текстов кинодискурса, мы также считаем возможным говорить о коллективном авторстве. Под локализаторами кинотекста нами понимается совокупность действующих лиц, принимающих участие в продвижении кинофильма в прокате: переводчики, иные специалисты, осуществляющие межкультурную адаптацию текста, авторы субтитров, актеры дубляжа, представители прокатной (дистрибьюторской) компании, «доставляющие» зрителю кинофильм.

На сегодняшний день основное внимание исследователей среди всего класса малоформатных текстов кинодискурса уделяется переводу и локализации кинозаголовка, при этом рядом авторов используется функциональный эквивалент «фильмоним» [Александрова, 2019; Горшкова, 2014; Калегина, 2019; Никитин, Бородина, 2024; Krasina, Moctar, 2020; Tsoi, 2022; Qin, 2024; Wong, Amini, Alipour, 2023; Zou, Zeng, 2022]. Говоря о локализации перечисленных малоформатных текстов, отметим, что наиболее важной особенностью единиц данного класса является их функционирование на этапе, предшествующем появлению самого кинофильма на экранах кинотеатров. Следовательно, от того, каким образом исходный малоформатный текст будет локализован в иноязычном и инокультурном пространстве, напрямую зависит число потенциальных зрителей кинофильма.

На наш взгляд, при локализации малоформатных текстов кинодискурса особенно важной становится грамотная передача заложенных в исходных МФТ аттрактивного, информационного и прагматического потенциала. Сохранение аттрактивного потенциала может заключаться в грамотном подборе лексических единиц и грамматических конструкций, создающих схожий с исходным текстом эффект и привлекающих внимание потенциально-

го зрителя. Совпадение информационного потенциала исходного и локализованного МФТ кинодискурса позволит наиболее полно передать информационную насыщенность и акценты, расставленные авторами кинофильма. Отметим, что в случае наличия у потенциального зрителя культурных лакун локализаторы в большинстве случаев поясняют или опускают данную информацию при адаптации МФТ кинодискурса к иному лингвокультурному пространству (ср. «Un peuple et son roi» / «Один король – одна Франция», 2018; «Mesrine : l'ennemi public №1» / «Враг государства №1: Легенда», 2008).

Говоря о сохранении прагматического потенциала, необходимо отметить важность сохранения присутствующих в исходном тексте интертекстуальных отсылок, аллюзий и апелляций к различного рода прецедентным текстам, прецедентным ситуациям и прецедентным феноменам, носящим универсальный характер и одинаково воспринимаемым зрителями различных лингвокультурным пространств («Notre-Dame brûle» / «Нотр-Дам в огне», 2022; «Jeanne d'Arc» / «Жанна Д'Арк», 1999). В то же время в процессе локализации МФТ кинодискурса стоит обращать внимание на культурно-обусловленные элементы, которые могут быть избыточными или непонятными реципиенту-потенциальному зрителю иной культуры: в данном случае локализаторам представляется возможным найти адекватную замену или опустить лингвокультурную единицу, которая может помешать реципиенту из другой лингвокультуры верно истолковать заложенные в ней смыслы.

Подчеркнем, что сохранение заложенного в МФТ кинодискурса аттрактивного, информационного и прагматического потенциалов в процессе локализации кинозаголовка, синопсиса, слогана, постера и трейлера кинофильма позволит привлечь к просмотру кинофильма представителей его целевой аудитории, что обеспечит высокие сборы кинофильма и отсутствие негативных отзывов на кинопроизведения. В ряде случаев команда локализаторов может сознательно пойти на искажение исходного малоформатного текста кинодискурса для увеличения его аттрактивного, информационного и прагматического потенциала [Анисимов, 2024б].

Таким образом, адекватной локализацией малоформатных текстов кинодискурса может считаться такой вид адаптации, при котором наблюдается минимальное количество или полное отсутствие расхождений в вариативности понимания реципиентами-потенциальными зрителями смыслов, заложенных в исходном тексте. В случае адекватной локализации ЛТ полностью или частично сохраняет свой аттрактивный, информационный и прагматический потенциал. Подчеркнем, что в современных условиях адекватная локализация приобретает особую важность в свете отсутствия официального релиза в России кинопродукции ряда стран, что, в ряде случаев, может приводить к непрофессиональной локализации зарубежных кинофильмов.

Особенности локализации кинопостера

Обращаясь к локализации кинопостера, следует уточнить, что для успешной локализации кинопостера важным является дополнительный аспект, напрямую связанный с поликодовой структурой данного малоформатного текста. Поскольку кинопостер включает в себя множество элементов, в том числе другие малоформатные тексты кинодискурса, представляется возможным говорить о присутствии в кинопостере ряда элементов, одновременно обладающих определенным смысловым значением и оказывающих прагматическое воздействие на потенциального реципиента-зрителя. Подобные единицы могут варьироваться в соответствии с фоновыми знаниями реципиента о кинофильме: кинозаголовок, слоган кинофильма, имена актеров, режиссера, героев кинофильма (особенно в случае с многосерийными кинофильмами), информация о дате выхода кинофильма, возрастном ограничении (при его наличии в стране проката), дистрибьюторской компании и др. В силу оказываемого ими воздействия нами предлагается обозначить данные единицы как «прагмасемантический компонент кинопостера», под которым мы понимаем *смысловые части кинопостера, являющиеся неотъемлемой частью его графической или иконической составляющих, оказывающие информационное и прагматическое воздействия на реципиента-потенциального зрителя*.

В основу нашего исследования положен анализ сохранения или изменения прагмасемантического компонента кинопостера в процессе локализации постеров французских кинофильмов в российском прокате и их влияние на аттрактивный, информационный и прагматический потенциал кинопостера.

В ходе анализа локализации постеров французских кинофильмов в российском прокате нами были выделены четыре типа локализации кинопостеров в русскоязычном лингвокультурном пространстве: локализация с сохранением, опущением или добавлением прагмасемантического компонента, смешанная локализация с одновремен-

ным опущением и добавлением прагмасемантического компонента. Процентное соотношение каждого из приведенных типов локализации постеров французских кинофильмов представлены в таблице 1 (табл. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение типов локализации кинопостера французских кинофильмов в российском прокате

Тип локализации кинопостера	Количество постеров (%)
Сохранение прагмасемантического компонента	15 (3%)
Опущение прагмасемантического компонета	100 (20%)
Добавление прагмасемантического компонета	250 (50%)
Смешанный тип (опущение и добавление прагмасемантического компонента)	135 (27%)

Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных типов локализации. В случае сохранения прагмасемантического компонента кинопостера представляется возможным говорить о полной локализации кинопостера: в данном случае сохраняются все структурные элементы графической и иконической составляющих исходного кинопостера, их расположение на локализованном кинопостере, а также отсутствуют дополнительные элементы, которые могут быть добавлены локализаторами. К дополнительным элементам, на наш взгляд, не следует относить те элементы, которые локализатор не может избежать в силу условий проката кинофильмов в конкретной стране, например, упоминание о возрастном ограничении для кинофильма в России, так как это представляет собой социокультурный феномен наравне с заменой названий и логотипов прокатных компаний. О полной локализации кинопостера представляется возможным говорить и в случае применения различных переводческих трансформаций, которые не изменяют значение и прагматический потенциал элементов графической составляющей кинопостера (кинозаголовок, слоган и др.).

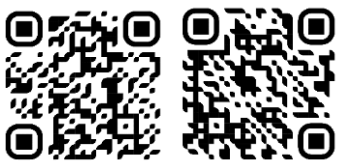


Рисунок 1. Пример локализации кинопостера с сохранением прагмасемантического компонента. Кинофильм «Annette» / «Аннетт» (2021)

Примером локализации кинопостера при сохранении прагмасемантического компонента является постер кинофильма Annette (2021, «Аннетт»). На кинопостере изображен кадр из трейлера кинофильма, демонстрирующий двух основных героев произведения, идентичный для оригинального и локализованного вариантов. Внизу кинопостера располагается кинозаголовок, имя режиссера и дополнительная информация о кинофильме. Вверху постера кинофильма указаны имена актеров и эмблема Каннского кинофестиваля (рис. 1). При локализации кинопостера сохраняются все элементы графической (кинозаголовок, логотип компании / компаний, участвовавших в продвижении кинофильма, имена актеров, режиссера и его команды, других лиц, участвовавших в создании кинофильма, информация о дате выхода кинофильма на экраны, упоминание о том, что кинокартина являлась фильмом-открытием Каннского кинофестиваля) и иконической (кадр из кинофильма) составляющих исходного кинопостера. Не подвергается изменению и расположение элементов графической и иконической составляющих кинопостера: верх кинопостера отведен для упоминания компании-создателя, имен актеров, информации об участии кинофильма в Каннском кинофестивале (фильм-открытие); центр кинопостера занимает кадр из кинофильма; внизу постера располагаются кинозаголовок, имя режиссера, его команды и всех, принимавших участие в создании кинопроизведения, информация о дате начала проката в стране, логотипы компаний. Отметим, что информация о команде режиссера (авторы сценария, музыкальной части и др.) в нижней части локализованного кинопостера, указанная наиболее мелким шрифтом, и информация об участии кинофильма в Каннском кинофестивале остаются не переведенными на русский язык. Подобный ход со стороны локализаторов может быть вызван незначительностью данной информации для потенциального зрителя в российском лингвокультурном пространстве.

Отметим, что подобная степень локализации постера кинофильма позволяет сохранить исходный аттрактивный, информационный и прагматический потенциал постера, но является наименее частотной (3 % от проанализированных нами кинопостеров) ввиду отсутствия подобной необходимости вследствие иных лингвокультурных реалий и фоновых знаний реципиентов.

Таким образом, отсутствие изменений в графической и иконической составляющих исходного постера в процессе его локализации в прокате

другой страны позволяет сохранить его исходный прагмасемантический компонент и, соответственно, аттрактивный, информационный и прагматический потенциал.

Более частотным (20 %) является тип локализации кинопостера, при котором происходит добавление прагмасемантического компонента кинопостера. В данном случае целесообразно говорить о частичной локализации кинопостера, поскольку наблюдается расхождение между структурными элементами графической и/или иконической составляющих исходного и локализованного постера.

Примером локализации с добавлением нового прагмасемантического компонента является локализованный постер кинофильма *Menteur* (2023, в русской локализации – «Не звезди!»).

Рисунок 2. Локализация кинопостера с добавлением нового прагмасемантического компонента. Кинофильм «Menteur» / «Не звезди!» (2022)

Исходный и локализованный кинопостеры содержат общие элементы графической (кинозаголовок, слоган, имена актеров, режиссера и его команды, информация о компании-прокатчике) и иконической (коллаж, на котором изображен главный герой произведения Жером с собакой в руках, убегающий от своих родственников, друзей и соседа, преследующих его в образах, в которых они превратились по вине Жерома; фон иконической составляющей кинопостера представлен видом Ниццы – города, где происходит действие кинофильма – и дворцом Жерома, также ставшим реальностью по причине его лжи) составляющими (рис. 2). Помимо структурных элементов графической части исходного кинопостера (кинозаголовок, подвергнувшийся лексико-семантической трансформации, слоган, информация о режиссере кинофильма, актерах, прокатной компании), на локализованном постере присутствует информация о выходе кинофильма на экраны в России («В кино с 28 июля»). Дополнительный прагмасемантический компонент локализованного кинопостера позволяет увеличить его информационный потенциал. В свою очередь, иконическая составляющая исходного постера не подверглась трансформации в процессе локализации.

Рисунок 3. Локализация кинопостера с добавлением нового прагмасемантического компонента. Кинофильм «Radin!» / «Жмот» (2016)

Схожий вариант локализации кинопостера можно наблюдать на примере локализации кинопостера французского кинофильма Radin (2016, в российской локализации – «Жмот»). На исходном и локализованном кинопостерах изображен главный герой Франсуа Готье, слева от которого размещены стикеры-напоминания. Иконическое содержание постера идентично, тогда как его графический компонент подвергается значительным изменениям. В данном случае кинопостер содержит общий графико-иконический компонент, подвергающийся локализации: полной замене подвергается текст, фигурирующий на стикерах, расположенных по центру кинопостера и репрезентирующих своеобразные напоминания, которые оставляет себе главный герой, стремящийся сэкономить каждый евро (рис. 3). Исходное сообщение представлено напоминанием о счетах и покупках к оплате (l'éléctricité, le chauffage, les transports, le coiffeur – электричество, отопление, транспорт, услуги парикмахера / les pourboires, les cadeaux, le dentrifice – чаевые, подарки, зубная паста / le vêtement, les restaurants, l'eau, les courses – одежда, рестораны, вода, покупки / le papier toilette, le téléphone, les préservatifs – туалетная бумага, телефон, презервативы) при локализации заменяется на напоминания о различных действиях, которые протагонист должен совершать в целях экономии средств («Wi-Fi не подключать – пароль соседа 21WBB» / Костюм на свидание – одолжить у друга / Электроприборы днем не включать – ночью дешевле / Сахар не покупать – в кафе бесплатно»). Отметим, что прагма-семантических компонент, заложенный в исходном постере (способы экономии денежных средств) не подвергается изменению, что позволяет говорить о локализации с полной переводческой трансформацией данной смысловой части графико-иконического компонента. Подчеркнем также замену номинативных форм (существительные) на глагольные формы в ходе локализации рассматриваемого компонента, что придает заметкам главного героя вид законченного послания самому себе, соответствует стилю ведения заметок российского реципиента и, в конечном

счете, усиливает аттрактивный потенциал кинопостера.

Говоря о графической составляющей кинопостера, также обратим внимание на локализацию слогана с сохранением прагмасемантического компонента. Исходный слоган (Quand on aime, on ne compte pas, sauf … / Когда мы влюблены, мы не считаем (деньги), разве что…) заменяется на близкий по смыслу, но более броский вариант «Меняю деньги на любовь», что позволяет сохранить апелляцию к происходящим в кинофильме событиям, одновременно увеличив прагматический потенциал слогана. В случае с локализацией кинозаголовка, переведенного дословно (лексема radin обозначает крайне скупого человека, преобразование происходит при помощи хромографемики – буква «о» в слове жмот заменяется на эмодзи-знак, обозначающий «недовольство», что позволяет сделать вывод о нежелательности подобного скупого поведения в русской лингвокультуре, одновременно повышая аттрактивный потенциал всего кинопостера.

Таким образом, добавление ряда элементов прагмасемантического компонента позволяет повысить информационный потенциал локализованного кинопостера, а сохранение элементов графической и иконической составляющих исходного кинопостера способствует достижению схожего аттрактивного, информационного и прагматического эффекта на зрителя иной лингвокультуры.

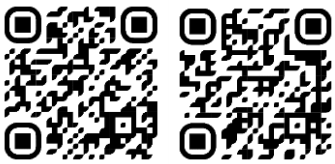


Рисунок 4. Пример локализации кинопостера с опущением прагмасемантического компонента (всех прагмасемантических компонентов). Кинофильм «Léon» / «Леон» (1994, реж. Л. Бессон)

Примером локализации с опущением прагмасемантического компонента исходного кинопостера может являться российский постер кинофильма Léon («Леон», 1994). Исходный и локализованный кинопостеры содержат изображение лица главного героя, слева от которого крупными буквами указано название кинофильма, а внизу – имя режиссера и дополнительная информация о кинофильме мелким шрифтом. В процессе адаптации кинопостера для российского зрителя, локализаторы убирают один из элементов графической составляющей кинопостера, располагающийся в левом верхнем углу, – информацию о французской кинокомпании «Гомон» (Gaumont), выпустившей кинофильм (рис. 4). Подобное действие обусловлено отсутствием фоновой информации об известности кинокомпании «Гомон» у российского зрителя и не влияет на аттрактивный, информационный и прагматический потенциал локализованного кинопостера.

Другими выявленными нами элементами, которые могут быть опущены в процессе локализации графической составляющей кинопостера, являются логотипы компаний-прокатчиков, имена актеров и режиссера кинофильма и его команды, слоган, а также полученные кинофильмом награды. Отсутствие локализации представленных единиц семиотического пространства кинофильма может быть обусловлено их малой информативностью для российского зрителя или необходимостью замены одних элементов на другие (например, слоган кинофильма на информацию о сборах в зарубежном прокате или имя режиссера на имя сценариста).

Рисунок 5. Смешанный тип локализации прагмасемантического компонента кинопостера. Кинофильм «Qu'est-ce qu'on a encore fait au Bon Dieu?» / «Самая безумная свадьба» (2019)

Встречаются также случаи одновременного опущения и добавления прагмасемантического компонента кинопостера (рис. 5). Центральным элементом исходного и локализованного кинопостеров является коллаж, представляющий потенциальному зрителю всех героев кинофильма. Над коллажем в обоих кинопостерах размещено название кинофильма, ниже – оставшаяся значимая информация о произведении. В рассматриваемом примере (Qu'est-ce qu'on a encore fait au Bon Dieu ? (2019, в русской локализации – «Самая безумная свадьба») наибольшей трансформации и изменению прагмасемантического компонента подвергается графическая составляющая кинопостера. Наблюдается опущение упоминания об актерах, режиссере кинофильма и имен главных героев кинофильма, располагающихся снизу и сверху от их образов. Взамен при локализации авторы помещают на кинопостер новый слоган «Никогда такого не было и вот опять!», являющийся прецедентным высказыванием советского и российского политического деятеля В. С. Черномырдина.

Также на локализованный кинопостер помещаются краткая характеристика кинофильма («Беспардонно неполиткорректная комедия»), вместе со слоганом афиширующая зрителю комедийный жанр кинофильма и содержащая апелляцию к его сюжетной составляющей, информация о выходе кинофильма в российский прокат («С 1 июля в кино») и логотипы кампаний, участвующих в продвижении киноленты на экраны в России. Иконическая составляющая кинопостера подвергается меньшим изменениям: ее основу составляет тот же кадр, который присутствует на исходном постере, однако при локализации добавляются изображения ангелов, символизирующих свадьбу. В данном случае мы также наблюдаем незначительную адаптацию иконической составляющей кинопостера к локализованному кинозаголовку, содержащему, в отличие от исходного названия кинофильма, лексему «свадьба» (оригинальное название можно перевести как «Где же мы снова провинились?»). Подчеркнем, что подобная локализация кинозаголовка и кинопостера носит информационно-прагматический характер, где малоформатные тексты адаптируются к основной сюжетной линии кинофильма. Дополнительно считаем важным отметить сохранение основной красно-синей цветовой гаммы исходного кинопостера в процессе его локализации, в том числе с учетом элемента хромографемики: на обоих постерах новый компонент, указывающий на вторую часть многосерийного кинофильма («encore / ещё» во французском варианте и «самая» в русском), выделен синим цветом. Таким образом, изменения, произведенные в прагмасемантическом компоненте графической и иконической составляющих данного кинопостера, способствуют не только сохранению, но и увеличению аттрактивного, информационного и прагматического потенциала постера, что может привести к привлечению числа зрителей кинопроизведения и увеличению кассовых сборов кинофильма в прокате.

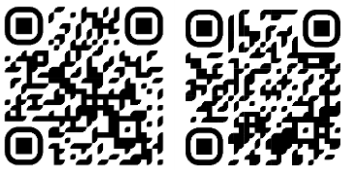


Рисунок 6. Смешанный тип локализации прагмасемантического компонента кинопостера. Кинофильм «Les complices» / «Не буди во мне киллера» (2023)

Другим характерным примером одновременного опущения и добавления прагмасемантического компонента кинопостера может стать локализованный постер кинофильма *Les complices* (2023, дословный перевод «Сообщники»). В данном случае основная трансформация затронула иконическую составляющую кинопостера: на локализованном кинопостере отсутствуют два основных героя кинофильма – соседи профессионального киллера Макса Карим и Стефани. В свою очередь, иконическая составляющая локализованного постера содержит новые элементы – кроличьи ушки над головой у киллера-Макса и резиновую утку, расположенную на черенке лопаты. Добавление означенных элементов позволяет локализаторам передать комедийный характер кинофильма. Локализованный кинопостер также приобретает дополнительную аттрактивную характеристику за счет метафорической визуализации жанровой составляющей кинофильма и деятельности главного героя произведения – изображения дырки от пули, выпущенной из автоматического оружия в словах «во» и «киллера» в кинозаголовке, изображенном на постере. Подчеркнем, что в качестве жанра кинофильма во французском сегменте интернета указана только комедия (comédie), в то время как на российских интернет-сервисах фигурирует дополнительный жанр (комедия, криминал), что может быть связано с относительной популярностью кинофильмов данного жанра у российской аудитории, например, студентов. Выскажем предположение, что использованные авторами локализованного кинопостера приемы связаны с трансформацией кинозаголовка, при локализации которого теряется «множественность» главных героев кинопроизведения, а также основная идея исходного названия кинофильма – действие группы лиц, являющихся соучастниками преступления (ср. «Сообщники / Соучастники» – «Не буди во мне киллера»). Следовательно, присутствие нескольких лиц на постере кинофильма, в заголовке которого фигурирует только один главный герой, может ввести в заблуждение потенциального зрителя кинофильма, в связи с чем локализаторами было принято решение отказаться от представления всех главных героев на кинопостере. Подчеркнем, что трансформации подвергается только центральное изображение (фигура), являющееся объектом фокусирования потенциального зрителя, в то время как фоновое изображение (фон) остается без изменений, что позволяет обратиться к исследованиям восприятия визуальных объектов в области гештальт-психологии [Порозова, 2012]. Кроме того, при локализации сохраняются когезивные связи между графической и иконической состав-

ляющими локализованного кинопостера, что способствует реализации прагматических характеристик поликодового текста [Павлина, Прасолова, 2024]. Таким образом, мы наблюдаем адаптацию иконической части кинопостера к новому кинозаголовку, что позволяет сделать вывод о преимущественной локализации кинопостера в большинстве случаев происходит с опорой на локализованный вариант кинозаголовка, а сама локализация кинопостера является вторичной по отношению к локализации кинозаголовка. Подобный вывод подтверждает правомерность положения о центральном месте кинозаголовка в поликодовой структуре кинофильма [Александрова, Красина, Рыбинок, 2019, с. 25]. Отметим, что данный ход может быть неудачным: если зритель не ознакомится с другими функционально-прагматическими единицами кинотекста, предваряющими появление кинофильма в прокате – синопсисом и трейлером кинофильма, и не получит информацию о присутствии в кинофильме нескольких главных героев, он может не иметь достоверной информации о кинопроизведении в начале просмотра кинофильма. Дополнительно отметим изменения, произведенные локализаторами в графической составляющей постера: из графических элементов исходного постера сохраняется только кинозаголовок в его локализованном варианте, в то время как вместо остальных графических элементов на локализованный постер были помещены новые, среди которых информация о дате выхода кинофильма в российский прокат («В кино с 15 июля») и эмблемы компаний, сайтов и организаций, принимавших участие в продвижении кинофильма на экранах в России. Таким образом, из постера кинофильма пропадают упоминания об именах актеров, исполняющих главные и второстепенные роли, имени режиссера киноленты, названии компании-прокатчика, информации об участии и премьере кинофильма в рамках официального показа на фестивале L'Alpe d'Huez во французском городе Альп-д'Юэз в 2023 году. Отметим, что данная информация может не включаться авторами в локализованный постер ввиду отсутствия у среднестатистического российского зрителя фоновых знаний о современном кинематографе Франции, в том числе незнание актеров и режиссера кинофильма. В свою очередь, размещение логотипов организаций и компаний, участвовавших в рекламной кампании кинофильма в России, способствует, помимо возможных спонсорских соглашений, привлечению внимания зрителя, который знаком с данными компаниями, организациями, социальными сетями (изображение эмблемы социальной сети «ВКонтакте) и интернет-хостингами («Кино-театр.ру»). Итак, одновременное опущение и добавление прагмасемантического компонента графической и иконической составляющих постера в процессе локализации постера кинофильма *Les complices* / «Не буди во мне киллера» приводит к потере информативности кинопостера. Вместе с тем, произведенные преобразования в части иконической составляющей позволяют лучше адаптировать кинопостер к центральной функционально-прагматической единице – кинозаголовку.

Локализация кинопостера для интернет-сервисов (стриминговых сервисов, видеохостингов)

Локализация затрагивает не только адаптацию кинопостера к иноязычному пространству нового лингвокультурного сообщества. Появление новых интернет-сервисов, связанных с кинематографом и просмотром кинофильмов, обусловливает свои нормы локализации кинопостеров для последующего их размещения на интернет-сайтах. Мы считаем, что в данном случае уместным будет говорить о феномене «вторичной локализации кинопостера», поскольку локализация кинопостера для интернет-сайта выполняется с уже локализованного в российском прокате постера кинофильма. Проиллюстрируем сказанное на примере уже рассмотренных нами кинопостеров (см. рис. 2, 3, 5, 6).

Рисунок 7. Примеры вторичной локализации кинопостера. Интернет-ресурсы о кино Кинопоиск.ру и «Онлайн-кинотеатр KION»

Основным отличием вторичной локализации кинопостера является отсутствие большинства элементов графической составляющей: единственным элементом, сохраняющимся на постере кинофильма, остается его кинозаголовок (рис. 7). Иконическая составляющая кинопостера остается без изменений, что позволяет говорить о центральной роли именно иконической составляющей кинопостера при его вторичной локализации.

Опущение большинства элементов графической составляющей кинопостера в процессе вторичной локализации связано с тем, что задачей данного постера не является привлечение внимания потенциального зрителя к просмотру кинофильма. Кинопостер на интернет-сайте является

структурным иконическим (визуальным) элементом веб-страницы, который дополняет информацию о кинофильме. Сохранение элементов иконической составляющей кинопостера в полном объеме обусловлено трудностью ее модификации и представлением синергии основных значимых элементов кинофильма, в том числе интертекстуальных отсылок (Анисимов 2024а).

Итак, вторичная локализация является относительно новым феноменом, связанным с появлением интернет-сервисов, посвященных кинематографу. В процессе вторичной локализации кинопостер утрачивает большинство элементов своей графической составляющей при полном сохранении элементов иконической составляющей. Подобная трансформация обусловлена сменой задач кинопостера в интернет-пространстве, где его основным назначением является дополнение информации о кинофильме иконическим изображением на определенной веб-странице, посвященной кинопроизведению.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводам, определяющим основные особенности локализации современного кинопостера с точки зрения трансформации его прагмасемантического компонента.

В рамках семиотического пространства кинодискурса кинопостер выполняет роль рекламного элемента, взаимодействующего с потенциальным зрителем до просмотра им самого кинофильма. Высокий аттрактивный, информационный и прагматический потенциал кинопостера могут оказывать существенное влияние на выбор кинофильма потенциальным зрителем.

Адекватная локализация малоформатных текстов кинодискурса основана на минимальном наличии или полном отсутствии расхождений в вариативности понимания реципиентом идей и смыслов, заложенных в исходном малоформатном тексте. Адекватная локализация МФТ кинодискурса позволяет сохранить аттрактивный, информационный и прагматический потенциал единицы.

Наиболее частотным (50 %) типом локализации кинопостера французских кинофильмов является локализация с добавлением прагмасемантического компонента, менее востребованными типами локализации являются смешанный, включающий в себя одновременное опущение и добавление прагм-семантического компонента, и опущение прагмасемантического компонента. Наименее частотным типом является сохранение всех прагмасемантических компонентов при локализации французских кинопостеров в российском прокате.

При локализации ряда кинопостеров французских кинофильмов нами были выявлены случаи отсутствия локализации и перевода ряда элементов их графической составляющей: например, информация об участии кинофильма в различных кинофестивалях, о команде режиссера, в том числе авторов сценария, музыки и др. Данная информация обычно располагается внизу постера наиболее мелким шрифтом или сопровождается дополнительным компонентом, в том числе логотипом, а отсутствие ее локализации и перевода связано с ее несущественным влиянием на аттрактивный, информационный и прагматический потенциал кинопостера за счет изменения лингвокультурных реалий проката.

Наибольшей трансформации при локализации подвергается графическая составляющая кинопостера, что связано с более широкими возможностями ее вариативности. При адаптации постеров французских кинофильмов в российском прокате происходит опущение и добавление прагмасемантического компонента графической составляющей кинопостера, что способствует увеличению аттрактивного и прагматического потенциала кинопостера при несущественной потере его информационного потенциала. Менее частотными являются преобразования иконической составляющей кинопостера, обусловленные ее статичностью и трудностью замены кадра из кинофильма или коллажа. Тем не менее, в выявленных нами случаях трансформации подвергаются центральное изображение кинопостера, в то время как фоновое изображение остается без изменений. Адаптация иконической составляющей кинопостера возможна в связи с необходимостью ее преобразования под новый (локализованный) кинозаголовок, а также для устранения табуированных для российского общества составляющих, присутствующих на исходном кинопостере.

За счет утраты некоторых функциональных элементов исходного постера кинофильма локализованный кинопостер приобретает дополнительные аттрактивные характеристики, в том числе метафоризированные, взамен утраченных информационных.

Выявленная нами вторичная локализация кинопостера, происходящая на основе адаптации уже локализованного постера кинофильма для интернет-сервисов, заключается в сохранении иконической части первично-локализованного

кинопостера при существенной трансформации его графической составляющей. Утрата большинства элементов графической составляющей кинопостера при вторичной локализации связана со сменой задач кинопостера в интернет-пространстве, где его основным назначением становится дополнение информации о кинофильме на веб-странице.

Опираясь на наше видение локализации как отдельного вида трансформации исходного текста, отметим, что в случае с локализацией кинопостера возможно говорить именно о локализации, а не собственно переводе текста, так как преобразования, производимые в процессе адаптации кинопостера к иному лингвокультурному пространству, связаны как с его графической, так и с иконической составляющими. В свою очередь, в отличие от малоформатных текстов, которые в процессе локализации могут быть составлены заново (кинозаголовок, слоган), кинопостер при любых видах трансформации сохраняет ряд своих структурных элементов, наименьшим изменениям из которых являются кинозаголовок, фон и фигура иконической составляющей.

Библиографический список

1. Александрова О. И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 810–827.

2. Александрова О. И. Прецедентные феномены кинотекста: название художественного фильма в аспекте перевода / О. И. Александрова, Е. А. Красина, Е. С. Рыбинок // Филологические науки. 2019. № 5. С. 22–33.

3. Алферов Д. А. Трудности перевода и локализации компьютерных игр / Д. А. Алферов, Д. А. Евсеев // Наукосфера. 2023. № 6-1. С. 245–248.

4. Анисимов В. Е. Структурно-прагматические особенности постера кинофильма (на материале французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024а. Т. 17. № 1. С. 184–192.

5. Анисимов В. Е. Особенности применения когнитивно-эвристической модели перевода при локализации кинозаголовка (на материале французского и русского кинодискурса) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024б. № 54. С. 7–31.

6. Анисимов В. Е. Особенности перевода слоганов социальной рекламы в современном веб-пространстве / В. Е. Анисимов, Е. Д. Калинникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 10 (865). С. 16–23.

7. Болотина М. А. Лексические проблемы перевода компьютерных игр / М. А. Болотина, Е. В. Кузьмина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 43–50.

8. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 26–37.

9. Калегина Т. Е. Особенности перевода названий фильмов Голливуда с английского на немецкий и русский языки // Казанский лингвистический журнал. 2019. Т. 2. № 3. С. 30–57.

10. Коптелова С. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр / С. А. Коптелова, Е. А. Руцкая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 3. С. 16–25.

11. Мугу М. С. Проблемы языковой локализации компьютерных игр / М. С. Мугу, М. М. Бричева, С. А. Сасина // The Scientific Heritage. 2021. № 61-3(61). С. 40–42.

12. Никитин М. Ю. Особенности перевода фильмонимов с английского языка на примере мультсериала / М. Ю. Никитин, М. А. Бородина // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1(57). С. 243–246.

13. Павлина С. Ю. Формирование когезивных связей в поликодовом тексте кинопостера / С. Ю. Павлова, О. Д. Прасолова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 133–140.

14. Панкратова С. А. Диалогическая природа локализованных киноназваний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 3(79). С. 830–838.

15. Парасоцкая А. А. Проблемы локализации текстов рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2017. № 15. С. 57–61.

16. Порозова Д. Ю. Гештальт как основа визуального восприятия // Человек в мире культуры. 2012. № 3. С. 23–27.

17. Решетняк Н. В. Локализация названий лучших французских комедий: удачи и провалы / Н. В. Решетняк, С. О. Манахова // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени : Сборник научных статей по итогам VI Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 14–15 марта 2024 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 52–55.

18. Слышкин Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. Москва : Водолей Publishers, 2004. 153 с.

19. Сонин А. Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 43–56.

20. Сухарева Е. Е. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации / Е. Е. Сухарева, О. В. Шурлева // Вестник Воронежского государственного

университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 166–169.

21. Ткачева А. Н. Особенности российской локализации французских кинозаголовков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 144–148.

22. Топоркова Ю. А. Проблема локализации испаноязычных рекламных текстов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 12-2. С. 183–186.

23. Alotaibi A. G. An overview of the localisation of video games into Arabic / A.G. Alotaibi, Z. Tuhaitah // The Journal of Internationalization and Localization. 2021. Volume 8, Issue 1. P. 26–47.

24. Chen D., Li T., Hou Y., Huang Y. Research on the Localization Strategy in the Remake of Film and TV Drama Taking the Japanese Remake of Journey to the West as an Example // Communications in Humanities Research. 2023. Vol. 13. P. 105–110.

25. Koscelníková M. The localization of video games into less widely spoken languages that share a common history. An example of Slovak and Czech legislative parallels // The Journal of Internationalization and Localization. 2021. Volume 8, Issue 1. P. 1–25.

26. Koçak S. Translation of Mobile Game Titles: Trends and Implications // Çeviribilim Ve Uygulamaları Dergisi. 2023. № (35). P. 66–82.

27. Krasina E. A. On film titles: translation or retitling? / E. A. Krasina, A. Moctar // Bulletin of Moscow Region State University. 2020. No. 2. P. 283–297.

28. Tsoi L. U. Translation of Hollywood Film Titles: Implications of Culture-Specific Items in Mainland China, HongKong, and Taiwan // TranscUlturAl. 2022. Vol. 14.1. P. 70–96.

29. Mejías-Climent L. The History of Localization and Dubbing in Video Games // In: Enhancing Video Game Localization Through Dubbing. Cham : Palgrave Studies in Translating and Interpreting. 2021. P. 43–77.

30. Qin Q. Comparison of Translation of Movie Titles in Mainland China, Hong Kong, and Taiwan // Transcreation in Restricted Film Titles. Arts Culture and Language. 2024. Vol. 1 No. 7. P. 1–7.

31. Wong X. Y. Genre and Translation Style in Chinese Translation of Hollywood Blockbuster Movie Titles in Mainland China and Hong Kong / X. U. Wong, M. Amini, M. Alipour // Journal of Modern Languages. 2023. No 33 (2). P. 120–143.

32. Zou D. The English Translation of Chinese Film Titles: A literary Review of Domestic Research / D. Zou, Y. Zeng // International Journal of English Language Studies. 2022. No 4(4). P. 34–37.

Reference list

1. Aleksandrova O. I. Semanticheskaja transformacija nazvanij kinofil'mov, perevedennyh na russkij jazyk = Semantic transformation of film names translated into Russian // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10. № 4. S. 810–827.

2. Aleksandrova O. I. Precedentnye fenomeny kinoteksta: nazvanie hudozhestvennogo fil'ma v aspekte perevoda = Precedent phenomena of the cinematic text: the feature film name in the translation aspect / O. I. Aleksandrova, E. A. Krasina, E. S. Rybinok // Filologicheskie nauki. 2019. № 5. S. 22–33.

3. Alferov D. A. Trudnosti perevoda i lokalizacii komp'juternyh igr = Difficulties of translation and localization of computer games / D. A. Alferov, D. A. Evseev // Naukosfera. 2023. № 6-1. S. 245–248.

4. Anisimov V. E. Strukturno-pragmaticheskie osobennosti postera kinofil'ma (na materiale francuzskogo kinodiskursa) = Structural and pragmatic features of the film poster (based on the French film discourse) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024a. T. 17. № 1. S. 184–192.

5. Anisimov V. E. Osobennosti primenenija kognitivno-jevristicheskoj modeli perevoda pri lokalizacii kinozagolovka (na materiale francuzskogo i russkogo kinodiskursa) = Specific application of cognitive-heuristic model of translation in localizing a film name (based on French and Russian film discourse) // Voprosy prikladnoj lingvistiki. 2024b. № 54. S. 7–31.

6. Anisimov V. E. Osobennosti perevoda sloganov social'noj reklamy v sovremennom veb-prostranstve = Specifics of translating slogans for social advertising in the modern web space / V. E. Anisimov, E. D. Kalinnikova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. № 10 (865). S. 16–23.

7. Bolotina M. A. Leksicheskie problemy perevoda komp'juternyh igr = Lexical problems in translating computer games / M. A. Bolotina, E. V. Kuz'mina // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2019. № 1. S. 43–50.

8. Gorshkova V. E. Nazvanie fil'ma kak edinica perevoda i sostavljajushhaja obraza-smysla = Film name as a translation unit and a component of image-meaning // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. 2014. № 10. S. 26–37.

9. Kalegina T. E. Osobennosti perevoda nazvanij fil'mov Gollivuda s anglijskogo na nemeckij i russkij jazyki = Specifics of translating Hollywood film names from English into German and Russian // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2019. T. 2. № 3. S. 30–57.

10. Koptelova S. A. Lingvisticheskie aspekty lokalizacii videoigr = Linguistic aspects of video game localization / S. A. Koptelova, E. A. Ruckaja // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2022. T. 14. № 3. S. 16–25.

11. Mugu M. S. Problemy jazykovoj lokalizacii komp'juternyh igr = Problems of computer games language localization / M. S. Mugu, M. M. Bricheva, S. A. Sasina // The Scientific Heritage. 2021. № 61-3(61). S. 40–42.

12. Nikitin M. Ju. Osobennosti perevoda fil'monimov s anglijskogo jazyka na primere mul'tseriala = Specificity

of translating filmonyms from English using cartoon series as an example / M. Ju. Nikitin, M. A. Borodina // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2024. № 1-1(57). S. 243–246.

13. Pavlina S. Ju. Formirovanie kogezivnyh svjazej v polikodovom tekste kinopostera = Formation of cohesive links in the polycode text of a film poster / S. Ju. Pavlova, O. D. Prasolova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2024. № 1 (36). S. 133–140.

14. Pankratova S. A. Dialogicheskaja priroda lokalizovannyh kinonazvanij = The dialogical nature of localized film titles // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 21, № 3(79). S. 830–838.

15. Parasockaja A. A. Problemy lokalizacii tekstov reklamy = Problems in localizing advertising texts // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9: Issledovanija molodyh uchenyh. 2017. № 15. S. 57–61.

16. Porozova D. Ju. Geshtal't kak osnova vizual'nogo vosprijatija = Gestalt as a basis for visual perception // Chelovek v mire kul'tury. 2012. № 3. S. 23–27.

17. Reshetnjak N. V. Lokalizacija nazvanij luchshih francuzskih komedij: udachi i provaly = Localizing the names of the best French comedies: successes and failures / N. V. Reshetnjak, S. O. Manahova // Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni : Sbornik nauchnyh statej po itogam VI Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 14–15 marta 2024 goda. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet, 2024. S. 52–55.

18. Slyshkin G. G. Kinotekst: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza = Cinema text: experiment of linguoculturological analysis / G. G. Slyshkin, M. A. Efremova. Moskva : Vodolej Publishers, 2004. 153 s.

19. Sonin A. G. Obshhepsihologicheskie i kognitivnye mehanizmy ponimanija mul'timedijnyh tekstov = General psychological and cognitive mechanisms to understand multimedia texts // Voprosy psiholingvistiki. 2003. № 1. S. 43–56.

20. Suhareva E. E. Lokalizacija sajta kak forma mezhkul'turnoj kommunikacii = Website localization as a form of intercultural communication / E. E. Suhareva, O. V. Shurleva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2013. № 1. S. 166–169.

21. Tkacheva A. N. Osobennosti rossijskoj lokalizacii francuzskih kinozagolovkov = Peculiarities of French film titles localization in Russia // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. № 2. S. 144–148.

22. Toporkova Ju. A. Problema lokalizacii ispanojazychnyh reklamnyh tekstov = Challenges in localizing Spanish-language advertising texts // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. № 12-2. S. 183–186.

23. Alotaibi A. G. An overview of the localisation of video games into Arabic / A.G. Alotaibi, Z. Tuhaitah // The Journal of Internationalization and Localization. 2021. Volume 8, Issue 1. P. 26–47.

24. Chen D., Li T., Hou Y., Huang Y. Research on the Localization Strategy in the Remake of Film and TV Drama Taking the Japanese Remake of Journey to the West as an Example // Communications in Humanities Research. 2023. Vol. 13. P. 105–110.

25. Koscelníková M. The localization of video games into less widely spoken languages that share a common history. An example of Slovak and Czech legislative parallels // The Journal of Internationalization and Localization. 2021. Volume 8, Issue 1. P. 1–25.

26. Koçak S. Translation of Mobile Game Titles: Trends and Implications // Çeviribilim Ve Uygulamaları Dergisi. 2023. № (35). P. 66–82.

27. Krasina E. A. On film titles: translation or retitling? / E. A. Krasina, A. Moctar // Bulletin of Moscow Region State University. 2020. No. 2. P. 283–297.

28. Tsoi L. U. Translation of Hollywood Film Titles: Implications of Culture-Specific Items in Mainland China, HongKong, and Taiwan // TranscUlturAl. 2022. Vol. 14.1. P. 70–96.

29. Mejías-Climent L. The History of Localization and Dubbing in Video Games // In: Enhancing Video Game Localization Through Dubbing. Cham : Palgrave Studies in Translating and Interpreting. 2021. P. 43–77.

30. Qin Q. Comparison of Translation of Movie Titles in Mainland China, Hong Kong, and Taiwan // Transcreation in Restricted Film Titles. Arts Culture and Language. 2024. Vol. 1 No. 7. P. 1–7.

31. Wong X. Y. Genre and Translation Style in Chinese Translation of Hollywood Blockbuster Movie Titles in Mainland China and Hong Kong / X. U. Wong, M. Amini, M. Alipour // Journal of Modern Languages. 2023. No 33 (2). P. 120–143.

32. Zou D. The English Translation of Chinese Film Titles: A literary Review of Domestic Research / D. Zou, Y. Zeng // International Journal of English Language Studies. 2022. No 4(4). P. 34–37.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья
УДК 811.112.2’42:811.112.2’38
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-189
EDN: HVJVEA

Контраст как средство конструирования образа политика в британских СМИ

Наталья Владимировна Погребняк
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13
natasha-kr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9232-6806

Аннотация. Восприятие действительности и актуальной политической ситуации напрямую зависит от характера представляемой СМИ информации. Современный человек изо дня в день принимает образы, тиражируемые СМИ. Актуальность данного исследования обусловлена интересом к систематизации разнообразных приемов, задействованных в интенциональном создании образов политиков средствами СМИ. Контраст как способ восприятия окружающего мира и информации попадает в фокус изучения не только лингвистических наук, но и философии, политологии, изобразительного искусства. Из чего следует многообразие дефиниций и способов осмысления данного феномена. Целью нашей работы является изучение способов выражения контраста в этом процессе, а кроме того, дефиниция и классификация данного явления. В ходе исследования нами была разработана классификация видов контраста, практическая ценность заключается в возможности ее применения для разных видов анализа иноязычного дискурса массмедиа. В качестве материала для исследования были рассмотрены тексты статей британских газет качественной прессы The Guardian и The Independent как представителей независимых и объективных СМИ. Помимо основного метода дискурсивного анализа, нами были задействованы методы коммуникативно-прагматического, контекстуального анализа и лингвостилистической интерпретации текста. Изучение разных аспектов контраста: композиционного, стилистического, структурного и семантического – позволило выявить существенную роль каждого из них в процессе конструирования образов политиков. На примере образов Дональда Трампа и Камалы Харрис мы продемонстрировали манипулятивный потенциал контраста как смысло- и фоормообразующего инструмента, реализующего противоречивые характеристики в амбивалентных образах.

Ключевые слова: контраст; образ политика; СМИ; дискурс; манипулятивный потенциал; эксплицитный и имплицитный контраст; композиционный контраст; структурный контраст; стилистический контраст; семантический контраст

Для цитирования: Погребняк Н. В. Контраст как средство конструирования образа политика в британских СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 189–200. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-189. https://elibrary.ru/HVJVEA

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Contrast as a means of constructing the image of a politician in british mass media

Natalia V. Pogrebnyak
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilin, 350044, Krasnodar, Kalinin str., 13
natasha-kr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9232-6806

Abstract. The reality perception and the current political situation directly depend on the nature of the information presented by the media. A modern person accepts the images replicated by the mass media every day. A particular significance of this study lies in systematizing various techniques involved in the intentional creation of politicians' images by mass media. Contrast as a way of understanding the surrounding world and information is in the focus of

© Погребняк Н. В., 2025

attention not only of linguistics, but also of philosophy, political science, and fine arts. This leads to a variety of definitions and ways of understanding this phenomenon. The aim of this work is to study the ways of expressing contrast in this process, as well as the definition and classification of this phenomenon. The study has developed a classification of contrast types, the practical value of which lies in the possibility to apply it for analyzing foreign-language mass-media discourse. The material for the analysis consists of the articles from the British quality newspapers The Guardian and The Independent, as representatives of independent and objective media. In addition to the main method of discourse analysis, the methods of communicative-pragmatic, contextual analysis and linguistic and stylistic interpretation of the text are applied. Studying different aspects of contrast, namely compositional, stylistic, structural and semantic ones the author identifies the essential role of each of them in constructing the images of politicians. Using the images of Donald Trump and Kamala Harris as an example, the author demonstrates the manipulative potential of contrast as a meaning- and form-building tool that realizes contradictory characteristics in ambivalent images.

Key words: contrast; politician's image; mass media; discourse; manipulative potential; explicit and implicit contrast; compositional contrast; structural contrast; stylistic contrast; semantic contrast

For citation: Pogrebnyak N. V. Contrast as a means of constructing the image of a politician in british mass media. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):189–200. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-189. https://elibrary.ru/HVJVEA

Введение

В современном мире сложно недооценить формирующую роль СМИ в восприятии политической ситуации и политиков. Происходящие изменения отражаются в продуцируемых СМИ образах, а также в методах, задействованных в этом процессе.

Целью данного исследования является изучение языковых средств выражения контраста с точки зрения перлокутивного эффекта от их использования в конструировании образов политиков в британских СМИ. Для этого нами были определены понятия «образ политика», «контраст», разработана общая классификация типов контрастов, функционирующих в британских СМИ. При этом в описании данного феномена мы попытались задействовать комплексный подход, включающий в себя анализ разных аспектов контраста: композиционного, стилистического, структурного и семантического.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты статей британских газет качественной прессы The Guardian и The Independent, позиционирующих себя как entirely free from political and commercial influence (полностью свободная от политического и коммерческого влияния) и the world's most free-thinking newsbrand, providing global news, commentary and analysis for the independently-minded (самый свободомыслящий новостной бренд в мире, предоставляющий глобальные новости, комментарии и аналитические материалы для независимо мыслящих людей) соответственно. С помощью приема направленной выборки нами было отобрано 25 статей, освещавших предвыборную гонку кандидатов на пост президента США в 2024 году: Камалы Харрис и Дональда Трампа.

Для решения поставленных задач и достижения целей нами был использован метод дискурсивного анализа, вспомогательными в работе являются методы коммуникативно-прагматического и контекстуального анализа, а также лингвостилистической интерпретации текста.

Обзор литературы

Конструирование образа политика средствами СМИ – это сложный и неоднозначный процесс. «Образ политического деятеля складывается из определённых черт, чтобы усилить образ и эффективность воздействия, эти черты и характеристики должны быть дополнительно акцентированы в медиатекстах» [Погребняк, 2020, с. 62].

Контраст – это один из способов восприятия и осмысления окружающего мира, поэтому его изучением занимается целый ряд дисциплин: это философия, литературоведение, изобразительное искусство, психология, прагматика, а также психолингвистика, социальная и политическая лингвистика.

С точки зрения лингвистики, контраст рассматривается как «взаимное противопоставление синтагматически соположенных единиц, противопоставление сосуществующих единиц» [Ахманова, 2004]. Как литературно-композиционный прием контраст рассматривался исследователями как принцип организации художественного текста [Караулов, 2003; Одинцов, 2006].

Oxford Learner's Dictionaries дает следующую дефиницию контрасту – a difference between two or more people or things that you can see clearly when they are compared or put close together; the fact of comparing two or more things in order to show the

differences between them [Oxford Learner's Dictionaries].

Контраст включает понятия «противопоставление» и «противоположность», которые иногда понимаются как синонимы, но «противопоставление» – шире.

Сравнение и контраст изучались как составляющие риторических ходов [Swales, 1990] или оценочный ресурс, направленный на текстовый и межличностный смысл [Hyland, 2005; Martin and White, 2005]. Ming Chen, Hui Zhou рассматривают сравнение и контраст как явление, формирующее и передающее научное знание [Chen, Zhou, 2022].

Обращаясь к выделению контрастных структур, следует отметить общепризнанный факт: принцип контраста основан на том, что положительное явление особенно хорошо заметно на негативном фоне, и наоборот. Этот принцип активно используется, когда по какой-то причине сказать прямо нельзя (цензура, опасность судебного иска за клевету), а сказать необходимо. В этом случае обеспечивается домысливание и достраивание образов в нужном направлении. Например, представление политических оппонентов как сборища демагогов и скандалистов, а поддерживаемого политического движения – как команду единомышленников, профессионалов, занимающихся реальными конструктивными делами [Соколова, 1995].

До сих пор ученые не пришли к единому определению «контраста». Например, Д. К. Шер говорит о контрасте как о «дискурсивном отношении, связывающем противоположные, противоречивые или противопоставленные объекты или явления на синтагматическом уровне в дискурсе», кроме того он отмечает его важность как «принципа и риторического приема» [Шер, 2020, с. 181].

Контраст также рассматривается как «выразительное противопоставление, которое реализуется через соположение представлений, отличающихся противоположностью их признаков» [Мартынова, 2006, с. 6].

Г. В. Андреева определяет контраст как «один из важнейших принципов выдвижения значимой информации. Он фокусирует внимание читателей на определенных моментах сообщения, подчеркивая их противоречивость и несовместимость» [Андреева, 1998, с. 12].

Часто ученые уделяют особое внимание стилистическому контексту контраста, так как он сочетает в себе морфологический, лексический синтаксический, композиционный уровни, при этом, с другой стороны – он «способствует семантической и структурной упорядоченности текста, выделяя наиболее значимые моменты и затушевывая другие положения и идеи, тем самым осуществляя воздействующую функцию политического текста» [Левковская, 2019, с. 149].

Мы, в свою очередь, определяем контраст как сложное и многогранное явление, функционирующее на уровне формы и содержания. В основе контраста лежит выразительное противопоставление противоречивых характеристик, фактов, идей и явлений с целью интенционального выделения одного и скрытия другого в зависимости от ожидаемого перлокутивного эффекта.

Далее рассмотрим типы контраста, выделенные нами в соответствии с общей классификацией контрастов, задействованных в формировании образов политиков британскими СМИ.

Результаты исследования

В ходе данного исследования эмплицитный и эксплицитный контраст понимаются нами как надвидовые категории, применяемые как одна из характеристик рассматриваемых далее видов контраста.

Эксплицитный контраст в настоящей работе определяется как очевидное противопоставление или противоречие в дискурсе. Например, *After Trump and the racist, misogynistic views he espouses made it all the way to the White House, Black women decided to mobilise* [Yes, Donald – you should be afraid of Kamala Harris]. – *После того как Трамп с его расистскими и женоненавистническими взглядами добрался до Белого дома, чернокожие женщины решили мобилизоваться.* В данном примере очевидным противопоставлением является противостояние Трампа the racist, misogynistic views he espouses и Black women.

Имплицитный контраст – это неочевидное противопоставление, составляющие которого сами по себе не являются антонимами или взятые вне контекста, не противопоставлены друг другу, однако в данном контексте приобретают контрастность. В статье с громким названием ***Kamala Harris is the worst nightmare of America's far right – Камала Харрис – худший кошмар ультраправых Америки:*** *When Joe Biden stepped down in support of Kamala Harris, he didn't just pass the torch to another generation.* ***He passed it from old white men to America's future.*** *– Когда Джо Байден ушел в отставку в поддержку Камалы Харрис, он не просто передал факел другому поколению.* ***Он передал его от старых белых мужчин будущему Америки.*** Камала Харрис олице-

творяет будущее Америки, которое противопоставляется ее прошлому.

Также универсальной характеристикой, применимой при описании видов контраста является его разграничение по сложности, а именно: **простой и сложный контраст**.

Если присутствует только одна пара контрастирующих элементов, то **контраст – простой**, например: «*Donald Trump – a paragon of consistency – is still dividing, blaming, and belittling. He creates and curates chaos.* ***It's showmanship, but it's not leadership****.»* Bill Clinton sends DNC crowd wild with quips…] – *«Дональд Трамп – образец последовательности – по-прежнему разделяет, обвиняет и принижает. Он создает и курирует хаос.* ***Это шоуменство, но не лидерство****».* В данном высказывании Билл Клинтон противопоставляет шоуменство и лидерство.

Если присутствует более одной пары контрастирующих элементов – то **контраст сложный**, например, *it's Trump himself, two decades her senior, who* ***looks like the guy on the couch picking crumbs from the creases of his vest. Harris looks like his worst nightmare: a former attorney general of California in heels, slick, telegenic, with a corporate image and politics that have been largely in the centre*** *– so that when Trump says «She is a radical left lunatic who will destroy our country,» he sounds ridiculous* [*Trump's usual sexist sneers don't work against Harris*]. *– сам Трамп, старше ее на два десятка лет,* ***выглядит как парень на диване, собирающий крошки со складок своего жилета. Харрис похожа на его худший ночной кошмар: бывший генеральный прокурор Калифорнии, на каблуках, ловкая, телегеничная, с корпоративным имиджем и политикой, которая была в основном в центре*** *– так что когда Трамп говорит: «Она – левый радикальный сумасшедший, который разрушит нашу страну», он звучит смешно.* Здесь можно наблюдать сразу несколько контрастирующих линий: это и противопоставление по возрасту, физическому состоянию, а также с учетом профессионального и политического прошлого.

Или такой пример: *Ms Harris is* ***the first woman to hold the office of vice-president, and would be the first to hold the presidency if she was to win in November****. She is also* ***the first woman of colour to be VP and would be the second person of colour to be president, following Barack Obama. At 59, she is more than two decades younger than Mr Biden and almost 20 years younger than Mr Trump.*** *Her candidacy would offer a contrast with Mr Trump and his vice-presidential running mate, Senator JD Vance, the two white men on the Republican ticket.* [Biden made the decision he needed to make – now the Democrats can push on]. – *Мисс Харрис –* ***первая женщина на посту вице-президента и первая женщина на посту президента, если она победит в ноябре. Она также стала первой цветной женщиной на посту вице-президента и вторым цветным человеком на посту президента после Барака Обамы. В свои 59 лет она более чем на два десятилетия моложе г-на Байдена и почти на 20 лет моложе г-на Трампа.*** *Ее кандидатура будет контрастировать с кандидатурой г-на Трампа и его кандидата в вице-президенты, сенатора Джей Ди Вэнса, двух белых мужчин в республиканском билете.* В данном отрывке контрастными являются и возраст, и цвет кожи. Харрис противопоставляется сразу и Байдену, и Трампу, и сенатору Джэй Ди Вэнсу.

Изучив классификацию О. П. Мартыновой [Мартынова, 2006], мы вслед за автором выделяем **структурный, семантический и композиционный** типы контраста, а также **стилистический** и нестилистический. При этом контраст реализуется на уровне *содержания* в виде контраста сюжетов и образов (**сюжетный и образный** виды контраста) – это семантический контраст и на уровне *формы*: **стилистический и нестилистический**, композиционный (**макрокомпизиционный** и **микрокомпозиционный**), структурный подразделяется на **синтаксический и морфологический**. Наша общая схема классификации видов контраста, функционирующих в медиадискурсе, представлена ниже (рис. 1).

Рисунок 1. Схема классификации видов контраста

Более подробно остановимся на основных видах контраста, функционирующих в британском медиадискурсе и задействованных в формировании образов политиков. Начнем с фокуса на форму и **композиционного** вида контраста.

Композиционнный контраст

Учитывая различия, связанные с «масштабом» контраста, композиционный вид в данной работе мы разделяем на два подвида: **микро-** и **макроконтраст**. При **макроконтрасте** противопоставляются структурные элементы текста: заглавие

может не соответствовать содержанию, начало и конец – выступать в противоречии друг с другом. При **микроконтрасте** противопоставляются отдельные слова, фразы, предложения [Назарова, Шер, 2013, с. 42].

Примером **макрокомпозиционного контраста** (**макроконтраст**а) может служить такой фрагмент: *It was* ***like looking at a Magic Eye picture or a drawing by MC Escher.*** *Superficially, nothing about Harris had changed since her abortive run for president in 2020. She was still prone to moments of awkwardness. It was still unclear entirely where her politics lay….. However Harris's relative youth, energy and sheer coherence made one want to clap for joy. For reasons that, four years ago, made many of those on the left suspicious of Harris, the 59-year-old* ***suddenly looks a lot like the perfect candidate to fight and defeat Donald Trump*** [*Trump's usual sexist sneers don't work against Harris*]. *– Это было* ***похоже на картину «Волшебный глаз» или рисунок М. К. Эшера****. На первый взгляд, в Харрис ничего не изменилось с тех пор, как она неудачно баллотировалась в президенты в 2020 году. Она по-прежнему была склонна к неловкости. По-прежнему было неясно, в чем заключается ее политика. Однако относительная молодость Харрис, ее энергия и абсолютная последовательность вызывали желание хлопать от радости. По причинам, которые четыре года назад заставляли многих левых относиться к Харрис с подозрением,* ***59-летняя женщина вдруг стала выглядеть идеальным кандидатом для борьбы и победы над Дональдом Трампом.*** В данном отрывке противопоставляется отсутствие явных изменений в Камале Харрис и при этом очевидно другое отношение к ней, ее магическое превращение в идеального кандидата, контрастирующее с непониманием, в чем заключается ее политика и заявлением о ее неловкости.

Что касается **микрокомпозиционного контраста** (**микроконтраста)**, он является более универсальным и распространенным видом контраста, который можно найти практически во всех остальных типах.

Стилистический контраст

При рассмотрении со стилистической точки зрения контраст может быть стилистическим и нестилистическим. Как и в дефиниции, данной Стилистическим энциклопедическим словарем, в нашей работе мы понимаем под **стилистическим контрастом** несовпадение стилистических окрасок слов [Кожина, 2006], например:

*Vance … called Democrats «****a bunch of childless cat ladies****», offering as examples Kamala Harris…* [*Kamala Harris is the worst nightmare of America's far right*]. *– Вэнс... назвал демократов «****кучкой бездетных кошатниц****», приведя в пример Камалу Харрис.* Данная характеристика резко контрастирует с формальным стилем статьи и отлично справляется с задачей конструирования «странного» образа Камалы Харрис.

Под **нестилистическим контрастом** в данной работе понимается отсутствие противопоставления стилей речи в дискурсе. Например, в статье под названием ***Yes, Donald – you should be afraid of Kamala Harris… here's why***: ***surfacing her leadership qualities and underlining her unimpeachable qualifications for the role of US president.*** *Before she rose to the vice-presidency under Biden, Harris had been the first African-American woman and south Asian American woman to serve as the attorney-general of California (****though not without controversy****)* [Yes, Donald – you should be afraid of Kamala Harris] – *делились личными историями о работе с ней, раскрывали* ***ее лидерские качества и подчеркивали ее безупречную квалификацию для роли президента США****. До того как стать вице-президентом под руководством Байдена, Харрис была первой афроамериканкой и американкой южноазиатского происхождения на посту генерального прокурора Калифорнии (****хотя и не без противоречий***). Мы наблюдаем ироничное противопоставление такого положительного образа Камалы Харрис последнему комментарию: ***though not without controversy.*** Таким образом, ставится под сомнение ее тщательно нарисованная безупречная квалификация. В данном примере не найти противопоставления стилей, но присутствует смысловое противопоставление, что говорит о том, что этот контраст нестилистический по своей природе.

Структурный контраст

В **структурном контрасте** мы выделяем два подвида: синтаксический и морфологический. **Синтаксический контраст** может использоваться в простом или сложном предложении. Например, **в простом предложении** мы находим такое сравнение Трампа и Харрис: ***A man convicted of dozens of felonies versus a criminal prosecutor. An architect of abortion bans versus a champion of reproductive freedom. An elderly white man fixated on the past versus a mixed-race daughter of immigrants leaning into the future*** [Voters to choose between two starkly different candidates in US 'Armageddon

election']. – ***Человек, осужденный за десятки преступлений, против уголовного прокурора. Архитектор запретов на аборты против защитника репродуктивной свободы. Пожилой белый мужчина, зацикленный на прошлом, против дочери иммигрантов смешанной расы, устремленной в будущее.*** Сконструированные образы Трампа и Харрис – максимально яркие и понятные. Попытка героизировать Харрис и принизить Трампа – очевидна.

В сложном предложении мы находим сразу несколько контрастирующих элементов: During the interview, **Trump insulted his presumptive 2024 Democratic Party opponent, Kamala Harris, and falsely accused her of lying about her race** – stating that she recently «**became Black**». Harris, who is biracial, is Black and Indian-American [**Trump news: Latest updates on Republican candidates**]. – *Во время интервью* ***Трамп оскорбил свою предполагаемую соперницу по выборам 2024 года от Демократической партии Камалу Харрис и несправедливо обвинил ее во лжи о своей расовой принадлежности****, заявив, что она недавно «****стала чернокожей****». Харрис, которая является представительницей двух рас, – чернокожей и индийско-американской.* Трамп **falsely accused her of lying about her race** – то есть ему приписывается несправедливое обвинение во лжи Камалы Харрис, а также в том, что она «стала» чернокожей. Контраст здесь придает комичность образу Камалы Харрис.

Морфологический вид **контраста** представлен такими языковыми средствами, как контрастное **сравнение**, **метафора, оксюморон, фразеологизмы**.

Яркий пример **«игровой» метафоры** мы находим в характеристике, формирующей следующий образ Харрис: *will unleash a wave of attacks against Harris, including a $5m television ad in the battleground states of Pennsylvania, Georgia and Arizona, casting her* ***as the puppet master in the Biden administration*** [Trump scrambles to pivot campaign to attack Kamala Harris] – *развернут волну нападок на Харрис, включая телевизионную рекламу стоимостью 5 миллионов долларов в штатах Пенсильвания, Джорджия и Аризона, в которой она* ***предстанет в роли марионетки в администрации Байдена.*** Сложно выразить точнее и обозначить еще более четко нарисованный образ полностью зависимой от администрации Байдена **марионетки Харрис.**

Еще один яркий образ: *If there's one thing Trump is most terrified of, it's being laughed at and it's as if the Democrats have suddenly woken up to the former* ***president's achilles heel.*** *Instead of pitching him as one of the most dangerous men in the world,* ***Trump is being reduced to a king with no clothes****. With an eye roll and barely disguised guffaw from Kamala and Walz, he's exposed; his power diminished and his speeches reduced to viral memes which don't just have the Democrats laughing, but the whole world too...It's now Trump who* ***looks like the old, out-of-touch guy – from strong man to figure of fun*** *in a matter of weeks* [*How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll*] – *Если Трамп чего и боится больше всего, так это того, что над ним будут смеяться. Демократы словно внезапно осознали, что это* ***ахиллесова пята*** *бывшего президента. Вместо того чтобы представить его как одного из самых опасных людей в мире,* ***Трамп превращается в голого короля****. Камала и Вальц лишь закатили глаза и едва сдержали смех: он разоблачен, его власть уменьшилась, а его речи превратились в вирусные мемы, над которыми смеются не только демократы, но и весь мир… Теперь* ***Трамп похож на старого, несовременного парня*** *– за несколько недель* ***из сильного человека он превратился в фигуру, вызывающую смех.*** Журналисты старательно собирают образ «смешного» Трампа, используя для этого **контрастное сравнение *looks like the old, out-of-touch guy,* фразеологизм *achilles heel*** и **метафорическое *Trump is being reduced to a king with no clothes***. Контраст между ***strong man*** и ***figure of fun*** является примечательной составляющей данного образа.

*Just like when Kamala Harris made a speech shortly after announcing her run for the presidency and said, as a former courtroom prosecutor, she «****took on perpetrators of all kinds*** *– predators who abused women, fraudsters who ripped off consumers, cheaters who broke the rules for their own gain. So hear me when I say:* ***I know Donald Trump's type****»* [*How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll*]. – *Как в случае с речью Камалы Харрис, которая вскоре после объявления о выдвижении своей кандидатуры на пост президента заявила, что, будучи бывшим прокурором в суде, она «****бралась за преступников всех мастей*** *– хищников, которые издевались над женщинами, мошенников, которые обворовывали потребителей, обманщиков, которые нарушали правила ради собственной выгоды». Так что послушайте меня, когда я скажу:* ***Я знаю тип Дональда Трампа****».* В данном случае используется имплицитное **сравнение** Трампа с разными типами преступни-

ков – ***perpetrators of all kinds.*** Контрастным здесь является противопоставление прокурора и преступников, а вместе с преступниками Дональда Трампа и Камалы Харрис. При этом создается образ положительной Камалы Харрис – защитницы прав граждан и отрицательный образ Дональда Трампа, приравниваемого к преступникам.

Также в рамках морфологического вида контраста используется **оксюморон:** *«Republicans have an endless supply of dishonest brands for Democrats,» she writes, «convincing Americans that all Democrats are woke, pro-crime socialists who are* ***racist against white people*** *and who* ***want to groom children into sexual deviants****. For today's GOP, inconvenient details like truth no longer matter»* [*How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll*]. – «*У республиканцев есть бесконечный запас нечестных способов заклеймить демократов, – пишет она, – убеждающих американцев, что все демократы – «проснувшиеся» социалисты, выступающие за преступность,* ***расисты против белых людей и желающие сделать из детей сексуальных маньяков****». Для сегодняшних представителей республиканской партии такие неудобные детали, как правда, больше не имеют значения». Оксюморон* ***racist against white people и*** *who* ***want to groom children into sexual deviants*** – это сильное средство, чтобы заклеймить демократов. Контрастность служит для создания незабываемых образов: образов жестоких врагов.

Семантический контраст

Контраст реализуется как системными единицами (словарными антонимами), так и окказиональными (контекстуальными антонимами). Последние приобретают противопоставленность только в определенном контексте. При этом контрастные структуры способствуют созданию дополнительных значений слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств и даже целого текста [Левковская, 2018, с. 62–63]. Функциональной особенностью таких контрастных контекстов является функция выдвижения: контекстуальные антонимы выдвигают на передний план одни значения, при этом скрывая другие, что является одним из смыслообразующих факторов в процессе конструирования образов.

Вслед за И. И. Ковтуновой [Ковтунова, 1990, с. 12] и О. П. Мартыновой [Мартынова, 2006] отдельно рассмотрим **семантический контраст**, при котором наблюдается соединение далеких, обычно не сочетаемых в обыденном сознании понятий:

I cannot say if she will be a good candidate, although she has started well – or, if she wins, a good president – but I can say that ***she is highly intelligent and a decent, thoughtful and modern human being – in fact, the polar opposite to the incubus that has settled on American public life in the shape of Donald Trump*** [What I learned about Kamala Harris over our Oscars dinner]. – *Я не могу сказать, будет ли она хорошим кандидатом, хотя начала она хорошо, или, если она победит, хорошим президентом, но я могу сказать, что она* ***очень умна и является порядочным, вдумчивым и современным человеком – фактически, полярной противоположностью инкубу, который поселился в американской общественной жизни в форме Дональда Трампа.***

Семантический вид контраста часто основывается на употреблении окказиональных антонимов. Например, таких, как **прокурор и преступник**:

Harris is viewed as a ***moderate*** *who succeeded in California with a* ***«tough on crime» message before recasting herself as a progressive reformer. The contrast between a 59-year-old former prosecutor, who would be the first woman and the first woman of colour to be elected president, and a 78-year-old convicted criminal*** *is another source of optimism* [The pros and cons of Kamala Harris: a progressive reformer forced to run on Biden's record], – *Харрис считают умеренным человеком, который добился успеха в Калифорнии благодаря* ***«жесткой борьбе с преступностью», а затем переквалифицировался в прогрессивного реформатора. Контраст между 59-летней бывшей прокурорше, которая станет первой женщиной и первой цветной женщиной, избранной президентом, и 78-летним осужденным преступником*** *– еще один источник оптимизма.* Таким образом, противопоставляются два образа: прогрессивного борца с преступностью и бывшего прокурора Харрис и осужденного 78-летнего преступника Трампа. При этом, на чьей стороне симпатии автора очевидно, помимо окказиональных антонимов «преступник» и «прокурор» снова контрастирует возраст кандидатов.

Bitecofer says it's time for Democrats to «fight fire with fire. … Less defence, more counter-offence. … take back the most powerful words in American politics by ***rebranding themselves as the party of freedom and the Republicans as the party of fascism»*** [*How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll*]. – *Битекофер говорит, что демократам пора «бороться с огнем с помощью огня». … Меньше обороны, больше контрнаступления.*

...вернуть себе самые сильные слова в американской политике, ***назвав себя партией свободы, а республиканцев – партией фашизма».*** Партия свободы против партии фашизма – это окказиональные антонимы. Контрастность создается здесь за счет контекста представленной в таком свете политической ситуации.

Отдельно остановимся на подвидах семантического контраста: **образном и сюжетном** контрасте. Сложно представить более **образный контраст**, чем в данном отрывке: *Of Kamala Harris he (**Trump**) said: «**I didn't know she was Black until a number of years ago when she happened to turn Black and now she wants to be known as Black**.» He claimed – without foundation – that originally Harris would only speak of her south Asian roots (she has an Indian mother and a Jamaican father) – but that now she wanted to be known as Black. The audience see-sawed between laughter and derision; groans and gasps* [Trump has no idea how to handle Kamala – and now his opponents are laughing at him]. – *О Камале Харрис он сказал: «**Я не знал, что она черная, пока несколько лет назад она не стала черной, и теперь она хочет, чтобы ее знали как черную**». Он безосновательно утверждал, что изначально Харрис говорила только о своих южноазиатских корнях (у нее индийская мать и ямайский отец), но теперь она хочет, чтобы ее называли черной. Аудитория колебалась между смехом и насмешкой, стонами и вздохами.* Трамп мастерски создает запоминающийся образный контраст, и его атаку довольно сложно отразить.

Примером **сюжетного контраста** может служить **с**татья, которая называется ***Meet the powerful evangelicals who believe Trump is an apostle who will reclaim America for Christ*** – ***Познакомьтесь с влиятельными евангелистами, которые верят, что Трамп – апостол, который отвоюет Америку для Христа.***

Сначала Трампа называют Божьим человеком: «*This assassination attempt is perfect for him because they (the New Apostolic Reformation (NAR) will twist scripture to show that he is **really God's man** and that God rescued him to be president. This is why they are so triumphant and believe that they're going to win in November»* [Meet the powerful evangelicals]. – *«Это покушение идеально подходит для него, потому что они будут извращать Писание, чтобы показать, что он **действительно Божий человек** и что Бог спас его, чтобы он стал президентом. Вот почему они так торжествуют и верят, что победят в ноябре».*

Затем «божественной» природе Трампа противопоставляется его грешное прошлое в виде трех браков и связи с порнозвездой: «**It doesn't matter that [Trump has] been married to three women and slept with a porn star** and did all this stuff. You have to understand that for them, **he was a sinner, but that God has redeemed him and used him**» [Meet the powerful evangelicals]. – ***«Неважно, что он [Трамп] был женат на трех женщинах, спал с порнозвездой** и делал все эти вещи. Вы должны понять, что для них **он был грешником, но Бог простил его и он встал на службу его».***

Завершается контрастный сюжет противопоставлением того, как относятся к смешиванию религии и политики в Британии и в Америке: *In Britain, it's hard to imagine a mainstream politician embracing religion in such a massive way in order to gain support. Mixing politics and religion can get you in hot water. But in the US, in today's Republican party, the opposite is true. Trump's imperfections or crimes are irrelevant. God has saved him. And he's now been chosen to lead their battle for the soul of America* [Meet the powerful evangelicals]. – *В Британии трудно представить, чтобы политик из мейнстрима так по максимуму использовал религию, чтобы заручиться ее поддержкой. Смешивая политику и религию, можно оказаться в затруднительном положении. Но в США, в сегодняшней Республиканской партии, все наоборот. Несовершенства или преступления Трампа не имеют значения. Бог спас его. И теперь он избран возглавить их борьбу за душу Америки.* Стоит также отметить насмешливый тон контрастного сюжета, который как будто кричит о том, что в него просто невозможно поверить. Хотя в политике и возможно всё.

Заключение

Таким образом, контраст следует определить как сложное многоаспектное явление, проявляющееся на разных уровнях и создающее иерархию форм и смыслов в запоминающихся образах политиков, формируемых британскими СМИ. В основе контраста лежит выразительное противопоставление противоречивых характеристик, фактов, идей и явлений с целью интенционального выделения одного и скрытия другого в зависимости от ожидаемого перлокутивного эффекта. Среди универсальных характеристик контраста мы выделяем эксплицитный и имплицитный виды, а также простой и сложный контрасты.

Исходя из приведенной нами классификации, контраст в медиадискурсе реализуется на уровне

формы и содержания. На уровне содержания – как семантический контраст, который, в свою очередь, подразделяется на сюжетный и образный виды контраста. А на уровне формы, помимо стилистического и нестилистического видов контраста, также выделяются композиционный – с подкатегориями макрокомпозиционный и микрокомпозиционный и структурный также с двумя подвидами: синтаксическим и морфологическим.

На уровне синтаксиса контраст функционирует в простом и сложном предложении. На морфологическом уровне контраст выражается в виде сравнений, метафор, оксюморонов, фразеологизмов. Использование данных видов контраста дает возможность СМИ продуцировать такие яркие образы политиков-марионеток, политиков-преступников, «голых королей» и многие другие. При этом фокус внимания может быть направлен на любого из участвующих в политической гонке с применением всех доступных контрастных средств. Проанализированные в нашей подборке образы Трампа и Харрис являются ярким примером непостоянства преференций журналистов и постоянного изменения угла зрения на политиков в зависимости от актуальной цели. Мастерское жонглирование системными и окказиональными языковыми контрастными единицами в процессе формирования образов политиков служит выпячиванию одних и затушевыванию других характеристик. А контраст в этой процедуре является облигатным и незаменимым инструментом.

Наиболее перспективным для будущего изучения нам представляется семантический контраст. Дальнейшие исследования контраста будут способствовать формированию навыков идентификации интенции адресанта и способности противостоять манипулированию общественным сознанием.

Библиографический список

1. Андреева Г. В. Актуализация категории противоположности в художественном тексте // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теория интертекстуальности в семантике слова и высказывания. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 10–17.

2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с. URL: http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_.htm (дата обращения: 07.07.2024)

3. Караулов Ю. Н. Энциклопедия «Русский язык». Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2003. 703 с.

4. Ковтунова И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX в. // Очерки истории языка русской поэзии XX в. Москва : Наука, 1990. С. 10–15.

5. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н Кожиной и др. Москва : Флинта, 2006. 696 с. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylisticdictionary/index.htm (дата обращения: 07.07.2024)

6. Левковская Н. А. Контраст как стилистически маркированный феномен // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrast-kak-stilisticheski-markirovannyy-fenomen (дата обращения: 30.09.2024).

7. Левковская Н. А. Роль контраста как концептуальное основание эссе в формировании смысловых доминант текста // Герценовские чтения. Иностранные языки. Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. С. 62–63.

8. Мартынова О. П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста : (На примере текста англоязычного короткого рассказа). Москва, 2006. 175 с.

9. Назарова Р. З., Шер Д. К. Функционирование приема контраста в политическом дискурсе в зависимости от несубъектных экстралингвистических факторов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. №. 3. С. 41–45.

10. Одинцов В. В. Стилистика текста. Москва : КомКнига, 2006. 264 с.

11. Погребняк Н. В. Коммуникативные стратегии формирования образа политика в немецком медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 60–67.

12. Сергеева Е. В. Контраст как способ семантико-стилистической организации рассказа «Счастливый отец» И. Ильфа и Е. Петрова // Вестник ВУиТ. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrast-kak-sposob-semantiko-stilisticheskoy-organizatsii-rasskaza-schastlivyy-otets-i-ilfa-i-e-petrova (дата обращения: 30.09.2024).

13. Соколова Р. И. Технология власти. Философско-политический анализ: монография. Москва : Институт философии РАН, 1995. 163с.

14. Степанова Н. Ю. Реализация контраста в художественном тексте в свете диктемной теории текста // Язык в жизни человека и общества. 2020. С. 204–209.

15. Шер Д. К. Идентификация и анализ контраста как дискурсивного отношения // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №. 1 (435). С. 181–187.

16. Chen M., Zhou H. Comparison-and-contrast in research articles of applied linguistics: A frame-based analysis // Lingua, 2022. T. 276. P. 103–387. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384122001516 (дата обращения: 07.09.2024).

17. Contrast. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/contrast_1?q=contrast (дата обращения: 07.07.2024).

18. Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. London and New York : Continuum, 2005. 230 p.

19. Martin J. R., White P. R. Engagement and graduation: Alignment, solidarity and the construed reader // The Language of Evaluation: Appraisal in English. Palgrave Macmillan UK, 2005. P. 92–160.

20. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

21. The Guardian. Kamala Harris is the worst nightmare of America's far right. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/30/kamala-harris-donald-trump-women-gender (date of access: 05.08.24).

22. The Guardian. The pros and cons of Kamala Harris: a progressive reformer forced to run on Biden's record. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/22/kamala-harris-pros-cons-democrats (date of access: 23.07.24).

23. The Guardian. Trump scrambles to pivot campaign to attack Kamala Harris. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/22/trump-campaign-kamala-harris (date of access: 23.07.24).

24. The Guardian. Trump's usual sexist sneers don't work against Harris – and to top it off, she's laughing at him. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/01/kamala-harris-donald-trump-democrat-candidate (date of access: 03.08.24).

25. The Guardian. Voters to choose between two starkly different candidates in US 'Armageddon election'. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/27/armageddon-election-kamala-harris-donald-trump-differences (date of access: 29.07.24).

26. The Guardian. What I learned about Kamala Harris over our Oscars dinner. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/what-i-learned-about-kamala-harris-over-our-oscars-dinner (date of access: 28.07.24).

27. The Independent. Biden made the decision he needed to make – now the Democrats can push on. URL: https://www.independent.co.uk/voices/editorials/biden-kamala-harris-trump-election-b2583426.html (date of access: 21.07.24).

28. The Independent. Bill Clinton sends DNC crowd wild with quips about Trump's age, 'me, me, me, me' mentality and Hannibal Lecter. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/bill-clinton-dnc-trump-age-speech-2024-b2600114.html (date of access: 22.08.24).

29. The Independent. How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll and found his weak spot. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kamala-harris-donald-trump-democrat-strategy-b2597619.html (date of access: 19.08.24).

30. The Independent. Meet the powerful evangelicals who believe Trump is an apostle who will reclaim America for Christ. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-white-house-election-christians-b2595621.html (date of access: 13.08.24)

31. The Independent. Trump has no idea how to handle Kamala – and now his opponents are laughing at him. URL: https://www.independent.co.uk/voices/donald-trump-election-weird-black-jobs-kamala-harris-b2590142.html (date of access: 03.08.24).

32. The Independent. Trump news: Latest updates on Republican candidates. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kamala-harris-jd-vance-childless-cat-lady-b2584852.html (date of access: 25.07.24)

33. The Independent. Yes, Donald – you should be afraid of Kamala Harris… here's why. URL: https://www.independent.co.uk/voices/kamala-harris-joe-biden-donald-trump-b2583860.html (date of access: 23.07.24).

Reference list

1. Andreeva G. V. Aktualizacija kategorii protivopolozhnosti v hudozhestvennom tekste = Actualizing the category of opposition in a literary text // Aktual'nye problemy stilistiki dekodirovanija, teorija intertekstual'nosti v semantike slova i vyskazyvanija. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. S. 10–17.

2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Glossary of linguistic terms. 2-e izd., ster. Moskva : URSS : Editorial URSS, 2004. 571 s. URL: http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_.htm (data obrashhenija: 07.07.2024)

3. Karaulov Ju. N. Jenciklopedija «Russkij jazyk» = Encyclopedia «The Russian Language». Moskva : Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija, 2003. 703 s.

4. Kovtunova I. I. Nekotorye napravlenija jevoljucii pojeticheskogo jazyka v XX v. = Some tendencies in the poetic language evolution in the XX century // Ocherki istorii jazyka russkoj pojezii XX v. Moskva : Nauka, 1990. S. 10–15.

5. Kozhina M. N. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / pod red. M. N Kozhinoj i dr. Moskva : Flinta, 2006. 696 s. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylisticdictionary/index.htm (data obrashhenija: 07.07.2024)

6. Levkovskaja N. A. Kontrast kak stilisticheski markirovannyj fenomen = Contrast as a stylistically marked phenomenon // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 5 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrast-kak-stilisticheski-markirovannyy-fenomen (data obrashhenija: 30.09.2024).

7. Levkovskaja N. A. Rol' kontrasta kak konceptual'noe osnovanie jesse v formirovanii smyslovyh dominant teksta = The role of contrast as a conceptual essay basis in the formation of semantic dominants of the text // Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki. Sankt-Peterburg : Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, 2018. S. 62–63.

8. Martynova O. P. Kontrast kak semantiko-funkcional'naja osnova hudozhestvennogo teksta: (Na primere teksta anglojazychnogo korotkogo rasskaza) = Contrast as a semantic-functional basis for literary text: (Based on English short stories). Moskva, 2006. 175 s.

9. Nazarova R. Z., Sher D. K. Funkcionirovanie priema kontrasta v politicheskom diskurse v zavisimosti ot nesub#ektnyh jekstralingvisticheskih faktorov = Functioning of contrast method in political discourse depending on non-subjective extralinguistic factors // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2013. T. 13. №. 3. S. 41–45.

10. Odincov V. V. Stilistika teksta = Stylistics of the text. Moskva : KomKniga, 2006. 264 s.

11. Pogrebnjak N. V. Kommunikativnye strategii formirovanija obraza politika v nemeckom mediadiskurse = Communicative strategies to form a politician's image in German media discourse // Politicheskaja lingvistika. 2020. № 4 (82). S. 60–67.

12. Sergeeva E. V. Kontrast kak sposob semantiko-stilisticheskoj organizacii rasskaza «Schastlivyj otec» I. Il'fa i E. Petrova = Contrast as a way of semantic and stylistic structuring the story «Happy Father» by I. Ilf and E. Petrov // Vestnik VUiT. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrast-kak-sposob-semantiko-stilisticheskoy-organizatsii-rasskaza-schastlivyy-otets-i-ilfa-i-e-petrova (data obrashhenija: 30.09.2024).

13. Sokolova R. I. Tehnologija vlasti. Filosofsko-politicheskij analiz = The technology of power. Philosophical and political analysis: monografija. Moskva : Institut filosofii RAN, 1995. 163s.

14. Stepanova N. Ju. Realizacija kontrasta v hudozhestvennom tekste v svete diktemnoj teorii teksta = Realization of contrast in literary text based on dictemic text theory // Jazyk v zhizni cheloveka i obshhestva. 2020. S. 204–209.

15. Sher D. K. Identifikacija i analiz kontrasta kak diskursivnogo otnoshenija = Identifying and analyzing contrast as a discursive relation // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. №. 1 (435). S. 181–187.

16. Chen M., Zhou H. Comparison-and-contrast in research articles of applied linguistics: A frame-based analysis // Lingua, 2022. T. 276. R. 103–387. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384122001516 (data obrashhenija: 07.09.2024).

17. Contrast. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/contrast_1?q=contrast (data obrashhenija: 07.07.2024).

18. Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. London and New York : Continuum, 2005. 230 p.

19. Martin J. R., White P. R. Engagement and graduation: Alignment, solidarity and the construed reader // The Language of Evaluation: Appraisal in English. Palgrave Macmillan UK, 2005. R. 92–160.

20. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

21. The Guardian. Kamala Harris is the worst nightmare of America's far right. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/30/kamala-harris-donald-trump-women-gender (date of access: 05.08.24).

22. The Guardian. The pros and cons of Kamala Harris: a progressive reformer forced to run on Biden's record. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/22/kamala-harris-pros-cons-democrats (date of access: 23.07.24).

23. The Guardian. Trump scrambles to pivot campaign to attack Kamala Harris. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/22/trump-campaign-kamala-harris (date of access: 23.07.24).

24. The Guardian. Trump's usual sexist sneers don't work against Harris – and to top it off, she's laughing at him. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/01/kamala-harris-donald-trump-democrat-candidate (date of access: 03.08.24).

25. The Guardian. Voters to choose between two starkly different candidates in US 'Armageddon election'. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/27/armageddon-election-kamala-harris-donald-trump-differences (date of access: 29.07.24).

26. The Guardian. What I learned about Kamala Harris over our Oscars dinner. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/what-i-learned-about-kamala-harris-over-our-oscars-dinner (date of access: 28.07.24).

27. The Independent. Biden made the decision he needed to make – now the Democrats can push on. URL: https://www.independent.co.uk/voices/editorials/biden-kamala-harris-trump-election-b2583426.html (date of access: 21.07.24).

28. The Independent. Bill Clinton sends DNC crowd wild with quips about Trump's age, 'me, me, me, me'

mentality and Hannibal Lecter. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/bill-clinton-dnc-trump-age-speech-2024-b2600114.html (date of access: 22.08.24).

29. The Independent. How Kamala Harris became Donald Trump's supertroll and found his weak spot. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kamala-harris-donald-trump-democrat-strategy-b2597619.html (date of access: 19.08.24).

30. The Independent. Meet the powerful evangelicals who believe Trump is an apostle who will reclaim America for Christ. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-white-house-election-christians-b2595621.html (date of access: 13.08.24)

31. The Independent. Trump has no idea how to handle Kamala – and now his opponents are laughing at him. URL: https://www.independent.co.uk/voices/donald-trump-election-weird-black-jobs-kamala-harris-b2590142.html (date of access: 03.08.24).

32. The Independent. Trump news: Latest updates on Republican candidates. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/kamala-harris-jd-vance-childless-cat-lady-b2584852.html (date of access: 25.07.24)

33. The Independent. Yes, Donald – you should be afraid of Kamala Harris… here's why. URL: https://www.independent.co.uk/voices/kamala-harris-joe-biden-donald-trump-b2583860.html (date of access: 23.07.24).

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 19.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 81.11-112
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-201
EDN: IKSVZS

Неологизмы-зоонимы в современном немецком языке: лексикографический, словообразовательный и дискурсивный аспекты

Клементина Васильевна Метелькова
Аспирант 3-го года обучения, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
klementinametelkova4@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-5057-0464

Аннотация. В современном немецкоязычном обществе происходит переосмысление взаимоотношений человека и животных, что находит отражение в появлении новых слов (преимущественно композитов), изменении семантики существующих анимализмов, а также в расширении их сочетаемости и в увеличении дискурсивных сфер употребления. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации немецких неологизмов-зоонимов. Неологизмы с анималистическим компонентом были рассмотрены с трех точек зрения: их фиксации в лексикографических источниках и электронном корпусе немецкого языка, с точки зрения словообразования и дискурсивного употребления. В статье уточняются критерии, на основе которых лексические единицы могут быть идентифицированы как неологизмы. В ходе изучения материала в качестве ключевого параметра выявления неологизмов был использован лексикографический критерий. Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы: в современном немецком языке неологизмы-зоонимы имеют широкое распространение, что связано с появлением новых реалий в жизни немецкого общества, которые касаются животных и отношения человека к ним; в создании данных слов активно участвуют как иноязычные компоненты, свидетельствующие об экзогенном характере явлений, так и автохтонные элементы, касающиеся ситуаций повседневной жизни немецкоязычного общества и обладающие образностью и эмоциональностью; возникновение новых слов, семантика которых имеет отношение к миру животных, происходит преимущественно в таких типах дискурса, как юридическом, кулинарном, медицинском, обиходном и дискурсе моды. Дальнейшее изучение функционирования неологизмов-зоонимов в данных контекстах позволит уточнить семантику и прагматические функции данных слов, а также понять изменения, происходящие в современном немецкоязычном обществе.

Ключевые слова: неологизм; зооним; дискурс; словообразование; лексикография; корпус; эндогенный процесс; экзогенный процесс

Для цитирования: Метелькова К. В. Неологизмы-зоонимы в современном немецком языке: лексикографический, словообразовательный и дискурсивный аспекты // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 201–209. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-201. https://elibrary.ru/IKSVZS

Original article

Zoonym neologisms in modern german: lexicographic, word-formation and discursive aspects

Klementina V. Metelkova
Associate professor at 3rd year postgraduate student, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak str., 39
klementinametelkova4@gmail.com, https://orcid.org/0009-0000-5057-0464

Abstract. In modern german-speaking society, the relationship between humans and animals is being rethought, which is reflected in the new words (mainly composites), in semantic changes of existing animalisms, as well as in the expansion of their combinability and in the increase of discursive usage spheres. The purpose of the study is to identify and systematize german zoonym neologisms. Neologisms with a zoological component are considered from three points of view: their fixation in lexicographic sources and the electronic corpus of the german language, from the point of view of word formation and discursive use. The article specifies the criteria on the basis of which lexical units can be identified as neologisms. In the course of studying the material, the lexicographic criterion serves as a key parameter for identifying neologisms. Based on the results of the study, the following conclusions can be made: zoonym neologisms are widespread in modern german, which is due to the new realities in the life of german society, concerning animals and human attitudes to them; the creation of these words involves both foreign-language components, indicating the exogenous nature of the phenomena, and autochthonous elements relating to the situations of everyday life in German-speaking society and possessing imagery and emotionality; the emergence of new words, whose semantics is related to

© Метелькова К. В., 2025

the world of animals, occurs mainly in such types of discourse as legal, culinary, medical, household and fashion. Further study of the functioning of zoonym neologisms in these contexts will help to clarify the semantics and pragmatic functions of these words, as well as to understand the changes taking place in modern german-speaking society.

Key words: neologism; zoonym; discourse; word formation; lexicography; corpus; endogenous process; exogenous process

For citation: Metelkova K. V. Zoonym neologisms in modern german: lexicographic, word-formation and discursive aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):201–209. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-201. https://elibrary.ru/IKSVZS

Введение

Мир, в котором мы живем, меняется ежедневно, при этом происходящие изменения не всегда сразу осознаются, так как за скоростью этих преобразований порой невозможно уследить. Маркерами динамических процессов в реальном мире являются лексические единицы, ведь язык – это феноменальная структура, которая отражает происходящее в реальном мире и, несомненно, включает в себя все новые слова и значения, возникающие при определенных событиях. Одним из таких процессов, находящих отражение в современном немецком языке, является изменение отношения человека к животным. Данное явление, вероятно, касается не только немецкой реальности, о чем свидетельствует формирование в западной науке междисциплинарного направления «Human Animal Research», объектом изучения которого являются взаимоотношения человека и животных [Бабаева, 2023, с. 30]. Переосмысление отношения людей к представителям животного мира дало новый импульс развитию многих научных направлений, в том числе и лингвистике.

Лингвистику, прежде всего, интересует, как данный динамический процесс, затрагивающий широкий спектр видов деятельности человека, в том числе когнитивную и социальную сферы, воплощается в лексической системе немецкого языка. Всё вышесказанное свидетельствует об актуальности рассмотрения неологизмов, семантика которых тем или иным образом связана с миром животных. Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, заключается в выявлении и систематизации немецких неологизмов-зоонимов. Изучение данного аспекта, с одной стороны, позволит выявить тенденции развития современного немецкого языка, а с другой стороны, через языковые единицы обнаружить и понять изменения, происходящие в немецкоязычном обществе и в немецкой языковой картине мира.

Обзор литературы

Все исследователи, которые занимаются изучением новых слов, сталкиваются с рядом важных вопросов: что считать неологизмами, как долго слово остается неологизмом, как отличить неологизмы от окказионализмов, какую информацию о неологизмах можно найти в лексикографических источниках. Ответы на эти вопросы можно обнаружить в лингвистической литературе, посвященной неологии и неографии.

Исследованию данных проблем посвящены работы таких авторов, как М. В. Москалёва, С. В. Буренкова, J. Dubiec-Stach, H. Elsen, Т. О. Анохина, М. Д. Ивченко, О. А. Никитина, а также многих других [Москалёва, 2008; Буренкова, 2020; Dubiec-Stach, 2017; Elsen, 2021; Анохина, 2016; Ивченко, 2024; Никитина, 2010].

В литературе указываются различные критерии выделения неологизмов, например, «важными критериями отграничения неологизмов от других инноваций языка являются, на наш взгляд, следующие: 1) номинативность (необходимость обозначения нового предмета или понятия); 2) новизна формы и / или содержания; 3) временной показатель (временные границы появления и существования нового слова в языке); 4) языковое пространство (сферы и жанры употребления)» [Шалина, 2007, с. 73].

В нашем исследовании мы опирались на следующие признаки, по которым слово может быть идентифицировано как неологизм: исторический критерий – соотнесенность момента появления слова / значения с определенным временным отрезком; денотативный критерий – обозначение новой реалии или нового явления; стилистический – наличие эффекта новизны; лексикографический – отсутствие соответствующего описания в словарях. В то же время следует подчеркнуть, что ни один из этих критериев не является абсолютным, поэтому исследователи должны каждый раз указывать, что они понимают под неологизмами. Например, в электронной энциклопедии «Кругосвет» дается следующее определение данного термина: «НЕОЛОГИЗМ (от греч. 'новый' и 'слово') – слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке. Из этого определения ясно, что понятие неологизма изменчиво во времени и относительно: неоло-

гизмом слово остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем новизну» [Кругосвет, 2000].

Другой значимый аспект изучения неологизмов – это выделение типов неологизмов. Для выделения типов новых слов важен критерий, по которому могут быть выделены разновидности неологизмов. В лингвистической литературе приводятся следующие типологии новых слов / новых значений: по соотношению формы и нового содержания: собственно лексические неологизмы, семантические неологизмы, сочетаемостные неологизмы; по способам словообразования – неологизмы, возникшие путем словообразовательной деривации, неологизмы, возникшие путем семантической деривации, неологизмы, возникшие путем заимствования слов из других языков или из некодифицированных подсистем данного языка; по источнику появления – общеязыковые и индивидуально-авторские; по частоте употребления – общеязыковые и окказиональные; по тематике – неологизмы-реалии, неологизмы тематики короновируса и др. [Нефедова, 2021, с. 16].

Другое лингвистическое направление изучения новых слов в языке представляют исследования, посвященные словообразованию и принципу возникновения неологизмов, эти аспекты рассматривали М. Е. Каскова, Л. Н. Фролова, С. А. Волина, М. И. Дойникова, Д. Г. Велмырадова, Н. И. Гошко, Н. В. Горбунова, Ж. А. Бейшебаева и многие другие [Каскова, Фролова, 2018; Волина, Дойникова, 2020; Велмырадова, 2018; Гошко, 2018; Горбунова, 2017; Бейшебаева, 2014].

Лексикографирование неологизмов также вызывает некоторые проблемы при обращении к словам данного класса. Согласно одной точке зрения, неологизмы перестают восприниматься как новые слова, как только они попадают в толковые словари. В то же время создаются словари неологизмов, которые фиксируют новшества в лексическом составе языка в определенный период [Никитина, 2010, с. 36].

Как правило, исследователи отмечают, что неологизмы появляются в тех сферах, которые стремительно меняются, например, техника, медицина, экономика. Например, при исследовании неологизмов английского языка за период 2020–2023 годы были выявлены следующие тематические группы, покрывающие сферы употребления неологизмов, – медицина, онлайн-коммуникация, еда, работа и бизнес, технологии, культура, развлечения и спорт, политика, сленг, окружающая среда [Аксёнова, 2020, с. 174].

Но существуют и изменения, которые не сразу становятся очевидными, потому что они связаны не с появлением новых артефактов, а с изменениями, происходящими в социальной и когнитивной сферах деятельности человека. К таким преобразованиям, вероятно, можно отнести изменения в отношениях человека к животным. Изучение немецких неологизмов-зоонимов может помочь понять динамические процессы, связанные с отношениями человека к миру фауны.

Методы исследования

Основой исследования послужили 48 немецких неологизмов, в семантике которых имеются компоненты, имеющие отношение к миру животных. В рамках нашего исследования такие слова называются неологизмами-зоонимами. В эту группу были включены слова с элементом, восходящим к названию животных, а также лексические единицы, в которых имплицитно предполагается связь с миром животных, например, «Fleisch» (мясо животного), «Vega» (отказ от животной пищи). Корпус анализа составили новообразования, выявленные из специальных электронных словарей немецкого языка [OWID; Der Neologismus – neu angekommen im Wortschatz], кроме того, в качестве иллюстративного материала при работе над темой использовались ресурсы корпуса лексики немецкого языка Лейпцигского университета и электронного корпуса немецкого языка DWDS [DWDS], а также тексты немецкоязычного интернет-пространства.

Основными методами исследования являлись метод дискурсивного анализа и метод компонентного анализа. В ходе работы над темой первоначально на основе анализа словарей и корпусов уточнялось, можно ли считать слово неологизмом, далее отобранные лексемы анализировались с точки зрения способа образования, чтобы выявить автохтонные и заимствованные компоненты, так как они могут указывать на связь немецких неологизмов с немецкими традициями и на внедрение иных культурных ценностей, на заключительном этапе были определены типы дискурсов, в которых употребляются неологизмы-зоонимы.

Результаты исследования

Как отмечалось выше, на первом этапе исследования все выявленные лексические единицы были изучены и систематизированы на основе их фиксации в лексикографических источниках и электронном корпусе немецкого языка. Неологизмы-зоонимы были разделены на четыре группы.

В первую группу вошли лексические единицы, которые представлены в словарях неологизмов (NW), в электронном корпусе DWDS и в электронном варианте толкового словаря Duden. Эта группа немногочисленна, она составила всего лишь 8 % от всего корпуса изученных неологизмов, в нее вошли, например, лексемы *Elchtest, Chlorhuhn*. Проиллюстрируем, какая информация дается при фиксации неологизма в указанных лексикографических источниках, на примере слова *Chlorhuhn*. Это могут быть специальная помета (1), описание значения (2) и иллюстрация употребления (3).

Chlorhuhn, das

NW: *Neologismus der Zehnerjahre (1);* Bedeutung: *durch ein Chlorbad desinfiziertes Geflügelfleisch; Chlorhühnchen (2);* Belege: *Apropos Keime, die hängen auch oft am Hühnerfleisch. Um die Salmonellengefahr einzudämmen, wird frisch geschlachtetes Federvieh in den USA in ein Chlorbad getaucht. Solche Chlorhühner wollen die Europäer nicht importieren (3) (die Tageszeitung, 15.02.2013).*

DWDS: *Obwohl die EU-Kommission immer wieder darauf hinwies, dass durch Interner Link: TTIP keine Chlorhühner in die EU importiert werden, wurde der Begriff zu einem wichtigen Schlagwort für die Kritiker des Freihandelsabkommens zwischen der EU und den USA. (3) (Glossar. Bundeszentrale für politische Bildung, 2017-07-21).*

Duden: *umgangssprachlich (1);* Bedeutung: *zum Schutz vor Mikroben mit Chlordioxid behandeltes Geflügel, Chlorhühnchen (2);* Belege: *amerikanische Chlorhühner; die Einfuhr von Chlorhühnern erlauben, verbieten (3).*

Тот факт, что слово описывается в толковом словаре, свидетельствует о том, что неологизм становится частью основного состава немецкого языка и постепенно утрачивает эффект новизны.

Ко второй группе, которая составила 66 % всех проанализированных единиц, были отнесены новые немецкие слова, представленные в словаре неологизмов и в электронном корпусе. К таким единицам относятся, например, *Duckface, Fischmund, Hundebadetag, Katzencafe, Leo, Schlafschaf, Tiertafel, Tierwohllabel, Tofutier, Warnhund, Weidetierprämie*. Примером описания в лексикографических источниках слов этой группы может быть лексема *Tofutier*.

Tofutier, das

NW: *Neologismus der Zehnerjahre/seit Anfang des zweiten Jahrzehnts des 21. Jahrhunderts in Gebrauch; scherzhaft (1);* Bedeutung: *Phantomtier, das Tofu mit dem vertrauten Geschmack und dem Aussehen von Fleisch liefert, wie es Vegetarier und Veganer in der Regel erwarten (2);* Belege: *Mit Tofutier wird in der Bandbreite von scherzhaft bis spöttisch – auch von Vegetariern und Veganern selbst – darauf Bezug genommen, dass Vegetarier und Veganer zwar fleischlos essen, aber auf den Geschmack und das Aussehen von Fleisch nicht verzichten wollen (3).*

DWDS: *Ich bin nie einsam … Und zugegebenermaßen bin ich ein sooo guter Jäger, dass ich nur Tofutiere erlege (3) (Auf nach Schweden. Zeilenendes Sammelsurium, ~2017-03-12, abgerufen am 14.06.2023).*

Третью группу (8 %) составили лексемы, которые описаны в толковом словаре Duden и представлены в электронном корпусе немецкого языка, но в словаре неологизмов немецкого языка не зафиксированы. Эффект новизны лексемы можно обнаружить только по дате возникновения приведенных употреблений. Например, к таким единицам можно отнести слово *Hundesitter*.

Hundesitter, der

Duden: Bedeutung: *männliche Person, die einen Hund oder Hunde bei Abwesenheit des Besitzers [gegen Entgelt] beaufsichtigt, die ihn bzw. sie ausführt o. Ä. (2).*

DWDS: *Umgekehrt können Hundebesitzer, die Geld, aber keine Zeit haben, einen «Hundesitter» beschäftigen, der ihr Haustier spazierenführt oder ihm Gesellschaft leistet (3) (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 04.06.1997).*

В четвертую группу (18 %) были отнесены слова, новизна которых может быть установлена только по дате употреблений, зафиксированных в электронном корпусе. В словарях данные единицы пока не описаны, например, *Hundecafe, Tiersitting*.

Hundecafe, das

DWDS: *Ich war in Korea einmal in einem Hundecafe, dass hat mir aber gar nicht gefallen (3) (Miao Wu Club – Cappuccino trinken mit Katzen. Shaoshi in Shanghai, ~2015-02-02, abgerufen am 14.06.2023).*

На втором этапе все выявленные неологизмы-зоонимы были проанализированы на основе способа словообразования. При этом учитывались два таких основных противоположных процесса развития языка, как эндогенный и экзогенный. «На формирование лексики принимающего языка оказывает влияние иностранный язык и внешняя культура. Таким образом, процесс заимствования – экзогенный процесс, иноязычная лексика – экзогенный элемент в лексической системе языка реципиента» [Нефедова, 2021, с. 16].

В ходе анализа собранного материала было обнаружено, что большинство неологизмов-

зоонимов были образованы путем словосложения основ. Можно выделить три модели создания композитов: 1) немецкая основа + немецкая основа; 2) немецкая основа + иноязычная основа; 3) иноязычная основа + иноязычная основа.

На основе первой модели были созданы следующие неологизмы:

Warnhund – warnen + der Hund (собака, предупреждающая о наступления приступа у больного);

Tomatenfisch – die Tomate + der Fisch (методы получения пищевых продуктов путем сочетания аквапоники и гидропоники);

Hundebadetag – der Hund + der Badetag (ежегодный день у бассейнов и озер, когда хозяин может прийти с собакой и искупать её);

Fischmund – der Fisch + der Mund (выражение лица при позировании для фотографий, когда губы слегка приоткрыты и выдвинуты вперед);

Bruderhahn – der Bruder + der Hahn (цыпленок-самец);

Schlafschaf – schlafen + das Schaf (крылатая фраза для обозначения ведомых людей, верящих в мейнстримы и лживую прессу);

Laborfleisch – das Labor + das Fleisch (мясо для рациона человека, выращенное не на животном, а на стволовых клетках).

Слова, созданные по второй модели, содержат в себе экзогенный и эндогенный компоненты и являются гибридными композитами:

Tofutier – der Tofu (китайский) + das Tier (нем.) (соевый продукт, не содержащий в своем составе продукт животного происхождения);

Katzencafé – die Katze (нем.) + das Café (франц.) (кафе, где подают не только обычные блюда и напитки, но и можно погладить кошек);

Lockdownhund – lockdown (англ.) + der Hund (нем.) (собака, которая была заведена в период пандемии);

Rohvegan – roh (нем.) + vegan (англ.) (строгий вегетарианец);

Hundesitter – der Hund + sitter (англ.) (выгульщик собак);

Tierwohllabel – das Tierwohl (нем.) + label (англ.) (этикетка о том, что учитываются принципы защиты животных).

Третья модель, которая состоит только из экзогенных компонентов (псевдоанглицизмы), реализована в следующих неологизмах:

Gammeldöner – шаурма с заменителем мяса;

Veggieday – день, когда (раз в неделю) в столовых и ресторанах предлагается постное питание (англ. meat free day).

Следующие неологизмы были заимствованы полностью из английского языка:

Duckface – выражение лица с сильно поджатыми губами, которое часто встречается на селфи, особенно в социальных сетях

Другим распространенным способом образования неологизмов было сокращение. Здесь можно выделить два вида сокращений: контаминация и собственно сокращения. Примерами контаминации могут быть следующие единицы:

Freegan – человек, отказавшийся от продуктов животного происхождения;

Frutarier – человек, питающийся только фруктами.

К собственно сокращениям можно отнести слово **Leo** – леопардовый принт в одежде.

Третьим способом создания новых слов является словотворчество, когда неологизм создается не по традиционным словообразовательным моделям. В нашем корпусе исследования встретились слова, где первая буква слова заменялась на «V» и слово приобретало новое значение «продукт без содержания мяса животного», например, **Vurst** (Wurst), **Vöner** (Döner). Слово **Irrelefant** – irre + der Elefant используется в значении «не важно / не имеет значения» по аналогии со словом *irrelevant*.

Четвертый способ создания неологизмовзоонимов связан с семантическим переносом. Так в результате метафоризации появились новые значения у следующих слов:

Fischmund – der Fisch + der Mund (выражение лица при позировании для фотографий, когда губы слегка приоткрыты и выдвинуты вперед);

Tigerschnute – der Tiger + die Schnute (используется для описания формы носа, который был сделан более узким и заостренным с помощью ринопластики);

Katzenauge – die Katze + das Auge (эффект макияжа, который создает мерцающий, похожий на кошачий глаз эффект);

Änderungsfleischerei – die Änderung + die Fleischerei (клиника косметологических операций).

Как можно заметить, заимствованные компоненты и заимствованные слова соотносятся с темами «еда» (отказ от употребления мяса), «новые технологии» (страсть к селфи, к пластическим операциям), то есть те процессы, которые пришли в немецкую действительность с процессом глобализации. Данные компоненты и состоящие из них неологизмы являются в определенной мере маркерами экзогенных процессов, при которых происходит «перенос культурных ценностей, характерных для одного культурного ареала, в другую культуру с их дальнейшим переосмыслением и интерпретацией в новом куль-

турном пространстве – Trash Panda, Roadkill, Dumpster Diver» [Эспань, 2018]. Эндогенные процессы, использующие ресурсы немецкого языка, коррелируют с теми темами, которые касаются ситуаций повседневной жизни носителей немецкого языка. Исконно немецкие компоненты в неологизмах-зоонимах нередко подвергаются метафоризации и придают слову образность и эмоциональность, например, Änderungsfleischerei как номинация клиники пластической хирургии. Это подтверждает мысль, высказанную Л. А. Нефедовой, о том, что «посредством словообразования из автохтонного лексического материала по правилам родного языка создается лексика для обозначения значимых объектов и явлений своей культуры» [Нефедова, 2021, с. 16].

На заключительном этапе исследования неологизмов-зоонимов были определены дискурсивные пространства, в которых каждое из исследуемых слов обладает особой прагматической функцией.

Результаты анализа показали, что чаще всего неологизмы-зоонимы используются в кулинарном дискурсе (52 %). Это объясняется тем, что в Германии за последние 10 лет выросло количество вегетарианцев и веганов. Этот фактор может быть обусловлен разными причинами: желанием людей сохранить окружающий мир и экологию, желанием следовать моде, которая заключается в здоровом питании, религиозными убеждениями и традициями. Для немецкого человека переход к нетрадиционному для него вегетарианскому питанию связан, вероятно, с оценкой данного процесса и с переосмыслением отношения к животным.

Вторую по величине группу составляют неологизмы, употребляющиеся в юридическом дискурсе (23 %). Германия – первая страна, запретившая вивисекцию. Законодательство о защите животных вступило в силу в 1972 году. Изменение отношения человека к животным закреплено в Германии на законодательном уровне и подтверждено несколькими юридическими документами.

Третья группа – неологизмы медицинского и косметологического дискурсов (15 %). Лексика, отражающая изменения отношения человека к животным, представлена в немецкоязычном медицинском дискурсе, так как там обсуждаются следующие темы: «продвижение вегетарианства», «описание косметологических проблем», «животные – друзья и помощники человека».

Четвертую и пятую группу составляют неологизмы из области моды (6 %) и обиходного дискурса (4 %). Подробное распределение слов по типам дискурса можно наблюдать ниже в таблице 1.

Таблица 1

Примеры употребления неологизмов в дискурсивных пространствах немецкого языка

Дискурсивное пространство	Примеры
Кулинарный дискурс	Veganisieren, veggie, Gammeldöner, Frutarier, Vurst, Hackepetra, Biovegan, Chlorhuhn, Fleischdrink, Freegan
Медицинский и косметологический дискурс	Lockdownhund, Känguruleder, Warnhund, Laborfleisch, Insektenprotein, In-vitro-Fleisch, Änderungsfleischerei, Fleischmütze
Юридический дискурс	Wildtierschutz, Tierschutzgesetzgebung, Jagdrecht, Tierquälerei, Tierhalteverordnung, Tierwohllabel, Weidetierprämie
Мода	Leo, Fischmund, Duckface
Обиходный дискурс	Eierflattern, Schlafschaf, Hundebadetag

Заключение

1. Анализ словарей неологизмов позволил выявить, что в современном немецком языке широко представлены новые лексические единицы, которые в своей семантической структуре имеют компоненты, имеющие отношение к миру животных. Появление этих неологизмов-зоонимов свидетельствует о том, что в жизни немецкого общества появляются новые реалии, которые касаются животных и отношения человека к ним.

2. Изучение способов словообразования немецких неологизмов-зоонимов показало, что в создании данных слов активно участвуют иноязычные компоненты, что может свидетельствовать об экзогенном характере явлений, которые обозначаются данными лексическими единицами. Композиты, состоящие только из автохтонных элементов, как правило касаются ситуаций повседневной жизни немецкоязычного общества и обладают образностью и эмоциональностью.

3. Появление новых слов, семантика которых имеет отношение к миру животных, происходит в определенных типах дискурса, а именно, юридическом, кулинарном, медицинском, обиходном и дискурсе моды. Дальнейшее изучение функционирования неологизмов-зоонимов в данных контекстах позволит уточнить семантику и прагматические функции данных слов, а также понять изменения,

происходящие в современном немецкоязычном обществе.

Библиографический список

1. Аксёнова Н. В. Особенности английских неологизмов понятийно-тематической области covid-19 // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. № 9. С. 172–176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-angliyskih-neologizmov-ponyatiyno-tematicheskoy-oblasti-covid-19 (дата обращения: 24.07.2024).

2. Анохина Т. О. Неологизмы в современных немецких интернет-ресурсах // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. Т. 15. С. 691–695. URL: http://e-koncept.ru/2016/96048.htm (дата обращения: 24.07.2024).

3. Бабаева Р. И. Динамические процессы в анималистическом коде культуры носителей немецкого языка // Германистика-2022: nove et nova: Материалы V Международной научной конференции, Москва, 07–09 декабря 2022 года / редколлегия: А. А. Клиновская [и др.]. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 29–32.

4. Бейшебаева Ж. А. Способы словообразования в немецком языке (на примере компьютерной лексики) // Научно-техническая библиотека Кыргызского Государственного Технического Университета им. И. Раззакова, 2014, № 2(44). С. 141–147. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=14552 (дата обращения: 24.07.2024).

5. Буренкова С. В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2020. №1 (26). С. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-nemetskogo-yazyka-tematika-lingvisticheskie-osobennosti-perevod (дата обращения: 24.07.2024).

6. Велмырадова Д. Г. Словообразовательные модели современного немецкого языка // Молодой ученый, 2018. № 23 (209). С. 432–433. URL: https://moluch.ru/archive/209/51383/ (дата обращения: 24.07.2024).

7. Волина С. А., Дойникова М. И. Словообразование в лингвострановедении (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-v-lingvostranovedenii-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka (дата обращения: 24.07.2024).

8. Горбунова Н. В. Словообразовательные морфемы в современном немецком языке // Наука и образование сегодня, 2017. №11 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-morfemy-v-sovremennom – nemetskom – yazyke (дата обращения: 24.07.2024).

9. Гошко Н. И. Особенности словообразования в современном немецком языке // Репозиторий Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2018. URL: http://rep.brsu.by:80/handle/123456789/3606 (дата обращения: 24.07.2024).

10. Ивченко М. Д. Новые музыкальные понятия и термины в немецкоязычных СМИ периода пандемии COVID-19 // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 179–189.

11. Каскова М. Е., Фролова Л. Н. Словообразование в современном немецком языке в контексте обучения лексике // РУДН, 2018. С. 79–91. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/50732/ (дата обращения: 24.07.2024).

12. Москалёва М. В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. № 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke (дата обращения: 24.07.2024).

13. Нефедова Л. А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020-2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. 16 с.

14. Никитина О. А. Основные положения концепции немецко-русского словаря неологизмов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. Вып. 2. С. 33–40.

15. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NEOLOGIZM.html (дата обращения: 24.07.2024).

16. Шалина Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского, 2007. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-neologizma-v-sovremennoy-lingvistike (дата обращения: 24.07.2024).

17. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. 2018.

18. Der Neologismus – neu angekommen im Wortschatz. URL: https://www.kunst-worte.de/neologismen (30.05.2024).

19. Dubiec-Stach J. Beobachtungen zu den Neologismen der Politik – demonstriert am Projekt «Wortwarte» // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w poznaniu, Studia Germanica Posnaniensia XXXVIII, 2017. URL: https://pressto.amu.edu.pl/index.php/sgp/article/view/12755 (дата обращения: 24.07.2024).

20. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 30.05.2024).

21. Elsen H. Neologismen im Gegenwartsdeutschen – Probleme in Theorie und Praxis // Lublin Studies in Modern Languages and Literature 45(1), 2021.

22. OWID. Neologismenwörterbuch: Stichwortliste der Zehnerjahre. URL: https://www.owid.de/service/stichwortlisten/neo_10 (дата обращения: 30.05.2024).

23. Wortschatz Universität Leipzig: Korpus Deutsch. URL: http://corpora.informatik.uni-leipzig.de (дата обращения: 30.05.2024).

24. Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 30.05.2024).

Reference list

1. Aksjonova N. V. Osobennosti anglijskih neologizmov ponjatijno-tematicheskoj oblasti covid-19 = Features of English neologisms from the conceptual and thematic area 'covid-19' // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2020. № 9. S. 172–176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-angliyskih-neologizmov-ponyatiyno-tematicheskoy-oblasti-covid-19 (data obrashhenija: 24.07.2024).

2. Anohina T. O. Neologizmy v sovremennyh nemeckih internet-resursah = Neologisms in modern German Internet resources // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept», 2016. T. 15. S. 691–695. URL: http://e-koncept.ru/2016/96048.htm (data obrashhenija: 24.07.2024).

3. Babaeva R. I. Dinamicheskie processy v animalisticheskom kode kul'tury nositelej nemeckogo jazyka = Dynamic processes in the animalistic code of German native speakers' culture // Germanistika-2022: nove et nova: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 07–09 dekabrja 2022 goda / redkollegija: A. A. Klinovskaja [i dr.]. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2023. S. 29–32.

4. Bejshebaeva Zh. A. Sposoby slovoobrazovanija v nemeckom jazyke (na primere komp'juternoj leksiki) = Ways of word formation in German (based on computer vocabulary) // Nauchno-tehnicheskaja biblioteka Kyrgyzskogo Gosudarstvennogo Tehnicheskogo Universiteta im. I. Razzakova, 2014, № 2(44). S. 141–147. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=14552 (data obrashhenija: 24.07.2024).

5. Burenkova S. V. Neologizmy nemeckogo jazyka: tematika, lingvisticheskie osobennosti, perevod = German neologisms: topics, linguistic features, translation // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija, 2020. №1 (26). S. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-nemetskogo-yazyka-tematika-lingvisticheskie-osobennosti-perevod (data obrashhenija: 24.07.2024).

6. Velmyradova D. G. Slovoobrazovatel'nye modeli sovremennogo nemeckogo jazyka = Word-formation models in modern German // Molodoj uchenyj, 2018. № 23 (209). S. 432–433. URL: https://moluch.ru/archive/209/51383/ (data obrashhenija: 24.07.2024).

7. Volina S. A., Dojnikova M. I. Slovoobrazovanie v lingvostranovedenii (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka) = Word formation in linguistic country studies (based on the modern German) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-v-lingvostranovedenii-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka (data obrashhenija: 24.07.2024).

8. Gorbunova N. V. Slovoobrazovatel'nye morfemy v sovremennom nemeckom jazyke = Word-forming morphemes in modern German // Nauka i obrazovanie segodnja, 2017. №11 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-morfemy-v-sovremennom – nemetskom – yazyke (data obrashhenija: 24.07.2024).

9. Goshko N. I. Osobennosti slovoobrazovanija v sovremennom nemeckom jazyke = The specificity of word formation in the modern German language // Repozitorij Brestskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2018. URL: http://rep.brsu.by:80/handle/123456789/3606 (data obrashhenija: 24.07.2024).

10. Ivchenko M. D. Novye muzykal'nye ponjatija i terminy v nemeckojazychnyh SMI perioda pandemii COVID-19 = New music concepts and terms in German-language media of the COVID-19 pandemic period // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2024. № 1 (36). S. 179–189.

11. Kaskova M. E., Frolova L. N. Slovoobrazovanie v sovremennom nemeckom jazyke v kontekste obuchenija leksike = Word formation in modern German in the context of teaching vocabulary // RUDN, 2018. S. 79–91. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/50732/ (data obrashhenija: 24.07.2024).

12. Moskaljova M. V. Neologizmy i problema ih izuchenija v sovremennom russkom jazyke = Neologisms and the problem of their studying in the modern Russian language // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena, 2008. № 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-problema-ih-izucheniya-v-sovremennom-russkom-yazyke (data obrashhenija: 24.07.2024).

13. Nefedova L. A. Aktivnye processy v leksike nemeckogo jazyka 2020-2021 gg. = Active processes in the German vocabulary of 2020-2021 // Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk. 2021. № 3. 16 s.

14. Nikitina O. A. Osnovnye polozhenija koncepcii nemecko-russkogo slovarja neologizmov = The main aspects of the concept the German-Russian dictionary of neologisms // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta, 2010. Vyp. 2. S. 33–40.

15. Universal'naja nauchno-populjarnaja jenciklopedija «Krugosvet» = Universal popular science encyclopedia «Krugosvet». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/NEOLOGIZM.html (data obrashhenija: 24.07.2024).

16. Shalina L. V. K voprosu o sushhnosti neologizma v sovremennoj lingvistike = Towards the essence of neologism in modern linguistics // Izvestija PGU im. V.G. Belinskogo, 2007. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-neologizma-v-sovremennoy-lingvistike (data obrashhenija: 24.07.2024).

17. Jespan' M. Istorija civilizacij kak kul'turnyj transfer = History of civilizations as cultural transfer. 2018.

18. Der Neologismus – neu angekommen im Wortschatz. URL: https://www.kunst-worte.de/neologismen (30.05.2024).

19. Dubiec-Stach J. Beobachtungen zu den Neologismen der Politik – demonstriert am Projekt «Wortwarte» // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w poznaniu, Studia Germanica Posnaniensia XXXVIII, 2017. URL: https://pressto.amu.edu.pl/index.php/sgp/article/view/12755 (data obrashhenija: 24.07.2024).

20. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: https://www.dwds.de (data obrashhenija: 30.05.2024).

21. Elsen H. Neologismen im Gegenwartsdeutschen – Probleme in Theorie und Praxis // Lublin Studies in Modern Languages and Literature 45(1), 2021.

22. OWID. Neologismenwörterbuch: Stichwortliste der Zehnerjahre. URL: https://www.owid.de/service/stichwortlisten/neo_10 (data obrashhenija: 30.05.2024).

23. Wortschatz Universität Leipzig: Korpus Deutsch. URL: http://corpora.informatik.uni-leipzig.de (data obrashhenija: 30.05.2024).

24. Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.duden.de/ (data obrashhenija: 30.05.2024).

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 27.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-210
EDN: JMHKHS

Партийно-государственное руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества в 1934–1945 гг.

Михаил Васильевич Новиков
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
m.novikov@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-2013-1919

Аннотация. В данной статье на основе документов Народного комиссариата иностранных дел СССР рассматриваются вопросы становления и развития советско-китайского культурного сотрудничества в драматический период истории Китая, связанный с политико-военным противостоянием Гоминьдана и Коммунистической партии Китая, японо-китайской войной и позицией СССР в ходе этих конфликтов. Отмечается, что после восстановления советско-китайских дипломатических отношений в 1932 г. по инициативе посольства СССР в Китайской Республике и просоветской китайской интеллигенции начинается активная фаза развития культурных связей между двумя странами, начало которым было положено выставкой китайского изобразительного искусства, включая работы главы художественной школы в Нанкине Сюй Бэйхуна, в Москве. Подчеркивается, что общее руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества с самого начала осуществлялось высшим руководством СССР, конкретные рекомендации и непосредственное руководство осуществлялись Народным комиссариатом иностранных дел, посольством СССР в Китайской Республике. Примечательно, что ответственность за проведение выставки китайского изобразительного искусства в Москве была возложена на народного комиссара просвещения А. С. Бубнова. Отмечается, что советское посольство в Китае выступило инициатором создания Китайско-советского культурного общества, имея в виду, что общество должно организовываться самими китайцами, но посольство будет осуществлять контроль за его составом, деятельностью и планированием работы, которые должны полностью отвечать советским интересам. Отмечается, что начало широкомасштабной японо-китайской войны в июле 1937 г. отрицательно повлияло на советско-китайское культурное сотрудничество, сведя его к минимуму – к изданию переводных советских книг в Китае и переводных китайских книг в СССР, организации фотовыставок.

Ключевые слова: СССР; Китай; Народный комиссариат иностранных дел; посольство СССР в Китае; дипломатические отношения; культурное сотрудничество; гастроли; выставки; издание переводных книг

Для цитирования: Новиков М. В. Партийно-государственное руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества в 1934–1945 гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 210–223. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-210. https://elibrary.ru/JMHKHS

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Party and state leadership in the development of soviet-chinese cultural cooperation in 1934–1945

Mikhail V. Novikov
Doctor of historical sciences, professor, head of the department of theory and methods of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
m.novikov@yspu.org, https://orcid.org/0000-0002-2013-1919

© Новиков М. В., 2025

Abstract. Based on the documents from the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR, this article examines the formation and development of soviet-chinese cultural cooperation during the dramatic period in China's history, related to the political and military confrontation between the Kuomintang and the Communist Party of China, the sino-japanese war and the position of the USSR during these conflicts. The article points out that after the restoration of soviet-chinese diplomatic relations in 1932, at the initiative of the Soviet Embassy in the Chinese Republic and pro-soviet chinese intellectuals, an active phase in the development of cultural ties between the two countries began, initiated by an exhibition of chinese fine art, including works by Xu Beihong, head of the art school in Nanjing, held in Moscow. The author emphasizes that the general management of the Soviet-Chinese cultural cooperation development was carried out from the very beginning by the USSR top leadership, while specific recommendations and direct management were carried out by the People's Commissariat for Foreign Affairs and the USSR Embassy in the Republic of China. It is noteworthy that it was the People's Commissar of Education A. S. Bubnov who was responsible for organizing the exhibition of chinese fine art in Moscow. The Soviet Embassy in China initiated the establishment of the chinese-soviet cultural society, with the intention that the society should be organized by the chinese themselves, but that the Embassy would exercise control over its membership, activities and work planning, which should fully meet Soviet interests. It is noted that the beginning of the large-scale war between Japan and China in July 1937 had a negative effect on the soviet-chinese cultural cooperation, reducing it to minimum activities, such as publishing translated Soviet books in China and translated chinese books in the USSR, as well as organizing photo exhibitions.

Key words: USSR; China; People's Commissariat for Foreign Affairs; USSR Embassy in China; diplomatic relations; cultural cooperation; tours; exhibitions; publication of translated books

For citation: Novikov M. V. Party and state leadership in the development of soviet-chinese cultural cooperation in 1934-1945. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):210–223. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-210. https://elibrary.ru/JMHKHS

Введение

12 декабря 1932 г. произошел обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и представителем Китайской Республики (КР) при совете Лиги наций Янь Хуэйцыном о восстановлении дипломатических отношений между странами, прекращенными в 1929 г. по инициативе гоминьдановского правительства Чан Кайши. В интервью по этому поводу советский нарком подчеркнул, что вряд ли «в Китае может кто-либо сейчас думать, что печальные события, приведшие к разрыву отношений между СССР и Китаем, принесли последнему какую-либо пользу» [Интервью наркома…, 2010, с. 130].

Результаты исследования

Восстановление дипломатических отношений создало необходимые предпосылки для политического диалога и развития торгово-экономического, военного и культурного сотрудничества. В феврале 1934 г. генеральный секретарь Всесоюзного общества культурных связей с зарубежом (ВОКС) М. Аплетин, предварительно получивший соответствующие инструкции, направил письмо в отдел культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП(б) и в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) с предложением об организации в Москве выставки китайского изобразительного искусства. В письме сообщалось следующее: «Этот вопрос получил положительное заключение со стороны НКИД и наркомпроса … по выяснении всех деталей связанных с возможностью организации этой выставки, дело представляется в следующем виде: а) выставка состоит из работ современных китайских художников (живопись, акварель, рисунок) и небольшого количества (40) образцов старого китайского искусства XI–XVIII вв. Общее количество экспонатов выставки – 360; б) из современных китайских художников на выставке наиболее полно представлен Сюй Бэйхун – глава художественной школы в Нанкине, блестящий мастер рисунка, анималист и пейзажист, работы которого получили особенное одобрение во время выставки во Франции; … е) материальные условия организации выставки выражаются в оплате нами расходов по ее устройству и транспортировке по советской территории. Валютных расходов не предвидится… ВОКС просит ЦК ВКП(б) разрешить ВОКСу организовать в Москве в конце апреля м-ца 1934 г. выставку китайской живописи и рисунка» [Письмо Генерального…, 2010, с. 266–267].

Как видно из письма зам. наркома иностранных дел СССР Г. Я. Сокольникова наркому просвещения А. С. Бубнову, правительство СССР и НКИД санкционировали проведение выставки в Москве и Народному комиссариату просвещения (Наркомпрос) было поручено согласование и проведение всех мероприятий по ее организации. «Я прошу вас, – отмечал Сокольников, – дать все необходимые указания в части организации и обслуживания выставки, поскольку мы заинтересо-

ваны не только с точки зрения художественной ценности экспонатов, но и с точки зрения укрепления наших культсвязей с Китаем…» [Письмо заместителя… 19 марта 1934 г., 2010, с. 281].

По ходу работы выставки произведений китайской живописи в Москве второй дальневосточный отдел НКИД проинформировал посла СССР в Китае Д. В. Богомолова об активном участии советских дипломатов и видных деятелей искусства в различных мероприятиях, связанных с ее проведением. «Мы, – сообщалось в записке отдела НКИД, – уделяли и уделяем этой выставке известное внимание не только с точки зрения художественного интереса, которое она несомненно представляет, но, главным образом, желаем подчеркнуть нашу готовность поддерживать и развивать культурные связи с Китаем» [Записки… 9 мая 1934 г., 2010, с. 294]. НКИД также извещал Богомолова о готовящемся приеме в СССР других деятелей китайской культуры, таких, как вице-директор Пекинской национальной библиотеки Юань Дуньли, а также труппа пекинского балета Мэй Ланьфана. В записке подчеркивалось, что если условия гастролей труппы Мэй Ланьфана «не будут связаны с крупными затратами инвалюты, полагаем, что правительство разрешит принципиально вопрос о его приглашении на гастроли летом текущего года» [Записки… 9 мая 1934 г., 2010, с. 294–295].

Во время пребывания в Москве Сюй Бэйхун выступил с предложением безвалютного обмена выставками картин китайских и российских художников. Реагируя на это предложение зам. наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков в письме председателю ВОКС А. Я. Аросеву подчеркнул, что одним из главных условий такого обмена «является политический, а не чисто коммерческий подход». Стомоняков также обращал внимание Аросева на тот факт, что «картины китайской выставки представляют собой художественные и, частично, исторические ценности. При обмене нам следует дать китайцам их художественный эквивалент. Кроме того, картины, которые мы собираемся дать, должны быть интересны и понятны китайцам» [Письмо заместителя… 13 июня 1934 г., 2010, с. 301].

В апреле 1935 г. Аросев письмом известил посольство СССР в Китае о готовящейся выставке советской графики в Нанкинской картинной галерее (200 листов размером 30 см х 40 см). В письме оговаривались условия размещения художественных произведений, подчеркивалось, что «весь информационный материал для прессы, включая фото и каталог, будут Вам своевременно высланы» [Письмо председателя… 29 апреля 1935 г., 2010, с. 424].

Как видно из документов НКИД, в 1934 г. советское посольство в Нанкине выступило инициатором создания в Китае «Общества культурной связи с СССР» (КСКО, Общество). В письме второго восточного отдела НКИД полпреду Богомолову сообщалось, что на 24 мая 1934 г. пока еще не было решения по вопросу создания Общества, хотя НКИД полностью поддерживал это предложение. Письмо содержало конкретные указания, связанные с организацией Общества: «В вопросе об организации общества культурной связи мы понимаем Вас в том смысле, что об-во будет организовано самими китайцами и мы – наше полпредство СССР в Китае формально в нем участия принимать не будем, но, естественно, будем осуществлять известный контроль за его составом и деятельностью. Само собой разумеется, что Вы как посол СССР, будете возглавлять это общество в качестве почетного председателя его совета или комитета» [Записки… 24 мая 1934 г., 2010, с. 296].

Летом 1935 г. второй восточный отдел НКИД направил очередное письмо Богомолову, содержавшее конкретные рекомендации по организации Общества, в частности, предлагалось не допустить проникновения в Общество радикальных, оппозиционных и подозрительных лиц, которые могли бы вести в Обществе провокационную работу и могли бы Общество скомпрометировать. Далее письмо предостерегало от привлечения в Общество «бывших суньятсеновцев», за исключением тех, кто занимает ответственные должности в государственном аппарате и аппарате Гоминьдана, обращало внимание полпреда на целесообразность издания журнала, организации библиотеки с советскими изданиями непосредственно при Обществе. Письмо также призывало к осторожности в переписке с ВОКС, к отказу от направления в ВОКС материалов, носящих «характер политического отчета» и содержащих сведения, не имеющие непосредственного отношения к работе в ВОКС [Письмо руководства… 28 июля 1935 г., 2010, с. 700–701]. Еще одно письмо данного отдела ставило перед полпредством СССР в Китае задачу «составить такой план работы этого Общества, который отвечал бы полностью нашим интересам и возможностям самого Общества» [Письмо заведующего… 9 октября 1935 г., 2010, с. 461–462].

Судя по документам НКИД, вся организационная работа по созданию Общества была поручена советнику полпредства СССР в Китае П. Г. Саратовцеву. В письме НКИД от 30 августа

1935 г. он сообщает, что с самого начала работы по созданию Общества в Китае «нами соблюдалась крайняя осторожность… чтобы не демонстрировать нашей особой заинтересованности в создании такого общества… я, в частности, категорически отклонил настойчивые приглашения инициаторов Общества войти в состав оргкомиссии» [Письмо советника… 30 августа 1935 г., с. 699]. Далее Саратовцев, реагируя на предыдущее письмо НКИД, сообщает, что вряд ли в Общество могут проникнуть радикальные и оппозиционные элементы, что Общество будет забюрократизировано и закрыто даже для слишком либеральных элементов. «Дело в том, – подчеркивает Саратовцев, – что с самого начала организационной работы аппарат ЦИК ГМД (Гоминьдан – М. Н.) постарался забрать Общество в свои руки; большое количество партийных и государственных чиновников было включено в состав инициативной группы и при выборах так называемой «оргкомиссии» в таковую было включено около половины ее состава работников аппарата ЦИК ГМД» [Письмо советника… 30 августа 1935 г., с. 699]. Оргкомитет, сообщает Саратовцев, принял следующее решение по процедуре вступления в Общество: заполнение специальной анкеты, членские взносы, рекомендации трех членов оргкомиссии или трех действительных членов Общества, при том, что для вступления в Гоминьдан требуются всего две рекомендации. «Вполне представляя себе трудность и деликатность работы с этим достаточно огоминданизированным ВОКСом и необходимость сугубой осторожности во взаимоотношениях с ним, – подчеркивает Саратовцев, – я могу лишь отметить в качестве своеобразного «положительного» факта, что китайское Общество культсвязи с СССР будет работать, по-видимому, в достаточном контакте с руководством ГМД. Активность и успешность его работы, тем самым, видимо, будет находится в зависимости от политического курса ГМД и китайского правительства. Бывших «суньтсеновцев» в составе инициативной группы Общества, в составе оргкомиссии Общества … достаточно много, но все они являются, так сказать, респектабельными людьми и занимают ответственные посты в государственном, партийном и военном аппарате» [Письмо советника… 30 августа 1935 г., с. 700].

В письме НКИД от 9 ноября 1935 г. Саратовцев предпринял попытку дать политическую оценку процессов, происходивших вокруг создания Общества [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., с. 465]. По его мнению, создание Общества отражает тенденцию к культурному сближению с СССР со стороны китайской интеллигенции, а также «свидетельствует о несомненном и значительном переломе в отношении к СССР со стороны руководящей верхушки национального правительства и ЦИК Гоминьдана. Без этого перелома организационное оформление культурной связи между СССР и Китаем, как одной из форм общего сближения между двумя странами, было бы невозможным» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., с. 465]. Далее Саратовцев сообщает, что та роль, которую полпредство в Китае сыграло в организации Общества, полностью соответствовала рекомендациям НКИД: «Со своей стороны, мы лишь использовали как самую тягу к культурному сближению со стороны китайской интеллигенции, так и желание со стороны правительственного и партийного руководства содействовать этому сближению, и путем самого осторожного корректирования направили данный процесс в нужное для нас русло. Никакого форсирования или проявления с нашей стороны какой-либо особой заинтересованности создания КСКО мы абсолютно не допускали и этим, в частности, нужно объяснить тот факт, что организационная работа растянулась на целых пять месяцев» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., 2010, с. 465].

Саратовцев подчеркивает в письме, что всей организационной работой по созданию Общества руководил член ЦИК Гоминьдана (в прошлом генеральный секретарь ЦИК Гоминьдана) Чэнь Лифу, известный своими симпатиями к СССР. Этот китайский политический деятель был согласен возглавить создаваемое Общество, «однако, сами гоминьдановцы, справедливо опасаясь чересчур пристального внимания японцев к этому слишком афишированному альянсу между КСКО и ЦИК Гоминьдана, сняли кандидатуру Чэнь Лифу и согласились на кандидатуру Сунь Фо» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., 2010, с. 465]. По мнению Саратовцева, Сунь Фо, сын Сунь Ятсена, является не менее яркой фигурой в политической жизни Китая. «В целом, – заключает Саратовцев, – президиум КСКО является весьма интересным в смысле представительства самых разнообразных кругов китайской общественности: здесь и партийная интеллигенция, и представители высшей группы государственного чиновничества, и представители интеллигенции беспартийной. Список членов президиума был согласован Сунь Фо лично с Чэнь Лифу и, конечно, никаких особенно левых элементов в нем нет, если не говорить о том, что вся группа гоминьдановцев является по своим воззрениям левой (просоветской)

фракцией Гоминьдана» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., 2010, с. 466].

Письмо Саратовцева содержит два вопроса к вышестоящему руководству СССР. Первый из них касался софинансирования деятельности Общества по примеру аналогичных структур, созданных в Китае с другими государствами (китайско-английское, китайско-польское общества) и речь шла о 100 золотых рублях в месяц, что было бы «вполне достаточной помощью в добавление к дотации кит. правительства» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., 2010, с. 466]. Второй вопрос заключался в желательности или нежелательстве для советского руководства издания Обществом собственного журнала, посвященного проблемам культурного строительства в СССР. Саратовцев сообщает, что в ЦИК Гоминьдана обсуждается вопрос о передаче Обществу одного из двух издаваемых в Китае политико-экономических журналов («Китай и СССР», «Русское обозрение») с перепрофилированием в журнал, посвященный советскому культурному строительству. «Пока еще, – подчеркивает Саратовцев, – окончательного решения по этому вопросу нет и вполне возможно (в достаточно осторожной форме) воздействовать на него и в положительном и в отрицательном смысле» [Письмо заведующего… 9 ноября 1935 г., 2010, с. 466].

После организационного оформления и начала работы Общества в столице Китая Нанкине неизбежно вставал вопрос о создании его отделений в других крупных города и, прежде всего, в Шанхае. По мнению Саратовцева, «Шанхай, конечно является более важным культурным центром, чем административная столица – Нанкин. В Шанхае имеются все предпосылки для серьезного развития культурной связи между СССР и Китаем» [Письмо заведующего… 22 марта 1936 г., 2010, с. 512]. В письме в ВОКС от 22 марта 1936 г. Саратовцев сообщает о результатах работы по созданию отделения Общества в Шанхае, отмечая, что это было не простым делом, так как «аппарат ЦИК Гоминьдана тщательно предусмотрел все возможности сохранения организационного и идейного контроля над деятельностью Общества» [Письмо заведующего… 22 марта 1936 г., 2010, с. 512]. В феврале 1936 г., заслушав очередное обращение шанхайских членов КСКО об открытии в Шанхае отделения Общества, президиум Общества принял положительное решение и утвердил организационную комиссию под председательством Ли Чжаохуаня – ректора университета коммуникаций, близкого соратника Сунь Фо. 1 марта 1936 г. состоялось организационное собрание шанхайского отделения (70 членов), на котором был утвержден устав отделения и избран постоянный президиум. «Перед шанхайским отделением, – пишет Саратовцев, – нами ставится задача организации вокруг Общества достаточно большого слоя интеллигенции (порядка 2–3 тыс. человек)» [Письмо заведующего… 22 марта 1936 г., 2010, с. 512].

Обращаясь к другим вопросам, связанным с деятельностью Общества, Саратовцев считает решенной проблему финансирования работы президиума Общества, получавшего ежемесячную дотацию в размере около 700 долларов от министерства иностранных дел, министерства финансов Китая, ЦИК Гоминьдана и СССР. По мнению Саратовцева, указанных средств «на необходимые расходы хватает». К тому же, «Общество недавно переехало в специально арендованный домособняк и теперь имеет вполне удобное помещение для работы. В этом же доме будет помещаться библиотека-читальня для членов КСКО и редакция печатного органа Общества» [Письмо заведующего… 22 марта 1936 г., 2010, с. 514]. По согласованию с ЦИК Гоминьдана Общество сделало своим ежемесячным печатным органом бывший гоминьдановский политико-экономический журнал «Китай и СССР», изменив его название – «Культура Китая и СССР».

Руководящая роль советских партийно-государственных органов в развитии советско-китайского культурного сотрудничества наиболее рельефно проявлялась в ходе организации таких мероприятий, как гастроли известных советских и китайских артистов и проведение выставок. Показательными в этом плане являются гастроли в Москве и Ленинграде труппы пекинского театра оперы во главе с Мэй Ланьфаном. Их организацией занимался второй восточный отдел НКИД, а также замнаркома иностранных дел Стомоняков и нарком просвещения Бубнов.

Официальное приглашение труппе Мэй Ланьфана было направлено по дипломатическим каналам через временного поверенного в делах СССР в КР И. И. Спильванека. В сопроводительном письме второй восточный отдел НКИД представил Спильванеку основное содержание официального приглашения: Мэй Ланьфан и его труппа (25–26 человек) являются гостями и СССР берет на себя все расходы по их пребыванию на советской территории; китайская труппа дает 4–5 спектаклей в Москве и 3 в Ленинграде; обслуживание труппы поручено Государственному объединению музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий (ГОМЭЦу), представитель которого бу-

дет встречать китайских артистов во Владивостоке; Мэй Ланьфан и его ближайшие помощники должны получить особое обслуживание, отличное от обслуживания основной труппы, проезд по маршруту Владивосток-Москва Мэй Ланьфана и его ближайших помощников обеспечивается в международном вагоне, проживание в «Метрополе», остальной части труппы – в мягком вагоне, проживание в специальном общежитии ГОМЭЦ для иностранных артистов; спектакли китайской труппы планируется проводить в «Мюзик-холле»; предполагается посещение китайскими артистами ряда советских театров; ВОКС и ГОМЭЦ планируют специальный прием в честь китайских гостей; для организации гастролей создается общественный комитет из представителей НКИД, ГОМЭЦ, советских театральных деятелей, представителей посольства КР в Москве [Письмо М. В. Юшкевича… 17 декабря 1934 г., 2010, с. 365–366].

В докладной записке Стомонякову второй восточный отдел сообщал, что согласно предварительно оговоренным условиям с представителем Мэй Ланьфана в Москве, ГОМЭЦ оплачивает все расходы, связанные с пребыванием китайских артистов в СССР и что «никто из состава труппы не получает никакого гонорара» [Докладная записка… 2 февраля 1935 г., 2010, с. 389]. В докладной записке подчеркивалось особое общественно-политическое значение предстоящей поездки труппы Мэй Ланьфана, в связи с чем предлагалось «придать ей характер известной общественной демонстрации», тем более, что гастроли в СССР одобрило китайское правительство и выделило крупные средства, а «Мэй Ланьфан отказался от поездки как в Европу, так и в Японию, чтобы подчеркнуть, что целью его поездки является только СССР». Докладная записка заканчивалась конкретными предложениями второго восточного отдела по организации гастролей труппы Мэй Ланьфана в СССР: «1. Создать в Москве общественный комитет по приему Мэй Ланьфана в составе тт. Стомонякова, Бубнова, Аросева и посла д-ра Яня, народных артистов Станиславского, Мейерхольда, Таирова, писателя Третьякова и других, по усмотрению ВОКСа. 2. Первый спектакль Мэй Ланьфана сделать закрытым для правительства, дипкорпуса и советской общественности, приглашения на который будут рассылаться ВОКСом. 3. Поручить ВОКСу издание художественной брошюры о китайском театре Мэй Ланьфана, равно как и либретто для спектакля. 4. Поручить ВОКСу по приезду Мэй Ланьфана устроить большой прием в его честь, равно как и организовать прием представителями советского театра. 5. В связи с тем, что Мэй Ланьфан и его труппа не получают никакого гонорара, обязать ГОМЭЦ, по окончанию гастролей, преподнести Мэй Ланьфану и его ближайшим помощникам ценные подарки в память о пребывании в Союзе. Просим Ваших указаний» [Докладная записка… 2 февраля 1935 г., 2010, с. 389].

Судя по документам, предложения второго восточного отдела НКИД по организации гастролей труппы Мэй Ланьфана обсуждались на самом высоком уровне. Получив соответствующие поручения от Литвинова, второй восточный отдел подготовил директивные указания для руководства ВОКС: «I. Создать общественный комитет под председательством китайского посла в СССР д-ра Яня и председателя ВОКС т. Аросева, с участием в этом комитете народных артистов: Станиславского, Мейерхольда, Таирова, советника китайского посольства г. У Наньжу, писателя Третьякова, кинорежиссера Эйзенштейна и других по усмотрению ВОКСа. Участие представителей НКИД, Наркомпроса считать нецелесообразным. II. Народный комиссар не видит необходимости в устройстве, как это было намечено на первом совещании в ВОКСе, закрытого спектакля для правительства, дипкорпуса и советской общественности… III. Не возражать против издания ВОКСом специальной художественной брошюры о китайском театре Мэй Ланьфана, равно как считать необходимым издание либретто для спектаклей. IV. Считать необходимым устройство в ВОКСе большого приема по приезде Мэй Ланьфана в его честь. Также считать возможным организовать прием Мэй Ланьфана представителями советского театра и советской общественности. V. Не возражать против преподношения Мэй Ланьфану и его ближайшим помощникам ценных подарков по окончании гастролей в память пребывания в СССР» [Письмо 2-го Восточного… 9 февраля 1935 г., 2010, с. 392].

На таком же высоком уровне рассматривались вопросы организации гастролей советских артистов в Китае и обучения китайских студентов в вузах СССР. Советское полпредство в Китае, НКИД в лице Стомонякова, реагируя на многочисленные просьбы китайской общественности, выступили с инициативой организации гастролей в Китае сводной труппы советских артистов. По их мнению, «это не только сыграло бы серьезную роль в деле развития наших культурных связей с Китаем, но и имело бы крупное политическое значение» [Письмо заместителя… 11 января 1937 г., 2010, с. 615]. Результатом усилий совет-

ских дипломатов стало специальное постановление Совета народных комиссаров СССР от 9 марта 1937 г.: «Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет: принять предложение тов. Богомолова: 1. О посылке в Китай на гастроли для показа искусства народов СССР (народные песни, танцы, музыка) сборной труппы; расходы на поездку по СССР и на советском пароходе до Шанхая и обратно покрыть из резервного фонда СНК СССР; 2. Об организации в Китае выставки картин видных советских художников; расходы по перевозке картин и организации выставки покрыть за счет резервного фонда СНК СССР» [Постановление СНК СССР…, 2010, с. 631]. Данное постановление СНК слово в слово повторяло принятое днем ранее постановление по этому вопросу Политбюро ЦК ВКП(б) [Выписка из постановления…, 2000, с. 40].

Реакцией на обращения советских и китайских дипломатов об организации обучения студентов из КР в СССР стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 марта 1935 г. В подготовке проекта постановления активное участие принял Литвинов. Он направил проект постановления И. В. Сталину и В. М. Молотову, сопроводив его результатами обсуждения в НКИД в ходе которого «указывалось на трудность устройства помещений, которых не хватает для наших собственных студентов» [Проект постановления…, 2010, с. 631–632]. Представленный Литвиновым проект практически дословно вошел в постановление Политбюро ЦК ВКП(б), которое разрешало прием китайских студентов в советские высшие учебные заведения для обучения «за их собственный счет». Постановление обязывало Комитет высшей школы при СНК СССР организовать в Подмосковье специальное общежитие для студентов из Китая «с таким расчетом, чтобы стоимость пребывания в общежитии с полным содержанием студентов не превышала 100 кит. долларов в месяц на человека» [Постановление ПБ ЦК ВКП(б)…, 2010, с. 631].

Поскольку создание такого общежития представлялось делом будущего, в ходе встречи в Китае Богомолова и секретаря Мировой федерации китайских студентов П. К. Чжу были озвучены условия, на которых китайские студенты могли на тот момент учиться в СССР: через «Интурист», 130 дол. США в месяц. Понимая, что это дорого для китайских студентов, Богомолов предложил более дешевый вариант – если будет собрана группа человек 50, но в этом случае необходимо «заблаговременное предупреждение, по крайней мере за год, чтобы можно было принять меры к организации этого дела» [Выписка из дневника…, 2010, с. 655].

В начале июня 1937 г., за месяц до начала «милитаристско-фашистской» Японией [Манн, 2020, с. 536] широкомасштабной войны против Китая, которая отрицательно повлияла на советско-китайское культурное сотрудничество, НКИД продолжил планирование развития культурных связей с Китаем. В информационном письме Богомолову второй восточный отдел сообщал о приглашении в СССР делегации китайских профессоров, о подготовке к 7 ноября выставки в Китае картин из государственных хранилищ и мастерских художников, о посылке в Китай в конце 1937 г. театральной труппы, о передаче Китаю энциклопедии «Юнлэ дадянь», хранящейся в библиотеке Ленинградского государственного университета [Информационная записка…, 2010, с. 649, 650].

Позитивная оценка деятельности КСКО в предвоенный период была дана секретарем этой организации Чжаном Симанем в интервью газете «Чайна Уикли Ревью». По его словам, КСКО, хотя и не является сильным в финансовом отношении, «морально гораздо сильнее других аналогичных обществ», общество занимается организацией библиотеки книг на русском и китайском языках, ввело показ советских кинофильмов во многих китайских городах, организовало выставку советского графического искусства, дало знания многим китайцам о советской культуре, науке, военном и промышленном строительстве, начало разработку плана укрепления и развития культурного сотрудничества между КР и СССР, наметило план направления молодых людей для обучения в советских вузах [Докладная записка… 27 января 1937 г., 2010, с. 621]. «Одной из целей Китайско-советского культурного общества, – подчеркнул Чжан, – является попытаться максимально помочь нашему народу найти своих действительных друзей, которые могут дать ему моральную и материальную поддержку в борьбе за национальную независимость и за развитие культуры» [Докладная записка… 27 января 1937 г., 2010, с. 622].

В условиях японо-китайской войны 1937–1945 гг. и блокады японцами морского побережья Китая [Новиков, 2024, с. 192–288] советско-китайское культурное сотрудничество было сведено к минимуму: практически прекратились гастроли и выставки, научные обмены, обучение студентов, то есть все, что было связано с переездом значительного количества людей из одной страны в другую. Документы свидетельствуют, что КСКО во главе с Сунь Фо продолжало функционировать и сотрудничать с ВОКС и посоль-

ством СССР в КР, одним из главных направлений их деятельности стало издание переводной китайской литературы в СССР и советской литературы в Китае.

Судя по документам, общее руководство советско-китайским культурным сотрудничеством с советской стороны по-прежнему осуществлялось НКИД. Сохранились записи бесед советника посольства СССР в КР Т.Ф. Скворцова с членом редакционно-издательского комитета КСКО Цао Цзинхуа, состоявшихся в первой половине 1943 г. В январской беседе речь шла об издании в Китае третьего сборника переводных статей о Великой Отечественной войне, попавшего под запрет китайской цензуры из-за рассказа И. Эренбурга «Трубка коммунара». Скворцов сообщает, что не дожидаясь официального запрета на издание, он изменил название статьи Эренбурга и опубликует сборник не от своего имени, как предполагалось ранее, а от имени КСКО. «В настоящее время, – пишет Скворцов, – издание каких бы то ни было книг, написанных без одобрения Гоминьдана запрещено. Поэтому нам придется все работы выпускать от имени КСКО. Оно по новым положениям считается полуправительственным учреждением, а не общественной организацией… поэтому к его изданиям будет меньше придирок. КСКО может издавать даже труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Если будет какая-либо помеха, то руководитель КСКО доктор Сунь Фо всегда сумеет положительно разрешить этот вопрос об издании» [Запись беседы… 25 января 1943 г., 2000, с. 716].

В записи беседы приводится методика работы Гоминьдана с неугодными изданиями, к которым относились прежде всего работы, содержавшие вопросы классовой борьбы. Как пишет Скворцов, «первым из этих методов является запрещение изданий новых книг… вторым методом является изъятие уже изданных книг… например, в последнее время запрещена продажа книги Серафимовича «Железный поток»… третьим методом является ограничение продажи издаваемых книг районом Чунцина. Это ограничение применяется в отношении большинства переводных книг о СССР». В заключение Скворцов подчеркивает, что на тот момент (январь 1943 г.) в Китае пока сохраняется достаточно благоприятная обстановка для издания советских переводных книг и надо использовать момент для интенсификации усилий на этом направлении, так как ситуация меняется, ожидается охлаждение отношений между Гоминьданом и Коммунистической партии Китая [Запись беседы… 25 января 1943 г., 2000, с. 716].

Следующая беседа Скворцова и Цао Цзинхуа датируется февралем 1943 г. Она произошла после разгрома гоминьдановцами штабной колонны Новой 4-й армии КПК. Цао рассказал, что в этой новой ситуации «гоминьдановскими властями создаются такие условия, при которых издательства отказываются от печатания книг, идущих от имени СССР» [Запись беседы… 9 февраля 1943 г., 2000, с. 728]. Цао также сообщил, что гоминьдановцы усилили репрессии против издательств и магазинов левой ориентации, так книги левого издательства «Шэнхо шудянь» при попытке вывоза за пределы Чунцина конфискуются, «а лицо, пытающееся вывезти книгу, выпущенную этим издательством, направляется в концентрационный лагерь» [Запись беседы… 9 февраля 1943 г., 2000, с. 728].

В майской беседе Цао известил Скворцова о ситуации с изданием в Китае советской переводной литературы. Он сообщил, что в ближайшее время выйдет перевод труда Станиславского о работе актера над собой, что после 3-месячной задержки цензурой пропущена «Русская повесть» П. Павленко. Что касается, переиздания сборника рассказов советских писателей 1939 г. «Смертельный враг», Цао сказал, что сам изъял из него рассказы Неверова «Андрон Непутевый» и Эренбурга «Трубка коммунара», кроме того, цензура изъяла из сборника 4 рассказа Шолохова – «Смертельный враг», «Пастух», «Нахаленок», «Председатель военного совета одной республики». В заключение беседы Цао подчеркнул, «что притеснение в деле издательства гоминьдановцы начали с запрещения литературы о классовой борьбе, затем перешли к запрещению марксистской литературы, теперь начинают запрещать все, что хорошо говорит о СССР, принимают все шаги к тому, чтобы литература о СССР не выходила: через типографии заявляют об отсутствии бумаги, выставляют завышенные требования о плате за работу и так далее». Цао закончил беседу на оптимистической ноте: «Издадим здесь или нет, но переводим все равно будем» [Запись беседы… 11 мая 1943 г., 2000, с. 749].

В поле зрения советского посольства в Китае находилось не только издание советской переводной литературы, но и издание переводов книг из других стран, в которых присутствовала информация об СССР. В сентябре 1943 г. посол СССР в Китае А.С. Панюшкин в ходе беседы с заместителем министра иностранных дел КР У Гоженем обратил его внимание на то обстоятельство, что «на чунцинском книжном рынке появились две книжки, не благоприятные для СССР» [Запись

беседы… 20 сентября 1943 г., 2000, с. 791]. Панюшкин поблагодарил заместителя министра за оперативное изъятие из продажи враждебной для СССР книжки «Скорбь по погибшей Польше» и попросил У Гоженя принять меры для изъятия и двух новых антисоветских работ. «У Гожень, – говорится в записи беседы, – пытался объяснить появление книжек невозможностью для цензуры прочитывать все выходящие книжки от корки и до корки, особенно книг переводного характера. Он говорил, что в этом случае отсутствует злой умысел со стороны китайских властей. И, в конце концов, заявил, что передаст мою просьбу соответствующим властям для принятия надлежащих мер» [Запись беседы… 20 сентября 1943 г., 2000, с. 791].

В 1943–1944 гг. советско-китайское сотрудничество в сфере издания переводной литературы дополнялось организацией ВОКСом советских фотовыставок в разных городах Китая. В докладной записке 2-го секретаря посольства СССР в КР С. Л. Тихвинского председателю ВОКС В.С. Кеменову приводится подробная информация об организации советской фотовыставки в г. Сиань. В докладной отмечается, что на выставке было представлено 900 отдельных фотографий, распределенных по 5 тематическим разделам: оборона Севастополя, оборона Сталинграда, оборона Ленинграда, советское искусство, зверства и разрушения, творимые фашистами на временно оккупированных советских территориях. По свидетельству Тихвинского, 13 сентября 1944 г. выставку посетили видные правительственные и гоминьдановские чиновники, представители общественности, рабочие, служащие и учащиеся. По его прогнозу за 3 дня работы выставки ее должны были посетить не менее 10 тыс. человек [Докладная записка 2-го секретаря…, 2010, с. 814].

Тихвинский приводит волнующие выдержки из записей в журнале, оставленных посетителями выставки: Красная армия и советский народ совершили исторический подвиг; героическая борьба Советского Союза заложила фундамент победы объединенных наций; самопожертвование и героизм, проявленные Красной армией, должны уважаться всеми народами; слава защитников Сталинграда бессмертна; как много героизма и жертв; история еще не видела таких бедствий и разрушений [Докладная записка 2-го секретаря…, 2010, с. 815].

Докладная Тихвинского завершается выводами и пожеланиями в адрес ВОКС. Он подчеркивал, что «опыт организации фотовыставки ВОКСа в таком провинциальном центре как г. Сиань, где никогда не было никаких официальных советских учреждений и представительств, показывает, что и впредь следует широко практиковать посылку аналогичных выставок на периферию… ВОКСу в Китае следует самому продвигать свои материалы на периферию, доводить их до сведения широких масс китайского общества» [Докладная записка 2-го секретаря…, 2010, с. 816].

Заключение

Документы НКИД свидетельствуют, что в начале 1930-х гг. советское политическое руководство было крайне заинтересовано в развитии сотрудничества с Китайской Республикой, в том числе в области культуры, несмотря на антисоветскую позицию гоминьдановского правительства Чан Кайши, что было связано с попытками сближения с Китаем на основе противостояния агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке. Ввиду важности вопроса с военно-политической точки зрения становление и развитие советско-китайского культурного сотрудничества контролировалось высшим руководством СССР, конкретная работа по контролю была поручена Народному комиссариату иностранных дел СССР, посольству СССР в Китайской Республике, которые действовали через общественные организации, такие как ВОКС и ГОМЭЦ.

Библиографический список

1. Выписка из дневника полпреда СССР в КР Д. В. Богомолова по вопросу о приезде на учебе в СССР студентов из КР. 2 июля 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 655.

2. Выписка из постановления ПБ ВКП(б) по китайской проблеме. 8 марта 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2000. С. 40.

3. Докладная записка 2-го Восточного отдела НКИД СССР заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякову о необходимости указаний центра по программе организации гастролей труппы Мэй Ланьфана в Москве и Ленинграде. 2 февраля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 388–389.

4. Докладная записка советника полпредства СССР в КР П. Саратовцева заведующему 2-м Восточным отделом НКИД СССР Б.Н. Козловскому и председателю ВОКСа А.Я. Аросеву… 27 января 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-

китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 620–622.

5. Докладная записка 2-го секретаря посольства СССР в Китайской Республике С.Л. Тихвинского на имя председателя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей В. С. Кеменова по вопросу об организации ВОКСом фотовыставки в г. Сиань. 13 сентября 1944 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2000. С. 814–816.

6. Записки врид. зав. 2-м Восточным отделом НКИД СССР М.В. Юшкевича, помощника зав.отделом П.Ю. Борового полпреду СССР в КР Д.В. Богомолову об открытии в Москве в залах Исторического музея выставки работ известного китайского живописца Сюй Бэйхуна. 9 мая 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 294–295.

7. Записки врид. зав. 2-м восточным отделом НКИД СССР М. В. Юшкевича и пом. зав. 2-м восточным отделом СССР П.Ю. Борового полпреду Д. В. Богомолову по проблемам создания в КР общества культурной связи с СССР… 24 мая 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 296.

8. Запись беседы советника посольства СССР в Китайской Республике Т.Ф. Скворцова с членом редакционно-издательского комитета китайско-советского культурного общества Цао Цзынхуа об издании советской литературы в Китае. 25 января 1943 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2000. С. 716–717.

9. Запись беседы советника посольства СССР в Китайской Республике Т.Ф. Скворцова с руководителем литературно-художественной секции издательского комитета КСКО профессором Цао Цзынхуа о проблемах в издании русской художественной литературы в Китае. 9 февраля 1943 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2000. С. 728.

10. Запись беседы советника посольств в Китайской Республике Т.Ф. Скворцова с председателем литературно-художественной секции Издательского Комитета китайско-советского культурного общества Цао Цзынхуа. 11 мая 1943 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн.1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2000. С. 749–750.

11. Запись беседы посла СССР в Китайской Республике А.С. Панюшкина с заместителем министра иностранных дел в Китайской Республике У Гожэнем об издании недружественной СССР литературы в Китае… 20 сентября 1943 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4: Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн.1: 1937-1944 гг. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2000. С. 791, 792.

12. Интервью наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова по поводу восстановления дипломатических отношений между СССР и Китаем. 12 декабря 1932 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 129–130.

13. Информационная записка руководства 2-м Восточным НКИД СССР полпреду в КР Д.В. Богомолову о планах по развитию советско-китайских культурных связей. 3-5 июня 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 649–650.

14. Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т.3: Глобальные империи и революции, 1890-1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. 2-е изд. Москва : Дело, РАНХиГС, 2020. 696 с.

15. Новиков М. В. СССР в борьбе с фашизмом: Советская помощь Испанской Республике (1936–1939 гг.) и Китайской Республике (1937–1945 гг.) : монография / под науч. ред. А. В. Лубкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 192–288.

16. Письмо Генерального секретаря ВОКС М. Аплетина в НКИД СССР М.В. Юшкевичу об организации в Москве выставки китайского изобразительного искусства. 8 февраля 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 266–267.

17. Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольникова народному комиссару просвещения А.С. Бубнову по вопросу организации в Москве выставки китайского изобразительного искусства. 19 марта 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 281.

18. Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякова председателю ВОКСа А.Я. Аросеву о предложениях китайского художника Сюй Бэйхуна об организации обмена художественными выставками и обучении в СССР музыке детей из Китая. 13 июня 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX

веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 301–302.

19. Письмо М. В. Юшкевича поверенному в делах СССР в КР И. И. Спильванеку об организации в СССР гастролей театральной группы Мэй Ланьфана. 17 декабря 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 365–366.

20. Письмо 2-го Восточного отдела НКИД СССР заместителю председателя ВОКС Кулябко об организации гастролей в СССР труппы Мэй Ланьфан. 9 февраля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 392.

21. Письмо председателя ВОКС А. Я. Аросева уполномоченному ВОКС в Китае, заведующему Отделом печати полпредства СССР в КР П. Г. Саратовцеву о проектируемой выставке советской графики в Китае осенью 1935 г. 29 апреля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 424–425.

22. Письмо руководства 2-м Восточным отделом НКИД СССР полпреду СССР в КР Д. В. Богомолову по вопросам, связанным с организацией в Китае Общества культурной связи с СССР. 28 июля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 700–701.

23. Письмо советника полпредства СССР в КР П. Г. Саратовцева во-2-й Восточный отдел НКИД СССР об организации в Китае Общества культурной связи с СССР. 30 августа 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 699–700.

24. Письмо заведующего 2-м Восточным отделом НКИД СССР Б.И. Козловского советнику полпредства СССР в КР П. Г. Саратовцеву по вопросам организации Общества культурной связи с СССР. 9 октября 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 461–462.

25. Письмо заведующего отделом печати полпредства СССР в КР П.Г. Саратовцева заведующему 2-м Восточным отделом НКИД СССР Б.И. Козловскому о завершении организационной работы по созданию Китайско-советского культурного общества. 9 ноября 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 465–466.

26. Письмо заведующего отделом печати полпредства СССР в КР П.Г. Саратовцева в восточный отдел ВОКС об организации отделения китайско-советского культурного общества (КСКО) в Шанхае, об органе КСКО в журнале «Китай и СССР», об организации выставки по вопросам народного образования в СССР, другим вопросам деятельности отделения КСКО. 22 марта 1936 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 512–514.

27. Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякова начальнику Главного управления по делам искусств Керженцеву о направлении группы артистов в Китай. 11 января 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 615.

28. Постановление СНК СССР №377-78сс о развитии советско-китайских культурных связей. 9 марта 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 631.

29. Постановление ПБ ЦК ВКП(б) о приеме в высшие учебные заведения СССР студентов из Китая. 9 марта 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 631.

30. Проект постановления ПБ ЦК ВКП(б) о ежегодном приеме в высшие учебные заведения СССР студентов из Китая. 10 марта 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 631, 632.

Reference list

1. Vypiska iz dnevnika polpreda SSSR v KR D. V. Bogomolova po voprosu o priezde na uchebe v SSSR studentov iz KR. 2 ijulja 1937 g. = Extract from the diary of the USSR Plenipotentiary Envoy to the SR D.V. Bogomolov on the issue of students from the SR coming to study in the USSR// Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 655.

2. Vypiska iz postanovlenija PB VKP(b) po kitajskoj probleme. 8 marta 1937 g. = Extract from the resolution of the Political Bureau of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the Chinese problem. March 8, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937–1945 gg. Kn.1: 1937–1944 gg. / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 40.

3. Dokladnaja zapiska 2-go Vostochnogo otdela NKID SSSR zamestitelju narkoma inostrannyh del SSSR B.S. Stomonjakovu o neobhodimosti ukazanij centra po programme organizacii gastrolej truppy Mjej Lan'fana v Moskve i Leningrade. 2 fevralja 1935 g. = Report from the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID) to Deputy Commissar for Foreign Affairs of the USSR B.S. Stomonyakov on the need for instructions from the center on the program for organizing tours of the Mei Lanfang troupe in Moscow and Leningrad. February 2, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 388–389.

4. Dokladnaja zapiska sovetnika polpredstva SSSR v KR P. Saratovceva zavedujushhemu 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR B.N. Kozlovskomu i predsedatelju VOKSa A.Ja. Arosevu… 27 janvarja 1937 g. = Report of P. Saratovtsev, Advisor of the USSR Plenipotentiary Mission in the KR, to B.N. Kozlovsky, Head of the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID), and A.Y. Arosev, Chairman of the ASCR... January 27, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 620–622.

5. Dokladnaja zapiska 2-go sekretarja posol'stva SSSR v Kitajskoj Respublike S.L. Tihvinskogo na imja predsedatelja Vsesojuznogo obshhestva kul'turnyh svjazej s zagranicej V. S. Kemenova po voprosu ob organizacii VOKSom fotovystavki v g. Sian'. 13 sentjabrja 1944 g. = Report from the 2nd Secretary of the USSR Embassy in the Republic of China S.L. Tikhvinsky to the Chairman of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries V.S. Kemenov on the organization of a photo exhibition in Xi'an by the ASCR. September 13, 1944 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937–1945 gg. Kn.1: 1937–1944 gg. / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 814–816.

6. Zapiski vrid. zav. 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR M.V. Jushkevicha, pomoshhnika zav.otdelom P.Ju. Borovogo polpredu SSSR v KR D.V. Bogomolovu ob otkrytii v Moskve v zalah Istoricheskogo muzeja vystavki rabot izvestnogo kitajskogo zhivopisca Sjuj Bjejhuna. 9 maja 1934 g. = Memo from M.V. Yushkevich, deputy head of the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs, and P.Y. Borovoy, assistant to the head of the department, to D.V. Bogomolov, USSR envoy to the Chinese Republic, on the opening of an exhibition of works by the famous Chinese painter Xu Beihong in the Moscow Historical Museum. May 9, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 294–295.

7. Zapiski vrid. zav. 2-m vostochnym otdelom NKID SSSR M. V. Jushkevicha i pom. zav. 2-m vostochnym otdelom SSSR P.Ju. Borovogo polpredu D. V. Bogomolovu po problemam sozdanija v KR obshhestva kul'turnoj svjazi s SSSR… 24 maja 1934 g. = Notes by M.V. Yushkevich, deputy head of the 2nd Eastern Department of the USSR NKID, and P.Y. Borovoy, deputy head of the 2nd Eastern Department of the USSR, to Ambassador D.V. Bogomolov on the problems of setting up a society for cultural relations with the USSR in the CR... May 24, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 296.

8. Zapis' besedy sovetnika posol'stva SSSR v Kitajskoj Respublike T.F. Skvorcova s chlenom redakcionno-izdatel'skogo komiteta kitajsko-sovetskogo kul'turnogo obshhestva Cao Czynhua ob izdanii sovetskoj literatury v Kitae. 25 janvarja 1943 g. = Transcript of a conversation between T.F. Skvortsov, Counselor of the USSR Embassy in the Republic of China, and Cao Zinghua, member of the editorial and publishing committee of the Chinese-Soviet Cultural Society, about the publication of Soviet literature in China. January 25, 1943 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937–1945 gg. Kn.1: 1937–1944 gg. / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 716–717.

9. Zapis' besedy sovetnika posol'stva SSSR v Kitajskoj Respublike T.F. Skvorcova s rukovoditelem literaturno-hudozhestvennoj sekcii izdatel'skogo komiteta KSKO professorom Cao Czynhua o problemah v izdanii russkoj hudozhestvennoj literatury v Kitae. 9 fevralja 1943 g. = Transcript of a conversation between T.F. Skvortsov, Counselor of the USSR Embassy in the Republic of China, and Professor Cao Zinghua, Head of the Literary and Artistic Section of the Publishing Committee of the CSCO, about problems in publishing Russian fiction in China. February 9, 1943 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937–1945 gg. Kn.1: 1937–1944 gg. / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 728.

10. Zapis' besedy sovetnika posol'stv v Kitajskoj Respublike T.F. Skvorcova s predsedatelem literaturno-hudozhestvennoj sekcii Izdatel'skogo Komiteta kitajsko-sovetskogo kul'turnogo obshhestva Cao Czynhua. 11 maja 1943 g. = Transcript of a conversation between T.F. Skvortsov, Counselor of Embassies in the Republic of China, and Cao Zinghua, Chairman of the Literary Section of the Publishing Committee at the Chinese-Soviet Cultural Society. May 11, 1943 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937–1945 gg. Kn.1: 1937–1944 gg. / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 749– 750.

11. Zapis' besedy posla SSSR v Kitajskoj Respublike A.S. Panjushkina s zamestitelem ministra inostrannyh del v Kitajskoj Respublike U Gozhjenem ob izdanii nedruzhestvennoj SSSR literatury v Kitae… 20 sentjabrja 1943 g. = Transcript of a conversation between the USSR Ambassador to the Republic of China A.S. Panyushkin and the Deputy Minister of Foreign Affairs of the Republic of China Wu Guozhen about the publication of literature in China

unfriendly to the USSR... September 20, 1943 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. 4: Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1937-1945 gg. Kn.1: 1937-1944 gg. / Otv. red. S.L. Tihvinskij. Moskva: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. S. 791, 792.

12. Interv'ju narkoma inostrannyh del SSSR M.M. Litvinova po povodu vosstanovlenija diplomaticheskih otnoshenij mezhdu SSSR i Kitaem. 12 dekabrja 1932 g. = An interview with Soviet Foreign Affairs Commissar M.M. Litvinov on restoring diplomatic relations between the USSR and China. December 12, 1932 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 129–130.

13. Informacionnaja zapiska rukovodstva 2-m Vostochnym NKID SSSR polpredu v KR D.V. Bogomolovu o planah po razvitiju sovetsko-kitajskih kul'turnyh svjazej. 3-5 ijunja 1937 g. = Information notes from the head of the 2nd Eastern NKID of the USSR to the Plenipotentiary Envoy to the Kyrgyz Republic D.V. Bogomolov on plans to develop Soviet-Chinese cultural ties. June 3-5, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 649–650.

14. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: V 4 t. T.3: Global'nye imperii i revoljucii, 1890-1945 gody = Sources of social power: In 4 vols. Vol. 3: Global empires and revolutions, 1890-1945 / per. s angl. D. Ju. Karaseva; pod nauch. red. S. Moiseeva. 2-e izd. Moskva : Delo, RANHiGS, 2020. 696 s.

15. Novikov M. V. SSSR v bor'be s fashizmom: Sovetskaja pomoshh' Ispanskoj Respublike (1936–1939 gg.) i Kitajskoj Respublike (1937–1945 gg.) = The USSR in the struggle against fascism: Soviet assistance to the Spanish Republic (1936-1939) and the Republic of China (1937-1945) : monografija / pod nauch. red. A. V. Lubkova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. S. 192–288.

16. Pis'mo General'nogo sekretarja VOKS M. Apletina v NKID SSSR M.V. Jushkevichu ob organizacii v Moskve vystavki kitajskogo izobrazitel'nogo iskusstva. 8 fevralja 1934 g. = Letter from M. Apletin, General Secretary of the All-Union Society for Cultural Relations of the NKID USSR, to M.V. Yushkevich, on organizing an exhibition of Chinese fine art in Moscow. February 8, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 266–267.

17. Pis'mo zamestitelja narkoma inostrannyh del SSSR G.Ja. Sokol'nikova narodnomu komissaru prosveshhenija A.S. Bubnovu po voprosu organizacii v Moskve vystavki kitajskogo izobrazitel'nogo iskusstva. 19 marta 1934 g. = Letter from Deputy People's Commissar of the USSR Foreign Affairs G.Y. Sokolnikov to People's Commissar of Education A.S. Bubnov on organizing an exhibition of Chinese fine art in Moscow. March 19, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 281.

18. Pis'mo zamestitelja narkoma inostrannyh del SSSR B.S. Stomonjakova predsedatelju VOKSa A.Ja. Arosevu o predlozhenijah kitajskogo hudozhnika Sjuj Bjejhuna ob organizacii obmena hudozhestvennymi vystavkami i obuchenii v SSSR muzyke detej iz Kitaja. 13 ijunja 1934 g. = Letter from Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR B.S. Stomonyakov to the chairman of the ASCR A.Y. Arosev about the proposals of the Chinese artist Xu Beihong to organize an exchange of art exhibitions and to teach music to children from China in the USSR. June 13, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 301–302.

19. Pis'mo M. V. Jushkevicha poverennomu v delah SSSR v KR I. I. Spil'vaneku ob organizacii v SSSR gastrolej teatral'noj gruppy Mjej Lan'fana. 17 dekabrja 1934 g. = Letter from M. V. Yushkevich to the Charge d'Affaires of the USSR in the Republic of China I. I. Spilvanek on organizing a tour of the Mei Lanfang theater group in the USSR. December 17, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 365–366.

20. Pis'mo 2-go Vostochnogo otdela NKID SSSR zamestitelju predsedatelja VOKS Kuljabko ob organizacii gastrolej v SSSR truppy Mjej Lan'fan. 9 fevralja 1935 g. = Letter from the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs to the deputy chairman of the All-Union Society for Cultural Relations Kuliabko on organizing a tour of the Mei Lanfang troupe in the USSR. February 9, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 392.

21. Pis'mo predsedatelja VOKS A. Ja. Aroseva upolnomochennomu VOKS v Kitae, zavedujushhemu Otdelom pechati polpredstva SSSR v KR P. G. Saratovcevu o proektiruemoj vystavke sovetskoj grafiki v Kitae osen'ju 1935 g. 29 aprelja 1935 g. = Letter from A. Y. Arosev, Chairman of the All-Union Exhibition Committee, to P. G. Saratovtsev, Commissioner of the ASCR in China, Head of the press department of the USSR Embassy in the Kyrgyz Republic, about the forthcoming exhibition of Soviet graphics in China in the autumn of 1935. April 29, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 424–425.

22. Pis'mo rukovodstva 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR polpredu SSSR v KR D. V. Bogomolovu po voprosam, svjazannym s organizaciej v Kitae Obshhestva kul'turnoj svjazi s SSSR. 28 ijulja 1935 g. = Letter from the management of the 2nd Eastern department of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs to the USSR ambassador to the CR D. V. Bogomolov on issues related

to the organization of the Society for Cultural Relations with the USSR in China. July 28, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 700–701.

23. Pis'mo sovetnika polpredstva SSSR v KR P. G. Saratovceva vo-2-j Vostochnyj otdel NKID SSSR ob organizacii v Kitae Obshhestva kul'turnoj svjazi s SSSR. 30 avgusta 1935 g. = Letter from P.G. Saratovtsev, adviser to the USSR Plenipotentiary in the CR, to the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs on organizing the Society for Cultural Relations with the USSR in China. August 30, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S.L. Tihvinskij. Moskva: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 699–700.

24. Pis'mo zavedujushhego 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR B.I. Kozlovskogo sovetniku polpredstva SSSR v KR P. G. Saratovcevu po voprosam organizacii Obshhestva kul'turnoj svjazi s SSSR. 9 oktjabrja 1935 g. = Letter from B.I. Kozlovsky, Head of the 2nd Eastern department of the USSR NKID, to P.G. Saratovtsev, Counsellor of the USSR Plenipotentiary Mission in the CR, regarding the organization of the Society for Cultural Relations with the USSR. October 9, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 461–462.

25. Pis'mo zavedujushhego otdelom pechati polpredstva SSSR v KR P.G. Saratovceva zavedujushhemu 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR B.I. Kozlovskomu o zavershenii organizacionnoj raboty po sozdaniju Kitajsko-sovetskogo kul'turnogo obshhestva. 9 nojabrja 1935 g. = Letter from P.G. Saratovtsev, Head of the Press department of the USSR Embassy in the CR, to B.I. Kozlovsky, Head of the 2nd Eastern department of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs, on completing organizational work on establishing the Chinese-Soviet Cultural Society. November 9, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 465–466.

26. Pis'mo zavedujushhego otdelom pechati polpredstva SSSR v KR P.G. Saratovceva v vostochnyj otdel VOKS ob organizacii otdelenija kitajsko-sovetskogo kul'turnogo obshhestva (KSKO) v Shanhae, ob organe KSKO v zhurnale «Kitaj i SSSR», ob organizacii vystavki po voprosam narodnogo obrazovanija v SSSR, drugim voprosam dejatel'nosti otdelenija KSKO. 22 marta 1936 g. = Letter from P.G. Saratovtsev, head of the Press Department of the USSR Embassy in the CR, to the eastern department of the EACS about the organization of the Chinese-Soviet Cultural Society (CSCS) branch in Shanghai, about the CSCS organ in the magazine «China and the USSR», about organizing an exhibition on public education in the USSR, and other issues related to the activities of the CSCS branch. March 22, 1936 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 512–514.

27. Pis'mo zamestitelja narkoma inostrannyh del SSSR B.S. Stomonjakova nachal'niku Glavnogo upravlenija po delam iskusstv Kerzhencevu o napravlenii gruppy artistov v Kitaj. 11 janvarja 1937 g. = Letter from Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR B.S. Stomonyakov to the head of the Main Directorate for the Arts Kerzhentsev on sending a group of artists to China. January 11, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 615.

28. Postanovlenie SNK SSSR №377-78ss o razvitii sovetsko-kitajskih kul'turnyh svjazej. 9 marta 1937 g. = Decree of the USSR Council of People's Commissars No. 377-78cc on the development of Soviet-Chinese cultural relations. March 9, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 631.

29. Postanovlenie PB CK VKP(b) o prieme v vysshie uchebnye zavedenija SSSR studentov iz Kitaja. 9 marta 1937 g. = Decree of the PB of the Central Committee of the AUCP(b) on the admission of students from China to higher educational institutions of the USSR. March 9, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 631.

30. Proekt postanovlenija PB CK VKP(b) o ezhegodnom prieme v vysshie uchebnye zavedenija SSSR studentov iz Kitaja. 10 marta 1937 g. = Draft resolution of the PB of the Central Committee of the AUCP(b) on annual admission of students from China to higher educational institutions of the USSR. March 10, 1937 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2010. S. 631, 632.

Статья поступила в редакцию 22.12.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 22.12.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 81'347.78.034
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-224
EDN: SISGZA

Паратекст в межкультурном диалоге (на материале перевода романа Цао Сюэ-цинь «Сон в красном тереме»)

Ли Юйхань
Доктор филологических наук, факультет русского языка Института иностранных языков, Центрально-Китайский педагогический университет. 430079, г. Ухань, район Хуншань, ул. Лоюй, д. 152
liyuhan1995@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-9139-6707

Аннотация. Статья посвящена компонентам и функциям паратекста в переводе на русский язык романа «Сон в красном тереме» 1995-го года издания с использованием теории паратекста. Цель исследования заключается в анализе того, является ли паратекст важным фактором успешного перевода и распространения. Теоретическая значимость работы состоит в использовании паратекста в качестве важной перспективы для исследования художественного перевода и расширения масштабов переводческих исследований в области «хунсюэ». Практическая ценность заключается в том, что паратекст не только помогает читателям получить более полное и глубокое представление о «Сне в красном тереме», но и предоставляет справочный материал для будущей практики перевода и пути распространения классической китайской литературы и традиционной китайской культуры.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы: богатые паратекстуальные элементы в переводе на русский язык «Сна в красном тереме» способствуют принятию и распространению этого перевода. Два предисловия хотя и кратки, но довольно полно излагают основной сюжет, главную идею, художественные характеристики и важное влияние романа, а также полностью признают большой вклад переводчика В. А. Панасюка в перевод романа, который смог предоставить читателям эстетический «горизонт ожиданий» посредством собственной интерпретации. По сравнению с предисловиями, оба послесловия не повторяют объективные факты, связанные с романом, а делятся своим собственным чувством и пониманием содержания романа, идейными и художественными ценностями его стихов, которые с предисловиями взаимно дополняют друг друга и перекликаются. Примечания могут в определенной степени способствовать повышению ценности смысла и глубокому пониманию основного текста, а также уменьшить нагрузку при чтении. Иллюстрации также интерпретируют визуально основной текст благодаря своей богатой эстетической ценности, играя при этом незаменимую роль в распространении и освещении перевода.

Ключевые слова: «Сон в красном тереме»; паратекст; перевод и распространение; компоненты паратекста; функции паратекста; предисловие; послесловие; примечание; иллюстрация

Для цитирования: Ли Юйхань Паратекст в межкультурном диалоге (на материале перевода романа Цао Сюэ-цинь «Сон в красном тереме») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 224–233. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-224. https://elibrary.ru/SISGZA

Original article

Paratext in intercultural dialogue (based on the translated novel «Dream of the red chamber» by Cao Xue-qin)

Li Yuhan
Doctor of philological sciences, department of the russian language, Institute of foreign languages, Central China normal university. 430079, Wuhan city, Hongshan district, Luoyu str., 152
liyuhan1995@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-9139-6707

Abstract. This article uses the theory of paratext to explore the types and functions of paratext information in the 1995 Russian translation of the novel Dream of the Red Chamber. The purpose of this study is to analyze whether the paratext is an important factor for the successful translation and distribution of books. The theoretical significance of the paper lies in taking paratext as an important perspective for studying literary translation, and expanding the scope of translation research in the field of «hongxue». The practical significance is that the paratext not only helps readers get a

© Ли Юйхань, 2025

more comprehensive and in-depth understanding of Dream of the Red Chamber, but also provides reference material for future translations and the way to promote classical chinese literature and traditional chinese culture.

The conducted analysis has led to the following conclusions: the rich paratextual elements in the russian translation of Dream of the Red Chamber contribute to accepting and spreading this translation. The two prefaces, although brief, are quite comprehensive in outlining the basic plot, the main idea, literary features and the important impact of the novel. They also fully recognize the great contribution made by the novel's translator V. A. Panasiuk who was able to provide the readers with an aesthetic «horizon of expectations» through his own interpretation. Compared to the prefaces, the two afterwords do not elaborate on the objective facts related to the novel, but share their own feelings and understanding of the novel's content, ideological connotations and literary values of its poems, which echo and complement the prefaces. The translator's notes can, to a certain extent, add valuable meaning and deep understanding to the main text, and make it less difficult to read. The illustrations also interpret visually the main text through their rich aesthetic value, while playing an indispensable role in promoting and highlighting the translation.

Key words: Dream of the Red Chamber; paratext; translation and promoting; components of paratext; functions of paratext; preface; afterword; annotation; illustration

For citation: Li Yuhan Paratext in intercultural dialogue (based on the translated novel «Dream of the red chamber» by Cao Xue-qin). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):224–233. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-224. https://elibrary.ru/SISGZA

Введение

Роман Цао Сюэциня 曹雪芹 (1715–1763) «Сон в красном тереме» (Хунлоумэн 红楼梦, другое название – «Записки о камне», Шитоу цзи 石头记) является жемчужиной китайской классической прозы, а также признается вершиной китайской классической литературы и одной из высочайших вершин мировой литературы в целом. В этом всеобъемлющем и энциклопедическом романе Цао Сюэциня на фоне экономического упадка и духовного вырождения феодальной аристократии показана судьба трех поколений китайской аристократической семьи – от ее возвышения до трагического финала. Автор сумел на фоне жизни китайского общества XVIII века создать замечательные образы, отличающиеся тонкостью психологического и душевного анализа, глубинностью и меткостью характеристик, сложностью взаимоотношений и поступков.

Уже в начале XIX в. «Сон в красном тереме» был переведен и распространен за рубежом, к настоящему времени роман переведен на 34 языка. История перевода и распространения романа «Сон в красном тереме» в России насчитывает около 200 лет и может быть разделена на три исторических этапа. Первый этап – царский период, в 1843 году А. И. Кованько перевел первую половину первой главы романа. Второй этап – советский период, в 1958 году вышел перевод романа на русский язык В. А. Панасюка, переводчиком стихов стал Л. Н. Меньшиков. Третий этап – российский период после распада СССР, в 1995 году был опубликован повторный перевод романа «Сон в красном тереме» В. А. Панасюка, переводчик основной части остался прежним, но стихи перевел И. С. Голубев. По сравнению с русским переводом 1958 г. издание 1995 г. содержит множество дополнений, в том числе 653 послетекстовых примечания, 12 иллюстраций персонажей в конце каждого тома, предисловия перед текстом, а также два исследовательских послесловия в конце книги.

Теория исследования

Паратекст (от фр. paratexte) – это околотекстовое окружение, совокупность компонентов, сопровождающих литературное произведение, термин, предложенный известным французским литературоведом Жераром Женеттом, который «позволяет тексту стать книгой и быть предложенным в таковом качестве своим читателям и, в более общем смысле, широкой публике» [Genette, 1997, p. 1]. В общем паратекст является структурной частью произведения, «направленной на установление связи между издателем и читателем с целью передачи информации последнему» [Чернигова, 2006, с. 31].

Из приведенных выше понятий видно, что подтекст – это сопутствующая форма основного текста, которая оказывает на него усиливающее, расширяющее и раскрывающее воздействие. Прежде чем читатель прочитает переводное произведение, первое, с чем он соприкасается, – это информация паратекста. Оформление паратекста играет важную роль в процессе интерпретации перевода, что свидетельствует о том, что паратекст следует рассматривать как ключевой фактор конечного перевода в переводоведении [Ge Bai, 2018].

Взаимосвязь между паратекстом и переводом очень тесна, и многие ученые всесторонне и глубоко обсуждали этот вопрос. Тео Херманс и Урпо Ковала впервые использовали концепцию пара-

текста в переводческих исследованиях в 1996 г., и с тех пор исследование перевода, связанное с паратекстом, постепенно начало входить в поле зрения ученых [Kathryn, 2018, p. 25]. В настоящее время существует два основных направления переводческих исследований паратекстов: первый заключается в том, чтобы сосредоточиться на определенном типе паратекстов, таких как примечания, предисловия, послесловия и т. д., и проанализировать содержащиеся отношение переводчика и концепции перевода в нем. Среди них наиболее рассмотрена роль примечания в переводе. Второй – анализ роли и функции паратекста в конкретном переводе на основе теории паратекста. Интертекстуальность паратекстов способна растворить кросс-культурную «чуждость» и помочь получить представление о макросоциальной культуре.

В настоящее время наблюдается возрастающий интерес к изучению паратекста вместе с широко понимаемым экстралингвистическим контекстом. Особое внимание уделяется также функциональной значимости паратекстов автора и переводчика для успешности рецепции произведения [Jolanta, Кадиша, 2021, p. 110]. Итак, переводчики могут в полной мере использовать различные способы паратекста для достижения своих целей перевода, который «придает переводу завершенность, способствует его более глубокому прочтению» [Чернигова, 2006, с. 4]. Ввиду этого, на основе теории паратекста анализируются его элементы в переводе на русский язык «Сна в красном тереме» – такая перспектива относительно новая. Мало китайских и российских ученых применяли теорию паратекста к русскому переводу данного романа, большинство из них рассматривали слова, стихи или конкретное культурное явление в основном тексте. Существует в переводе на русский язык 1995-го года издания «Сна в красном тереме» огромное количество паратекстуальной информации: ознакомительные предисловия, аналитические послесловия, пояснительные примечания и вспомогательные иллюстрации и т. д., которые не являются непреднамеренными, а нарочно обдуманным действием издателей, переводчиков и ученых, направленным на достижение определенной цели. Им необходимо разумно использовать паратекстовую информацию для компенсации смысловой невидимости, вызванной преобразованием языка, и в то же время контролировать масштаб информационной компенсации, то есть добавлять необходимую дополнительную информацию, но не перегружать читателя.

Таким образом, в данной статье используется теория паратекста, чтобы обобщить компоненты паратекста в переводе на русский язык «Сна в красном тереме», а затем проанализировать их функции и значения с целью расширения масштабов переводческих исследований в области «хунсюэ» (дословно «красноведение», то есть самостоятельный раздел литературоведения, отдельная отрасль науки, изучающая классический китайский роман «Сон в красном тереме») и предоставления справочного материала для будущей практики перевода или исследований теории китайской классики.

Компоненты паратекста

В зависимости от расстояния между паратекстуальными элементами и основным текстом, Женетт разделил паратекст на две категории: перитекст и эпитекст. Перитекстом Женетт называет такие элементы, как название и подзаголовок произведения, заголовки глав, предисловие, примечания и т. п. – то есть то, что в некотором смысле можно найти «внутри» текста. Эпитекст же больше соотносится с «внешним» по отношению к тексту: интервью с автором, рекламные объявления, рецензии критиков и т. п. [Колотов, 2011, с. 37].

Данная статья посвящена исследованию и анализу предисловий, послесловий, примечаний и иллюстраций, которые занимают главное место в паратексте «Сон в красном тереме» 1995-го года издания Панасюка и тесно связаны с основным текстом перевода, так как эти четыре паратекстовых компонента имеют наиболее тесную связь с основным текстом и наилучшим образом иллюстрируют эффективность паратекста. Вместе с основным текстом паратекстовые компоненты составляют целое, характеризующееся единой структурной и семантической организацией и общим целевым назначением, которому подчинены частные цели единиц паратекста [Олизько, 2009, с. 19].

Предисловие

Для любого произведения предисловие – это самая прямая площадка для разговора с читателями. Поэтому предисловие к переводу также считается «важнейшим пояснительным документом к основному тексту в паратексте, и представляет собой наиболее полную интерпретацию внутренних и внешних аспектов произведения» [Цзинь Хунюй и др., 2014, с. 21]. Предисловие к переводному произведению разделено на два типа: пре-

дисловие самого переводчика и предисловие уполномоченной третьей стороны (другого лица или издателя). Основное содержание этих двух типов примерно одинаковое, в основном это введение в основное содержание книги и предысторию написания, но акцент немного отличается. В предисловии переводчика в основном излагается процесс перевода: мотивация, цели, принципы, стратегии и приемы и т. д. А в предисловии третьей стороны внимание, как правило, сосредоточено на значении и ценности произведения, чтобы стимулировать интерес читателей к чтению и способствовать распространению и признанию перевода. Предисловия в переводе на русский язык «Сна в красном тереме», вышедшем в 1995 году, соответственно выполнены издательством и известным китайским переводчиком Гао Ман по заказу издательства.

Перевод на русский язык 1995-го года издания «Сна в красном тереме» – это перевод классической книги, выпущенный Российским издательством «Художественная литература» совместно с Научно-издательским центром «Ладомир». Являясь одним из старейших и известнейших издательств мира, «Художественная литература» уделяет большое внимание зарубежной классической литературе, в связи с чем разработало библиографическую программу «Библиотека всемирной литературы (200-томная серия книг)», которая стала достоянием всего литературного мира. Хотя история Научно-издательского центра «Ладомир» гораздо менее продолжительна, чем у издательства «Художественная литература», но как одно из главных научных издательств России, он специально отвечает за публикацию всех книг, относящихся к области гуманитарных наук. У двух издательств одна и та же миссия в издательском деле, и вместо того, чтобы ограничиваться отечественной литературой, они ищут выдающиеся произведения по всему миру, чтобы расширить кругозор своих читателей.

Предисловие состоит примерно из четырехсот слов и начинается с упоминания о том, что «в китайской литературе таким всеобъемлющим, энциклопедическим произведением стал роман … все это составляет убедительные художественные достоинства произведения – признанного шедевра не только китайской, но и мировой литературы» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 1]. Такие прямолинейные заключительные слова и высокая оценка сразу же привлекают внимание читателей. Естественно, читатели захотят выяснить, почему издательство дало столь высокую оценку иностранному роману и является ли эта оценка объективной, чтобы побудить читателей к углубленному прочтению романа и расширить сферу распространения перевода. Кроме того, издательство упоминало о большом влиянии романа в Китае и о том, что многие китайские и российские ученые постоянно ведут исследовательскую работу по роману, «его изучение в Китае составило самостоятельный раздел литературоведения, отдельную отрасль науки … Труды, монографии, исследовательские работы о романе исчисляются многими сотнями» [Цао Сюэцинь, 1995, с. 1]. Опираясь на утвердительные описания, издатель аргументирует неизбежность создания перевода на русский язык «Сна в красном тереме», выражая цель распространения и маркетинга отличных литературных произведений с позитивной точки зрения. Наконец, издательство констатирует тот факт, что полный перевод на русский язык «Сна в красном тереме» был впервые опубликован в 1958 году и переиздан в 1995 году. «Переиздание – это форма выражения восприятия и распространения во времени и пространстве канонизации произведения» [Цай Хуа, 2019, с. 97], что также подтверждает классический статус «Сна в красном тереме» в литературном мире.

Гао Ман – известный переводчик в Китае, написал предисловие объемом почти 8000 слов к переводу на русский язык 1995-го года издания романа «Сон в красном тереме». Являясь ведущей фигурой в области перевода русской и советской литературы в Китае, он давно участвует в культурных обменах между Китаем и Россией, пользуясь высокой репутацией в мире. Название предисловия Гао Мана – «К читателям», дает понять, что будучи китайским ученым, он уделяет больше внимания тому, как представить идеи в оригинале русским читателям, и в то же время ожидает, что читатели сведут к минимуму недоразумения по поводу этого превосходного романа после того, как прочитают предисловие. В предисловии Гао Ман, пытаясь дать русским читателям предварительное представление о романе, прямо заявляет, что «он так же популярен у нас, как популярны у русских «Евгений Онегин», «Мертвые души» и «Анна Каренина»» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 3], «в этом плане произведение Цао Сюэциня имеет некоторое сходство с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго», в котором используется похожий художественный прием» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 6]. Гао Ман сравнивает эти романы со «Сном в красном тереме», чтобы помочь русским читателям лучше прочувствовать его художе-

ственные и идеологические характеристики.

В предисловии Гао Ман не только описывает идеологическую направленность, словесное искусство и культурные традиции «Сна в красном тереме», но и его влияние и статус в Китае, исторические факты распространения в России, историю жизни Цао Сюэциня и предысторию его создания и т. п. В то же время он также уделяет внимание интерпретации самого романа, анализируя его идеологическое содержание и политическое значение на различных уровнях общества, класса и литературного статуса, что подчеркивает его личность как литературного исследователя и творца.

В целом, и предисловие издателя, и предисловие Гао Мана к переводу «Сна в красном тереме» 1995-го года издания кратки, но полно излагают основной сюжет, главную идею, содержание текста, художественные характеристики и важное влияние романа, а также полностью признают большой вклад переводчика В. А. Панасюка в перевод романа. К сожалению, Панасюк умер до того, как перевод был опубликован, поэтому он не успел написать предисловие к переводу и поделиться с читателями своими мыслями. Таким образом, такое всеобъемлющее предисловие является первым шагом к тому, чтобы перевод лучше вошел в поле зрения публики и поспособствовал распространению романа.

Послесловие

В отличие от содержания и функции предисловия, послесловие – это в основном запись мыслей и чувств после прочтения произведения, дающая некоторые отличительные комментарии в лирической или критической манере. Перевод на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания включает два исследовательских послесловия. По сравнению с предисловиями, оба автора послесловий не повторяют объективные факты, связанные с романом, такие как жизнь автора, история его семьи и влияние романа, а делятся своим собственным пониманием содержания романа, идейными и художественными ценностями стихов, которые вместе с предисловиями взаимно дополняют друг друга и перекликаются.

Первое 24-страничное исследовательское послесловие объемом почти 10 000 слов, приложенное к тексту перевода на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания, было написано известным китаеведом Д. Н. Воскресенским. В начале своего послесловия он утверждает, что «„Сон в красном тереме” („Хунлоумэн”) в китайской литературе явление уникальное: эпическая масштабность и широкий охват изображения сочетаются в романе с глубиной поставленных автором проблем (философско-религиозных, этических, социальных), художественная образность – с психологической точностью и тонкостью раскрытия человеческих характеров» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 3, с. 301]. В центре внимания Воскресенского – название романа, тема, основное содержание, расположение структуры, анализ персонажей и т. д., на которые он предлагает ряд уникальных точек зрения. В то же время он также сравнивает «Сон в красном тереме» с двумя другими шедеврами китайской литературы – «Речные заводи» и «Путешествие на Запад», чтобы дать русским читателям возможность глубже понять идейную привлекательность и новаторские художественные приемы романа, который является образцом нравоописательной литературы. Как выдающийся ученый, Воскресенский, обладая очень высоким литературным талантом и творческой грамотностью, вызвал большой резонанс в отечественных и зарубежных научных кругах своей глубокой интерпретацией «Сна в красном тереме». Он не только помогает русским читателям понять мысль и искусство этого классического китайского шедевра, но и дает совершенно новую интерпретационную перспективу для других исследователей красноведения, а также вносит большой вклад в распространение и исследование данного перевода в России и даже в идентичность переводной литературной классики. Послесловие Воскресенского для перевода на русский язык «Сна в красном тереме» можно считать вполне удачным.

Другое исследовательское послесловие написано И. С. Голубевым и Г. Б. Ярославцевым, из которых Голубев также является переводчиком поэтической части перевода на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания. Голубев написал послесловие, состоящее из более чем 2500 слов, восхваляя Цао Сюэциня как «удивительно органичное соединение таланта выдающегося прозаика с талантом проникновенного поэта – философа и лирика» [Цао Сюэцинь, 1995, т. 3, с. 325]. Из послесловия видно, что Голубев уделяет больше внимания значению поэзии в «Сне в красном тереме», считая, что поэзия служит не только декоративным украшением или важным инструментом для описания персонажей, сюжета и художественной концепции, но и, что еще важнее, отражает накопление и наследование тысячелетней прекрасной традиционной китай-

ской культуры. Таково было намерение самого Цао Сюэциня при создании романа, и Голубев также точно уловил художественную суть этой мысли и глубоко интерпретировал ее в послесловии. Послесловие Голубева отражает его высокие поэтические достижения, богатые культурные знания, глубокое писательское мастерство и мощную способность к пониманию. Перевод на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания включает специальное исследование и интерпретацию поэтической части романа Голубева, чтобы дать возможность русским читателям понять подтекст поэзии и постичь широту, глубину и богатство китайской культуры, а также способствовать распространению китайской культуры во всем мире.

Примечание

Примечание – это дополнительные введения и комментарии к истории эпохи, содержанию темы, поступкам персонажей, источникам аллюзий, ключевым словам и т. д. произведения. Ключевая роль примечания заключается в том, чтобы помочь читателям устранить препятствия для чтения и понимания, передать культурную информацию текста, предотвратить неправильное толкование текста на самом базовом семантическом уровне и расширить смысл текста. Учитывая огромные различия между культурами России и Китая, а также то, что «Сон в красном тереме», будучи энциклопедической классикой китайской литературы, всегда находится в состоянии культурного столкновения в процессе перевода, необходимо сделать перевод «в богатом культурном и лингвистическом контексте с помощью примечаний и других приемов толстого перевода» [Appiah, 2000, p. 427], чтобы избежать культурного дисбаланса в переводе. Перевод на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания содержит 653 примечания. Из этого видно, что примечание служит мощным инструментом для перевода классики, и, несомненно, оно является «незаменимым средством для переводчика, чтобы реализовать цель перевода» [Цао Минлун, 2005, с. 89].

Согласно классификации примечаний П. Ньюмарка (1988), мы условно делим их на три категории: анализ имен собственных, культурная интерпретация и дополнительное объяснение. В связи с этим мы проанализируем их по очереди через примеры.

Примечание к анализу имен собственных – объяснение и описание концепции или характера развлекательных мероприятий, измерений, монет и связанных с ними вещей. Например:

Оригинальный текст: **原来女**娲氏炼石补天之时，于大荒山无稽崖炼成高经十二丈，方经二十四丈顽石三万六千五百零一块 [Цао Сюэцинь, 1982, с. 2].

Переводной текст: Итак, случилось это в незапамятные времена, когда на склоне Нелепостей в горах Великих вымыслов богиня Нюйва выплавила тридцать шесть тысяч пятьсот один камень, каждый двенадцать чжанов [2] в высоту, двадцать четыре чжана в длину и столько же в ширину, чтобы заделать ими трещину в небосводе [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 25].

Примечание [2]: Чжан – мера длины, равная 3,2 м; ли – мера длины, равная 576 м; цунь – мера длины, равная 3,2 см, 10 цуней – 1 чи [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 644].

Помимо объяснения слова «чжан», в примечаниях к переводу также показано, как преобразовать такие единицы длины, как «ли», «цунь» и «чи». Очевидно, это сделано для того, чтобы дать читателям более четкое представление о традиционной китайской культуре мер и весов.

Примечание к культурной интерпретации является наиболее распространенным типом примечаний в переводе на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания, которые представляют исторический фон, язык и культуру, идеологическое содержание и другие коннотации, связанные с оригинальным произведением, посредством примечаний в сложной или упрощенной форме в виде дополнительной информации, помогая читателям уменьшить препятствия для чтения и нагрузку на понимание. Такие примечания часто связаны с историей и культурой, местными обычаями, традиционной практикой, религиозными верованиями, культурными аллюзиями и т. д. Например:

Оригинальный текст:
这八个单管各处油灯、蜡烛、纸扎，——
我总支了来交与你八个，然后按我的定数再往各处去分派 [Цао Сюэцинь, 1982, с. 178].

Переводной текст: Восемь – ведать фонарями, свечами, жертвенной утварью и бумажными деньгами [142] – что необходимо, я выдам сразу, а затем распределю всех по местам [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 211].

Примечание [142]: Бумажные деньги – ритуальные купюры, сжигались на кладбище во время похорон [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 786].

Причина, по которой переводчик решил сделать примечание о «бумажных деньгах», заклю-

чается не только в том, что бумажные деньги впервые появляются в тексте, но и в том, что бумажные деньги имеют особое определение и применение в традиционной китайской культуре. В подсознании древних китайцев существовало представление о том, что после смерти человека жизнь в царстве мертвых подобна миру живых, и это также требует расходов на проживание. Люди надеются, что души умерших смогут прожить хорошую жизнь в царстве мертвых, поэтому они сжигают бумажные деньги, чтобы выразить свои соболезнования и пожелания.

Примечание к дополнительному объяснению – разъяснение переводчиком подразумеваемой связанной информации в форме примечаний, основанных на контексте или логической взаимосвязи оригинального текста, которые читателям легко понять и принять. Например:

Оригинальный текст: 两边是抄手游廊，当中是穿堂，当地放着一个紫檀架子的大理石的大插屏 [Цао Сюэцинь, 1982, с. 39].

Переводной текст: По обе стороны от них были расположены полукругом крытые галереи, а напротив высился проходной зал, где перед входом стоял мраморный экран [35] на ножках из сандалового дерева [Цао Сюэцинь, 1995, т. 1, с. 58].

Примечание [35]: Мраморный экран – щит, ставившийся перед входом в дом, чтобы не допустить в него злых духов, которые, по поверьям, могут двигаться только по прямой линии [Цао Сюэцинь, 1995, Т. 1, с. 679].

В примечании к переводу читателю объясняется, что мраморный экран – это «щит, ставившийся перед входом в дом». Этот экран служит не для декоративных целей, а для того, чтобы «не допустить в него злых духов». Это также косвенно передает читателю тот факт, что в то время древнекитайское общество пропагандировало суеверия, и люди с феодальным и отсталым мышлением верили, что в мире существуют боги и призраки.

Иллюстрация

Изображение и язык являются «двумя самыми основными формами повествовательной коммуникации для человечества» [Юй Дэшань, 2008, с. 11]. Как важная часть элементов паратекста, существует интегрированная взаимосвязь между изображением и текстом, которые дополняют и усиливают друг друга. Являясь своего рода визуальным символом, иллюстрация обладает доступностью и популярностью, недоступной тексту, что во многом способствует распространению «Сна в красном тереме» в русскоязычном мире и делает перевод еще более востребованным.

Обложка – первый элемент паратекста, с которым соприкасается читатель, через которую он делает первый шаг к пониманию произведения и задает тон оценки. Перевод на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания состоит из трех томов, и в целом его обложка проста, ясна и понятна. Изображения на обложке перевода на самом деле взяты из иллюстраций, приложенных к тексту, то есть коллекция иллюстрированных ксилографий «Изображения Сна в красном тереме» (Хунлоумэн ту юн 红楼梦图咏), написанной художником династии Цин Гай Ци 改绮 (1773–1828) для романа, которые издательство слегка переделало и использовало в качестве обложки. Невербальные элементы этих иллюстраций не только раскрывают перед читателями обычаи древнекитайского феодального общества, характеристики персонажей и эпоху действия романа, но и стимулируют их любопытство к таинственной стране, что в определенной степени привлекает читателей открыть книгу и продолжить чтение. Однако, судя по визуальным языковым факторам обложки, на каждом томе название произведения и имя автора расположены на одном месте, и никакой другой текстовой информации нет, что, с одной стороны, не указывает на количество томов в обложке, что может вызвать у читателей неприятные впечатления от чтения; с другой стороны, не выделяет личность переводчика на обложке, что в определенной степени отрицает плоды труда переводчика. Кроме того, выбранные на обложке персонажи – Сичунь(惜春), Цзя Юнь(贾芸) и Ли Вань(李纨) – не являются самыми важными героями книги.

Обложка, являясь важным проявлением социокультурного медиума, выполняет функцию предоставления читателю визуальной информации, которая заставляет потенциального читателя сделать выбор в пользу продолжения чтения или отказа от покупки книги. Хотя обложка передает читателям определенную информацию, но не играет существенной роли в идеологических и художественных аспектах романа. Следовательно, вопрос о том, заслуживает ли одобрения дизайн обложки этого издания романа, остается открытым для дальнейшего обсуждения.

В переводе на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания в качестве иллюстраций к переводу использованы изображения Гай Ци. Рассмотрим в качестве примера иллюстрацию «Линь Дайюй». На картине изображен

гордый и элегантный облик Линь Дайюй, сопровождаемый бамбуком, попугаями и другими реквизитами окружающей среды, а затем добавлены субъективные и активные ассоциации читателей, отражающие ее сентиментальный характер и печальную и одинокую жизнь, что формирует определенный эмоциональный резонанс и идейное соответствие с автором Цао Сюэцинем. Очевидно, что переводной язык переводчика и дополнительные иллюстрации издателя достигают эффекта взаимного сотрудничества и интеграции, благодаря чему читатели могут активно участвовать в процессе построения смысла текста и углублять свое понимание формирования характера персонажей.

Коллекция иллюстрированных ксилографий Гай Ци включает 50 картин, на которых изображены 55 персонажей, в основном женских. «Среди множества иллюстрированных картин к „Сну в красном тереме", которые были распространены в последующих поколениях, иллюстрации Гай Ци лучше всего воплощают дух оригинального произведения и выражают особенности персонажей, и можно считать лучшей иллюстрированной книгой» [Хэ Яньчжэ, 1998, с. 101]. Однако в перевод на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания вошли не все иллюстрации, а только 36 из них, и отсутствовали иллюстрации некоторых служанок, которые на самом деле также являются очень важной частью «Сна в красном тереме».

Функции паратекста

Паратекст – это пресуппозиция отношений адресат-адресант, формирующая горизонт ожиданий – совокупность эстетических, социальных, политических и других представлений, формирующих отношение читателя к произведению, а также определяющий характер влияния произведения на общество [Яусс, 1995, с. 79]. Хотя паратекст прикреплен к основному тексту, он участвует в порождении смысла основного текста и играет активную роль в построении смысла перевода. Стоит заметить, что функция паратекста состоит не только в обозначении связи между двумя реальностями, но и в презентации литературного текста публике с целью заинтересовать читательскую аудиторию [Орлова, 2012, с. 89]. Паратекст играет важную роль в переводе на русский язык «Сна в красном тереме» 1995-го года издания. Его эффективное использование не только служит читателям, но и предоставляет им важные культурные подсказки и исторические документы, позволяющие понять фон конкретной эпохи. Что еще более важно, паратекст указывает на соприкосновение и сравнение культур, подготавливает к беспрепятственной коммуникации между различными культурами в Китае и России.

Паратекст играет важную посредническую роль между текстом и читателями и в определенной степени влияет на чтение, понимание и принятие перевода читателями. Среди них основное содержание предисловия касается интерпретации первоначального смысла и намерения написания. Автор предисловия предоставляет читателю эстетический «горизонт ожиданий» посредством своей собственной интерпретации, чтобы позволить читателям произвести определенный «предтекст» или «предварительное понимание» горизонта ожиданий перед прочтением перевода. Послесловие предназначено для того, чтобы зафиксировать опыт и чувства автора послесловия относительно идеологического подтекста и художественной ценности содержания романа после прочтения, которое перекликается с предисловием и дополняет друг друга. Чтобы облегчить читателям трудности чтения, переводчик также использует примечания для подробного описания исторических личностей, обычаев и культуры, задействованных в произведении, которые помогают повысить ценность смысла и углубить понимание основного текста, а также уменьшить нагрузку при чтении. В то же время графический паратекст, представленный иллюстрациями, не только играет незаменимую роль в распространении и интерпретации перевода, но и визуально интерпретирует основной текст с его богатой эстетической ценностью, что косвенно помогает переводу передать культурную информацию, усиливая напряженность основного текста.

Заключение

Паратекст является важной и неотъемлемой частью переводного произведения, расширяя и дополняя основной текст. Исследуя четыре составные части паратекста – предисловие, послесловие, примечание и иллюстрации, которые наиболее тесно связаны с переводом, мы пришли к выводу, что эти паратексты играют важную роль в переводе и распространении «Сна в красном тереме». Паратекст не только прокладывает читателям путь к прочтению перевода, но и знакомит читателей с иностранными культурами, помогая им интегрировать различные и разнородные культуры и способствуя интеграции культур после межкультурных обменов. Богатые паратек-

стуальные элементы в переводе на русский язык «Сна в красном тереме» способствуют принятию и распространению этого перевода. Изучение паратекстов не только помогает систематически исследовать факторы, способствующие успешному переводу, но и помогает читателям получить более полное и глубокое представление о «Сне в красном тереме». Мы считаем, что паратекст как «все маргинальные или дополнительные материалы, окружающие текст» [Genette, 1988, p. 63], должен стать важной перспективой в изучении перевода художественной литературы.

Библиографический список

1. Викулова Л. Г. Детские волшебные сказки Шарля Перро как зеркало нравственных представлений эпохи абсолютизма // Литература как эстетический феномен: Межвуз. сб. науч. трудов. Иркутск : ИГЛУ, 1998. С. 34–42.

2. Колотов А. А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении // Филология и лингвистика: Современные тренды и перспективы исследования. Краснодар : АНО ЦСПИ Премьер, 2011. С. 37–41.

3. Олизько Н. С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта): попытка семиотико-синергетического анализа. Челябинск : Энциклопедия, 2007. 158 с.

4. Орлова О. А. Серийность современной массовой литературы как фактор «Формовки читателя» // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск : ТГУ, 2012. С. 89–97.

5. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме (в 3-х томах). Москва: Художественная литература, Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. Т. 1. 277 с., Т. 2. 389 с., Т. 3. 347 с.

6. Чернигова И. В. Авторское предисловие как составная часть паратекста (на материале французских художественных произведений XVI-XVII веков) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики / под ред. А. А. Казакова. Томск : ТГУ, 2004. Вып. 5. Ч. 2. С. 145–149.

7. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное образование. 1995. № 12. С. 34–84.

8. Appiah K. A. Thick translation // Lawrence Venuti (ed.). The Translation Studies Reader. London & New York : Routledge, 2000. P. 417–429.

9. Ge Bai. From a «pornographic» book to a classic: Paratexts of Chinese translations of Lolita // Babel-Revue internationale de la traduction-International Journal of Translation. Vol. 64, № 5. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 2018. P. 671–691.

10. Genette G. The proustian paratexte / translated from France by Amy G. McIntosh // SubStance. Vol. 17, № 2. Madison: University of Wisconsin Press. 1988. P. 63–77.

11. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / translated from France by Jane E. Lewin. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 427 p.

12. Jolanta L., Кадиша Н. Паратексты автора и переводчика (на материале произведений Виктора Пелевина) // Przegląd Rusycystyczny. Vol. 174, № 2. Katowice : Polskie Towarzystwo Rusycystyczne. 2021. P. 37–41.

13. Kathryn B. Translation and Paratexts // Routledge : London and New York, 2018. 202 p.

14. Marco Sonzogni. Re-Covered Rose, a case study in book cover design as intersemiotic translation // Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. 190 p.

15. **蔡**华. **理雅各英**译《中国经典》再版**»他序»**论略 // **外国**语文研究，2019(6)：87-99. (Цай Хуа. Представление аллографических предисловий в переизданнных изданиях «китайской классики» Легга // Исследования иностранных языков. 2019. № 6. С. 87–99.)

16. **曹雪芹**. 红楼梦. **北京**：**人民文学出版社**，1982，1162页。(Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. Пекин: Издательство народной литературы, 1982. 1162 с.)

17. **曹明**伦. 谈谈译文的注释 // **中国翻**译. 2005(1): 88-89. (Цао Минлун. Разговор о примечаниях перевода // Китайский перевод. 2005. № 1. С. 88–89.)

18. **何延喆**. **清代仕女画家改**绮评传. **天津**：**天津人民美**术出版社，1998，207页。(Хэ Яньчжэ. Биография женского художника Гай Ци при династии Цин. Тяньцзинь : Тяньцзиньское народное издательство изобразительных искусств, 1998. 207 с.)

19. **金宏宇等**. **文本周**边：**中国**现代文学副文本研究. **武**汉：**武**汉大学出版社，2014，380页。(Цзинь Хунюй и др. Текстовая периферия: Исследование паратекстов современной китайской литературы. Ухань : Издательство Уханьского университета, 2014. 380 с.)

20. **于德山**. **中国**图像叙述传播 // 济南：山东文艺出版社，2008，296页。(Юй Дэшань. Повествовательная коммуникация в китайских образах. Цзинань : Шаньдунское издательство литературы и искусства, 2008. 296 с.)

Reference list

1. Vikulova L. G. Detskie volshebnye skazki Sharlja Perro kak zerkalo nravstvennyh predstavlenij jepohi absoljutizma = Children's fairy tales by Charles Perrault as a mirror of moral concepts in the absolutist era // Literatura kak jesteticheskij fenomen: Mezhvuz. sb. nauch. trudov. Irkutsk : IGLU, 1998. S. 34–42.

2. Kolotov A. A. Paratekstual'nyj podhod v sovremennom literaturovedenii = Paratextual approach in modern literary studies // Filologija i lingvistika: Sovremennye trendy i perspektivy issledovanija. Krasnodar : ANO CSPI Prem'er, 2011. S. 37–41.

3. Oliz'ko N. S. Intertekstual'nost' postmodernistskogo hudozhestvennogo diskursa (na materiale tvorchestva Dzh. Barta): popytka semiotiko-sinergeticheskogo analiza = Intertextuality of postmodernist literary discourse (on

the material of J. Barth's work): an attempt of semiotic-synergetic analysis. Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2007. 158 s.

4. Orlova O. A. Serijnost' sovremennoj massovoj literatury kak faktor «Formovki chitatelja» = Serialized modern mass literature as a factor in «Shaping the reader» // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. Tomsk : TGU, 2012. S. 89–97.

5. Cao Sjujecin'. Son v krasnom tereme (v 3-h tomah) = Dream of the Red Chamber (in 3 volumes). Moskva : Hudozhestvennaja literatura, Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir», 1995. T. 1. 277 s., T. 2. 389 s., T. 3. 347 s.

6. Chernigova I. V. Avtorskoe predislovie kak sostavnaja chast' parateksta (na materiale francuzskih hudozhestvennyh proizvedenij XVI-XVII vekov) = Author's preface as a part of the paratext (based on French fiction of the XVI–XVII centuries) // Aktual'nye problemy lingvistiki, literaturovedenija i zhurnalistiki / pod red. A. A. Kazakova. Tomsk : TGU, 2004. Vyp. 5. Ch. 2. S. 145–149.

7. Jauss H. R. Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija = The history of literature as a provocation in literary studies // Novoe literaturnoe obrazovanie. 1995. № 12. S. 34–84.

8. Appiah K. A. Thick translation // Lawrence Venuti (ed.). The Translation Studies Reader. London & New York : Routledge, 2000. P. 417–429.

9. Ge Bai. From a «pornographic» book to a classic: Paratexts of Chinese translations of Lolita // Babel-Revue internationale de la traduction-International Journal of Translation. Vol. 64, № 5. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 2018. P. 671–691.

10. Genette G. The proustian paratexte / translated from France by Amy G. McIntosh // SubStance. Vol. 17, № 2. Madison: University of Wisconsin Press. 1988. P. 63–77.

11. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation / translated from France by Jane E. Lewin. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 427 p.

12. Jolanta L., Kadisha N. Parateksty avtora i perevodchika (na materiale proizvedenij Viktora Pelevina) // Przegląd Rusycystyczny. Vol. 174, № 2. Katowice : Polskie Towarzystwo Rusycystyczne. 2021. P. 37–41.

13. Kathryn B. Translation and Paratexts // Routledge: London and New York, 2018. 202 p.

14. Marco Sonzogni. Re-Covered Rose, a case study in book cover design as intersemiotic translation // Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. 190 p.

15.蔡华. 理雅各英译《中国经典》再版»他序»论略 // 外国语文研究，2019(6)：87-99. (Caj Hua. Predstavlenie allograficheskih predislovij v pereizdannnyh izdanijah «kitajskoj klassiki» Legga // Issledovanija inostrannyh jazykov. 2019. № 6. S. 87–99.)

16. 曹雪芹. 红楼梦. 北京：人民文学出版社，1982，1162页。(Cao Sjujecin'. Son v krasnom tereme. Pekin: Izdatel'stvo narodnoj literatury, 1982. 1162 s.)

17. 曹明伦. 谈谈译文的注释 // 中国翻译. 2005(1): 88-89. (Cao Minlun. Razgovor o primechanijah perevoda // Kitajskij perevod. 2005. № 1. S. 88–89.)

18. 何延喆. 清代仕女画家改绮评传. 天津：天津人民美术出版社，1998，207页。(Hje Jan'chzhje. Biografija zhenskogo hudozhnika Gaj Ci pri dinastii Cin. Tjan'czin' : Tjan'czin'skoe narodnoe izdatel'stvo izobrazitel'nyh iskusstv, 1998. 207 s.)

19.金宏宇等. 文本周边：中国现代文学副文本研究. 武汉：武汉大学出版社，2014，380页。(Czin' Hunjuj i dr. Tekstovaja periferija: Issledovanie paratekstov sovremennoj kitajskoj literatury. Uhan' : Izdatel'stvo Uhan'skogo universiteta, 2014. 380 s.)

20. 于德山. 中国图像叙述传播 // 济南：山东文艺出版社，2008，296页。(Juj Djeshan'. Povestvovatel'naja kommunikacija v kitajskih obrazah. Czinan' : Shan'dunskoe izdatel'stvo literatury i iskusstva, 2008. 296 s.)

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 23.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 7.067
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-234
EDN: TIWWDO

Фотография в интернет-пространстве как новая форма карикатуры

Александра Львовна Юргенева
Кандидат культурологии, старший научный сотрудник, сектор художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания. 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5
lvovushka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0465-4728

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития фотографических жанров в интернет-пространстве. Одним из направлений использования фотоизображений стала реализуемая в карикатуре социальная критика, функцией которой зачастую наделяются фотопортреты. Превращение в карикатуру созданных с иной целью изображений определяет актуальность проведенного исследования. Целью данной работы является фиксация изменений в развитии жанра карикатуры при его бытовании в сети. Объектом исследования стали подборки юмористических интернет-фотографий.

В основе методологии исследования лежит культурологический подход, в рамках которого был использован контекстуальный, формально-стилистический и сравнительный анализ. Подборки фотографий были рассмотрены с точки зрения их построения, тематики, области их существования в сети и содержания изображений. В итоге проведенной работы было выявлено, что при составлении подборок использовались традиционные для карикатуры формы (гротеск, несоответствие) и темы (пьянство, мода, нравы различных социальных групп). Одновременно была обнаружена и существенная новизна в природе происхождения подобной карикатуры, а именно, ее создание с помощью помещения частных фотоизображений в контекст, отмеченный юмористической или сатирической направленностью. Результатом содержащегося в фотографии элемента документальности становится многомерность и неоднозначность их восприятия, что показывают оставляемые интернет-пользователями комментарии. Помимо смеховой реакции, зрители здесь выражают свою эмпатию по отношению к персонажам на снимках и делятся своими ностальгическими переживаниями.

Ключевые слова: фотография; карикатура; социальные сети; «гопник»; селебрити; повседневность; сатира; юмор

Для цитирования: Юргенева А. Л. Фотография в интернет-пространстве как новая форма карикатуры // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 234–244. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-234. https://elibrary.ru/TIWWDO

Original article

Photography in the Internet space as a new form of caricature

Alexandra L. Yurgeneva
Candidate of cultural studies, senior researcher, sector of artistic issues of mass media, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5
lvovushka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0465-4728

Abstract. The article focuses on the development of photographic genres in the Internet space. One of the trends in using photo images is caricature-based social criticism, whose function is often assigned to photographic portraits. The transformation of images created for a different purpose into a caricature determines the relevance of the current study. The aim of this work is to record the changes in the development of the caricature genre online. The object of the study is a selection of humorous Internet photos.

The research methodology is based on the culturological approach, with the contextual, formal-stylistic and comparative analysis being used. The selected photographs have been examined in terms of their structure, subject matter, scope of their online existence and the content of the images. As a result of this research, it is shown that the traditional caricature forms (grotesque, incongruity) and themes (drunkenness, fashion, mores of different social groups) are used in compiling the selections. At the same time, a significant novelty in the origin of such caricatures was also identified, namely, creating them by placing private photographic images in a humorous or satirical context. The

© Юргенева А. Л., 2025

documentary element contained in the photographs causes their perception to be multidimensional and ambiguous, as can be seen in the comments left by Internet users. In addition to laughing, the users here express their empathy towards the characters in the pictures and share their nostalgic experiences.

Key words: photography; caricature; social networks; «gopnik»; celebrity; everyday life; satire; humour

For citation: Yurgeneva A. L. Photography in the Internet space as a new form of caricature. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):234–244. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-234. https://elibrary.ru/TIWWDO

Введение

Интернет сегодня представляет собой универсальное коммуникативное пространство, где в тесном переплетении находятся системы глубоко персональных взаимоотношений, групповых, образовательных, коммерческих и проч. Выход в Сеть – это всегда столкновение со множеством голосов и предложений, несущих в себе самую различную интенцию. Е. В. Сальникова, сравнивая взаимодействие с экранной средой телевизора и компьютера и обнаруживая в виртуальной среде функции ярмарки, заключает, что «виртуальная реальность экрана, заключенная в корпусный носитель, наследует в какой-то мере свойства пространства городской площади или внутреннего двора здания, зала, банкет-холла» [Сальникова, 2017, с. 169]. В эссе К. Г. Фрумкина о жизни музыки в Сети есть следующее рассуждение: «Поэтика интернета – это поэтика новой площади, нового площадного искусства, которое сильнее и одновременно сложнее, чем более привычное нам старое «элитарное» искусство» [Фрумкин, 2021]. Созвучное этому взгляду на интернет-пространство отражено в сравнении его с городом, который «существует за счет многообразия, которое не уничтожается насильственным единством; городские практики дополняют друг друга и создают общую ткань городской жизни» [Масланов, 2018, с. 60].

Здесь представлено многообразие не только звуков, но и визуальных образов, в том числе несущих развлекательную функцию. Фотоизображения сегодня являются неотъемлемой частью развлекательного контента в интернет-пространстве. В Сети существующие фотографические жанры приобретают новые черты и социокультурные функции, что определяет необходимость и актуальность их изучения. У попавшей в интернет фотографии на первый план выходит коммуникативная функция, в результате чего усиливаются связанные с ней развлекательная и репрезентативная функции. Целью этой работы является интерпретация трансформаций и преобразований жанра карикатуры в области интернет-фотографии. Главным аспектом, объединяющим все виды интернет-фотографии, является ориентированность изображения на коммуникацию. В условиях дистанционного общения большое значение имеет возможность с помощью изображения спровоцировать сильную эмоциональную реакцию. Г. Л. Тульчинский в целом характеризует интернет-среду как пространство актуализации эмоциональных реакций: «современные интернет-технологии позволяют практически каждому пользователю вводить в публичное пространство непосредственно личностные эмоционально окрашенные оценки и переживания, включая комическое и осмеяние» [Тульчинский, 2023, с. 74].

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: проанализировать элементы, придающие фотографии черты карикатуры; выявить значение использования любительской фотографии вместо профессиональной графики в качестве карикатуры. Подборки, о которых пойдет речь, концентрируются на таких популярных развлекательных порталах, как fishki.net, adme.media, pikabu.ru, twizz.ru, reddit.com, boredpanda.com, yaplakal.com и т.д. Однако далее представленные на них материалы распространяются на небольших информационных сайтах с целью привлечения аудитории, появляются в качестве рекомендованных материалов в «ленте» социальных сетей сети, предлагаются к просмотру на блог-платформе «Яндекс. Дзен» и фотохостинге Pinterest, а также публикуются в более современном формате – на развлекательных Telegram-каналах, а также монтируются и распространяются в форме видео.

Структура фотоподборок

Спецификой подачи фотоматериала в интернете (в частности, в блогах, на развлекательных сетевых порталах, форумах и др.) является сгруппированность изображений в подборки, объединенных одной темой. Среди самых распространенных можно выделить фотографии животных, личных вещей (в том числе антикварных), жилья и приватных пространств, людей с особенностями (редкие мутации, инвалидность), профессиональные казусы и мотив преображения на снимках «до» и «после» (похудение, новая прическа, ремонт). Изначально большинство подобных мате-

риалов были переводными и отражали заграничную реальность, но сегодня множество подборок строятся исключительно на отечественном или смешанном материале.

Каждая подборка предлагает раскрытие заявленной темы в документальных свидетельствах – фотографиях. Структура подобных публикаций почти всегда одинакова: обозначающий тему заголовок, небольшой текст-комментарий и длинная лента фотоизображений (не менее 10). Иллюстрации могут быть наделены индивидуальным подписями и небольшими комментариями или лишь отмечены порядковым номером. Разворачивающаяся от изображения к изображению драматургия встречается редко: как правило, композиция предполагает простое перечисление «образцов». Система ознакомления с лентой изображений происходит по линейному принципу и предполагает последовательный переход от объекта к объекту сверху вниз, где значение имеет наращение объема собирательного образа и не существует логического завершения. Не случайно в конце публикации часто размещается гиперссылка на следующую подборку, посвященную той же теме.

В область массового досуга попадают и работы профессиональных фотографов, но в подборках преобладают любительские снимки, ориентированные на выполнение регистрирующей или репрезентативной функции. Они могут быть изначально опубликованы авторами на форумах в рамках обсуждения общей темы или взяты сторонним пользователем с их персональных страниц, а затем уже размещены в открытом доступе. Далее редакторы развлекательных порталов формируют из них тематические подборки. Сохранить исходное направление взгляда на снимок и его трактовку в интернет-среде почти невозможно. Перемещаясь между смысловыми и тематическим полями, дополняясь комментарием на следующем звене, они каждый раз могут получать новую интерпретацию. Общая логика перемещения информации в интернете помещает эти циклы изображений в бесконечный процесс поглощения визуальных образов, который сегодня стал одной из самостоятельных форм досуга.

Фотообразы как объект сатирических интерпретаций

Одним из популярных направлений пересмотра разрозненных в сети саморепрезентаций является их комическая интерпретация. Данное исследование посвящено анализу сатирического прочтения фотообразов в подборках, позволяющего воспринимать их в качестве карикатуры. Карикатуру мы рассматриваем как инструмент выражения таких форм комического, как сатира и юмор. Сам жанр карикатуры неоднороден и может проявлять разные оттенки комического: оперируя всей палитрой, «от добродушного юмора до безжалостного сарказма, карикатурист с помощью фантазии, гипербол, метафор, символов способен вскрыть суть явления» [Штейнис, 1984, с. 1]. Также и серии фотоизображений различаются по степени агрессивности по отношению к объекту осмеяния. О. А. Воронина выделяет следующие особенности карикатуры как «смехового» жанра»: она «1. создается с помощью приема преувеличения (обязательно в сторону низости); 2. представляет собой сочетание реального и иррационального; 3. поучает, воспитывает; 4. осуждает, высмеивает; 5. непременно создает комический эффект» [Воронина, 2009, с. 15]. Для выполнения этих задач карикатура должна представить зрителю некий конкретный объект высмеивания, который в свою очередь визуализирует более обширное понятие или представление. Ю. Б. Борев подчеркивает свойственное сатире впадение в крайности: «Сатира заостряет, а порой и утрирует и даже деформирует облик осмеиваемого явления. Но главное в сатире – комедийная критика, то есть такая, которая подводит читателя к отрицанию явления через противопоставление его идеалам, критика, утверждающая идеалы» [Борев, 1970, с. 81]. Тем самым, возникает необходимость проанализировать ситуацию, когда невидоизмененные фотографии в сети приобретают значение карикатуры, попадая в разные контексты фотоподборок.

Популярные тематические направления фотоподборок

Можно выделить устойчивые тематические направления комических подборок в русскоязычном сетевом пространстве. Смысл подобранных и сгруппированных изображений преобразуется согласно замыслу редактора-составителя: их трактовка задается в заголовке и во вступительном тексте и предлагает негативную оценку образа жизни и мышления людей в кадре. Сатирическая интерпретация закладывается авторами уже на стадии комплектации подборки из разрозненных фотоснимков. Здесь формируется и ракурс, в котором будет представлена жизнь в стране или «портрет» одной из социальных групп. Как отмечает А. Вулис, «В сатире уже деформированный в процессе отбора материал обязательно подвергается дополнительной деформации – сатирическому анализу, гротесковой обработке, посредством которых раскрывается его комический аспект.

Сатирический образ, в отличии от „обычного", – это результат не столько прямого отражения, сколько „направленного отражения", возвращающего объекту в глазах зрителя подлинный вид» [Вулис, 1966, с. 37]. В нашем случае дополнительная обработка не требуется: достаточно точно подобранных случаев, где герои снимков сами демонстрируют схожие стратегии саморепрезентации в виртуальном пространстве или в повседневной жизни, типичные для той или иной социальной группы.

По этой причине крайне важно, кто или что изображено на карикатуре, на ком будет сосредоточен фокус внимания. В ракурсе нашего исследования главным проблемным моментом является то, что значение карикатуры получают снимки из личных архивов, часто не предполагавших комическое прочтение. Карикатура всегда ориентирована на противопоставление смотрящему изображаемого объекта – конкретной персоны, социального слоя или того или иного явления (например, модных тенденций), которые должны восприниматься как нечто негативное, часто как проявление некой крайности. Осмеяние нередко происходит в русле такого направления комического, как «социальные типы».

Тематика подборок соотносится с тем, какой типаж оказывается в роли карикатурного персонажа: здесь фигурируют снимки провинциалов, социально-неблагополучных слоев общества или, напротив, фотографии медийных персон или очень состоятельных людей. Также предлагается осмеяние подражания светской жизни представителями среднего или ниже уровня достатка и модных тенденций, в которые входят не только одежда, но и косметические модификации тела (макияж, перманентный макияж, примерны избыточной пластической хирургии), и злоупотребление обработкой в графическом редакторе. Последнее направление подборок демонстрирует неестественные телесные формы: белоснежные зубы, огромные объемы губ, груди и ягодиц, чрезмерно фактурные мышцы и, напротив, «осиные» талии, неестественно длинные и тонкие руки и ноги. Эти претендующие на достоверность фотоизображения соответствуют представлению о фантастическом или даже гротескном образе, чей «принцип предполагает структурное соединение воедино предметов, признаков, частей, принадлежащих разным жизненным рядам, сочетание несочетаемого, совмещение, несовместимого» [Николаев, 1977, с. 11].

Обращает на себя внимание ироничная репрезентация национальных черт русского человека, построенная на основе клишированных представлений. Определение иронии содержит в себе парадокс: «Сатирическая ирония, мнимо утверждая предмет, осмеивает и отрицает его сущность» [Борев, 1970, с. 98]. Мы сталкиваемся с изображениями наивно трактованной сексуальности, которую составители подборки интерпретируют уже как вульгарность, а бытовое неблагополучие и следующие из него попытки соотечественников приблизить свою жизнь к тиражируемым в массмедиа идеалам преподносятся как неспособность упорядочить и организовать свой быт согласно модным лаконичным тенденциям. При этом, как отмечалось выше, тематические направления подборок – почти всегда калька с зарубежных источников, поэтому подобный аспект отражен на своем национальном материале во многих странах.

Частные ситуации превращаются в обобщенный и клишированный образ «свадьбы по-русски» или «отдыха по-русски». Отдельные подборки озаглавлены «Сельский гламур – девушки на фоне ковров», «Те самые богини сельского гламура», «Дачно-сельский гламур», «Сельские львицы» и т. п. Как следует из самих названий, происходит игра образами из глянцевых журналов (часто эротических) и репрезентаций жизни селебрити в массмедиа. Точно установить природу каждого снимка сложно, однако, можно отметить два наиболее вероятных пути: фотографии были выложены самими женщинами в своих социальных сетях или же они были частью приватной переписки и их впоследствии опубликовал адресат. Еще одним вариантом возникновения подобных образов в сети является их пародийное воссоздание в любительской фотографии и стилизации, создаваемые в рамках фэшн-фотографии.

При этом среди пользовательниц социальных сетей по всему миру существует тенденция публикации снимков, отмеченных высокой степенью сексуализации собственного тела. Исследования утверждают, что такое поведение представляется частью процесса самосексуализации, предполагающей зависимость самооценки от собственной внешности: в этом случае пользовательницы «могут делиться более сексуализированными фотографиями в профиле в социальных сетях, так как они рассматривают свои тела в основном как сексуальные объекты для удовольствия и потребления другими» [Ruckel, Hill, p. 16]. Основной мотивировкой здесь выступает одобрение со сторо-

ны смотрящих, выраженное в «лайках» и «комментариях». Становясь частью подборки, фотографии приобретают значение карикатурного изображения попыток женщины, часто низкого уровня достатка, встроиться в рамки «популярных», «глянцевых» представлений о сексуальности.

Подборки, носящие заголовки «Гопники», «Свои на районе», «Быдло картинки» и т. п., предъявляют документальное свидетельство существования того, о чем интернет-фланер из большого города может знать только понаслышке, равно как и сигнализировать об игровом контексте: примеривании объектами на себя роли «реального пацана», «крутого парня». На сегодняшний день этот образ является весьма неоднозначным и сложным для интерпретации, поскольку наряду с тем, что он стал неотъемлемой частью популярной культуры (в том числе мировой фэшн-индустрии), он все еще существует в своем наивном воплощении в провинциальной культуре, тогда как для больших городов он является ушедшим в прошлое феноменом. Его оценка формируется в условиях сосуществования фотографий из прошлого, подражания им, сгенерированных нейросетью на стыке гламура и киберпанка «гибер-гопников» и героико-романтизированных образов многосерийного фильма Ж. Крыжовникова. Так в комментариях может сочетаться ненависть к этой субкультуре и ностальгия, которую вызывают эти образы. В наивном воплощении – это фотопортреты, нацеленные на саморепрезентацию, на демонстрацию своих ценностей и взаимоотношений с миром. Их характерные черты – ставшая клише пластика с типичным «присядом» и разведенными руками (он может быть исполнен на земле или на любой другой поверхности, к примеру, на поручнях автотранспортаили уличном ограждении) и такие маркеры, как спортивные костюмы с белыми полосами, резиновые шлепанцы, надетые на носки, головной убор «восьмиклинка», бутылки с дешевым пивом и т. д. Дополняет картину соответствующий антураж: неблагоустроенные подъезды и придворовая территория, помещения магазинов.

Противоположностью выступают подборки с фотоизображениями «золотой молодежи» («Красивая жизнь „золотой" молодежи России», «Понты „золотой" молодежи в кризис: фотоподборка с мажорами» и т. п.). Снимки представляют собой фотопортреты девушек и молодых людей, позирующих рядом с дорогими машинами или в салоне самолетов. В кадре, как правило, находится только одна персона, а ее поза отмечена максимальной естественностью и небрежным отношением к товарам хай-класса (к примеру, портретируемый может сидеть на капоте автомобиля или стоять на его крыше).

Кадры выстроены таким образом, чтобы были возможно атрибутировать часы и спиртное элитных марок. Кроме того, на снимке может быть представлен натюрморт с атрибутами «богатства»: денежными купюрами, смартфонами, брендовой одеждой. Поскольку в качестве моделей выступают действительно очень молодые люди, по всей вероятности еще не занимающиеся профессиональной деятельностью и не причастные к семейному бизнесу, то на снимках они наивно воплощают «способность потребления служить доказательством богатства» [Веблен, 2021, с. 72].

Еще одним распространенным объектом высмеивания выступают костюмы с красных дорожек и сценические образы знаменитостей, которые подаются в рамках подборки как безвкусные и неуместные. Заголовки и комментарии авторов подборок направлены на то, чтобы создать шутовской образ тех, кто благодаря средствам массовой информации соотносится с понятиями элиты, престижа и богатства. В подборке «Какое позорище! российские знаменитости, которые ужасно одеваются» фотоизображение каждого персонажа сопровождает довольно многословное высказывание автора, к примеру «Над Рудковской часто смеются за ее стремление к „лухари жизни". Тяжелый люкс и отрицание повседневной одежды загнали ее в рамки. Теперь даже в обычной жизни она вынуждена поддерживать образ богатой и успешной дамы, надевая все самое лучшее и дорогое, что часто не соответствует месту» (Какое позорище! российские знаменитости, которые ужасно одеваются). В отдельные подборки собраны гротескные интерьеры, обнаруженные на риэлторских сайтах архитекторами и дизайнерами, которые осознают себя носителями развитого вкуса (например, «35 уродливых домов и квартир», «20 жутких и смешных квартир»).

Стоит оговорить, что в подборках могут соседствовать фотоснимки, относящиеся к разным историческим моментам, но превалируют все же снимки периода активного использования социальных сетей, т.е. самый конец 2000-х–2010-е годы. Существуют отдельные серии оцифрованных фотографий, посвященные 90-м и началу 2000-х («Тяжелые, яркие, лихие: фотографии, которые передают атмосферу 90-х в России», «20+ фотографий из семейных архивов, которые передают особую атмосферу 90-

х», «25 ностальгических фотографий Москвы начала нулевых» и т. д.), где визуальные свидетельства зачастую преподносятся в рамках ностальгического дискурса. В заголовках и подписях нет противопоставления автора подборки или смотрящего изображенным людям и реалиям. Напротив, они представлены, как общая отправная точка (для многих оппонентов совпадающая с детством или юностью), освещаемая мягким юмором и самоиронией. Это отношение к репрезентации советского быта резко отличается от оценки его сохранившихся элементов на современных снимках. В этом случае они оцениваются, как комичные и неуместные в контексте «гламурного» образа «модели», как рудименты не самого благополучного прошлого.

Иногда в результате ошибки происходит смещение в понимании изображенного на фотографии. Ставший международным мемом снимок с сидящим на гранитном кубе молодым человеком в спортивном костюме и кроссовках Adidas, в некоторых случаях относят к 90-м. Однако массивные декоративные объекты из гранита на улицах и плиточное дорожное покрытие появились перед Московским вокзалом в Санкт-Петербурге, где был сделан снимок, только в 2010-е. Ошибка в датировке объясняется представлением автора о типичном виде «гопника», как феномене, невозможном в обновленном благоустроенном городе.

Фотографии, попадающие в подборки, часто отобраны из пространства персональных страниц в социальных сетях, где прежде служили саморепрезентации пользователей. Эта любительская фотография, зачастую наивно предполагаемая для просмотра ограниченным кругом лиц, попадает в обширное неконтролируемое поле наблюдателей. М. М. Гурьева характеризует повседневную фотографию как «создаваемую анонимными авторами (анонимность которой объясняется как отсутствием, так и несущественностью сведений об авторе этих изображений), сюжеты и объекты которой принадлежат повседневной, обыденной жизни» [Гурьева, 2009, с. 19]. В другом исследовании любительской фотографии отмечается, что ее особенность «по сравнению с другими визуальными медиа – газетной, рекламной фотографией, кино, телепередачами и т. д. – состоит в том, что она позволяет любому человеку изъясняться визуально. Человек осваивает язык любительской фотографии не только для пассивного владения – „чтения", как язык рекламы, но и для создания своих собственных сообщений» [Бойцова, 2013, с. 14–15]. В новом контексте эти сообщения оказываются открыты для интерпретаций. «Когда фотография из социальной сети отправляется в киберпространство, определение субъекта и объекта исчезает, поскольку фотограф или владелец отсутствуют для общения» [Taubach, 2016, p. 36]. Сотни фотографий из подборок, как правило, остаются отпечатками безымянных и безответных образов. В сериях, окрашенных позитивной оценкой, посвященных находкам и преображениям в подписи можно увидеть ссылки на первоисточники. Но в области резкого оценочного суждения составители, по всей вероятности, намеренно поддерживают ситуацию анонимности используемых изображений (за исключением случаев с узнаваемыми медийными персонами).

Комическое как результат интерпретации снимка

Опыт сближения фотографии и карикатуры уже прежде осуществлялся в выставочных проектах литовской фотографии конца 1970-х – начала 1980-х, где каждый снимок экспонировался в паре с созданным по нему юмористическим рисунком. Выставки показали, что многие представленные как юмористические снимки на самом деле имели ярко выраженную социально-критическую оценку советской действительности. Комическое прочтение им придавали выполняющие роль пояснения юмористические рисунки [Юргенева, 2024, с. 360].

Заголовок подборки и подписи призваны регулировать и направлять реакцию зрителя. В них в сатирическом духе высмеиваются конкретные явления: дурновкусие, пьянство, похоть, равнодушие к своему здоровью и вопросам экологии. Мы видим реплику к снимку девушки, позирующей на проселочной дороге с глубокими рытвинами: «Главное кроссовки белые. Надолго?». В другом случае высмеивается попавший в кадр «эротической» фотографии удлинитель: «Что за шнур? Задумка такая?» (Жертвы соцсетей или сельский гламур во всей красе). Встречаются предваряющие подборки нравоучительные тексты: «… И дело даже не в русской безысходности и отсутствие другого способа развлечения, гопник – это образ мысли и взглядов на мир. Надеюсь, эти ребята и девчонки психо-социально эволюционируют и поймут, что гопник – суицидальная субкультура, несущая в себе понты, псевдобратство, случайное бабло и по сути ничего большего… » [Гопники (75 фото)].

Однако фотографии, демонстрируя все те изъяны, о которых говорится в предисловии к подборке, одновременно содержат и другой уровень понимания изображения. Образы на них выражают собой ту черту комического, чьи формы «передают идею *гармонии утраченной и неудавшейся,* – эти формы имеют дело с комическим, выражаемым через утрату, снижение или же через автоматичность нормального поведения» [История уродства, 2007, с. 135]. Разрушенная бытом глянцевая сексуальность, недостигнутая гармония в костюме, снижение представления о пасторальном отдыхе – эти мотивы заставляют проявиться многогранности интерпретации фотоизображения. Большинство фотографий – любительские постановочные снимки. Их создатели не принимают во внимание необходимость следить за чистотой кадра, и «документальные» детали из повседневной жизни модели непреднамеренно становятся частью ее образа и зачастую противоречат исходной идее. В качестве документального свидетельства она отчетливо высвечивает драматизм несоответствия повседневности тем желанным образцам, которые проецируются кинематографом, СМИ и рекламой. Мы сталкиваемся здесь с проблемой зависимости содержания снимка от условий его интерпретации. С этой точки зрения некоторые фотоподборки оказываются наделены трагикомизмом, который «может прочитываться через призму двух (и более) противоположных и даже взаимоисключающих кодов» [Кондаков, 2023, с. 300]. Таким образом обнаруживаемые на фотографиях несоответствие и гротеск могут прочитываться в противоположном комическому значении. Размышляя о сущности гротеска Т. Ю. Дормидонова отмечает, что «…проблема комического или трагического гротеска лежит в сфере прагматики, а потому восприятие гротеска как комического или трагического зависит от контекста восприятия» [Дормидонова, 2008, с. 40].

В подборках фотографий, о которых мы говорим, зритель сталкивается с чуждой повседневностью и ценностями. Также это может быть встреча с реалиями, к которым принадлежал и он сам, но из-за изменений образа жизни (в силу возраста, смены места жительства, перемены в социальном положении), в настоящем оказался от них дистанцирован. Здесь высвечиваются крайности, репрезентирующие разрыв представлений о норме в разных социальных группах. При этом составители подборок обращаются к зрителю, как к носителю сходных ценностей и представлений. В этом также прослеживается сходство с функционированием карикатуры, которой свойственно обладание «тем замечательным свойством, что удачный рисунок, вызывающий веселое одобрение читателя, как бы выражает его собственные чувства и мысли, метко и безошибочно схваченные карикатуристом» [Ефимов, 1976, с. 4]. Основным адресатом составителей подборок в большинстве случаев оказывается представитель городского среднего класса, которого Сьюзан Сонтаг, вслед за Бодлером, называет «„буржуазным" фланером» [Сонтаг, 2018, с. 78]. Просмотр подборок дает ему возможность анонимно, безнаказанно и в целом безобидно посмеяться. При этом в оставленных пользователями комментариях можно встретить позицию, отвечающую позиции составителей, и напротив, полную симпатии к персонажам на фотографиях. «А смех вызывает понимание торжества этой разделяемой нормативности над несостоятельными отклонениями от нее» [Тульчинский, 2023, с. 73–74]. Соглашаться высмеивать или нет – это эмоциональная ответственность смотрящего.

Представленные подборки являются скорее игрой в сатиру, так как здесь нет цели перевоспитать объект насмешки. Изображения обращены именно к зрителю, который ищет для себя развлечения в Сети. «Наивная» саморепрезентация людей на снимках и их анонимность не предполагает последующих перемен в их образе жизни. Содержащийся здесь драматизм, в основе которого лежит документальность образов, делает подборки источником не сатиры, а скорее юмора, в котором помимо констатации несовершенства предмета наблюдения есть и снисхождение, и сочувствие. Так, в комментариях к подборкам на тему «сельские красавицы» большая часть пользователей отмечает естественность и сексуальность женщин на фотографиях, а ответом на негативные оценки становятся типичные реплики: «Меня женщины интересуют, а антураж – не важен» или «Простые девчонки, с натуральной красотой, без ботексов разных. Да и не у всех есть деньги и возможности снять студию и профессионального фотографа» [Сельский гламур, ковры... В общем всё, что вам нравится].

Ознакомление с сетевыми фотоподборками происходит в рамках тенденции культурной всеядности. Результатом социологического исследования А. Уорда, Д. Райта и М. Гайо-Кэла стали выводы о том, что часть населения западных стран практикует разные формы досуга и соприкасается с различными формами культуры и «широкая вовлеченность, вероятно, сейчас считается признаком хорошего вкуса» [Warde, Wright, Gayo-Cal, 2007, p. 158]. Этим выводам созвучна и дру-

гая работа, в которой культурная всеядность названа одной из актуальных тенденций, а те, кто ей следуют, «извлекают выгоду из более широкой и разнообразной социальной сети, где они могут демонстрировать знания, полученные в результате взаимодействия с людьми из различных социальных кругов, и укрепляют социальное одобрение в этих кругах» [Leguia, Widdop, 2015, p. 49]. Интернет-пространство оказывается наиболее удобной площадкой для ее реализации. Потребление визуальной информации из чуждой социальной среды одновременно выполняет роль развлечения и расширения осведомленности о мире, или иллюзии подобного расширения кругозора.

«Фотокарикатура как наблюдение»

Саморазоблачением фотографической формы сатиры являются подборки фотографий, где представлена сценка или человек, выбивающиеся из действительности публичного пространства (общественный транспорт, магазины или городские улицы; например, «Фрики в метро» или «Модники из российского метрополитена»). Точка зрения фотографа соответствует позиции прохожего или пассажира, кем он и является в действительности. Среди объектов смеха оказываются люди в карнавальных костюмах, «жертвы моды», пассажиры или прохожие с необычным багажом (например, козой, манекеном, огромной мягкой игрушкой и т.д.), настоящие «фрики», осознанно настроенные на эпатаж, или пожилые люди с ментальными отклонениями. В обычной жизни встретить всех этих персонажей за один день не представляется невозможным, они присутствуют в ней в качестве ярких и редких вкраплений. Предполагается сходство оценки происходящего в кадре уличным фотографом-любителем, составителем и пользователя Сети. В этом отражается такая составляющая бытия смеха как «социальное взаимодействие», выражающее общность взгляда и единство понимания [Дмитриев, Сычев, 2005, с. 223]. Как отмечает в своем исследовании В. Д. Эвальё, современная медиасреда метрополитена настроена на то, чтобы объединять пассажиров, формируя черты некоего «идеального виртуального пассажира: в меру интеллигентного, в меру осведомленного, но главное – активного, интересующегося, в целом довольного жизнью человека, в потенциале – не бунтаря и не философа, а работника и потребителя. Метрополитен как бы слагает новую медийную мифопоэтику большого города и его населения в XXI в.» [Эвальё, 2021, с. 17]. Это описание во многом соответствует потребителю фотоизображений из подборок, который противопоставляет себя социальной пестроте реального публичного пространства. В то же время на территории развлекательных порталов метро и другие общественные пространства принимают отчетливо ярмарочные черты.

Заключение

Таким образом, актуальные подборки фотографий формируют направление восприятия фотоизображения в качестве обновленного карикатурного образа. Текстуальная часть подобных материалов: заголовок, вступительный текст, подписи к изображениям, – составляют контекст для сатирического прочтения подобранных изображений. Значимым аспектом является то, что изначально большинство снимков сделаны «моделями» самостоятельно или по просьбе близких и призваны репрезентировать те положительные черты, которые соответствуют их представлению о норме. Разрозненные снимки из личных архивов получают значение карикатуры при попадании в новые условия интерпретации в качестве одного из элементов юмористической подборки. Они оказываются принудительно сгруппированы в соответствии со существующими в европейской культуре запросами и темами, которые традиционно раскрывает карикатура (тема моды, светских или обывательских нравов). С формальной точки зрения в них также обнаруживаются черты, соответствующие приемам карикатуры, – это прежде всего несоответствие и гротеск. Их непреднамеренно воссозданные в реальной жизни проявления фиксируются на снимке и впоследствии помещаются в сатирический контекст, что и создает эту форму фотокарикатуры.

Отправной точкой для составителей комических фотоподборок является традиция социальной критики, реализуемая в сатирической карикатуре. Однако свойственная фотографии документальность вносит значительные коррективы в ее функционирование в качестве карикатуры. Вопреки заявленному намерению авторов возникает возможность амбивалентной интерпретации этих изображений как в направлении остросатирического восприятия, так и в сторону осознания драматизма содержания снимков, демонстрирующих реальность людей, которые стремятся подстроить свою жизнь под растиражированные образы из кинематографа и массмедиа. Эмпатическое восприятие образов возникает в результате осознания реальности запечатленных людей и узнавания повседневно-бытового содержания снимков. При этом в подборках могут объединяться снимки разного времени и разной природы. Они могут

транслировать классические примеры статусного образа в представлении различных субкультур из 1990-начала 2000-х или подражания им того же времени или современные стилизации, которые невольно актуализируют ностальгический дискурс.

Саморепрезентации «моделей» часто соответствуют устойчивым образам-маскам, однако то содержание, которое вкладывается в него впоследствии авторами подборки может резко расходится с предполагаемым замыслом: «настоящий мужчина», «крутой парень» или «боевая подруга» превращаются в «гопника» или в «гопницу», «сексуальная женщина» – в «женщину легкого поведения», «совершенное тело» – в «деформированное тело». Речь здесь идет о намеренной объективации людей на снимках, демонстрации на их примере клишированного социального типа. Многие их этих подборок были сформированы в середине 2010-х, когда, к примеру, отечественный «пацанский» образ еще не был так широко растиражирован в массмедиа, кинематографе и мировой фэшн-индустрии. Эти материалы продолжают распространяться в сети и сегодня, однако их оценка оказывается еще более неоднозначной.

Прежде характер карикатурного образа являлся результатом игры воображения художника, теперь для придания карикатурного значения требуется автор-составитель, который подбирает для изображения контекст, наделяющий его комическим содержанием или его выявляющий. Однако при всем формальном соответствии жанру карикатуры цель размещения этих снимков – чистое развлечение зрителей и привлечение новых пользователей, от числа которых зависит коммерческий успех интернет-ресурсов. Они настроены не на перевоспитание объекта смеха, а на подтверждение соответствия некой норме зрителя. Проникновение любительских фотоснимков из личных фотоальбомов в публичное пространство отодвигает фигуру фотографа, возвращая нас к более простой форме частного наблюдения невооруженным глазом за окружающими. Составитель и предполагаемый пользователь объединены этой позицией наблюдателя, при этом содержащая критическую оценку подача материала предполагает совпадение этой авторской точки зрения с мнением остальных пользователей. На практике восприятие подобных фотографических изображений оказывается гораздо более сложным комплексом оценок. Здесь может сочетаться безнаказанный в силу своей анонимности смех над отклонением от нормы, агрессия, вызванная неприятием Другого, эмпатия и ностальгия. Последние реакции являются следствием того, что фотоизображение, даже демонстрируемое с позиций комического, сохраняет свою соотнесенность с реальностью.

В целом пространство виртуальной «новой площади» становится местом актуализации различных граней комического: от грубого оценочного юмора до мягкого и сочувствующего.

Библиографический список

1. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.

2. Борев Ю. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. Москва : Искусство, 1970. 268 с.

3. Веблен Т. Б. Теория праздного класса : [16+]. Москва : АСТ, 2021. 382 с.

4. Воронина О. А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник ЦМО МГУ. Русистика. 2009. № 2. С. 14–17.

5. Вулис А. З. В лаборатории смеха. Москва : Художественная литература, 1966. 144 с.

6. Гопники (75 фото). URL: https://kaifolog.ru/photo-prikoly/4640-gopniki-75-foto.html (дата обращения 17.06.2023).

7. Гурьева М. М. Повседневная фотография в современном культурном контексте. Санкт-Петербург, 2009. 168 с.

8. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Смех. Социофилософский анализ. Москва : Альфа-М, 2005. 591 с.

9. Дормидонова Т. Ю. Гротеск как тип художественной образности : от Ренессанса к эпохе авангарда. Тверь, 2008. 157 с.

10. Ефимов. Б. Школьникам о карикатуре и карикатуристах: книга для учащихся. Москва : Просвещение, 1976. 192 с.

11. Жертвы соцсетей или сельский гламур во всей красе. URL: https://dosuga.net/prikol/42449-zhertvy-socsetey-ili-selskiy-glamur-vo-vsey-krase.html (дата обращения 16.06.2024).

12. История уродства / под ред. Умберто Эко. Москва : Слово / SLOVO, 2007. 455 с.

13. «Какое позорище!»: российские знаменитости, которые ужасно одеваются. URL: https://fishki.net/3732453-kakoe-pozoriwe-rossijskie-znamenitosti-kotorye-uzhasno-odevajutsja.html (дата обращения 17.06.2024).

14. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. Москва : ЮНИТИ, 2005. 383 с.

15. Кондаков И. В. Смех сквозь слезы: кинотрагикомедия Гайдая 1960-х – начала 1970-х в контексте эпохи // Кинокомедия советского времени: история, звучания, подтексты. Москва : Канон-Плюс, 2023. С. 297–317.

16. Масланов Е. В. Город и интернет: общие проблемы конструирования пространства коммуникации // Урбанистиска. 2018. №3. С. 57–63.

17. Мочалов В. // Воспоминания о журнале «Крокодил». URL: http://cartoonia.ru/ru/library/memoirs/vospominaniya-o-zhurnale-krokodil-vladimir-mochalov/ (дата обращения 15.09.2023).

18. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. Москва : Художественная литература, 1977. 358 с.

19. Сальникова Е. В. Визуальная культура в медиасреде. Современные тенденции и исторические экскурсы. Москва : Прогресс-Традиция, 2017. 552 с.

20. Сельский гламур, ковры... В общем всё, что вам нравится. URL: https://www.yaplakal.com/forum2/st/225/topic2558018.html (дата обращения 17.06.2024).

21. Сонтаг С. Меланхолические объекты // С. Сонтаг. О фотографии. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2018. С. 69–113.

22. Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика смеха в интернете: ценностно-нормативная регуляция и ответственность // Художественная культура. 2023. № 1. С. 68–85.

23. Фрумкин К. Рождение нежного мира // Знамя. 2021. №7. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2021/7/rozhdenie-nezhnogo-mira.html (дата обращения 01.08.2023).

24. Штейнис З. «Шлуота» // Мастера советской карикатуры. Москва : Советский художник, 1984. 39 с.

25. Эвальльё В. Д. Экранная среда в пространстве Московского метрополитена // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 8–20.

26. Юргенева А. Л. Комизм в фотографии и графике Литвы 1970–1980-х // Художественная культура. 2024. № 1. С. 350–381.

27. Leguia A., Widdop P. With a little help from my friends: music consumption and networks // Sociologia: Revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto. 2015. No 5. P. 41–66.

28. Ramsey L. R., Horan A. L. Picture this: Women's self-sexualization in photos on social media // Personality and Individual Differences. Vol. 133. 15 October 2018. P. 85–90.

29. Ruckel L., Hill M. // Look @ Me 2.0: Self-Sexualization in Facebook Photographs, Body Surveillance and Body Image // Sexuality & Culture. 2017. Vol. 21. P. 15–35.

30. Taubach P.F. ‘On social photography’. Exploring the postmodern condition of social media photography. University of Aberdeen. 2016. URL: https://www.academia.edu/27122389/On_Social_Photography_Exploring_the_Postmodern_Condition_of_Social_Media_Photography. 45 p. (дата обращения 17.06.2024)

31. Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. Understanding cultural omnivorousness: Or, the myth of the cultural omnivore // Cultural sociology. 2007. Vol. 1. № 2. P. 143–164.

Reference list

1. Bojcova O. Ju. Ljubitel'skie foto: vizual'naja kul'tura povsednevnosti = Amateur photos: visual culture of everyday life. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 266 s.

2. Borev Ju. Komicheskoe ili o tom, kak smeh kaznit nesovershenstvo mira, ochishhaet i obnovljaet cheloveka i utverzhdaet radost' bytija = The comical, or how laughter executes the imperfections of the world, purifies and renews man, and affirms the joy of being. Moskva : Iskusstvo, 1970. 268 s.

3. Veblen T. B. Teorija prazdnogo klassa = The theory of the idle class: [16+]. Moskva : AST, 2021. 382 s.

4. Voronina O. A. Karikatura kak vid kreolizovannogo teksta = Caricature as a type of creolized text // Vestnik CMO MGU. Rusistika. 2009. № 2. S. 14–17.

5. Vulis A. Z. V laboratorii smeha = In the laughter laboratory. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1966. 144 s.

6. Gopniki = Gopniks (75 foto). URL: https://kaifolog.ru/photo-prikoly/4640-gopniki-75-foto.html (data obrashhenija 17.06.2023).

7. Gur'eva M. M. Povsednevnaja fotografija v sovremennom kul'turnom kontekste = Everyday photography in a contemporary cultural context. Sankt-Peterburg, 2009. 168 s.

8. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Smeh. Sociofilosofskij analiz = Laughter. A socio-philosophical analysis. Moskva : Al'fa-M, 2005. 591 s.

9. Dormidonova T. Ju. Grotesk kak tip hudozhestvennoj obraznosti : ot Renessansa k jepohe avangarda = Grotesque as a type of artistic imagery: from the Renaissance to the avant-garde era. Tver', 2008. 157 s.

10. Efimov. B. Shkol'nikam o karikature i karikaturistah: kniga dlja uchashhihsja = To schoolchildren about caricature and caricaturists: a students' book. Moskva : Prosveshhenie, 1976. 192 s.

11. Zhertvy socsetej ili sel'skij glamur vo vsej krase = Social media victims or rural glamor in all its glory. URL: https://dosuga.net/prikol/42449-zhertvy-socsetey-ili-selskiy-glamur-vo-vsey-krase.html (data obrashhenija 16.06.2024).

12. Istorija urodstva = History of ugliness / pod red. Umberto Jeko. Moskva : Slovo / SLOVO, 2007. 455 s.

13. «Kakoe pozorishhe!»: rossijskie znamenitosti, kotorye uzhasno odevajutsja = «What a disgrace!»: Russian celebrities who dress horribly. URL: https://fishki.net/3732453-kakoe-pozoriwe-rossijskie-znamenitosti-kotorye-uzhasno-odevajutsja.html (data obrashhenija 17.06.2024).

14. Kalmykov A. A., Kohanova L. A. Internet-zhurnalistika = The Internet journalism. Moskva : JuNITI, 2005. 383 s.

15. Kondakov I. V. Smeh skvoz' slezy: kinotragikomedija Gajdaja 1960-h – nachala 1970-h v kontekste jepohi = Laughter Through Tears: Gaidai's tragicomedy of

the 1960s and early 1970s in the context of the time // Kinokomedija sovetskogo vremeni: istorija, zvuchanija, podteksty. Moskva : Kanon-Pljus, 2023. S. 297–317.

16. Maslanov E. V. Gorod i internet: obshhie problemy konstruirovanija prostranstva kommunikacii = The City and the Internet: common problems in constructing communication space // Urbanistiska. 2018. №3. S. 57–63.

17. Mochalov V. // Vospominanija o zhurnale «Krokodil» = Memories of the Crocodile magazine. URL: http://cartoonia.ru/ru/library/memoirs/vospominaniya-o-zhurnale-krokodil-vladimir-mochalov/ (data obrashhenija 15.09.2023).

18. Nikolaev D. P. Satira Shhedrina i realisticheskij grotesk = Shchedrin's satire and realistic grotesque. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 358 s.

19. Sal'nikova E. V. Vizual'naja kul'tura v mediasrede. Sovremennye tendencii i istoricheskie jekskursy = Visual culture in the media space. Modern trends and historical background. Moskva : Progress-Tradicija, 2017. 552 s.

20. Sel'skij glamur, kovry... V obshhem vsjo, chto vam nravitsja = Rural glamor, carpets... Anything you like. URL: https://www.yaplakal.com/forum2/st/225/topic2558018.html (data obrashhenija 17.06.2024).

21. Sontag S. Melanholicheskie ob#ekty = Melancholic objects // S. Sontag. O fotografii. Moskva : Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2018. S. 69–113.

22. Tul'chinskij G. L. Pragmasemantika smeha v internete: cennostno-normativnaja reguljacija i otvetstvennost' = Pragmasemantics of laughter on the Internet: value-normative regulation and responsibility // Hudozhestvennaja kul'tura. 2023. № 1. S. 68–85.

23. Frumkin K. Rozhdenie nezhnogo mira = The birth of a gentle world // Znamja. 2021. №7. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2021/7/rozhdenie-nezhnogo-mira.html (data obrashhenija 01.08.2023).

24. Shtejnis Z. «Shluota» = «Shluota» // Mastera sovetskoj karikatury. Moskva : Sovetskij hudozhnik, 1984. 39 s.

25. Jevall'jo V. D. Jekrannaja sreda v prostranstve Moskovskogo metropolitena = Screen environment in the Moscow Metro space // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2021. T. 60. S. 8–20.

26. Jurgeneva A. L. Komizm v fotografii i grafike Litvy 1970–1980-h = The comic effect in Lithuanian photography and graphics of the 1970s-1980s // Hudozhestvennaja kul'tura. 2024. № 1. S. 350–381.

27. Leguia A., Widdop P. With a little help from my friends: music consumption and networks // Sociologia: Revista da Faculdade de Letras da Universidade do Porto. 2015. No 5. R. 41–66.

28. Ramsey L. R., Horan A. L. Picture this: Women's self-sexualization in photos on social media // Personality and Individual Differences. Vol. 133. 15 October 2018. P. 85–90.

29. Ruckel L., Hill M. // Look @ Me 2.0: Self-Sexualization in Facebook Photographs, Body Surveillance and Body Image // Sexuality & Culture. 2017. Vol. 21. P. 15–35.

30. Taubach P.F. 'On social photography'. Exploring the postmodern condition of social media photography. University of Aberdeen. 2016. URL: https://www.academia.edu/27122389/On_Social_Photography_Exploring_the_Postmodern_Condition_of_Social_Media_Photography. 45 p. (data obrashhenija 17.06.2024)

31. Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. Understanding cultural omnivorousness: Or, the myth of the cultural omnivore // Cultural sociology. 2007. Vol. 1. № 2. R. 143–164.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 24.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

Научная статья
УДК 130.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-245
EDN: MVIHZD

Деконструкция стереотипов образов азиатских женщин в американской культуре

Екатерина Михайловна Караваева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №2, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ. 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76
ek.m.karavaeva@my.mgimo.ru, https://orcid.org/0000-0002-7743-1293

Аннотация. В статье рассматривается переосмысление стереотипов в отношении азиатских и азиато-американских женщин в американской литературе и культуре в координатах современной социокультурной парадигмы. Новые аспекты рассмотрения социальных и эстетических реалий, такие как усиление феминистской повестки и фокус на гендерно-этнической идентичности, способствуют формированию иного взгляда на произведения литературного наследия. Традиционная литература об азиато-американцах, созданная в основном белыми европейскими или американскими авторами, отражает предвзятость и субъективность взгляда на азиато-американцев. В фокусе внимания находится исследование вопроса, в какой степени восприятие персонажей читателем зависит от происхождения автора и избранной им оптики. Автор статьи делает попытку выявить современные тенденции в трансформации образа восточной женщины и определить особенности авторской интерпретации традиционных гендерных стереотипов в американской литературе. Анализ произведений американских авторов азиатского происхождения позволяет сделать вывод о том, что их знание материала и взгляд изнутри предлагают иную точку зрения и способствуют слому стереотипов, искажающих образы азиатских женщин. Новые социальные и эстетические реалии побуждают азиато-американских авторов более реалистично отражать опыт своего этнического меньшинства и бросить вызов устойчивым женским стереотипам. Аутентичность, возникающая из личного опыта автора, придает персонажам многогранность. Изменение дискурса и авторской перспективы, без сомнения, способствует деконструкции стереотипов. Таким образом, одним из лучших способов борьбы со стереотипами в литературе становится внимание к природе авторского влияния на читателя и способам получения эмоционально-когнитивного отклика читателя.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; образы азиатских женщин; предвзятость; деконструкция стереотипов; новая трактовка; аутентичность; женственность

Для цитирования: Караваева Е. М. Деконструкция стереотипов образов азиатских женщин в американской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 245–251. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-245. https://elibrary.ru/MVIHZD

Original article

Deconstruction of asian women's stereotypes in american culture

Ekaterina M. Karavaeva
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the english language No. 2, Moscow state institute of international relations of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation. 119454, Moscow, Vernad-sky prospect, 76
ek.m.karavaeva@my.mgimo.ru, https://orcid.org/0000-0002-7743-1293

Abstract. The article considers the rethinking of stereotypes about asian and asian-american women in american literature and culture in terms of the contemporary sociocultural paradigm.

The rise of feminism and the focus on gender-ethnic identity contribute to shaping a new perspective on classical literary heritage. The traditional literature about asian-americans, written mostly by white european or american authors, reflects a biased and subjective view of asian-americans. The research focus is to investigate the extent to which the reader's perception of characters depends on the author's background and the perspective they choose. The author of the article makes an attempt to find out the modern trends in transforming the image of an Oriental woman and to determine specific auteur interpretations of traditional gender stereotypes in american literature. The analysis of the works of asian-american authors suggests that their knowledge of the subject matter and their insight offer a different

© Караваева Е. М., 2025

perspective and contribute to breaking stereotypes that distort images of asian women. New social and aesthetic realities encourage asian-american authors to more realistically reflect the experience of their ethnic minority and challenge persistent female stereotypes. Authenticity arising from the author's personal experience gives the characters a multifaceted character. The change in discourse and authorial perspective undoubtedly contributes to deconstructing stereotypes. Thus, one of the best ways to combat stereotypes in literature is to consider the nature of the author's influence on the reader and the ways to elicit an emotional and cognitive response from the reader.

Key words: gender stereotypes; asian female images; bias; deconstruction of stereotypes; new perspective; authenticity; femininity

For citation: Karavaeva E. M. Deconstruction of asian women's stereotypes in american culture. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(1):245–251. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-245. https://elibrary.ru/MVIHZD

Введение

Усиление феминистской повестки в американском обществе в первые десятилетия XXI века дало импульс к переосмыслению образа и роли женщины в культуре и литературе. Появление общественных движений по осуждению сексуального насилия и домогательства и кампаний по расширению возможностей через сочувствие способствуют росту числа дискуссий, посвящённых не только гендерной, но и гендерно-этнической, в частности азиатской и азиато-американской идентичности и ее отражению в объектах культуры. История культуры, и литературы в частности, обнаруживает двойную связь с историческими изменениями женских образов. С одной стороны, литература в своих понятиях фиксирует меняющиеся представления о женских характерах, а авторы пытаются соответствовать обусловленным временем нормам восприятия женщины. С другой стороны, литературные произведения активно содействуют изменению представлений о женском характере. Как справедливо отмечают О. Н. Краснова и М. П. Гребнева, «традиционные объекты филологии – текст и естественный язык – начинают изучаться в связи с человеком, его личностью, сознанием, деятельностью, социальным опытом, индивидуальностью». [Краснова, Гребнева, 2018, с. 7]. Таким образом, исследования по истории литературы должны учитывать наличие этих двух тенденций: изменение литературы под влиянием новых понятий восприятия женщины и изменения самих этих понятий под влиянием новых литературных моделей.

Новые аспекты рассмотрения социальных и эстетических реалий способствуют переосмыслению, иному прочтению произведений литературного наследия. Современные исследователи поднимают вопросы искажённого восприятия образа азиато-американских женщин в литературе. Традиционная литература об азиато-американцах создавалась в основном белыми европейскими или американскими авторами, чьи представления об Азии и её жителях основывались на вторичных источниках и пересказах, а не на собственном опыте. Это породило однобокость и субъективность взгляда на азиато-американцев, которые «испытывают влияние со стороны ориентального расизма, эндемичного для американской культуры на протяжении столетий» [Ставропольский, 2015, с. 4]. Театральные постановки и фильмы лишь распространяли устойчивые клише и укрепляли стереотипное восприятие американцев азиатского происхождения. Появление американских авторов азиатского происхождения, продвигающих новую повестку, предлагает новую трактовку образа азиатских женщин.

Цель исследования состоит в выявлении современных тенденций в трансформации гендерных стереотипов в американской литературе.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили пьесы и рассказы современных азиато-американских авторов. В качестве методов исследования использованы историко-этимологический и концептуальный анализ.

В центре внимания автора статьи – образы главных героинь, становление и развитие их характеров. Попытка определить на основе выбранного материала особенности авторской интерпретации традиционных гендерных стереотипов, входит в **задачу** настоящей работы.

Актуальность данного исследования определяется важностью изучения стереотипов в отношении азиатских и азиато-американских женщин и их воплощения в американской культуре в координатах новой социокультурной парадигмы. Рассмотрим, как образы, созданные американскими авторами азиатского происхождения, обогащаются новыми смыслами, выходя за рамки канонической фигуры азиатской женщины.

Образ азиатской женщины в западной литературе

Формирование стереотипа в отношении азиатских женщин происходило под сильным влияни-

ем конфуцианской традиции. Идеалы конфуцианской добродетели включают в себя подчинение власти, уступчивость по отношению к другим людям, постоянную заботу об удовлетворении потребностей других людей. Женщина должна была жить интересами семьи, выполнять обязанности почтительной дочери, послушной невестки, верной жены и заботливой матери, соблюдая при этом все предписанные конфуцианством правила [Ли, 2018, с. 205]. Таким образом, экзотичность и миниатюрность в сочетании с податливостью и незаметностью прочно ассоциируются с образом женщины азиатского происхождения [Ставропольский, 2015, с. 4]. Не секрет, что в выборе своей позиции и солидарности с той или иной группой львиную долю играет проекция и самоидентификация через проекцию. Современные американки азиатского происхождения признаются, что «восприятие их как экзотических, покорных, пассивных и неуверенных в себе» определяет их поведение в соответствии с этими стереотипами. Хрупкость и женственность подрывают авторитет и лишают доверия в глазах коллег [Nguyen, 2016, с. 131].

Западная, американская литература в частности, стала своеобразным зеркалом, отразившим представления авторов о том, какими качествами должна была обладать восточная женщина. Одной из первых иллюстраций образа «фарфоровой куколки» – хрупкой и податливой героини – является рассказ «Мадам Баттерфляй» американского юриста и писателя Джона Лютера Лонга. В последующем тема рассказа была многократно адаптирована в пьесах, опере и мюзиклах. Среди наиболее известных работ можно выделить «Трагедию Японии» Дэвида Беласко, оперу Пучини «Мадам Баттерфляй» и мюзикл «Мисс Сайгон» Клода-Мишеля Шёнберга. К несомненным заслугам этих произведений традиционно относят точность изображения восточной культуры, музыкальность и драматизм любовной линии. В то же время, реакцию со стороны японского и вьетнамского сообществ в Америке можно назвать противоречивой, а многие азиато-американские художники, активисты и ученые считают, что данные произведения лишь укрепляют негативные стереотипы. В изображении женских образов авторы-мужчины пользовались стандартным набором художественных средств. Женщина предстает как «объект эстетического наслаждения в неразрывной связи с окружающей ее обстановкой и предметами будуара» [Малахевич, 2022, с. 86]. По мнению Тимоти Ю, проблема происходит из устойчивой традиции, «в которой азиатские женщины рассматриваются исключительно в качестве трофея, который нужно завоевать» [Yu, 2019, с. 26]. Ему вторит Дип Тран в рецензии на «Мисс Сайгон»: «Если создатели шоу стремились рассказать историю вьетнамцев, то ни в одном из персонажей, которых мы видим на сцене, мы не узнаем ни себя, ни своих родителей. Напротив, мы видим лишь отчаявшихся, жалких жертв – людей, которые кардинально отличались от стойких, смелых, многоликих жителей маленького Сайгона» [Tran, 2017, с. 18]. Основная претензия Тран обращена к оптике, избранной авторами при изображении героинь: персонажи мюзикла соответствуют стереотипам, распространенным в западной аудитории, но никак не отражают мировоззрение вьетнамского общества.

Пьесы, положенные в основу популярных бродвейских мюзиклов «Юг Тихого океана», «Король и я», «Песня цветочного барабана», во многом поддерживают этот искаженный взгляд на азиатскую женщину. По мнению многих азиато-американских критиков, создатели мюзиклов «не стремились к аутентичности. Напротив, им пришлось создать восточную атмосферу в контексте, приемлемом для американской аудитории. «Американцы видели варварскую страну, которая соответствовала их представлению о том, как должен выглядеть восточный человек» [Pippin, 2000, с. 37]. В капиталистическом обществе, которое по своей сути является мужским, женщина – это всегда предмет обладания, собственность, «объект применения инстинкта» для мужчины [Придорогина, 2020, с. 78]. Для многих азиато-американцев эти произведения отражают ложное представление о людях восточного происхождения. К сожалению, устойчивый интерес к произведениям, созданным авторами неазиатского происхождения, способствует укреплению предрассудков и посылает сигнал азиато-американскому сообществу, что и XXI веке унизительные стереотипы по-прежнему сильны. По мнению критиков, и сами произведения, и представления о них требуют переосмысления в контексте современного общества, где умение слышать и давать голос тому, кого считали жертвой, учиться примерять на себя эту оптику и есть одно из главных достижений.

Переосмысление стереотипов

В этом контексте актуальным представляется исследование вопроса, в какой степени восприятие персонажей читателем зависит от происхождения автора и избранной им оптики. Знание материала и взгляд изнутри американских авторов азиатского

происхождения предлагают иную точку зрения и способствуют слому стереотипов, искажающих образы азиатских женщин. Представляет интерес пьеса американского драматурга азиатского происхождения Престона Чой «Выдуманная история». Автор создает воображаемое пространство, в котором героини известных произведений «Мадам Батерфляй», «Мисс Сайгон» и «Кумико – охотница за сокровищами» фантазируют о том, как могла бы сложиться их судьба, если бы женщины могли распоряжаться собственной судьбой и тем самым изменить трагический финал классических произведений. Особенно ярким в пьесе является образ Чио Чио Сан. Чой пытается отойти от стереотипного и унизительного образа жертвы. Его Чио Чио Сан борется за обретение контроля над своей жизнью и противостоит лицемерной ситуации, в которой она должна посвятить жизнь человеку, который ее не любит. Рамки пьесы раздвигаются не только в ширину, но и в глубину времени: художественное пространство произведения становится, прежде всего, пространством смысла. Автор бросает вызов читателям, заставляя их задуматься над неудобными вопросами: «Почему смерть героинь в финале произведений воспринимается естественной и ожидаемой и вызывает бурю аплодисментов? Какую идею это транслирует японским и вьетнамским женщинам об их роли в обществе?» Таким образом, пьеса заставляет читателя переосмыслить восприятие этих персонажей и отношение к азиато-американскому сообществу в целом.

На театральной сцене интересен мюзикл Джей Куо «Верность», ставший первым азиато-американским бродвейским спектаклем, в котором команда создателей практически полностью состоит из людей азиатского происхождения. Действие мюзикла разворачивается во времена интернирования японцев в ходе второй мировой войны и частично описывает личный опыт Джорджа Такая, исполнителя одной из главных ролей. Джей Куо поднимает вопросы иммиграции, ксенофобии и страха войны и рассказывает историю с точки зрения американцев японского происхождения. Авторское «знание материала и взгляд изнутри» имеют принципиальное значение для азиато-американской аудитории [Tran, 2015, с. 3].

Именно изображение женских персонажей в «Выдуманной истории» и «Верности» отличает эти произведения от «Мадам Батерфляй», «Мисс Сайгон» и «Король и я». В последних трех женские персонажи воспроизводят стереотип безвольных и покорных игрушек в руках мужчины, в то время как героини «Верности» и «Выдуманной истории» бросают вызов предрассудкам. Обеих женщин отличают сила характера и твердость духа. У них есть собственные желания, мечты, достоинства и недостатки. Смещение фокуса с этнического начала на общечеловеческое и гуманистическое позволяет аудитории почувствовать эмпатию к обеим женщинам, каждая из которых рассказывает свою историю, а не следует навязанному стереотипу.

По справедливому замечанию Ю.В. Ставропольского, «стереотип азиатской женщины либо демонстративно пассивен, либо экзотично сексуален» [Ставропольский, 2015, с. 5]. Мягкой и послушной «фарфоровой куколке» противопоставляется сильная, властная, загадочная, соблазнительная и уверенная в себе «женщина-дракон». Подобный взгляд на образ восточной женщины подвергся некоторой эволюции. Изначально «женщина-дракон» представляла собой соблазнительную манипуляторшу, близкую к «фарфоровой куколке», покладистую и покорную мужчине. Но появление фильмов с элементами боевых искусств изменило образ «женщины-дракона». Теперь она более агрессивна, опасна, иногда даже беспощадна, готова убить любого, кто встанет на ее пути.

Среди произведений, авторы которых пытаются сломать укоренившийся стереотип беспощадной и жесткой героини, отметим пьесу азиато-американского автора Киппа Эранте Ченга «Убийство в китайском ресторане». Написанная в жанре нуар, пьеса следует всем канонам жанра: напряженный сюжет, жесткий реализм, склонность персонажей к саморазрушению. Главная героиня – повар ресторана, становится первой подозреваемой в убийстве, совершенном с помощью палочек для еды. Ломаный английский, на котором она начинает свой монолог, лишь укрепляет образ типичной «женщины-дракона». Однако в середине монолога героиня превращается в красивую женщину, которая говорит на прекрасном английском, что поражает всех персонажей пьесы. Теперь «женщина-дракон» стала собой настоящей и не боится противостоять стереотипам. Такая трансформация должна демонстрировать, как меняются ожидания аудитории в отношении созданных образов. Момент, когда героиня бросает вызов традиционным ожиданиям, заставляет аудиторию осознать всю условность и лживость ограничений, навязанных обществом.

Похожая эволюция образа азиатской женщины отражена в пьесе Велины Хасу Хьюстон «Чай». Сюжет разворачивается вокруг истории жизни пяти японских женщин в Канзасе, где они оказались после второй мировой войны. Самоубийство

одной из героинь, Химико, в начале пьесы заставляет ее подруг собраться в доме покойной, чтобы разобрать вещи и провести традиционную чайную церемонию. Временные рамки пьесы раздвигаются, и персонаж Химико возникает в образе призрака, то молча наблюдая за подругами, то вступая в общий разговор. Персонажи-призраки – типичный элемент в произведениях азиатских писателей – отсылают к традиционным восточным сказкам и легендам. Каждая из героинь рассказывает свою историю, вспоминая, как они познакомились со своими мужьями-американцами во времена оккупации Японии, и какие трудности они преодолели после переезда в Америку. Пьесу отличает особый личный взгляд автора: ее мать была той самой «трофейной женой», которую муж-американец привез из Японии после войны. Хьюстон опирается на опыт матери и других японок, оказавшихся в Америке, с которыми она беседовала в ходе работы над пьесой. Произведение пропитано экзистенциальными размышлениями героинь о дискриминации, не только со стороны белого населения, но и внутри своего этнического сообщества, чувстве отчуждения и культурной адаптации в их новой жизни в Канзасе. Духовную, нравственную силу героинь автор видит в их бескорыстной дружбе, в которой они черпают утешение и надежду. Сильные, открытые, честные и ранимые женщины рассказывают о своих переживаниях и бросают вызов ложным стереотипам. Истории героинь утверждают, что человек наделен волей и силой принимать свободное решение, исходя из представлений о добре и зле, об ответственности и страхе, о любви и хрупкости, о будущем. Таким образом, собственная идентичность – это личный выбор, а не навязанный обществом стереотипный образ. Динамика этих образов передает эволюцию азиатской женщины от покорности и подчинения к пробуждению самосознания и активному действию.

Удивительным образом, позитивные стереотипы, такие как образ «матери-тигрицы» и понятие «образцового меньшинства», возникшие в среде самих азиатов и азиато-американцев, лишь усугубляют проблему дискриминации. Азиатские родители заслужили репутацию авторитарных и требовательных воспитателей. Их дети часто испытывают сильнейшее давление достигать высоких результатов в школе, а в случае провала подвергнуться наказанию. Таким образом, возникло понятие «образцового меньшинства», обычно относящееся к азиато-американцам, которые часто добиваются успеха в академической, экономической и культурных сферах. При этом термин создал завышенные ожидания в отношении самого азиато-американского населения. В целом можно утверждать, что этот стереотип имел неблагоприятный эффект на психологическое здоровье азиато-американцев.

В отличие от «фарфоровой куколки» и «женщины-дракона», образы «матери-тигрицы и образцового меньшинства» широко отражены в литературе, созданной азиато-американскими авторами. Пьеса Вильяма Финна «Ежегодное состязание» обнажает стереотип «образцового меньшинства». В центре сюжета – школьное соревнование по орфографии, в ходе которого каждый участник рассказывает свою личную историю. Героиня Марси Парк должна бы являть собой пример исключительно успешного ребенка из азиатской семьи, потому что говорит на шести языках, состоит в хоккейной команде, играет в регби и исполняет произведения Шопена и Моцарта на разных музыкальных инструментах. Однако по мере развития сюжета читатель узнает, что девочка спит лишь по три часа в день, прячется в ванной, чтобы избежать очередного конкурса или концерта и вообще устала от постоянных побед. Воплощая «идеальное образцовое меньшинство», героиня испытывает сильнейшее давление и стремится освободиться от навязанной ей роли.

Образ «матери-тигрицы» обнаружим и в одном из культовых произведений азиато-американской литературы – романе Эми Тан «Клуб радости и удачи». В основе композиции романа – рассказы-воспоминания представительниц двух поколений – матерей, бежавших из Китая в 1940-х годах, и их дочерей, выросших в Америке. Подобно многим азиато-американским писательницам Эми Тан прибегает к жанру автобиографии, рассказывая свою историю выживания и становления в США. Мать главной героини Джин-мей приехала в Америку с оптимистическими мечтами и, подобно многим иммигрантам, полагала, что труд и упорство могут привести к успеху. Мать старается найти у дочери какой-нибудь талант и заставляет ее учиться играть на пианино. Она требует от дочери высоких результатов, постоянно сравнивая ее с дочерями своих подруг. Джин-мей, испытывая давление соответствовать «образцовому меньшинству», бросает занятия музыкой и ощущает лишь разочарование и чувство недостойности из-за возложенных на нее ожиданий. Мать, со своей стороны, осознает, что ее стиль воспитания угнетает дочь, но подчеркивает, что всегда гордилась ею. Женщинам удается прийти к примире-

нию и вырваться из рамок, навязанных стереотипами. Исследуя противоречия жизни, автор показывает сложные и многогранные женские характеры. Пытаясь найти ответы на вопросы «Кто я?» и «Где мое место?», тихие и скромные восточные девочки позднее превратились в успешных американок, которые выработали свои собственные правила. Двойной маргинальный статус – в отношении пола и расы – заставлял их выйти за общественно установленные рамки и позволил создать новое пространство, в котором могут мирно сосуществовать старый и новый миры, их прошлое и настоящее [Караваева, 2010, с. 140].

Заключение

Обобщая сказанное, сделаем следующие выводы. Исследования показали, что белые американские авторы вольно или невольно содействовали распространению клише и укреплению стереотипов об азиатских женщинах, создавая плоских одно- или двухмерных персонажей, лишенных человечности. Начало XXI века обозначило новый виток в развитии образа азиатской героини. Новые социальные и эстетические реалии побуждают азиато-американских авторов более реалистично отражать опыт своего этнического меньшинства и бросить вызов устойчивым женским стереотипам. В их произведениях мы видим попытки перенесения акцентов с этнического начала на общечеловеческое, стремление раскрыть внутренний мир героинь. Образ азиатской женщины кардинально меняется: теперь это образованная, самостоятельная, имеющая собственное мнение женщина.

Аутентичность, возникающая из личного опыта автора, придает персонажам многогранность. Изменение дискурса и авторской перспективы без сомнения способствует деконструкции стереотипов. Таким образом, одним из лучших способов борьбы со стереотипами в литературе становится внимание к природе авторского влияния на читателя и способам получения эмоционально-когнитивного отклика читателя.

Библиографический список

1. Караваева Е. М. Репрезентация американских ценностей в рассказе Эми Тан «Бывают только такие» // Филологические науки в МГИМО. 2010. №42(57). С. 136–140

2. Краснова О. Н., Гребнева М. П. Ключевое слово «сердце» в структуре повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: текстовые связи с глубинными сторонами индивидуального мира повествователя // Филология и человек. 2018. № 4.

3. Ли С. Ю. Трансформация образа женщины в южнокорейской литературе (конец 1990-х – 2000-е гг.) // Проблемы литератур Дальнего Востока. Сборник материалов VIII Международной научной конференции. 24-28 августа 2018 г. Т. 2. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2018. С. 202–210

4. Малахевич Д. Е. Образ женщины в китайской лирике периода Шести династий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 86–93.

5. Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 3. С. 207–219.

6. Придорогина Е. А. Демистификация «мифа о женщине» в ранних пьесах Эльфриды Елинек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 77–80.

7. Ставропольский Ю. В. Методологический анализ понятий феминности и азиатской принадлежности в дискурсе социологии расы (на примере Японии) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 5. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/07/53742 (дата обращения: 26.12.2024).

8. Belasco D. Madame Butterfly: A Tragedy of Japan . Columbia University. URL: www.columbia.edu/itc/music/NYCO/butterfly/images/belasco_sm.pdf (accessed: 26.06.2024)

9. Choi P. This is Not a True Story. 2019.

10. Finn W. The 25th Annual Putnam County Spelling Bee. 2004

11. Houston Velina Hasu. Tea. Dramatists Play Service, Inc, 2007.

12. Kumiko, the Treasure Hunter. IMDb.com, 20 Feb. 2015, URL: www.imdb.com/title/tt3263614/ (accessed: 26.12.2024).

13. Kim E. Asian American Literature: An Introduction to the Writings and Their Social Context. Philadelphia : Temple University Press. 1982.

14. Long J. L. Madame Butterfly, Purple Eyes, Etc. MSS Information Corp., 1972.

Mukkamala, Shruti, and Karen L. Suyemoto. «From Exotic to Invisible: Asian AmericanWomens' Experiences of Discrimination». American Psychological Association, American Psychological Association, 26 July 2018, URL: www.apa.org/pubs/highlights/spotlight/issue-119 (accessed: 26.06.2024)

15. Nguyen C. Asian American Women Faculty: Stereotypes and Triumphs. In BettyTaylor (Ed.), Listening to the Voices: Multi- ethnic Women in Education. SanFrancisco, CA : University of San Francisco, 2016. P. 129–136.

16. Pippin L. M. The Sound of Prejudice : a Look at Rodgers and Hammerstein's Asian Musicals and Racial Stereotypes. 2000. P. 1–58.

17. Tan A. The Joy Luck Club. Salem Press, 2010.

18. Tran D. «From Orientalism to Authenticity: Broadway's Yellow Fever». AMERICAN THEATRE, 27 Oct. 2015. URL: www.americantheatre.org/2015/10/27/from-

orientalism-to-authenticity-broadways-yellow-fever/ (accessed: 26.12.2024).

19. Tran D. «I Am Miss Saigon, and I Hate It». AMERICAN THEATRE, 13 Apr. 2017. URL: www.americantheatre.org/2017/04/13/i-am-miss-saigon-and-i-hate-it/. (accessed: 26.06.2024).

20. Wong C., Sau-ling, Santa Ana, Jeffrey J. Gender and Sexuality in Asian American Literature. Chicago Journal, V. 25, N. 11 (Autumn, 1999). P. 171–226.

21. Yu T. «What's Wrong with Miss Saigon?» Asian American Studies, 27 Mar. 2019. URL: asianamerican.wisc.edu/2019/03/27/whats-wrong-with-miss-saigon/ (accessed: 26.12.2024).

Reference list

1. Karavaeva E. M. Reprezentacija amerikanskih cennostej v rasskaze Jemi Tan «Byvajut tol'ko takie» = Representation of American values in Amy Tan's short story «There are only these kinds» // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2010. №42(57). S. 136–140

2. Krasnova O. N., Grebneva M. P. Kljuchevoe slovo «serdce» v strukture povesti N. M. Karamzina «Bednaja Liza»: tekstovye svjazi s glubinnymi storonami individual'nogo mira povestvovatelja = The key word «heart» in the structure of N. M. Karamzin's story «Poor Liza»: textual links with the deep sides of the narrator's individual world // Filologija i chelovek. 2018. № 4.

3. Li S. Ju. Transformacija obraza zhenshhiny v juzhnokorejskoj literature (konec 1990-h – 2000-e gg.) = The transformation of the female image in South Korean literature (late 1990s-2000s) // Problemy literatur Dal'nego Vostoka. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 24-28 avgusta 2018 g. T. 2. Sankt-Peterburg : NP-Print, 2018. S. 202–210

4. Malahevich D. E. Obraz zhenshhiny v kitajskoj lirike perioda Shesti dinastij = The female image in Chinese poetry of the Six Dynasties period // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2022. T. 27. № 1. S. 86–93.

5. Molodyh V. I., Leont'eva T. I. Transformacija zhenskogo obraza v sovremennoj kitajskoj hudozhestvennoj literature = Female image transformation in contemporary Chinese fiction // Territorija novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i servisa. 2019. T. 11. № 3. S. 207–219.

6. Pridorogina E. A. Demistifikacija «mifa o zhenshhine» v rannih p'esah Jel'fridy Elinek = Demystification of the «myth of woman» in Elfriede Jelinek's early plays // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 3. S. 77–80.

7. Stavropol'skij Ju. V. Metodologicheskij analiz ponjatij feminnosti i aziatskoj prinadlezhnosti v diskurse sociologii rasy (na primere Japonii) = Methodological analysis of the femininity concept and Asian identity in the discourse of racial sociology (the case of Japan) // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2015. № 7. Ch. 5. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/07/53742 (data obrashhenija: 26.12.2024).

8. Belasco D. Madame Butterfly: A Tragedy of Japan . Columbia University. URL: www.columbia.edu/itc/music/NYCO/butterfly/images/belasco_sm.pdf (accessed: 26.06.2024)

9. Choi P. This is Not a True Story. 2019.

10. Finn W. The 25th Annual Putnam County Spelling Bee. 2004

11. Houston Velina Hasu. Tea. Dramatists Play Service, Inc, 2007.

12. Kumiko, the Treasure Hunter. IMDb.com, 20 Feb. 2015, URL: www.imdb.com/title/tt3263614/ (accessed: 26.12.2024).

13. Kim E. Asian American Literature: An Introduction to the Writings and Their Social Context. Philadelphia : Temple University Press. 1982.

14. Long J. L. Madame Butterfly, Purple Eyes, Etc. MSS Information Corp., 1972.

Mukkamala, Shruti, and Karen L. Suyemoto. «From Exotic to Invisible: Asian AmericanWomens' Experiences of Discrimination». American Psychological Association, American Psychological Association, 26 July 2018, URL: www.apa.org/pubs/highlights/spotlight/issue-119 (accessed: 26.06.2024)

15. Nguyen C. Asian American Women Faculty: Stereotypes and Triumphs. In BettyTaylor (Ed.), Listening to the Voices: Multi- ethnic Women in Education. SanFrancisco, CA : University of San Francisco, 2016. R. 129–136.

16. Pippin L. M. The Sound of Prejudice : a Look at Rodgers and Hammerstein's Asian Musicals and Racial Stereotypes. 2000. R. 1–58.

17. Tan A. The Joy Luck Club. Salem Press, 2010.

18. Tran D. «From Orientalism to Authenticity: Broadway's Yellow Fever». AMERICAN THEATRE, 27 Oct. 2015. URL: www.americantheatre.org/2015/10/27/from-orientalism-to-authenticity-broadways-yellow-fever/ (accessed: 26.12.2024).

19. Tran D. «I Am Miss Saigon, and I Hate It». AMERICAN THEATRE, 13 Apr. 2017. URL: www.americantheatre.org/2017/04/13/i-am-miss-saigon-and-i-hate-it/. (accessed: 26.06.2024).

20. Wong C., Sau-ling, Santa Ana, Jeffrey J. Gender and Sexuality in Asian American Literature. Chicago Journal, V. 25, N. 11 (Autumn, 1999). R. 171–226.

21. Yu T. «What's Wrong with Miss Saigon?» Asian American Studies, 27 Mar. 2019. URL: asianamerican.wisc.edu/2019/03/27/whats-wrong-with-miss-saigon/ (accessed: 26.12.2024).

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.
The article was submitted on 25.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 31,5 п. л., 27,49 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 21. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 06.05.2025

Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69